

ISSN: 2542-212X



Электронный журнал

# «Кавказология»

Caucasology

I

2024

Электронный журнал

# «Кавказология»

Caucasology

№ 1 / 2024

**DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1**

*Свидетельство о  
регистрации*

Эл № ФС77-59844  
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

*Периодичность*

4 раза в год

*Учредитель/Издатель*

Федеральное государственное  
бюджетное образовательное  
учреждение высшего образования  
«Кабардино-Балкарский государ-  
ственный университет  
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

[caucasology.kbsu@gmail.com](mailto:caucasology.kbsu@gmail.com)

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-  
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

## Редакционный совет

**Альтудов Юрий Камбулатович**, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

**Барахоева Нина Мустафаевна**, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

**Берсиров Батырбий Махмудович**, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

**Горбунов Александр Павлович**, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

**Грусман Владимир Моисеевич**, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

**Гапуров Шахрудин Айдиевич**, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

**Дердугьян Георгий Матвеевич**, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

**Дмитриев Владимир Александрович**, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

**Дюмон Жерар Франсуа**, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

**Ивахненко Евгений Николаевич**, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

**Ильин Владимир Иванович**, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

**Карамурзов Барасби Сулейманович**, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

**Левитская Алина Афакоевна**, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

**Магомедов Магомед Ибрагимович**, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

**Мусукаев Александр Ибрагимович**, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

**Мюльфрид Флориан**, доктор наук, Йена, Германия.

**Рябов Андрей Виленович**, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

**Томеллари Витторио Спрингфилд**, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

**Узденов Таусолтан Аубекирович**, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

## Editorial Council

**Altudov Yuri Kambulatovich**, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

**Nina Mustafaevna Barakhoeva**, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

**Bersirov Batyrbiy Mahmudovich**, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

**Gorbunov Alexandr Pavlovich**, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

**Grusman Vladimir Moiseevich**, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

**Gapurov Shahrudin Aidievich**, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia.

**Derluguian Georgi**, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

**Dmitriev Vladimir Alexandrovich**, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

**Dumont Gerard Francois**, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

**Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich**, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

**Ilyin Vladimir Ivanovich**, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

**Karamurzov Barasbi Suleymanovich**, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

**Levitskaja Alina Afakoevna**, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

**Magomedov Magomed Ibragimovich**, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

**Musukaev Alexander Ibragimovich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

**Mühlfried Florian**, PhD, Jena, Germany.

**Ryabov Andrey Vilenovich**, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

**Tomellery Vittorio Springfield**, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

**Uzdenov Tausoltan Aubekirovich**, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор  
**Абазов Алексей Хасанович**  
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора  
**Кажаров Артур Гусманович**  
доктор исторических наук

Ответственный секретарь, редактор текстов на английском языке  
**Ашхотова Алина Пшимурзовна**

Редакционная коллегия:

**Алкиева Светлана Исмаиловна** – доктор исторических наук;  
**Албогачиева Макка Султан-Гиреевна** – доктор исторических наук;  
**Аликаев Рашид Султанович** – доктор филологических наук, профессор;  
**Аствацатурова Майя Арташесовна** – доктор политических наук, профессор;  
**Баразбиев Муслим Исмаилович** – кандидат исторических наук;  
**Бауаев Казим Каллетович** – доктор филологических наук, доцент;  
**Башиева Светлана Конакбиевна** – доктор филологических наук, профессор;  
**Берберов Бурхан Абуюсуфович** – доктор филологических наук;  
**Бижева Зара Хаджимуратовна** – доктор филологических наук, профессор;  
**Бижоев Борис Чамалович** – доктор филологических наук;  
**Бозиева Наима Борисовна** – кандидат филологических наук;  
**Боров Аслан Хажисмелович** – кандидат исторических наук, доцент;  
**Борова Асият Руслановна** – доктор филологических наук;  
**Бухуров Мухамед Фуадович** – кандидат филологических наук;  
**Геграев Хаким Камильевич** – кандидат исторических наук;  
**Гутов Адам Мухамедович** – доктор филологических наук, профессор;  
**Дзамихов Касболат Фицевич** – доктор исторических наук, профессор;  
**Канукова Залина Владимировна** – доктор исторических наук, профессор;  
**Кетенчиев Мусса Бахаутдинович** – доктор филологических наук;  
**Кудаева Зинаида Жантемировна** – доктор филологических наук, доцент;  
**Кузьминов Петр Абрамович** – доктор исторических наук, профессор;  
**Кучукова Зухра Ахметовна** – доктор филологических наук, профессор;  
**Кушхабиев Анзор Викторович** – доктор исторических наук;  
**Лобанов Владимир Борисович** – кандидат исторических наук;  
**Мамсиров Хамитби Борисович** – доктор исторических наук, профессор;  
**Муратова Елена Георгиевна** – доктор исторических наук, профессор;  
**Нальчикова Елена Аниуаровна** – кандидат исторических наук, доцент;  
**Прасолов Дмитрий Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент;  
**Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич** – доктор исторических наук, профессор;  
**Сокаева Диана Вайнерова** – доктор филологических наук;  
**Тамазов Муслим Султанович** – кандидат исторических наук;  
**Текуева Мадина Анатольевна** – доктор исторических наук, доцент;  
**Тимижев Хамиша Тарканович** – доктор филологических наук, профессор;  
**Тумов Аскер Асланбекович** – кандидат исторических наук;  
**Узденова Фатима Таулановна** – доктор филологических наук;  
**Улаков Махти Зейтунович** – доктор филологических наук, профессор;  
**Хавжокова Людмила Борисовна** – кандидат филологических наук;  
**Хараева Лариса Ханбиевна** – доктор филологических наук, профессор.

Editor-in-Chief

**Abazov Alexey Khasanovich**

doctor of science (history)

Deputy Editor-in-Chief

**Kazharov Artur Gusmanovich**

doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary, English text editor

**Ashkhotova Alina Pshimurzovna**

Editorial board:

**Akkieva Svetlana Ismailovna** – doctor of science (history);

**Albogachieva Makka Sultan-Gireevna** – doctor of science (history);

**Alikaev Rashid Sultanovich** – doctor of science (philology), professor;

**Astvatsaturova Maya Artashesovna** – doctor of science (political science), professor;

**Barazbiev Muslim Ismailovich** – candidate of sciences (history);

**Bauaev Kazim Kalletovich** – doctor of science (philology), associate professor;

**Bashieva Svetlana Konakbievna** – doctor of science (philology), professor;

**Berberov Burkhan Abuyusufovich** – doctor of science (philology);

**Bizheva Zara Khadzhimuratovna** – doctor of science (philology), professor;

**Bizhoev Boris Chamalovich** – doctor of science (philology);

**Bozieva Naima Borisovna** – candidate of sciences (philology);

**Borov Aslan Khazhismelovich** – candidate of sciences (history), associate professor;

**Borova Asiyat Ruslanovna** – doctor of science (philology);

**Bukhurov Muhamed Fuadovich** – candidate of sciences (philology);

**Gegraev Hakim Kamilevich** – candidate of sciences (history);

**Gutov Adam Mukhamedovich** – doctor of science (philology), professor;

**Dzamikhov Kasbolat Fitzevich** – doctor of science (history), professor;

**Kanukova Zalina Vladimirovna** – doctor of science (history), professor;

**Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich** – doctor of science (philology);

**Kudaeva Zinaida Zhantemirovna** – doctor of science (philology), associate professor;

**Kuzminov Petr Abramovich** – doctor of science (history), professor;

**Kuchukova Zukhra Akhmetovna** – doctor of science (philology), professor;

**Kushkhabiev Anzor Viktorovich** – doctor of science (history);

**Lobanov Vladimir Borisovich** – candidate of sciences (history);

**Mamsirov Khamitbi Borisovich** – doctor of science (history), professor;

**Muratova Elena Georgievna** – doctor of science (history), professor;

**Nalchikova Elena Aniuarovna** – candidate of sciences (history), associate professor;

**Prasolov Dmitry Nikolaevich** – candidate of sciences (history), associate professor;

**Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich** – doctor of science (history), professor;

**Sokaeva Diana Vainerova** – doctor of science (philology);

**Tamazov Muslim Sultanovich** – candidate of sciences (history);

**Tekueva Madina Anatolyevna** – doctor of science (history), associate professor;

**Timizhev Khamisha Tarkanovich** – doctor of science (philology), professor;

**Tumov Asker Aslanbekovich** – candidate of sciences (history);

**Uzdenova Fatima Taulanovna** – doctor of science (philology);

**Ulakov Makhti Zeitunovich** – doctor of science (philology), professor;

**Khavzhokova Lyudmila Borisovna** – candidate of sciences (philology);

**Kharaeva Larisa Khanbievna** – doctor of science (philology), professor.

**СОДЕРЖАНИЕ*****ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*****Средневековая и новая история****Чочиев Г.В.**

Северокавказцы в Османской империи до эпохи мухаджирства:  
формы проникновения и особенности интеграции/элитизации **14-37**

**Чапанов А.К.**

Чеченцы и ингуши в Османской империи во второй половине XIX в.:  
процессы эмиграции и реэмиграции **38-51**

**Анищенко Е.А.**

Организация общественного питания на мероприятиях  
по случаю празднования совершеннолетия наследника  
Николая Александровича 6 мая 1884 года в Нальчикском округе **52-70**

**Хагажеев М.А.**

Особенности нововведений в правоприменительной деятельности  
горских словесных судов Терской области в 90-е годы XIX века **71-82**

**Новейшая история****Сулаберидзе Ю.С.**

Архивная деятельность Михаила Александровича Полиевктова  
в Грузии в 1920-1930 гг. **83-96**

**Узнародов Д.И.**

Азербайджанское население Грузии в 1989-2014 гг.:  
демографический и язык овой аспекты **97-108**

**Тетуев А.И.**

Опыт реализации нормативно-правовых актов в сфере социального  
обеспечения населения Кабардино-Балкарии (2005–2021 гг.) **109-121**

**Кушхабиев А.В.**

Этнокультурные ценности народов Кабардино-Балкарии как элемент  
мягкой силы в международных связях Российской Федерации  
(на примере деятельности Международной черкесской ассоциации  
по популяризации адыгской этнической культуры) **122-138**



**Этнология, антропология и этнография****Байчекуева А.Ж.**

Институты соционормативной культуры балкарцев в деятельности судебных учреждений Нальчикского округа в последней трети XIX века: проблемы регулирования имущественных отношений **139-148**

**Загазежев Т.Р.**

Сакрализация надмогильных сооружений у адыгов **149-159**

**Историография, источниковедение, методы исторического исследования****Кузьминов П.А., Шериева А.М.**

Романовы на Кавказе  
в отражении письменных источников XIX – начала XX вв. **160-183**

**ФИЛОЛОГИЯ****Литература народов Российской Федерации  
(литература народов Северного Кавказа)****Биттирланы Шамшудинни Къ.Т.**

Будайланы Хусейни чыгъармачылыгъы малкъар адабиятны XX-чы ёмюрню биринчи отуз жылында айныу жолунда жери **184-194**

**Кажарова И.А.**

Забытое имя: Лостанби Гуружевич Афашагов **195-214**

**Суюнова Н.Х.**

Образ детства в сознании автобиографического героя повести И. Капаева «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство») **215-226**

**Тымыжь Хь.Т., Бозий Н.Б.**

Иджырей щалэгъуалэр зыгъэплейтей Іуэхугъуэхэр художественнэ ІэмалхэмкІэ тхакІуэ Мыз А. зэрызэфІихыр **227-243**

**Языки народов Российской Федерации  
(языки народов Северного Кавказа)****Абазова М.М., Хутежев З.Г.**

Фонетические изоглоссы в речи черкесских репатриантов в Кабардино-Балкарской Республике **244-252**

**Афаунова А.А.**

Сходства и различия в образовании и использовании междоментных фразеологических единиц русского и кабардино-черкесского языков **253-266**

**Ахматова М.А., Улаков М.З., Хуболов С.М.**

Языковые особенности песни «Каншаубий», или «Плач княгини Гошayah» **267-282**

**Жылэтеж Хь.Ч.**

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм жылагъуэ-политикэ лексикэр къыхэгъэкIыным ехьэлIа Iуэхугъуэ зэхэмыбзхэр **283-293**

**Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М.**

Структурно-семантические и этнокультурные особенности карачаево-балкарских паремических высказываний с зоокомпонентом ит 'собака' **294-306**

**Мусуков Б.А., Эркенова Ф.П.**

Формально-семантическая парадигма слова баш/бош 'голова', 'начало' в тюркских языках **307-316**

**Токмакова М.Х., Бижоев Б.Ч.**

Ирония в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка **317-333**

**Теоретическая, прикладная  
и сравнительно-сопоставительная лингвистика**

**Аликаев Р.С., Унатлоков В.Х.**

Лингвофилософская концепция В.И. Абаева и осетино-кабардино-балкарские идеосемантические параллели **334-352**

**Башиева С.К., Шогенова М.Ч.**

Этнокультурные характеристики языковой личности тамады в застольной коммуникации **353-363**

**ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ**

**Овсянников Д.В.**

Рецензия на сборник документов «Шейх Мансур в материалах кизлярского и моздокского комендантских архивов: сборник документов / выявление, археографич. обработка, предисл., вступ. ст., коммент., указатели С.Б. Манышева. – М.: Издательство «Кучково поле»: ИКС-ИСТОРИ, 2022. – 464 с.» **364-370**

**CONTENTS*****HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY*****Medieval and modern history****Chochiev G.V.**

North Caucasians in the Ottoman Empire before the era of muhajirism:  
forms of penetration and features of integration/elitization **14-37**

**Chapanov A.K.**

The Chechens and the Ingush in the Ottoman empire in the second half  
of the 19th century: the processes of emigration and re-emigration **38-51**

**Anishchenko E.A.**

Organization of public catering at events on the occasion  
of the celebration of the coming of age of heir Nikolai Alexandrovich  
on May 6, 1884 in the Nalchik district **52-70**

**Khagazheev M.A.**

Features of the innovations in the law enforcement activities  
of the Gorsky verbal courts of the Terek region in the 90s of the XIX century **71-82**

**Contemporary history****Sulaberidze Y.S.**

The archive activities of the Mikhail Alexandrovich Polievktov  
in 1920-1930-s. **83-96**

**Uznarodov D.I.**

Azerbaijani population of Georgia in 1989-2014:  
demographic and linguistic aspects **97-108**

**Tetuev A.I.**

Experience in the implementation of normative legal acts in the field  
of social security of the population of Kabardino-Balkaria (2005-2021) **109-121**

**Kushkhabiev A.V.**

Ethnocultural values of the peoples of Kabardino-Balkaria as an element  
of soft power in international relations of the Russian Federation  
(based on the example of the activities of the International Circassian  
association for the popularization of Circassian ethnic culture) **122-138**

**Ethnology, Anthropology and Ethnography****Baichekueva A.Zh.**

Institutions of socionormative culture of the Balkars in the activities of judicial institutions of the Nalchik district in the last third of the XIX century: problems of regulation of property relations **139-148**

**Zagazezhev T.R.**

Sacralisation of the Adygs grave structures **149-159**

**Historiography, source studies, methods of historical research****Kuzminov P.A., Sherieva A.M.**

The Romanovs in the Caucasus through the lens of written sources of the 19th to the early 20th centuries **160-183**

***PHILOLOGY*****Literature of the peoples of the Russian Federation  
(literature of the peoples of the North Caucasus)****Bittirova T.Sh.**

The work of Husey Budaev in the context of the development of balkar literature in the first third of the twentieth century **184-194**

**Kazharova I.A.**

Forgotten name: Lostonbi Guruzhevich Afashagov **195-214**

**Suyunova N.H.**

The image of childhood of the consciousness of the autobiographical hero of the story “Kurzbyn” (“Kurzbyn, where the childhood is hidden”) by I. Kapaev **215-226**

**Timizhev Kh.T., Bozieva N.B.**

An artistic solution to the problem of modern youth in the prose of A. Mizov **227-243**

**Languages of the peoples of the Russian Federation  
(languages of the peoples of the North Caucasus)****Abazova M.M., Khutezhev Z.G.**

Phonetic isoglosses in the speech of Circassian repatriates in the Kabardino-Balkarian Republic **244-252**

**Afaunova A.A.**

Similarities and differences in the formation and use of interjective phraseological units Russian and Kabardian-Cherkassian languages

253-266

**Akhmatova M.A., Ulakov M.Z., Khubolov S.M.**

Language features of the song "Kanshaubiy," or "Crying of princess Goshayah"

267-282

**Zhiletezhev Kh.Ch.**

The problem of defining the concept of "socio-political vocabulary of the Kabardino-Circassian language"

283-293

**Ketenchiev M.B., Appoev A.K., Miziev A.M.**

Structural-semantic and ethnocultural features of karachay-balkarian paremic statements with the zoo component it "dog"

294-306

**Musukov B.A., Erkenova F.P.**

Formal-semantic paradigm of the word bash/bosh 'head', 'beginning' in turkic languages

307-316

**Tokmakova M.H., Bizhiev B.Ch.**

Irony in the emotive vocabulary of the Kabardian-Circassian language

317-333

### Theoretical, applied and comparative linguistics

**Alikaev R.S., Unatlov V.Kh.**

V.I. Abaev's linguophilosophical concept and ossetian-kabardino-balkarian ideosemantic parallels

334-352

**Bashieva S.K., Shogenova M.Ch.**

Ethnocultural characteristics of the toastmaster's linguistic personality in table communication

353-363

### ESSAYS, NOTES, REVIEWS

**Ovsjannikov D.V.**

Review of the collection of documents «Sheikh Mansour in the materials of the Kizlyar and Mozdok commandant archives: a collection of documents / identification, archeographic. processing, preface, introductory article, comment., indexes by S.B. Manyshev. – M.: Publishing house "Kuchkovo field": X-HISTORY, 2022. – 464 p.»

364-370

**ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ****Средневековая и новая история**

Научная статья

УДК 94(560)+94(47)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-14-37

EDN: BVPNNR

**СЕВЕРОКАВКАЗЦЫ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ДО ЭПОХИ  
МУХАДЖИРСТВА: ФОРМЫ ПРОНИКНОВЕНИЯ  
И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ/ЭЛИТИЗАЦИИ****Георгий Витальевич Чочиев**

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН, Владикавказ, Россия, [georg-choch@yandex.ru](mailto:georg-choch@yandex.ru),  
<https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

**Аннотация.** В статье на материале как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот турецких источников и современной, главным образом зарубежной, историографии рассмотрены пути и каналы раннего (домухаджирского) проникновения этнических северокавказцев в Османскую империю и особенности их интеграции в местное общество. Особое внимание уделено выяснению факторов и механизмов формирования, воспроизводства и функционирования кавказских (черкесских, абхазских, западногрузинских, дагестанских) элитных групп и прослоек рабского и нерабского происхождения и их места в структуре государственной власти и общественной жизни Османской империи в классический и постклассический периоды ее истории. Предпринята попытка оценки характера этнонациональной идентичности представителей данного сообщества, проявлявшего известную устойчивость к ассимиляционным процессам и способность к длительному сохранению некоторых черт своего оригинального культурного профиля. Сделан вывод о несущественности роли стамбульских «черкесских» элит в выработке и осуществлении кавказской политики Порты, равно как и в инициировании массового исхода горцев с Кавказа в Османскую империю в середине XIX в.

**Ключевые слова:** Османская империя, Кавказ, черкесы, абхазы, рабство, интеграция, элиты.

**Для цитирования:** Чочиев Г.В. Северокавказцы в Османской империи до эпохи мухаджирства: формы проникновения и особенности интеграции/элитизации // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 14-37. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-14-37. EDN: BVPNNR.

---

© Чочиев Г.В., 2024

Original article

**NORTH CAUCASIANS IN THE OTTOMAN EMPIRE BEFORE  
THE ERA OF MUHAJIRISM: FORMS OF PENETRATION  
AND FEATURES OF INTEGRATION/ELITIZATION**

**Georgy V. Chochiev**

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia, [georg-choch@yandex.ru](mailto:georg-choch@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

**Abstract.** The article is based on both published and unpublished Turkish sources and modern, mainly foreign, historiography, examines the ways and channels of the early (pre-muhajir) penetration of ethnic North Caucasians into the Ottoman Empire and the features of their integration into local society. Particular attention is paid to elucidating the factors and mechanisms of the formation, reproduction and functioning of the Caucasian (Circassian, Abkhaz, West Georgian, Dagestani) elite groups and strata of slave and non-slave origin and their place in the structure of state power and social life of the Ottoman Empire in the classical and postclassical periods of its history. An attempt was made to examine the nature of this community's ethnonational identity, which demonstrated a certain resistance to assimilation as well as the potential to maintain some aspects of its original cultural profile for an extended period of time. The involvement of Istanbul's "Circassian" elites in developing and implementing the Porte's Caucasian policy, as well as launching the enormous exodus of highlanders from the Caucasus to the Ottoman Empire in the mid-19th century, appears insignificant.

**Keywords:** Ottoman Empire, Caucasus, Circassians, Abkhazians, slavery, integration, elites.

**For citation:** Chochiev G.V. North Caucasians in the Ottoman Empire before the era of muhajirism: forms of penetration and features of integration/elitization. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 14-37. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-14-37. EDN: BVPNNR.

---

© Chochiev G.V., 2024

Возникновение северокавказского рассеяния на османском имперском пространстве имело место главным образом во второй половине XIX и начале XX в. как результат массового вынужденного переселения представителей коренных народов региона на подконтрольную Порте территорию, известного как мухаджирство. Однако задолго до этого и по совершенно иным причинам в османских пределах уже присутствовал численно ограниченный, но глубоко интегрированный в различные, в т.ч. весьма специфические страты местного общества северокавказский этнический элемент. Ниже мы попытаемся на основе турецких и других нарративных и документальных источников и исторической литературы рассмотреть основные пути и формы домухаджирского проникновения жителей Северного и особенно Западного Кавказа в султанские владения, выявить специфику функционирования состоявшихся преимущественно из кавказцев групп османской государственной элиты, прояснить характер этнической идентичности членов данного сообщества и, в заключение, оценить возможную роль этих ранних инфильтраций в инициировании процесса масштабного перемещения населения с Северного Кавказа на Ближний Восток на заключительном этапе Кавказской войны. Названная проблематика в отечественной историографии становилась предметом анализа в трудах Самира Хотко [Хотко 1993; Хотко 2002; Хотко 2017], Анзора Кушхабиева [Кушхабиев 2007], Валерия Сокурова [Сокуров 2017], Асланбека Мирзоева [Мирзоев 2021] и других исследователей. Некоторые ее аспекты, в первую очередь связанные с феноменами османского рабовладения и рабских элит, достаточно обстоятель-

но рассмотрены такими зарубежными авторами, как Метин Кунт [Kunt 1975a], Эхуд Толедано [Toledano 1998], Дроп Зеэви [Ze'evi 1996], Джейн Хэтэуэй [Hathaway 2018] и др. Тем не менее бесспорно, что более глубокая и детальная разработка вопроса способствовала бы лучшему пониманию характера османокавказских исторических взаимосвязей, включая не всегда ясно видимые, но немаловажные гуманитарные нити. В решение данной задачи призвана внести свой скромный вклад и настоящая статья<sup>1</sup>.

Не вызывает сомнений, что бóльшая часть выходцев с Северо-Западного Кавказа до середины XIX в. попадала в империю по хорошо известным еще в античные, византийские, халифатские и мамлюкские времена каналам черноморской работорговли, довольно рано освоенным османцами<sup>2</sup>. Так, протоколами шариатского суда города Бурса подтверждается наличие в этом важном промышленном центре уже в конце XV в. некоторого количества черкесских и других кавказских рабов обоего пола, причем часть невольников использовалась здесь же в шелкоткацком производстве или частных домохозяйствах, а часть перепродавалась в другие области страны и мамлюкский Египет [Sahillioğlu 1979-1980: 90-91, 95-96, 98; Хотко 2017: 212-213]. Согласно же описи имущества умершего в 1557 г. главного белого евнуха султанских покоев Джафер-аги, в его собственности на момент смерти находилось 156 рабов мужского пола, подавляющее большинство из которых являлись уроженцами балканских и венгерских провинций, но 32 происходили с Кавказа, в т.ч. 24 черкеса, 4 абхаза, 2 мегрела и 2 грузина, по роду занятости повара, хлебопеки, сапожники, чесальщики шерсти, цирюльники и т.п. [Kunt 1975b: 31-34] Писавший несколькими десятилетиями позже историк и поэт Гелиболулу Мустафа Али, характеризуя особенности невольников различной этнической принадлежности, отмечал, что черкесы и абхазы легко поддаются обучению, храбры и принадлежат, «как и хорваты», к «хорошей расе (*джинс*)», хотя «порой перечат своим благодетелям (т.е. хозяевам. – Г.Ч.)» [Gelibolulu 1978: 150].

Если первоначально большинство т.н. «белых» рабов в султанских владениях происходило с Балкан, то с середины XVI в., в условиях резкого сокращения возможностей захвата и порабощения людей в этом регионе из-за усилившегося там народного сопротивления при одновременном росте спроса на османском невольничьем рынке, на роль основного источника «живого товара» названного качества выдвинулось Северное и Восточное Причерноморье. По оценке Халиля Иналджика, в 1500-1650 гг. из Польши (включавшей и украин-

---

<sup>1</sup> За рамками статьи мы оставляем феномен состоявших в значительной мере из кавказцев рабов-воинов и рабов-правителей, известных как мамлюки, т.к. он всецело сформировался на арабском Востоке задолго до возникновения османского государства, а в османскую эпоху провинция Египет, где концентрировались остатки этого сословия, находилась по большей части в номинальном или ограниченном подчинении у Стамбула.

<sup>2</sup> С османской точки зрения данные поставки являлись совершенно правомерными, поскольку, несмотря на номинальный сюзеренитет Стамбула над Черкесией и соседними с ней областями (с 1474 по 1774 г. опосредованный через Крымское ханство, затем вплоть до 1829 г. прямой на более ограниченной территории), земли, лежавшие вне зон реального имперского контроля – Таманской казы в составе подчиненного Стамбулу Кафинского санджака (вилайета) и турецких крепостей на черноморском побережье, – вполне определенно квалифицировались в официальном османском обиходе как «пространство войны» (*дар уль-харб*), т.е. чуждая и враждебная в религиозно-культурном отношении страна, населенная дозволенными к обращению в рабство путем купли либо пленения неверными кяфирами [İnci 2019: 8-10; Чочиев 2023а: 6-7].



ские земли), Московского государства и Черкесии ежегодно в империю ввозилось, преимущественно через Крым<sup>1</sup>, в общей сложности не менее 10 тыс. рабов [Economic... 1997: 284-285]. При этом, хотя на первых порах доля северокавказцев в этой массе была сравнительно невелика, с течением времени она неуклонно возрастала. После же неудачной для Порты войны со Священной лигой 1683-1699 гг. и заключения Карловицкого (1699) и Константинопольского (1700) договоров<sup>2</sup> османцы, столкнувшись с серьезным падением притока славянских невольников, вынуждены были перейти в союзе с крымцами к «гиперэксплуатации» (по определению Наталии Круликовской-Едлиньской) Черкесии и соседних кавказских территорий как наиболее доступного поля добычи данного товара на севере [Królikowska-Jedlińska 2020: 356-357, 366] (параллельно никогда не прекращавшемуся ввозу «черных» рабов из Африки). По отношению к первой половине XIX в. расчетам Толедано, совокупный османский импорт невольников достигал 16-18 тыс. чел. в год, среди которых значительно преобладали африканцы, однако не менее 1-2 тыс. составляли северокавказцы [Toledano 1998: 8]. Последние после ликвидации Крымского ханства поставлялись в страну в основном непосредственно с кавказского побережья турецкими, черкесскими, абхазскими и прочими торговцами, скупавшими их у законных (по местным обычно-правовым нормам) владельцев, разного рода иноплеменных и соплеменных похитителей и нередко собственных родственников [Bilge 2012: 415-417; Дзидзария 2006: 155-157; Лапинский 1995: 106]<sup>3</sup>.

Весьма важным в данной связи является то обстоятельство, что на довольно ранней стадии началось вхождение части кавказских невольников в категорию элитных государевых рабов – *капыкулу* (букв. «раб врат, т.е. Порты»), – составлявшую становой хребет классической османской административной системы. Если в первые столетия османской истории этот класс военных и гражданских управленцев формировался главным образом из принудительно **набранных** в христианских селах Балкан и Западной Анатолии и прошедших соответствующую подготовку в дворцовых школах мальчиков и юношей (известных, как и сам данный порядок, под названием *девширме* «рекрутирование; рекрут»), то с рубежа XVI-XVII вв. и особенно с 1620-х гг. султанская власть, столкнувшись с критическими угрозами собственной стабильности со стороны превратившейся в своего рода «касту для себя» корпорации высших чиновников и офицеров указанного происхождения, стала все больше полагаться в качестве альтернативного кадрового ресурса на столь же юных **купленных** рабов

---

<sup>1</sup> Стремясь к восполнению дефицита рабов в государстве, Порта прямо или косвенно поощряла крымских ханов к совершению набегов в расположенные к юго-востоку от Тамани «кяфирские» черкесские земли. Только во второй четверти XVI в. татарами было предпринято три крупных невольничьих похода – в 1539, 1542 и 1544 гг., – в ходе второго из которых было угнано, если верить крымскому придворному хронисту Реммаль-ходже, 50 тыс. пленников из жанеевского племени [Ostapchuk 2012: 153-156]. Значительное число невольников попадало к крымцам также в качестве выплачиваемой им некоторыми черкесскими князьями дани, в результате купли-продажи и др.

<sup>2</sup> Упомянутые договоры впервые установили постоянную границу между Османской империей, с одной стороны, и Речью Посполитой и Московским царством, с другой, что резко ограничило возможности военно-набеговой активности османцев и татар в этих направлениях.

<sup>3</sup> Об обусловленности бытовавшей среди народов Восточного и Северного Причерноморья по крайней мере с XIII-XIV вв. практики продажи в рабство несовершеннолетних детей и родственников прежде всего материальной нуждой см. Balard 2022: 25. Ср. также прим. 1 на с. 29.

(обозначаемых терминами *гулям*, *мемлюк*, реже *кёле*) из неисламских, по крайней мере формально, областей Кавказа [Ze'evi 1996: 180-186]. Следующее столетие было отмечено достаточно острым, хотя и, как правило, скрытым, соперничеством между двумя этнорегиональными фракциями – «западной» (албано-сербо-греческой) и «восточной» (черкесо-абхазо-грузинской) – за влияние при столичном дворе и в провинциальных администрациях<sup>1</sup>, завершившимся в начале XVIII в., на фоне прогрессирующего упадка системы девширме, безоговорочным признанием кавказских капыкулу как органичного компонента османского военно-бюрократического истеблишмента [Kunt 1975a: 237-239; Hathaway 2018: 23, 30-31, 39].

Судя по многочисленным свидетельствам, в дальнейшем позиции кавказцев в высших эшелонах власти неуклонно укреплялись, даже несмотря на постепенное расширение доступа туда для подданных-мусульман (а позднее и не только их) нерабского статуса с самым различным этническим, социальным и образовательным бэкграундом. Согласно основанным на анализе османской просопографической литературы подсчетам, со второй половины XVI до последней четверти XIX в. титула паши были удостоены примерно 250 черкесов и абхазов, из которых 11 занимали (некоторые неоднократно) пост великого везира, 1 – *шейх-уль-ислама* (главного муфтия), 10-15 – второго везира, командующего флотом или члена *дивана* (государственного совета) и около сотни назначались на иные высокие военные, административные и дипломатические должности [Şoenu 1993: 37; Süreyya 1996: I-VI, passim; Danişmend 1972: V, 106-107, 168, 236]<sup>2</sup>. По всей видимости, в конце XVIII в. концентрация в имперской элите купленных кавказских рабов достигла наивысшего уровня. Из них происходили 5 из 12 великих везиров периода 1785-1808 гг. [Yapp 2013: 3; Süreyya 1996: II, 636, 638-639, III, 1560, V, 1698, 1701-1702], а также, по утверждению (возможно, несколько преувеличенному) долго служившего в османском флоте британского офицера Адольфуса Слейда, до 4/5 всех министров Махмуда II (1808-1839) [Slade 1833: 231].

Представители этой прослойки привилегированных рабов, характеризуемой другим хорошо знакомым со стамбульскими реалиями британским офицером и писателем Чарльзом Уайтом как «единственная аристократия» империи [White 1845: 307]<sup>3</sup>, нередко демонстрировали стремление и способность к самовоспроизводству за счет не только и не столько собственных отпрысков, «технически» не подходивших – как мусульмане и османцы по рождению – для по-

---

<sup>1</sup> Проявления этого внутриэлитного «восточно-западного» антагонизма можно усмотреть в событиях, связанных с двумя крупными мятежами – во главе с губернатором Эрзурумского эялета Абазой Мехмед-пашой и губернатором Халебского эялета Абазой Хасан-пашой, – сотрясшими Анатолию, соответственно, в 1623 и 1658-1659 гг. Оба выступления были направлены, по существу, против балканских девширме в высшем стамбульском руководстве (в первом случае также и в янычарском корпусе) и поддержаны видными провинциальными функционерами, происходившими, как и лидеры мятежников, из кавказских гулямов [Hathaway 2018: 30-31].

<sup>2</sup> Имена и должности некоторых представителей этой элитной этносоциальной группы см. в Мирзоев 2021: 49-50 и Сокуров 2017: 171.

<sup>3</sup> По словам этого же автора, рабы «считают себя выше [свободных служащих] в придворной иерархии и являются постоянными объектами зависти» [White 1845: 309].

вторения карьерного пути своих отцов<sup>1</sup>, сколько приобретаемых и фактически приравняемых к членам семьи новых невольников-кавказцев, что привело к появлению феномена больших «рабских домохозяйств». Ярким примером создателя и главы такого обширного «семейства» может служить абхаз Коджа Мехмед Хюсрев-паша (1756?-1855), который ребенком, будучи гулямом командира султанских арбалетчиков, был зачислен во дворцовую школу (*Мектеб-и эндерун*) и впоследствии стал одним из влиятельнейших государственных и военных деятелей страны. На протяжении своей долгой жизни он покупал, обучал под руководством лучших учителей в своем поместье и продвигал на государственную службу выходцев с Кавказа, умело укрепляя с помощью этой созданной им сети сторонников свои политические позиции. Всего Мехмедом Хюсревом было воспитано таким образом не менее 50 «слуг Порты», из которых около 30 стали пашами, включая 2 великих везиров, 1 *сераскера* (военного министра), 4 министров, 1 *мюшира* (маршала) и целый ряд генералов и придворных сановников [Süreyya 1996: II, 682-683; Toledano 1998: 26]. При этом несколько из них были женаты на монарших дочерях, что никогда не рассматривалось как мезальянс в османской династии<sup>2</sup>.

Несмотря на деградацию османского военно-административного рабства под воздействием вестернизаторских реформ конца XVIII – XIX в., купленные кавказские рабы и квазирабы сохраняли контроль над многими важными позициями в структуре государственной власти вплоть до начала XX в.

Некоторые высокопоставленные военачальники и администраторы кавказского происхождения практиковали набор своего рода личных гвардий из соотечественников невольничьего статуса. Так, по свидетельству Эвлии Челеби, принадлежавший к абхазским (садзским) капыкулу Мелек Ахмед-паша (1588?-1662) на начальном этапе своей карьеры владел отрядом из «семисот купленных рабов-мемлюков, которые были сплошь черкесские, абхазские и грузинские гулямы» [Evlîyâ 1998-2007: VI, 83]<sup>3</sup>. Этот или аналогичный контингент преданных своему патрону телохранителей и воинов состоял при паше на протяжении всей его последующей службы, включавшей в себя губернаторство в ряде провинций и великий везират [Evlîyâ 1998-2007: III, 159, 292, 295, V, 250]. Составленную из земляков-рабов охрану имел в своем распоряжении, видимо,

---

<sup>1</sup> Данное формальное препятствие во многих случаях успешно обходилось посредством симулирования акта порабощения, например, под видом следования архаическому кавказскому обычаю атальчества. По сообщению Эвлии Челеби, среди высокопоставленных абхазских капыкулу в Стамбуле была распространена «странная» традиция отправлять своих новорожденных детей, «не успевших выпить и капли молока своих матерей» (в другом месте – достигших возраста 1-2 и даже 3 лет), вместе с нанятыми кормилицами в Абхазию, «страну неверных», где они в течение 10-15 лет жили в приемных семьях, а по возвращении могли быть – как вновь добытые вне исламского мира невольники – преподнесены, в т.ч. своими же родителями, в «дар» султану или его сановникам с расчетом на облегченное вхождение ребенка в систему придворного образования и государственной службы [Evlîyâ 1998-2007: I, 457; Intimate... 1991: 49, 272-273].

<sup>2</sup> Только в XVII в. султанскими зятями были по меньшей мере 7 пашей черкесского и абхазского рабского происхождения: Мелек Ахмед-паша, Мирахур Ахмед-паша, Ибшир Мустафа-паша, Тырнакчи Ибрахим-паша, Кючук Осман-паша, Сиявуш-паша, Сиявушоглу Хюсейин-паша [Süreyya 1996: I, 216, III, 714, 779-780, 790-791, IV, 1081, 1307, V, 1517-1518].

<sup>3</sup> При этом Мелек Ахмед избегал военных рабов иного происхождения, в частности «руссов» (т.е. выходцев из славянских земель Северного Причерноморья), считая их «безродными и невоспитанными», и в случае получения в дар гуляма-некавказца уступал его кому-либо из своих подчиненных [Evlîyâ 1998-2007: VI, 83].

и родственник Мелека Ахмеда – Ибшир Мустафа-паша [Evlüyâ 1998-2007: III, 286-287]. При этом Порта в данный период явно попустительствовала созданию таких формирований, поскольку они обычно с готовностью и небезуспешно использовались их хозяевами (как и наемные воинские кадры того же этнорегионального происхождения, о чем ниже) для усиления хронически недоукомплектованных провинциальных гарнизонов [Intimate... 1991: 33].

Женской параллелью института капыкулу выступало гаремное невольничество, составлявшее главный оплот частной жизни членов царствующего дома и иных сановных особ. Девочки и девушки рабского статуса (*джарие*) доставлялись в Стамбул и другие крупные османские города и готовились через специальную систему воспитания и обучения к ролям – в зависимости от их внешности и способностей – либо жен и фавориток представителей имперской элиты, либо хозяйственных работниц и служанок различной квалификации. Предположительно с конца XVI в. в этом ввозном потоке стала стремительно увеличиваться доля черкешенок, абхазок и грузинок, а не позднее рубежа XVII-XVIII вв. женщины этих национальностей уже составляли большинство обитательниц султанского и ориентированных на него в своих вкусах и предпочтениях других крупнейших гаремов [Kunt 1975a: 238; Uluçay 1992: 11-13]. Достоверно известно, в частности, что из западнокавказских джарие происходили матери всех султанов, начиная с Селима III (1789-1807)<sup>1</sup>, и почти все их жены и фаворитки [Açba 2007: passim; Açba 2010: 89]. Разумеется, дворцовые воспитанницы являлись естественными брачными партнершами и для своих высокопоставленных соотечественников рабского и нерабского звания. В этой связи уместно заметить, что гендерное соотношение в среде османских невольников, в котором до XVIII в. наблюдался перевес мужчин<sup>2</sup>, с течением времени все больше смещалось в пользу женщин, доля которых к XIX в. стала преобладающей [Kanbolat, Taumaz 1990: 39; Toledano 1998: 6-7, 13].

При этом не позднее 1830-х гг. (а, скорее всего, гораздо раньше) в элитные гаремы, прежде всего монарший, стали приниматься, наряду с купленными рабынями, и девушки из аристократических кавказских родов<sup>3</sup>, направлявшиеся туда собственными семьями по политическим и экономическим расчетам, но обычно с симулированием акта дарения/порабощения<sup>4</sup>. В случае перехода впо-

<sup>1</sup> Мать Селима III была грузинкой. Относительно матерей его преемников Мустафы IV (1807-1808), Махмуда II и Абдулмеджида I (1839-1861) предполагается грузинское или черкесское происхождение. Матери всех последующих султанов – Абдулазиза (1861-1876), Мурада V (1876), Абдулхамида II (1876-1909), Мехмеда V (1909-1918), Мехмеда VI (1918-1922) и халифа Абдулмеджида II (1922-1924) были черкешенками [Sakaoglu 2015: passim].

<sup>2</sup> Исследования протоколов шариатских судов нескольких анатолийских провинций и городов XVII-XVIII вв. демонстрируют почти двукратное превосходство упомянутых в них мужчин-невольников над женщинами-невольницами [Sak 1994: 388; Vilgenoglu 2021: 3150]. Несомненно, однако, что в Стамбуле и других крупных городах доля женщин была несколько выше.

<sup>3</sup> В 1837 г. дочь адыгского князя Мансура Темруко и грузинской (сванской) княжны Дадешкелиани была по инициативе жены Махмуда II грузинки Безмиалем-кадынэфенди привезена в Стамбул и выдана замуж за ее сына – наследного принца Абдулмеджида, получив во дворце имя Серветсеца [Açba 2007: 22; Sakaoglu 2015: 574].

<sup>4</sup> Ранее иммигрировавший в Османскую империю и проживавший в Батуме абхазский князь Махмуд Дзиапшипа предположительно в начале 1840-х гг. отдал двух (по другим данным, трех) своих малолетних дочерей в услужение и на воспитание главной жене Абдулмеджида I Серветсеца-кадынэфенди. Когда же в 1856 г. наследный принц Абдулазиз изъявил желание взять в жены одну из сестер – Дюрринева, Серветсеца

следствии такой девушки в разряд султанских супругов (*кадынэфенди* или *ик-баль*) перед ее родственниками, как правило, открывалась возможность переселения на османскую территорию, получения от государства земли, устройства на придворную, военную или административную службу, учебу и т.д.<sup>1</sup> Ко второй половине XIX в. женщины знатного происхождения составляли, похоже, уже большинство в османском гареме [Аçба 2010: 89].

Важно также подчеркнуть, что, несмотря на высокую степень представленности, а порой и доминирование в высших бюрократических структурах и придворном окружении имевших, во всяком случае формально, рабские корни кавказцев обоего пола, неотъемлемой чертой их групповой идентичности выступала безусловная лояльность не просто государству-империи, но личности султана-халифа как их верховного, а нередко и непосредственного господина, что, как справедливо отмечено Хотко, положительно повлияло на стабильность власти и внутрдинастический мир в заключительное столетие правления дома Османов [Хотко 1993: 74].

Высокое фактическое положение многих представителей военно-управленческих и гаремных элит рабского статуса и отсутствие, по крайней мере в XIX в., явных примеров их связанной с данным статусом правовой дискриминации или подверженности произвольному обращению (насилию, контролю личной жизни, купле-продаже и т.п.) со стороны официальных владельцев, включая верховного суверена, позволяют говорить не о реальном, а скорее некоем символическом, условно-стилизованном квазиневольничестве<sup>2</sup>.

Вместе с тем несомненно, что для вступления доставленного с Кавказа юного раба или рабыни на путь, ведущий в перспективе в ограниченный круг избранных османских вельмож и придворных фавориток, и его успешного прохождения зачастую требовались не только соответствующие природные данные и таланты, но и определенное сочетание благоприятных обстоятельств и банальное везение. Совершенно очевидно, что этот путь успешно преодолевали лишь меньшая часть объектов работоргового промысла. Большинство же было вынуждено мириться с уделом занятой далеко не всегда легким трудом прислуги или, если речь шла о женщинах, наложниц в крупных, средних, а порой и мелких домохозяйствах в столице и провинциях в ожидании возможного получения вольной или официального замужества<sup>3</sup>. Судя по сохранившимся документальным свидетельствам, лица этой категории в силу преимущественно скрытого от посторонних глаз образа их содержания были особо уязвимы для жестокости и

---

предоставила своей фрейлине вольную, чтобы та вступила в брак в свободном статусе, а не как джарие [Аçба 2010: 22-23; Аçба 2007: 84]. Это заставляет предполагать формальное обращение девочки в невольницу при ее вхождении во дворец.

<sup>1</sup> Ставшая в 1840 г. третьей женой Абдулмеджида I Вердидженан-кадынэфенди из абхазского княжеского рода Ачба добилась взятия на воспитание во дворец двух своих племянников, одного из которых сделала адъютантом принца Абдулазиза. Четвертая жена (с 1856 г.) Абдулмеджида I Пересту-кадынэфенди из убыхского рода Гоген обеспечила пожалование своим прибывшим с Кавказа братьям земель в районе Гёнена [Аçба 2007: 35, 43, 46, 56; Аçба 2010: 22-23].

<sup>2</sup> О проблеме истинности-мнимости рабского статуса позднеосманских капыкулу см. Ze'evi 1996: 187-189 и Toledano 1998: 21-24.

<sup>3</sup> По относящимся к первой половине 1840-х гг. наблюдениям Уайта, не более 25-30% попадавших в Стамбул кавказских джарие могли в перспективе рассчитывать на замужество [White 1845: 312, 321].

агрессии<sup>1</sup>, хотя в целом функционировавшее на основе установлений шариата османское домашнее рабство было заметно мягче аналогичных институтов в других современных обществах, а «белые» невольники в стране находились в гораздо более выгодном положении по сравнению с африканскими<sup>2</sup>.

Несмотря на то, что начиная с 1830-х гг. Порта отчасти в силу внутренних причин, отчасти под европейским, прежде всего британским, давлением предпринимала шаги, направленные на постепенное ограничение работорговли и наделение людей невольничьего статуса некоторыми правами и обязанностями свободных подданных, к началу второй половины XIX в. приток в страну «живого товара» с Северо-Западного Кавказа продолжался в прежнем объеме<sup>3</sup>, а рабство – и низовое, и элитное – оставалось неотъемлемым атрибутом османской общественной жизни и повседневной культуры.

Работорговля, как отмечено выше, была главным, но не единственным каналом раннего проникновения северокавказцев в османские земли.

На протяжении столетий одним из факторов привлечения представителей мужского населения Кавказа, особенно Западного, на Ближний Восток выступало военное отходничество/наемничество, имевшее глубокие внутрикавказские социокультурные корни [Хотко 2002: 390]. Османы в отличие от предшествующих мусульманских и византийских правителей, как правило, не испытывали потребности в привлечении значительных воинских контингентов из-за пределов государства. Тем не менее в XVII-XVIII вв. растущая неэффективность составленных в основном из рекрутов-девширме регулярных войск (прежде всего янычар) временами вынуждала провинциальные, а иногда и центральные власти прибегать к найму среди народов Балкан и Анатолии более или менее постоянных отрядов профессиональных солдат-иррегуляров (*левендов* и их разновидностей – *секбанов*, *сарыджей* и др.), использовавшихся в качестве вспомогательных и охранных сил внутри и вне страны [Uyar, Erickson 2009: 91-94]. Более того, как уже было указано, Порта в этот период по существу поощряла создание высокопоставленными военачальниками и сановниками собственных гвардий из кавказских купленных рабов-гулямов как локальной альтернативы девширме. Можно, однако, предположить, что одновременно в империи в заметном количестве стали появляться абхазские, черкесские и грузинские воины не только раб-

---

<sup>1</sup> В качестве примера можно указать на историю черкесской девушки Шемсигюль, которая, будучи в 1852 г. продана, вероятно своими родными, работорговцу в Стамбуле, в следующие два года вместо предполагаемой безбедной жизни во дворце губернатора Египта прошла через череду тяжелых испытаний, включавшую в себя сексуальное, физическое и моральное насилие, отъем ребенка и др., хотя в конечном счете получила благодаря удачному стечению обстоятельств шанс на защиту своих прав в суде [Toledano 1993].

<sup>2</sup> В контексте сказанного уместно упомянуть о получившей в позднеосманский период широкое распространение, особенно в элитных и близких к ним кругах Стамбула и других крупных городов Балкан и Западной Анатолии, практике добровольного освобождения хозяевами своих рабов-мусульман по прошествии 7-10 лет их службы в порядке одобряемого Кораном богоугодного деяния [Erdem 1996: 154-160]. Вместе с тем вопрос о степени укорененности этой традиции в социально и географически удаленных от названной среды сегментах османского общества, а также о масштабах ее бытования в более раннюю эпоху является не вполне проясненным ввиду недостаточности документальных свидетельств.

<sup>3</sup> Более того, в заключительный период Крымской войны отмечался явный всплеск ввоза в страну черкесских рабов и в особенности рабынь, объясняемый наблюдателями стремлением работорговцев успеть вывезти возможно большее количество этого «товара» с северокавказского побережья до его повторного занятия русскими войсками [Traffic... 1856: 702]. На рост этого импорта, несомненно, повлиял и запрет Портой под нажимом англичан оборота грузинских невольников в 1854 г.

ского, но и свободного статуса, чему также во многом способствовали влиятельные паши-кавказцы. К примеру, Эвлия сообщает о 10 тыс. «храбрецов» этих народов, участвовавших в 1640 г. под командованием Мелека Ахмед-паши (на тот момент губернатора Диярбекирского эялета) в подавлении мятежа курдов-езидов в Синджарских горах, причем данный контингент описан словом *agavat* (араб. множ. чис. от тур. *aga* «господин, хозяин, начальник и т.п.») [Evlîyâ 1998-2007: IV, 49], употребление которого применительно к невольникам представляется едва ли возможным. Тот же факт, что остальная часть войска Мелека Ахмеда (70 *байраков*, т.е. подразделений числом в 60-100 чел. каждое) была набрана из наемников – азиатских секбанов и сарыджей, – с высокой долей вероятности указывает на аналогичный, т.е. наемный характер привлечения к экспедиции и кавказцев. Примечательно, что личный конвой названного паши-капыкулу пополнялся и членами аристократических садзских родов, что подтверждают фамильные имена некоторых его телохранителей – Маршан, Аред(ба) и др. [Evlîyâ 1998-2007: III, 295, V, 250]

В данном контексте заслуживает внимания также свидетельство Кятиба Челеби об участии в осаде османцами в 1605 г. венгерской крепости Уйвар<sup>1</sup> «бея Тырхалы<sup>2</sup> черкеса Чиль-Агач-бея с отрядом из татар и черкесов» [Kâtîb 2016: 343] – явно вольнонаемных конников, поскольку татары как мусульмане не подлежали продаже в рабство.

Очевидно, впрочем, что присутствие северокавказских наемников на османской почве в целом не было существенно, а к началу XIX в. подобные иррегулярные формирования стали еще менее востребованы ввиду начатых Портой мер по модернизации армии.

Какое-то количество молодых людей с Западного Кавказа перебиралось в империю самостоятельно с карьерными и образовательными целями, зачастую полагаясь, похоже, на удачу. Так, Коджа Дилявер-паша покинул Черкесию в конце XVI или начале XVII в., по его собственным словам, «лишь с кнутом и оседланной лошастью», однако благодаря проявленным способностям смог на новой родине стать сперва *сипахи* (феодалным ополченцем), а затем подняться до *везира* (трехбунчужного паши) и *вали* (губернатора) [Naîmâ 1968: 1111; Süreyya 1996: II, 421]. Явно по своей инициативе иммигрировал и упоминаемый в сочинении Эвлии Челеби Кетагач-паша, предположительно из адыгского княжеского рода Болотоко [Хотко 2002: 391], снискавший воинскую славу во многих походах и дослужившийся до чина *мирливы* (бригадного генерала), но так и не овладевший турецким языком [Evlîyâ 1998-2007: II, 188]<sup>3</sup>. В более поздний период такие перемещения нередко облегчались наличием на османской территории уже успевших интегрироваться в местную элитную среду род-

<sup>1</sup> Уйвар – ныне город Нове-Замки в Словакии.

<sup>2</sup> Тырхала (совр. Трикала) – город, административный центр одноименного санджака в османской Фессалии.

<sup>3</sup> В русскоязычном издании путеописания Эвлии Челеби представлено иное прочтение имени этого воина – Кутфадж-паша [Эвлия 1983]. Небезынтересно также, что в другом томе своего труда Эвлия утверждает, что данное имя (скорее прозвище) «означает “меч” (*кылыч*)» [Evlîyâ 1998-2007: III, 36]. Мы, однако, затрудняемся соотнести и первый, и второй вариант с каким-либо семантически близким словом или термином в языках Ближнего Востока и Кавказа. Добавим, что этот же автор упоминает еще одно прозвище рассматриваемого персонажа – Чаркаджи (Чаркаджи Кетагач-паша), т.е. «всадник передового охранения».

ственников. Например, маршал Инджиркёйлю Хасан Рефет-паша из убухского рода Туга (Тхуго), родившийся в 1793 г. на Кавказе, подростком был отправлен семьей в Стамбул под опеку своей тетки – жены одного из преподавателей школы Эндерун, учеба в которой и положила начало будущей блестящей карьере переселенца [Berzeg 1998: 90-91]. Из материалов устной истории и мемуарных свидетельств известно также, что отдельные аристократические семейства Убухии, в особенности Берзеки, за десятилетия до мухаджирства начали поддерживать взаимоотношения, первоначально в основном по гаремной линии, со стамбульскими дворцовыми кругами, что позволило нескольким представителям этого рода получить качественное военное образование и к середине XIX в. войти в ряды авторитетных лиц государственного истеблишмента [Çelik, Köseoğlu 2011: 7; Berzeg 1990: 29]<sup>1</sup>.

Безусловно, в султанских владениях, главным образом в столице, а также в Трабзоне и других черноморских портовых городах, во все эпохи постоянно либо подолгу проживало и определенное число торговцев с Северного Кавказа, в своем подавляющем большинстве специализировавшихся на поставках на османский рынок «белых» рабов со своей родины [Wagner 1852: 156], что традиционно считалось в османском обществе вполне уважаемым занятием (в отличие от презираемой торговли «черными» невольниками) [Toledano 1998: 68]. Можно предположить, что по крайней мере часть представителей данной коммерческой прослойки была ориентирована на полную интеграцию в местный социум, в т.ч. в его элитные слои, на что указывает, к примеру, прошение в правительство некоего Мустафа-аги «из черкесских торговцев» от 1855 г. о приеме его сына в Императорское военное училище или иное подобное заведение [ВОА: А.МКТ.DV 87/24].

Параллельно с притоком западнокавказцев происходила инфильтрация в османские пределы и представителей народов Северо-Восточного Кавказа, прежде всего Дагестана, хотя и в значительно меньших масштабах и по различным причинам и мотивам. Несомненность для Порты принадлежности этого региона к «пространству ислама» (*дар уль-ислам*) в сочетании с его удаленностью от маршрутов черноморской работоторговли исключала его из числа потенциальных источников «живого товара» для османского рынка, делая возможной лишь добровольную иммиграцию. В источниках XVI-XVIII вв. наиболее заметное отражение получило присутствие в стране дагестанских *алимов* (ученых-богословов), которых к переселению во владения султана-халифа побуждало главным образом стремление к повышению своего образовательно-профессионального уровня и социального статуса. Лица этой категории, как правило, довольно легко интегрировались в местную духовную и интеллектуальную среду. Ряд из них получил признание в качестве имамов крупных мечетей и преподавателей ведущих медресе в таких мусульманских центрах, как Медина, Мекка, Стамбул, Дамаск, Халеб и др. [Süreyya 1996: III, 756-757, 801; Магомеддаев 2001: 59-61; ВОА: А.МКТ.МНМ 18/82, С.МФ 129/6450], неко-

---

<sup>1</sup> Генерал Муса Кундухов в своих мемуарах упоминает о контактах летом 1864 г. в Стамбуле с тремя представителями этого рода – Хюсейин-пашой, Али-пашой и Хафыз-пашой, не уточняя, правда, занимаемых ими должностей [Кундухов 2013: 47].



торые же оставили след в виде оригинальных сочинений религиозного и литературного характера [Магомеддаев 2001: 59-60]. Кроме того, известны дагестанцы – шейхи суфийских орденов, в частности накшбандии, посвятившие себя распространению этого учения в османском обществе [Süreyya 1996: II, 578, III, 973-974; BOA: C.EV 4/151, 615/31011]. В составе имперской военно-управленческой элиты, среди военачальников, губернаторов, руководителей хозяйственных служб и т.д., также обнаруживаются, особенно в XVIII и первой половине XIX столетия, сравнительно немногочисленные лица, идентифицируемые как выходцы из Дагестана<sup>1</sup> и – в единственном установленном случае – Чечни<sup>2</sup>. Весьма вероятно и наличие некоторой «трудовой» миграции дагестанцев из числа представителей ремесленно-мастерского сословия – оружейников, кузнецов, ювелиров и т.д. [Магомедханов 1997: 30]

Наконец, следует отметить, что с началом Кавказской войны османское государство приобрело определенную притягательность в качестве места политической эмиграции и/или убежища для лидеров противостоящих российской экспансии горских обществ и политий. Самым известным переселенцем такого рода являлся, безусловно, князь Сефер-бей Заноко, который прибыл в империю в 1831 г. как посланник стоявшей во главе черкесского сопротивления аристократической партии, но вследствие сложной специфики российско-османских отношений данного периода оказался вынужден провести на чужбине более 20 следующих лет [Khoon 2015: 86-96]. Иммиграция же в 1827 г. наследников ранее низложенного русскими владетеля Казикумуха Сурхай-хана II (1789-1820) может служить примером «поиска укрытия» (*ильтиджа*) после военно-политического поражения на родине [Чочиев 2023b: 58]. Известен также по крайней мере один случай побега кавказцев из русского плена в османские пределы. В 1823 г. некто Ибрахим-бей, «сын Джаферхана из чеченских ханов», бежавший вместе с несколькими соплеменниками из сибирской ссылки, добрался через Бухару и Персию до Трабзона, а спустя год, по совершении хаджа, обратился к Порте с прошением о выдаче ему средств для возвращения на родину и султанского фирмана с призывом к жителям Чечни и Дагестана о «служении Высокому Государству» [BOA: NAT 781/36559]<sup>3</sup>.

Очевидно, что бóльшая часть прибывавших на протяжении веков в Османскую империю по описанным выше (равно как, вероятно, и некоторым другим) каналам, но не сумевших переступить порог «элитности» северокавказцев, в

---

<sup>1</sup> Например, Дагыстанлы Али-паша с 1768 по 1780 г. прошел успешный карьерный путь от уполномоченного по вербовке новобранцев и поставкам зерна для армии до губернатора в ранге везира в целом ряде балканских и анатолийских провинций, пока не был казнен за служебные злоупотребления [Süreyya 1996: I, 275-276; BOA: C.AS 191/8253, 762/32148, C.BH 230/10674, C.DH 243/12139, 290/14470, 335/16711, 335/16728]. По некоторым данным, его братом являлся *дей* (наместник) Алжира в 1792-1798 гг. Хасан-паша (Баба-Хасан III) [Süreyya 1996: II, 633].

<sup>2</sup> Известен, в частности, Чечензаде Хаджи Хасан-паша, происходивший из поселившейся в конце XVIII в. в городе Карахисаришарки (ныне Шебинкарахисар провинции Гиресун) чеченской семьи. Получил образование в Эндеруне. В 1820-х гг. занимал ответственные военно-административные должности в приграничных с Россией провинциях Анатолии и Кавказа, в т.ч. пост коменданта крепости Анапа в 1825-1828 гг. (по совместительству с губернаторством Трабзонского вилайета) [Tosun 2014: 3, 11-28; Süreyya 1996: II, 636-637; BOA: NAT 520/25453, 1044/43175].

<sup>3</sup> Во время пребывания на османской территории беглецы пользовались покровительством упомянутого Чечензаде Хаджи Хасан-паши.

т.ч. вольноотпущенных рабов и рабынь, в короткой или относительно отдаленной перспективе растворялась в местной среде, вливаясь в те или иные ее этносоциальные сегменты. На это указывают, например, встречающиеся изредка в османских налоговых и земельных реестрах и иных документах упоминания о лицах с прозвищами (*лякабами*) Черкесоглу, Черкесзаде, бин-Черкес («сын черкеса»), Абазаоглу («сын абхаза») и т.п., проживающих в самых разных районах Анатолии и принадлежащих к аграрному, ремесленному или торговому слоям коренного мусульманского населения<sup>1</sup>. Примечателен также факт существования среди племенной аристократии анатолийских туркмен-афшаров клана Черкесогуллары («Черкесовичи») и личных имен Черкес и Абаза, свидетельствуемых с XVI по середину XIX в. [Akin 2022: 12, 70; Altınay 1930: 77, 82, 107]<sup>2</sup>, что может объясняться и высоким престижным потенциалом подобных антропонимов на Ближнем Востоке начиная с позднего средневековья.

Вместе с тем не подлежит сомнению, что немалая часть выдвинувшихся в верхние страты османского имперского социума кавказцев – вышедших из невольников и самостоятельных переселенцев гражданских, военных и придворных служащих, поднявшихся на высокие ступени в гаремной иерархии женщин, обосновавшихся в крупных городах успешных торговцев «белыми» рабами и рабынями и т.п., зачастую тесно связанных между собой должностными, корпоративными, земляческими, родственными, коммерческими и прочими узами, – проявляла известную устойчивость к ассимиляционным процессам и способность к удержанию некоей степени своей оригинальной культурной идентичности. Это преимущественно западнокавказское по происхождению элитарное сообщество, начавшее складываться, как было отмечено, еще на рубеже XVI-XVII вв. и в середине XIX в. насчитывавшее, по некоторым оценкам, до 50 тыс. чел. [Лапинский 1995: 107-108], изначально демонстрировало признаки наделенности определенным этническим самосознанием, что выражалось, например, в приватном использовании родных языков [Kunt 1975a: 235]<sup>3</sup>, эпизодическом ношении кавказского костюма<sup>4</sup>, поддержании контактов с местностью и семьей/общиной рождения<sup>5</sup>, помощи и покровительстве друг другу<sup>1</sup> и

<sup>1</sup> Из упоминаемых в источниках первой половины XIX в. невысокостатусных лиц с такими лякабами могут быть названы, к примеру, 3 главы крестьянских домохозяйств в казе Хыснымансур (ныне Адьяман) в 1835 г. [Торрак 2018: 194, 269], 2 сельских старосты в санджаке Самсун в 1837 г. [Erler 2009: 183, 190], 4 члена переводимых на оседлость кочевых общин в санджаке Чорум в 1830-1844 гг. [Şahin 2013: 68, 304, 449, 582], 2 главы домохозяйств без определенных занятий в городке Чорум в 1844 г. [Şahin 2012: 229, 299], «землепашец», «торговец» и «мясник» в казе Бесни в 1846 г. [Торрак 2015: 114-115, 247], «эфенди» в городке Токат в 1850 г. [ВОА: А.МКТ.УМ 15/65], императорский лодочник в Стамбуле в 1854 г. [ВОА: А.МКТ.NZD 127/26] и т.д.

<sup>2</sup> Черкес-бей из рода Черкесогуллары, стоявший в 1850-х гг. во главе племени афшаров, был, вероятно, последним в их среде носителем этого имени.

<sup>3</sup> Родными языками своих кавказских матерей могли в какой-то степени владеть и отдельные члены царствующего дома. Сведения данного рода имеются, например, относительно Абдулхамида II (род. 1842) [Karal 2007: VIII, 249].

<sup>4</sup> Вышеупомянутый мятежник Абаза Мехмед-паша был известен манерой одеваться с использованием элементов «кавказского стиля», которые в период его непродолжительного нахождения в милости у Мурада IV (1623-1640) в первой половине 1630-х гг. даже были переняты последним и вошли в моду при султанском дворе [Tan 2017: 66, 79; İnalçık 2009: 220]. Племянник же Мехмед-паши Ибшир Мустафа-паша, согласно османской хроникальной традиции, «...был настолько привязан к своему абхазству, что носил черкесский костюм на посту великого везира» [Danişmend 1972: III, 420], который занимал в 1654-1655 гг.

<sup>5</sup> По утверждению Эвлии Челеби, ежегодно от 100 до 200 малолетних детей обоего пола отправлялось их родителями – стамбульскими абхазами – на этническую родину для воспитания в семьях аталыков [Evlîyâ 1998-

проживающим на Кавказе соплеменникам<sup>2</sup> и др. [Kunt 1975a: 235-236] Скорее всего, с этого же времени некоторые представители этой группы стали обнаруживать стремление к относительно компактному поселению, облюбовав, например, стамбульский квартал Топхане на европейском берегу Босфора<sup>3</sup>, где уже к середине XVII в. фиксировалось «множество грузин и абхазов» [Evlüyâ 1998-2007: I, 457]. В следующие столетия данный квартал продолжал пользоваться заметной популярностью среди кавказцев, правда, в основном занятых работорговым промыслом [White 1845: 284, 287, 321; MacFarlane 1850: 416].

Следует также указать, что первоначальная этническая идентичность или, во всяком случае, память о принадлежности к определенному племени и роду далеко не обязательно исчезала со смертью непосредственных выходцев с Кавказа, но сохранялась у их родившихся и выросших на османской территории потомков в одном или большем числе поколений. Так, известно, что занимавший в начале 1878 г. пост великого везира Ахмед Хамди-паша вел свое происхождение от государственного деятеля середины XVII в. абхаза Мелека Ахмед-паши, и, хотя о самоидентификации Ахмеда Хамди никаких сведений не имеется, его отец, по-видимому, все еще воспринимался как соотечественник такой знаковой фигурой кавказской военно-административной элиты своего времени, как Коджа Мехмед Хюсрев-паша, в «невольничьем имении» которого тот долгие годы служил управляющим [İnal 1982: 636]. Показателен и пример сына прибывшего в империю ребенком в начале XIX в. убыха Инджиркёйлю Хасана Рефет-паши – Дели Фуад-паши (1835-1931), который, как и его отец, дослужился в султанской армии до чина маршала, а на склоне лет, в начале XX в., стал одним из вдохновителей организованного черкесского этнонационального движения в стране [Berzeg 1998: 92-93].

Несмотря на скепсис отдельных наблюдателей середины XIX в. относительно присутствия успешно обосновавшимся в османских пределах северокавказцам чувства политической привязанности к своей этнической родине («искры истинного патриотизма», по словам Теофила Лапинского [Лапинский 1995: 107]<sup>4</sup>), ряд фактов свидетельствует о небезразличии по крайней мере некоторых

---

2007: I, 457; Intimate... 1991: 273]. Очевидно, что эти дети возвращались в Стамбул в подростковом или юношеском возрасте неплохо усвоившими родной язык и народную культуру и обзаведшимися определенными личными связями. Тот же автор сообщает об абазах-мусульманах, приезжавших «из Египта и Стамбула» на родину и подолгу проживавших там с семьями, в частности среди «племен» *камыш* (вероятно, садзского общества Хамыш) и *ашагылы* (возможно, связано с гидронимом Аше) [Evlüyâ 1998-2007: II, 59, 60, X 53].

<sup>1</sup> По наблюдению Лапинского, «все проданные в Турции абазы держатся вместе и помогают друг другу» [Лапинский 1995: 106].

<sup>2</sup> Некоторые сановники-капыкулу разыскивали своих оставшихся на Кавказе родных и оказывали им материальную помощь, как, например, воспитанник «рабского поместья» Мехмеда Хюсрев-паши Халиль Рыфат-паша из рода Козба [Açba 2004: 140]. Известны прошения военных и чиновников высокого ранга к Порте о доставке их родственников в Стамбул [Yaşar, Oh 2018: 99], а также ходатайства о защите проживающих в Черкесии сородичей и соплеменников от притеснений кафинских и бахчисарайских властей [Kırzioğlu 1998: 415-416].

<sup>3</sup> В этом квартале располагались артиллерийские арсеналы и соответствующее государственное управление – *Топхане-и амире*.

<sup>4</sup> Неплохо осведомленный о положении и настроениях черкесов на Кавказе и в Османской империи польский революционер и авантюрист полковник Лапинский (Теффик-бей) утверждал в конце 1850-х гг., что не слышал, «чтобы хотя один из живущих постоянно в Турции адыге принес для своего отечества личную или денежную жертву», при том что многие «эксплуатировали... интерес [турок и европейцев] к своей стране в своих собственных целях». Это обстоятельство он связывал с рабским происхождением большей части стамбульской

представителей этого сообщества к положению горцев в период Кавказской войны и стремлению к оказанию им посильной помощи в борьбе с российской экспансией. К примеру, в 1840-х гг. «черкесы Топхане» способствовали проведению конфиденциальных встреч Сефер-бея Заноко с представителями проявлявших интерес к кавказским делам европейских держав [ВОА: НР.МКТ 7/10]. В этом же квартале после ликвидации русскими войсками летом 1862 г. Сочинского меджлиса<sup>1</sup> в течение какого-то времени собирались его покинувшие Черкесию члены во главе с сыном Сефер-бея Карабатыром [ТПКВА 2000: 56].

С началом Крымской войны были отмечены попытки османских властей использовать проживающих в стране видных черкесов для реализации своих политических планов на Кавказе. Так, в ноябре 1853 г. Сефер-бей был возведен Портой в ранг *мирмирана* (двухбунчужного паши) и провозглашен губернатором Черкесии. В мае следующего года он и чиновник Министерства иностранных дел Бехчет-эфенди из вольноотпущенных гулямов, также удостоенный по этому случаю звания паши, были вместе с дюжиной европейских военных инструкторов, некоторым количеством вооружений и подарками от султана для местных вождей отправлены к кавказскому побережью с целью поощрения черкесов к масштабному выступлению против русских. В состав миссии вошли еще несколько высокопоставленных кавказцев, все или почти все из капыкулу, в частности бывший губернатор Йеменского эялета Сырры-паша, бывший губернатор Айдынского эялета Садуллах-паша, отставной мирлива Али-паша, мирмиран Ферхад-паша и секретарь канцелярии великого везира Рамиз-бей [Lütfi 1984: 91]. Вместе с ними из Стамбула отбыли также «около 300 других черкесов – торговцев и изгнанников, – многие с семьями» [Slade 1867: 224]. Данное предприятие, однако, не принесло в конечном счете ожидаемого эффекта [Badem 2010: 152, 197-202]<sup>2</sup>. Позднее, в августе 1854 г., до этого ничем не отличившийся на балканском фронте *ферик* (дивизионный генерал) Альянак Мустафа-паша был назначен командующим Батумской армией явно по причине своего черкесского происхождения и в этой должности приложил изрядные, но малоуспешные усилия по привлечению на сторону Порты черкесских, абхаз-

---

кавказской элиты и «удушающим» воздействием «магометанского фанатизма» даже на выходцев из свободных сословий [Лапинский 1995: 107-108]. Сам же Лапинский, впрочем, сообщал о фактах пожертвования «на благо родины» многими «патриотически настроенными» обитательницами элитных гаремов своих драгоценностей и денег, которые, однако, нередко оседали в руках их недобросовестных соплеменников в Стамбуле [Лапинский 1995: 268-269].

<sup>1</sup> Сочинский меджлис («Великое свободное заседание») – прообраз представительного органа власти, созданный в июне 1861 г. лидерами причерноморских черкесских субэтнотетов для координации сопротивления русским войскам и обеспечения международной поддержки Черкесии.

<sup>2</sup> Османский адмирал Мюшавир-паша (он же вышеупомянутый Адольфус Слейд), являвшийся помощником командующего этой экспедицией, объяснял ее неудачу тем, что из-за чинимых англо-французским морским командованием препон Сефер-паша и сопровождавшие его лица были высажены на кавказском берегу без подобающих их формальному статусу почестей («как обычные пассажиры»), но главное – без обещанных черкесам османских войск [Slade 1867: 223-244]. С другой стороны, ряд современных авторов подчеркивал ошибочность включения Портой в эту группу Бехчета и большинства других османских сановников, поскольку черкесская знать была оскорблена направлением к ней в качестве представителей султана некогда проданных османцам рабов [Lütfi 1984: 91-92; Cevdet 1953: 90; Лапинский 1995: 226]. Официальный историограф Ахмед Лютфи-эфенди даже полагал «уместным говорить о том, что постигшее черкесские племена после [Парижского] мира бедствие исхода с родины произошло из этой меры» [Lütfi 1984: 91-92].

ских и западногрузинских владетелей, к которым апеллировал в своих посланиях как к «соотечественникам» [Badem 2010: 206-207].

Несомненный интерес представляет вопрос о возможном влиянии ранних проникновений кавказцев в Османскую империю и сложившейся в их результате этносоциальной прослойки на «запуск» в середине XIX в. процесса массового мухаджирства. На наш взгляд, очевидно, что в силу того, что данный контингент формировался как следствие разрозненных перемещений в султанские владения обособленных индивидов и микрогрупп – обычно неполноправных и маргинальных в собственном первоначальном социуме (членов зависимых сословий, детей) или осознанно нацеленных на выделение из него (искателей военной, чиновничьей, духовно-интеллектуальной и прочей карьеры) – и их последующей интеграции в несвойственные социальной структуре горских народов страты османского общества, он сам по себе не мог служить скольконибудь действенным фактором притяжения для проживающих на исконной этнической территории традиционных аграрных коллективов. В сущности, достигшие значительного благополучия в «Стамбуле» (т.е. в османских землях) кавказские гулямы и джарие выступали носителями привлекательной миграционной модели лишь для стремившихся к повторению их пути лиц (или их опекунов), число которых могло быть достаточно ощутимым<sup>1</sup>, однако шансы на успех заведомо ограничены объективной узостью османского спроса на такой элитарный и дорогостоящий товар, как «белые» невольники и невольницы.

Что касается отношения входивших в высшие эшелоны власти империи адыгов, убыхов и абхазо-абазин к остро вставшей после Крымской войны проблеме исхода их соотечественников с родины и их приема и поселения в османских пределах, известные официальные источники не содержат информации на этот счет. Впрочем, о какой-либо консолидированной позиции по данному вопросу кавказской военно-бюрократической и придворной элиты конца 1850-х – начала 1860-х гг. говорить не приходится, хотя и нельзя исключать лоббистских усилий отдельных ее представителей в пользу как разрешения/поощрения, так и недопущения/ограничения массовой иммиграции, причем в обоих случаях по вполне патриотическим соображениям (укладывающимся в принципе в дилемму между «спасением народа» и «спасением родины/нации»)<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Молва и слухи об удачной судьбе и карьере многих кавказских мужчин и женщин в османском государстве, издавна проникавшие на их родину, особенно в ее причерноморские области, способствовали утверждению там, как правило, чрезвычайно преувеличенного представления о благополучии оказавшихся в «Стамбуле» земляков. Это обстоятельство стало причиной описываемого целым рядом современников феномена, когда представители не только зависимых, но отчасти и свободных сословий региона желали переправить за Черное море своих несовершеннолетних детей и родственников в надежде обеспечить им лучшее будущее [White II 311; Millingen 1870-1871: 111; Лапинский 1995: 106]. При этом очевидно, что такие действия обычно трактовались в местной среде не как акт банальной детопродажи (недвусмысленно осуждаемой во всех традиционных горских обществах), а как достаточно оправданный способ введения в более развитое и благоустроенное османское общество своего отпрыска, сулящий ему/ей (а в удачном случае и всему роду) шанс на обретение в перспективе более высокого социального и экономического положения. Это обстоятельство было подмечено американским путешественником и дипломатом Лейтоном Дитсоном, констатировавшим, что кавказские родители отправляли своих детей в Стамбул «с точно теми же чувствами и ожиданиями, с которыми фермер и его семья в Новой Англии смотрят на подающего надежды сына, отбывающего в какую-нибудь большую столицу, чтобы стать коммерсантом и богатым человеком» [Ditson 1850: 192].

<sup>2</sup> В литературе высказаны противоречивые точки зрения по этому поводу. Бедри Хабичоглу полагает, что занимавшие высокие посты в османском государстве северокавказцы поощряли переселение в султанские

Тем не менее представляется бесспорным, что сам факт существования в стране султана-халифа описанной выше немногочисленной, но довольно заметной, влиятельной и к тому же породненной с правящей династией общности составлял в глазах горцев Кавказа, в первую очередь Северо-Западного, немаловажное дополнительное (наряду с общностью религии, традицией военно-политического союзничества и др.) основание для восприятия Османской империи как близкого государства и комплементарного общества, способного стать убежищем для кавказцев при невозможности предотвращения внешнего завоевания и краха привычного «вольного мира» на родине.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дзидзария 2006 – *Дзидзария Г.А.* К истории работорговли в Абхазии // *Дзидзария Г.А. Труды / Сост. А.Э. Куправа, Г.Г. Дзидзария.* – Т. III. – Сухум: АИГИ им. Д.И. Гулиа, 2006. – С. 149-173.

Кундухов 2013 – *Кундухов М.А.* Мемуары. – Владикавказ: ИПП им. В. Гасиева, 2013. – 91 с.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.

Лапинский 1995 – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 464 с.

Магомеддадаев 2001 – *Магомеддадаев А.* Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (история и современность). – Кн. II. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 212 с.

Магомедханов 1997 – *Магомедханов М.М.* Дагестанцы в Турции. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1997. – 135 с.

Мирзоев 2021 – *Мирзоев А.С.* Институт выезда на службу и военное отходничество как часть военной культуры черкесов // *Электронный журнал «Кавказология».* – 2021. – № 1. – С. 26-66. – DOI: 10.31143/2542-212X-2021-1-26-66.

Сокуров 2017 – *Сокуров В.Н.* Феномен политического отчуждения в исторических судьбах черкесского народа // *Kafkasya Çalışmaları.* – II. – 2017. – No 4. – С. 161-192.

ТПКВА 2000 – Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XII – начало XX в.). Сб. док-тов и мат-лов / Сост. Р.Х. Гугов и др. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 462 с.

Хотко 1993 – *Хотко С.Х.* Черкесские мамлюки. – Майкоп: Адыгейское респ. кн. изд-во, 1993. – 109 с.

Хотко 2002 – *Хотко С.Х.* Черкесы в составе «профессиональных османов» (XVI-XIX вв.) // *Мир культуры адыгов / Сост. Р.А. Ханаху.* – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. – С. 387-394, 502-504.

Хотко 2017 – *Хотко С.Х.* Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII-XVI вв.). – Майкоп: Адыгейское респ. кн. изд-во, 2017. – 544 с.

Чочиев 2023а – *Чочиев Г.В.* Взаимоотношения между Османской империей и народами Северного Кавказа в середине XV – середине XIX в. (краткий очерк) // *Известия СОИГСИ.* – 2023. – № 49(88). – С. 5-19. – DOI 10.46698/VNC.2023.88.49.015.

---

владения своих оказавшихся на заключительной стадии Кавказской войны в критическом положении соплеменников, но не приводит подтверждающих это фактов [Nabiçoğlu 1993: 68]. Нихат Берзег, считающий Порту, наряду с царским правительством, ответственной за массовый исход горцев, пишет о «просвещенных черкесских пашах, противодействовавших политике стимулирования иммиграции», однако приводит в качестве примера лишь Хюсейин-пашу и Али-пашу из рода Берзегов, которые летом 1864 г. советовали Кундухову не спешить с уводом в Анатолию чеченцев ввиду слухов о скорой войне держав с Россией [Кундухов 2013: 47]. Утверждение названного автора о «нейтрализации» османскими властями таких пашей из-за их позиции в вопросе мухаджирства также нуждается в подкреплении ссылками [Berzeg 1996: 98, 172-173].

Чочиев 2023b – *Чочиев Г.В.* Иммиграция дагестанцев в Османскую империю в период Кавказской войны (1820-е – 1850-е гг.) // История, археология и этнография Кавказа. – Т. XIX. – 2023. – № 1. – С. 55-66. – DOI: 10.32653/CH19155-66.

Эвлия 1983 – *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) / Сост. А.Д. Желтяков. – Вып. III. – М.: Наука, 1983. – 376 с.

Аçба 2007 – *Аçба Н.* Kadınefendiler: Son Dönem Osmanlı Padişah Eşleri. – İstanbul: Profil, 2007. – 221 s.

Аçба 2004 – *Аçба Л.* Bir Çerkes Prensesinin Harem Hatıraları / Haz.: Н. Аçба. – İstanbul: L & M, 2004. – 216 s.

Аçба 2010 – *Аçба Л.* Bir Çerkes Prensesinin Harem Hatıraları / Haz.: Е. Аçба. – İstanbul: Timaş, 2010. – 568 s.

Акин 2022 – *Акин F.* 19. Yüzyılın İkinci Yarısında Avşarların İskânı. – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi, 2022. – 98 s.

Altınay 1930 – *Altınay A.R.* Anadolu'da Türk Aşiretleri (966-1200). – İstanbul: Devlet Matbaası, 1930. – 236 s.

Badem 2010 – *Badem C.* The Ottoman Crimean War, 1853-1856. – Leiden: Brill, 2010. – 432 p.

Balard 2022 – *Balard M.* Black Sea Slavery in Genoese Notarial Sources, 13th-15th Centuries // Slavery in the Black Sea Region, c. 900-1900: Forms of Unfreedom at the Intersection between Christianity and Islam / Ed. by F. Roşu. – Leiden: Brill, 2022. – P. 19-40.

Berzeg 1990 – *Berzeg K.* Kafkasya'da ve Osmanlı Hizmetinde Berzeg Ailesi'nden Tanınmış Kişiler. – Ankara: Şafak, 1990. – 47 s.

Berzeg 1996 – *Berzeg N.* Çerkes Sürgünü. Ankara: Takav, 1996. 221 s.

Berzeg 1998 – *Berzeg S.E.* Soçi'nin Sürgündeki Sahipleri Çerkes-Vubihlar. – Ankara: Kafkasya Gerçeği, 1998. – 125 s.

Bilge 2012 – *Bilge S.M.* Osmanlı Çağında Kafkasya, 1454-1829. – İstanbul: Kitabevi, 2012. – 689 s.

BOA – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi.

Çelik, Köseoğlu 2011 – *Çelik C., Köseoğlu M.* Canik Sancağına Bağlı Kavak Kazası'na 19. Yüzyılda Vubih Göçleri // Samsun Sempozyumu-2011. – URL: <http://docplayer.biz.tr/8513246-Canik-sancağına-bağlı-kavak-kazası-na-19-yüzyıldavubih-göçleri.html> (дата обращения: 23.02.2024).

Cevdet 1953 – *Ahmed Cevdet Paşa.* Tezâkir / Yay.: C. Baysun. – I. – Ankara: TTK, 1953. – 178 s.

Danişmend 1972 – *Danişmend İ.H.* İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi. – III. – İstanbul: Türkiye, 1972. – 671 s.; V. – 360 s.

Ditson 1850 – *Ditson G.L.* Circassia; or, a Tour to the Caucasus. – N.Y.: Stringer & Townsend, 1850. – 455 p.

Economic... 1997 – An Economic and Social History of the Ottoman Empire / Ed. by H. İnalcık with D. Quataert. – I. – Cambridge: Cambridge University, 1997. – 409 p.

Erdem 1996 – *Erdem Y.H.* Slavery in the Ottoman Empire and its Demise, 1800-1909. – L.: Palgrave Macmillan, 1996. – 229 p.

Erler 2009 – *Erler M.Y.* Osmanlı Nüfus Kayıtlarına Dair Alternatif Bir Kaynak: Defter-i Liva-ı Canik (1837) // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. – II. – 2009. – No 8. – S. 169-190.

Evliyâ 1998-2007 – *Evliyâ Çelebi b. Derviş Mehmed Zillî.* Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi / Haz.: Y. Dağlı vd. – I. – İstanbul: Yapı Kredi, 2006. 291 s.; II. – 1998. – 292 s.; III. – 1999. – 328 s.; IV. – 2000. – 413 s.; VI. – 2002. – 365 s.; VII. – 2003. – 395 s.; X. – 2007. – 744 s.

Gelibolulu 1978 – *Gelibolulu Mustafa Âli.* Görgü ve Toplum Kuralları Üzerinde Ziyâfet Sofraları / Haz.: O.Ş. Gökyay. – I. – İstanbul: Tercüman, 1978. – 235 s.

Habiçoğlu 1993 – *Habiçoğlu B.* Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler. – İstanbul: Nart, 1993. – 187 s.

Hathaway 2018 – *Hathaway J.* Circassian Mamluks in Ottoman Egypt and Istanbul, ca. 1500-1730: The Eastern Alternative // Disliking Others: Loathing, Hostility, and Distrust in Premodern Ottoman Lands / Ed. by H.T. Karateke et al. – Boston: Academic Studies, 2018. – P. 22-42.

- İnal 1982 – *İnal İ.M.K.* Son Sadrazamlar. – II. – İstanbul: Dergâh, 1982. – 1136 s.
- İnalcık 2009 – *İnalcık H.* Devlet-i Aliyye: Osmanlı İmparatorluğu Üzerine Araştırmalar. – II. – İstanbul: Türkiye İş Bankası, 2009. – 504 s.
- İnci 2019 – *İnci A.* 16. Yüzyılda Osmanlı Devleti'nin Çerkesya İle İlişkileri ve Osmanlı-Çerkes Sınırı // *Kafkasya Çalışmaları.* – V. – 2019. – No 9. – S. 1-16.
- Intimate... 1991 – *The Intimate Life of an Ottoman Statesman: Melek Ahmed Pasha (1588-1662) as Portrayed in Evliya Çelebi's 'Book of Travels (Seyahat-name)'* / Transl. and comm. by R. Dankoff. – Albany: State University of New York, 1991. – 304 p.
- Kanbolat, Taymaz 1990 – *Kanbolat H., Taymaz E.* Kafkas-Osmanlı İlişkileri ve Köle Ticareti // *Tarih ve Toplum.* – XIV. – 1990. – No 79. – S. 35-44.
- Karal 2007 – *Karal E.Z.* Osmanlı Tarihi. – VIII. – Ankara: TTK, 2007. – 631 s.
- Kâtib 2016 – *Kâtib Çelebi.* Fezleke / Haz.: Z. Aycibin. – I. – İstanbul: Çamlıca, 2016. – 518 s.
- Khoon 2015 – *Khoon Y.* "Prince of Circassia": Sefer Bey Zanuko and the Circassian Struggle for Independence // *Kafkasya Çalışmaları.* – I. – 2015. – No 1. – P. 82-111.
- Kırzioğlu 1998 – *Kırzioğlu M.F.* Osmanlıların Kafkas-İleri'ni Fethi (1451-1590). – Ankara: TTK, 1998. – 550 s.
- Królikowska-Jedlińska 2020 – *Królikowska-Jedlińska N.* The Role of Circassian Slaves in the Foreign and Domestic Policy of the Crimean Khanate in the Early Modern Period // *Slaves and Slave Agency in the Ottoman Empire* / Ed. by S. Conermann & G. Şen. – Bonn: Bonn University, 2020. – P. 355-369.
- Kunt 1975a – *Kunt İ.M.* Ethnic-Regional ('Cins') Solidarity in the Seventeenth-century Ottoman Establishment // *International Journal of Middle East Studies.* – 1975. – No 5. – P. 233-239.
- Kunt 1975b – *Kunt İ.M.* Kulların Kulları // *Boğaziçi Üniversitesi Dergisi: Hümaniter Bilimler.* – III. – 1975. – S. 27-42.
- Lütfî 1984 – *Ahmed Lütfî Efendi.* Vak'a-nüvis Ahmed Lütfî Efendi Tarihi / Yay.: M. Aktepe. – IX. – İstanbul: İstanbul Üniversitesi, 1984. – 342 s.
- MacFarlane 1850 – *MacFarlane C.* Turkey and Its Destiny: The Result of Journeys Made in 1847 and 1848 to Examine into the State of That Country. – L.: John Murray, 1850. – II. – 681 p.
- Millingen 1870-1871 – *Millingen F.* The Circassian Slaves and the Sultan's Harem // *Journal of the Anthropological Society of London.* – VIII. – 1870-1871. – P. 109-120.
- Naîmâ 1968 – *Naîmâ Mustafa Efendi.* Naîmâ Târihi / Çev.: Z. Danışman. – III. – İstanbul: Zuhuri Danışman, 1968. – 1544 s.
- Ostapchuk 2012 – *Ostapchuk V.* Crimean Tatar Long-range Campaigns: The View from Remmal Khoja's History of Sahib Gery Khan // *Warfare in Eastern Europe, 1500-1800* / Ed. by B.J. Davies. – Leiden: Brill, 2012. – P. 147-171.
- Sahillioğlu 1979-1980 – *Sahillioğlu H.* Onbeşinci Yüzyılın Sonu İle Onaltıncı Yüzyılın Başında Bursa'da Kölelerin Sosyal ve Ekonomik Hayattaki Yeri // *ODTÜ Gelişme Dergisi.* – 1979-1980 Özel Sayısı. – S. 67-138.
- Şahin 2012 – *Şahin H.H.* Çorum Nüfus Defterleri (1844). – Çorum: Çorum Belediyesi, 2012. – 774 s.
- Şahin 2013 – *Şahin H.H.* Osmanlı Dönemi Nüfus Defterlerinde Çorum Bölgesi Aşiretleri. – Çorum: Çorum Belediyesi, 2013. – 936 s.
- Sak 1994 – *Sak İ.* Şer'iyye Sicillerine Göre Kölelerin Milliyet ve Eşkali (17. ve 18. Yüzyıllar) // *Selçuk Üniversitesi SBE Dergisi.* – 1994. – No III. – S. 377-394.
- Sakaoğlu 2015 – *Sakaoğlu N.* Bu Mülkün Kadın Sultanları. – İstanbul: Alfa, 2015. – 792 s.
- Slade 1833 – *Slade A.* Records of Travels in Turkey, Greece, etc., and of a Cruise in the Black Sea, with the Capitan Pasha, in the Years 1829, 1830, and 1831. – I. – L.: Saunders & Otley, 1833. – 513 p.
- Slade 1867 – *Slade A.* Turkey and the Crimean War: A Narrative of Historical Events. – L.: Smith, Elder & Co, 1867. – 502 p.
- Süreyya 1996 – *Mehmed Süreyya.* Sicill-i Osmanî. – I-VI. – İstanbul: Tarih Vakfı, 1996. – 2068 s.



- Şoenu 1993 – *Şoenu M.F. Çerkes Meselesi.* – İstanbul: Bedir, 1993. – 87 s.
- Tan 2017 – *Tan B. Ali Cevâd'ın Celâlî Âbâza Mehmed Paşa Biyografisi // Külliyyat.* 2017. – No 2. – S. 56-81.
- Toledano 1993 – *Toledano E.R. Shemsigul: A Circassian Slave in Mid-Nineteenth-Century Cairo // Struggle and Survival in the Modern Middle East / Ed. by E. Burke.* – L.: I.B. Tauris & Co Ltd, 1993. – P. 59-74.
- Toledano 1998 – *Toledano E.R. Slavery and Abolition in the Ottoman Middle East.* – Seattle: University of Washington, 1998. – 185 p.
- Toprak 2015 – *Toprak S.V. Besni: 1846 Tarihli Bir Kefalet Defterine Göre Nüfus ve Sosyal Hayat.* – Adıyaman: Adıyaman Üniversitesi, 2015. – 377 s.
- Toprak 2018 – *Toprak S.V. 1835 Tarihli Nüfus Sayımına Göre 19. Yüzyılın İlk Yarısında Hısnımansur (Adıyaman).* – Adıyaman: Adıyaman Üniversitesi, 2018. – 333 s.
- Tosun 2014 – *Tosun M.D. Çeçenzade Hacı Hasan Paşa'nın Hayatı.* – İstanbul, 2014. – 225 s.
- Traffic... 1856 – *The Traffic in Circassian Women // Littell's Living Age.* – L. – 1856. – No 642. – P. 702.
- Uluçay 1992 – *Uluçay Ç. Harem.* – II. – Ankara: TTK, 1992. – 189 s.
- Uyar, Erickson 2009 – *Uyar M., Erickson E.J. A Military History of the Ottomans: From Osman to Atatürk.* – Santa Barbara: Praeger, 2009. – 379 p.
- Vilgenoğlu 2021 – *Vilgenoğlu H. Kadı Sicilleri Işığında 1629-1631 Yıllarında Ruha, Bursa ve Ankara Şehirlerinde Köleler ve Cârîyeler // Tarih Okulu Dergisi.* – XIX. – 2021. – No 54. – S. 3142-3186. – DOI: 10.29228/joh.50998.
- Wagner 1852 – *Wagner M. Reise nach Persien und dem Lande der Kurden.* – Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1852. – B. I. – 360 s.
- White 1845 – *White C. Three Years in Constantinople; or, Domestic Manners of the Turks in 1844.* – II. – L.: Henry Colburn, 1845. – 372 p.
- Yapp 2013 – *Yapp M.E. The Making of the Modern Near East, 1792-1923.* – L.: Routledge, 2013. – 416 p.
- Yaşar, Oh 2018 – *Yaşar M., Oh C.J. The Ottoman Empire and the Crimean Khanate in the North Caucasus: A Case Study of Ottoman-Crimean Relations in the Mid-Sixteenth Century // Turkish Historical Review.* – IX. – 2018. – No 1. – P. 86-103.
- Ze'evi 1996 – *Ze'evi D. 'Kul' and Getting Cooler: The Dissolution of Elite Collective Identity and the Formation of Official Nationalism in the Ottoman Empire // Mediterranean Historical Review.* – XI. – 1996. – No 2. – P. 177-195. – DOI: 10.1080/09518969608569713.

## REFERENCES

- AÇBA H. *Kadınefendiler: Son Dönem Osmanlı Padişah Eşleri.* – İstanbul: Profil, 2007. – 221 p.
- AÇBA L. *Bir Çerkes Prensesinin Harem Hatıraları / Ed. by H. Açıba.* – İstanbul: L & M, 2004. – 216 p.
- AÇBA L. *Bir Çerkes Prensesinin Harem Hatıraları / Ed. by E. Açıba.* – İstanbul: Timaş, 2010. – 568 s.
- AHMED CEVDET PAŞA. *Tezâkir / Publ. by C. Baysun.* – Vol. 1. – Ankara: TTK, 1953. – 178 p.
- AHMED LÜTFÎ EFENDİ. *Vakanüvis Ahmed Lütfî Efendi Tarihi / Publ. by M. Aktepe* – Vol. 9. – İstanbul: İstanbul Üniversitesi, 1984. – 342 p.
- AKIN F. *19. Yüzyılın İkinci Yarısında Avşarların İskânı.* – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi, 2022. – 98 p.
- ALTINAY A.R. *Anadolu'da Türk Aşiretleri (966-1200).* – İstanbul: Devlet Matbaası, 1930. – 236 p.
- An Economic and Social History of the Ottoman Empire / Ed. by H. İnalcık with D. Quataert.* – Vol. 1. – Cambridge: Cambridge University, 1997. – 409 p.
- BADEM C. *The Ottoman Crimean War, 1853-1856.* – Leiden: Brill, 2010. – 432 p.

BALARD M. *Black Sea Slavery in Genoese Notarial Sources, 13th-15th Centuries*. – IN: *Slavery in the Black Sea Region, c. 900-1900: Forms of Unfreedom at the Intersection between Christianity and Islam* / Ed. by F. Roşu. – Leiden: Brill, 2022. – P. 19-40.

BERZEG K. *Kafkasya'da ve Osmanlı Hizmetinde Berzeg Ailesi'nden Tanınmış Kişiler*. – Ankara: Şafak, 1990. – 47 p.

BERZEG N. *Çerkes Sürgünü*. Ankara: Takav, 1996. 221 p.

BERZEG S.E. *Soçi'nin Sürgündeki Sahipleri Çerkes-Vubihlar*. – Ankara: Kafkasya Gerçeği, 1998. – 125 p.

BİLGE S.M. *Osmanlı Çağında Kafkasya, 1454-1829*. – Istanbul: Kitabevi, 2012. – 689 p.

ÇELİK C., KÖSEOĞLU M. *Canik Sancağına Bağlı Kavak Kazası'na 19. Yüzyılda Vubih Göçleri*. – IN: *Samsun Sempozyumu - 2011*. – URL: <http://docplayer.biz.tr/8513246-Canik-sancagina-bagli-kavak-kazasi-na-19-yuzyildavubih-gocleri.html> (access date: 23.02.2024).

CHOCHIEV G.V. *Immigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu v period Kavkazskoi voyny (1820-e – 1850-e gg.)* [Immigration of Daghestanis to the Ottoman Empire during the Caucasian War (1820s-1850s)]. – IN: *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. – Vol. 19. – 2023. – No 1. – P. 55-66. (In Russ.).

CHOCHIEV G.V. *Vzaimootnosheniya mezhdu Osmanskoi imperiei i narodami Severnogo Kavkaza v seredine XV – seredine XIX v. (kratkii ocherk)* [Relations between the Ottoman Empire and the Peoples of the North Caucasus from the Mid-15th to the Mid-19th c. (an Outline)]. – IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2023. – No 49(88). – P. 5-19. (In Russ.).

DANIŞMEND İ.H. *İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi*. – Vol. 3. – Istanbul: Türkiye, 1972. – 671 p.; Vol. 5. – 360 p.

DITSON G.L. *Circassia; or, a Tour to the Caucasus*. – New York: Stringer & Townsend, 1850. – 455 p.

DZIDZARIYA G.A. *K istorii rabotorgovli v Abkhazii* [On the History of the Slave Trade in Abkhazia]. – IN: DZIDZARIYA G.A. *Trudy* [Works] / Comp. by A.E. Kuprava, G.G. Dzidzariya. – Vol. 3. – Sukhum: AIGI im. D.I. Gulia, 2006. – P. 149-173. (In Russ.).

ERDEM Y.H. *Slavery in the Ottoman Empire and its Demise, 1800-1909*. – London: Palgrave Macmillan, 1996. – 229 p.

ERLER M.Y. *Osmanlı Nüfus Kayıtlarına Dair Alternatif Bir Kaynak: Defter-i Liva-ı Canik (1837)*. – IN: *The Journal of International Social Research*. – Vol. 2. – 2009. – № 8. – P. 169-190.

EVLİYA CHELEBİ. *Kniga puteshestviya (izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.)* [Book of Travel (Extracts from the Writings of a Turkish Traveler of the 17th c.)] / Comp. by A.D. Zheltyakov. – Iss. 3. – Moscow: Nauka, 1983. – 376 p. (In Russ.).

EVLİYÂ ÇELEBİ B. DERVİŞ MEHEMMED ZİLLÎ. *Evlîyâ Çelebi Seyahatnâmesi* / Ed. by Y. Dağlı et al. – Vol. 1. – Istanbul: Yapı Kredi, 2006. 291 p.; Vol. 2. – 1998. – 292 p.; Vol. 3. – 1999. – 328 p.; Vol. 4. – 2000. – 413 p.; Vol. 6. – 2002. – 365 p.; Vol. 7. – 2003. – 395 p.; Vol. 10. – 2007. – 744 p.

GELİBOLULU MUSTAFA ÂLİ. *Görgü ve Toplum Kuralları Üzerinde Ziyâfet Sofraları* / Ed. by O.Ş. Gökyay. – Vol. 1. – Istanbul: Tercüman, 1978. – 235 p.

HABIÇOĞLU B. *Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler*. – Istanbul: Nart, 1993. – 187 p.

HATHAWAY J. *Circassian Mamluks in Ottoman Egypt and Istanbul, ca. 1500-1730: The Eastern Alternative*. – IN: *Disliking Others: Loathing, Hostility, and Distrust in Premodern Ottoman Lands* / Ed. by H.T. Karateke et al. – Boston: Academic Studies, 2018. – P. 22-42.

İNAL İ.M.K. *Son Sadrazamlar*. – Vol. 2. – Istanbul: Dergâh, 1982. – 1136 p.

İNALCIK H. *Devlet-i Aliyye: Osmanlı İmparatorluğu Üzerine Araştırmalar*. – Vol. 2. – Istanbul: Türkiye İş Bankası, 2009. – 504 p.

İNCİ A. *16. Yüzyılda Osmanlı Devleti'nin Çerkesya İle İlişkileri ve Osmanlı-Çerkes Sınırı*. – IN: *Journal of Caucasian Studies*. – Vol. 5. – 2019. – No 9. – P. 1-16.

KANBOLAT H., TAYMAZ E. *Kafkas-Osmanlı İlişkileri ve Köle Ticareti*. – IN: *Tarih ve Toplum*. – Vol. 14. – 1990. – No 79. – P. 35-44.

KARAL E.Z. *Osmanlı Tarihi*. – Vol. 8. – Ankara: TTK, 2007. – 631 p.

- KÂTİB ÇELEBİ. *Fezleke* / Ed. by Z. Aycibin. – Vol. 1. – Istanbul: Çamlıca, 2016. – 518 p.
- KHOON Y. “*Prince of Circassia*”: *Sefer Bey Zanuko and the Circassian Struggle for Independence*. – IN: *Journal of Caucasian Studies*. – Vol. 1. – 2015. – No 1. – P. 82-111.
- KHOTKO S.KH. *Cherkesiya: genezis, etnopoliticheskie svyazi so stranami Vostochnoi Evropy i Blizhnego Vostoka (XIII-XVI vv.)* [Circassia: Genesis, Ethnopolitical Relations with the Countries of Eastern Europe and the Middle East (13-16 c.)]. – Maikop: Adygeiskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2017. – 544 p. (In Russ.).
- KHOTKO S.KH. *Cherkesskie mamlyuki* [Circassian Mamluks]. – Maikop: Adygeiskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. – 109 p. (In Russ.).
- KHOTKO S.KH. *Cherkesy v sostave “professional'nykh osmanov” (XVI-XIX vv.)* [Circassians as Part of the “Professional Ottomans” (16-19 c.)]. – IN: *Mir kul'tury adygov* [The World of Circassian Culture] / Comp. by R.A. Khanakhu. – Maikop: GURIPP Adygeya, 2002. – P. 387-394, 502-504. (In Russ.).
- KIRZIOĞLU M.F. *Osmanlıların Kafkas-Elleri'ni Fethi (1451-1590)*. – Ankara: TTK, 1998. – 550 p.
- KRÓLIKOWSKA-JEDLIŃSKA N. *The Role of Circassian Slaves in the Foreign and Domestic Policy of the Crimean Khanate in the Early Modern Period*. – IN: *Slaves and Slave Agency in the Ottoman Empire* / Ed. by S. Conermann & G. Şen. – Bonn: Bonn University, 2020. – P. 355-369.
- KUNDUKHOV M.A. *Memuary* [Memoirs]. – Vladikavkaz: IPP im. V. Gassieva, 2013. – 91 p. (In Russ.).
- KUNT İ.M. *Ethnic-Regional (“Cins”) Solidarity in the Seventeenth-century Ottoman Establishment*. – IN: *International Journal of Middle East Studies*. – 1975. – No 5. – P. 233-239.
- KUNT İ.M. *Kulların Kulları*. – IN: *Boğaziçi University Journal: Humanities*. – Vol. 3. – 1975. – P. 27-42.
- KUSHKHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoi cherkesskoi diasporı* [Essays on the History of the Foreign Circassian Diaspora]. – Nal'chik: El'-Fa, 2007. – 320 p. (In Russ.).
- LAPINSKII T. *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Mountaineers of the Caucasus and Their Liberation Struggle against the Russians]. – Nal'chik: El'-Fa, 1995. – 464 p. (In Russ.).
- MACFARLANE C. *Turkey and Its Destiny: The Result of Journeys Made in 1847 and 1848 to Examine into the State of That Country*. – London: John Murray, 1850. – Vol. 2. – 681 p.
- MAGOMEDDADAEV A. *Emigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu (istoriya i sovremennost')* [Emigration of Daghestanis to the Ottoman Empire (History and Modernity)]. – Book 2. – Makhachkala: Daghestan Scientific Centre of RAS, 2001. – 212 p. (In Russ.).
- MAGOMEDKHANOV M.M. *Dagestantsy v Turtsii* [Daghestanis in Turkey]. – Makhachkala: Daghestan Scientific Centre of RAS, 1997. – 135 p. (In Russ.).
- MEHMED SÜREYYA. *Sicill-i Osmanî*. – Vol. 1-6. – Istanbul: Tarih Vakfi, 1996. – 2068 p.
- MILLINGEN F. *The Circassian Slaves and the Sultan's Harem*. – IN: *Journal of the Anthropological Society of London*. – Vol. 8. – 1870-1871. – P. 109-120.
- MIRZOEV A.S. *Institut vyezda na sluzhbu i voennoe otkhodnichestvo kak chast' voennoi kul'tury cherkesov* [Institution of Departure for Service and Mercenary Practices as a Part of the Military Culture of Circassians]. – IN: *Caucasology*. – 2021. – No 1. – P. 26-66. (In Russ.).
- NAÎMÂ MUSTAFA EFENDÎ. *Naîmâ Târihi* / Transl. by Z. Danişman. – Vol. 3. – Istanbul: Zuhuri Danişman, 1968. – 1544 p.
- OSTAPCHUK V. *Crimean Tatar Long-range Campaigns: The View from Remmal Khoja's History of Sahib Gerey Khan*. – IN: *Warfare in Eastern Europe, 1500-1800* / Ed. by B.J. Davies. – Leiden: Brill, 2012. – P. 147-171.
- Ottoman Archives of the Directorate of State Archives of the Presidency of the Republic of Turkey.

SAHİLLİOĞLU H. *Onbeşinci Yüzyılın Sonu İle Onaltıncı Yüzyılın Başında Bursa'da Kölelerin Sosyal ve Ekonomik Hayattaki Yeri.* – IN: *METU Studies in Development.* – 1979-1980 Special Issue. – P. 67-138.

ŞAHİN H.H. *Çorum Nüfus Defterleri (1844).* – Çorum: Çorum Belediyesi, 2012. – 774 p.

ŞAHİN H.H. *Osmanlı Dönemi Nüfus Defterlerinde Çorum Bölgesi Aşiretleri.* – Çorum: Çorum Belediyesi, 2013. – 936 p.

SAK İ. *Şer'iyye Sicillerine Göre Kölelerin Milliyet ve Eşkali (17. ve 18. Yüzyıllar).* – IN: *The Journal of Selcuk University Social Sciences Institute.* – 1994. – No 3. – P. 377-394.

SAKAOĞLU N. *Bu Mülkün Kadın Sultanları.* – İstanbul: Alfa, 2015. – 792 p.

SLADE A. *Records of Travels in Turkey, Greece, etc., and of a Cruise in the Black Sea, with the Capitan Pasha, in the Years 1829, 1830, and 1831.* – Vol. 1. – London: Saunders & Otley, 1833. – 513 p.

SLADE A. *Turkey and the Crimean War: A Narrative of Historical Events.* – London: Smith, Elder & Co, 1867. – 502 p.

ŞOENU M.F. *Çerkes Meselesi.* – İstanbul: Bedir, 1993. – 87 p.

SOKUROV V.N. *Fenomen politicheskogo otchuzhdeniya v istoricheskikh sud'bakh cherkesskogo naroda* [The Phenomenon of Political Alienation in the Historical Fate of the Circassian People]. – IN: *Journal of Caucasian Studies.* – Vol. 2. – 2017. – No 4. – P. 161-192. (In Russ.).

TAN B. *Ali Cevâd'ın Celâli Âbâza Mehmed Paşa Biyografisi.* – IN: *Külliyat.* 2017. – No 2. – P. 56-81.

*The Intimate Life of an Ottoman Statesman: Melek Ahmed Pasha (1588-1662) as Portrayed in Evliya Çelebi's 'Book of Travels (Seyahat-name)'* / Transl. and comm. by R. Dankoff. – Albany: State University of New York, 1991. – 304 p.

*The Traffic in Circassian Women.* – IN: *Littell's Living Age.* – Vol. 50. – 1856. – No 642. – P. 702.

TOLEDANO E.R. *Shemsigul: A Circassian Slave in Mid-Nineteenth-Century Cairo.* – IN: *Struggle and Survival in the Modern Middle East* / Ed. by E. Burke. – London: I.B. Tauris & Co Ltd, 1993. – P. 59-74.

TOLEDANO E.R. *Slavery and Abolition in the Ottoman Middle East.* – Seattle: University of Washington, 1998. – 185 p.

TOPRAK S.V. *1835 Tarihli Nüfus Sayımına Göre 19. Yüzyılın İlk Yarısında Hisnimansur (Adıyaman).* – Adıyaman: Adıyaman Üniversitesi, 2018. – 333 p.

TOPRAK S.V. *Besni: 1846 Tarihli Bir Kefalet Defterine Göre Nüfus ve Sosyal Hayat.* – Adıyaman: Adıyaman Üniversitesi, 2015. – 377 p.

TOSUN M.D. *Çeçenzade Hacı Hasan Paşa'nın Hayatı.* – İstanbul, 2014. – 225 p.

*Tragicheskie posledstviya Kavkazskoi voyny dlya adygov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Sbornik dokumentov i materialov* [The Tragic Consequences of the Caucasian War for the Circassians (Second Half of the 19th – Early 20th c.). Collection of Documents and Materials] / Comp. by R.Kh. Gugov et al. – Nal'chik: El'-Fa, 2000. – 462 p. (In Russ.).

ULUÇAY Ç. *Harem.* – Vol. 2. – Ankara: TTK, 1992. – 189 p.

UYAR M., ERICKSON E.J. *A Military History of the Ottomans: From Osman to Atatürk.* – Santa Barbara: Praeger, 2009. – 379 p.

VİLGENOĞLU H. *Kadı Sicilleri Işığında 1629-1631 Yıllarında Ruha, Bursa ve Ankara Şehirlerinde Köleler ve Câriyeler.* – IN: *Journal of History School.* – Vol. 19. – 2021. – No 54. – P. 3142-3186.

WAGNER M. *Reise nach Persien und dem Lande der Kurden.* – Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1852. – Vol. 1. – 360 p.

WHITE C. *Three Years in Constantinople; or, Domestic Manners of the Turks in 1844.* – Vol. 2. – London: Henry Colburn, 1845. – 372 p.

YAPP M.E. *The Making of the Modern Near East, 1792-1923.* – London: Routledge, 2013. – 416 p.

YAŞAR M., OH S.J. *The Ottoman Empire and the Crimean Khanate in the North Caucasus: A Case Study of Ottoman-Crimean Relations in the Mid-Sixteenth Century.* – IN: *Turkish Historical Review.* – Vol. 9. – 2018. – No 1. – P. 86-103.

ZE'EVİ D. *'Kul' and Getting Cooler: The Dissolution of Elite Collective Identity and the Formation of Official Nationalism in the Ottoman Empire.* – IN: *Mediterranean Historical Review.* – Vol. 11. – 1996. – No 2. – P. 177-195.

**Информация об авторе**

Г.В. Чочиев – кандидат исторических наук.

**Information about the author**

G.V. Chochiev – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 27.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 325.2+93/94  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-38-51  
EDN: DJRJRZ

## ЧЕЧЕНЦЫ И ИНГУШИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ПРОЦЕССЫ ЭМИГРАЦИИ И РЕЭМИГРАЦИИ

**Ахмед Курейшевич Чапанов**

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,  
[ahmed.targimov@mail.ru](mailto:ahmed.targimov@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4234-4288>

**Аннотация.** В середине XIX в. горские народы Северного Кавказа были вынуждены эмигрировать в Османскую империю из-за целенаправленной переселенческой политики Российской империи. Порта также была значительно заинтересована в поселении северокавказских горцев на своей территории.

В статье рассматривается процесс возвращения на родину чеченцев и ингушей из Османской империи. Автор уделяет основное внимание сложностям, с которыми сталкивались реэмигранты, описывая пути обратного переселения горцев. Несмотря на то, что переселенческие потоки продолжались в течение второй половины XIX в., активная фаза эмиграции чеченцев и ингушей пришлась на 1865 г.

Статистические данные показывают, что процесс возвращения на родину чеченцев и ингушей не носил массовый характер, не было организованных мероприятий со стороны Османской и Российской империй. В целом, это был довольно разрозненный, хаотичный и стихийный процесс, который продолжался на протяжении всего XIX в. Некоторым эмигрантам все же удалось вернуться на места прежнего проживания, другие были поселены в отдаленные регионы Российской империи. При этом, многим было запрещено возвращаться на Родину. Кроме того, позиция официальных властей двух стран была достаточно четкой – возвращение было нежелательным. Впоследствии те, кто остался в Османской империи, составили основу сегодняшних вайнахских диаспор в Турции, Сирии и Иордании.

В исследовании автор привлек материалы из фондов российских архивов – РГВИА, РГАЛИ.

**Ключевые слова:** Реэмиграция, репатриация, Российская империя, Османская империя, ингуши, чеченцы, карабулаки, мухаджир.

**Благодарности:** Автор выражает благодарность Арапхановой Лейле Якубовне – кандидату политических наук, доценту, заведующему отделом ингушской этнологии ИнГНИИ за предоставленные материалы из фонда 38 РГВИА.

**Для цитирования:** Чапанов А.К. Чеченцы и ингуши в Османской империи во второй половине XIX в.: процессы эмиграции и реэмиграции // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 38-51. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-38-51. EDN: DJRJRZ.

---

© Чапанов А.К., 2024

Original article

## THE CHECHENS AND THE INGUSH IN THE OTTOMAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: THE PROCESSES OF EMIGRATION AND RE-EMIGRATION

**Akhmed K. Chapanov**

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, [ah-med.targimov@mail.ru](mailto:ah-med.targimov@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4234-4288>

**Abstract.** The mountain peoples of the North Caucasus were forced to relocate to the Ottoman Empire in the mid-19th century as a result of the Russian Empire's deliberate strategy. The High Porte was also highly interested in relocating the highlanders to its domain.

The article examines the process of Chechen and Ingush return to their homeland from the Ottoman Empire. The author focuses on the difficulties encountered by the re-emigrants, describing the ways the highlanders resettled back home. In spite of the fact that resettlement flows continued throughout the 1860s. The active phase of Chechen and Ingush emigration took place in 1865.

Statistical data shows that the process of Chechen and Ingush return to their homeland was not widespread because there were no organized activities on the part of the Ottoman and Russian empires. Overall, it was a rather piecemeal, chaotic and spontaneous process that lasted throughout the 19th century. Some highlanders still managed to return to their former places of residence; others were settled in remote regions of the Russian Empire. However, many were forbidden to return to their homeland. In addition, the position of the official authorities of the two countries was quite clear – their return was undesirable. Those who remained in the Ottoman Empire subsequently formed the basis of today's Vainakh diasporas in Turkey, Syria, and Jordan.

The study is based on materials from the Russian archives.

**Keywords:** Re-emigration, repatriation, Russian Empire, Ottoman Empire, Ingush, Chechen, Karabulaks, muhajir

**Gratitude:** The author expresses gratitude to Araphanova Leila Yakubovna, candidate of Political Sciences, head of the Department of Ingush Ethnology of the Ingush State Research Institute, for the materials provided from the fund 38 the Russian State Military Historical Archive.

**For citation:** Chapanov A.K. The Chechens and the Ingush in the Ottoman empire in the second half of the 19th century: the processes of emigration and re-emigration. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 38-51. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-38-51. EDN: DJRJRZ.

---

© Chapanov A.K., 2024

### *Введение*

За последние годы, в частности, в период «арабской весны» стал насущным вопрос о репатриации северокавказских народов, проживающих на территории Сирии, Турции, которые являются потомками переселившихся в середине XIX в. народов Северного Кавказа.

Известно, что на последнем этапе Кавказской войны по взаимной договоренности между Российской и Османской империями было организовано массовое переселение северокавказских народов.

В исследуемой теме ключевыми являются понятия «мухаджирство», «репатриация», «реэмиграция». В историографии события, связанные с переселением горцев в Османскую империю в последний период и после окончания Кавказской войны известны как мухаджирство. Термин ведет свое происхождение от

арабского слова «мухаджарат», которое означает переселение. Данный термин принято употреблять по отношению к добровольной эмиграции. Переселенцев-горцев также называли мухаджирами. Что касается выселения горских народов в середине XIX в., то оно имело добровольно-вынужденный характер.

Термины «репатриация» и «реэмиграция» используются применительно к возвращению тех или иных этнических групп. Под репатриацией понимается поддерживаемое государством возвращение на историческую родину лиц, оказавшихся в силу различных обстоятельств на территории других государств с восстановлением всех прав. В свою очередь, реэмиграция характеризуется как обратное возвращение в регион исхода.

Целью данного исследования является рассмотрение проблем, связанных с процессами эмиграции чеченцев и ингушей из Российской империи в Османскую и реэмиграции во второй половине XIX в., на основе анализа опубликованных и неопубликованных источников.

Со второй половины XIX в. в свет вышло множество научных исследований на тему переселения горских народов в Османскую империю. Однако трудов, рассматривающих вопросы социокультурной адаптации и интеграции иммигрантов на новом месте, возвращения переселенцев на родину и связанных с ним проблем, немного. Среди последних стоит выделить публикации Г.В. Чочиева, А.В. Кушхабиева, А.Д. Осмаева, П.А. Осмаевой. Подробный историографический анализ научных публикаций, посвященных истории переселения северокавказских народов в Османскую империю в 1860-е гг., приведен в работе Угура Бозкурта [Бозкурт 2019].

В настоящей статье в научный оборот вводятся неопубликованные источники, хранящиеся в фондах российских федеральных архивах: РГВИА – материалы высших органов российского управления на Кавказе; РГАЛИ – личного происхождения, в том числе, современников и участников переселения. В их воспоминаниях – размышления о способах государственной организации эмиграции, взаимодействиях между военным аппаратом и мусульманским духовенством по ходу переселения.

Проблематика переселения горских народов Северного Кавказа в Османскую империю во второй половине XIX в. является одним из ключевых и актуальных направлений научных исследований в современном кавказоведении. В основном, публикации по данной теме опираются на комплекс материалов из фондов, хранящихся в архивах России. Привлечение новых документов из зарубежных архивов, в частности, Турции и Грузии, позволит создать целостную картину изучаемого события истории России.

### ***Причины и этапы эмиграции чеченцев и ингушей***

Несмотря на то, что государственная точка зрения заключалась в том, что ни один горец не был принужден к переселению, активная агитационная работа со стороны представителей власти, проповеди религиозных деятелей и различные другие факторы способствовали ускорению и привели к массовости данного процесса.



Изначально властями планировалось переселить именно ту часть населения, которая представляла угрозу общественному порядку и спокойствию и, наоборот, других удержать от стремления к эмиграции.

Согласно докладу Главного управления Генерального штаба от 23 сентября 1865 г. «О переселении чеченцев и сокращение Терской постоянной милиции», для упрочения имперской власти и утверждения спокойствия на Северном Кавказе, в 1860-е гг. было принято решение о переселении части горцев на Терек, другую часть – выселить в Османскую империю, не прибегая к насильственным мерам [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 493. Л. 40, 48]. Кроме того, в качестве основного фактора отмечается освобождение земель для «благонадежных людей» – поселение на эти территории российских военных и казаков. Доклад основан на записке начальника бывшего Главного штаба Кавказской армии генерал-адъютанта П.А. Карцова, предложившего приложить все усилия для умиротворения народов Восточного Кавказа через переселение в Турцию, на Терек и другие местности, менее благоприятные «для хищнических наклонностей».

В переселении горцев и в предотвращении их реэмиграции были заинтересованы как власти Российской империи, так и Османской. Нет сомнений, что последняя преследовала свои интересы в данном направлении, в частности, для улучшения демографического положения. Порта получала воинственных горцев, тем самым повышая численность и боеспособность своей армии; увеличивала долю мусульман в местах проживания христианского населения в Малой Азии и на мятежных Балканах. Дополнительно человеческий ресурс использовался как благоприятный приток свежей рабочей силы в экономике и для освоения малозаселенных земель. С 1858 г. вопрос переселения стал предметом дипломатической переписки правительств двух империй [АКАК. Т. XII. Ч. 2. С. 1011, № 890].

В научной литературе выделяется целый ряд причин переселения горцев в Османскую империю в XIX в. Чаще всего, в качестве основных социально-экономических причин массового переселения горцев Кавказа исследователи выделяют: угнетение местных землевладельцев имперскими чиновниками российской администрации, заинтересованность горских феодалов в избавлении от «непокорных горцев» и в получении их земель, религиозная общность значительной части горцев с Османской империей, стремление ограничить распространение мюридизма и национально-освободительной борьбы [Дзидзария 1982: 200].

В РГАЛИ в фонде 46 «Бартенев Петр Иванович (1829-1912) – основатель и редактор журнала «Русский архив», историк литературы, археограф, библиограф» хранится автограф и рукописная копия военачальника, участника Кавказской войны Г.И. Филипсона «Начало переселения горцев с Кавказа», где раскрываются причины и первоначальный этап выселения горцев в Османскую империю. Сам Филипсон принимал весьма деятельное участие в переселении. В работе опровергается виновность имперской администрации и подчеркивается, что совокупность двух факторов, попытка избавиться от непокорных горцев и добровольное желание некоторых переселиться в мусульманскую страну, получили достаточно мощный толчок, что придало инерцию данному процессу.

Чеченцы и ингуши стали одними из самых активных участников миграционных потоков второй половины XIX в. Данное событие произошло позже, чем в случае черкесов и ногайцев, наиболее интенсивная фаза переселения которых была в начале 1860-х гг. В некоторых исследованиях [Волкова 1982: 219] отмечается, что ингуши практически не участвовали в миграционных процессах того времени, однако статистические сведения, приведенные в научных публикациях показывают обратное [Дзагуров 1925: 93; Бабич 2021: 498]. Безусловно, в количественном отношении численность переселенных ингушей уступает численности других народов, в частности черкесов, ногайцев, чеченцев [Волкова 1982: 221-222].

Среди горцев ходили слухи, что под предлогом поездки в Мекку можно переселиться в мусульманскую Турцию, для чего придумывались различные истории. Большинство эмигрантов надеялись обрести там землю и свободу. Для бедняков-горцев Османская империя представлялась землей обетованной, где «реки текли млеком и медом» [РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 369. Л. 65]. Активно распространялись вести, что султан обещал землю и щедрое пособие.

Необходимо было регулировать движение переселенцев через Гори, Боржом и Ахалцах. Одной из главных задач была охрана местного населения от проезжавших. Другой важной задачей, которая стояла перед комиссией по переселению, было обеспечение средствами пропитания на всем протяжении пути. В целом, выселение носило мирный характер.

Большие пространства плодородных земель, становившиеся собственностью казны, освобождались в результате эмиграции десятков тысяч горцев. Как известно, власти переселяли в освобожденные места в принудительном порядке военных поселенцев и казаков. Из Турции на Северный Кавказ была организована встречная волна переселенцев – балканских славян, греков и армян.

Еще с 1840-1850-х гг. по линии реки Сунжа начали образовываться казачьи станицы (Ново-Сунженская, Вознесенская, Троицкая, Карабулакская, Фельдмаршальская, Алханюртовская, Заканюртовская, Самашкинская и другие). К 1866 г. на равнинной части нынешней Чечни и Ингушетии проживало почти 61 тыс. казаков с семьями [Кабузан 2005: 208-209]. Взаимоотношения между казаками и коренными жителями складывались непростые, что создавало трудности для местного населения, например, цепь станиц не только разделила Ингушетию, но и отсекла равнинную ее часть от горной. Вплоть до конца XX в. данная проблема постоянно откликалась в стычках между ингушами и казаками, когда после известных событий в апреле 1991 г. казаки в большинстве своем покинули Ингушетию.

Те из северокавказских горцев, которые готовились к получению разрешения на переселение, оставались спокойными на месте жительства, пока не дойдет до них очередь. Чиновники из Главного управления Генерального штаба Русской императорской армии (с 1866 г. Главный штаб), одного из ведомств Военного министерства Российской империи и Главного штаба Кавказской армии, осуществляли организацию передвижения. Учитывая, что движение происходило мелкими группами, то легче было контролировать на всем пути.

Активное переселение чеченцев и ингушей пришлось на 1865 г. Это было инициировано начальником Терской области, военным и государственным дея-

телем М.Т. Лорис-Меликовым. Он ранее договорился с властями Порты о приеме 5 тыс. семей. Еще в 1859 г. Лорис-Меликов был командирован в Константинополь для переговоров о принятии в пределы азиатской Турции горцев-переселенцев из Терской области. Главным организатором на месте и непосредственным участником стал генерал-майор Муса Кундухов, который в 1864 г. ездил в Константинополь, чтобы договориться о переселении народов Восточного Кавказа. Он, чтобы показать личный пример, переселился со своей семьей, получив несколько десятков тысяч рублей за дом и жалованное угодье [РГАЛИ. Ф. 1431. Оп. 1, Д. 24. Л. 64-65]. Для успешного выполнения своего плана Кундухов имел пособников среди чеченцев и ингушей в лице Саадулы Османова, Саада Уллаха, Алигуко Цугова.

За 1865 г. переселилось ок. 5 тыс. семейств, среди которых ок. 3500 семейств чеченцев, ок. 1500 семейств карабулаков и назрановцев, всего 22895 душ мужского и женского пола [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 493. Л. 72]. По разным сведениям, численность переселившихся составляла 22491 [Берже 1882: 337] и 23057 человек [Дзагуров 1925: 137]. Общая численность чеченского и ингушского народов к 1865 г. составляла 143 тыс. и 26 тыс., в течение года покинуло ок. 15 % от всего населения [Кабузан 2005: 208-209], соответственно. Переселенцы перебирались в Турцию с домашним скотом и другим имуществом через Закавказский край. Согласно официальным данным, в общей сложности из Терской области вывезено 6919 арб, 11681 голов рогатого скота, 4497 лошадей [Дзагуров 1925: 137]. Российские чиновники настаивали на том, чтобы прибывших поселяли вглубь империи, подальше от границ. Известны случаи, когда по дороге нередко родители умирали, и дети оставались без попечения. К 1877 г. в живых осталось ок. 10 тыс. чел. от всех переселенцев [Берже 1882: 30].

Благодаря вере в «религиозную миссию», дипломатическим качествам и ораторскому таланту, Кундухову удалось даже «немногочисленное племя карабулаков смануть в Турцию» [РГАЛИ. Ф. 1431. Оп. 1, Д. 24. Л. 65]. Карабулаки считались наиболее непокорным и воинственным населением. Они активно поддерживали местное сопротивление в ходе Кавказской войны. Соответственно, для властных институтов переселение особо беспокойной части населения, которые представлялись как «разбойники» явилось важнейшей задачей [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 493. Л. 72 об.]. Практически все население восточной Ингушетии, в большинстве своем, изъявило желание переселиться в Османскую империю. Вопрос этногенеза карабулаков, получивших наименование – «орстхойцы», представляет особый интерес для исследователей, т.к. некоторая часть современных тайпов чеченцев и ингушей считают себя по происхождению их потомками. Исследователь И.Л. Бабич отмечает, что карабулаки являлись отдельным народом, а переселение стало результатом исчезновения всего народа [Бабич 2021: 495-500]. Тезис о карабулаках как об отдельном народе является достаточно спорным, учитывая то, что он не был народом, имевшим свою уникальную специфическую культуру. Кроме того, язык и быт существенно не отличались от чеченского и ингушского. До середины XIX в. орстхойцы занимали земли Терско-Сунженской равнины. После окончания Кавказской войны большая их часть эмигрировала в Османскую империю. Оставшаяся же часть выселилась в аул Ах-

Барзой и была ассимилирована ингушами и чеченцами. В настоящее время данный вопрос не получил должного освещения в кавказоведческой литературе.

Первая группа чеченских переселенцев в составе 300 семейств выехала в конце мая 1865 г. [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 470. Л. 39]. Непокорных подкупали, давая взятки влиятельным горцам, часто покупали за утроенную цену их дома. Чеченцы и ингуши передвигались через Закавказье сухопутным путем. Без особых сложностей и препятствий до турецкой границы были доставлены все 28 партий переселенцев [Базоркин 2002: 156; Дзагуров 1925: 137]. Российская центральная администрация, осуществив большие финансовые расходы, смогла достаточно четко организовать переселение в сторону Османской империи. Расходы на данную операцию составили примерно 85 тыс. руб. (по другим данным 118 тыс.), включая деньги, уплаченные М. Кундухову за дом и землю [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 493. Л. 72 об.]. Переселение было достаточно мирным и носило добровольно-вынужденный характер.

Чеченцы и ингуши редко уезжали по отдельности, чаще всего целым семейством, со всеми родственниками, распродав все имущество, или взяв некоторые вещи с собой. Среди уезжавших были, в основном, бедняки и представители духовенства, и в меньшем количестве лица, имевшие высшие воинские чины [РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 369. Л. 66]. Последним не разрешалось брать оружие с собой, исключения делалось только для дворян по отношению к холодному оружию. Северокавказцам казалось, что, выселившись в подобные районы Османской империи, они приобретут привычные для них экономические нормы и восстановят традиционный уклад жизни, разрушенный в ходе Кавказской войны.

Из рапорта военного министра Д.А. Милютину главнокомандующему Кавказской армией Великому князю Михаилу Николаевичу от 28 сентября 1865 г. следует, что с выселением предлагалось упразднить управление Карабулакского участка Ингушевского округа, прекратить выдавать жалованье уехавшим в Турцию офицерам и упразднить две из четырнадцати сотен Терской постоянной милиции [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 493. Л. 73]. Следовательно, переселение было выгодно российской имперской администрации и с финансовой точки зрения.

Переселение имело и политико-религиозный характер. Так, определенную роль сыграла и массовая агитация мусульманского духовенства (мулл, имамов и др.) с призывом к переселению, имевшего большое влияние в среде горского населения.

Муллы почти явно проповедовали историю о якобы предсказанном в Коране приближении времени, когда правоверные со всех сторон света должны собраться вокруг халифа для решительной борьбы с неверными и торжества ислама [РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 331 Л. 18-19]. Важно отметить, что людей, с хорошим знанием арабского языка, на тот период было немного. Несмотря на то, что некоторые муллы были неграмотными с позиции языковых и религиозных знаний, многие поверили им. В целях усиления переселенческих тенденций власти также распространяли молву, что горцев будут насильно обращать в христианскую веру. Пропаганда религиозного духовенства только усилила эмиграционные настроения в северо-восточной части Кавказа и

послужила одним из факторов, формирующих мотивацию у горцев-мусульман к перемене места жительства.

И российские власти, и Кундухов отмечали религиозное желание горцев жить среди своих братьев-мусульман, под покровительством османского султана.

Помимо духовных лидеров, часто агитацию среди местного населения проводили российские агенты. Они докладывали информацию о настроениях в горской среде. Имперская администрация всеми силами добивалась настроить на отъезд и сбить массовые стремления вернуться обратно. На реэмиграцию были установлены ограничения. Стихийность самого процесса, отсутствие точных сведений о пересекавших границу не дает возможности установить число возвратившихся на родину в 60-70-х гг. XIX в. Многие пересекали границу тайно.

В самой Порте ничего не было подготовлено для принятия значительного числа переселенцев. Социально-политическая обстановка в Османской империи оказалось достаточно сложной из-за огромного наплыва мухаджиров. Эпидемии, голод, непривычный климат способствовали увеличению смертности, усугубляли тяжёлое положение прибывших. Несмотря на то, что мухаджиров рассеяли по всей империи, они получали самую плохую землю. Спасением отчасти было служение в турецкой армии, но в рекруты брали только неженатых и потому некоторые горцы продавали своих жен и детей и поступали на службу [Берже 1882: 355]. Особенно трагична была судьба чеченцев и ингушей, которых поселили на юго-востоке империи, за Диярбакыром и Эрзинганом, в безводной пустыне. Турецкие власти специально поселяли горцев в земли, заселенными немусульманскими народами, курдами и армянами, чтобы ассимилировать последних. Климат и неблагоприятная среда пагубно влияли на переселенцев. Поэтому они старались консолидироваться друг с другом и с живущими рядом черкесами, дагестанцами и другими кавказскими народами.

В свою очередь, английское и французское посольства использовали данный вопрос для интриг против России. На страницах европейской прессы выходили статьи о сложной ситуации с эмигрантами и о гибели горцев, тем самым обостряя положение, подчеркивая военно-силовые методы российской администрации к переселению. В зарубежной печати обозначенные события отражались как насильственное выселение народов Кавказа.

### ***Проблемы реэмиграции переселенцев***

Большая часть мухаджиров оказались обманутой в своих надеждах насчет всех удобств жизни под покровительством Порты. Многие были обречены на скитания, некоторые из них пытались вернуться на родину. Чеченцы и ингуши, поняв ошибочность совершенного переселения и почувствовав бесперспективность жизни в Турции, искали различные пути вернуться назад. Вопрос о возвращении на родину стал практически сразу. Движение за возвращение назад только заметно усилилось через некоторое время после переселения. Многие, делая попытки вернуться на Кавказ, обращались с прошениями к российским властям, у которых была четкая позиция по этому вопросу. Ранее, на одно из таких прошений от черкесов Александр II наложил резолюцию: «О возвращении и речи быть не может» [Кумыков 1994: 18-19]. Так, на все просьбы различ-

ных представителей населенных пунктов назрановского общества, о разрешении возвратиться переселенцам с семьями, начальником Терской области Лорис-Меликовым было отказано.

Уже осенью 1865 г. чеченцами и ингушами были предприняты активные усилия по возвращению на родину. В одном рапорте отмечено, что численность вайнахов, прибывших на границу в октябре, достигла до 2680 душ. Большинство их вернулось из Арзерума – 991 человек, 914 человек из Аниса, а 672 человек из Мугла [Осмаев, Осмаева 2021: 41].

Однако, лишь незначительная часть самовольно вернулась на родину, несмотря на препятствия, чинимые властями. В основном, возвращались мелкими группами, численность реэмигрирующих составляло 5-20 человек в одной группе. 3 апреля 1865 г. русским консулам в Османской империи было направлено распоряжение, категорически запрещающее реэмиграцию северокавказских горцев [Тишков, Перхавко 2014: 36]. В данном вопросе позиции двух империй совпадали. В 1865 г. для контроля над правильным передвижением горцев был назначен капитан Кишмишев, который вскоре по приказу Великого князя Михаила Николаевича с войсковым отрядом был отправлен для защиты пограничной линии в районе Арпачай от пересечений переселёнными в Османскую империю горцами.

В Турции среди иммигрантов распространялись слухи, что всем, кто вернется, российское правительство обещало деньги, ордена и медали [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 23 об.].

Горцы пытались получить разрешение на возвращение в Россию, в том числе через консульства и различные представительства, но получали отказ. Исключения делались только в отношении бывших офицеров и представителей знати, по возвращении понижая их в должности. Поток переселенцев из Турции на Кавказ все рос. На первом этапе, несмотря на указы российского правительства, запрещающие обратное переселение, отдельные лица, пешком, без документов, пытались пробраться на Родину через пограничные посты. Попытки были хаотичными, соответственно, многих возвращали обратно. Примерный маршрут возвращавшихся выглядит так: Карс – Тифлис – Мцхета – Цылканский пост – Ананури – Пасанаури – Квешети – Коби – Казбеги (Степанцминда) – Ларс – Владикавказ – далее расселяли на Кавказе или отправляли в различные регионы империи [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 179].

Учитывая тот факт, что возвращавшиеся не изъявляли желания перейти в подданство Порты и не был просрочен срок паспортов, законным образом отказать было невозможно. Реэмигранты имели право требовать пропуска на родину как подданные Российской империи.

В результате переезда в Турцию, северокавказские горцы лишились всего, в том числе имущества, кроме родственных связей. Было объявлено, что они не смогут поселиться в прежних местах, а будет необходимо отправиться в другие регионы России. Тех, кто возвращался на родину через Черное море, принято было отправлять для поселения на Дон или в отдаленные от Кавказа места, не завозить в Тамань или в другие близкие порты. Прибывавших сухопутной границей отсылали в Баку, оттуда в Астрахань, что не всегда было возможным.

Часто транспортировку осуществляли иностранные суда, имеющие определенные рейсы. Иногда появление новых людей воспринималось местными жителями, как нарушение их прав. Самым лучшим решением считалось отправлять прибывших во внутренние губернии для поселения среди русского населения, в разные районы Российской империи, например, в Уральскую и Оренбургскую казачьи станицы. Возвращение на родину они должны были чем-либо аргументировать.

Одни возвращались морским путём, другие – сухопутным. За определенную сумму их перевозили из одного порта в другой. Они прятались в горах, так как не все пункты охранялись войсками. Российские власти боялись, что прибывшие могут образовывать различные группировки и снова воевать против них. Кроме того, многие распродали свое имущество, что могло привести к разбоям и воровству, на усмирение которых было потрачено много сил и денег. Данный вопрос оставался наиболее важным.

В апреле 1865 г. Кавказская береговая линия (черноморское побережье Кавказа) была усилена двумя казачьими сотнями. Официальные сведения показывают, что число возвратившихся было 200-300 чел. только за один месяц [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 23]. В выписке из письма генерал-адъютанта Н.П. Игнатьева к директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову отмечается, что несмотря на сдерживающие меры турецких властей по обратному переселению и на запрет возвращаться в Россию, тысячи мухаджиров бежали в пределы империи. Толпы совершали попытки прорваться через сухопутную границу в Чурук-Су (Кобулет) [Чочиев 2021: 69], которые периодически возобновлялись.

Российские власти изначально опасались, что возвращение примет массовый характер, достигнув весьма значительных размеров, но за 1861 г. вернулось 4300 чел. С каждым последующим годом количество прибывающих значительно сокращалась [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 175]. Следовательно, не было необходимости селить прибывавших в отдаленные территории, беспрепятственно селили в Кавказском крае. По прибытии, на одно семейство выдавалось в среднем примерно 100 руб., дополнительно хлеб и продовольствие.

Также предполагалось не пропускать возвращавшихся через границу позже августа, поскольку тяжело было транспортировать их в центральную Россию, что оказалось невозможным. Реэмиграция происходила на протяжении всего года.

Бывали ситуации, когда на иностранных пароходах прибывала значительная партия горцев, при этом паспорта не соответствовали тем, кто приехал. По словам самих эмигрантов, паспорта были перемешаны в консульстве в Константинополе.

Комитет приходил к выводу, что необходимо остановить возвращение. В соответствии с этим, дипломатическим ведомствам и консулам в Турции полагалось:

– всем, кто вступил в турецкое подданство, или которые просрочили паспорта отказывать в возвращении;

– тех, кто имеет непросроченные паспорта, если у них есть в России оседлость, имущество, то выдавать разрешение на проезд в империи, но уведомив, что, если они дали неточные показания будут выдворены на прежние места [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 182-185].

Отметим, что мухаджирство не ограничилось только 1860-ми гг. Оно продолжалось и на протяжении второй половины XIX в. Отдельные волны переселения имели место и в начале XX в., однако оно обрело паломнический характер. Правительство было не против таких «богомольческих» переселений, так как социальная напряженность в регионе спадала и освобождалась земля.

Реэмиграция также продолжалась и в 1870-1880-е гг. В одном из прошений 15-ти ингушских аулов Назрановского общества от 30 марта 1870 г. содержится просьба о возвращении переселенцев – ингушей из Турции на родину. Письмо подписали 15 почетных ингушских представителей [Дзагуров 1925: 163-164], которые обещали принять на себя все расходы по возвращению, отвечать за поведение репатриантов и выделить землю.

С 1872 г. мухаджирам уже разрешалось возвращаться на родину. Однако вскоре, в 1876 г. было отменено массовое возвращение в Россию паломников, среди которых встречались некоторые верующие, ориентированные на Турцию. Были приняты меры строгого политического надзора за подозрительными горцами Северного Кавказа, с отпусков были отозваны все военнослужащие российской армии, проходившие службу на Северном Кавказе.

В 1873 г. на имя главнокомандующего Кавказской армией было подано прошение от вышедших из Турции карабулаков. На родину вернулись и Гандалоевы, пробывшие за пределами Российской империи 7 лет. Они поселились в Насыр-Корт, оттуда через некоторое время перебрались в Сагопши [Волкова 1974: 223-224].

Из числа переселившихся в 1860–1870-х гг. на родину возвратилось 5857 чеченцев, часть чеченцев вернулась позже – после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Данная историческая травма отражена в культуре народов Северного Кавказа. Эмиграцию 1865 г. рассматривают многие чеченские и ингушские авторы, среди которых выделим историко-документальные произведения А. Айдамирова, И. Базоркина, А. Бокова<sup>1</sup>. Так, в романе ингушского писателя А. Бокова «Судьба» ярко показаны события из трудной жизни переселенцев на чужбине. Автор достоверно описывает трагические попытки ингушей вернуться на родину. Тема переселения поднимается в романе турецкого писателя ингушского происхождения Садеттина Джанполата «Серебряный кинжал» и в драме Н.В. Бегичевой-Голубовой «Изгнание ингушей из плоскости в горы», неопубликованная рукопись которой хранится в РГАЛИ в ее личном фонде № 60.

Переселение чеченцев и ингушей в Османскую империю повлекло за собой целый ряд социальных проблем, став культурной травмой и оставив неизгладимый след в памяти и групповом сознании народов Северного Кавказа. Как и депортации 1944 г., переселение вайнахов во второй половине XIX в. является ча-

---

<sup>1</sup> Айдамиров А. Долгие ночи. М., 1996; Базоркин И. Из тьмы веков. Грозный, 1989; Боков А. Судьба. Нальчик, 2003.



стью коллективной и исторической памяти. Однако если сравнивать с депортацией, то последствия, не так остро рефлексировались в их массовом сознании.

### *Заключение*

В целом, эмиграционная политика второй половины XIX в. на Северном Кавказе привела к переселению части чеченцев и ингушей и оказалась непродуктивной с точки зрения цели и практических последствий. Переселение стало крупнейшей этнодемографической катастрофой.

От высшей администрации было дано негласное указание провести среди населения работу по возбуждению интереса к переселению, «морально» подготовить людей к эмиграции. Так, религиозные деятели проводили агитацию среди местного населения, внушая им, что в мусульманской стране их ждет лучшая жизнь. Многие, воодушевившись, поверили им, но в итоге оказались обмануты в своих надеждах. Кроме того, в Российской империи были риски насильственной христианизации.

Мухаджиры, разочаровавшись в «миссии» и столкнувшись с трудностями в Османской империи, пытались вернуться на родину, но это удалось лишь незначительной части. Представители власти, боясь распространения роста социального недовольства, всеми способами сдерживали эти потоки. Оказалось, что по возвращении их также никто не ждал. Обманчивые обещания помощи Турции и надежда увидеть родные горы растворились в один миг. Земли были заняты казаками, местной администрацией и военными. Вопреки, некоторым горцам удалось репатриировать, а часть была выслана в другие районы Российской империи, где они обосновались на новом месте. Переселенческая политика пагубно отразилась на социально-экономическом и духовно-культурном самочувствии северокавказских горцев, затормозив их развитие. Большая часть вайнахского субэтноса карабулаков эмигрировала в Турцию. История происхождения карабулаков до сих пор остается малоизученной и нуждается в проведении дополнительных комплексных исследований.

Те, кто остался в Османской империи, достаточно быстро интегрировались в новое сообщество, и в последующем, стали подданными империи. Позже, чеченцы и ингуши активно принимали участие в войнах, защищая османскую армию, в том числе и в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. По окончании войны, с некоторых территорий, вошедших в состав Российской империи, например, Батуми и Карса продолжилась репатриация горцев, которые ранее переселились туда с Кавказа.

Отчаянные попытки вернуться на родину, за редким исключением, заканчивались безуспешно. Во второй половине XIX – начале XX в. чеченцы и ингуши расселились в Сирии, Иордании, Ираке. Сегодня на территории данных стран проживают потомки тех переселенцев, которые полностью интегрировались в другую социокультурную среду. Оставшиеся в Турции горцы впоследствии образовали новый мир, став частью северокавказского, и, шире, российского зарубежья.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бабич 2021 – *Бабич И.Л.* Переселение карабулаков в Османскую империю в контексте Российской политики на Северном Кавказе // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 5(38). – С. 495-500.

Базоркин 2002 – *Базоркин М.М.* История происхождения ингушей. – Нальчик. Эль-Фа, 2002. – 289 с.

Берже 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. – Т. 33. – Кн. 1. – Сс. 161-176; – Кн. 2. – Сс. 337-363; – Т. 36. – Сс. 1-32.

Бозкурт 2019 – *Бозкурт У.* Проблема мухаджирства из Российской империи в Османскую империю в российской историографии // Человеческий капитал. – 2019. – № 9(129). – С. 38-47.

Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 1974. – 273 с.

Дзагуров 1925 – *Дзагуров Г.А.* Переселение горцев в Турцию: материалы по истории горских народов. – Ростов н/Д.: Севкавказ, 1925. – 202 с.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, Алашара, 1982. – 530 с.

Кабузан 2005 – *Кабузан В.М.* Динамика численности и этнического состава населения Чечено-Ингушетии в XVIII-XX веках // Труды Института российской истории. Вып. 5. – М., 2005. – С. 206-225.

Кумыков 1994 – *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию-последствие Кавказской войны. – Нальчик, Эльбрус, 1994. – 112 с.

Кушхабиев 2023 – *Кушхабиев А.В.* Проблема репатриации черкесских иммигрантов из Османской империи во 2-й половине XIX – начале XX века в документах архивов России и Грузии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 293-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-293-317.

Осмаев, Осмаева 2021 – *Осмаев А.Д., Осмаева П.А.* Трудный путь на родину (о попытках чеченских мухаджиров вернуться из Турции в 1865-1867 гг.) // Вестник Академии наук ЧР. – 2021. – № 3 (54). – С. 41-46. – DOI: 10.25744/vestnik.2021.54.3.007.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

Тишков, Перхавко 2014 – *Тишков В.А., Перхавко В.Б.* Итоги Кавказской войны и переселения горцев Кавказа // Вестник российской нации. – 2014. – №. 1. – С. 22-39.

Чочиев 2021 – *Чочиев Г.В.* Проблема «возвращения на родину» в северокавказской диаспоре в Турции (османский период) // Вопросы истории. – 2021. – № 6-1. – С. 61-84. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202106Statyi10.

## REFERENCES

BABICH I.L. *Pereselenie karabulakov v Osmanskuyu imperiyu v kontekste Rossiiskoi politiki na Severnom Kavkaze* [The emigration of the Karabulaks to the Ottoman Empire in the context of Russian politics in the North Caucasus]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2021. – № 5(38). – P. 495-500. (In Russ.).

BAZORKIN M.M. *Istoriya proiskhozhdeniya ingushei* [The History of the origin of the Ingush]. – Nal'chik. El'-Fa, 2002. – 289 p. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Vyselenie gortsev s Kavkaza* [Eviction of mountaineers from the Caucasus]. In: *Russkaya starina*. 1882. – Т. 33. – Vol. 1. – P. 161-176; – Vol. 2. – P. 337-363; – Т. 36. – P. 1-32. (In Russ.).

BOZKURT U. *Problema mukhadzhirstva iz Rossiiskoi imperii v Osmanskuyu imperiyu v rossiiskoi istoriografii* [The problem of Muhajirun movement from Russian Empire to Ottoman Empire in Russian historiography]// *Chelovecheskii kapital*. – 2019. – № 9(129). – P. 38-47. (In Russ.).

CHOCHEV G.V. *Problema «vozvrashcheniya na roдинu» v severokavkazskoi diaspore v Turtsii (osmanskii period)* [The problem of “Return to the Homeland” in the north Caucasian Diaspora in Turkey (Ottoman period)] In: *Voprosy istorii*. – 2021. – № 6-1. – S. 61-84. (In Russ.).

DZAGUROV G.A. *Pereselenie gortsev v Turtsiyu: materialy po istorii gorskikh narodov* [Resettlement of mountaineers to Turkey]. – Rostov n/D., Sevkavkniga, 1925. – 202 p. (In Russ.).

DZIDZARIYA G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii KhIKh stoletiya* [Mahadjirism and problems of the history of Abkhazia of the nineteenth century]. – Sukhumi: Alashara, 1982. – 530 p. (In Russ.).

KABUZAN V.M. *Dinamika chislennosti i etnicheskogo sostava naseleniya Checheno-Ingushetii v XVIII-XX vekakh* [Dynamics of the number and ethnic composition of the population of Chechen-Ingushetia in the XVIII-XX centuries]. In: Trudy Instituta rossiiskoi istorii. – Vol. 5. – Moscow, 2005. – P. 206-225. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Vyselenie adygov v Turtsiyu-posledstvie Kavkazskoi voiny* [The eviction of the Adygs to Turkey is a consequence of the Caucasian War]. – Nal'chik, El'brus, 1994. – 112 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Problema repatriatsii cherkesskikh immigrantov iz Osmanskoi imperii vo 2-i polovine XIX – nachale XX veka v dokumentakh arkhivov Rossii i Gruzii* [The problem of repatriation of Circassian immigrants from the Ottoman empire in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries in the documents of the archives of Russia and Georgi]. In: Elektronic zhurnal «Kavkazologiya». – 2023. – № 3. – P. 293-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-293-317. (In Russ.).

OSMAEV A.D., P. A. OSMAEVA P.A. *Trudnyi put' na Rodinu (o popytkakh chechenskikh mukhadzhirov vernut'sya iz Turtsii v 1865–1867 gg.)* [The difficult way to the homeland (about the attempts of Chechen muhajirs to return from Turkey in 1865-1867)]. In: Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. – 2021. – № 3 (54). – P. 41-46. (In Russ.).

*Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv.* [The Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.).

*Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva.* [The Russian State Archive of Literature and Art.]. (In Russ.).

TISHKOV V.A., PERKHAVKO V.B. *Itogi Kavkazskoi voiny i pereseleniya gortsev Kavkaza* [The results of the Caucasian War and the resettlement of the mountaineers of the Caucasus]//Vestnik rossiiskoi natsii. – 2014. – № 1. – P. 22-39. (In Russ.).

VOLKOVA N.G. *Etnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the XVIII – early XX century]. – Moscow: Nauka, 1974. – 273 p. (In Russ.).

### **Информация об авторе**

А.К. Чапанов – кандидат политических наук.

### **Information about the author**

A.K. Chapanov – Candidate of Science (Politics).

Статья поступила в редакцию 18.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 93/94(470.64)  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-52-70  
EDN: EDKGUP

## ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ НА МЕРОПРИЯТИЯХ ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНОВАНИЯ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА 6 МАЯ 1884 ГОДА В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ

Елена Александровна Анищенко<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, [elen\\_anischenko@mail.ru](mailto:elen_anischenko@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0007-2839-3933>

<sup>2</sup> Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности деятельности властей и институтов самоуправления по организации питания на торжествах по случаю празднования 6 мая 1884 года совершеннолетия наследника российского престола Николая Александровича в станицах Нальчикского округа Терской области. В статье проведен анализ делопроизводственной документации управления Нальчикского округа: предписания, рапорты, счета, сведения и ведомости. На его основе исследованы вопросы взаимодействия структур власти областного, окружного и участкового уровней и органов местного самоуправления по вопросам организации празднеств и общественного питания за счет общественных сумм. Проанализированы основные направления документооборота учреждений власти и самоуправления в пределах их компетенции по организации питания на массовых мероприятиях. Рассмотрен процесс организации питания и бюджетирования торжественных мероприятий по празднованию совершеннолетия Наследника престола в станицах Нальчикского округа. Произведен анализ событийной и финансовой отчетности о проведении торжественных мероприятий. Обозначена ключевая роль казначеев и станичных сходов в вопросах распоряжения общественными средствами для организации праздничных мероприятий. При этом отмечена роль станичного начальства, задачи которого лежали в плоскости решения организационных вопросов проведения торжества. Сделан вывод о полном контроле институтов местного самоуправления и властных структур над вопросами расходования средств станичных общественных касс для организации массовых мероприятий и общественного питания, а также об изменениях локальных гастрономических практик в процессе интеграции коренного населения региона в социально-экономическое пространство Российской империи.

**Ключевые слова:** Нальчикский округ, Терская область, совершеннолетие Наследника престола, общественная сумма, общественное питание.

**Для цитирования:** Анищенко Е.А. Организация общественного питания на мероприятиях по случаю празднования совершеннолетия наследника Николая Александровича 6 мая 1884 года в Нальчикском округе // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 52-70. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-52-70. EDN: EDKGUP.

---

© Анищенко Е.А., 2024

Original article

**ORGANIZATION OF PUBLIC CATERING AT EVENTS  
ON THE OCCASION OF THE CELEBRATION OF THE COMING  
OF AGE OF HEIR NIKOLAI ALEXANDROVICH  
ON MAY 6, 1884 IN THE NALCHIK DISTRICT**

**Elena A. Anishchenko**<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, [elen\\_anishchenko@mail.ru](mailto:elen_anishchenko@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0007-2839-3933>

<sup>2</sup> Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

**Abstract.** The article examines the features of the activities of the authorities and self-government institutions in organizing catering at the celebrations on May 6, 1884, the coming of age of the heir to the Russian throne, Nikolai Alexandrovich, in the villages of the Nalchik district of the Terek region. The article analyzes the office documentation of the Nalchik district administration: orders, reports, invoices, information, and statements. On its basis, the issues of interaction between government structures at the regional, district and precinct levels and local governments on the organization of celebrations and public catering at the expense of public funds were studied. The main directions of document flow of government and self-government institutions within their competence in organizing catering at public events are analyzed. A conclusion is drawn about the process of organizing and budgeting ceremonial events to celebrate the coming of age of the Heir to the Throne in the villages of the Nalchik District. A review of event and financial reporting on celebrations was conducted. Treasurers and village gatherings play an important role in handling public monies for festive activities. At the same time, the role of village authorities was highlighted, whose responsibilities included resolving organizational concerns related to the celebration. The conclusion is made about the full control of local government institutions and government structures over the issues of spending funds from village public funds offices for organizing mass events and public catering, as well as about changes in local gastronomic practices in the process of integrating the indigenous population of the region into the socio-economic space of the Russian Empire.

**Keywords:** Nalchik district; coming of age of the Heir; social capital; social catering organization.

**For citation:** Anishchenko E.A. Organization of public catering at events on the occasion of the celebration of the coming of age of heir Nikolai Alexandrovich on May 6, 1884 in the Nalchik district. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 52-70. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-52-70. EDN: EDKGUP.

---

© Anishchenko E.A., 2024

***Введение***

*Актуальность.* Включение Центрального Кавказа в административную систему Российской империи привело не только к изменению локальных гастрономических практик, но также и к возникновению системы общественного питания и контролю за ней со стороны региональных властей. Это можно проследить в том числе и на примерах организации торжественных массовых мероприятий в пореформенный период. Одним из таких событий стали торжественные мероприятия по случаю празднования 6 мая 1884 г. совершеннолетия наследника империи Николая Александровича в Нальчикском округе. Оно про-

водилось во всех станицах округа по распоряжению и в соответствии с программой и системой организации бюджета, которые были предложены начальником Терской области. При этом отчетная делопроизводственная документация позволяет установить не только сходства, но и различия в практиках организации празднования в каждой станице, в том числе и уровень благосостояния жителей, особенности системы управления общественными суммами и их роль в организации массовых мероприятий. Делопроизводственная документация, посвященная организации и последующему контролю массовых торжеств по случаю празднования совершеннолетия престолонаследника, позволяет подробнее изучить особенности включения данной территории в социально-экономическое пространство Российской империи.

*Целью* настоящего исследования выступает изучение особенностей организации празднования совершеннолетия наследника Николая Александровича 6 мая 1884 г. в станицах Нальчикского округа Терской области. Для достижения цели поставлены и решены следующие *задачи*: проанализирована и классифицирована делопроизводственная документация, отражавшая подготовку и проведение мероприятий; изучены сведения о планировании празднования совершеннолетия Наследника в Нальчикском округе; рассмотрены событийная и финансовая отчетности о проведении этих мероприятий; выявлены особенности управления станичными общественными суммами в процессе организации общественного питания на мероприятиях, посвященных празднованию совершеннолетия Наследника в Нальчикском округе.

Изучение организации общественного питания как части системы проведения праздничных мероприятий в пореформенный период в отечественном кавказоведении не становилось предметом специального исследования. Однако некоторые вопросы организации социально-экономических отношений в пореформенный период, особенностей развития местного самоуправления, деятельности Съезда доверенных и определение места и роли Кабардинской общественной суммы и общественных касс в практиках местного самоуправления; исследование особенностей административного и экономического развития Нальчикского округа во второй половине XIX в. – начале XX в., а также организации предпринимательской деятельности в Нальчикском округе были рассмотрены в работах Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1959], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2017; Прасолов 2019], И.С. Пазова [Пазов 2018], Т.А. Дзуганова [Дзуганов 2021], М.Х. Бербековой [Бербекова 2023; Абазов, Бербекова, Дышеков 2023].

Источниковой базой исследования послужили материалы Ф. И-6 «Управление Нальчикского округа», Оп. 1. Д. 5. Т. 1 Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР. Несмотря на название, основной объем дела составила обширная делопроизводственная документация по вопросам организации празднования совершеннолетия Его Императорского Высочества Наследника, Цесаревича, Атамана всех Казачьих войск Великого Князя Николая Александровича в станицах Нальчикского округа 6 мая 1884 г. Обозначенные материалы позволяют описать процесс трансформации гастрономических традиций в пореформенный период и имеют существенное значение для

сравнительного анализа дальнейших изменений в системе организации питания в Нальчикском округе и соседних регионах.

В ходе исследования нами были выделены и проанализированы следующие типы делопроизводственной документации: предписания, рапорты, счета, сведения и ведомости. Причем последние три пункта представляют собой материалы финансовой отчетности.

*Предписания* – документы, отправленные от вышестоящего к подведомственному учреждению и содержавшие в себе указания, обязательные к исполнению. Например, предписание от имени и.д. Начальника Терской области или Канцелярии Начальника Терской области на имя Начальника Нальчикского округа об организации торжественного празднования совершеннолетия Наследника [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 95-95 об.]; предписания Начальника Нальчикского округа приставам участков округа с аналогичным распоряжением [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 86-87].

*Рапорты* – наиболее часто встречающийся тип документов вертикальной коммуникации, отсылавшихся «снизу вверх» и содержавших в себе отчеты вышестоящему начальству по конкретному вопросу. В ходе исследования представлены рапорты начальника Нальчикского округа на имя и.д. Начальника Терской области [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 98-98 об.]; рапорты приставов (начальников) участков на имя Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 88-88 об.]; рапорты атаманов станиц на имя приставов (начальников) участков Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 122-122 об.].

*Счета, сведения и ведомости* – финансовые документы, представляющие собой сметы планируемых [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 93-93 об.] и отчеты о совершенных расходах [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 140].

Анализ документов позволяет подробно охарактеризовать особенности организации и бюджетирования торжественных мероприятий по празднованию совершеннолетия Наследника престола, а также проанализировать сведения об обеспечении питанием этих торжеств в отчетной документации атаманов Зольской, Прохладной, Солдатской, Павловской, Марьинской, Чернойрской, Новоосетинской, Павлодольской, Луковской, Курской, Приближной, Пришибской, Котляревской, Александровской, Георгиевской, Государственной, Новопавловской, Незлобной, Лысогорской, Подгорной станиц, старшины селения Урухского и приставов участков Нальчикского округа. Исследование проводилось с учетом особенностей административно-территориального устройства Нальчикского округа Терской области в 1884 г. Так, в это время в состав 1-го участка округа входили: станицы Александровская, Котляревская, Пришибская. В состав 2-го участка округа входили следующие населенные пункты: станицы Прохладная, Солдатская, Павловская, Марьинская. В состав 3-го участка округа входили станицы Приближная, Екатериноградская, Курская, Павлодольская, Чернойрская, Луковская, Новоосетинская. В состав 4-го участка округа входила станица Зольская. В состав 5-го участка округа входили станицы Подгорная, Александровская, Лысогорская, Незлобная, Георгиевская, Новопавловская,

Государственная, а также поселок Урухский [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]

***Организация и бюджетирование торжественных мероприятий  
по празднованию совершеннолетия Наследника престола  
в станицах Нальчикского округа***

Весной 1884 г. по всей Российской империи проходили масштабные празднования совершеннолетия Его Императорского Высочества Наследника, Цесаревича, Атамана всех Казачьих войск Великого Князя Николая Александровича. В связи с этим 17 апреля 1884 г. правитель канцелярии начальника Терской области отправил предписание начальнику Нальчикского округа о предстоящем 6 мая 1884 г. событии. В нем он предписывал окружному начальнику отпраздновать этот день с особой торжественностью во всех станицах округа: должен был быть отслужен благодарственный молебен, устроены скачки, предложено угощение станичным жителям. Причем расходы как на угощение, так и на призовой фонд для скачек должны были осуществлены за счет станичных сумм [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 95-95 об.].

23 апреля 1884 г. Начальник округа отправил предписание приставу 2 участка о подготовке празднования совершеннолетия Его Императорского Высочества Николая Александровича. К предложенному и.д. начальника области плану торжественных мероприятий – благодарственному молебну, скачкам и угощению – добавилось приобретение пособий для учащихся. Все должно было быть закуплено за счет станичных сумм [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 86-87].

Через несколько дней в своем рапорте от 4 мая 1884 г. начальник округа доложил об исполнении поручения и сообщил о единодушном выражении верноподданических чувств жителями станиц и их согласии отчислить от 50 до 100 руб. из станичных сумм для празднования на празднования. Также обозначено, что эти средства будут потрачены на покупку иконы, изготовление призов для скачек, на угощение учителей и детей, учащихся в станичных школах и на покупку пособий для них, на угощение для жителей станиц и иллюминацию [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 98-98 об.]. Также в рапорте упоминалось о том, что местное население округа будет праздновать «этот торжественный и радостный для каждого русско-подданого день сообразно своих обычаев и религий» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 98-98 об.].

В ответ на упомянутое выше предписание 26 апреля 1884 г. пристав 2 участка сообщил начальнику Нальчикского округа, что в некоторых станицах нет средств для организации таких торжеств. В связи с этим он предложил «устроить все хозяйственным способом», т.е. переложить организацию и финансовое обеспечение празднований именин Цесаревича Николая на сами станичные общества. В свою очередь торжества должны были состоять по предложению пристава 2 участка из скачек и обеда для станичных жителей [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 88-88 об.].

Данную переписку между начальником Нальчикского округа и приставом 2-го участка дополняют сведения о предполагаемых расходах на это мероприя-



тие в станицах Зольской, Прохладной, Солдатской, Павловской, Марьинской. Так, в станице Зольской было предложено после торжественного богослужения организовать угощение для жителей по предварительному расчету на 666 человек [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 90] (или 300 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]), исходя из того, что на каждого жителя станицы предполагалось следующее угощение: по 1/120 чар – всего 6 ведер, каждое по 5 руб. и 50 коп. – 33 руб.; по 1/4 фунта хлеба – всего 4 пуда – 6 руб. В списке угощений был 1 бык стоимостью 15 руб. А также присутствовало лакомство для детей, учащихся и не учащихся в училище, на сумму 5 руб. Общая стоимость расходов общества станицы Зольской должна была составить 124 руб. серебром [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 90-90 об.].

В станице Прохладной празднование совершеннолетия наследника престола на 565 человек [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 90] (или 603 двора [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]), должно было обойтись обществу в 131 руб. 81 коп. В том числе затраты на угощение включали в себя: 3-х баранов по 4 руб. – итого 12 руб.; 5 ведер водки (1/120 чары на человека, 65-120 чар) по 5 руб. на ведро общей стоимостью 27 руб. 75 коп.; хлеба по 1/4 фунта на каждого (3 пуда 21 1/4 фунта) – 7 руб. 6 коп. Также были учтены расходы на лакомство для детей, учащихся в училище и не учащихся, – 10 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 91-91 об.].

В станице Солдатской, включавшей в себя 341 двор [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28] планировалось потратить на эти торжества 96 руб. 50 коп. серебром. В том числе 5 руб. на лакомство для детей, учащихся в училище и не учащихся [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 92-92 об.].

Атаман станицы Павловской, состоящей из 290 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28], представил начальнику участка сведения о том, что расходы на празднование должны были составить до 123 руб. 28 коп. Угощение рассчитывалось на 340 человек. При этом на каждого жителя станицы планировалось: по 1/120 чары ведра – 1 ведро водки 5 руб.; по 1/4 фунта белого хлеба – пуд хлеба – 1 руб. 40 коп.; 5 баранов на станицу – каждый баран – 3 руб. 50 коп.; а также на лакомство для детей, учащихся в Станичной школе и не учащихся, – 2 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 93-93 об.].

Старшина станицы Марьинской, в которую входило 530 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28], предложил устроить соревнования по бегу отдельно для мальчиков и девочек. Причем призом для девочек должны были стать лакомства, а для мальчиков – казацкое снаряжение. Общая сумма затрат на призы – в том числе и на лакомства для девочек – должна была составить 20 руб. На угощения по случаю празднования совершеннолетия Цесаревича предполагалось раздать по чарке водки, для чего планировалось приготовить 5 ведер водки. Что же касается съестных припасов, то хлеб и другую необходимую закуску было решено приготовить по сбору от жителей [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 94-94 об.].

3 мая 1884 г. пристав 3-го участка Нальчикского округа доложил начальнику округа об объявлении станичным обществам на полных общественных сходах о праздновании 6 мая совершеннолетия Наследника. Пристав отмечал

общую радость, неподдельную любовь и верноподданические чувства жителей станиц 3-го участка округа и сообщал, что они постановили после божественной литургии в храмах отслужить на площадях благодарственный молебен о здравии и долгоденствии Императора и всего Царствующего дома [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 99]. Затем как коренным жителям подведомственной ему территории, так и приезжим должна быть предложена приличная закуска с заздравной чаркой вина, а детям розданы лакомства. После угощения в станицах планировалось проведение скачек для молодых казаков с тремя призами, а вечером – иллюминация. На всё празднество и призы из станичных сумм планировалось затратить 150 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 99 об.].

На рапорте также присутствовало указание приставам, обозначенное карандашом, о предоставлении сведений о том, сколько и на что именно было израсходовано и кто именно выиграл призы [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 99].

В соответствии с рапортом приставы 3-го участка в станице Черноярской, состоявшей из 266 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28], запланированы народные гуляния, танцы и скачки с тремя призами. Для этого за неимением общественных сумм станичниками была пожертвована необходимая сумма [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 99 об.].

Жители станицы Новоосетинской, включавшей в себя 284 двора [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28], запланировали следующие мероприятия: народные гуляния в общественной роще, казацкая джигитовка, заказ памятной иконы Св. Николая Чудотворца для местной церкви. Для этого из станичной суммы было отчислено 25 руб., а также собрана достаточная сумма пожертвованиями [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 99 об.].

В станице Павлодольской – на 576 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28], должны были пройти народные гуляния и казацкая джигитовка, дома украшены флагами и по возможности устроена иллюминация. Для этого из общественных сумм планировалось отчислить 100 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 99 об.].

В станице Луковской, включавшей в себя 496 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28], запланировали народные гуляния, казацкую джигитовку и народные танцы, на которые должно быть выделено из общественных сумм 20 руб., а также должна быть собрана сумма от станичных пожертвований [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 99 об.].

В станице Курской (191 двор [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]) были запланированы народные гуляния, танцы и джигитовка казаков, а также в память торжественного события сооружена для местной церкви икона Св. Николая Чудотворца. Общие траты должны были составить 50 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 99 об.].

В станице Приближной, состоявшей из 137 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28], должны были пройти народные гуляния с танцами и джигитовкой казаков [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 99 об.].

Первичный рапорт пристава 1-го участка Нальчикского округа окружному начальнику от 30 апреля 1884 г. содержал следующие сведения о подготовке к торжествам по случаю совершеннолетия Наследника. Станичные общества 1-го участка, (Пришибское (216 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]), Котляревское (147 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]) и Александровское (170 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28])) постановили отчислить из общественных сумм по 50 руб. Накануне дня торжества должны были украсить станицы флагами и зеленью. Утром 6 мая – отслужить обедню в приходских церквях и молитву на церковной площади, угощение жителей станиц и, по желанию, скачки [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 101-101 об.].

Из селения Урухского была также прислана ведомость о предполагаемых тратах на празднование совершеннолетия Наследника. Эта ведомость содержала подробную смету расходов со списком товаров и ценой за каждый из них. Расходы, обозначенные в ведомости, были рассчитаны на угощение общества, угощение учеников Поселкового училища и призы на скачки [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 107]. Для угощения общества на 135 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28] предполагалось закупить следующие припасы: 2 ведра хлебного вина – 12 руб.; 2 ведра виноградного вина – 6 руб.; одно ведро пива – 2 руб.; 2 бутылки кахетинского вина – 1 руб.; 1 пуд говядины – 2 руб. 80 коп.; 1 пуд баранины – 4 руб.; 2 фунта немецкой колбасы – 50 коп.; 2 фунта голландского сыра – 1 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 107]. Для угощения учеников: 20 фунтов мелкой карамели – 3 руб. 25 коп.; 20 фунтов пряников – 2 руб. 60 коп.; 2 пуда крупных орехов – 4 руб.; 24 бутылки лимонаду – 2 руб. 40 коп [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 107-107 об.]. Для призовой скачки предполагалось выделить 3 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 107-107 об.]. Ведомость завершалась внушительным количеством подписей жителей Урухского поселка, а также отметкой о ее подписании поселковым правлением и о добавлении казенной печати [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 108].

Станица Георгиевская 5-го участка Нальчикского округа (277 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]) сообщила следующие сведения о тратах, которые общество определило к покупке за счет общественной суммы. На угощение общества предполагалось потратить 50 руб., а на лакомства для учащихся станичной школы – 11 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 109].

В список угощения станицы Государственная (428 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]) для мальчиков-учеников станичной школы входили 1 пуд крупных орехов (2 руб. 50 коп.) и 5 фунтов конфет (1 руб. 25 коп.) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 110]. Для угощения станичного общества запланировано к закупке: продуктов для общественного обеда на сумму 7 руб. 40 коп.; 2 барашка на жаркое – 5 руб.; корова – 20 руб.; 5 ведер водки – 24 руб. 50 коп.; 5 ведер вина – 10 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 107-107 об.].

Новопапавловское станичное правление, в которое входило 406 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28], обозначило в ведомости следующие траты, одобренные доверенными от общества, для празднования совершеннолетия Цесаревича Николая. Для угощения стариков, женщин и девиц было предусмотрено: 4 ведра водки – 20 руб.; 3 ведра вина – 6 руб.; корова – 15 руб.; 2 пуда белого хлеба – 2 руб. 40 коп. Для пирогов было обозначено 2 пуда крупчатой муки, а также сорочинская крупа и мед – все вместе стоимостью 4 руб. 40 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 111]. Для учеников станичной школы были предусмотрены следующие лакомства: 10 фунтов конфет – 3 руб.; полпуда пряников – 2 руб. 80 коп.; полпуда рожков – 1 руб. 40 коп.; полпуда орехов – 1 руб. 40 коп. На призы для наездничества и скачки казаков было выделено 3 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 111].

Атаман станицы Незлобной, состоявшей из 361 двора [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28], отправил начальнику участка ведомость лакомств, которые должны были быть приготовлены на празднование совершеннолетия Наследника. В их числе для общества было: 2 ведра водки – 10 руб.; 2 ведра вина – 6 руб.; дюжина пива – 1 руб. 20 коп.; 2 пуда белого хлеба – 4 руб. Также было предусмотрено угощение для учеников: пряники, орехи – всего на 4 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 112].

Сведения из станицы Лысогорской (437 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]) о покупке материалов для угощения общества, призов скачек и угощения учеников станичной школы лакомствами в день совершеннолетия Наследника, определенные обществом, содержали в себе следующую информацию. Для учеников и прочих детей – 1 пуд конфет (8 руб.). Для угощения общества: 4 ведра водки – 20 руб.; красное вино – 4 руб.; 3 барана – 12 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 113-113 об.].

Ведомость о расходах общественной станичной суммы станицы Александрийской на 513 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28] на 6 мая 1884 г. в день совершеннолетия Наследника носила более обобщенный характер – товары были объединены в группы и указана общая для каждой группы цена. Так, на угощение общества запланировано 3 ведра водки, 2 ведра вина, 50 бутылок пива, 5 баранов и 5 пудов хлеба. Все это должно было обойтись в 43 руб. 50 коп. серебром [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 114]. А на угощение для учеников станичной школы, которое состояло из конфет, печений и других лакомств, было означено 13 руб. 50 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 114-114 об.].

Сведения о расходах по определению общества Подгорного станичного Правления 5-го участка Нальчикского округа (441 двора [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]) для угощения общества и угощения учеников лакомствами в день совершеннолетия Наследника были составлены 3 мая 1884 г. включали в себя следующие данные. На угощение общества, покупку баранов и хлеба выделено 20 руб. На лакомства ученикам станичной школы – 12 руб. Документ был подписан и доверенными от общества, и станичным атаманом [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 115].

Таблица 1.

*Цены на некоторые продукты питания по данным рапортов станичных атаманов и приставов (участковых начальников) в связи с празднованием совершеннолетия Наследника престола Николая Александровича в станицах Нальчикского округа [Авторская]*

№	Продукт, цена в руб.	Кол-во чел.	Водка, 1 ведро	Пиво, 1 ведро	Вино кр., 1 ведро	Корова, 1 шт.	Баран, 1 шт.	Хлеб, 1 пуд
	Станица							
1.	Зольская	666	5 руб. 50 коп.	-	-	15 руб.	-	1 руб. 50 коп.
2.	Прохладная	565	5 руб.	-	-	-	4 руб.	2 руб. 20 коп.
3.	Солдатская	340	5 руб.	-	-	-	3 руб. 50 коп.	1 руб. 40 коп.
4.	Урухское	-	6 руб.	2 руб.	3 руб.	-	-	-
5.	Государ- ственная	-	4 руб. 90 коп.	-	2 руб.	20 руб.	2 руб. 25 коп.	1 руб. 20 коп.
6.	Новопавлов- ская	-	5 руб.	-	2 руб.	15 руб.	-	2 руб.
7.	Незлобная	-	5 руб.	-	3 руб.	-	-	-
8.	Лысогорская	-	5 руб.	-	-	-	4 руб.	-

В Таблице 1 приведен анализ цен на некоторые из перечисленных продуктов, наиболее часто присутствующих в рапортах станичных атаманов и приставов, которые были обозначены в процессе планирования празднования. Так, анализ делопроизводственной документации показывает, что рапорты по этим вопросам подписывались не только станичными атаманами, но и доверенными от станичных обществ, в ведении которых находилось утверждение финансовых вопросов. Сами расходные показатели для угощения станичного общества утверждались исходя из расчета на количество взрослого населения в каждой станице. Отдельным пунктом в запланированных бюджетах выступало угощение для детей. Исходя из присланных станичными атаманами рапортов, обращает на себя внимание наличие во многих станицах округа школ или училищ, а также существенный объем затрат на приобретение в связи с празднеством не только угощений для детей разного возраста, но и учебников для учащихся этих школ и училищ.

***Обеспечение питанием торжеств по случаю празднования  
совершеннолетия Наследника в отчетной документации атаманов  
станиц и приставов участков Нальчикского округа***

Через несколько дней после празднования был запущен процесс формирования отчетной документации в соответствии с административной иерархией. Предписания о необходимости подготовки отчетов были отправлены от областного начальства к окружному, далее – к приставам участков, а от них – к станичным атаманам и казначеям сельских общественных касс.

11 мая 1884 г. пристав 1-го участка Нальчикского округа получил предписание, в котором по поручению Начальника округа ему необходимо собрать

подробные сведения о том, сколько и на что именно было израсходовано станичных денег во время празднования совершеннолетия Наследника, а также кто выиграл призы на скачках [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 110].

12 июня 1884 г. пристав 1-го участка Нальчикского округа отправил из слободы Нальчик в Нальчикское окружное полицейское управление рапорт о предоставлении требуемых сведений, а с ним и отчеты атаманов станиц 1-го участка Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 117].

На основании этого предписания 5 июня 1884 г. атаман станицы Котляревской составил рапорт на имя пристава 1-го участка. В этом рапорте он подробно описал прошедшее торжество, начав с упоминания о том, что оно было отпраздновано «с полным сочувствием всех жителей станицы обоих полов» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 118]. Празднование проходило на площади у станичного правления, которую украсили венками из разных цветов и зелени. Здесь же, на площади, стояли опрятно накрытые столы с большим изобилием съестных припасов, приготовленных как для жителей станицы, так и для ее гостей. Также станичный атаман отмечает, что водка, вино и пиво были представлены в достаточном количестве [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 118]. После службы народ остался на площади вплоть до благовеста к обеду. По окончании молебна прошел общий обед, сопровождавшийся тостами за здоровье Цесаревича Наследника. Таким образом, весь день «до поздней ночи весело праздновался большими и малыми людьми» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 118-118 об.].

Отдельно атаман отметил тот факт, что ученикам школы и другим малолетним в присутствии всех жителей были розданы разные лакомства, что и стало причиной веселья детей [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 118-118 об.].

К рапорту также прилагалась ведомость о расходах на устройство праздника. Для этого в день праздника обществом станицы Котляревской (147 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]) было израсходовано 6 ведер водки – 36 руб.; 1,5 ведра пива – 4 руб. 50 коп.; 4 курицы – 1 руб. 10 коп.; 2 фунта масла – 80 коп.; 3 фунта сорочинских круп – 24 коп.; 80 шт. яиц – 64 коп.; орехи, рожки и конфеты – 1 руб. 40 коп. Всего было потрачено на угощение было 44 руб. 68 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 119]. Также станичный атаман отметил, что жителями было принесено на праздник множество съестных припасов безвозмездно. Примерная сумма, в которую он оценил эти продукты, составляет 20 руб. серебром. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 119].

Староста станицы Пришибской также отправил свой рапорт приставу 1-го участка Нальчикского округа 23 мая 1884 г. в ответ на полученное предписание о даче подробного отчета по тратам на празднование совершеннолетия Наследника. Он сообщил, что после совершения литургии на площади был отслужен благодарственный молебен. На нем присутствовали жители станицы, сторонние лица, а также парад из числа 80 льготных казаков. После этого были танцы – народ гулял в весьма радостном расположении духа. Над площадью развевался большой национальный флаг с вензелем «НА», что привлекало внимание народа, т.к. было устроено в станице впервые. Ученики станичной гимназии и дру-

гие дети были щедро одарены разными лакомствами [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 120-120 об.].

К рапорту прилагались отдельным документом Сведения о количестве денег, израсходованных обществом станицы Пришибской в день совершеннолетия Наследника. Для празднества было приобретено на 216 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]: 5,5 ведер водки – 30 руб. 80 коп.; 3 ведра красного вина – 5 руб. 25 коп.; 2 пуда мяса и гусак – 6 руб. 30 коп.; 1 баран – 3 руб.; лакомства для детей – 2 руб.; полторы дюжины пива – 2 руб. 70 коп.; для благородного стола разных съестных припасов – 2 руб. 60 коп.; 2 пуда пшеничной муки – 2 руб. 60 коп. Всего было потрачено 56 руб. 57 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 121].

29 мая 1884 г. атаман станицы Александровской отправил приставу 1-го участка Нальчикского округа рапорт, в котором он уведомил о предоставлении отчета о деньгах, израсходованных в день совершеннолетия Наследника, а также о том, что скачек не проводилось [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 122 об.]. К рапорту атамана станицы Александровской, состоявшей из 170 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]), также прилагался Счет деньгам, израсходованным станичными жителями из общественной суммы в день праздника 6 мая 1884 г. Для торжества были приобретены 1 корова – 25 руб.; 5 ведер хлебного вина по 6 руб. за каждое – 30 руб.; 2,5 ведра красного вина по 3 руб. за каждое ведро – 7 руб. 50 коп.; 2 ведра и 1 кварта пива – 7 руб. 50 коп.; изюм – 10 руб.; 8 фунтов сарочинских круп – 64 коп.; круглого перца – 10 коп.; лавровый лист – 5 коп.; 1,5 фунта коровьего масла – 5 коп.; 1 ведро кислой капусты – 30 коп.; 1 фунт свиного сала – 20 коп.; печеный хлеб и пироги с начинкой – 2 руб. 40 коп.; 1 курица – 30 коп.; 1 десяток куриных яиц – 10 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 123-123 об.]. Также для учащих и не учащих детей обоего пола было куплено 20 фунтов лакомств на сумму 3 руб. 20 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 123 об.]. Помимо продуктов также была приобретена красная и белая материя для флагов стоимостью 15 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 123]. Итоговая сумма расходов из общественных станичных сумм составила 78 руб. 40 коп. серебром [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 123 об.].

Пристав 2-го участка Нальчикского округа 2 июня 1884 г. отправил начальнику округа подробный рапорт о расходовании денег в день праздника совершеннолетия Наследника, произведенном во вверенных ему станицах [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 127].

В станице Прохладной после заутренней в Станичном училище был отслужен благодатный молебен всех учеников. В награду им предположено приобрести книг на 15 руб. После молебна всем жителям были розданы лакомства. Затем всем жителям было предложено по чарке водки и закуска. Обществом на 603 двора [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28] было истрачено на это празднование 63 руб. 1 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 127-127 об.].

В станице Павловской сначала в церкви был отслужен молебен, по окончании которого общество пригласило священника в приходскую школу, где

также был отслужен молебен, а после все присутствовавшие были приглашены к приготовленному на площади около училища обеду. Каждому жителю [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 128] из 290 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28] было предложено по чарке водки. На обед и водку было истрачено 45 руб. Ученикам были розданы лакомства стоимостью 4 руб., а также куплены учебники стоимостью 3 руб. Другим детям на площади были розданы лакомства стоимостью 2 руб. После обеда были назначены скачки с призами. Всего обществом станицы Павловской было истрачено 80 руб. 28 коп. Кроме того, общество заказало памятную икону Св. Власия стоимостью 50 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 128].

В станице Зольской на 300 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28] на станичной площади было устроено возвышенное место для служения молебна. По окончании службы и крестного хода для всех были приготовлены закуска, водка и вино. После этого детям были розданы лакомства стоимостью 5 руб. На многих домах были вывешены флаги. Также были назначены скачки с четырьмя призами. Всего обществом было истрачено 124 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 128 об. – 129].

Общество станицы Солдатской заказало к празднику икону Александра Невского стоимостью 30 руб. и на молебен – 3 руб. На раздачу учебников ученикам потратили 10 руб. На лакомство для детей потратили 5 руб. На угощение народа на 341 двор [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28] было потрачено 37 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 129].

В станице Марьинской около станичного училища после литургии был отслужен благодарственный молебен. После молебна детям раздали лакомства, а взрослых мужчин и женщин пригласили на угощение к столу, рассчитанному на 530 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]. Обществом было израсходовано 95 руб., из них в приходскую церковь была заказана икона Николая Чудотворца с памятной надписью стоимостью 50 руб. На угощение было истрачено 30 руб. На лакомства для детей было потрачено 15 руб. Скачки не были организованы [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 129 об.].

6 июня 1884 г. пристав 3-го участка отправил рапорт начальнику округа о расходовании денег в день совершеннолетия Наследника, отмечая, что от станицы Новоосетинской, несмотря на сделанное напоминание, отчет не прислан и будет отправлен, как только его пришлют [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 123-123 об.].

К рапорту пристава 3-го участка в качестве отчета прилагались рапорты атаманов станиц 3-го участка.

Так, атаман станицы Курской в своем рапорте расписал расходы станичного общества на празднование дня совершеннолетия Наследника следующим образом. Для обеда обществу истрачено 25 руб. из расчета на 191 двор [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28] Для сооружения иконы Николая Чудотворца в серебряном окладе – 50 руб. Скачки в станице не проводились [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 131-131 об.].

Атаман станицы Екатериноградской в своем рапорте сообщил о следующих тратах. На винную, мясную и хлебную порции 380-ти нижним чинам 2-го



батальона 43-го пехотного Крымского полка было израсходовано 37 руб. 25 коп. Для обеда господ штаб- и обер-офицеров того же батальона, проживающих в станице, и для общего народного гуляния на 545 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28] было истрачено 68 руб. 80 коп. На сласти детям, находящимся в станичной школе, истрачено 6 руб. На призы для скачек молодых казаков было потрачено 37 руб. 95 коп. Всего было потрачено 150 руб. серебром [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 132-133].

Атаман станицы Приближной в своем рапорте указывал, что для проведения мероприятия за счет средств общественной суммы на 137 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28] было куплено: 2 овцы по 3 руб. – 6 руб.; 3,5 ведра вина – 5 руб. 60 коп.; 3,25 ведра водки – 19 руб. 50 коп.; 3 фунта конфет – 90 коп.; сарачинское пшено – 21 коп.; лебеда – 40 коп. Всего было потрачено 32 руб. 61 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 135]. При этом атаман отмечает, что скачки в станице не проводились [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 134].

Атаман станицы Черноярской в своем рапорте приставу 3-го участка Нальчикского округа сообщил, что были куплены следующие предметы. Призы на скачки стоимостью 43 руб. На выписку иконы Св. Николая было потрачено 100 руб. Из расчета на 266 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28] на покупку пары быков было потрачено 60 руб., на вино – 40 руб., на баранов – 8 руб. Также на устройство двух флагов с вышитыми буквами Н.А., поставленных на кругу скачки, – 5 руб. Всего было потрачено 256 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 136-137].

Атаман станицы Луковской (496 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]) рапортовал приставу 3-го участка Нальчикского округа о том, что в день празднования было израсходовано 20 руб. 43 коп., из которых 5 руб. ушло на покупку лакомств и подарков для учеников школы. Остальные 15 руб. 43 коп. ушли на покупку старикам общества по чарке вина и закуски. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 138-138 об.].

К рапорту атамана станицы Павлодольской (567 дворов [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28]) отдельным документом прилагались Сведения о числе денег, израсходованных в день праздника Наследника [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 139]. В соответствии с этими Сведениями расходы на праздник были следующими: на покупку хлеба, мяса, напитков и проч., на приготовление обеда для жителей и сторонних лиц – 67 руб. 55 коп.; на покупку конфет и других сладостей для учеников станичных школ – 94 коп.; казакам, бывшим на скачках, выдано на закуску и выпивку – 3 руб. Всего потрачено было 80 руб. 49 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 140].

В ответ на рапорт пристава 3-го участка об отсутствии отчета станицы Новоосетинской 22 июня 1884 г. ему отправлено предписание старшего помощника начальника округа о срочном требовании от атамана этой станицы рапорта о причинах невыполнения требования. На предписании также присутствовала приписка карандашом с указанием дать немедленный ответ в день получения [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 141]. На обороте предписания пристав 3-го участка также обозначил требование немедленного донесения о при-

чинах задержки в отправлении отчета о праздновании, датированное 25 июня 1884 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 141 об.].

На данное предписание атаман станицы Новоосетинской ответил следующее: в ответ на предписание от 5 июня 1884 г., полученное 8 июня того же года, он в тот же день отправил сведения об израсходованных в день празднования деньгах. Он также добавил, что эти сведения были получены по разносной книге под номером 409 за подписью писаря Жускаева в Черноярском станичном правлении [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 142-142 об.].

В сведениях, отправленных атаманом станицы Новоосетинской, в которую входило 284 двора [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28], содержится следующая информация с пояснениями об источниках финансирования. А именно: всего на празднование было потрачено 75 руб., из них 70 руб. пожертвованы жителями станицы, а 5 руб. взяты из общественной суммы. В эти 75 руб. вошли следующие расходы: бык – 20 руб.; 5 баранов – 10 руб.; 25 ведер вина – 37 руб. 50 коп.; сладости детям – 4 руб. Сюда же отнесена оплата согласно условиям в 3 руб. 50 коп. за молебен, отслуженный при месте народного гуляния. Отдельно он отметил, что икона была выписана также на общественные деньги в 30 руб. серебром [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 116-116 об.].

Ниже в таблице приведен сравнительный анализ итоговых цен на некоторые продукты, встречающиеся 2 и более раз в отчетной документации станичных атаманов и приставов участков с указанием точной цены за единицу товара.

Таблица 2.

*Цены на некоторые продукты питания в отчетных ведомостях станичных атаманов и участковых начальников в связи с празднованием совершеннолетия Наследника престола Николая Александровича в станицах Нальчикского округа [Авторская]*

№	Продукт, цена в руб.	Водка, 1 ведро	Пиво, 1 ведро	Вино кр., 1 ведро	Курица, 1 шт.	Корова, 1 шт.	Яйцо, 10 шт.	Баран, 1 шт.
	Станица							
1.	Котляревская	6 руб.	3 руб.	-	30 коп.	-	8 коп.	-
2.	Пришибская	5 руб. 60 коп.	-	1 руб. 75 коп.	-	-	-	3 руб.
3.	Александровская	6 руб.	3 руб. 33 коп.	3 руб.	30 коп.	25 руб.	10 коп.	-
4.	Приближенная	6 руб.	-	1 руб. 60 коп.	-	-	-	3 руб.
5.	Новоосетинская	-	-	1 руб. 48 коп.	-	20 руб.	-	2 руб.

Как показывают данные, приведенные в таблице, цены на определенные виды продуктов в среднем не отличались в зависимости от станицы. Исключение составляет станица Александровская, в соответствии с рапортом атамана которой отмечается некоторое увеличение цен по сравнению с другими населенными пунктами [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 123-123 об.].

Также стоит отметить более выгодные закупочные цены на продукты, приобретенные для праздника в станице Новоосетинской, что отражено в пришедшем с опозданием рапорте станичного атамана [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 116-116 об.].

Однако предоставлением отчета о расходовании средств на празднование совершеннолетия Наследника переписка с вышестоящим начальством не заканчивается. 4 июля 1884 г. атаман станицы Новосетинской получил новое предписание с требованием разъяснить отсутствие ответа на первое предписание по предоставлению вышеозначенных сведений от 14 мая того же года [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 143]. В своем ответе, который был составлен на обороте вновь полученного предписания, атаман пояснил, что расходы на празднество велись казначеем станичной общественной суммы и доверенными от общества, а ему была известна только общая сумма израсходованных средств, но не то, сколько и на что было потрачено. В силу того что казначей на момент получения первого предписания находился в отсутствии, пояснил атаман, - не было возможности своевременно доставить запрашиваемые сведения. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 143-143 об.]. В ответ начальник Нальчикского округа поручил приставу 3-го участка сделать внушение атаману станицы Новоосетинской с тем, чтобы он впредь буквально и точно выполнял предписания начальника, а в случае невозможности почему-либо выполнить, обязан был об этом незамедлительно сообщить [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 144].

Обращает на себя внимание тот факт, что в зону ответственности локального начальства – приставов участков и станичных атаманов – входят решения организационных вопросов проведения торжества, составление отчетной документации для вышестоящего начальства (рапортов) и распоряжений (предписаний) нижестоящему руководящему составу (в случае приставов). Однако вопросы распоряжения финансовыми средствами (фондами Общественных станичных сумм) находятся в ведении схода доверенных или стариков станичного общества и станичных казначеев, которые и осуществляли траты из общественной суммы. Это положение было актуально также и для тех населенных пунктов, которые не располагали средствами общественных сумм и в которых все расходы по организации празднования возлагались на сами станичные общества.

Финансовая документация, также же как в случае с планами и предложениями по проведению торжеств, была подписана не только атаманами станиц, но и доверенными или стариками от станичного общества, а иногда и казначеями. Кроме того, итоговые расходы на порядок отличались от запланированных трат и включали в себя в некоторых случаях существенный набор продуктов питания, что позволяет расширить наши представления о благосостоянии и разнообразии гастрономических практик некоторых станиц Нальчикского округа.

### *Заключение*

Процесс организации в станицах Нальчикского округа торжеств, посвященных совершеннолетию Наследника Николая Александровича 6 мая 1884 г., носил строго иерархический характер. Вышестоящие ведомства отправляли

распорядительную документацию ведомствам, стоящим ниже исключительно на одну ступень в управленческой иерархии: областное начальство взаимодействовало с окружным, Начальник округа – с приставами участков, а приставы в свою очередь с атаманами подведомственных станиц, – используя такие документы как предписания и отзывы. Отчетная документация в виде рапортов, смет, сведений и ведомостей о израсходованных средствах также направлялся исключительно непосредственному начальству.

На локальном уровне процесс организации празднества выглядел следующим образом. Список трат и возможный бюджет утверждался на общем собрании доверенных или стариков станицы. Казначей с одобрения схода доверенных или старейшин станичного общества осуществлял траты из общественной суммы. Ни то, ни другое не являлось функцией станичного атамана, задачи которого лежали в плоскости решения организационных вопросов проведения торжества. Также была организована работа и в тех станицах, которые не имели средств в кассах общественных сумм, а расходы по организации празднования были распределены по хозяйственному принципу, то есть возлагались на самих жителей.

Бюджет для угощения станичного общества утверждался исходя из расчета на количество взрослого населения в каждой станице. Особняком в расходных статьях стояло угощение для детей. На основании присланных станичными атаманами рапортов, необходимо отметить наличие во многих станицах округа школ или училищ, а также существенный объем затрат на приобретение в связи с празднеством не только угощений для детей разного возраста, но и учебников для учащихся этих школ и училищ. Кроме того, итоговые расходы на порядок отличались от запланированных трат и включали в себя в некоторых случаях существенный набор продуктов питания, что позволяет судить о благосостоянии и разнообразии гастрономических практик некоторых станиц Нальчикского округа.

В то же время и само предложение Начальника Терской области о проведении празднеств за счет общественных сумм, сделанной в форме предписания, и последующий запрос строгой отчетности о тратах на организацию празднества, угощения и скачек позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на осуществление финансирования торжеств из станичных сумм, необходимо отметить, что процесс их расходования находился под полным контролем и институтов местного самоуправления, и властных структур.

На основании приведенных в статье данных об организации торжественного обеда в различных селениях Нальчикского округа можно сделать вывод о достаточно основательном подходе к этому процессу со стороны местных властей. В частности, обращает на себя внимание разнообразие мясных продуктов в праздничном меню – 2 вида мяса (говядина и баранина) и 1 вид птицы (курица) или 1 вид мяса (чаще - говядина) и 1 вид птицы (курица), а также колбасы и сала. Обращает на себя внимание факт наличия ассортимента спиртных напитков: вино, водка, хлебное вино, пиво – всё в расчете чарками на количество человек, а в отдельных случаях и Кахетинское вино в малых количествах, вероятно для угощения начальства. Отдельным пунктом праздничного меню являлась организация угощения для детей, для чего практически во всех станицах Наль-

чикского округа был выделен отдельный бюджет. В рапортах станичных атаманов и участковых приставов угощения для детей чаще всего были обозначены собирательной категорией «лакомства». Этими лакомствами были орехи, конфеты и карамель, а также пряники и рожки. Примечательно, что лакомства предназначались как для учащихся, так и для не учащихся детей обоих полов.

Таким образом, в статье рассмотрены не только организационные и финансовые аспекты проведения торжества, посвященного совершеннолетию Наследника престола, но и традиционные гастрономические практики и особенности организации общественного питания при проведении праздничных мероприятий.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов, Бербекова, Дышеков 2023 – *Абазов А.Х., Бербекова М.Х., Дышеков М.В.* Сельские общественные кассы в системе финансовых отношений Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 4. С. 352-365.

Бербекова 2023 – *Бербекова М.Х.* Правовой статус и объем полномочий казначея кабардинской общественной суммы в условиях интеграции народов Кавказа в экономическую систему России во второй половине XIX в. // Научная мысль Кавказа. – 2023. – No 1 (113). – С. 88-93.

Дзуганов 2021 – *Дзуганов Т.А.* Предпринимательские практики в слободе Нальчик (вторая половина XIX – начало XX в.) // Электронный журнал "Кавказология". – 2021. – No 3. – С. 82-110. – DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-82-110. – EDN HСIOQV.

Кумыков 1959 – *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – 172 с.

Пазов 2018 – *Пазов И.С.* Финансы и экономика Нальчикского округа в начале XX века (1905-1917 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – No 4. – С. 42-64.

Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 136 с.

Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 208 с.

Список населенных мест Терской области 1885 – Список населенных мест Терской области: По сведениям к 1 янв. 1883 г. / Сост. Тер. обл. стат. ком. под ред. секр. ком. Н. Благовещенского. – Владикавказ: типография Терского областного правления, 1885. – 58 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик). Ф. И-6. «Управление Нальчикского округа Терской области» Оп. 1. Д. 5. Т. 1 «Материалы по празднованию дня коронации Александра III в Нальчикском округе».

### REFERENCES

ABAZOV A.Kh., BERBEKOVA M.Kh., DYSHEKOV M.V. *Sel'skie obshchestvennye kassy v sisteme finansovykh otnoshenii Nal'chikskogo okruga v poslednei treti XIX – nachale XX vekov* [Rural public cash desks in the system of financial relations of the Nalchik district in the last third of the XIX – early XX centuries]. In: Nauchnyi dialog. 2023. T. 12, № 4. S. 352-365. (In Russ.).

BERBEKOVA M.Kh. *Pravovoi status i ob'em polnomochii kaznacheya kabardinskoi obshchestvennoi summy v usloviyakh integratsii narodov Kavkaza v ekonomicheskuyu sistemu Rossii vo vtoroi polovine XIX v.* [Legal status and scope of powers of the treasurer of the Kabardian public sum in the conditions of integration of the peoples of the Caucasus into the economic system of

Russia in the second half of the 19th century]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2023. – No. 1. – (113). – P. 88–93. (In Russ.).

DZUGANOV T.A. *Predprinimatel'skie praktiki v slobode Nal'chik (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Entrepreneurial practices in the settlement of Nalchik (second half of the XIX - early XX centuries)]. In: Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya". – 2021. – No 3. – P. 82-110. – DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-82-110. – EDN HCIOQV. (In Russ).

KUMYKOV T.KH. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i otmena krepostnogo prava v Kabarde i Balkarii (1800–1869-e gg.)* [Socio-economic relations and the abolition of serfdom in Kabarda and Balkaria (1800-1869)]. – Nal'chik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1959. – 172 p. (In Russ).

PAZOV I.S. *Finansy i ekonomika Nal'chikskogo okruga v nachale XX veka (1905-1917 gg.)* [Finance and economics of the Nalchik district at the beginning of the 20th century (1905-1917)]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2018. – No 4. – P. 42-64. (In Russ).

PRASOLOV D.N. *Razvitie mestnogo samoupravleniya u kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The development of local self-government among Kabardians and Balkars in the second half of the XIX – early XX centuries.]. – Nal'chik: Izd. otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 120 p. (In Russ).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in the practices of local self-government in the second half of the XIX – early XX century]. Nal'chik: Publishing Department of IGI KBNTS RAS. 208 p. (In Russ.).

*Spisok naseleennykh mest Terskoi oblasti* [List of settlements in the Tersk region]: Po svedeniyam k 1 yanv. 1883 g. / Sost. Ter. obl. stat. kom. pod red. sekr. kom. N. Blagoveshchenskogo. – Vladikavkaz: tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1885. – 58 s. (In Russ.).

UTSGA AS KBR (Upravlenie tsentralnogo gosudarsivennogo arkhiva Arkhivnoy sluzhby Kabardino- Balkarskoy Respubliki [OCSA AS KBR (Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic)], f. 1-26, inv. 1, case 5, part 1. «Materialy po prazdnovaniyu dnya koronatsii Aleksandra III v Nal'chikskom okruge».

### **Информация об авторе**

Е.А. Анищенко – соискатель.

### **Information about the author**

E.A. Anishchenko – the applicant.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 94(470.64)  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-71-82  
EDN: EZWTLK

## ОСОБЕННОСТИ НОВОВВЕДЕНИЙ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРСКИХ СЛОВЕСНЫХ СУДОВ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В 90-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

**Мирбек Асланович Хагажеев**

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,  
Нальчик, Россия, [ma\\_khagazheev@mail.ru](mailto:ma_khagazheev@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0003-5155-0731>

**Аннотация.** Статья посвящена изучению особенностей нововведений в правоприменительной деятельности горских словесных судов Терской области в 90-е гг. XIX в. Характеризуются каналы и механизмы получения судами сведений о нововведениях в нормативных актах и их толкованиях из соответствующих инстанций о результатах правотворчества в области судопроизводства для учета в своей деятельности. Для этого рассмотрены копии нормативных актов высших имперских органов власти, правила и инструкции о проведении отдельных следственных и судебных действий, предписания терского окружного начальства, копии с отзывов начальника Терской области и прокурора Владикавказского окружного суда и т.п. Предложен перечень направлений, по которым поступала информация в ГСС в 90-е гг. XIX в., относившаяся к их подсудности. Рассмотрен порядок внутреннего обсуждения и внедрения в практику нововведений законодательства. Сделан вывод о том, что все это позволяло им эффективно взаимодействовать с правоустанавливающими организациями и применять в своей деятельности текущие изменения в нормативных актах.

**Ключевые слова:** Терская область, судебная система, Владикавказский окружной суд, горский словесный суд, судоустройство, нормативный акт

**Для цитирования:** Хагажеев М.А. Особенности нововведений в правоприменительной деятельности горских словесных судов Терской области в 90-е годы XIX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 71-82. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-71-82. EDN: EZWTLK.

---

© Хагажеев М.А., 2024

Original article

## FEATURES OF THE INNOVATIONS IN THE LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF THE GORSKY VERBAL COURTS OF THE TEREK REGION IN THE 90S OF THE XIX CENTURY

**Mirbek A. Khagazheev**

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,  
Russia, [ma\\_khagazheev@mail.ru](mailto:ma_khagazheev@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0003-5155-0731>

**Abstract.** The article focuses on the unique characteristics of the introduction of innovations in the law enforcement activities of the Terek region's mountain verbal courts in the 90s of the XIX century. The channels and mechanisms for obtaining information by courts on innovations in normative acts and their interpretations from the relevant authorities on the results of law-making activities in the field of judicial proceedings for consideration in their activities are characterized. For this purpose, copies of normative acts of the highest imperial authorities, rules and instructions on conducting individual investigative and judicial actions, orders of the Terek district authorities, copies of reviews from the head of the Terek region and the prosecutor of the Vladikavkaz District Court, etc. were considered. A list of areas in which the SCS received information about their jurisdiction in the late nineteenth century is proposed. The procedure for internally discussing and putting legislative innovations into practice is considered. It is concluded that all of this allowed them to effectively interact with law-making organizations and apply current changes in regulations to their activities.

**Keywords:** Terek region, judicial system, Vladikavkaz district court, Gorsky verbal court, judicial system, normative act

**For citation:** Khagazheev M.A. Features of the innovations in the law enforcement activities of the Gorsky verbal courts of the Terek region in the 90s of the XIX century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 71-82. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-71-82. EDN: EZWTLK.

---

© Khagazheev M.A., 2024

Правоприменительную деятельность горских словесных судов (далее. – ГСС) Терской области в 90-е гг. XIX в. постоянно сопровождало внедрение нововведений, связанных с изменениями имперской нормативной основы в области судопроизводства. Они во многом были связаны с реализацией контрреформ Александра III, уточнением компетенции действовавших судебных учреждений, толкованием нормативных актов и т.п. К этому времени сложилась практика доведения сведений о принятии новых и изменении действовавших правил суждения по уголовным и гражданским делам до низовых учреждений имперской судебной системы. Поэтому исследование ее особенностей представляется важной исследовательской задачей современной кавказологии, т.к. дает возможность более детально изучить специфику правоприменительной практики ГСС северокавказского региона. В связи с чем, основной целью настоящего исследования выступает изучение механизмов информирования о принятии или изменении уставов, инструкций и положений в 90-е гг. XIX в. ГСС Терской области, как специализированных институтов, сохранявших в своей основе некоторые принципы народного правосудия.

Проблема нововведений в правоприменительной деятельности ГСС Терской области в 90-е гг. XIX в. до настоящего времени не становилась предметом специального изучения, тогда как сама история деятельности низовых судов региона не является новой для историографии. Некоторые вопросы истории ГСС затрагивались в трудах А.Х. Абазова [Абазов 2014; Абазов 2015; Абазов 2016; Абазов 2022], М.С. Арсанукаевой [Арсанукаева 2009; Арсанукаева 2010], И.Л. Бабич [Бабич 1999], Ж.А. Калмыкова [Калмыков 2007], Е.И. Кобахидзе [Кобахидзе 2010а; Кобахидзе 2010b], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2019; Прасолов 2022], Д.Х. Сайдумова [Сайдумов 2010; Сайдумов 2014], А.Т. Урушадзе [Уру-



шадзе 2019], А.И. Хасбулатова [Хасбулатов 2007] и др., и некоторых обобщающих работах по истории народов региона [Адыги 2022; Века совместной истории... 2017; История Северного Кавказа... 2017; История Чечни... 2006; Россия и народы Северного Кавказа... 2018]. Вместе с тем, до настоящего времени сохраняется большой пласт архивных документов, отражавших особенности ведения судопроизводства в ГСС в 90-е гг. XIX в. Внешняя коммуникация ГСС в этом направлении представлена копиями нормативных актов высших органов власти страны, правилами и инструкциями о проведении отдельных следственных и судебных действий, предписаниями терского окружного начальства, копиями с отзывов начальника Терской области и прокурора Владикавказского окружного суда и т.п. Их анализ дает возможность подробно исследовать особенности нововведений в правоприменительной деятельности ГСС Терской области в 90-е гг. XIX в.

Так, ГСС были получателями сведений о нововведениях в нормативных актах и их толкованиях из соответствующих инстанций (в основном, в форме копий или выписок) о результатах правотворческой деятельности в области судопроизводства для учета в своей деятельности. Среди них были сведения из указов Императора из Правительствующего Сената [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 1–5 об.]; протоколов общих собраний Первого и Кассационного департаментов Правительствующего Сената [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 19–20 об.]; предписаний Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 21–22]; утвержденных кавказским наместником инструкций [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 58–61]; циркулярных предписаний начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 98]; копий с отзывов прокурора Владикавказского окружного суда. Для ГСС некоторых округов и отделов Терской области в числе нормативной документации поступали для учета в работе на исполнение поступали локальные акты, принятые и утвержденные в установленном порядке институтами самоуправления (например, некоторые приговоры Съезда доверенных сельских обществ направлялись в Нальчикский ГСС [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 71]). ГСС накапливали и вели учет этих документов. Некоторые из них, напрямую относившиеся к их деятельности, обсуждались в каждом отдельном ГСС на предмет дальнейшего применения в практике. Анализ документов показывает, что в ГСС направлялись в основном сведения об изменениях в законодательстве по тем вопросам, которые относились к их подсудности (например, изменения в Уложение о наказаниях, налагаемых мировыми судами [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 1–5 об.]).

К середине 80-х гг. XIX в. сложилась практика (процедура) доведения такой информации до сведения заинтересованных организаций. Так, начальникам округов (циркулярно) поступали копии с отзывов канцелярии начальника Терской области с предложением довести их содержание до сведения ГСС, расположенных на подведомственных им территориях (например, начальнику Владикавказского округа – Назрановского ГСС, и по такой же схеме – в Нальчик-

ский, Грозненский, Веденский, Аргунский и Хасав-Юртовский ГСС) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 6].

В 90-е гг. XIX в. в ГСС поступала информация по широкому кругу вопросов, относившихся к их подсудности. Так, в документах отложились сведения об изменении правил применения наказаний за кражи с взломом [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 1–5 об.]; порядке назначения присяжников за лиц, привлеченных к уголовной ответственности по обычаям [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 10]; определении подсудности по гражданским и уголовным делам в случаях, если сторонами конфликта (спора) были проживавшие в разных областях Кавказского края представители коренного населения [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 19–21 об.]; правилах ношения оружия представителями коренного населения [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 21–22] и лишения права на него совершивших правонарушение коренных жителей [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 43 об.]; лишении знаков отличия с изображением императора местных жителей, совершивших убийства, кражи; о передаче на поруки виновных в совершении правонарушений установленного перечня (в основном, скотокрадство) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 54]; порядке и компетенциях выдачи справок по делам о разделе наследственных имений [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 107] и т.п. Кроме того, для учета в деятельности им предлагались таксы для определения суммы штрафов и подсчета убытков за самовольную вырубку леса, хищение леса и различные повреждения в казенных, войсковых, станичных и частных лесных дачах на территории Терской области на основании Лесного устава (1893) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 48–53 об.]. Как правило, эти сведения рассылались из управлений Терской области циркулярно начальникам округов и отделов, а оттуда – в соответствующий ГСС.

В свою очередь, на основе предписаний (или копий с отзывов) начальника Терской области ГСС проводили внутренние заседания для принятия коллективного решения по этим вопросам и внедрения в практику уточненных правил. Например, на основе анализа содержания протокола Нальчикского ГСС от 27 мая 1892 г. видно, что по предписанию областного начальства и при участии председательствующего, судей-депутатов и народных кадиев его основного и временного отделений обсуждался вопрос о порядке назначения присяжников за лиц, привлеченных к уголовной ответственности по обычаям (нормам обычного права) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 10]. Причем такие сведения были представлены отдельно по результатам заседаний основного Нальчикского отделения ГСС (с толкованием особенностей применения институтов соционормативной культуры кабардинского населения округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 10–10 об.]), и отдельно – временного (соответственно, балкарского населения [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 12]). Результаты таких обсуждений в большинстве случаев направлялись на рассмотрение начальника области через посредство начальников округов или отделов.

До сведения ГСС доводилась информация о решении вопросов разграничения подсудности по разным категориям дел, особенно если сторонами спора / конфликта были представители горского населения, проживавшего на террито-

рии разных областей Кавказского края. Например, 5 октября 1892 г. на общем собрании Первого и Кассационного департаментов Правительствующего Сената по указу Императора решался вопрос о подсудности гражданских и уголовных дел, возникавших между представителями коренного населения Терской области, с одной стороны, и Дагестанской области, с другой [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 19–20 об.], и отнесению их к ведению горских словесных судов или общих судов, созданных на основании судебных уставов Александра II. В ходе заседания было установлено, что в Дагестанской области на основе ст. 1480 Устава гражданского судопроизводства и ст. 1284 Устава уголовного суда гражданские и уголовные дела представителей коренного населения подсудны горским словесным судам и могут относиться к подсудности общих судов лишь в случаях, когда истцами выступали не относившиеся к горскому или другому коренному населению жители, или когда представители коренного населения обвинялись в преступлениях против других народов [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 20]. В Терской области на основании ст. 1256 Устава уголовного суда дела, отнесенные к ведению мировых судов, решались в ГСС. Кроме того, на основании ст. 1481 Устава уголовного суда в ред. 1890 г. отмечалось, что в местах жительства представителей коренного (горского) населения Кавказского края разбирательство между горцами дел, изъятых из ведения мировых и общих судов, производилось по правилам, изложенным в законах о гражданском судопроизводстве. На этом основании Правительствующий Сенат пришел к мнению, что все гражданские дела, возникавшие между представителями коренного населения Дагестанской и Терской областей, должны были относиться к ведению горских словесных судов. Кроме того, обращалось внимание на то, что «т.к. в законе не сделано различия между национальностями лиц, приписанных к горскому населению, а потому совершение преступлений горцами одной области не может исключать дела из подсудности горскому суду» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 20]. Поэтому было определено, что гражданские и уголовные дела между горцами Дагестанской и Терской областей относились к подсудности горских словесных (или народных) судов [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 20 об.].

В определенной мере расширительному толкованию на высшем уровне подлежали и вопросы об определении подсудности ГСС дел с участием горских евреев, что, например, актуализировалось в юридической риторике администрации Терской области и окружных правлений в 1897 г. Так, областное правление направило в Нальчикский ГСС для учета в практике копию отзыва прокурора Владикавказского окружного суда от 6 сентября 1897 г. Документ был подготовлен для решения конкретного вопроса, но содержал толкование общих правил судопроизводства в ГСС области. В нем говорилось, что обсуждение вопросов о подсудности дел, возникающих между горскими евреями и горцами (представителями коренных кавказских народов), доходило до Правительствующего Сената, и его уголовный кассационный департамент в 1888 г. разъяснял, что дела такого рода подсудны горским народным судам. При этом, несмотря на то что это решение было принято в отношении населения Дагестанской области, прокурор Владикавказского окружного суда считал это важным квали-

фицирующим признаком определения подсудности ГСС всех дел местного населения «без различия их национальности» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 53]. Поэтому он полагал, что это решение Сената «в одинаковой мере касается и Горских словесных судов [Терской области], имеющих по своему устройству и тем началам, кои положены в основание их, много схожего с народными судами Дагестанской области» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 53]. Этим положением руководствовался и Владикавказский окружной суд при отнесении дел о краже имущества у горских евреев к ведению Нальчикского ГСС [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 53]. При этом возникал вопрос о решении дел в таких случаях, отнесенных к компетенции состоявшего при ГСС народного кадия. На что в отзыве прокурора отмечалось, что особых затруднений в практике в этом не ожидалось по ряду факторов. Во-первых, отмечалось, что с течением времени представители горского еврейского населения региона частично переняли некоторые обычаи соционормативной культуры местных жителей. Во-вторых, обращалось внимание, что большинство дел ГСС решалось на основании российских законов и относилось к исключительной компетенции председательствующего суда без участия депутатов от народа. В-третьих, за потерпевшими оставалось право передать свои дела от ГСС на решение окружного суда. При этом прокурор окружного суда считал, что «решение всех этих дел в ГСС не может ни в чем стеснить права горских евреев и нарушить их интересы» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 53 об.].

По схожей схеме начальство разъясняло ГСС и порядок решения дел по нормам мусульманского права. Так, 13 ноября 1891 г. канцелярия начальника Терской области подготовила отзыв в адрес председательствующих ГСС, в котором давались разъяснения о применении отдельных положений Временных правил 1870 г. на практике [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 109]. В частности, особо отмечалось, что разбирательство наследственных споров (хотя и отнесенных к категории духовных) должно решаться в ГСС коллегиально, а не народным кадием единолично. Мнение кадия (т.е. толкование норм шариата применительно к конкретному случаю) являлось лишь основанием для принятия судьями-депутатами решения. Сущность мнения кадия должно было лишь записываться в настольный журнал суда, а не составлять решения. Кадий мог самостоятельно решать лишь бракоразводные дела. Кроме того, внимание в документе акцентировалось и на том, что шариатские дела должны были одинаково разбираться во всех ГСС с занесением их содержания в советующий журнал, сведения по каждому делу из которых должны были заверяться помимо народного кадия подписями судей и председательствующего [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 109 об.].

Другой обсуждаемый в начале 90-х гг. XIX в. на высшем уровне вопрос об оптимизации деятельности ГСС Терской области касался процедуры принятия ими решений о заключении под стражу лиц, подозреваемых в совершении правонарушения. Так, например, на основании рапорта прокурора Владикавказского окружного суда 28 октября 1890 г. начальник Терской области разослал циркулярное предписание в адрес функционировавших в ней ГСС [УЦГА АС КБР.

Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 98]. В нем ГСС предлагалось незамедлительно освободить из-под стражи тех заключенных, содержание которых там представлялось неоправданным. Начальник Терской области соглашался с прокурором о том, что горским судам следовало ускорить высылку тех арестантов, в отношении которых уже принято соответствующее решение, и в последующем принять меры, чтобы высылка осужденных не замедлялась в целях снижения нагрузки на места заключения под стражей в области. Также начальник области предписывал ГСС принять за правило, чтобы они решали дела, по которым в качестве меры пресечения было выбрано заключение под стражу, незамедлительно и вне очереди. ГСС вменялось в обязанность ежемесячно представлять в окружное правление списки содержащихся по их решения в тюрьмах по административным причинам с указанием причин и сроков заключения. При этом уточнялось, что содержание лиц под стражей в административном порядке представляло собой чрезвычайную меру, и ГСС предлагалось пользоваться ею в исключительных случаях. При этом, такое требование не распространялось на принятие начальниками округов и участков о заключении подозреваемых под стражу на основании утвержденного Императором 21 марта 1888 г. Положения «об управлении Кубанской и Терской областей и Черноморским округом» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 98–98 об.].

Кроме того, в практике взаимодействия ГСС и областного начальства встречались случаи «разовых» (ситуативных) уточнений их компетенции. Рассмотрим некоторые из них в рамках настоящего исследования. Например, на основании предписания Терского областного правления Нальчикскому ГСС от 9 сентября 1889 г. сообщалось об увеличении до 50 руб. суммы иска для разбирательства дел в сельских судах Малой Кабарды в виду ее отдаленности от присутственного места ГСС и возникновения затруднений в коммуникации участников судебных разбирательств [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 75]. 25 апреля 1890 г. поступило предписание с уточнением по вопросу лишения права на ношение оружия виновных в причинении смерти, ран и телесных повреждений в ссорах и драках, совершенных как с применением оружия, так и без применения [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 83]. 22 сентября 1890 г. в ответ на апелляционную жалобу по решенному в Нальчикском ГСС делу о правилах раздела наследственного имущества начальник Терской области разъяснил суду о том, что ГСС не обязаны «собирать справки и для тяжущихся в нем, и тем более ведущих дело в другом судебном учреждении, что выдача удостоверений по разделу наследства на Горские суды не возложена, и что это делается у магометан их духовенством» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 107 об.]. 12 июля 1891 г. в ГСС из канцелярии начальника Терской области поступило циркулярное предписание, в котором сообщалось, что на основании утвержденного императором 30 мая 1885 г. мнения Государственного совета иски по основным обязательствам, обеспеченным недвижимым имуществом, и о праве собственности на недвижимое имущество, если они не основаны на формальных актах, были изъяты из их компетенции [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 127]. На основании предписания начальника Терской области начальнику от 4 апреля 1893 г. Нальчикского округа предлагалось при

принятии решения о дозволении выезда местным жителям в другие области и губернии помимо прочего делать соответствующие запросы в ГСС о наличии или отсутствии противопоказаний к этому [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 22–22 об.]. 30 ноября 1893 г. было направлено схожее предписание с разъяснением о подсудности ГСС дел с участием горских евреев [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 24–24 об.]. 10 июля 1894 г. из канцелярии терского областного правления в ГСС было отправлено разъяснение о порядке лишения знаков отличия (в частности, военных орденов и медалей с изображением императора) с представителей коренного населения, виновных в совершении преступлений (убийства, кражи и т.п.) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 33]. 10 декабря 1894 г. поступило разъяснение (разрешение) назначать разбирательство дел в ГСС по пятницам [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 38]. 13 июля 1895 г. – о категории правонарушений, виновные по которым могут быть освобождены и взяты на поруки на основании поручительской подписки [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 54]. 8 ноября 1896 г. – о выходе за пределы компетенции при выдаче справок о сословной принадлежности некоторых жителей подведомственных территорий [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 6]. 21 января 1897 г. таким же порядком уточнялось правило о том, что ГСС не следовало направлять начальнику Терской области принятые решения на утверждение до истечения срока апелляции (т.к. жалобы часто поступали после утверждения решения) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 10]. 10 мая 1897 г. – предписание с предложением передать по подсудности принятые ГСС к рассмотрению дела, но выходявшие за пределы их компетенции [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 15]. Круг этих примеров можно продолжить, однако и приведенные здесь случаи показывают особенности коммуникации областного правления и ГСС по вопросам учета в деятельности нововведений в нормативных актах.

Анализ документации ГСС выявляет охарактеризовать и некоторые локальные практики принятия и учета в деятельности нормативных актов (разного уровня). Например, в практике Нальчикского ГСС помимо актов власти, рекомендуемых для учета и применения в работе, поступали принятые и утвержденные в установленном порядке локальные акты нормативного характера – приговоры Съезда доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. Как правило, такие документы содержали уточнения в применяемых судами правилах (обычаях), в том числе и относящихся к ведению ГСС. Например, в начале 90-х гг. XIX в. основному отделению Нальчикского ГСС было предложено руководствоваться приговором Съезда доверенных от 21 июля 1887 г., в котором устанавливались меры ответственности за кражу девушек с целью вступления в брак. Приговор определял размер штрафов в отношении похитителей девушек, их помощников (соучастников похищения), устанавливал и другие меры ответственности за эти правонарушения (например, ссылка из общества – запрет на проживание в родном селе) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 71–71 об.]. 20 февраля 1890 г. аналогичный приговор был принят на собрании доверенных сельских обществ Малой Кабарды (входившей на тот момент в состав 1 участка Сунженского отдела), и после

учреждения 8 марта 1890 г. начальником Терской области был направлен для учета и применения в практике ГСС [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 103–103 об.]. При этом этот приговор дифференцировал штрафные санкции за «умыкание» девушек в зависимости от характера и обстоятельств кражи и состоял из 8 пунктов [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 103–103 об.]. А также канцелярия управления начальника Терской области нередко напоминала ГСС, что на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 10 мая 1885 г. дела, связанные с кражей незамужних женщин с целью вступления в брак, изъяты из их ведения и не могут быть решены на основании примирения сторон [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 115]. Однако, несмотря то, что некоторые из этих вопросов так или иначе затрагивались в исследовательской практике [Абазов 2013; Абазов 2014b], сохранившиеся источники обладают большим эвристическим потенциалом для дальнейшего детального изучения этого аспекта проблемы.

Таким образом, в 90-е гг. XIX в. одним из направлений деятельности ГСС Терской области было постоянное внедрение в практику нововведений имперской юстиции в области судопроизводства, для получения информации о которых была налажена внешняя ведомственная коммуникация между ними и соответствующими органами власти (окружными и областными правлениями). ГСС для учета и применения в деятельности (в основном, в форме циркулярных предписаний) получали информацию обо всех нововведениях и изменениях правовых актов, относящихся к их подсудности (уточнения правил назначения и применения наказаний за правонарушения, порядок проведения отдельных следственных мероприятий, толкование сложных вопросов подсудности и подведомственности, изъятие из подсудности некоторых категорий дел и т.п.). Это позволяло им эффективно взаимодействовать с правоустанавливающими организациями и своевременно применять в собственной практике текущие изменения в нормативных актах.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2013 – *Абазов А.Х.* «Умыкание невесты» в правоприменительной практике кабардинцев в последней четверти XIX в. // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: Материалы VI международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Нальчик, 03–06 октября 2013 года. Том 2. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2013. – С. 160-162.

Абазов 2014 – *Абазов А.Х.* «Брак умыканием» как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. // *Женщина в российском обществе.* – 2014. – № 3 (72). – С. 3-9.

Абазов 2014 – *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 108 с.

Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Горские словесные суды Терской и Кубанской областей в 1871-1918 гг. // *История государства и права.* – 2015. – № 23. – С. 58-63.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Абазов 2022 – *Абазов А.Х.* Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда: делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации // *Электронный журнал «Кавказология».* – 2022. – № 4. – С. 239-255.

Адыги 2022 – *Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги* / от ред. А.Х. Абазов, А.В. Кушхабиев [и др.]. – Москва: «Наука», 2022. – 870 с.

Арсанукаева 2009 – *Арсанукаева М.С.* Правовая культура чеченцев и ингушей: (XIX - начала XX века): монография. – Москва: РПА Минюста России, 2009. – 198 с.

Арсанукаева 2010 – *Арсанукаева М.С.* Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. д-ра юрид. н-к. – Москва, 2010. – 51 с.

Бабич 1999 – *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов. – Москва: Российская государственная библиотека, 1999. – 239 с.

Века совместной истории... 2017 – *Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.)*. – Нальчик: издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

История Северного Кавказа... 2017 – *История Северного Кавказа: учебное пособие*. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2017. – 282 с.

История Чечни 2018 – *История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х томах. Том 1.* Грозный: ООО «Книжное издательство», 2006. 828 с.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Кобахидзе 2010 – *Кобахидзе Е.И.* "Не одним оружием..." (Опыт судебно-административных преобразований в Осетии в 30-х - начале 60-х гг. XIX в.) // Кавказский сборник / отв. ред. В.В. Дегоев. – Москва: Русская панорама, 2010. – С. 157-175.

Кобахидзе 2010 – *Кобахидзе Е.И.* Горский словесный суд и проблема реорганизации судопроизводства для горцев Центрального Кавказа // Социокультурные и политические проблемы высокогорных районов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всероссийской научной конференции, 28-30 октября 2010 года, Карачаевск, 28–30 октября 2010 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2010. – С. 212-219.

Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 208 с.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: ОНР, 2022. – 240 с.

Россия и народы Северного Кавказа... 2018 – *Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству*. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.

Сайдумов 2010 – *Сайдумов Д.Х.* Сельские аульные и Горские словесные суды Терской области: порядок производства и решения дел в сельских судах // Европейский журнал социальных наук. – 2010. – № 3. – С. 132-137.

Сайдумов 2014 – *Сайдумов Д.Х.* Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII–XX вв.). – Грозный: ИП Бисултанова П.Ш., 2014. – 526 с.

Урушадзе 2019 – *Урушадзе А.Т.* "Мнимая юстиция": горские словесные суды и проблема судебно-административного реформирования Кавказского края в материалах ревизии Н.М. Рейнке // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 914-927.

УЦГА АС КБР. Ф. И-22. – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-22 «Нальчикский горский словесный суд».

Хасбулатов 2007 – *Хасбулатов А.И.* Суд и судебные реформы в Чечне (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. – 2007. – № 1 (49). – С. 67-77.

## REFERENCES

ABAZOV A.KH. «Brak umykaniem» kak institut sotsionormativnoi kul'tury kabardintsev v poslednei chetverti XIX v. ["Marriage by stealing" as an institution of socionormative culture of



Kabardians in the last quarter of the XIX century]. In: Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. – 2014. – № 3 (72). – P. 3-9. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. «Umykanie nevesty» v pravoprimeritel'noi praktike kabardintsev v poslednei chetverti XIX v. ["Stealing the bride" in the law enforcement practice of Kabardians in the last quarter of the XIX century]. In: Rossiiskaya gendernaya istoriya s «yuga» na «zapad»: proshloe opredelyaet nastoyashchee: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiiskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoi istorii (RAIZhI) i Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, Nal'chik, 03–06 oktyabrya 2013 goda. Tom 2. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii gosudarstvennyi universitet, 2013. – P. 160-162. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Gorskie slovesnye sudy Terskoi i Kubanskoj oblasti v 1871-1918 gg.* [The Mountain verbal courts of the Tersk and Kuban regions in 1871-1918]. In: Istoriya gosudarstva i prava. – 2015. – № 23. – P. 58-63. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Dokumentirovanie deyatel'nosti Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo suda: deloproizvodstvo i obespechenie vneshnei kommunikatsii* [Documenting the activities of the Nalchik Mountain Verbal Court: record keeping and ensuring external communication]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2022. – № 4. – P. 239-255. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Nal'chikskii okrug v sudebnoi sisteme Terskoi oblasti (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX v.)* [Nalchik district in the judicial system of the Tersk region (the last third of the XIX – early XX century)]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – 108 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century]. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

*Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsug* [Adygs: The Adygeans. Kabardians. Circassians. Shapsugi] / ot. red. A.Kh. Abazov, A.V. Kushkhabiev [i dr.]. – Moskva: «Nauka», 2022. – 870 p. (In Russ.).

ARSANUKAEVA M.S. *Gosudarstvenno-pravovaya politika Rossiiskoi imperii v Chechne i Ingushetii (XIX – nachalo XX vv.): avtoref, dis. d-ra yurid. n-k* [State and legal policy of the Russian Empire in Chechnya and Ingushetia (XIX – early XX centuries): abstract, dissertation by Dr. Yurid N.K.]. – Moskva, 2010. – 51 p. (In Russ.).

ARSANUKAEVA M.S. *Pravovaya kul'tura chechentsev i Ingushei: (XIX – nachala XX veka): monografiya* [Legal culture of Chechens and Ingush: (XIX - early XX century): monograph]. – Moskva: RPA Minyusta Rossii, 2009. – 198 p. (In Russ.).

BABICH I.L. *Evolyutsiya pravovoi kul'tury adygov* [The evolution of the legal culture of the Adygs]. – Moskva: Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka, 1999. – 239 p. (In Russ.).

*Veka sovmestnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557–1917 gg.)* [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557-1917)]. – Nal'chik: izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 544 p. (In Russ.).

*Istoriya Severnogo Kavkaza: uchebnoe posobie* [The History of the North Caucasus: a textbook]. – Rostov-na-Donu: Yuzhnyi federal'nyi universitet, 2017. – 282 p. (In Russ.).

*Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do nashikh dni* [The history of Chechnya from ancient times to the present day]: V 2-kh tomakh. Tom 1. Grozny: OOO «Knizhnoe izdatel'stvo», 2006. 828 p. (In Russ.).

KALMYKOV ZH.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka)* [The integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian management system (the second half of the XVIII – early XX century)]. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.: El'-Fa, 2007. – 232 p. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. *"Ne odnim oruzhiem..." (Opyt sudebno-administrativnykh preobrazovaniy v Osetii v 30-kh - nachale 60-kh gg. XIX v.)* ["With more than one weapon ..." (The experience of judicial and administrative transformations in Ossetia in the 30s - early 60s of the XIX century.)]. In: Kavkazskii sbornik / otv. red. V.V. Degoev. – Moskva: Russkaya panorama, 2010. – P. 157-175. (In Russ.).

КОБАХИДЗЕ Е.И. *Gorskii slovesnyi sud i problema reorganizatsii sudoproizvodstva dlya gortsev Tsentral'nogo Kavkaza* [The Mountain Verbal Court and the problem of judicial reorganization for the highlanders of the Central Caucasus]. In: Sotsiokul'turnye i politicheskie problemy vysokogornyykh raionov Kavkaza: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 28-30 oktyabrya 2010 goda, Karachaevsk, 28–30 oktyabrya 2010 goda. – Karachaevsk: Karachaevo-Cherkesskii gosudarstvennyi universitet im. U.D. Alieva, 2010. – P. 212-219. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in political culture]. – Nal'chik: OPR, 2022. – 240 s. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in the practices of local self-government in the second half of the XIX - early XX century] – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2019. – 208 p. (In Russ.).

*Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu* [Russia and the Peoples of the North Caucasus in the XVI – mid-XIX century: socio-cultural distance and movement towards state and Political Unity]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p. (In Russ.).

SAIDUMOV D.KH. *Sel'skie aul'nye i Gorskie slovesnye sudy Terskoi oblasti: poryadok proizvodstva i resheniya del v sel'skikh sudakh* [Rural aul and Mountain verbal courts of the Tersk region: procedure for the production and resolution of cases in rural courts]. In: Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. – 2010. – № 3. – P. 132-137. (In Russ.).

SAIDUMOV D.KH. *Sud, pravo i pravosudie u chechentsev i ingushei (XVIII–XX vv.)* [The court, law and justice among Chechens and Ingush (XVIII–XX centuries)]. – Grozny: IP Bisultanova P.Sh., 2014. – 526 p. (In Russ.).

URUSHADZE A.T. *"Mnimaya yustitsiya": gorskie slovesnye sudy i problema sudebno-administrativnogo reformirovaniya Kavkazskogo kraya v materialakh revizii N.M. Reinke* ["Imaginary Justice": Mountain verbal courts and the problem of judicial and administrative reform of the Caucasian Territory in the materials of N.M. Reinke's revision]. In: Noveishaya istoriya Rossii. – 2019. – T. 9, № 4. – P. 914-927. (In Russ.).

*Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. I-22 «Nal'chikskii gorskii slovesnyi sud». (In Russ.).

KHASBULATOV A.I. *Sud i sudebnye reformy v Chechne (vtoraya polovina KhI Kh-nachalo XX vv.)* [The Court and judicial reforms in Chechnya (the second half of the XIX – early XX centuries)]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2007. – № 1 (49). – P. 67-77. (In Russ.).

#### **Информация об авторе**

М.А. Хагажеев – соискатель.

#### **Information about the author**

M.A. Khagazheev – the applicant.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 14.03.2024 г.; принята к публикации 26.03.2024 г.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 26.03.2024.

## **Новейшая история**

Научная статья  
УДК 94 (470)+930.253  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-83-96  
EDN: GPFUCJ

### **АРХИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПОЛИЕВКТОВА В ГРУЗИИ В 1920-1930 ГГ.**

**Юрий Семенович Сулаберидзе**

Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия, [iuri.sulaberidze@mail.ru](mailto:iuri.sulaberidze@mail.ru)

**Аннотация.** В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов раскрывается архивная деятельность видного русского историка-кавказоведа Михаила Александровича Полиевктова (1872-1942 гг.) в «тифлисский период» (1920-1942 гг.) научного творчества. В научной литературе отмечено, что архивная деятельность ученого еще не стала предметом исследования. Автор ставит целью раскрытие некоторых сторон этой деятельности в 1920-1930-х гг. В статье показано, что с именем М.А. Полиевктова, представителя петербургской исторической школы, связано в значительной степени становление в Грузии исторического архивоведения Кавказа, подготовка специалистов по архивному делу, составление курсов по архивоведению. М.А. Полиевктов разработал проблемы археографии истории Кавказа, обнаружил ряд архивных документов по истории Грузии, русско-грузинским отношениям, впервые ввел их в научный оборот. Благодаря научным командировкам, организованным Центрархивом ССР Грузии в центральные архивы СССР, были выявлены документы, раскрывающие историю зарождения дипломатических отношений России с Грузией. Архивоведческая деятельность М.А. Полиевктова проходила в напряженный период становления советского архивоведения, обострения внутривосточной борьбы, идеологизации исторической науки. Все это отразилось на жизненной судьбе ученого-архивиста. Он пострадал в ходе кампании борьбы с «кондратиевщиной» и был на некоторое время лишен работы в Центрархиве ССР Грузии (в мае 1932 г.). В статье впервые отражен этот важнейший эпизод жизни ученого-«архивариуса» на основе публикации выдержек из архивных материалов «дела М.А. Полиевктова». Они отражают характерные особенности развития грузинского архивоведения 1920-1930 гг. Архивная деятельность М.А. Полиевктова составляет неотъемлемую часть его жизненного пути, и оставила заметный след в историографии кавказоведения.

**Ключевые слова:** М.А. Полиевктов, архивная деятельность в Грузии, русско-грузинские отношения, «дело М.А. Полиевктова», научное наследие.

**Для цитирования:** Сулаберидзе Ю.С. Архивная деятельность Михаила Александровича Полиевктова в Грузии в 1920-1930 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 83-96. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-83-96. EDN: GPFUCJ.

---

© Сулаберидзе Ю.С., 2024

Original article

## THE ARCHIVE ACTIVITIES OF THE MIKHAIL ALEXANDROVICH POLIEVKTOV IN 1920-1930 S.

**Yuri S. Sulaberidze**

Tbilisi state university, Tbilisi, Georgia, [email-iuri.sulaberidze@mail.ru](mailto:email-iuri.sulaberidze@mail.ru)

**Abstract.** The study, based on archival materials introduced into scholarly circulation for the first time, shows the archival efforts of the eminent Russian historian-caucasus expert M.A. Polievktov (1872-1942) during the "tiflis period" of scientific invention (1920-1942). It is stated in the scientific literature that the scientist's archiving activity has not yet become a research subject. The author intends to disclose similar characteristics of this behavior in the 1920s and 1940s. The article demonstrates that the name of M.A. Polievktov, a representative of the St.Petersburg historian school, is significantly linked with the construction of historical archives of the Caucasus in Georgia (from 1924 s.), training of specialists in archiving, setting up a course on archiving M.A. Polievktov developed the problems of Caucasian archeography, uncovered a number of archaeological materials on Georgian history and Russian-Georgian ties, and introduced them into scholarly circulation. Documents relating to the origins of diplomatic ties between Georgia and Russia were discovered in the Central Archives of the USSR as a result of scientific visits arranged by the Central Archives of the SSR of Georgia. M.A. Polievktov's archiving activities occurred during a critical juncture in the development of Soviet archival research, as the internal political struggle worsened and historical science became more ideologically oriented. All of this was reflected in the fate of the scientist and architect. During the fifth, he was subjected to discrimination against dissidents («kontrativism») and was temporarily barred from working at the SSR of Georgia's Central Archive.

The article, for the first time, depicts this most important episode in the life of the scientist-archivist through the publishing of excerpts from archive materials from the "case of M.A. Polievktov." They exhibit the characteristics of Georgian archival growth between 1920 and 1930. M.A. Polievktov's archival labor was an important part of his life, and it had a lasting impression on Caucasian historiography.

**Key words:** M.A. Polievktov, archival activities in Georgia, Russian and Georgian relations, «Case of M.A. Polievktov», scientific heritage.

**For citation:** Sulaberidze Y.S. The archive activities of the Mikhail Alexandrovich Polievktov in 1920-1930-s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 83-96. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-83-96. EDN: GPFUCJ.

---

© Sulaberidze Y.S., 2024

### *Введение*

М.А. Полиевктов был активным, творческим ученым, деятельность которого оставила глубокий след в различных научных и архивных учреждениях Грузии. В историографии научного творчества М.А. Полиевктова [Высочков 2019; Ляндрес 2011; Тихонов 2011а; Тихонов 2011б; Максимчик 2014; Муратова 2018; Сулаберидзе 2020а; Сулаберидзе 2020б; Сулаберидзе 2022; Сулаберидзе 2023] упоминаются факты его активной архивоведческой работы. О ней речь идет и в публикациях библиографов [Цинцадзе 1943; Пайчадзе 1981] одного из зачинателей архивного дела в Грузии.

История зарождения архивоведения в Грузии дана в исследовании Д.А. Датуашвили «История архивного дела в Грузии» [Датуашвили 1977], написан-

ная под редакцией одного из организаторов Центрархива ССР Грузии Ш.К. Чхетия, долгое время работавшего вместе с М.А. Полиевктовым.

В исследовании Д.А. Датуашвили есть страницы, посвященные М.А. Полиевктову. Особо следует выделить краткую характеристику «архивариуса», его деятельности в России и Грузии. Отмечается, что М.А. Полиевктов работал в Центрархиве в 1924-1934 гг. (точнее с 1925 г. – Ю.С.), был заведующим историческим архивом, активно работал над техникой, методикой обработки архивных материалов, в частности, фонда Кавказской археографической комиссии, являлся членом научного совета. Внес значительный вклад в публикацию архивных материалов. Д.А. Датуашвили, подводя итоги анализа архивной деятельности М. Полиевктова, заключает, что «профессор М.А. Полиевктов внес значительный вклад в советскую историческую науку и в дело развития археографии» [Датуашвили 1977: 195-196].

Целью работы является исследование архивоведческой деятельности видного советского ученого-кавказоведа М.А. Полиевктова (1872-1942) в Грузии. Многочисленные работы ученого по «балтийскому», «восточно-кавказскому» вопросам основывались на глубоком изучении архивного материала, выявленного им в архивохранилищах Санкт-Петербурга, Москвы, Вены, Берлина, Рима. После переезда в Тифлис (Тбилиси) в 1920 г. для петербургского ученого открылась новая жизненная полоса научной и общественной деятельности, именуемой как «тифлисский период» (1920-1942).

1920-1930 гг. отмечены глубокими цивилизационными изменениями, свидетелем и непосредственным участником которых стал и Михаил Александрович Полиевктов – фигура, несомненно, многогранно одаренная в научном и духовном плане. Как отмечено в научной литературе, архивоведческая деятельность ученого пока далеко не полностью раскрыта.

Задачей статьи является заполнение этой лакуны характеристикой некоторых сторон деятельности «архивариуса» в Грузии. Впервые в научный оборот вводятся неизвестные архивные документы из фонда 335 Центрального архива новейшей истории Грузии (Далее. – ЦАНИГ). Используются также архивные документы личного фонда ученого (ф. 1505) из Центрального исторического архива Грузии (Далее. – ЦИАГ).

### *У истоков грузинского исторического архивоведения*

М.А. Полиевктова можно считать одним из основателей исторического архивоведения в постреволюционной Грузии. Работая с марта 1925 г. в Центрархиве ССР Грузии, М.А. Полиевктов руководил этим отделом, внес существенный вклад в организацию архивного дела Грузии, передав накопленный опыт грузинским коллегам. Зарождение архивного дела в постреволюционной Грузии отвечало государственным потребностям.

23 апреля 1920 г. Учредительное собрание Грузинской Демократической республики приняло Закон об основании в Тбилиси Главного Научного архива. Это учреждение было создано благодаря общим усилиям Ив. Джавахишвили, С. Какабадзе, С. Эсадзе. Фундамент для создания Главного научного архива Грузии был заложен деятельностью военно-исторического отдела Кавказского

военного округа, Кавказской Археографической комиссии, Кавказским Отделом ИРГО, Грузинским Обществом истории и этнографии.

1 июля 1921 г. Ревком Грузии принял декрет «О реорганизации архивного дела», был образован Единый государственный архивный фонд и система архивных учреждений во главе с Центрархивом ССР Грузии.

Архивно-издательская деятельность М.А. Полиевктова началась с публикации в «Историческом вестнике» (1924) Центрархива ССР Грузии статьи «Восточная Европа и Восток в Европе», представляющая анализ работы Р.Ю. Виппера «Иван Грозный» (М., 1922). Автор так объясняет появление статьи после начала работы в Тифлисском университете: «Я с увлечением взялся за разработку нового курса по истории Восточной Европы, куда и история России должна была войти в новой постановке» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 47. Л. 9].

В статье прозвучали мысли ученого, которые определяли своеобразие его подхода к исследованию внешней политики России в контексте международных отношений. Он раскритиковал представителей русской историографии, которые недооценивали значение «внешней истории», отрицавших ее связь с «внутренней историей». М.А. Полиевктов отметил заслугу проф. Р.Ю. Виппера, обратившего внимание на «внешнюю историю» России, как части Восточной Европы, но в значительной степени обращенной на Восток, на его анализ международной торговли, стремления ведущих стран Европы найти дороги к Востоку с XV в. Исходя из этого, М.А. Полиевктовым был сделан важный вывод о том, что Москва с XV в. входит в общеевропейскую международную систему с открытием волжско-балтийского торгового пути. Отметив заслуги представителей петербургской исторической школы в исследовании вопросов внешней политики России, М.А. Полиевктов тонко выразил несогласие с основателем марксистского направления М.Н. Покровским, назвав его точку зрения относительно труда Р.Ю. Виппера «недоразумением», так как у последнего присутствовал «экономический подход». Обращаясь к историкам Грузии, М.А. Полиевктов пояснил, что активно занялся исследованием истории грузино-русских взаимоотношений, которая еще не была написана, в архивах остались нетронутыми многие архивные материалы. Ученый утверждал, что «между тем без изучения этой истории, которая ведет начало с XVI века, нельзя понять ни современных взаимоотношений Грузии и России, ни истории отношений России и Кавказа в целом» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 47. Л. 9].

Эта работа стала одной из основополагающих в переориентации интересов ученого в сторону изучения Кавказа, Грузии.

За годы работы в Центрархиве ССР Грузии М.А. Полиевктов извлек из архивов и сделал достоянием историков архивные материалы, без которых трудно представить историю Кавказа, русско-грузинских отношений.

Они оказали влияние на источниковедческие интересы грузинской науки и были опубликованы в изданиях Центрархива ССР Грузии – «Исторический вестник» и «Архивы Грузии». М.А. Полиевктов опубликовал в «Историческом вестнике» за 1924 г. (кн. 2) «Архивное «дело» о восстании в Имеретии, Гурии и Мингрелии в 1819-1820 гг.», которое послужило источником при написании А. Киквидзе «Истории Грузии XIX века».[Киквидзе 1954].

Следующая публикация в «Историческом вестнике» в книге 1 за 1925 г. – «Крестоцеловальные записи имеретинского царя Александра III 9 октября 1651 г.» открыла важнейшую страницу: историю зарождения и развития грузино-русских дипломатических отношений. Эта публикация подтолкнула грузинских исследователей к глубокому изучению истоков грузино-русских отношений. Проблемы зарождения и развития дипломатических отношений активно занимался Я.З. Цинцадзе. Являясь ближайшим сотрудником М.А. Полиевктова в Центральном архиве ССР Грузии, он активно продолжал под руководством русского историка поиски архивных материалов. Можно указать несколько работ Я.З. Цинцадзе, которые носят отпечаток влияния М.А. Полиевктова: «Первые сведения об отношениях Москвы и Кахети в XVI веке» [Цинцадзе 1940]; «К вопросу «статейного списка» посольства Толочанова и Иевлева в Имеретию». [Цинцадзе 1947]; «Из архива истории русско-грузинских отношений (XVII в.)» [Цинцадзе 1952].

Архивные исследования М.А. Полиевктова повлияли и на развитие научного творчества еще одного видного исследователя грузино-русских взаимоотношений. Н. Бердзенишвили не раз отмечал влияние таких работ М.А. Полиевктова, как «Материалы по истории русско-грузинских взаимоотношений 1615-1640 гг». ТГУ. 1937; «Экономические и политические разведки Московского государства XVII века на Кавказе» (Тбилиси, 1932) [Бердзенишвили 1944: 6, 11, 17].

М.А. Полиевктон одним из первых обратился к такому содержательному источнику, как Кавказская Археографическая комиссия. В «Историческом вестнике» за 1925 г. (кн. 2) вышла публикация: «Кавказская Археографическая комиссия и ее научное наследие в Центральном архиве ССР Грузии». Современная историография изучения истории Кавказской Археографической комиссии довольно объемна [Дзидзария 1985; Парова 1989; Колосовская 2022].

По справедливому признанию А.Н. Максимчика, С.Б. Манышева, работа М.А. Полиевктова, «написанная почти сто лет назад, является более информативной, чем последующие работы» [Максимчик, Манышев 2020: 49]. «Архивариус» досконально изучил все обстоятельства, связанные с предметом исследования. Одно из первых описаний «Главного исторического архива» дается ученым в сборнике «Архивы Грузии» за 1927 г., кн. 3. Впоследствии М.А. Полиевктон подготовил работу, ставшую путеводителем для грузинских архивистов по изучению русских архивов [Полиевктон 1936], в которой описал центральные архивы и фонды, хранившие документы по истории русско-грузинских отношений. На это обратил внимание А. Киквидзе в своей статье [Киквидзе 1940]. М.А. Полиевктон составил программу разработки русских источников архивных материалов XVIII-XIX вв. для всего Закавказья. Он отмечал: «В интересах кавказской исторической науки, чтобы ...поскорее дать обзор описания фондов Закавказских архивов» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 27. Л. 89].

В сборнике «Архив Грузии» в кн. 2 за 1927 г. была опубликована еще одна работа М.А. Полиевктова «Архивные материалы к истории заговора 1832 г. в Грузии». Данная работа М.А. Полиевктова предшествовала изучению грузинскими исследователями интереснейшего эпизода истории Грузии.

Г. Гозалишвили подготовил фундаментальное исследование: «Заговор 1832 года». Ч. 1. Тифлис., 1935.

Последняя работа М.А. Полиевктова «Европейские путешественники по Кавказу. 1800-1830» вышла уже после смерти ученого в 1946 г. в издательстве «Заря Востока». Она не осталась вне критики кавказоведов. Благожелательный отзыв о ней дан проф. Л.М. Меликсет-Бековым [ЦИАГ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 275].

Видный кавказовед А.Н. Генко оставил объемную характеристику труда М.А. Полиевктова, отмечая как ее достоинства, так и пробелы [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 120].

Краткий анализ архивных работ М.А. Полиевктова, опубликованных в изданиях Централхива ССР Грузии, позволяет представить деятельность ученого и ее влияние на развитие грузинского архивоведения. М.А. Полиевктов внес вклад в кавказоведение, прежде всего, как архивист. Им был подготовлен специальный курс по архивоведению. Этот курс предназначался для чтения в Институте марксизма-ленинизма в 1935/36 учебном гг. В сохранившихся «Заметках М.А. Полиевктова по архивоведению» сказано: «Курс будет распадаться на: 1) исторический очерк архивов и архивного дела в средние века и новое время в Западной Европе и России и обзор главных современных архивов Западной Европы, СССР, Кавказа и Грузии; 2) ознакомление с различными системами организации архивов; 3) изучение внутренней архивной работы в лицах: хранение архивных материалов и размещение архивных дел; 4) внешние условия архивной работы: архивная культура, архивная гигиена, подборка архивных материалов» [ЦИАГ.Ф.1505.Оп.1.Д.43]. Отражено и содержание 1 лекции: «Общее введение к курсу источниковедения и архивов», основанной на анализе исторических источников. В ней говорится о значении источника в исторической науке, вспомогательных исторических дисциплинах, а также о значении архивов в хранении источников [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 43]. Ученый также подготовил «Правила для издания актового материала XVI-XVII вв.» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 129].

### *«Дело М.А. Полиевктова»*

Однако внутренняя сторона архивоведческой деятельности М.А. Полиевктова в значительной степени остается закрытой. Это обусловлено той напряженной ситуацией, которая сложилась в стране на рубеже 1920-1930 г. Сложные коллизии внутривластной жизни отразились на архивном деле и на судьбе М.А. Полиевктова. Впервые представляем архивный материал из фонда 335 Национального архива новейшей истории Грузии, который полнее обнаруживает облик ученого-архивиста в самый сложный период формирования грузинского советского архивоведения в 1920-1930 гг. В архивном деле № 542 помещен ряд документов, отражающих работу М.А. Полиевктова в Централхиве ССР Грузии. Под грифом секретно, даются материалы об изгнании М.А. Полиевктова в мае 1932 г. из Централхива под надуманным предлогом несоблюдения дисциплины, пропуска работы, не выполнения обязанностей, возложенных на научного консультанта, в должности которого находился М.А. Полиевктов с 1931 г. Эти материалы позволяют представить атмосферу, царившую в Цен-



трархиве ССР Грузии в 1930-х гг, роль М.А. Полиевктова в становлении исторического архивоведения Грузии.

7 мая 1932 г. зав. Центрархивом И.С. Иовидзе подписал приказ об увольнении М.А. Полиевктова. Последовало заявление о вынужденном «признании ошибок», что он «не сумел точно распределить рабочее время, чтобы совместительство не наносило ущерба моей работе по Центрархиву». М.А. Полиевктов обращается с просьбой восстановить его на работе [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Л. 9-10].

Обращает внимание заявление М.А. Полиевктова от 11 мая 1932 г.

Автор подробно анализирует свою деятельность в Центрархиве и аргументированно отвечает на пункты обвинения в свой адрес. М.А. Полиевктов в начале своего заявления пишет: «Все обвинения против меня строятся на отдельных, подчас мелочных фактах, случайно без надлежащей проверки выхваченных и крайне тенденциозно освещаемых, из всей моей деятельности в архиве» [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Л. 5-6]. И далее подробно освещается, что было сделано ученым-архивистом за годы работы в Центрархиве ССР Грузии. С марта 1925 г. М.А. Полиевктов был принят на работу в Центрархив по приказу зав. С.Н. Какабадзе, известного грузинского историка и архивиста. Ученый отмечает: «Мною проделана большая работа, проявлена мною инициатива, и стремление к архивному строительству, отраженные в неопубликованных материалах б. Археологической комиссии, о заговоре 1832 г. в Грузии, об историческом архиве. Будучи зав. исторического архива, я широко информировал науку об отдельных крупных группах архивных материалов и намечал дальнейшие пути архивоведческой, археографической и архивно-исследовательской работы. **У меня есть честное имя в научной литературе по архивному делу** (выделено нами. – Ю.С.)» [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Л. 10].

М.А. Полиевктов также подчеркивает, что он много сделал в деле совершенствования архивной техники, принятой в Центрархиве. Это касается улучшения справочного аппарата Исторического архива, составления фондовых карточек. Зимой 1929 г., во время своей командировки в Московский архив, изучал постановку архивного дела в Центрархиве РСФСР, составил отчетную записку на основе этого для улучшения работы в Центрархиве ССР Грузии, но она руководством архива не обсуждалась» [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Л. 10]. В 1932 г. ученым был составлен отчет за 1931 г. по выявлению и учету архивных материалов по истории Грузии в архивах РСФСР. М.А. Полиевктов подчеркивает, что при этом «использовав всю свою осведомленность относительно содержания русских архивов, и которую, говоря, что не боюсь обвинений в самопохвальстве, никто кроме меня в Центрархиве выполнить не смог бы» [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Л. 11]. После этого предисловия М.А. Полиевктов переходит к обстоятельным ответам конкретно на все обвинения в свой адрес: «Я не обнаружил способности к архивной работе и не проявлял деятельную инициативу и стремление к усовершенствованию архивного строительства... Моя работа зачастую носила характер явно (выделено М. Полиевктовым. – Ю.С.), если хотели сказать «вредительский» характер, то следовало бы это документально доказать» [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Л. 11].

М.А. Полиевктов не испугался прямо об этом заявить, и решил активно защищаться. С его стороны это был смелый и рискованный шаг. В 1931 г. он, как «старый специалист», попал в горнило борьбы с «кондратиевщиной», потерял место работы в Тбилисском государственном университете.

Обвинение во «вредительстве» активно вошло в политическо-общественный лексикон в 1929-1930 гг., отразило обострение внутриполитической борьбы в стране, в период «великого перелома», и «дамокловым мечом» опустилось на головы «старых специалистов». Ближайшие соратники М.А. Полиевктова были репрессированы по «Академическому делу». Ближайший друг А.Е. Пресняков скончался в 1929 г. и избежал репрессий. Потеряв работу в ТГУ по надуманным причинам, М.А. Полиевктов лишился работы и в Центрархиве ССР Грузии, что могло стать полной катастрофой как в научном плане, так и экзистенциально.

Поэтому осталось бороться до конца за честное имя ученого и человека, отдавшего столько сил и здоровья науке. М.А. Полиевктов отвергает надуманные обвинения, что работал в Центрархиве «между прочим». Руководство знало, что работа в качестве научного консультанта с 1931 г. совмещалась с работой в Кавказском историко-археологическом институте кавказоведения, о чем хорошо было известно руководству архива. Со всей прямотой он отвергает обвинение в «кондратиевщине»: «Я остался неисправимым «кондратиевцем». Здесь грубо искажается текст постановления Наркомпроса о снятии группы профессоров, в том числе и меня, с работы в Вузах. Там о никакой «кондратиевщине» не говорилось. Если в этом обвинение, то созовольтесь бы это конкретизировать» [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Д. 12].

Это был прямой вызов всем тем, кто решил уничтожить ученого. М.А. Полиевктов отвергает обвинения о своей непригодности работы в советских научных учреждениях. Он подчеркивает, что «это заявление стоит в полном противоречии с теми работами по Центрархиву, которые я перечислил выше, а также с моей деятельностью в другом советском научном учреждении- «Научном институте кавказоведения РАН», во главе которого стоит большой советский ученый, академик Н.Я. Марр, который всегда дает четкие установки для работы руководимого им научного учреждения, тогда как от руководителя Центрархива я никогда таких четких и ясных установок не получал» [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Л. 12].

Отвергая обвинения в непрофессионализме, М.А. Полиевктов имел веские доводы, доказательства в своей справедливости, умело переводя спор с политической стороны на научную, взяв в свои защитники выдающегося ученого Н.Я. Марра. Это должно было остановить наступление «мракобесов, гонителей науки». Но волна «очищения от старых специалистов», начатая еще с начала 1920 гг. М.Н. Покровским, после смерти в 1932 г. основателя марксистской исторической науки в СССР, захватила не только «старых специалистов», но и последователей М.Н. Покровского.

М.А. Полиевктова обвиняли и в несвоевременной сдаче выработанной им схемы структуры государственных учреждений XIX в. на Кавказе, неорганизованности в руководстве бригадой по исследованию профсоюзного архива и со-

ставления протокола траурного собрания, посвященного памяти М.Н. Покровского [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Л. 13]. На все эти обвинения были даны обстоятельные ответы. М.А. Полиевктов в конце своего заявления еще раз подчеркнул свои заслуги в строительстве архивного дела в Советской Грузии, отметив, что «число знатоков остались единицы, успехами которых архивное дело в Грузии удалось поставить на правильные рельсы». При этом он без ложной скромности отнес себя к этим единицам [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Л. 4]. М.А. Полиевктов еще раз продемонстрировал глубину аргументации, гибкость, используя «коммунистическую фразеологию» времени «великого перелома». Находясь на «правильных рельсах», он показал, что занимается архивным делом с 1901 г., накопив огромный опыт работы еще в дореволюционное время, работая в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Берлина, Вены, Венеции, Стокгольма, изучив опыт в организации архивов. Работая по поручению Центрархива ССР Грузии, опубликовал архивные документы по грузино-русским взаимоотношениям XVII-XVIII в.

Но все уже было предрешено. «Дело М.А. Полиевктова» приобретало явно политический оттенок, обвинения в дисциплинарных нарушениях, непрофессионализме явно носили надуманный характер в заявлениях зав. Центрархивом ССР Грузии И.С. Иовидзе. На политическую подоплеку указывают архивные материалы, отложенные в этом деле. В переписке директора (зав.) Центрархивом ГССР тов. Иовидзе с Отделом по изучению истории Октябрьской революции при Северо-Кавказском краевом комитете ВКП (б) о работе Центрархива ГССР от 11 мая 1932 г. дается однозначная характеристика сущности «дела М.А. Полиевктова». Интрига конфликта заключается в том, что из Ростова-на-Дону был командирован для работы в Центрархиве ССР Грузии сотрудник указанного отдела тов. Г. Понамаренко, который обвинил М.А. Полиевктова в «халатном отношении к своим обязанностям», не в оказании помощи в отыскании нужных архивных материалов по работе с периодом 1905-1919 гг. Г. Понамаренко утверждает, что «со стороны М.А. Полиевктова было проявлено явное противодействие, хотя оно сопровождалось некоторой приветливой обходительностью». Г.Понамаренко просит «установить контроль над его дальнейшей деятельностью». И. Иовидзе оправдывается перед Г.Понамаренко, что М.А. Полиевктов уже снят в 1931 г. с преподавания в вузе из-за «кондратиевщины», в мае 1932 г. уволен с работы в Центрархиве ГССР [ЦАНИГ. Ф. 542. Оп. 9. Д. 542. Л. 1-3].

Но этим явно не удовлетворен «борец с врагами социализма» Г. Понамаренко. Показательны его советы, данные в письме от 29 мая 1932 г.: «Приветствую Вас за удаление из Вашего аппарата этого **монархиста Полиевктова** (выделено. – Ю.С.). За одно только виню Вас немного: надо было бы предать его суду за исчезновение революционной литературы. Должен Вам сообщить по секрету, я передам этот вопрос в соответствующие органы. Думаю, что будет все раскрыто... В заключение выражаю Вам искреннее сожаление по поводу существующей у Вас атмосферы и искренне советую не ослаблять свою большевистскую бдительность и твердость и вести непримиримую борьбу, и если нужно без всяких стеснений писать прямо к тов. Сталину. Я знаю много случаев, что тов. Сталин

не оставит без внимания такие вопросы и везде результаты **самые отрядные** (выделено нами. – Ю.С) [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Л. 7].

Таким образом, планы в отношении М.А. Полиевктова были зловещие. Если делу был бы дан дальнейший ход, то М.А. Полиевктова в 1932 г. ожидали бы репрессии. Нам трудно судить, что этому помешало. Но «черная тень» пробежала над большим ученым и человеком.

«Дело М.А. Полиевктова» обнажило глубокую подоснову, происходящих в 1920-1930 гг. процессов в научной, духовной сфере. Формирование советской науки происходило на волне модернизации традиционных структур общества и представлений о роли науки в новом обществе. В начале 1920-х гг. власть признавала некую автономию науки, хотя в исторической науке «школа М.Н. Покровского» повела ожесточенную борьбу со «старыми буржуазными школами». Но уже на рубеже 1920-1930 гг. в период «великого перелома» шла «большевиизация науки». Был нанесен удар по «школе М. Покровского». В «жернова системы» попали представители «буржуазных школ» С. Платонова, А. Чаянова, И. Кондратьева [Брачев 1987]. Оголтелые «крестоносцы истинного марксизма» Зайдель и Цвибак упоминали М.А. Полиевктова среди учеников С.Ф.Платонова [Зайдель, Цвибак 1931: 6]. «Волны репрессий» достигли и Тифлиса. «Дело М.А. Полиевктова» было в русле тех гонений, которые сопровождали баталии «великого перелома». Но потеряв работу в университете и Центрархиве ССР Грузии, «старому специалисту» М.А. Полиевктову удалось избежать репрессий. Власть в условиях модернизации Системы, не могла игнорировать роль и значение «старых специалистов», предварительно апробировав репрессивные методы 1928-1930 гг. «Старые специалисты» были необходимы для создания учебников по гражданской истории, когда история, как наука, восстанавливалась в своих правах вместо абстрактной социологии. Для этого требовались «старые специалисты», обладающие навыками работы с архивными документами, способные обучить этому делу «историков-марксистов». М.А. Полиевктов продолжал бороться за справедливость, признания своих заслуг в исторической науке, обращался к комиссару просвещения Грузии с просьбой восстановления работы в ТГУ и Центрархиве ССР Грузии. «Старого специалиста» восстановили, но с понижением в должности. В ТГУ он вел курсы со студентами по вспомогательным дисциплинам и аспирантами, а в Центрархиве стал консультантом. Однако «внутренняя канва» архивной деятельности М.А. Полиевктова после 1932 г. закрыта для исследователей.

Знакомство с архивными материалами позволяет обнаружить новые грани научной биографии многогранной личности, каким был М.А. Полиевктов. Как представитель петербургской исторической школы, М.А. Полиевктов внес большой вклад в развитие кавказоведения. Он заложил основы исторического архивоведения Кавказа в Грузии, подготовил кадры архивистов, обнаружил и опубликовал ряд ценнейших документов по истории Грузии, русско-грузинским отношениям. М.А. Полиевктовым был разработан вузовский курс архивоведения. Как справедливо отмечено в научной литературе, научное творчество М.А. Полиевктова должно войти в историографический дискурс,

занять должное, достойное место в истории исторической мысли Кавказа [Тихонов 2011: 419].

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бердзенишвили 1944 – *Бердзенишвили Н.Г.* Из истории русско-грузинских отношений XVI-XVII вв. // *Материалы по истории Грузии и Кавказа.* – Ч. 1. – Тбилиси: 1944. С. 6, 11, 17. (на груз. яз.).

Брачев 1997 – *Брачев В.С.* Дело историков. 1929-1931. – СПб: Нестор, 1997. – 113 с.

Высочков 2019 – *Высочков Л.В.* Петербургский период жизни М.А. Полиевктова и его книга-Николай I (К столетию первого издания книги) // *Деятели русской науки XIX-XX веков: Коллек. Монография* [Ред. и сост. Т.В. Андреева, С.Ф. Синельникова]. – Вып. X. – СПб: Дмитрий Буланов, 2019. С. 107-148.

Датуашвили 1977 – *Датуашвили Д.А.* История архивного дела в Грузии. – Тбилиси: Изд-во Советская Грузия, 1977. – С.194-195. (на груз. яз.).

Дзидзария 1985 – *Дзидзария Г.А.* Акты Археографической комиссии как важный источник по истории народов Кавказа // *Источниковедческие разыскания.* – Тбилиси, 1985. – С. 201-207.

Зайдель, Цвибак 1931 – *Зайдель Г., Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте.: *Тарле и Платонов и их школы.* – М.-Л.: б/и, 1931. С. 6.

Киквидзе 1940 – *Киквидзе А.Я.* Архивные материалы бывшего кавказского комитета о Грузии // *Труды ТГУ.* – 1940. – № 12. – С. 65-67.

Киквидзе 1954-Киквидзе А.Я. История Грузии XIX в.-Тбилиси.: Изд.во ТГУ, 1954.-389 с.(на груз.яз).

Колосовская 2022 – *Колосовская Т.А.* К проблеме институционального оформления кавказоведения в императорской России // *Электронный журнал «Кавказология».* – 2022. – № 2. – С. 55-68.

Ляндрес 2011 – *Ляндрес С.М.* М.А. Полиевктов и Комиссия опросов Таврического дворца// *Политическая история России XX в. К 80-летию проф. В.И. Старцева.* Сб. научных трудов. – СПб.:, 2011. С. 287-315.

Максимчик 2014 – *Максимчик А.Н.* «Тифлисский период» жизни и деятельности историка-архивиста М.А. Полиевктова // *Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения российской и всеобщей истории нового и новейшего времени.* Сб.материалов IV международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2014» [Гл. ред. П.И. Сорокин., отв.ред. С.А. Котов]. – М.: РОССПЭН, 2014. – С. 252-257.

Максимчик, Манышев 2020 – *Максимчик, А.Н., Манышев С.Б.* «Собрать из архивов главнейшие акты и сведения...» (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIX в.) // *Новое прошлое.* – 2020. – № 2. – С. 49.

Муратова 2018 – *Муратова Е.Г.* Основные направления научно-исследовательской деятельности М.А. Полиевктова в «тифлисский период» его жизни // *Электронный журнал «Кавказология».* – 2018. № 2. – С. 51-65.

Пайчадзе 1981 – *Пайчадзе Г.Г.* М.А. Полиевктов (К 100-летию со дня рождения) // *Историографические этюды.* – Тб.: Мецниереба, 1981. – С. 62-85. (на груз. яз).

Парова 1989 – *Парова Л.М.* К истории Кавказской археографической комиссии (По новым архивным материалам) // *Археографический ежегодник за 1988 г. / Отв. ред. С.О. Шмидт.* – М.: Наука, 1989. – С. 172-185.

Полиевктов 1936 – *Полиевктов М.А.* Русские архивные материалы по истории Грузии // *Труды ТГУ.* – Тифлис, 1936. – С. 77-84.

Сулаберидзе 2020а – *Сулаберидзе Ю.С.* М.А. Полиевктов – у истоков русского научного кавказоведения // *Петербургский исторический журнал.* – СПб.:, 2020. – № 2. – С. 236-249.

Сулаберидзе 2020б – *Сулаберидзе Ю.С.* «Тифлисский период» научного творчества М.А. Полиевктова. К истории создания концепции «восточно-кавказского вопроса». – Саарбрюккен, 2020. – 121 с.

Сулаберидзе 2022 – Сулаберидзе Ю.С. Научно-преподавательская деятельность М.А. Полиевктова в Грузии в 1920-1930 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 163-182.

Сулаберидзе 2023 – Сулаберидзе Ю.С. Деятельность М.А. Полиевктова в академических учреждениях Грузии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 94-106.

Тихонов 2011а – Тихонов В.В. М.А. Полиевктов как кавказовед // История России в исследованиях и документах. – Вып. 5. – М., 2011. – С. 73-82.

Тихонов 2011б – Тихонов В.В. «Не считайте меня изменником русской исторической науки»: М.А. Полиевктов – историк русско-грузинских взаимоотношений // Россия и Грузия: альтернативы конфронтации-созидание (Проблемы российско-грузинских отношений XIX-XXI вв.). Сост. Н.Ф. Бугай. – М.: Институт российской истории РАН, 2011. – С. 419.

Цинцадзе 1940 – Цинцадзе Я.З. Первые сведения об отношениях Москвы с Кахетией в XVI веке // Труды Кутаисского пединститута. – Т. 1. – 1940. – С. 123-137. (на груз.яз.).

Цинцадзе 1943 – Цинцадзе Я.З. Проф. М.А. Полиевктов // Труды ТГУ. – Т. 25. – 1943. – С. 245-250. (на груз. яз.).

Цинцадзе 1947 – Цинцадзе Я.З. К вопросу «статейного списка» посольства Толочанова и Иевлева в Имеретию // Труды ТГУ. – Т. 30. – С. 1-17. (на груз. яз.)

Цинцадзе 1952 – Цинцадзе Я.З. Из архива истории русско-грузинских отношений (XVII в.). – Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1952. – 130 с. (на груз. яз.)

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии.

ЦАНИГ – Центральный архив новейшей истории Грузии.

## REFERENCES

BERDZENISHVILI N.G. *Iz istorii rusско-gruzinskikh otноshenii XVI-XVII vv.* [From the history of Russian-Georgian relations in the XVI-XVII century]. In: *Materialy po istorii Gruzii i Kavkaza*. – Ch. 1. – Tbilisi: 1944. S. 6, 11, 17. (In Georg.)

BRACHEV V.S. *Delo istorikov. 1929-1931* [«The case of historians» 1929-1931]. – SPb: Nestor, 1997. – 113 s. (In Russ.).

VYSKOCHKOV L.V. *Peterburgskii period zhizni M.A. Polievktova i ego kniga-Nikolai I (K stoletiyu pervogo izdaniya knigi)* [The Petersburg period of life of M.A. Polievktov and his book-Nikolai I (In the centenary of the first edition of the book)]. In: *Deyateli russkoi nauki XIX-XX vekov: Kollekt. Monografiya* [Red. i sost. T.V. Andreeva, S.F. Sinel'nikova]. – Vyp. X. – SPb: Dmitrii Bulanov, 2019. S. 107-148. (In Russ.).

DATUASHVILI D.A. *Istoriya arkhivnogo dela v Gruzii* [The history of archiving]. – Tbilisi: Izd-vo Sovetskaya Gruzia, 1977. – S. 194-195. (In Georg.)

DZIDZARIYA G.A. *Akty Arkheograficheskoi komissii kak vazhnyi istochnik po istorii narodov Kavkaza* [Acts of the Archaeological Commission as an important source on the history of the peoples of the Caucasus]. In: *Istochnikovedcheskie razyskaniya*. – Tbilisi, 1985. – S. 201-207. (In Russ.).

ZAIDEL' G., TSVIBAK M. *Klassovyi vrag na istoricheskom fronte.: Tarle i Platonov i ikh shkoly* [The class enemy on the historical front]. – M.-L., 1931. S. 6. (In Russ.).

KIKVIDZE A.Ya. *Arkhivnye materialy byvshego kavkazskogo komiteta o Gruzii* [Archival materials of the former Caucasian committee about Georgia]. In: *Trudy TGU*. – 1940. – № 12. – S. 65-67. (In Russ.).

KIKVIDZE A.Ya. *Istoriya Gruzii XIX v.* [History of Georgia XIX c.]. – Tbilisi: Izd. TGU, 1954. – 389 p. (In Geor.).

KOLOSOVSKAYA T.A. *K probleme institutsional'nogo oformleniya kavkazovedeniya v imperatorskoi Rossii* [On the problem of the Institutional design of Caucasian Studies in Imperial Russia]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2022. – № 2. – S. 55-68. (In Russ.).

LYANDRES S.M. *M.A. Polievktov i Komissiya oprosov Tavricheskogo dvortsa* [M.A. Polievktov and the Commission of polls of the Tauride Palace]. In: *Politicheskaya istoriya Rossii XX v. K 80-letiyu prof. V.I. Startseva. Sb. nauchnykh trudov*. – SPb: 2011. S. 287-315. (In Russ.).

MAKSIMCHIK A.N. «Tiflisskii period» zhizni i deyatel'nosti istorika-arkhivista M.A. Polievktova [Tiflis period of life and work of the historian-archivist M.A. Polievktov]. In: Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arkheografii, istochnikovedeniya rossiiskoi i vseobshchei istorii novogo i noveishego vremeni. Sb. materialov IV mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov «Klio-2014» [Gl. red. P.I. Sorokin. otv. red. S.A. Kotov]. – M.: ROSSPEN, 2014. – S. 252-257. (In Russ.).

MAKSIMCHIK, A.N., MANYSHEV S.B. «Sobrat' iz arkhivov glavneishie akty i svedeniya» (Kavkazskaya arkheograficheskaya komissiya i arkhivnoe delo na Kavkaze vo vtoroi polovine XIX v.) [Sort the most important messages and information from the archives]. In: Novoe proshloe. – 2020. – № 2. – S. 49. (In Russ.).

MURATOVA E.G. Osnovnye napravleniya nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nosti M.A. Polievktova v «tiflisskii period» ego zhizni [The main directional of reseach activities of M.A. Polievktov in the «tiflis period» of the life]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2018. № 2. – S. 51-65. (In Russ.).

PAICHADZE G.G. M.A. Polievktov (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // Istorigraficheskie etyudy [M.A. Polievktov (To the centenary of his birth)]. – Tb.: Metsniereba, 1981. – S. 62-85. (gruz.yaz). (In Georg.).

PAROVA L.M. K istorii Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii (Po novym arkhivnym materialam) [On the History of the Caucasian Archaeographic Commission (Based on new archival materials)]. In: Arkheograficheskii ezhegodnik za 1988 g. / Otv. red. S.O. Shmidt. – M.: Nauka, 1989. – S. 172-185. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. Russkie arkhivnye materialy po istorii Gruzii [Russian archival materials on the history of Georgia]. In: Trudy TGU. – Tiflis, 1936. – S. 77-84. (In Russ.).

SULABERIDZE YU.S. M.A. Polievktov – u istokov russkogo nauchnogo kavkazovedeniya [M.A. Polievktov – at the origins of russian scientific caucasian studies]. In: Peterburgskii istoricheskii zhurnal. – SPb, 2020. – № 2. – S. 236-249. (In Russ.).

SULABERIDZE YU.S. «Tiflisskii period» nauchnogo tvorchestva M.A. Polievktova. K istorii sozdaniya kontseptsii «vostochno-kavkazskogo voprosa» [Tiflis period of M.A. Polievktov's scientific work. The history of the creation of the scientific concept of the East caucasian issue]. – Saarbrücken, 2020. – 121 s. (In Russ.).

SULABERIDZE YU.S. Nauchno-prepodavatel'skaya deyatel'nost' M.A. Polievktova v Gruzii v 1920-1930 gg. [Scientific and teaching activities of M.A. Polievktov in Georgia in 1920-1930]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2022. – № 3. – S. 163-182. (In Russ.).

SULABERIDZE YU.S. Deyatel'nost' M.A. Polievktova v akademicheskikh uchrezhdeniyakh Gruzii [Activities of M.A. Polievktov in academic institutions of Georgia in 1920-1930]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2023. – № 1. – S. 94-106. (In Russ.).

TIKHONOV V.V. M.A. Polievktov kak kavkazoved [M.A. Polievktov as a Caucasian scholar]. In: Istoriya Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh. – Vyp. 5. – M., 2011. – S. 73-82. (In Russ.).

TIKHONOV V.V. «Ne schitaite menya izmennikom russkoi istoricheskoi nauki»: M.A. Polievktov – istorik russko-gruzinskikh vzaimootnoshenii [«Do not consider me a traitor of Russian historical science»: M.A. Polievktov-historian of Russian-Georgian relations]. In: Rossiya i Gruzija: al'ternativy konfrontatsii-sozidanie (Problemy rossiisko-gruzinskikh otnoshenii XIX-XXI vv.). Sost. N.F. Bugai. – M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2011. – S. 419. (In Russ.).

TSINTSADZE Ya.Z. Pervye svedeniya ob otnosheniyakh Moskvy s Kakheti v XV v. [First information about the history of relations between Moscow and Kakheti]. In: Trudy Kutaisi pedagogicheskogo instituta. – № 1. – 1940. – S. 123-137. (In Geor.).

TSINTSADZE Ya.Z. Prof. M.A. Polievktov [Prof. M.A. Polievktov]. In: Trudy TGU. – T. 25. – 1943. – S. 245-250. (In Geor)

TSINTSADZE Ya.Z. K voprosu «stateynogo spiska» posol'stva Tolochanova i Ievleva v Imeretiyu [On the issue of the article list of the embassyd Tolochanov and Ievlev to Imereti]. In: Trudy TGU. – T. 30. – 1947. – S. 1-17 (In Geor).

TSINTSADZE Ya.Z. *Iz arkhiva istorii russko-gruzinskikh otnosheniy (XVII v.)* [From archive of the history of Russian-Georgian relations (XVII c.)]. Tbilisi: Izd-vo AN Gruz. SSR, 1952. – 130 s. (In Geor).

*Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [Central State Historical Archive of Georgia]. (In Russ.).

*Tsentral'nyi arkhiv noveishei istorii Gruzii* [Central State modern history archive of Georgia]. (In Russ.).

***Информация об авторе***

Ю.С. Сулаберидзе – кандидат исторических наук.

***Information about the author***

Yu.S. Sulaberidze – Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 30.12.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 30.12.2023; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.



Научная статья  
УДК 323.15+94  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-97-108  
EDN: HXDEKD

## АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГРУЗИИ В 1989-2014 ГГ.: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТЫ

**Дмитрий Игоревич Узнародов**

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,  
Ростов-на-Дону, Россия, [uzn-dmitrij@yandex.ru](mailto:uzn-dmitrij@yandex.ru), [orcid.org/0000-0001-7570-3614](https://orcid.org/0000-0001-7570-3614)

**Аннотация.** Статья посвящена анализу демографического и языкового аспектов азербайджанского населения в современной Грузии. На основе анализа данных официальной статистики выявляются главные тенденции демографического развития азербайджанского населения Грузии в период с 1989 по 2014 гг. Обращается внимание на сокращение с 1989 по 2014 гг. численности азербайджанского населения в Грузии на 24,23 %, что было обусловлено, главным образом, оттоком азербайджанского населения из Грузии на протяжении 90-х гг. XX в. Также выявляются особенности языкового аспекта азербайджанского вопроса в современной Грузии. Делается вывод, что в настоящее время среди национальных меньшинств Грузии именно азербайджанцы являются наименее интегрированными в языковое пространство страны, о чем говорит низкий процент азербайджанского населения, свободно владеющего грузинским языком – всего 18,7 %.

**Ключевые слова:** азербайджанский этнос, Грузия, демография, этнические меньшинства, язык.

**Благодарности:** Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100349-6.

**Для цитирования:** Узнародов Д.И. Азербайджанское население Грузии в 1989-2014 гг.: демографический и языковой аспекты // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 97-108. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-97-108. EDN: HXDEKD.

---

© Узнародов Д.И., 2024

Original article

## AZERBAIJANI POPULATION OF GEORGIA IN 1989-2014: DEMOGRAPHIC AND LINGUISTIC ASPECTS

**Dmitry I. Uznarodov**

Federal Research Centre Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, [uzn-dmitrij@yandex.ru](mailto:uzn-dmitrij@yandex.ru), [orcid.org/0000-0001-7570-3614](https://orcid.org/0000-0001-7570-3614)

**Abstract.** The article analyzes the demographic and linguistic aspects of the Azerbaijani issue in modern Georgia. Based on the analysis of official statistics data, the main trends in the demographic development of the Azerbaijani population of Georgia in the period from 1989 to 2014 are revealed. It is concluded that the number of Azerbaijani population in Georgia decreased by 24.23

% from 1989 to 2014, which was because of the large-scale outflow of the Azerbaijani population from Georgia during the 90s. The main linguistic aspects of the Azerbaijani issue in modern Georgia are also identified. It is concluded that, at present, among the national minorities of Georgia, the Azerbaijanis are the least integrated into the country's linguistic space, as evidenced by the low percentage of the Azerbaijani population who are fluent in Georgian – only 18.7 %.

**Keywords:** Azerbaijani ethnicity, Georgia, demography, ethnic minorities, language.

**Thanks and funding:** The publication was prepared within the framework of the implementation of the State Assignment of the State Research Center of the Russian Academy of Sciences, project no. 122020100349-6.

**For citation:** Uznarodov D.I. Azerbaijani population of Georgia in 1989-2014: demographic and linguistic aspects. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 97-108. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-97-108. EDN: HXDEKD.

© Uznarodov D.I., 2024

### *Введение*

*Актуальность исследования.* Актуальность исследования демографических и языковых аспектов азербайджанского населения в современной Грузии обусловлена сразу несколькими факторами.

Во-первых, азербайджанцы являются второй по численности этнической группой в Грузии, а также самым многочисленным национальным меньшинством этой страны, что не может не оказывать влияние на различные процессы, учитывая, в том числе, также специфику расселения и высокую степень концентрации азербайджанского этноса в определенных районах страны. Согласно данным переписи населения 2014 г., численность азербайджанского этноса в Грузии составляет 233 024 человека, или 6,27 % от общей численности населения страны<sup>1</sup>.

*Таблица 1.*  
*Азербайджанское население Грузии по данным всеобщих переписей (1989-2014 гг.)<sup>2</sup>*

Численность азербайджанского населения Грузии			Доля азербайджанского этноса в структуре населения Грузии (в %)		
1989	2002	2014	1989	2002	2014
307 556	284 761	233 024	5,69	6,51	6,27

Появление азербайджанского населения на территории грузинских земель датируется еще концом XV-XVII вв. Азербайджанцы появляются в Грузии во время персидских походов в 80-х гг. XV в. [Sanikidze 2018], а в начале XVII в., в период правления персидского шаха Аббаса I, Дебедскую долину заселяет тюркское племя борчалу, от которого и происходит наименование историко-географической области на юге современной Грузии (в настоящее время – тер-

<sup>1</sup> Population Census in Georgia 2014. Regions and localities. URL: <http://pop-stat.mashke.org/georgia-ethnic-loc2014.htm> (дата обращения: 17.10.2023).

<sup>2</sup> Этнический состав населения Грузии по данным всеобщих переписей. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0723/comments/comm3.html> (дата обращения: 17.10.2023).

ритория трех районов региона Квемо-Картли с преимущественно азербайджанским населением). Тогда же на этих землях был создан Борчалинский султанат, который просуществовал до 50-х гг. XVIII в., пока не отошел под владение царя Картли Теймураза II.

Во-вторых, на данный момент существует крайне мало исследований, посвященных более детальному и углубленному (на уровне регионов и муниципальных образований) изучению демографических и языковых аспектов азербайджанского населения современной Грузии, что также дополнительно актуализирует выбранную тему настоящего исследования.

*Цель работы* – провести исследование демографических и языковых аспектов азербайджанского населения в Грузии в конце XX – начале XXI вв.: проанализировать демографическую динамику азербайджанского этноса в Грузии в период с 1989 по 2014 гг. и обозначить особенности языковой идентичности азербайджанцев Грузии.

*Источниковая база исследования.* Статья подготовлена на основе анализа опубликованных научных работ по обозначенной тематике, комплекса статистической информации (данных переписей населения с 1989 по 2014 гг.), а также материалов периодической печати и средств массовой информации.

*Степень научной разработанности темы.* Несмотря на то, что в настоящее время в научном дискурсе по обозначенной проблематике уже сформирована определенная источниковая база [Архипова 2017; Байрамов, Тагиева 2022; Мехдиев 2016; Мосаки 2018; Омаров 2019; Салаев 2019], ряд направлений требуют дополнительного изучения, в частности, речь идет о более детальном анализе демографической динамики азербайджанского населения в регионах Грузии в конце XX – начале XXI вв.

### ***Демографическая динамика азербайджанского населения Грузии (1989-2014 гг.)***

Следует отметить, что массовый отток азербайджанского населения из Грузии начался в 1992 г., когда, согласно материалам официальной статистики, из страны уехали порядка 10 тыс. азербайджанцев, а в период с 1992 по 1993 гг. – около 23 тыс. [Сванидзе 1994: 5; Комахия 2008: 182]. Эти процессы послужили причиной того, что чистая миграция между Грузией и Азербайджаном в период с 1992 по 1999 гг. составила 9,3 тыс. человек<sup>1</sup>, что в несколько раз больше, чем с любым из других государств бывшего Советского Союза. Для сравнения – между Узбекистаном и Азербайджаном чистая миграция составляла 3,6 тыс. человек, между Казахстаном и Азербайджаном – 1,6 тыс. человек<sup>2</sup>. В период с 2000 по 2009 гг. масштабы миграционных потоков населения из Грузии в Азербайджан значительно снизились: чистая миграция в этот период составила 2,1 тыс. человек, что более чем в 4 раза меньше, нежели в период с 1992 по 1999 гг.<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Денисенко М., Чудиновских О. Миграции между странами СНГ. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit04.php> (дата обращения: 17.10.2023).

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

Необходимо также подчеркнуть, что еще в конце 80-х гг. XX в. в 36 из 48 населенных пунктов Болнисского района и в 30 из 36 населенных пунктах Дманисского района азербайджанцы составляли 100 % населения [Байрамов, Тагиева 2022: 5]. В настоящее время количество населенных пунктов, в которых азербайджанцы составляют 100 % населения, сократилось: по данным 2014 г., в Болнисском районе осталось 14 таких населенных пунктов, в Дманисском – 21<sup>1</sup>.

Далее проанализируем динамику демографических трансформаций азербайджанского этноса в контексте административно-территориальных образований Грузии. К сожалению, открытых данных по административно-территориальным образованиям в 1989 г. найти не удалось, поэтому рассмотрим данные по 2002 и 2014 гг.

Таблица 2.

*Азербайджанское население Грузии по данным всеобщей переписи населения 2002 г. (по регионам Грузии)<sup>2</sup>*

Регион	Численность азербайджанского населения	Доля азербайджанского этноса в структуре населения (в %)
Аджария	542	0,14
Верхний Кодор (АР Абхазия) – до 2008 г.	6	0,31
Гурия	91	0,06
Имеретия	274	0,04
Кахетия	40 036	9,83
Квемо-Картли	224 606	45,14
Мцхета-Мтианети, включая Ахалгорский район – до 2008 г.	2 248	1,79
Рача-Лечхуми и Нижняя Сванетия	47	0,09
Самегрело-Верхняя Сванетия	142	0,03
Самцхе-Джавахети	59	0,03
Тбилиси	10 942	1,01
Шида-Картли	5 768	1,84

Как показывает анализ данных таблицы 2, наибольшая численность азербайджанского этноса наблюдается в регионе Квемо-Картли. Второе место по численности азербайджанского этноса занимает Кахетия, третье – Шида-Картли. В регионе Квемо-Картли в 2002 г. проживало 78,8 % от численности всех азербайджанцев, проживающих в Грузии, что связано с традиционным расселением

<sup>1</sup> Population Census in Georgia 2014. Regions and localities. URL: <http://pop-stat.mashke.org/georgia-ethnic-loc2014.htm> (дата обращения: 17.10.2023).

<sup>2</sup> Population Census in Georgia 2002. Administrative-territorial entities. URL: [https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/92/Georgia\\_Census\\_2002-Ethnic\\_group\\_by\\_major\\_administrative-territorial\\_units.pdf](https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/92/Georgia_Census_2002-Ethnic_group_by_major_administrative-territorial_units.pdf) (дата обращения: 17.10.2023).

азербайджанцев на этих землях, о чем уже говорилось ранее<sup>1</sup>. Помимо этого, наряду с регионом Самцхе-Джавахетия, где большинство населения составляли армяне, в 2002 г. Квемо-Картли являлся одним из двух регионов страны, где грузины не составляли этническое большинство. В 2002 г. азербайджанцы являлись этническим большинством в трех районах региона Квемо-Картли – Марнеульском (83,1 %), Дманисском (66,76 %) и Болнисском (65,98 %).

Таблица 3.  
Азербайджанское население Грузии по данным всеобщей переписи населения 2014 г.  
(по регионам Грузии)<sup>2</sup>

Регион	Численность азербайджанского населения	Доля азербайджанского этноса в структуре населения (в %)
Аджария	340	0,10
Гурия	34	0,03
Имеретия	106	0,02
Кахетия	32 354	10,16
Квемо-Картли	177 032	41,75
Мцхета-Мтианети	2 316	2,45
Рача-Лечхуми и Нижняя Сванетия	1	0,00
Самегрело-Верхняя Сванетия	64	0,02
Самцхе-Джавахети	89	0,06
Тбилиси	15 187	1,37
Шида-Картли	5 501	2,09

В 2002–2014 гг. численность азербайджанского этноса в муниципальных образованиях Грузии сократилась во всех регионах, за исключением Мцхета-Мтианети, Самцхе-Джавахети и Тбилиси, где наблюдалась положительная демографическая динамика. В Мцхета-Мтианети прирост азербайджанского населения составил 3,02 %, в Самцхе-Джавахети – 50,85 %, в Тбилиси – 38,8 %.

Общая численность азербайджанского населения Грузии в период с 2002 по 2014 гг. также сократилась – с 284 761 до 233 024 чел. (таблица 3). В регионе Квемо-Картли к 2014 г. азербайджанцы утратили статус этнического большинства – убыль азербайджанского населения здесь составила 21,18 %. В данном аспекте будет правильно также проанализировать динамику азербайджанского населения Грузии в контексте городских и сельских населенных пунктов страны.

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Population Census in Georgia 2014. Regions and localities. URL: <http://pop-stat.mashke.org/georgia-ethnic-loc2014.htm> (дата обращения: 17.10.2023).

Таблица 4.

*Азербайджанское население Грузии в контексте городских и сельских населенных пунктов, 1989-2014 гг. (тыс. чел., %)¹*

	1989	2002	2014
<i>Численность населения, тыс. чел.</i>			
Города	75 615	41 082	43 666
Сельская местность	231 941	243 679	189 358
<i>Удельный вес, %</i>			
Города	24,59	14,43	18,74
Сельская местность	75,41	85,57	81,26

Как показывает анализ данных, представленных в таблице 4, доля городского населения среди азербайджанского этноса сократилась на 10 % в период с 1989 по 2002 гг. В свою очередь, прирост сельского населения составил 5 %, а убыль городского населения – 45,67 %. Иная ситуация складывалась в период с 2002 по 2014 гг.: доля городского населения среди азербайджанского этноса, наоборот, выросла на 4 %, а доля сельского населения на 4 % сократилась. Прирост городского населения в этот период составил 6,29 %, а убыль сельского населения – 22,29 %.

Можно предположить, что демографические трансформации периода с 1989 по 2002 гг. обусловлены очень масштабным оттоком азербайджанского населения из Грузии на протяжении 90-х гг. XX в., о чем уже говорилось выше. Вероятно, отток происходил, преимущественно, среди городского населения Грузии, где выше уровень доходов населения и, соответственно, было больше финансовых ресурсов осуществить переезд в Азербайджан, или Россию. Более подробно динамику численности городского и сельского населения среди азербайджанского этноса в контексте административно-территориальных образований Грузии в период с 2002 по 2014 гг. рассмотрим ниже.

Таблица 5.

*Азербайджанское население Грузии по данным всеобщих переписей населения 2002-2014 гг. (по регионам Грузии). Городское и сельское население²*

¹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения республик СССР по полу и национальности. Грузинская ССР. URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr\\_nac\\_89.php?reg=6](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=6) (дата обращения: 17.10.2023).;

Population Census in Georgia 2002. Language proficiency. URL:

[https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site\\_images/\\_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-](https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-)

[%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf](https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf) (дата обращения: 17.10.2023);

Population Census in Georgia 2014. Regions and localities. URL: <http://pop-stat.mashke.org/georgia-ethnic-loc2014.htm> (дата обращения: 17.10.2023).

² Population Census in Georgia 2002. Language proficiency. URL:

[https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site\\_images/\\_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-](https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-)

[%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf](https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf) (дата обращения: 17.10.2023).;

Population Census in Georgia 2014. Regions and localities. URL: <http://pop-stat.mashke.org/georgia-ethnic-loc2014.htm> (дата обращения: 17.10.2023).

Регион	Доля городского населения (в %)	Доля сельского населения (в %)		
	2002 г.	2014 г.	2002 г.	2014 г.
Аджария	55,54	88,82	44,46	11,18
Верхний Кодор (АР Абхазия) – до 2008 г.	0	–	100	–
Гурия	42,86	67,65	57,14	32,35
Имеретия	48,18	75,47	51,82	24,53
Кахетия	4,7	0,87	95,3	99,13
Квемо-Картли	13,27	16,71	86,73	83,29
Мцхета-Мтианети (включая Ахалгорский район – до 2008 г.)	0,6	0,47	99,4	99,53
Рача-Лечхуми и Нижняя Сванетия	36,17	100	63,83	0
Самегрело-Верхняя Сванетия	30,28	85,94	69,72	14,06
Самцхе-Джавахети	40,68	85,39	59,32	14,61
Тбилиси	65	74,77	35	25,23
Шида-Картли	29,52	39,95	70,48	60,05

Как показывают данные таблицы 5, в период с 2002 по 2014 гг. во всех регионах Грузии, за исключением Кахетии и Мцхета-Мтианети, доля азербайджанского этноса, проживающего в городах, в структуре населения выросла. Доля сельского населения среди азербайджанского этноса, наоборот, в этот промежуток времени снизилась в девяти административно-территориальных образованиях.

Одновременно с этим, непосредственно численность азербайджанского этноса, проживающих в городах, увеличилась только в пяти регионах Грузии – Аджарии (на 0,33 %), Самегрело-Верхней Сванетии (на 27,91 %), Самцхе-Джавахетии (на 216,67 %), Шида-Картли (на 11,16 %) и Тбилиси (на 59,65 %)<sup>1</sup>.

Численность сельского населения среди азербайджанского этноса в период с 2002 по 2014 гг. возросла только в двух административно-территориальных образованиях Грузии – Мцхета-Мтианети и Тбилиси. Прирост сельского населения здесь составил 2,54 и 0,05 % соответственно. Наибольшая убыль сельского населения среди азербайджанцев Грузии фиксируется в Рача-Лечхуми и

<sup>1</sup> Population Census in Georgia 2014. Total population by regions and ethnicity. URL: <http://pop-stat.mashke.org/georgia-ethnic-loc2014.htm> (дата обращения: 17.10.2023).

Нижней Сванетии (100 %), Самегрело-Верхней Сванетии (90,91 %), Аджарии (84,23 %), Имеретии (81,69 %), Гурии (78,85 %)¹.

Более подробно с динамикой численности азербайджанского населения в городских и сельских населенных пунктах в контексте административно-территориальных образований Грузии можно ознакомиться в таблице 6.

*Таблица 6.*  
*Динамика численности азербайджанского населения Грузии в период с 2002-2014 гг.*  
*(по регионам Грузии). Городское и сельское население²*

Регион	Городское население		Сельское население	
	численность (2014 г.)	прирост/убыль (в %)	численность (2014 г.)	прирост/убыль (в %)
Аджария	302	+ 0,33	38	– 84,23
Гурия	23	– 41,03	11	– 78,85
Имеретия	80	– 39,39	26	– 81,69
Кахетия	280	– 85,13	32 074	– 15,93
Квемо-Картли	29 589	– 0,75	147 443	– 24,31
Мцхета-Мтианети (включая Ахалгорский район – до 2008 г.)	11	– 21,43	2 305	+ 2,54
Рача-Лечхуми и Нижняя Сванетия	1	– 94,12	0	– 100
Самегрело-Верхняя Сванетия	55	+ 27,91	9	– 90,91
Самцхе-Джавахети	76	+ 216,67	13	– 62,86
Тбилиси	11 356	+ 59,65	3 831	+ 0,05
Шида-Картли	1 893	+ 11,16	3 608	– 37,45

### ***Языковая идентичность азербайджанцев Грузии***

Следует отметить, что, несмотря на рост численности азербайджанцев, свободно владеющих грузинским языком, в настоящее время уровень владения грузинским языком среди азербайджанского населения остается самым низким среди всех национальных меньшинств Грузии [Мосаки 2018: 115]. В то же время, нельзя не отметить, что с 1989 г. доля азербайджанского населения, свободно владеющая грузинским языком, выросла в два раза.

¹ Population Census in Georgia 2002. URL:

[https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site\\_images/\\_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf](https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf) (дата обращения: 17.10.2023).

² Там же.



Таблица 7.

*Владение грузинским языком среди азербайджанского населения Грузии (1989-2014 гг.)<sup>1</sup>*

Доля азербайджанского населения, признающая в качестве родного язык своей национальности (в %)			Доля азербайджанского населения, свободно владеющая грузинским языком (в %)		
1989	2002	2014	1989	2002	2014
97,7	99,5	99,3	9,3	15,1	18,7

Как показали результаты социологического исследования, проведенного в 2011 г. в регионе Квемо-Картли, 78,3 % азербайджанского населения совсем не владеют грузинским языком, а 14,4 % азербайджанского населения этого региона владеют грузинским языком лишь частично (могут объясняться в устной форме, но не могут читать). В качестве свободно владеющих грузинским языком определили себя 7,3 % азербайджанского населения [Мосаки 2018: 115]. Как мы видим, результаты социологического опроса еще ниже данных официальной статистики, представленной в таблице 7.

Вторым по распространению языком среди азербайджанского населения Грузии является русский язык – в 1989 г. русским языком свободно владели 34,17 % азербайджанцев Грузии, что почти в 3,5 раза больше владеющих грузинским языком, а в 2002 г. на русском языке могли свободно говорить 26,41 % азербайджанского населения страны, что на 11 % больше азербайджанцев, свободно владеющих грузинским языком<sup>2</sup>. Остается высоким процент азербайджанского населения, не владеющих никаким языком кроме родного – 55,76 % в 1989 г. и 57,17 % в 2002 г. Среди национальных меньшинств Грузии процент населения, не владеющих вторым языком, в 1989 г. был выше только среди русского этноса – 74,06 %. Однако, к 2002 г. эта цифра значительно снизилась и достигала уже 40,36 %<sup>3</sup>. Таким образом, к началу XXI в. среди национальных меньшинств Грузии именно азербайджанцы являлись наименее интегрированными в языковое пространство страны.

<sup>1</sup> Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения Грузинской ССР по наиболее многочисленным национальностям и языку. URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng\\_nac\\_lan\\_89\\_gr.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_gr.php) (дата обращения: 17.10.2023).; Population Census in Georgia 2002. Language proficiency. URL: [https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site\\_images/\\_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf](https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf) (дата обращения: 17.10.2023).; Population Census in Georgia 2014. Demographic and Social Characteristics. Population by region, by native languages and fluently speak Georgian language. URL: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/739/demographic-and-social-characteristics> (дата обращения: 17.10.2023).

<sup>2</sup> Population Census in Georgia 2002. Language proficiency. URL: [https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site\\_images/\\_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf](https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf) (дата обращения: 17.10.2023).

<sup>3</sup> Population Census in Georgia 2002. Language proficiency. URL: [https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site\\_images/\\_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf](https://web.archive.org/web/20151023202029/http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/georgian/census/2002/I%20omi%20-%20saqarTvelos%20mosaxleobis%202002%20wlis%20pirveli%20erovnuli%20sayovelTao%20aRweris%20Sedegebi.pdf) (дата обращения: 17.10.2023).

Необходимо подчеркнуть, что основной причиной низкого владения азербайджанским населением грузинским языком является то, что в районах компактного проживания азербайджанского этноса грузинский язык не преподается на соответствующем уровне: если в районах, где азербайджанцы являются этническим большинством, азербайджанский язык преподается каждый день, то грузинский язык – лишь один час в неделю [Салаев 2019: 55]. Данный фактор является серьезным препятствием по интеграции азербайджанского меньшинства в грузинский социум и не позволяет азербайджанскому населению Грузии эффективно развиваться в рамках различных сфер жизни общества. Многие представители азербайджанского этноса вследствие этого не могут получить высшего образования в Грузии и устроиться на высокооплачиваемую работу, что зачастую вынуждает поступать в высшие учебные заведения в Азербайджане [Мосаки 2018: 116], однако, вследствие немалых финансовых затрат на проживание в другой стране, позволить себе это могут далеко не все.

### **Заключение**

Таким образом, демографические трансформации азербайджанского населения Грузии в конце XX – начале XXI в. обусловлены рядом факторов. В частности, демографические трансформации периода 1989-2002 гг. обусловлены, главным образом, масштабным оттоком азербайджанского населения из Грузии на протяжении 90-х гг. XX в.: в общей сложности, с 1989 г. численность азербайджанского этноса в Грузии сократилась на 24,23 %. Снижение численности азербайджанского населения Грузии происходило на протяжении всего постсоветского периода – положительная динамика наблюдалась в этот период только в трех регионах страны (Мцхета-Мтианети, Самцхе-Джавахети и Тбилиси). Кроме того, в период с 1989 по 2002 гг. наблюдались тенденции по сокращению городского и увеличению сельского населения среди азербайджанцев Грузии, а временной отрезок с 2002 по 2014 гг. характеризуется уже обратными тенденциями.

Рассматривая языковой аспект азербайджанского вопроса в Грузии в период с 1989 по 2014 гг., можно сделать вывод, что в настоящее время среди национальных меньшинств Грузии именно азербайджанцы являются наименее интегрированными в языковое пространство страны, о чем свидетельствует крайне низкая доля азербайджанского населения, свободно владеющая грузинским языком – всего 18,7 %.

### **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**

Архипова 2017 – *Архипова Е.В.* Граница и общество: спорные территории грузино-азербайджанского пограничья // Россия и АТР. – 2017. – № 2. – С. 69-83.

Байрамов, Тагиева 2022 – *Байрамов А.А., Тагиева Р.И.* Геноцид азербайджанских топонимов в Борчалинском регионе // Научные известия. Серия: социальные и гуманитарные науки. – 2022. – № 1. – С. 4-9.

Комахия 2008 – *Комахия М.* Формирование этнической карты Грузии и современные миграционные процессы // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – №1. – С. 179-185.

Мехдиев 2016 – *Мехдиев Э.Т.* Положение национальных меньшинств в Грузии (на примере азербайджанцев) // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 106-109.

Мосаки 2018 – Мосаки Н.З. Этническая картина Грузии по результатам переписи 2014 г. // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 1. – С. 104-120.

Омаров 2019 – Омаров В.А. Демографическое положение азербайджанцев в Грузии // Гуманитарные балканские исследования. – 2019. – № 2. – С. 59-62.

Салаев 2019 – Салаев К. Образовательные проблемы национальных меньшинств в Грузии (на примере азербайджанцев и армян) // Гуманитарные балканские исследования. – 2019. – № 1. – С. 55-58.

Сванидзе 1994 – Сванидзе Г. Эмиграция из Грузии и ее причины: результаты социологического опроса, проведенного среди жителей г. Тбилиси / Кавказский институт мира, демократии и развития. – Тбилиси, 1994. – 63 с.

Sanikidze 2018 – Sanikidze G. Muslim Communities of Georgia: Old Problems and New Challenges // Islamophobia Studies Journal. – 2018. – No 2. – P. 247–265. – DOI: <https://doi.org/10.13169/islastudj.4.2.0247>.

## REFERENCES

ARKHIPOVA E.V. *Granica i obshchestvo: spornye territorii gruzino-azerbajdzhanskogo pogranič'ya* [Border and society: Disputed territories of the Georgian-Azerbaijani border]. IN: *Rossiya i ATR*. – 2017. – № 2. – P. 69-83. (In Russ.).

BAYRAMOV A.A., TAGIEVA R.I. *Genocid azerbajdzhanskih toponimov v Borchalinskom regione* [Genocide of Azerbaijani toponyms in the Borchali region]. IN: *Nauchnye izvestiya. Seriya: social'nye i gumanitarnye nauki*. – 2022. – № 1. – P. 4-9. (In Azerb.).

KOMAKHIA M. *Formirovanie etnicheskoy karty Gruzii i sovremennye migracionnye process* [Formation of the ethnic map of Georgia and modern migration processes]. IN: *Central'naya Aziya i Kavkaz*. – 2008. – №1. – P. 179-185. (In Russ.).

MEHDIYEV E.T. *Polozhenie nacional'nyh men'shinstv v Gruzii (na primere azerbajdzhancev)* [The situation of national minorities in Georgia (on the example of Azerbaijanis)]. IN: *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*. – 2016. – № 2. – P. 106-109. (In Russ.).

MOSAKI N.Z. *Etnicheskaya kartina Gruzii po rezul'tatam perepisi 2014 g.* [Ethnic picture of Georgia according to the results of the 2014 census]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 2018. – № 1. – P. 104-120. (In Russ.).

OMAROV V.A. *Demograficheskoe polozhenie azerbajdzhancev v Gruzii* [Demographic situation of Azerbaijanis in Georgia]. IN: *Gumanitarnye balkanskije issledovaniya*. – 2019. – № 2. – P. 59-62. (In Russ.).

SALAEV K. *Obrazovatel'nye problemy nacional'nyh men'shinstv v Gruzii (na primere azerbajdzhancev i armyan)* [Educational problems of national minorities in Georgia (on the example of Azerbaijanis and Armenians)]. IN: *Gumanitarnye balkanskije issledovaniya*. – 2019. – № 1. – P. 55-58. (In Russ.).

SVANIDZE G. *Emigraciya iz Gruzii i ee prichiny: rezul'taty sociologicheskogo oprosa, provedennogo sredi zhitelej g. Tbilisi* [Emigration from Georgia and its causes: results of a sociological survey conducted among residents of Tbilisi]. IN: *Kavkazskij institut mira, demokratii i razvitiya* [Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development]. – Tbilisi, 1994. – 63 p. (In Russ.).

SANIKIDZE G. *Muslim Communities of Georgia: Old Problems and New Challenges* // *Islamophobia Studies Journal*. – 2018. – No 2. – P. 247–265. – DOI: <https://doi.org/10.13169/islastudj.4.2.0247>.

### Информация об авторе

Д.И. Узнародов – кандидат политических наук.

### Information about the author

D.I. Uznarodov – Candidate of Sciences (Policy).

Статья поступила в редакцию 10.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 93/94(470.64)  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-109-121  
EDN: IDLEUJ

## ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (2005–2021 ГГ.)<sup>1</sup>

**Алим Инзрелович Тетуев**

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, [alim-tetuev@mail.ru](mailto:alim-tetuev@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

**Аннотация.** В статье дан анализ развития нормативно-правовой базы социальной защиты населения РФ и КБР в 2005–2021 гг., показаны территориальные особенности экономического развития региона и их влияние на социальное обеспечение республики, выявлен уровень повышения произведенного ВРП в КБР в расчете на душу населения. Проведен сравнительный анализ в сфере социального обеспечения населения республики с показателями РФ и Северо-Кавказского федерального округа. Установлено, что среднедушевые доходы населения в месяц в СКФО и КБР ниже, чем аналогичные показатели по стране, в целом, доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения КБР в 2021 г. была выше, чем среднероссийских показателей на 7,1 %. Рассмотрены состояние и проблемы в развитии сферы образования и здравоохранения. Кроме того, рассмотрены состояние сфер образования и здравоохранения, проблемы в их развитии.

**Ключевые слова:** Кабардино-Балкария, социальная защита населения, нормативно-правовая база, социальная помощь, среднедушевые доходы, прожиточный минимум, пенсии

**Для цитирования:** Тетуев А.И. Опыт реализации нормативно-правовых актов в сфере социального обеспечения населения Кабардино-Балкарии (2005–2021 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 109-121. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-109-121. EDN: IDLEUJ.

---

© Тетуев А.И., 2024

Original article

## EXPERIENCE IN THE IMPLEMENTATION OF NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE FIELD OF SOCIAL SECURITY OF THE POPULATION OF KABARDINO-BALKARIA (2005-2021)<sup>2</sup>

**Alim I. Tetuev**

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена на основе доклада автора на региональной научно-практической конференции «Исторический опыт и современные практики парламентаризма» (К 30-летию Парламента Кабардино-Балкарской Республики). Нальчик, КБГУ. 5 декабря 2023 г.

<sup>2</sup> The article was prepared on the basis of the author's report at the regional scientific and practical conference "Historical experience and modern practices of parliamentarism" (On the 30th anniversary of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic). Nalchik, KBGU. December 5, 2023.

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, [alim-tetuev@mail.ru](mailto:alim-tetuev@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

**Abstract.** The article provides an analysis of the development of the regulatory framework for social protection of the population of the Russian Federation and the Kabardino-Balkaria in 2005–2021, shows the influence of the territorial features of the region's economic development on the social security of the republic, and identifies the level of increase in the GRP produced in the Kabardino-Balkaria per capita. A comparative analysis was carried out in the field of social security of the population of the republic with the indicators of the Russian Federation and the North Caucasus Federal District. It has been established that the average per capita income of the population per month in the North Caucasian Federal District and Kabardino-Balkaria is lower than in Russia; the share of the population with cash incomes below the subsistence level in the total population of the Kabardino-Balkaria in 2021 was higher than the Russian average by 7.1%. The state and problems in the development of education and healthcare are considered. In addition, the state of the education and healthcare sectors and problems in their development are considered

**Key words:** Kabardino-Balkaria, social protection of the population, legal framework, social assistance, per capita income, cost of living, pensions.

**For citation:** Tetuev A.I. Experience in the implementation of normative legal acts in the field of social security of the population of Kabardino-Balkaria (2005-2021). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 109-121. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-109-121. EDN: IDLEUJ.

---

© Tetuev A.I., 2024

### ***Введение***

Одним из основных условий жизнедеятельности человека является его социальная защита со стороны государства. В связи с этим исследуемая тема актуальна и имеет научно-практическое значение. В научных публикациях историков, юристов и экономистов рассмотрены некоторые аспекты правового регулирования в сфере социального обеспечения населения. В работах Н.А. Бондаренко [Бондаренко, Демьянова 2017], А.В. Трутаевой [Трутаева 2020] дан анализ развития нормативно-правовой базы социальной защиты в РФ и ее субъектах. В статьях Ф.М. Куршаевой, З.Х. Толгуровой изучены отдельные проблемы социального обслуживания населения в Кабардино-Балкарской республике [Куршаева, Хадиева 2008; Толгурова 2016]. В работах А.Х. Борова [Боров 2018] и С.С. Дзаговой [Дзагова 2017] исследованы вопросы определения инвестиционного потенциала и пространственного развития муниципальных районов республики. Однако анализ исследований показывает, что опыт реализации нормативно-правовых актов в сфере социального обеспечения населения Кабардино-Балкарии в 2005–2021 гг. исследован недостаточно, отсутствует сравнение региональных показателей социального обеспечения с соответствующими федеральными показателями.

*Цель исследования* – обобщение опыта реализации нормативно-правовых актов в сфере социального обеспечения населения Кабардино-Балкарии в 2005–2021 гг. Для реализации цели поставлены следующие задачи:

- изучить федеральные и региональные нормативно-правовые документы социального обеспечения населения;
- исследовать социальное обеспечение отдельных групп населения;
- провести анализ реализации республиканских программ в сфере образования, культуры и здравоохранения.

*Методологическая база.* При написании работы использовались: проблемно-хронологический, системный, сравнительно-исторический методы. Хронологический метод позволил рассмотреть динамику социального обеспечения населения КБР в 2005–2021 гг. Системный метод способствовал рассмотрению проблемы в непосредственной связи с социально-экономическими, демографическими и финансовыми возможностями региона и другими факторами. Сравнительный метод позволил сопоставить показатели социального обеспечения населения на федеральном и региональном уровнях и выявить уровень благосостояния граждан республики.

*Научная новизна исследования.* Настоящая работа является комплексным научным исследованием, посвященным разработке и реализации нормативно-правовых актов в сфере социального обеспечения населения в Кабардино-Балкарии с учетом территориальных особенностей. Исследование расширяет и дополняет знания в сфере социальной защиты различных категорий населения КБР на основе современной методологии исторического познания.

### **Результаты исследования**

Согласно Конституции РФ (ст. 72), социальная защита является предметом совместного ведения Российской Федерации и её субъектов [Конституция РФ 2022: 12]. Правовое регулирование государственной социальной помощи закреплено в Конституции РФ (статьи 37–44)<sup>1</sup> и законами, принятыми в ее исполнение, а также подзаконными нормативными правовыми актами. Приняты федеральные законы: ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 5 декабря 2022 г.); ФЗ «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 24 июля 2023 г.); ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» от 16.07.1999 г. № 165-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 14 июля 2022 г.); ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 24 апреля 2020 г.); ФЗ «О занятости населения в РФ» от 19.04.1991 г. № 1032-1 (с изменениями и дополнениями от 28 декабря 2023 г.); ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» от 17.12.2001 г. № 173-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 8 декабря 2020 г.); ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 28 апреля 2023 г.)<sup>2</sup> и др.

<sup>1</sup> Конституция Кабардино-Балкарской Республики в редакции от 15 июля 2022 г. // Единый портал исполнительных органов государственной власти Кабардино-Балкарской Республики и органов местного самоуправления. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=135011539&backlink=1&&nd=135015956> (дата обращения: 05.01.2024)

<sup>2</sup> Федеральные законы // Официальный интернет – портал правовой информации. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2023).

В КБР правовое регулирование государственной социальной помощи установлено в статьях 40–47 Конституции Кабардино-Балкарской Республики<sup>1</sup> и законами, принятыми в их исполнение, а также подзаконными нормативными правовыми актами.

В связи с этим приняты нормативно-правовые акты по социальной защите населения республики: закон КБР «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Кабардино-Балкарской Республики по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» от 18.12.2015 г. № 53-РЗ; закон КБР «О квотировании рабочих мест для трудоустройства отдельных категорий граждан, испытывающих трудности в поиске работы» от 10 апреля 2008 г. № 29-РЗ (в ред. Закона КБР от 15.07.2022 № 29-РЗ); закон КБР «О занятости населения в Кабардино-Балкарской Республике» (в редакции от 2 июля 2002 г., законом КБР от 15 октября 2002 г. признан утратившим силу); закон КБР «Об условиях и порядке присвоения звания «Ветеран труда» от 28.07.2006 г. № 57-РЗ (в редакции от 28 июня 2016 г.); Закон КБР «Об образовании» с изменениями от 28.02. 2023 № 4-РЗ (в редакции от 28 февраля 2023 г.); Закон КБР «Об организации охраны здоровья граждан» от 17.05.2017 г. № 15-РЗ (с изменениями от 13 декабря 2022 г.); Закон КБР «О культуре» от 10.08.2001 г. № 80-РЗ (с изменениями на 25 мая 2023 г.) и др.<sup>2</sup>

В КБР в этой сфере приняты отдельные постановления Правительства КБР: «Об утверждении Положения о размере, условиях и порядке назначения и выплаты государственной социальной помощи малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам в Кабардино-Балкарской Республике» от 13.04.2021 г. № 80-ПП (с изменениями на 22 декабря 2023 г.); «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Кабардино-Балкарской Республике на 2023 г.» от 19.12.2022 г. № 276-ПП и другие<sup>3</sup>.

В рамках реализации указанных нормативно-правовых документов, в республике разработаны и утверждены правительством КБР следующие государственные программы: «Социальная поддержка населения Кабардино-Балкарской республики» от 18.11.2019 г. № 202-ПП (с изменениями на 25.09.2023 г.), «Содействие занятости населения Кабардино-Балкарской Республики» от 30.09.2019 г. № 176-ПП (с изменениями на 17 октября 2023 г.), «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике» от 22.04.2020 г. № 86-ПП (с изменениями от 29 декабря 2023 г.), проекты в рамках националь-

---

<sup>1</sup> Конституция Кабардино-Балкарской Республики в редакции от 15 июля 2022 г. // Единый портал исполнительных органов государственной власти Кабардино-Балкарской Республики и органов местного самоуправления. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=135011539&backlink=1&&nd=135015956> (дата обращения: 12.12.2023).

<sup>2</sup> Законы КБР // Единый портал исполнительных органов государственной власти Кабардино-Балкарской Республики и органов местного самоуправления // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/423848062> (дата обращения: 12.12.2023).

<sup>3</sup> Постановления Правительства КБР // Единый портал исполнительных органов государственной власти Кабардино-Балкарской Республики и органов местного самоуправления // Электронный ресурс. Режим доступа: URL <https://docs.cntd.ru/document/423848062> (дата обращения: 15.11.2023).



ного проекта «Здравоохранение» от 23 октября 2019 г. № 184-ПП, «Культура Кабардино-Балкарии» от 17.07.2013 г. № 256-ПП и другие<sup>1</sup>.

В отчете Министерства труда и социальной защиты КБР за 2020 г., реализация государственной программы «Социальная поддержка населения Кабардино-Балкарской Республики» признана удовлетворительной<sup>2</sup>. Наряду с этим значительную материальную помощь оказывают институты гражданского общества социально-уязвимым группам населения, в том числе семьям участников специальной военной операции.

В целом региональный бюджет обеспечивает выполнение возложенных на него социальных обязательств. При этом не все показатели подпрограммы «Обеспечение государственной поддержки семей, имеющих детей» достигнуты. Так, по состоянию на 01.01.2021 г. общая численность детей-сирот, состоящих на учете в республике, составляла 1460, из них 1126 (77,1 %) имели право на незамедлительное обеспечение жильем в связи с достижением 18-летнего возраста. В 2021 г. жилье было предоставлено всего 73 (6,4 %) детям-сиротам<sup>3</sup>.

Вопросы реализации основных мероприятий подпрограммы государственной программы «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике» за 2022 г. обсуждены 4 июля 2023 г. на заседании Парламента Кабардино-Балкарской Республики<sup>4</sup>. Анализ этих материалов показал, что в системе образования республики наметились позитивные изменения. Укрепление материально-технической базы образовательных организаций дошкольного, начального, основного и общего среднего образования в 2022 г. позволило обеспечить: стопроцентную доступность дошкольного образования, устойчивое интернет-соединение образовательных организаций республики, создание в городских школах технопарков «Кванториум», сельских школах – центров «Точка роста».

Вместе с тем в 49 общеобразовательных организациях КБР обучение было организовано в две смены, что составляет 13,7 % от общего числа учащихся. Кроме того, нагрузка учителя составляет от 1,3–1,5 ставки, что негативно сказывается на педагогической деятельности<sup>5</sup>.

31 января 2023 г. Парламент КБР в рамках «правительственного часа» заслушал «Итоги подготовки и проведения в 2022 г. Года культурного наследия народов России в Кабардино-Балкарской Республике» министерства культуры

---

<sup>1</sup> Там же

<sup>2</sup> Отчет Министерства труда и социальной защиты КБР о выполнении государственной программы «Социальная поддержка населения Кабардино-Балкарской Республики» в 2020 г. // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://mintrud.kbr.ru/info/otchety-o-gosprogrammakh.html> (дата обращения: 15.11.2023).

<sup>3</sup> Доклад Уполномоченного по правам человека в Кабардино-Балкарской Республике о деятельности в 2022 г. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: [https://map.ombudsmanrf.org/Karta\\_Yadro/prav\\_z\\_karta/ross\\_fed/doklad\\_v\\_sub/doklad\\_v\\_kabardin/doklad\\_v\\_kabardinnweb.pdf](https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/ross_fed/doklad_v_sub/doklad_v_kabardin/doklad_v_kabardinnweb.pdf) (дата обращения: 15.11.2023).

<sup>4</sup> Официальный сайт Парламента КБР «О состоянии и перспективах развития системы образования в Кабардино-Балкарской Республике за 2022 г.» // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://parlament.kbr.ru/documents/postanovleniya/-731-p-p-ob-otchete-o-sostoyanii-i-perspektivakh-razvitiya-sistemy-obrazovaniya-v-kabardino-balkarskoj-respublike-po-itogam-2022-goda.htm> / (дата обращения: 20.01.2024).

<sup>5</sup> Там же

республики<sup>1</sup>. Отмечено, что проведены книжно-иллюстративные экспозиции литературного и народного творчества народов России, республиканский фестиваль народного творчества «Эстафета дружбы», выставка декоративно-прикладного творчества «Кабардино-Балкария – жемчужина России» и другие мероприятия<sup>2</sup>.

Вместе с тем следует отметить, что в регионе наблюдается сокращение фонда и численности пользователей библиотек, издания газет.

Таблица 1

*Показатели развития культуры в КБР в 2005–2021 гг.*

[Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 414, 420, 422]

Показатели	2005	2021	Место, занимаемое в РФ (2021)
Численность зрителей театров на 1 000 человек населения	98	148	38
Число посещений музеев на 1 000 человек	58	318	56
Библиотечный фонд на 1 000 человек населения (на конец года; экземпляров)	5 942	5708	55
Численность пользователей, тыс. человек	273	274	--
Выпуск газет на 1 000 человек населения (разовый тираж; экземпляров)	110	57	83

Как видно из таблицы, численность зрителей театров и число помещений музеев в 2021 г. по сравнению с 2005 г. увеличилось соответственно в 1,5 и 5,4 раза, однако эти показатели ниже, ниже средних показателей других субъектов РФ. В таблице отмечено, что по «численности зрителей» республика занимает 38 место среди 83 субъектов России. Библиотечный фонд в 2021 г. по сравнению с 2005 г. снизился в 1,04 раза, численность пользователей в республике ниже, чем в среднем в Ставропольском крае в 4 раза, Республике Дагестан – 2,8 раза [Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 420]. Выпуск газет в республике в 2021 г. по сравнению с 2005 г. снизился в 1,9 раза, и он значительно меньше средних значений других субъектов по РФ, что, возможно, связано с развитием сети «Интернет»

В Кабардино-Балкарской Республике в рамках национального проекта «Здравоохранение» в 2022 г. осуществлялись 6 региональных проектов. Достигнуты плановые показатели по снижению смертности от болезни системы кровообращения среди взрослого населения. «В рамках нацпроекта закуплено и введено в эксплуатацию более 80 единиц медицинского оборудования, в том числе магниторезонансный томограф для Онкологического центра, отремонтированы и реконструированы 10 поликлиник и поликлинических отделений, введена в эксплуатацию 1 сельская врачебная амбулатория. Закуплено 16 единиц санитарного транспорта, 2 передвижных мобильных комплекса. С приме-

<sup>1</sup> Официальный сайт Парламента КБР // Электронный ресурс. Режим доступа: [https://parlament.kbr.ru/parliamentary\\_control/pravitelstvennye-chasy-i-otchety.html](https://parlament.kbr.ru/parliamentary_control/pravitelstvennye-chasy-i-otchety.html) (дата обращения: 20.01.2024))

<sup>2</sup> Бегорокова М. Задача – сохранение культурной самобытности народов Кабардино-Балкарии // Кабардино-Балкарская правда. 2023. 1 февраля.

нением санитарной авиации эвакуировано более 50 пациентов. По программе «Земский врач» и «Земский фельдшер» в медицинские организации в сельской местности трудоустроено 29 специалистов»<sup>1</sup>.

Таблица 2

Основные показатели системы здравоохранения КБР в 2005–2021 гг.

[Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 366, 368, 370, 372, 374, 378, 380]

Показатели	2005	2021	Место, занимаемое в РФ (2021)
Число больничных коек на 10 000 чел.	103,7	72,5	74
Численность населения на одну больничную койку	96,4	137,9	--
Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений (на 10 000 человек населения, посещений в смену)	181,2	222,8	--
Численность врачей всех специальностей (на 10 000 человек населения, человек)	44,1	47,4	45
Численность среднего медицинского персонала (на 10 000 человек населения, человек)	110,8	107,2	42
Заболееваемость на 1 000 человек населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни)	387,7	459,5	--

Анализ таблицы и материалов Общественной палаты КБР показывает, что число больничных коек в 2021 г. по сравнению с 2005 г. сократилось 1,4 раза. В результате численность населения на одну больничную койку увеличилась в 1,7 раза. В сфере здравоохранения не хватает квалифицированных кадров, особенно узких специалистов, поэтому некоторые врачи вынуждены работать по совместительству или переходят в частные клиники. Наряду с этим, ограниченны гарантии оказания бесплатной медицинской помощи<sup>2</sup>.

Таблица 3

Динамика основных демографических показателей

КБР за 2005–2021 гг. Составлено по [Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 43, 65, 67, 73, 75].

	Численность населения (оценка на конец года; тыс. чел)		Число родившихся на 1 000 человек населения		Число умерших на 1 000 человек населения		Число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1 000 родившихся живыми		Коэффициенты естественного прироста населения на 1 000 человек населения	
	2005	2021	2005	2021	2005	2021	2005	2021	2005	2021
РФ	143 236	145 557	10,2	9,6	16,1	16,7	11,0	4,6	-5,9	-7,1
СКФО	9 037	9 997	13,9	13,1	9,4	9,8	13,0	6,4	4,5	-7,1
КБР	866	871	10,3	12,1	10,4	10,8	14,5	4,9	-0,1	-12,6

Данные таблицы показывают, что численность населения в 2021 г. по сравнению с 2005 г. выросла соответственно в РФ на 1,6 %, СКФО – 10,62 %, КБР – 0,6 %.

<sup>1</sup> Кабардино-Балкария стала лидером по исполнению нацпроекта «Здравоохранение» // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://nalchik-news.net/politics/2023/04/26/33478.html> (дата обращения 07.09.2023 г.).

<sup>2</sup> Отчетный доклад общественной палаты КБР за 2021 год: комиссия по социальной политике, здравоохранению и экологии // Электронный ресурс. Режим доступа: [https://opkbr.ru/?page\\_id=1537](https://opkbr.ru/?page_id=1537) (дата обращения 04.01.2024 г.).

КБР – 0,6 %. Коэффициент естественного прироста населения на 1 000 человек населения за указанный период в РФ и СКФО снизился и составил по 7,1 чел., в КБР этот показатель значительно меньше – 12,6 чел. Указанные данные свидетельствуют о снижении демографических показателей в республике.

В то же время показатели валового регионального продукта (далее – ВРП) и розничного товарооборота на душу населения в республике оставались низкими по сравнению с аналогичными средними общероссийскими показателями.

Таблица 4

*Динамика валового регионального продукта и розничного товарооборота в КБР на душу населения (в фактически действовавших ценах; руб.)*

[Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 462, 797].

Субъекты РФ	Валовый региональный продукт		Розничный товароборот	
	2005	2020	2005	2020
Кабардино-Балкария	42 253,1	210 674,1	26 884	154 476
СКФО	39 050,8	241 662,5	27 911	161 372
РФ в среднем	125 658,7	640 519,0	49 063	231 283

Анализ таблицы № 4 показывает, что в 2020 г. по сравнению с 2005 г., произведенный ВРП в расчете на душу населения в КБР повысился в 3,6 раза, но этот показатель ниже, чем в среднем по России в 3 раза. За тот же период розничный товароборот в республике вырос в 5,7 раза, однако он ниже, чем в среднем по России и Северо-Кавказскому федеральному округу (далее – СКФО) соответственно в 1,5 и 1,04 раза.

В то же время сальдированный финансовый результат деятельности организаций Кабардино-Балкарии на конец 2021 г. оказался убыточным на 12 565 млн. руб., ввиду этого для выравнивания бюджета КБР в 2021 г. Правительством РФ выделена дотация в объеме 14 023 млн руб.<sup>1</sup> [Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 21, 534].

Другим фактором экономического благополучия являются трудовые ресурсы, количество экономически активного населения.

Таблица 5

*Численность трудоспособного и занятость населения в КБР в 2021 г. (тыс.чел.)* [Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 18, 20, 114, 118, 143, 150, 152; Регионы России. Основные характеристики субъектов... 2022: 388].

	Численность рабочей сил, тыс.чел.	Уровень участия в составе рабочей силы, в процентах	Численность безработных тыс. чел	Численность зарегистрированных безработных тыс. чел.	Численность иностранных граждан, имеющих разрешение на работу	Численность иностранных граждан, имеющих патент на осуществление трудовой деятельности
РФ	75 350, 0	62,4 %	3 630,5	776,9	54 040	2 075 057

<sup>1</sup> Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. // Электронный ресурс. Режим доступа: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_370144/9f2c407b4ef03a4bf2ccaa072131192348d359d8/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370144/9f2c407b4ef03a4bf2ccaa072131192348d359d8/) (дата обращения 07.09.2023).

СКФО	4 642,0	60,4 %,	576,9	163,4	659	30316
КБР	452,0	65,4 %	82,3	39,4	2	3127

Опираясь на данные таблицы 5, можно сделать вывод, что из общего числа работников в трудовую деятельность вовлечены в КБР – 64 %, в СКФО – 60,4 %, и в РФ – 62,4 %. В то же время численность безработных в 2021 г. в РФ составляла 4,8 %; в СКФО и КБР, по нашим подсчетам, значительно выше соответственно – 12,4 % и 30,9 %.

По данным Росстата, численность незанятых граждан, состоящих на учете в органах службы занятости населения в целях поиска подходящей работы (на конец года) в СКФО, составила 157,4 тыс. чел., КБР – 39,4 тыс. человек [Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 160].

В 2021 г. в республике в сфере малого предпринимательства работали 16,7 тыс. человек. При этом оборот малых предприятий республики по основным видам экономической деятельности в 2021 г. составил 70,1 млрд руб., в том числе в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств 23,9 млрд руб., что составляет 30 % от общего объема [Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 558–560].

Вместе с тем, по данным Росстата, численность безработных в СКФО больше, чем в РФ на 7,6 %, КБР – 6,8 % [Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 160]. В структуре валового регионального продукта в 2020 г. одним из основных видов экономической деятельности КБР являлось сельское хозяйство – 16,5 %. Удельный вес республики в этой отрасли в общероссийских основных социально-экономических показателей в 2021 г. составлял 9 % и занимал 37 место в России (СКФО – 5) [Регионы России. Основные характеристики субъектов... 2022: 29, 32; Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 34].

В республике в 2021 г. по сравнению с 2005 г. численность промышленных предприятий сократилась на 16,4 %. Индекс промышленного производства (9943 предприятий) в 2021 г. к предыдущему году достиг 105,4 % [Регионы России. Основные характеристики субъектов... 2022: 395, 399; Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 29, 32].

В объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по добыче полезных ископаемых в КБР республика занимает 81 место в России (в федеральном округе – 7), по обрабатывающим производствам – 73 (3), по обеспечению электрической энергией, газом и паром; кондиционированию воздуха – 78 (6), по водоснабжению; водотведению, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений – 77 (6) [Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 395]. Низкий уровень развития промышленности обусловлен, на наш взгляд, отсутствием развитой инфраструктуры, квалифицированных кадров, износом оборудования и другими факторами.

Социально-экономическое развитие РФ и регионов во многом зависит от сбора налогов и других платежей, являющегося основным источником доходов федерального и регионального бюджета.

Таблица 6

*Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей консолидированный бюджет Российской Федерации (млн руб.)*

[Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 28, 29, 993].

	Всего	В том числе		Место, занимаемое среди округов и субъектов в РФ (2021)
		В федеральный бюджет	В консолидированный бюджет субъекта	
СКФО	273139,8	75777,1(27,74)	197362,7(72,26)	8
КБР	17812,9	3489,7(19,59)	14323,2(80,41)	58

Данные таблицы показывают, что налоговые поступления распределены следующим образом: в СКФО 273139,8 млн руб. распределены федеральный бюджет – 27,74 %, в бюджет субъектов – 72,26 %; в КБР 17812,9 млн руб. федеральный бюджет – 19,59 %, в бюджет субъекта – 80,41 %.

Однако следует отметить, что имеет место сокрытие налогов, которое, по нашему мнению, является одной из основных проблем страны, в том числе и КБР. Так, по результатам камеральных налоговых проверок за 8 месяцев 2021 г. обеспечено поступление платежей в бюджет РФ в размере 11 344,0 млн. руб., что больше аналогичного периода 2020 г. на 1 299,1 млн. руб.<sup>1</sup>

Таблица 7

*Среднедушевые доходы населения и величина прожиточного минимума, установленная в субъектах Российской Федерации в 2021 г.*

Составлено по [Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 198, 202, 234, 236].

	Среднедушевые доходы населения в месяц (руб.)	Номинальная начисленная зарплата работников организаций (руб.)	Величина прожиточного минимума, установленная в субъектах (в среднем на душу населения) в руб. в месяц			Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума, процентов	Место, занимаемое в РФ по величине прожиточного минимума всего населения (2021)
			Грудоспособное население	пенсионеры	Дети		
РФ	40 272	57244	12 702	1022	11303	450,7 %	75
СКФО	26 774	34032	–	–	–	–	8
КБР	18739	31362	12 998	9679	13815	244 %	22

По данным таблицы среднедушевые доходы населения в месяц в СКФО и КБР ниже, чем по России в целом соответственно в 1,5 и 2,1 раза. Среднеме-

<sup>1</sup> Итоги работы Управлением ФНС России по КБР 2018, 2019, 2020 гг. // Электронный ресурс. Режим доступа: [https://www.nalog.gov.ru/rn07/news/activities\\_fts/11339193/](https://www.nalog.gov.ru/rn07/news/activities_fts/11339193/) (дата обращения: 09.01.2024 г.).

сячная номинальная начисленная зарплата работников организаций в 2021 г. в КБР и СКФО ниже, чем по РФ в целом соответственно в 1,6 и 1,8 раза. Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума, в КБР ниже, чем России в 1,8 раза, что привело к расслоению населения по величине денежных доходов.

Таблица 8

*Распределение численности населения по величине и структуре денежных доходов в КБР в 2021 г. (в процентах от общей численности населения субъекта)*  
[Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 234, 235].

	Величина среднедушевых денежных доходов, руб. в месяц							
	До 7 000	от 7 000 до 10 000	от 10 000 до 14 000	от 14 000 до 19 000	от 19 000 до 27 000	от 27 000 до 45 000	от 45 000 до 60 000	свыше 60 000
РФ	2,7 %	4,5 %	8,3 %	11,5 %	17,1 %	25,9 %	11,7 %	18,3 %
КБР	3,9 %	7,7 %	13,8 %	17,6 %	21,8 %	23,5 %	6,7 %	5,0 %

Анализ указанных данных показывает, что величина среднедушевых денежных доходов в КБР от 45 тыс. и свыше 60 тыс. ниже, чем в РФ соответственно на 2,4 %, 5 % и 13,3 %. В то же время доходы от 7 тыс. и до 27 тыс. выше, чем в РФ соответственно на 2,4 %, 5 %, 13,9 %.

По данным Росстата, потребительские расходы в среднем на душу населения в регионе в 2021 г. были меньше, чем в РФ и СКФО соответственно в 1,4 и 1,1 раза. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения КБР в 2021 г. была выше среднероссийских показателей на 7,1 %. Средний размер назначенной пенсии в республике по сравнению РФ и СКФО соответственно был меньше в 1,3 и 1,1 раза [Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022: 218, 243].

### **Заключение**

Таким образом, проведенное исследование показало, что в КБР в 2005–2021 гг. разрабатывались и применялись в практике нормативно-правовые акты и республиканские программы в сфере социального обеспечения населения. В целом региональный бюджет обеспечивает выполнение возложенных на него социальных обязательств. В то же время наблюдается высокий уровень безработицы, низкий уровень среднедушевых доходов и потребительских расходов населения, негативная динамика показателей, характеризующих воспроизводство населения. В сфере общего образования, культуры и здравоохранения требуется укрепление материально-технической базы.

### **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**

Боров 2018 – *Боров А.Х.* Экономика Кабардино-Балкарской республики и ее проблемы // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 3. – С. 93–128. – doi: 10.31143/2542-212X-2018-3-93-128.

Бондаренко, Демьянова 2017 – *Бондаренко Н.А., Демьянова И.О.* Социальная защита населения и ее нормативно-правовое регулирование в РФ // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. – 2017. – Т. 8, № 1-1. – С. 429-433.

Дзагова 2017 – Дзагова С.С. Современные теории пространственной организации экономики // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 1 (75). – С. 80–84.

Конституция РФ 2022 – Конституция РФ с последними изменениями на 2022 г. М: Эксимо, 2022 – 32 с.

Куршаева 2008 – Куршаева Ф.М., Хациева Л.У. О социальном обслуживании населения в Кабардино-Балкарской республике // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 9. – С. 125-126.

Регионы России. Основные характеристики субъектов... 2022 – Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2022: Стат. сб. – М.: Росстат, 2022. – 853 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели... 2022 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1112 с.

Толгурова 2016 – Толгурова З.Х. Особенности развития сферы социального обеспечения населения Кабардино-Балкарской республики // Экономика и социум. – № 12(31). – 2016. – С. 1345-1347.

Трутаева 2020 – Трутаева А.В. Правовое регулирование социального обеспечения в субъектах Российской Федерации: автореф. дис... канд. юрид. наук. – Омск, 2020. – 29 с.

## REFERENCES

BOROV A.Kh. *Ekonomika Kabardino-Balkarskoi respubliki i ee problemy* [The economy of the Kabardino-Balkarian Republic and its problems]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2018. – № 3. – S. 93–128. – doi: 10.31143/2542-212X-2018-3-93-128. (In Russ.).

BONDARENKO N.A., DEM"YaNOVA I.O. *Sotsial'naya zashchita naseleniya i ee normativno-pravovoe regulirovanie v RF* [Social protection of the population and its regulatory and legal regulation in the Russian Federation]. In: Uchenye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – Т. 8, № 1-1. – S. 429-433. (In Russ.).

DZAGOVA S.S. *Sovremennye teorii prostranstvennoi organizatsii ehkonomiki* [Modern theories of spatial organization of the economy]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2017. – № 1 (75). – P. 80–84. (In Russ.).

*Konstitutsiya RF s poslednimi izmeneniyami na 2022 g.* [Constitution of the Russian Federation with the latest amendments for 2022]. – М: Eksimo, 2022 – 32 s. (In Russ.).

KURShAEVA F.M., KhATsIEVA L.U. *O sotsial'nom obsluzhivanii naseleniya v Kabardino-Balkarskoi respublike* [On social services for the population in the Kabardino-Balkarian Republic]. In: Fundamental'nye issledovaniya. – 2008. – № 9. – S. 125-126. (In Russ.).

*Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Regions of Russia. Main characteristics of the constituent entities of the Russian Federation]. 2022: Stat. sb. – М.: Rosstat, 2022. – 853 s. (In Russ.).

*Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. 2021: Stat. sb. / Rosstat. М., 2022. 1112 s. (In Russ.).

TOLGUROVA Z.Kh. *Osobennosti razvitiya sfery sotsial'nogo obespecheniya naseleniya Kabardino-Balkarskoi respubliki* [Features of the development of the sphere of social security of the population of the Kabardino-Balkarian Republic]. In: Ekonomika i sotsium. – № 12(31). – 2016. – S. 1345-1347. (In Russ.).

TRUTAEVA A.V. *Pravovoe regulirovanie sotsial'nogo obespecheniya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. kand. jurid. nauk* [Legal regulation of social security in the constituent entities of the Russian Federation: author. dis. cand. jurid. sciences]. – Омск, 2020. – 29 s. (In Russ.).

## Информация об авторе

А.И. Тегуев – доктор исторических наук.

## Information about the author



A.I. Tetuev – Doctor of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 94(=352.3)  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-122-138  
EDN: INSXYQ

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ НАРОДОВ  
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ КАК ЭЛЕМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ  
В МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ  
ЧЕРКЕССКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ  
АДЫГСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ)**

**Анзор Викторovich Кушхабиев**

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, [anzor-vk@mail.ru](mailto:anzor-vk@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

**Аннотация.** Выявлено, что популяризация адыгской этнической культуры, пропаганда составляющих идеологической позиции – поддержания межнационального мира и позитивного имиджа России за рубежом является одним из основных направлений деятельности Международной черкесской ассоциации. В данной деятельности МЧА наиболее масштабными и эффективными являются общественно-культурные форумы, научно-практические конференции, фестивали, образовательные проекты и др. Указанные аспекты деятельности МЧА также реализуются в рамках работы с юными соотечественниками и репатриантами. Составляющие идеологической позиции МЧА зафиксированы в резолюциях её XIII и XIV конгрессов. Значительное внимание в деятельности МЧА уделяется мероприятиям, направленным на популяризацию черкесского языка (адыгейский и кабардино-черкесский литературные языки), на привлечение внимания общественности к проблемам его сохранения.

Активная и конструктивная деятельность МЧА получила высокую оценку на федеральном уровне. В приветственном обращении Президента РФ В.В. Путина к участникам и гостям XIII конгресса МЧА зафиксировано, что МЧА заботится о сбережении и популяризации родного языка, воплощает в жизнь содержательные проекты в сфере культуры, образования, просвещения, наращивает многоплановое взаимодействие с зарубежными соотечественниками, что особого признания заслуживают усилия МЧА по поддержанию мира и согласия на Северном Кавказе. В 2023 г. МЧА была включена в Федеральный реестр «Всероссийская Книга Почета», в которой формируются наиболее достойные организации различных форм собственности и сфер деятельности.

**Ключевые слова:** Международная черкесская ассоциация, адыгская этническая культура, популяризация, межнациональный мир, соотечественники, репатрианты

**Для цитирования:** Кушхабиев А.В. Этнокультурные ценности народов Кабардино-Балкарии как элемент мягкой силы в международных связях Российской Федерации (на примере деятельности Международной черкесской ассоциации по популяризации адыгской этнической культуры) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 122-138. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-122-138. EDN: INSXYQ.

---

© Кушхабиев А.В., 2024

Original article

**ETHNOCULTURAL VALUES OF THE PEOPLES  
OF KABARDINO-BALKARIA AS AN ELEMENT OF SOFT POWER  
IN INTERNATIONAL RELATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION  
(BASED ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF  
THE INTERNATIONAL CIRCASSIAN ASSOCIATION FOR THE  
POPULARIZATION OF CIRCASSIAN ETHNIC CULTURE)**

**Anzor V. Kushkhabiev**

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,  
Nalchik, Russia, [anzor-vk@mail.ru](mailto:anzor-vk@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

**Abstract.** It has been revealed that the popularization of the Circassian ethnic culture, propaganda of the components of the ideological position – maintaining interethnic peace and a positive image of Russia abroad is one of the main directions in the activities of the International Circassian Association. In this activity of the ICA, the most large-scale and effective are socio-cultural forums, scientific and practical conferences, festivals, educational projects, etc. These aspects of the ICA's activities are also released as part of the work with young compatriots and repatriates. The components of the ideological position of the ICA are recorded in the resolutions of its XIII and XIV congresses. Considerable attention in the activities of the ICA is paid to events aimed at popularizing the Circassian language (Adyghe and Kabardino-Circassian literary languages) and attracting public attention to the problems of its preservation.

The active and constructive work of the ICA was highly appreciated at the federal level. In the welcoming address of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the participants and guests of the XIII Congress of the ICA, it was recorded that the ICA cares about preserving and popularizing the native language, implements meaningful projects in the field of culture, education, enlightenment, increases multifaceted interaction with foreign compatriots, that the ICA's efforts to maintain peace and consent in the North Caucasus. In 2023 ICA was included in the Federal Register "All-Russian Book of Honor", in which the most worthy organizations of various forms of ownership and fields of activity are formed.

**Keywords:** International Circassian Association, Circassian ethnic culture, popularization, interethnic peace, compatriots, repatriates.

**For citation:** Kushkhabiev A.V. Ethnocultural values of the peoples of Kabardino-Balkaria as an element of soft power in international relations of the Russian Federation (based on the example of the activities of the International Circassian association for the popularization of Circassian ethnic culture). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 122-138. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-122-138. EDN: INSXYQ.

---

© Kushkhabiev A.V., 2024

***Введение***

*Актуальность исследования.* К середине 1980-х гг. наиболее актуальной этнокультурной проблемой для зарубежной черкесской диаспоры стала проблема ассимиляции и, прежде всего, языковой. В условиях городской жизни среди доминирующего иноэтничного населения сфера применения черкесского языка стала сужаться до уровня семейного, бытового общения. Изучение же родного языка в неправительственных организациях не является достаточно эффективным. Под воздействием глобализации процессы нивелирования элементов этнической культуры стали усиливаться и среди черкесского (адыгско-

го) населения Российской Федерации. В этой связи, опыт Международной черкесской ассоциации по популяризации элементов адыгской этнической культуры и пропаганде составляющих ее идеологической позиции в рамках этой деятельности имеет важное научно-теоретическое и практическое значение.

*Цель работы* – исследование деятельности Международной черкесской ассоциации по популяризации элементов адыгской этнической культуры и пропаганде составляющих её идеологической позиции в современный период.

*Источниковая база работы.* Статья подготовлена на основе анализа документов и материалов Международной черкесской ассоциации, а также личных наблюдений автора.

*Степень научной разработанности темы.* Отдельные аспекты деятельности Международной черкесской ассоциации по сохранению элементов адыгской культуры и пропаганде её идеологической позиции в современный период рассматриваются в исследованиях А.В. Кушхабиева [Кушхабиев 1997; Кушхабиев 2007; Кушхабиев 2013; Кушхабиев 2023] и Д.Ф. Максидовой [Максидова 2011].

### **Основная часть**

*Основные мероприятия Международной черкесской ассоциации по популяризации адыгской этнической культуры, пропаганде межнационального мира и позитивного имиджа России за рубежом.*

Сохранение адыгской этнической культуры было принято в качестве одного из основных направлений деятельности первой общечеркесской неправительственной организации (далее – НПО) – Всемирной черкесской ассоциации (позднее переименована в Международную черкесскую ассоциацию – МЧА, полное название – Союз общественных объединений «Международная Черкесская Ассоциация по единению черкесского народа, развитию связей черкесской диаспоры с исторической родиной»), учрежденной на Первом Всемирном (международном) черкесском конгрессе (Нальчик, 19–21.05.1991 г.). В первом уставе организации (Нальчик, 20.05.1991) зафиксировано, что основными задачами ВЧА являются: ...сохранение национальных особенностей, культуры народа... переход на единый адыгский литературный язык ... координация усилий адыгских хас (общественные организации – А.К.) по разрешению экономических, социальных и культурных проблем...» [Устав... 1991: 7]. В новой редакции устава, утвержденной внеочередным XI конгрессом МЧА (Нальчик, 19.09.2016), среди предметов деятельности и целей организации зафиксировано: «объединение усилий и координация деятельности черкесских общественных объединений–членов Организации, содействующих возрождению и развитию культурного и духовного наследия черкесского народа, сохранению его национальной самобытности, восстановлению подлинной истории черкесов; содействие решению экономических, социальных, культурных и религиозных проблем, стоящих перед черкесским народом; содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами...». Среди задач МЧА в Уставе зафиксировано: «...содействие духовному и культурному разви-

тию черкесов; содействие изучению родного языка, созданию единого черкесского литературного языка...» [Устав... 2016: 3, 4].

МЧА со времени своего учреждения в качестве методов пропагандистской деятельности использует опыт идеологической работы Советского Союза: проведение культурно-массовых мероприятий – форумов, круглых столов, собраний и т. п. Культурно-массовые мероприятия и различные акции, организованные МЧА или при участии ее членов-организаций, пользовались и продолжают пользоваться большой популярностью; их посещает значительное число зрителей – представителей как черкесского, так и других народов. При проведении различных мероприятий и акций МЧА осуществляет популяризацию адыгской культуры и пропаганду составляющих своей идеологической позиции, прежде всего, пропаганду межнационального мира и позитивного имиджа России за рубежом.

Представители МЧА стали выступать со своей идеологической позицией перед участниками и зрителями международных фестивалей черкесской культуры, проходивших в республиках Северного Кавказа в начале 1990-х гг. (I Международный фестиваль черкесской культуры состоялся в Нальчике, 8-12.06.1991 г.). Представители МЧА также заявляют о своей идеологической позиции участникам и зрителям международных фестивалей черкесской культуры, которые проводятся в зарубежных черкесских диаспорах – в ФРГ, США, Израиле, Турции. В концертных программах фестивалей выступают ансамбли народных песен и танцев, вокально-инструментальные группы из Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии – Алании, от ряда зарубежных черкесских диаспор. На площадках фестивалей также проходят выставки работ черкесских художников и мастеров из разных регионов РФ и стран мира.

Среди наиболее масштабных мероприятий в рамках указанной деятельности следует также отметить проведенный МЧА и Фондом поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова Международный общественно-культурный форум «Диалог на Эльбрусе» (Нальчик, 13-16.05.2014 г.), в котором приняли участие: представители органов государственной власти КБР, представители общественных объединений (далее – ОО), научных и образовательных учреждений КБР, РА, КЧР, РСО-А, ЧР, Ставропольского и Краснодарского краев, представители НПО черкесских диаспор Турции, Иордании, Сирии. В рамках форума состоялись: научная конференция «Северный Кавказ и Россия: история и современность», круглый стол, дискуссии, презентации проектов и др. Этнографический практикум «Черкесская кунацкая» и концерт дружбы «Все флаги – в гости к нам», состоявшиеся в рамках форума, были направлены на популяризацию адыгской культуры [Информация... 2014: 4-6]. В итоговом документе форума зафиксирована идеологическая позиция его участников – поддержка усилий МЧА по вовлечению представителей зарубежной диаспоры в процесс формирования в странах их проживания устойчивого про-российского тренда по использованию культурного, интеллектуального и экономического потенциала черкесов в России и за рубежом в интересах Россий-

ской Федерации, содействие гармонизации межнациональных отношений и гражданского диалога [Итоговый документ... 2014: 20].

Составляющие идеологической позиции МЧА зафиксированы и в резолюции научно-практической конференции «Роль гражданского общества в гармонизации межэтнических и межкультурных отношений», проведенной по инициативе МЧА при поддержке Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР (Нальчик, 16-18.12.2016 г.). В работе конференции приняли участие представители органов государственной власти КБР, общественных объединений КБР, РА, КЧР, Краснодарского и Ставропольского краев, религиозных организаций, научных и образовательных учреждений КБР, представители неправительственных организаций черкесских диаспор Голландии, Иордании, Сирии, Турции. В ней, в частности, сказано, что участники конференции поддерживают усилия МЧА по вовлечению представителей зарубежной черкесской диаспоры в процессы формирования в странах их проживания устойчивого пророссийского тренда, по использованию культурного, интеллектуального и экономического потенциала черкесов в России и за рубежом в интересах Российской Федерации [На благо... 2016; Альмирова 2016].

В рамках указанной деятельности МЧА следует также отметить фестиваль национальных культур «В единстве наша сила» (Нальчик, 27.10.2022 г.), состоявшийся во время празднования 100-летия образования Кабардино-Балкарской Республики (концерт, выставки и др.). В фестивале приняли участие 19 национально-культурных центров республики. Черкесскую-адыгскую культуру на фестивале представляла МЧА. Президент МЧА Х.Х. Сохроков в своем выступлении отметил важность культурно-массовых мероприятий, в частности данного фестиваля в воспитании взаимоуважения и взаимопонимания разных народов, проживающих в Кабардино-Балкарии [МЧА... 2022].

Среди крупномасштабных мероприятий МЧА, направленных на популяризацию адыгской этнической культуры и пропаганду идеологической позиции МЧА, следует указать и Общественно-культурный форум «Народная дипломатия – на языке национальных культур» (19-21.09.2023), в котором приняли участие свыше 2000 представителей НПО из Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Республики РСО-Алания, Краснодарского и Ставропольского краев, из Иордании, Турции, Сирии, стран Европы и регионов России. В рамках форума состоялись концерты, выставки изделий декоративно-прикладного искусства, мастер-классы, круглый стол. Мероприятия проходили в районах КБР и в г. Моздоке РСО-А. Мероприятия были организованы в рамках проекта МЧА «Народная дипломатия: миссия – укрепление единства нации и патриотизма», поддержанного Фондом президентских грантов [Народная... 2023].

Составляющие идеологической позиции МЧА реализуются и в работе с юными соотечественниками. Министерством по делам национальностей и общественным проектам КБР при содействии МЧА ежегодно (с 2012 г.) реализуется проект «Лагерь соотечественников», целью которого является укрепление и развитие связей с соотечественниками, ознакомление участников лагеря с культурами, традициями и обычаями народов Кабардино-Балкарии, формиро-

вание позитивного имиджа Кабардино-Балкарской Республики и Российской Федерации в целом. Для участников лагеря – юных соотечественников организуются изучение русского и кабардино-черкесского языков, различные мастер-классы, разнообразная культурная программа (посещение музеев, концертов, достопримечательных мест республики).

В «Лагере соотечественников – 2023» участвовали юные соотечественники из Турции, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании, Ставропольского края, а также юноши из Херсонской области [Лагерь... 2023].

*Деятельность Международной черкесской ассоциации по популяризации черкесского языка.*

Особое внимание в деятельности МЧА и входящих в ее состав общественных объединений, уделяется мероприятиям, направленным на популяризацию черкесского языка (адыгейский и кабардино-черкесский литературные языки), на привлечение внимания общественности к проблемам его сохранения. В неё входят три основные программы: мероприятия, направленные на повышение качества преподавания родного языка в школах в районах проживания черкесов на Кавказе; оказание поддержки в изучении черкесского языка в зарубежных черкесских диаспорах; обучение репатриантов черкесскому и русскому языкам. Следует отметить, что в современных условиях как в России, так и в странах проживания черкесских диаспор, черкесский язык находится в состоянии риска. В районах проживания черкесов в РФ на адыгейском и кабардино-черкесском литературных языках не ведется делопроизводство. В средних школах на адыгейском и кабардино-черкесском литературных языках не преподаются предметы. Их преподавание в средних школах осуществляется на добровольной основе. В некоторых странах (страны Европы, США, арабские страны) черкесский язык оказался на грани полного исчезновения; поколения младше 50 лет не владеют им, либо владеют в незначительной степени. Черкесская общественность в странах мира выражает обеспокоенность утратой родного языка, так как родной язык является одним из важнейших элементов этнической культуры. Через язык осуществляется формирование у младших поколений этнической психологии, восприятие народных обычаев и традиций. Утрата родных языков неминуемо влечет исчезновение других элементов этнической культуры и полную ассимиляцию.

В 1990-х – начале 2000-х гг. МЧА, в целях оказания поддержки зарубежным черкесским диаспорам в изучении черкесского языка принимала участие в отправке учебной и публицистической литературы за рубеж, регулярно осуществлявшейся Кабардино-Балкарским отделением Международной Ассоциации «Родина» по связям с соотечественниками за рубежом (Ассоциация «Родина») и организовывала аналогичные поставки.

Одним из массовых мероприятий, направленных на популяризацию черкесского языка стал конкурс, организованный ОО «Адыгэ Хасэ» КБР (организация-член МЧА) в 1998 г. «Си бзэ – си псэ, си дуней» («Мой язык – моя душа, мой мир»), который впоследствии переведен в ранг фестиваля с рядом конкурсов. Фестиваль-конкурс имеет большое значение в совершенствовании содер-

жания и методики изучения родного языка и литературы, в приобщении подрастающего поколения к духовной культуре народа [Общественная... 2018].

14 марта 2001 г. по инициативе МЧА, был учрежден в народном календаре новый праздник – День адыгского (черкесского) языка и письменности, который приурочен к изданию в марте 1853 г. в Тифлисе «Букваря черкесского языка», составленного ученым-просветителем Умаром Берсеем. В этот день в районах проживания черкесов (адыгов) на Кавказе и в ряде стран мира проводятся различные культурные, образовательные и просветительские мероприятия, направленные на популяризацию родного языка. Следует отметить, что Международный день родного языка отмечается в странах мира ежегодно 21 февраля, начиная с 2000 г. Эта дата учреждена ЮНЕСКО в целях привлечения внимания общественности к проблеме сохранения родного языка.

Большую популярность приобрела Международная образовательная акция «Тотальный диктант на адыгском языке», которая ежегодно (с 2019 г.) проводится по инициативе МЧА в форматах онлайн и офлайн. Акция приурочена ко Дню адыгского (черкесского) языка и письменности. Её целью является повышение уровня грамотности на адыгском языке, популяризация родного языка, этнического самосознания и традиционной культуры. Особенно масштабной стала акция, проведенная 12 марта 2021 г. В ней приняли участие около 11 тыс. человек в регионах проживания черкесов – в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии – Алании, Краснодарском и Ставропольском краях, всего в 43 субъектах РФ и в 50 странах проживания черкесов – в Турции, Иордании, Сирии, странах Европы. В 13 городах и районах КБР для написания диктанта было организовано свыше 200 площадок. Только в Баксанском районе КБР в акции приняли участие свыше 2 тыс. человек. Участники акции – люди разных возрастов, социального статуса и уровня образования: представители органов государственной власти, журналисты, писатели, артисты, активисты общественных организаций, школьники, студенты и все желающие. Акция проведена с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов. По мнению президента МЧА Х.Х. Сохрокова, подобные акции имеют большое международное значение; они демонстрируют зарубежной черкесской диаспоре бережное отношение на родине к родному языку, традициям, обычаям [Международный... 2021; Положение... 2023].

В целях повышения интереса к черкесскому языку у молодых людей, детей и их родителей МЧА также реализует Межрегиональный проект «Родной язык – гордость народа». В 2021 г. в рамках проекта был проведен круглый стол «Сохраним язык – сохраним народ», в котором приняли участие представители Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Краснодарского и Ставропольского краев, а также представители Сирии, Турции, Иордании, Израиля и стран Европы. На мероприятии рассмотрены вопросы: сохранения и развития родного языка; популяризации культурных ценностей черкесского–адыгского народа; этнического воспитания детей и сохранения родного языка в семье; роли национальных СМИ в сохранении и развитии родных языков. Участники круглого стола отметили, что мероприятия по сохранению родного языка име-



ют большое значение и в укреплении межнациональных отношений, что способствует укреплению единства Российского многонационального государства. В рамках проекта были проведены: фестиваль «Родной язык – гордость народа», участниками которого стали самодеятельные коллективы из школ районов и городов КБР; фестиваль «Язык наших предков угаснуть не должен», направленный на популяризацию среди иностранных студентов-соотечественников Кабардино-Балкарского государственного университета (далее – КБГУ) кабардино-черкесского языка, обычаев и традиций, а также толерантного отношения к культурам других народов [Межрегиональный... 2021].

С целью привлечения внимания властных структур и общественности к проблеме сохранения родного языка МЧА провела в г. Нальчике научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы сохранения адыгского (черкесского) языка и национальной культуры в условиях глобализации: пути решения и перспективы» (Нальчик, 09.06.2022 г.). В её работе приняли участие сотрудники научных и образовательных учреждений, представители органов государственной власти и общественных объединений. В ходе конференции были обсуждены проблемы общего и регионального языкознания, этнокультурного образования в республиках Северного Кавказа и изучения родного языка и литературы в условиях реализации обновленных федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). Также были рассмотрены вопросы совершенствования форм и методов внеурочной деятельности по родному языку, роли методической службы в повышении профессиональной квалификации учителей родных языков [Сохранение... 2022].

Проблемы сохранения черкесского языка входят и в повестки выездных заседаний МЧА. В частности, во время проведения 10-го фестиваля черкесской культуры, организованного Федерацией черкесских культурных обществ Европы в г. Остердамме (ФРГ) в конце марта – начале апреля 2018 г., состоялось заседание Исполкома МЧА, на котором обсуждались: проблемы сохранения черкесского языка, унификации алфавита и др. [Заседание... 2018].

В связи с внесением в Закон об образовании поправок депутатами Государственной Думы, МЧА приняла Обращение Совета Международной черкесской ассоциации к Президенту Российской Федерации В.В. Путину, Председателю Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко, Председателю Государственной Думы Федерального Собрания РФ В.В. Володину (от 11.07.2018 г.), в котором выражаются опасения за судьбу родного адыгского языка, и, следовательно, национальной идентичности, в связи с чем, особое значение приобретает содержание законопроекта о поправках в Закон об образовании, внесённого в нижнюю палату парламента депутатами Государственной Думы. В обращении зафиксировано: «Обращаемся к Вам в надежде на Вашу политическую прозорливость в осуществлении верной языковой политики, которая сохранила бы языки народов России, в том числе и черкесский. Мы, адыги (черкесы) со всего мира, убедительно просим Вас проникнуться значением языкового вопроса и принять действенные меры по сохранению и развитию адыгского языка в целях сохранения национальной идентичности» [Обращение... 2018].

Обращение с аналогичным содержанием МЧА направила Главе Кабардино-Балкарской Республики Ю.А. Кокову, Главе Республики Адыгея М.К. Кумпилову, Главе Карачаево-Черкесской Республики, Р.Б. Темрезову.

*Организация курсов по обучению соотечественников черкесскому и русскому языкам.*

МЧА проводит комплекс мероприятий, направленных на облегчение процесса адаптации черкесов-репатриантов, прибывших в Кабардино-Балкарию из стран Ближнего Востока. Среди мероприятий: организация курсов по изучению русского и кабардино-черкесского языков, семинары по истории и культуре России и республик Северного Кавказа. В рамках работы с репатриантами представители МЧА проводят пропаганду толерантности, межнационального мира и российской гражданственности.

В 2014 г. МЧА при поддержке Управления по взаимодействию с институтом гражданского общества и делам национальностей КБР, организовала в Кабардино-Балкарии курсы (бесплатные) русского языка на базе Института повышения квалификации и переподготовки работников образования КБГУ и общеобразовательной школы с.п. Благовещенка для черкесов-репатриантов из Сирии. Цель курсов – обучение репатриантов русскому языку и оказание им поддержки в процессе адаптации, пропаганда гармонизации межэтнических отношений. Курсы посещали свыше 50 человек разных возрастных и социальных групп. Занятия проводили преподаватели КБГУ, учителя русского языка и литературы образовательных учреждений КБР. Проект рассчитан на три месяца аудиторного обучения по программе «Русский язык для начинающих» с опорой на знание кабардино-черкесского языка [Курсы... 2014].

Аналогичные занятия стали проводить и в последующие годы. В 2018 г. МЧА, при поддержке КБГУ, организовала для черкесов-репатриантов и студентов из стран Ближнего Востока, проживающих в КБР, курсы по обучению кабардино-черкесскому и русскому языкам. Курсы организованы с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов [Курсы... 2018; Курсы... 2018а].

В 2019 г. в программу курсов по обучению кабардино-черкесскому и русскому языкам включили и культурные мероприятия: посещение концертов, театральные постановки, музейных выставок. Репатрианты отмечают, что процесс адаптации на исторической родине проходит успешно, во многом благодаря поддержке МЧА [Для репатриантов... 2019].

В 2021 г. слушатели курсов по обучению кабардино-черкесскому и русскому языкам (репатрианты и студенты-соотечественники) в г. Нальчике приняли активное участие в Международной образовательной акции «Тотальный диктант на адыгском языке»: выступили с литературно-музыкальной программой [Знание... 2021].

*Популяризация адыгской этнической культуры, пропаганда межнационального мира и позитивного имиджа России за рубежом в работе X-XIV конгрессов Международной черкесской ассоциации.*

Проблемы сохранения адыгской этнической культуры, пропаганда межнационального мира и позитивного имиджа России за рубежом обсуждались в ходе работы всех конгрессов МЧА. По ним высказывались представители федеральных органов власти и органов государственной власти республик Северного Кавказа (РА, КБР, КЧР), представители НПО зарубежных черкесских диаспор (Турции, Иордании, Сирии, Израиля, стран Европы) и регионов РФ. Докладчики подчеркивали, что только в РФ, на исторической родине органами государственной власти созданы условия для сохранения этнических культур народов РФ, в том числе и черкесской-адыгской культуры. В частности, во время проведения X (Нальчик, 19.09.2015 г.), XI (Нальчик, 19.09.2016 г.) и XII (Нальчик, 19.09.2018 г.) конгрессов МЧА Глава КБР Ю.А. Коков в своих докладах подчеркивал, что Российская Федерация является единственной страной в мире, где народы имеют свою государственность, и созданы условия для сохранения их языков и культур [X Конгресс... 2015; В столице... 2016; XII Конгресс... 2018].

Глава КБР К.В. Коков в своем докладе на XIII конгрессе МЧА отметил значительную роль Ассоциации в сохранении адыгской национально-культурной самобытности и языка, в реализации образовательных, просветительских и воспитательных программ [В единстве... 2021].

В резолюции XIII Конгресса МЧА (Нальчик, 19.09.2021 г.) зафиксировано, что Ассоциация поддерживает курс руководства Российской Федерации по защите интересов страны на международной арене, реализации Стратегии государственной национальной политики, программных мер, направленных на сохранение и развитие языков, культур и традиций народов, проживающих в РФ [Резолюция... 2021]. В резолюции также содержится призыв МЧА к адыгам (черкесам), людям всех национальностей – содействовать сохранению межнационального и межконфессионального мира, согласия в родном Отечестве [Резолюция... 2021].

Участниками XIV внеочередного конгресса МЧА (Нальчик, 19-20.09.2023 г.) было отмечено, что главными направлениями деятельности Ассоциации остаются вопросы развития национальной культуры, языка и традиций, расширения взаимодействия с зарубежными соотечественниками, оказания поддержки репатриантам, укрепления мира, дружбы и согласия между народами, а также участия в социально значимых мероприятиях регионального и федерального уровней [Конгресс... 2023].

В Резолюции XIV конгресса МЧА зафиксировано, что Ассоциация поддерживает курс руководства РФ по защите интересов страны на международной арене, по реализации программных мер, направленных на сохранение и развитие родных языков, культур и традиций народов России, по укреплению согласия и добрососедства с представителями других народов [Резолюция... 2023].

Активная и конструктивная деятельность МЧА по популяризации адыгской этнической культуры, расширению связей с черкесской диаспорой, укреплению дружбы и взаимопонимания между народами получила высокую оценку на федеральном уровне. В приветственном обращении Президента РФ В.В. Путина к участникам и гостям XIII конгресса МЧА зафиксировано, что МЧА ис-

кренне заботится о сбережении и популяризации родного языка, чтит традиции предков и приобщает к ним молодёжь, воплощает в жизнь содержательные проекты в сфере культуры, образования, просвещения, наращивает многоплановое взаимодействие с соотечественниками за рубежом. В обращении отмечается, что особого признания заслуживают усилия МЧА по поддержанию мира и согласия на Северном Кавказе, конструктивный диалог с государственными структурами, институтами гражданского общества [Путин... 2021].

Руководитель Департамента по национальной политике Управления внутренней политики Администрации Президента РФ Т. Вагина, принимавшая участие в работе XIV внеочередного конгресса МЧА, подчеркнула, что Президент России на протяжении многих лет своими решениями поддерживает все конструктивные инициативы, исходящие от МЧА. Вагина Т. также отметила, что с участием МЧА была решена проблема издания учебников на родных языках, и на сегодняшний день уже 361 учебник находится в федеральном перечне. Отметив важность сохранения взаимоуважения и единства народов страны, Т. Вагина сказала: «Наши враги очень ошиблись, думая, что в эти сложные времена удастся бить в межнациональную точку, но мы понимаем, что ничего не сломается, так как мы единый народ» [Конгресс... 2023].

В 2023 г. МЧА была включена в Федеральный реестр «Всероссийская Книга Почета», в которой формируются наиболее достойные организации различных форм собственности и сфер деятельности [МЧА... 2023].

В целом, деятельность МЧА по популяризации адыгской этнической культуры, пропаганде межнационального мира и позитивного имиджа России за рубежом является эффективной. Мероприятия и акции МЧА в рамках данной деятельности пользуются популярностью в регионах проживания черкесов и получают поддержку на федеральном уровне.

### *Заключение*

Таким образом, популяризация адыгской этнической культуры, пропаганда составляющих своей идеологической позиции – поддержания межнационального мира и позитивного имиджа России за рубежом является одним из основных направлений деятельности Международной черкесской ассоциации в современный период. В данной деятельности МЧА наиболее масштабными и эффективными являются общественно-культурные форумы, научно-практические конференции, фестивали, образовательные проекты и др. Указанные аспекты деятельности МЧА реализуются и в работе с юными соотечественниками (проект «Лагерь соотечественников»). Составляющие идеологической позиции МЧА зафиксированы в резолюциях её XIII и XIV конгрессов.

Значительное внимание в деятельности МЧА уделяется мероприятиям, направленным на популяризацию черкесского языка (адыгейский и кабардино-черкесский литературные языки), на привлечение внимания общественности к проблемам его сохранения. В неё входят три основные программы: мероприятия, направленные на повышение качества преподавания родного языка в школах в районах проживания черкесов на Кавказе; оказание поддержки в изучении черкесского языка в зарубежных черкесских диаспорах; обучение репатриантов черкесскому и русскому языкам.

Представители МЧА также проводят пропаганду толерантности, межнационального мира и российской гражданственности и в рамках работы с репатриантами – в процессе проведения курсов по изучению русского и кабардино-черкесского языков, семинаров по истории и культуре России и республик Северного Кавказа.

В связи с внесением в Закон об образовании поправок депутатами Государственной Думы, МЧА приняла Обращение Совета Международной черкесской ассоциации к Президенту Российской Федерации В.В. Путину, Председателю Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко, Председателю Государственной Думы Федерального Собрания РФ В.В. Володину (от 11.07.2018 г.), в котором выражаются опасения за судьбу родного адыгского языка, и, следовательно, национальной идентичности, в связи с чем, особое значение приобретает содержание законопроекта о поправках в Закон об образовании, внесённого в нижнюю палату парламента депутатами Государственной Думы. В обращении содержится просьба проникнуться значением языкового вопроса и принять действенные меры по сохранению и развитию адыгского языка в целях сохранения нашей национальной идентичности.

Обращение с аналогичным содержанием МЧА направила так же Главе Кабардино-Балкарской Республики Ю.А. Кокову, Главе Республики Адыгея М.К. Кумпилову, Главе Карачаево-Черкесской Республики, Р.Б. Темрезву

Активная и конструктивная деятельность МЧА по популяризации адыгской этнической культуры, расширению связей с черкесской диаспорой, укреплению дружбы и взаимопонимания между народами получила высокую оценку на федеральном уровне. В приветственном обращении Президента РФ В.В. Путина к участникам и гостям XIII конгресса МЧА зафиксировано, что МЧА искренне заботится о сбережении и популяризации родного языка, чтит традиции предков и приобщает к ним молодёжь, воплощает в жизнь содержательные проекты в сфере культуры, образования, просвещения, наращивает многоплановое взаимодействие с соотечественниками за рубежом, что особого признания заслуживают усилия МЧА по поддержанию мира и согласия на Северном Кавказе, конструктивный диалог с государственными структурами ... В 2023 г. МЧА была включена в Федеральный реестр «Всероссийская Книга Почета», в которой формируются наиболее достойные организации различных форм собственности и сфер деятельности.

В целом, деятельность МЧА по популяризации адыгской этнической культуры, пропаганде межнационального мира и позитивного имиджа России за рубежом является эффективной. Мероприятия и акции МЧА в рамках данной деятельности пользуются популярностью в регионах проживания черкесов и получают поддержку на федеральном уровне.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА

Альмирова 2016 – *Альмирова Д.* Гармонизация межэтнических отношений – на первом плане. 23.12.2016 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=6391> (дата обращения: 16.10.2023).

В единстве... 2021 – *В единстве* – наша сила. 25.09.2021 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=8887> (дата обращения: 22.02.2024).

В семье... 2021 – *В семье* единой // Народная дипломатия на Эльбрусе – путь к миру и согласию. – Нальчик: Тетраграф, 2021. – С. 185-186.

В столице... 2016 – *В столице* КБР прошел внеочередной XI Конгресс МЧА. 20.09.2016 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=6310> (дата обращения: 23.02.2024).

Для репатриантов... 2019 – *Для репатриантов* организованы курсы по изучению языков. 08.11.2019 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=7938> (дата обращения: 16.02.2024).

Заседание... 2018 – *Заседание* Исполкома МЧА в Германии. 01.04.2018 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=6942> (дата обращения: 14.02.2024).

Знание... 2021 – *Знание* языка, традиции и культуры принимающего общества – залог успешной интеграции. 28.04.2021 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=8677> (дата обращения: 16.02.2024).

Информация... 2014 – *Информация* об организации-получателе гранта и других организациях-участниках проекта // Диалог на Эльбрусе 2014. Материалы международного общественно-культурного форума 13-16 мая 2014 года. – Нальчик: Тетраграф, 2014. – С. 4-6.

Итоговый документ... 2014 – *Итоговый документ* Международного общественно-культурного форума «Диалог на Эльбрусе – 2014» // Материалы международного общественно-культурного форума 13-16 мая 2014 года. – Нальчик: Тетраграф, 2014. – С. 18-20.

X Конгресс... 2015 – *X Конгресс* Международной Черкесской Ассоциации. 21.09.2015 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=5826> (дата обращения: 12.02.2024).

XII Конгресс... 2018 – *XII Конгресс* Международной Черкесской Ассоциации. 20.09.2018 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=7273> (дата обращения: 22.02.2024).

Конгресс... 2023 – *Конгресс* Международной черкесской ассоциации. 29.09.2023 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9678> (дата обращения: 12.02.2024).

Курсы... 2018 – *Курсы* обучения русскому языку. 11.06.2018 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. <http://intercircass.org/?p=7111> (дата обращения: 16.02.2024).

Курсы... 2018а – *Курсы* по кабардинскому языку для студентов-соотечественников. 01.06.2018 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=7099> (дата обращения: 14.02.2024).

Курсы... 2014 – *Курсы* русского языка для сирийских черкесов. 30.10.2014 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=5490> (дата обращения: 09.02.2024).

Кушхабиев 1997 – *Кушхабиев А.В.* Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). – Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. – 227 с.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.

Кушхабиев 2013 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2013. – 224 с.

Кушхабиев 2023 – *Кушхабиев А.В.* Деятельность Международной черкесской ассоциации по поддержанию межнационального мира в современный период // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 481-496. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-481-496. EDN: XJLGTW.

Лагерь... 2023 – *Лагерь* соотечественников – 2023. 04.08.23 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9660> (дата обращения: 12.02.2024).

Максидова 2011 – *Максидова Д.Ф.* Исторический опыт развития отношений Кабардино-Балкарии с черкесскими диаспорами Сирии и Иордании (1966–2006 гг.). Дис. канд. ист. наук. – Майкоп, 2011. – 188 с.

Международный... 2021 – *Международный* диктант на адыгском языке. 13.03.2021 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=8555> (дата обращения: 14.02.2024).

Межрегиональный... 2021 – *Межрегиональный* проект «Родной язык – гордость народа». 20.04.2021 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=7597> (дата обращения: 15.02.2024).

МЧА... 2022 – *МЧА* на фестивале национальных культур «В единстве наша сила». 28.10.2022 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9379> (дата обращения 21.02.2024).

МЧА... 2023 – *МЧА* во Всероссийской Книге Почета. 10.11.23 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9699> (дата обращения: 19.02.2024).

На благо... 2016 – *На благо* межнационального мира и согласия. 20.12.2016 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=6380> (дата обращения: 16.10.2023).

Народная... 2023 – *Народная* дипломатия – на языке национальных культур. 26.09.2023 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9681> (дата обращения: 22.02.2024).

Обращение... 2018 – *Обращение* Совета Международной черкесской ассоциации. 11.07.2018 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=7174> (дата обращения: 19.02.2024).

Общественная... 2018 – *Общественная* организация «Адыгэ Хасэ» Кабардино-Балкарской Республики. 22.03.2018 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=6908> (дата обращения: 14.02.2024).

Положение... 2023 – *Положение* о проведении Международной образовательной акции «Тотальный диктант на адыгском языке». 28.02.2023 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9475> (дата обращения: 14.02.2024).

Путин... 2021 – *Путин В.* Участникам, организаторам и гостям XIII конгресса Союза общественных объединений «Международная черкесская ассоциация по единению черкесского народа, развитию связей черкесской диаспоры с исторической родиной» // Народная дипломатия на Эльбрусе – путь к миру и согласию. – Нальчик: Тетраграф, 2021. – С. 221.

Резолюция... 2021 – *Резолюция* XIII Конгресса Международной черкесской ассоциации. – Нальчик, 19.09.2021. – 2 с.

Резолюция... 2023 – *Резолюция* XIV внеочередного Конгресса Международной Черкесской Ассоциации. – Нальчик, 19.09.2023. – 2 с.

Сохранение... 2022 – *Сохранение* родного языка – обязанность каждого. 13.06.2022 // Сайт МЧА [Электронный ресурс]. URL: <http://intercircass.org/?p=9194> (дата обращения: 19.02.2024).

Устав... 1991 – *Устав* Всемирной черкесской ассоциации // Версия. – 1991.22.05. – № 21. – С. 7.

Устав... 2016 – *Устав* Союза общественных объединений «Международная Черкесская Ассоциация по единению черкесского народа, развитию связей черкесской диаспоры с исторической родиной». – Нальчик, 2016 – 16 с.

## REFERENCES

AL'MIROVA D. *Garmonizatsiya mezhehtnicheskikh otnoshenii – na pervom plane*. 23.12.2016. [Harmonization of interethnic relations is in the foreground. 12/23/2016]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=6391> (date of access: 10/16/2023). (In Russ.).

*V edinstve – nasha sila*. 25.09.2021 [In unity is our strength. 09/25/2021]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=8887> (access date: 02/22/2024). (In Russ.).

*V sem'e edinoi* [In a united family]. IN: *Narodnaya diplomatiya na Ehl'bruse – put' k miru i soglasiyu* [Public diplomacy on Elbrus – the path to peace and harmony]. – Nalchik: Tetragraph, 2021. – P. 185-186. (In Russ.).

*V stolitse KBR proshel vneocherednoi XI Kongress MCHA. 20.09.2016* [The extraordinary XI Congress of the ICA was held in the capital of the KBR. 09/20/2016]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=6310> (access date: 02/23/2024). (In Russ.).

*Dlya repatriantov organizovany kursy po izucheniyu yazykov. 08.11.2019* [Language learning courses have been organized for repatriates. 11/08/2019]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=7938> (access date: 02/16/2024). (In Russ.).

*Zasedanie Ispolkoma MCHA v Germanii. 01.04.2018* [Meeting of the ICA Executive Committee in Germany. 04/01/2018]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=6942> (access date: 02/14/2024). (In Russ.).

*Znanie yazyka, traditsii i kul'tury prinimayushchego obshchestva – zalog uspekhov integratsii. 28.04.2021* [Knowledge of the language, traditions and culture of the host society is the key to successful integration. 04/28/2021]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=8677> (access date: 02/16/2024). (In Russ.).

*Informatsiya ob organizatsii-poluchatele granta i drugikh organizatsiyakh-uchastnitsakh projekta* [Information about the grant recipient organization and other organizations participating in the project]. IN: *Dialog na Ehl'bruse 2014. Materialy mezhdunarodnogo obshchestvenno-kul'turnogo foruma 13-16 maya 2014 goda* [Dialogue on Elbrus–2014. Materials of the international socio-cultural forum May 13–16, 2014]. – Nal'chik: Tetragraf, 2014. – P. 4–6. (In Russ.).

*Itogovyi dokument Mezhdunarodnogo obshchestvenno-kul'turnogo foruma «Dialog na Ehl'bruse–2014»* [Final document of the International socio-cultural forum “Dialogue on Elbrus–2014”]. IN: *Dialog na Ehl'bruse 2014. Materialy mezhdunarodnogo obshchestvenno-kul'turnogo foruma 13-16 maya 2014 goda* [Dialogue on Elbrus 2014. Materials of the international sociocultural forum May 13–16, 2014]. – Nal'chik: Tetragraf, 2014. – P. 18–20. (In Russ.).

*X Kongress Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii. 21.09.2015* [X Congress of the International Circassian Association. 09.21.2015]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=5826> (access date: 02/12/2024). (In Russ.).

*XII Kongress Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii. 20.09.2018* [XII Congress of the International Circassian Association. 09/20/2018]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=7273> (access date: 02/22/2024). (In Russ.).

*Kongress Mezhdunarodnoi cherkesskoi assotsiatsii. 29.09.2023* [Congress of the International Circassian Association. 09/29/2023]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9678> (access date: 02/12/2024). (In Russ.).

*Kursy obucheniya russkomu yazyku. 11.06.2018* [Russian language courses. 06/11/2018]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. <http://intercircass.org/?p=7111> (access date: 02/16/2024). (In Russ.).

*Kursy po kabardinskomu yazyku dlya studentov-sootechestvennikov. 01.06.2018* [Kabardian language courses for compatriot students. 06/01/2018]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. <http://intercircass.org/?p=7099> (access date: 02/14/2024). (In Russ.).

*Kursy russkogo yazyka dlya siriiskikh cherkesov. 30.10.2014* [Russian language courses for Syrian Circassians. 10.30.2014]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=5490> (access date: 02/09/2024). (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesskaya diaspora v arabskikh stranakh (XIX–XX vv.)*. – [Circassian diaspora in Arab countries (XIX–XX centuries)]. – Nalchik: IHPHE KBNC RAS, 1997. – 227 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoy cherkesskoy diaspori* [Essays on the history of the foreign Circassian diaspora]. – Nalchik: El-Fa, 2007. – 320 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Problemy repatriatsii zarubezhnykh cherkesov: istoriya, politika, sotsialnaya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. – Nalchik: Publishing House KBNC RAS, 2013. – 224 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Deyatel'nost' Mezhdunarodnoi cherkesskoi assotsiatsii po podderzhaniyu mezhnatsional'nogo mira v sovremennyi period* [Activities of the International Circassi-



an association to support the interethnic peace in the modern period]. IN: Electronic journal «Kavkazologiya». – 2023. – № 4. – P. 481-496. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-481-496. EDN: XJLGTW. (In Russ.).

*Lager' sootchestvennikov – 2023. 04.08.2023* [Camp of compatriots – 2023. 08/04/2023]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9660> (access date: 02/12/2024). (In Russ.).

MAKSIDOVA D.F. *Istoricheskiy opyt razvitiya otnosheniy Kabardino-Balkarii s cherkesskimi diasporami Sirii i Iordanii (1966-2006 gg.). Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. ist. nauk* [Historical Experience in the Development of Relations between Kabardino-Balkaria and the Circassian Diasporas in Syria and Jordan (1966–2006). Dissertation for the degree of Cand. Hist. Sciences]. – Maykop, 2011. – 188 p. (In Russ.)

*Mezhdunarodnyi diktant na adygskom yazyke. 13.03.2021* [International dictation in the Adyghe language. 03/13/2021]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=8555> (access date: 02/14/2024). (In Russ.).

*Mezhregional'nyi proekt «Rodnoi yazyk – gordost' naroda». 20.04.2021* [Interregional project “Mother tongue is the pride of the people”. 04/20/2021]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=7597> (access date: 02/15/2024). (In Russ.).

*MCHA na festivale natsional'nykh kul'tur «V edinstve nasha sila». 28.10.2022* [ICA at the festival of national cultures “Our strength is in unity”. 10/28/2022]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9379> (access date: 02/21/2024). (In Russ.).

*MCHA vo Vserossiiskoi Knige Pocheta. 10.11.2023* [ICA in the All-Russian Book of Honor. 2023. 11/10/23]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9699> (access date: 02/19/2024).

*Na blago mezhnatsional'nogo mira i soglasiya. 20.12.2016* [For the benefit of interethnic peace and harmony. 12/20/2016]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=6380> (access date: 10/16/2023). (In Russ.).

*Narodnaya diplomatiya – na yazyke natsional'nykh kul'tur. 26.09.2023* [Public diplomacy – in the language of national cultures. 09.26.2023]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9681> (access date: 02/22/2024). (In Russ.).

*Obrashchenie Soveta Mezhdunarodnoi cherkesskoi assotsiatsii. 11.07.2018* [Appeal from the Council of the International Circassian Association. 07/11/2018]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=7174> (access date: 02/19/2024). (In Russ.).

*Obshchestvennaya organizatsiya «Adygeh Khaseh» Kabardino-Balkarskoi Respubliki. 22.03.2018* [Public organization “Adyge Khase” of the Kabardino-Balkarian Republic. 03/22/2018]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=6908> (access date: 02/14/2024). (In Russ.).

*Polozhenie o provedenii Mezhdunarodnoi obrazovatel'noi aksii «Total'nyi diktant na adygskom yazyke». 28.02.2023* [Regulations on the International Educational Campaign “Total Dictation in the Circassian Language”. 02/28/2023]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9475> (access date: 02/14/2024). (In Russ.).

PUTIN V. *Uchastnikam, organizatoram i gostyam XIII kongressa Soyuza obshchestvennykh ob"edinenii «Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya po edineniyu cherkesskogo naroda, razvitiyu svyazei cherkesskoi diaspory s istoricheskoi rodinoy»* [To participants, organizers and guests of the XIII Congress of the Union of Public Associations “International Circassian Association for the unity of the Circassian people, the development of ties between the Circassian diaspora and their historical homeland”]. IN: *Narodnaya diplomatiya na Ehl'bruse – put' k miru i soglasiyu* [Public diplomacy on Elbrus – the path to peace and harmony]. – Nal'chik: Tetragraf, 2021. – P. 221. (In Russ.).

*Rezolyutsiya XIII Kongressa Mezhdunarodnoi cherkesskoi assotsiatsii* [Resolution of the XIII Congress of the International Circassian Association]. – Nal'chik, 09/19/2021. – 2 p. (In Russ.).

*Rezolyutsiya XIV vneocherednogo Kongressa Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii* [Resolution of the XIV Extraordinary Congress of the International Circassian Association]. – Nal'chik, 09/19/2023. – 2 p. (In Russ.).

*Sokhranenie rodного yazyka – obyazannost' kazhdogo. 13.06.2022* [Preserving the native language is everyone's responsibility. 06/13/2022]. IN: *Sait MCHA* [Website of ICA]. [Electronic resource]. URL: <http://intercircass.org/?p=9194> (access date: 02/19/2024). (In Russ.).

*Ustav Vsemirnoi cherkesskoi assotsiatsii* [Charter of the World Circassian Association]. IN: *Versiya*. – 1991. – № 21. – May 22th – P. 7. (In Russ.).

*Ustav Soyuzа obshchestvennykh ob"edinenii «Mezhdunarodnaya Cherkesskaya Assotsiatsiya po edineniyu cherkesskogo naroda, razvitiyu svyazei cherkesskoi diasporы s istoricheskoi rodinoi»* [Charter of the Union of Public Associations “International Circassian Association for the unity of the Circassian people, the development of ties between the Circassian diaspora and their historical home-land”]. – Nal'chik, 2016 – 16 p. (In Russ.).

***Информация об авторе***

А.В. Кушхабиев – доктор исторических наук.

***Information about the author***

A.V. Kushkhabiev – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 01.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья

УДК 39(470.64)+94(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-139-148

EDN: ISYAEG

**ИНСТИТУТЫ СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ  
БАЛКАРЦЕВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ  
НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА:  
ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**Азинат Жамаловна Байчекуева**

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,  
Нальчик, Россия, [baychekueva88@mail.ru](mailto:baychekueva88@mail.ru)

**Аннотация.** В статье рассмотрены некоторые проблемы регулирования имущественных отношений институтов соционормативной культуры балкарцев в деятельности судебных учреждений Нальчикского округа в последней трети XIX в. Эти вопросы изучены на примере разбирательств в Нальчикском горском словесном и посреднических (медиаторских) судах споров (о праве собственности на вещи и недвижимость, принадлежности земельных участков, потравы посевов, предъявлении претензий за пропавший скот и споров, связанных с наследством и уплатой калыма и т.п.). Обращается внимание на особенности привлечения к разбирательствам свидетелей, как основу формирования доказательственной базы. Рассмотрены особенности назначения материальных компенсаций за имущественные правонарушения. Изучена специфика документирования различных форм имущественных отношений у балкарцев в последней трети XIX в. Показана роль медиаторских (посреднических) судов в решении имущественных споров у балкарцев в рассматриваемое время. Установлено, что обычное право балкарцев и шариат эффективно применялись в решении имущественных споров с опорой на некоторые традиционные механизмы: применение показаний свидетелей в качестве основы доказательственной базы, назначение материальных компенсаций (штрафов) в качестве меры ответственности за имущественные правонарушения, передача сложных вопросов на решение суда посредников и т.п.

**Ключевые слова:** балкарцы, Нальчикский округ, Нальчикский горский словесный суд, медиаторский (посреднический) суд, обычное право, шариат, имущественный спор, наследство, калым.

**Для цитирования:** Байчекуева А.Ж. Институты соционормативной культуры балкарцев в деятельности судебных учреждений Нальчикского округа в последней трети XIX века: проблемы регулирования имущественных отношений // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 139-148. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-139-148. EDN: ISYAEG.

---

© Байчекуева А.Ж., 2024

Original article

**INSTITUTIONS OF SOCIONORMATIVE CULTURE  
OF THE BALKARS IN THE ACTIVITIES  
OF JUDICIAL INSTITUTIONS OF THE NALCHIK DISTRICT**

## IN THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY: PROBLEMS OF REGULATION OF PROPERTY RELATIONS

**Azinat Zh. Baichekueva**

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, [baychekueva88@mail.ru](mailto:baychekueva88@mail.ru)

**Abstract.** The article considers some problems of regulation of property relations of institutions of socionormative culture of Balkars in the activities of judicial institutions of the Nalchik district in the last third of the XIX century. These issues are considered on the example of disputes in the Nalchik Mountain verbal and mediation (mediation) courts over ownership of things and real estate, ownership of land plots, loss of crops, claims for missing cattle and disputes related to inheritance and payment of kalym. Attention is drawn to the peculiarities of the involvement of witnesses in the proceedings, as the basis for the formation of the evidence base. The features of the appointment of material compensation for property offenses are considered. The specifics of documenting various forms of property relations among Balkars in the last third of the XIX century have been studied. The role of mediation (mediation) courts in resolving property disputes among the Balkars at the time under consideration is shown. It has been established that the customary law of the Balkars and Sharia were effectively applied in resolving property disputes based on some traditional mechanisms: the use of witness testimony as the basis of evidence, the appointment of material compensation (fines) as a measure of responsibility for property offenses, the transfer of complex issues to the court of intermediaries, etc.

**Keywords:** Balkars, Nalchik district, Nalchik mountain verbal court, mediation (mediation) court, customary law, sharia, property dispute, inheritance, kalym.

**For citation:** Baichekueva A.Zh. Institutions of socionormative culture of the Balkars in the activities of judicial institutions of the Nalchik district in the last third of the XIX century: problems of regulation of property relations. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 139-148. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-139-148. EDN: ISYAEG.

---

© Baichekueva A.Zh., 2024

В последней трети XIX в. в отношении населения Центрального Кавказа сохранялась ситуация, когда значительная категория споров и конфликтов продолжала решаться на основании традиционных институтов соционормативной культуры. К этому времени были проработаны и практиковались некоторые формы их институционализации: они применялись в качестве нормативной основы судопроизводства в деятельности созданных в 1871 г. горских словесных судов на основании единых для всех представителей коренных народов Кубанской и Терской областей правил и функционировавших с конца 60-х гг. XIX в. сельских (аульных) судов. При этом несмотря на наметившиеся тенденции унификации механизмов принятия судебных решений по (в том числе и имущественным) спорам практически в каждом из них в явном виде проявлялись этнические особенности функционирования институтов соционормативной культуры народов региона. Так было и в Нальчикском округе, горский словесный суд (далее. – НГСС) которого выступал регулятором конфликтов в отношении кабардинского и балкарского населения. Однако во многом из-за отличия в их нормах обычного права спустя 13 лет после образования возникла

необходимость создания в его составе временного отделения для более качественного обслуживания потребностей балкарского населения в правосудии. Поэтому исследование правоприменительной практики временного отделения НГСС в определенной мере дает возможность выявить и охарактеризовать некоторые традиционные формы решения споров и конфликтов у балкарского населения региона по нормам их обычного права.

Некоторые аспекты исследования институтов соционормативной культуры балкарского населения Нальчикского округа в последней трети XIX в. затрагивались в работах К.Г. Азаматова [Азаматов 1968], Е.Г. Битовой (Муратовой) [Битова 2005; Битова 1997; Муратова 2011; Муратова 2006], И.Л. Бабич [Бабич 2002; Бабич 2004], А.П. Волгиной [Волгина 2004], Ю.Ю. Гранкина [Гранкин 2020], З.А. Яхтанигова [Яхтанигов 2008], Н.С. Доклаева [Доклаев 2011; Доклаев 2012а; Доклаев 2012б], Ю.Н. Асанова [Асанов 2015], А.Х. Абазова [Абазов 2014; Абазов 2016; Абазов, Хачеритлов 2016; Абазов 2018], Е.С. Нухрикяна [Нухрикян 2015], И.И. Темирбулатова [Темирбулатов 2006] и др. и некоторых сборниках документов и обобщающих работах по истории и этнографии народов региона [Антология памятников права... 2012; Карачаевцы. Балкарцы... 2014; Века совместной истории... 2017; Россия и народы Северного Кавказа... 2018]. В них рассматривались в основном особенности регулирования имущественных, земельных, наследственных отношений в традиционном балкарском обществе, его инкорпорации в политико-правовое пространство Российской империи, формирования в прошлом в регионе соционормативного плюрализма, структура норм обычного права и т.п. При этом в настоящее время имеется большой массив источников, отражающих применение институтов обычного права балкарского населения региона в деятельности судебных учреждений в последней трети XIX – начале XX в., что дает возможность значительно расширить наши представления об особенностях включения народа в политико-правовое пространство России. Основной массив этих документов сохранился в фонде НГСС и созданного в 1884 г. его временного (балкарского) отделения [УЦГА АС КБР. Ф. И-22]. Поэтому целью настоящей статьи является общая характеристика применения институтов соционормативной культуры балкарцев в их деятельности при регулировании имущественных отношений.

В последней трети XIX в. НГСС принимал к разбирательству значительное количество имущественных споров с участием балкарского населения. В их числе споры о праве собственности на вещи, принадлежности земельных участков (в том числе и потрава посевов), оспаривании договоров купли-продажи вещей, предъявлении претензий за пропавший скот. С определенной долей условности к этой группе можно отнести и споры, связанные с наследством и уплатой калыма. Далее для характеристики этого аспекта деятельности суда приведем их краткий обзор. Так, в 1879 г. в НГСС поступило прошение жителя Чегемского общества таубия К. с претензией на своих пастухов о взыскании с них стоимости 100 пропавших в зимнее время баранов [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 610. Лл. 1–2]. В 1879 г. в НГСС по рапорту старшины Чегемского общества решался вопрос о взыскании с зятьев А. К-ва Б. (190 руб.) и Д. (250 руб.) недостающей части калыма [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 672.

Лл. 2-3]. Ответчики отказались добровольно уплачивать недостающую часть калыма, дело было передано в НГСС для решения в судебном порядке.

На основании анализа ведомости следственных дел в НГСС за 1880 г. видно, что в нем с участием представителей балкарского населения округа состояло на учете 3 дела по спорам о праве на земельный (усадебный) участок (наследственные, купля-продажа), 3 дела о неуплате калыма, 1 дело по наследственному спорам, 6 дел о выделении доли (части) из общего имения; 2 дела о потраве участков земли [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 623. Лл. 1–8].

Имущественные споры, связанные с калымом, были одной из распространенных форм конфликтов в последней трети XIX в. – начале XX в. Причем эти споры возникали как уже по факту состоявшейся передачи калыма, так и по заключенным на перспективу договоренностям. Кроме того, анализ документов показывает, что совокупный калым в это время мог складываться как из денежных средств, так и из скота, товаров, а иногда и услуг. Например, в поданном в НГСС 20 мая 1880 г. прошении жителя Урусбиевского общества А. указывал: «В 1878 г. я сватал дочь односельца моего Д. девицу Ж., который соглашался, но с тем, чтобы я отделился от братьев своих и перешел к ним жить. Условие это я исполнил тогда же и перешел в ним жить, заключив с ними договор в том, что он получил от меня 156 руб. в счет калыма, что она выдана за меня. После заключения этого договора я жил у них 2 года и в течение этого времени я справил разные вещи для невесты на 244 руб.» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 802. Л. 1]. Итого общая сумма спора по данному делу в итоге составила 400 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 802. Л. 1 об.].

Зачастую в последней трети XIX в. при заключении соглашений об уплате калыма составлялись письменные документы (договора и т.п.). В большинстве случаев такие договора составлялись в присутствии сельских старшин и незаинтересованных свидетелей. Большинство таких договоров составлялись с использованием арабоязычной графической основы. Иногда (в случае возникновения споров) оригиналы таких договоров прилагались к прошениям потерпевших в НГСС [См. например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 802. Л. 2].

В некоторых случаях купля-продажа земельных участков между представителями балкарского населения Нальчикского округа в 80-е гг. XIX в. сопровождалась составлением купчих актов на землю [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 949]. Купчий акт, в данном случае – это письменный документ (составленный в большинстве случаев с применением арабоязычной графической основы), в котором отражались сведения о дате заключения сделки, личностях покупателя и продавца, стоимости приобретаемого/отчуждаемого земельного участка, его локализации (иногда – названия), сведения о свидетелях и других участников сделки с указанием на их социальный статус, должности в сельских правлениях и т.п. В редких случаях встречаются переводы купчих на русский язык [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 949]. Оригиналы купчих актов заверялись подписями или печатями всех присутствовавших при их составлении. Иногда купчие становились одним из основных доказательств, при решении поземельных споров в Нальчикском горском словесном суде. Другими формами фиксации сделок по купле-продаже земли среди представителей балкарско-

го населения Нальчикского округа были записи в книгах сделок при сельских правлениях и договора обществ (например, Хуламского [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 950. Л. 1 об.]). При этом они отчасти содержат информацию о правилах (нормах обычного права), на основании которых они были составлены и сделки совершены.

Одной из форм доказательств в решении дел по имущественным спорам среди представителей балкарского населения Нальчикского округа были присяги лиц, обладавших информацией по тому или иному вопросу. Зачастую НГСС прибегал к этому виду доказательств при решении споров по этой категории [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 756]. Суд вызывал свидетелей повестками. Вручение повесток и обязательство по доставлению в суд свидетелей возлагались на сельских старшин. Анализ материалов НГСС показывает, что в 80-е гг. XIX в. по-прежнему одним из основных видов доказательств, применяемых при решении имущественных споров по спорам, связанным с неуплатой денег по приобретенному имуществу, скоту и лошадям [См. например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 830. Л. 1], выступали свидетельские показания.

Основной формой ответственности по имущественным спорам по нормам обычного права балкарского населения Нальчикского округа (как и других представителей коренного населения региона) были материальные компенсации (штрафы). В некоторых случаях эквивалентом при решении споров и конфликтов между представителями балкарского населения округа могли быть не только деньги, но и товары, и скот. Например, при решении спора между жителями Чегемского общества нарушитель Л. уплатил потерпевшему С. за загнанную лошадь 3 коровы [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 744. Л. 1–1 об.]. Одной из форм решения имущественных споров по нормам обычного у представителей балкарского населения Нальчикского округа в 80-е гг. XIX в. было примирение сторон. Зачастую примирение фиксировались в письменной форме. Стороны подавали в НГСС (в данном случае – в его временное отделение) подписки о том, что консенсус по спору достигнут, дело закрывается и стороны довольны достигнутым соглашением [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 830. Л. 4]. В некоторых случаях перемирие конфликтующих сторон оформлялось в присутствии сельских старших, членов сельского (аульного) суда и незаинтересованных в исходе дела свидетелей и оформлялось в письменном виде [См. например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 802. Л. 5].

Материалы НГСС показывают, что многие имущественные споры среди балкарцев в это время продолжали решаться и судами посредников (медиаторов). Например, по делу о взыскании наследственной части из имения жителя Чегемского общества Нальчикского округа А-ва в пользу К. и Т. А-вых в 1881 г. старшина селения сообщал в НГСС о том, что «по желанию сторон по делу этому были выбраны медиаторами Хаджи-Мурза Шаханов, Магомед Биев, Кучук Мисаков и сельский эфендий Абдусалам Умаев, которые решили выделить из имения Б-я и Б-та А-вых в пользу Т. А-ва, А. А-ва и К. А-ва тысячу руб. серебром и решением этим остались довольны обе стороны» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 781. Л. 2 об.]. Это дело подтверждает тенденцию, когда по наследственным делам среди балкарского населения округа споры иногда ре-

шались на медиаторских разбирательствах. Также материалы дела отражают основные особенности применения норм обычного права при решении имущественных споров традиционными способами. Например, в этом случае в разбирательстве спора принимало участие 4 человека по выбору сторон, в том числе и сельский эфендий (возможно для толкования норм мусульманского права при решении наследственных споров). Письмо старшины селения можно воспринимать как официальный акт письменной фиксации принятого медиаторского решения. Примечательно, что при решении такого рода дел составлялись описи имущества. Например, в составленной в 1881 г. описи имущества было отмечено, что Б-й и Б-т Абаевы владели шестью сенокосными участками общей стоимостью 2000 руб., и шестью пахотными участками стоимостью 3000 руб. (итого – 5000 руб.) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 781. Л. 9]. Как правило, описи имущества заверялись подписями составлявших из сельских старшин и присутствовавших понятых. Случалось, что на решения медиаторов о разделе имущества подавались жалобы в НГСС для принятия окончательного решения [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 781. Л. 10].

Иногда на решение медиаторских судов передавались споры о неуплате калыма. Причем в практике встречались случаи, когда по одному спору шло параллельное разбирательство, как в официальных судах, так и в медиаторских. Например, в деле о взыскании выкупной платы с К-ва в пользу У-ва за свою бывшую подвластную (холопку) Ш. потерпевшие обратились в НГСС с просьбой о принудительном взыскании части неуплаченного калыма. А когда НГСС сделал распоряжение в отношении сельского старшины выслать для разбирательства в суд участников спора и свидетелей, старшина сообщило суду, что «дело окончено судом медиаторов и Х., чтобы было присуждено уплатить сполна в удовлетворение, что представляется при сем копия с решения медиаторов, а почему дело нужно считать оконченным» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 974. Л. 4 об.]. И к этой надписи была приложена копия медиаторского решения, составленная в письменном виде с использованием арабоязычной графической основы [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 974. Л. 5]. Перечень таких примеров можно продолжить, но многие из них подтверждают действенность применения норм обычного права балкарцев в решении имущественных споров.

Таким образом, в последней трети XIX в. значительная часть имущественных споров и конфликтов среди представителей балкарского населения Нальчикского округа решалась с опорой на традиционные институты их соционормативной культуры (в том числе, нормы обычного права и шариата). В это время споры разбирались по широкому кругу имущественных отношений: о праве собственности на вещи и скот, купле-продаже движимых и недвижимых вещей, нанесении ущерба от потравы посевов, споров, связанных с наследством и уплатой калыма и т.п. Обычное право и шариат эффективно применялись в решении имущественных споров с опорой на некоторые традиционные механизмы: применение показаний свидетелей в качестве основы доказательственной базы, назначение материальных компенсаций (штрафов) в качестве меры ответственности за имущественные правонарушения, передача сложных вопросов на решение суда посредников и т.п. Преимуществом этого периода функциониро-



вания институтов соционормативной культуры балкарцев перед предыдущими было тщательное документирование хода и итогов разбирательств (в том числе и отражении норм обычного права, на основе которых принимались решения) в письменных документах НГСС, сельских и посреднических судов, сельских правлений. Документы имеют большой эвристический потенциал для подробного исследования институтов соционормативной культуры балкарского населения Нальчикского округа на этапах интеграции в политико-правовую систему Российской империи в последней трети XIX в.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2014. – *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). – Нальчик, Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 104 с.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Абазов 2018 – *Абазов А.Х.* Некоторые особенности регулирования социальных конфликтов у кабардинцев и балкарцев в 1870–1917 гг. // *Современные исследования социальных проблем.* – 2018. – Т. 10. – № 1. – С. 69–81.

Абазов, Хачеритлов 2016 – *Абазов А.Х., Хачеритлов М.Ж.* Традиционные формы решения споров и конфликтов в судебной системе Терской области в последней трети XIX – начале XX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – Тамбов: Грамота, 2016. – № 6 (68): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 13–16.

Азаматов 1968 – *Азаматов К.Г.* Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 108 с.

Антология памятников права... 2012 – Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии. Т. 11 / Сост.: Яхтанигов З.А. – М.: Перо, 2012. – 464 с.

Асанов 2015 – *Асанов Ю.Н.* Обычно-правовое регулирование сословных отношений в традиционном балкарском обществе // *Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук.* – 2015. – № 3 (26). – С. 35–42;

Бабич 2004 – *Бабич И.Л.* Идеологический фундамент возрождения обычного и мусульманского права в Кабардино-Балкарии // *ИСЛАМ И ПРАВО В РОССИИ.* Материалы научно-практического семинара " Мусульманское право в мире и в России" (Северный Кавказ, Поволжье). – М: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2004. – С. 186–195.

Бабич 2002 – *Бабич И.Л.* Соотношение обычного права и шариата в правовой истории кабардинцев и балкарцев // *Человек и общество на Кавказе: проблемы правового бытия: Материалы всероссийской научно-практической конференции.* – Ставрополь: Ставропольский государственный аграрный университет, 2002. – С. 86–95.

Битова 2005 – *Битова Е.Г.* Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую систему Российской империи // *Исторический вестник.* – 2005. – № 2. – С. 141–164.

Битова 1997 – *Битова Е.Г.* Социальная история Балкарии XIX в. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 173 с.

Века совместной истории... 2017 – *Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.).* – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Волгина 2004 – *Волгина А.П.* Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX–XX вв.: автореферат дис... к.ю.н.: 12.00.01 / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2004. – 26 с.

Гранкин 2020 – Гранкин Ю.Ю. Социальное устройство и модели управления в системе горских обществ Северного Кавказа в первой половине XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 3. – С. 28-35.

Доклаев 2012а – Доклаев Н.С. Закрепление нормами обычного права сословной структуры карачаевцев и балкарцев в XVIII – первой половине XIX веков // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 8 (51). – С. 66–67.

Доклаев 2012б – Доклаев Н.С. Регулирование нормами обычного права земельных отношений у карачаевцев и балкарцев в первой половине XIX века // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 9 (52). – С. 64–65.

Доклаев 2011 – Доклаев Н.С. Система, признаки и структура норм обычного права карачаевцев и балкарцев // Наука и образование на рубеже тысячелетий: сборник научно-исследовательских работ. – Кисловодск: НОО ВПО (НП) "Кисловодский гуманитарно-технический институт", 2011. – С. 118–123.

Карачаевцы. Балкарцы... 2014 – Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев – М.: Наука, 2014. – 815 с. (Серия «Народы и культуры»).

Муратова 2011 – Муратова Е.Г. Обычное право народов Кавказа: фиксация и публикация материалов // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. – Петрозаводск: Карельский научный центр Российской академии наук, 2011. – С. 448.

Муратова 2006 – Муратова Е.Г. Судебная система в трансформирующихся обществах (на примере Балкарии XIX в.) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. Н. И. Новикова. – Москва: Издательский дом "Стратегия", 2006. – С. 199-214.

Нухрикян 2015 – Нухрикян Е.С. Нормативно-правовая основа общественного имущества Карачая и Балкарии в пореформенный период (1860-е гг. – начало XX в.) // Политика и общество. – 2015. – № 6 (126). – С. 709-716.

Россия и народы Северного Кавказа... 2018 – Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству: монография / Дзамихов К.Ф., Боров А.Х. [и др.]. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.

Темирбулатов 2006 – Темирбулатов И.И. Гражданское и уголовное право карачаевцев и балкарцев в XVII-XIX вв. // МИТС-НАУКА: международный научный вестник: сетевое электронное научное издание. – 2006. – № 4. – С. 49.

УЦГА АС КБР. Ф. И-22 – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-22 «Нальчикский горский словесный суд».

Яхтанигов 2008 – Яхтанигов З.А. Обычное право в системе юридического плюрализма // Юридический мир. – 2008. – № 11. – С. 70-75.

## REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Nal'chikskii okrug v sudebnoi sisteme Terskoi oblasti (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX v.)* [Nalchik district in the judicial system of the Tersk region (the last third of the XIX – early XX century)]. – Nal'chik, Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – 104 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire at the end of the XVIII – early XX century]. – Nal'chik: ООО «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Nekotorye osobennosti regulirovaniya sotsial'nykh konfliktov u kabardintsev i balkartsev v 1870–1917 gg.* [Some features of the regulation of social conflicts among Kabardians and Balkars in 1870-1917]. In: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem.* – 2018. – Т. 10. – № 1. – Р. 69–81. (In Russ.).

ABAZOV A.KH., KHACHERITLOV M.ZH. *Traditsionnye formy resheniya sporov i konfliktov v sudebnoi sisteme Terskoi oblasti v poslednei treti XIX – nachale XX v.* [Traditional forms

of dispute resolution and conflicts in the judicial system of the Tersk region in the last third of the XIX – early XX century]. In: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2016. – № 6 (68): v 2-kh ch. – Ch. 1. – P. 13–16. (In Russ.).

AZAMATOV K.G. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie i obychnoe pravo balkartsev v pervoi polovine XIX veka* [Socio-economic situation and customary law of the Balkars in the first half of the XIX century]. – Nal'chik: El'brus, 1968. – 108 p. (In Russ.).

*Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza. Pamyatniki prava Balkarii* [Anthology of monuments of the law of the peoples of Kavka-za. Monuments of the law of Balkaria]. T. 11 / Sost.: Yakhtanigov Z.A. – M.: Pero, 2012. – 464 c. (In Russ.).

ASANOV YU.N. *Obychno-pravovoe regulirovanie soslovnykh otnoshenii v traditsionnom balkarskom obshchestve* [Customary legal regulation of class relations in the traditional Balkarian society]. In: Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoi Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2015. – № 3 (26). – P. 35–42. (In Russ.).

BABICH I.L. *Ideologicheskii fundament vozrozhdeniya obychnogo i musul'manskogo prava v Kabardino-Balkarii* [The ideological foundation of the revival of customary and Muslim law in Kabardino-Balkaria]. In: ISLAM I PRAVO V ROSSII. Materialy nauchno-prakticheskogo seminar "Musul'manskoe pravo v mire i v Rossii" (Severnyi Kavkaz, Povolzh'e). – M: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2004. – P. 186–195. (In Russ.).

BABICH I.L. *Sootnoshenie obychnogo prava i shariata v pravovoi istorii kabardintsev i balkartsev* [Correlation of customary law and Sharia in the legal history of Kabardins and Balkars]. In: Chelovek i obshchestvo na Kavkaze: problemy pravovogo bytiya: Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Stavropol': Stavropol'skii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2002. – P. 86–95. (In Russ.).

BITOVA E.G. *Balkarskaya znat' v usloviyakh vklyucheniya v administrativno-politicheskuyu sistemu Rossiiskoi imperii* [Balkarian nobility in conditions of inclusion in the administrative and political system of the Russian Empire]. In: Istoricheskii vestnik. – 2005. – № 2. – P. 141–164. (In Russ.).

BITOVA E.G. *Sotsial'naya istoriya Balkarii XIX v.* [Social history of Balkaria of the XIX century]. – Nal'chik: El'brus, 1997. – 173 p. (In Russ.).

*Veka sovmestnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557–1917 gg.)* [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557–1917)]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 544 p. (In Russ.).

VOLGINA A.P. *Obychnoe pravo narodov Severnogo Kavkaza v sisteme rossiiskogo prava v XIX–XX vv.* [The customary law of the peoples of the North Caucasus in the system of Russian law in the XIX–XX centuries]: avtoreferat dis... k.yu.n.: 12.00.01 / Stavrop. gos. un-t. – Stavropol', 2004. – 26 p. (In Russ.).

GRANKIN YU.YU. *Sotsial'noe ustroistvo i modeli upravleniya v sisteme gorskikh obshchestv Severnogo Kavkaza v pervoi polovine XIX veka* [Social structure and management models in the system of mountain societies of the North Caucasus in the first half of the XIX century]. In: Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. – 2020. – № 3. – P. 28–35. (In Russ.).

DOKLAEV N.S. *Zakreplenie normami obychnogo prava soslovnoi struktury karachaevtsev i balkartsev v XVIII – pervoi polovine XIX vekov* [Consolidation of the class structure of Karachai and Balkars in the XVIII – first half of the XIX centuries by the norms of customary law]. In: Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2012. – № 8 (51). – P. 66–67. (In Russ.).

DOKLAEV N.S. *Regulirovanie normami obychnogo prava zemel'nykh otnoshenii u karachaevtsev i balkartsev v pervoi polovine XIX veka* [Regulation by the norms of customary law of land relations among Karachay and Balkars in the first half of the XIX century]. In: Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2012. – № 9 (52). – P. 64–65. (In Russ.).

DOKLAEV N.S. *Sistema, priznaki i struktura norm obychnogo prava karachaevtsev i balkartsev* [The system, signs and structure of the norms of customary law of Karachay and Balkars]. In: *Nauka i obrazovanie na rubezhe tysyacheletii: sbornik nauchno-issledovatel'skikh rabot.* – Kislovodsk: NOO VPO (NP) "Kislovodskii gumanitarno-tehnicheskii institut", 2011. – P. 118–123. (In Russ.).

*Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachai people. Balkars] / otv. red. M D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev – M.: Nauka, 2014. – 815 p. (Seriya «Narody i kul'tury»).(In Russ.).

MURATOVA E.G. *Obychnoe pravo narodov Kavkaza: fiksatsiya i publikatsiya materialov* [Customary law of the peoples of the Caucasus: fixation and publication of materials]. In: IX Kongress etnografov i antropologov Rossii. Tezisy dokladov. – Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 2011. – P. 448. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Sudebnaya sistema v transformiruyushchikhsya obshchestvakh (na primere Balkarii XIX v.)* [The judicial system in transforming societies (on the example of Balkaria of the XIX century)]. In: *Pravo v zerkale zhizni. Issledovaniya po yuridicheskoi antropologii.* Rossiiskaya akad. nauk, In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya; otv. red. N. I. Novikova. – Moskva: Izdatel'skii dom "Strategiya", 2006. – P. 199-214. (In Russ.).

NUKHRIKYAN E.S. *Normativno-pravovaya osnova obshchestvennogo imushchestva Karachaya i Balkarii v poreformennyi period (1860-e gg. – nachalo XX v.)* [The normative and legal basis of public society in Karachay and Balkaria in the post-reform period (1860s – early twentieth century)]. In: *Politika i obshchestvo.* – 2015. – № 6 (126). – P. 709-716. (In Russ.).

*Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu* [Russia and the peoples of the North Caucasus in the XVI – mid-XIX century: socio-cultural distance and movement towards state and political unity]: monografiya / Dзамikhov K.F., Borov A.Kh. [i dr.]. – Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p. (In Russ.).

TEMIRBULATOV I.I. *Grazhdanskoe i ugolovnoe pravo karachaevtsev i balkartsev v XVII-XIX vv.* [Civil and criminal law of the Karachays and the Balkars in the XVII-XIX centuries]. In: *MIT-SNAUKA: mezhdunarodnyi nauchnyi vestnik: setevoe elektronnoe nauchnoe izdanie.* – 2006. – № 4. – P. 49. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki. F. I-22 «*Nal'chikskii gorskii slo-vesnyi sud*» [Mountain District Court]. Nalchik. (In Russ.).

YAKHTANIGOV Z.A. *Obychnoe pravo v sisteme yuridicheskogo plyuralizma* [Customary law in the system of legal pluralism]. In: *Yuridicheskii mir.* – 2008. – № 11. – P. 70-75. (In Russ.).

#### ***Информация об авторе***

А.Ж. Байчекуева – старший преподаватель.

#### ***Information about the author***

A.Zh. Baichekueva – a senior lecturer.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 14.03.2024 г.; принята к публикации 26.03.2024 г.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 26.03.2024.

Научная статья  
УДК 39(393)  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-149-159  
EDN: JCUVIW

## САКРАЛИЗАЦИЯ НАМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ У АДЫГОВ

**Тимур Русланович Загазежев**

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Россия,  
КБР, г. Нальчик, [zygezezh@mail.ru](mailto:zygezezh@mail.ru)

**Аннотация.** В статье рассматриваются наиболее яркие признаки сакрализации намогильных сооружений у адыгов. Данный аспект похоронно-поминальной культуры народа остается одним из малоизученных в отечественном кавказоведении. Работа основана на фольклорных преданиях и полевых материалах автора. В результате проведенного исследования установлено, что надделение магическими свойствами курганов и надгробных памятников, почитание могил героически погибших людей, убитых молнией и др., имело место на всем историческом пространстве проживания адыгов. Выявление и сопоставление многочисленных обрядов, проводимых ранее возле могил как западными, так и восточными адыгами, позволяет сделать вывод о единой основе духовной культуры народа и общности мировоззрения его представителей. Обычай почитания намогильных сооружений уходит своими корнями в древность, но многие его отголоски встречаются и в наши дни, воспринимаясь как часть новой монотеистической религии.

**Ключевые слова:** адыги, намогильные сооружения, курганы, сакрализация, религиозные верования, погребальный обряд.

**Для цитирования:** Загазежев Т.Р. Сакрализация намогильных сооружений у адыгов // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 149-159. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-149-159. EDN: JCUVIW.

---

© Загазежев Т.Р., 2024

Original article

## SACRALISATION OF ADYGHE GRAVE STRUCTURES

**Timur R. Zagazhev**

Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,  
Nalchik, Russia, [zygezezh@mail.ru](mailto:zygezezh@mail.ru)

**Abstract.** The article focuses on the most apparent signs of sacralisation in Adyghe funeral buildings. This feature of the people's funeral and burial culture has received relatively little attention in national Caucasian studies. The work is based on traditional legends and the author's field materials. The investigation revealed that providing magical characteristics to barrows and tombstones, commemorating the graves of heroically dead individuals slain by lightning, and so on occurred throughout the historical territory of Adyghe habitation. The identification and analysis of several rites performed earlier around graves by both western and eastern Adyghe allows us to draw conclusions about the people's spiritual culture and the common worldview of its representatives.

The custom of honouring of grave structures has its roots in antiquity, but many of its echoes are found today, perceived as part of the new monotheistic religion.

**Keywords:** Adyge, grave structures, barrows, sacralization, religious beliefs, a funeral rite.

**For citation:** Zagazezhev T.R. Sacralisation of the Adygs grave structures. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 149-159. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-149-159. EDN: JCUVIW.

---

© Zagazezhev T.R., 2024

В современных условиях модернизации и социокультурной унификации первостепенное значение приобретает проблема сохранения малыми народами своей этнической идентичности. Процесс глобализации в большинстве случаев сопровождается стиранием устоявшихся границ обитания этноса, изменением привычных условий жизни и хозяйственной деятельности. В изучении духовной и материальной культуры народа особый научный интерес представляют надгробные сооружения. Они как специфический вид исторического и этнографического источника содержат довольно обширную информацию о мировоззрении и мировосприятии этноса. Всестороннее исследование надгробных памятников, включающее в себя не только их датировку, описание внешних параметров, но также и вкладываемый в них сакральный смысл, позволяет приблизиться к более глубокому пониманию ментальности народа.

В отечественном кавказоведении уделяется значительное внимание изучению погребальной обрядности в целом, и этой теме посвящены многие археологические [Левашова 1953; Алексеева 1992; Крупнов 1957; Фоменко 2002] и этнографические [Текуева, Нальчикова 2018; Текуева и др. 2019] исследования. В них содержится обширная информация о типах надгробных памятников, внешней форме курганов, особенностях их расположения, эпиграфических надписях и т.д. Благодаря появлению на свет этих и других фундаментальных трудов многие вопросы, связанные с похоронно-поминальным культом адыгов, получили серьезную научную интерпретацию. Вместе с тем, некоторые аспекты данной обширной проблематики остаются еще недостаточно изученными.

Цель данной статьи состоит в выявлении и описании основных признаков сакрализации надгробных сооружений адыгов.

Объектом исследования являются надгробные сооружения адыгов, а предметом – сакрализация надгробных сооружений как элемент духовной жизни народа.

Для реализации данной цели был отобран и проанализирован разнообразный круг источников, включающий в себя фольклорные предания; труды иностранных путешественников; полевой материал автора. В работе использованы общенаучные методы: анализ, сравнение, и собственно этнографические методы: интервью, опрос, непосредственное наблюдение, метод пережитков.

В традиционной культуре адыгов курганы и надгробные памятники воспринимались не как обычные холмы и надгробные сооружения, возведенные над усопшими для обозначения мест их погребения, а как некая целостная система, завершенная конструкция, несущая сакральную нагрузку. Известно, что в прошлом на курганах запрещалось косить траву и рубить деревья. Кошунством считалось пытаться проникнуть в овечную легендами тайну содержимого курганов, раскапывать насыпь, пытаться заглянуть внутрь насыпей, приносить в дом какие-либо предметы, найденные на кургане [Бгажноков, Фоменко 2016: 20].

В большинстве случаев адыги приписывали магическую силу могилам героически погибших людей, убитых молнией, а также шахидов (в исламе шахиды – люди, умершие за веру) или известных хаджи (в исламе хаджи – мусульмане, совершившие паломничество в Мекку). Сакрализация подобных надгробных памятников выражалась в первую очередь в том, что щепки от них считались оберегом и лекарством от многих болезней. Адыги называют их «кхъащхъэдэсэ ласкIэ». Интересен рассказ Гедгафова Абдулчерима Карашаевича о том, как в 1919 г. был убит ни в чем не повинный человек, Шауцуков Николай, сын Андулы, в связи с чем его возвели в ранг святых, а его могила была наделена магической силой. Посчитав щепки от его памятника средством от малярии, люди начали откалывать их, и за короткий срок полностью разобрали по щепкам весь памятник [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф-12. Оп. 1. Ед. хр. 3. Пасп. № 25. Исп. Гедгафов Абдулчерим Карашаевич, г.р. 1895, с. Дейское КБР. Зап. 1970 г.].

Согласно фольклорным преданиям, таким же образом постепенно был снесен памятник организатора и предводителя крестьянского восстания в Кабарде Дамалея (сер. XVIII в.). Его надгробное сооружение было полностью разобрано по щепкам. Об этом повествует старинная песня о Дамалее, которая заканчивается словами: «...КIунэ и тIыгъэ лъапэр зи кхъахэ (Дамэлей. – Т.З.), уи кхъащхъэхэсэр щауха махуэм уэркъым я лъапсэр сэхынщ» («...Когда от твоего (Дамалея. – Т.З.) памятника ничего не останется, род дворян прекратит свое существование») [Архив радио. Ф. «Адыгские песни и их хранители». Дамэлей. Записано от Хавпачева Амирхана Асхадовича 13.03.1957 г. Запись Секрекова Хасана]. Комментируя эту песню, исполнитель Амирхан Хавпачев отмечает, что, в представлении народа, памятник Дамалея обладал целебными свойствами и щепки от него использовались для лечения малярии. Об этом сюжете рассказывал также А. Шортанов: «...такие же талисманы уносились в Кабарде с надмогильного истукана знаменитого предводителя зависимых сословий Дамалея – Широкоплечега, а в Адыгее – народного героя Кимчерия Ханахока и др. Исцелительный такой осколок от надмогильных камней называется «кхъаскIэ» или «кхъащхъэусэ ласкIэ»» [Шортанов 1992: 17].

В наше время встречаются каменные сооружения, на которых видны следы сколов. Например, от памятника, расположенного недалеко от границы Кабардино-Балкарии и Северной Осетии-Алании, примерно в трехстах метрах от федеральной трассы «Кавказ», отколота значительная часть. Он возведен на древнем кургане, что позволяет делать вывод о высоком статусе погребенного и

причислении его к святым. Вероятно, что отколотые куски использовались в качестве оберегов.

Лечебными свойствами наделялась также земля с курганов – ее брали и уносили с собой домой для исцеления больного. Вот как описывает это А.Т. Шортанов со слов А.К. Гедгафова: «Часто случалось так, что родственник умершего или убитого тяжело заболел, и когда случалось так, то кто-нибудь из родных уходил на кладбище и, не глядя по сторонам, брал с могилы умершего или убитого две горсти земли и, также, не оглядываясь, приносил домой. Эту землю разбавляли водой и ею купали больного и давали пить» [Шортанов 1992: 17]. Подобный обычай идти с кладбища без оглядки для лечения тяжелых инфекционных заболеваний существовал у удинов. «Если больной не лечится, его берут не глядя, то есть на могилу самоубийцы... водою моют руки и ноги больного над могилой, глиняную чашку разбивают о камень могилы и средний камень могилы поворачивают, после этого уходят и, не глядя назад, возвращаются домой» [СМОМПК 1892: 248].

Адыги верили, что между намогильниками и усопшими, для которых они были возведены, существует непосредственная взаимосвязь. Так, после похорон ближайшие родственники выстраиваются в ряд и поглаживают памятник, словами выражая свое расположение, доброе отношение к покойнику (каб. – *Иэ дэльэж*). Точно так же поступают и при посещении кладбища. А для людей, оставивших о себе недобрую память, ставили столбик, наподобие намогильного (каб. – *тезыртех сын*), и каждый проходящий должен был ударить его кинжалом. Количество таких ударов иногда было настолько большим, что в конце концов от столба ничего не оставалось. Считалось, что с каждым ударом грехи человека, которому поставили этот памятник, сокращаются и прощаются [Информатор Табишева (Лосанова) Мачахан Аюбовна 1932 г.р. сел. Заюково].

Упомянутые обычаи находят яркое отражение в фольклоре адыгов. Приведем несколько сюжетов, содержащих интересную информацию по теме. После убийства известного бжедугского князя Батчерия Хаджимукова в знаменитой Бзюкской битве (1796 г.) ему поставили каменный памятник. И однажды, проезжая мимо него, один из врагов Хаджимукова выстрелил в камень из пистолета, после чего оттуда потекла кровь. Это рассказывается в таком контексте, что посредством выстрела в памятник усопший почувствовал боль [Информатор Хусейн Масхудович Дауров, 1974 г.р. а. Хакуринохабль]. Также сообщается, что на его могилу приходил заболевший малярией человек и обращался к нему со словами: «Дай в долг земли». После этого, больной брал горсть земли, заворачивал в кусок ткани, прятал за пазуху и уходил. После выздоровления он относил землю обратно на могилу, клал ее на то же самое место, откуда взял, а ткань вешал на дерево [Марзей 2004: 253]. Таким образом, по представлениям адыгов, магическими лечебными свойствами обладал не только намогильный памятник, но также и сама земля на могиле павших героев.

В фольклоре балкарцев имеются сведения о малокабардинском князе, поехавшем однажды, погостить к балкарскому таубию в Безенгийское ущелье. Жене таубия понравился кабардинский князь, и она решила убежать с ним. При



выезде из ущелья ее настигли, убили и поставили памятник. И с тех пор каждое утро, после пробуждения, таубий первым делом из окна своей башни пускал стрелу в памятник своей неверной жены.

Еще одним ярким признаком сакрализации надгробных памятников является тот факт, что камни с могил использовались также для обрядов вызывания дождя. В данном контексте представляет интерес рассказ жителя сел. Атажукино (КБР) о том, как на берегу небольшой реки Къардэнтхъэлэ возле намогильного памятника некоего Хаджи-Темруко устраивали всем селением «тхъэльэІу» (моление Богу), прося о ниспослании дождя. И мужчины, и женщины приносили сюда разные кушанья, специально по этому поводу забивали скот. Во время этого обряда один из камней, лежавших на могиле, опускали в протекающую речушку. Как только начинался дождь, камень возвращали на прежнее место [Из личного видеоархива автора. Год записи 2009. Место записи с. Атажукино Баксанского района КБР. Информатор Гедгафов Хусейн Зрамукович, 1932 г.р.].

Аналогичный обряд вызывания дождя встречается у шапсугов. В период засухи они приносили жертвы и обращались к усопшему о ниспослании дождя возле так называемых каменных могил (каб. – *мыжъуакъ*). Это особый вид могил для убитых молнией, которых после всех обрядов хоронили прямо на материке и обкладывали камнями. Прежде чем похоронить убитого молнией, на его правое плечо клали камень яйцевидной формы, а по окончанию погребального процесса этот же камень возвращали на могилу. Смысл данного действия был в том, что, по представлениям шапсугов, камень приобретал магические свойства только после соприкосновения с телом погибшего. Когда возникала вероятность засухи, все мужчины во главе с одним из старейшин рода убитого, отправлялись на могилу, брали лежавший на ней камень и относили его к реке. Далее камень привязывался к палке, которую в свою очередь вбивали в дно речки, а одного из прибывших оставляли сторожить этот объект. Камень относили обратно на могилу сразу после начала дождя, так как считалось, что, если хоть немного переждать, могло случиться наводнение [Мыжей, Пацты 2012: 216-218]. По всей видимости, этот обряд восходит к древности, когда в воду опускали «святые» камни. Например, таким «святым» камнем, обладающим магическими свойствами, по представлениям западных адыгов, являлся так называемый «Хъымышц и мывэ» («камень Химиша»). Обычно его относили в долину реки, где была засуха, опускали в воду и относили обратно после начала дождя [Мыжей, Пацты 2012: 345]. Со временем такую силу начали придавать камням с могил людей, возводимых ранее адыгами в ранг святых.

Обращение к намогильникам с целью вызывания дождя было зафиксировано у причерноморских шапсугов во время экспедиции С.А. Токарева в 1939 г. Суть обряда заключалась в том, что «мужчины шли к «каменной могиле», в которой был похоронен убитый молнией человек, и все босые и без шапок становились вокруг могилы, брались под руки и, приплясывая, двигались по кругу в одну сторону – против часовой стрелки» [Шортанов 1992: 94]. Этот танец обычно сопровождался пением песни с

просьбой о ниспослании дождя. Подростки гнали к могиле коз, баранов, несли мед, бузу, несоленый обрядовый хлеб (каб. – *кабза*). После долгих танцев старик, родственник убитого, с яствами в руках обращался к Богу и к убитому молнией человеку с просьбой послать дождь. Все остальные, стоя на коленях и держа ладони перед глазами, восклицали при каждой его паузе «аминь». После молитвы умерщвлялись все жертвенные животные, дымом убивали пчел, принесенных в ульях. Каждый из присутствующих должен был обязательно попробовать жертвенные яства. Затем родственник убитого брал с могилы камень, имевший яйцевидную форму, и нес его к реке; все мужчины двигались за ним. Около реки камень крепко обвязывался веревкой; веревку привязывали к дереву и опускали камень в воду. У воды специально оставляли человека, который должен был вынуть камень из реки, как только пойдет дождь – опасались, что усилившееся течение реки могло унести камень. В этом случае, по представлениям шапсугов, дождь будет идти непрерывно и затопит землю.

Такой обряд вызывания дождя был широко распространен у адыгов в целом, но особенно ярко сохранилась о нем память в ауле Тхагапш (ныне аул им. Кирова Туапсинского района Краснодарского края), в трех километрах от которого расположена одна из таких могил. Она и теперь почитается многими жителями аула. По преданиям, на этой могиле были три камня, которые использовались для вызывания дождя, но два из них были унесены рекой. В случаях, когда камень уносился рекой, мужчины аула шли к могиле и просили о прекращении дождя. Когда дождь прекращался, камень вынимался через четыре дня и возвращался на прежнее место. Такой способ вызывания дождя шапсуги считали настолько действенным, что, по их мнению, достаточно было только приступить к этому обряду, чтобы начался дождь [Религиозные пережитки... 1940: 39-40].

А.Т. Шортанов в своей работе «Адыгские культы», ссылаясь на научные материалы рукописного фонда ИГИ КБНЦ РАН, рассказывает о другом способе вызывания дождя. Он пишет, что за Ероккой (сел. Ерокко Лескенского р-на КБР) стоит большой каменный памятник, возведенный в память о девушке, погибшей от удара молнии. Вскоре ее могила стала местом молений во время засухи. Чтобы вызвать дождь, к памятнику приходили женщины из окрестных сел и мыли памятник молоком. В то же время обливали собравшихся водой и сталкивали друг друга в реку. Готовили разные кушанья, кормили детей, откалывали кусочек от памятника, заворачивали его в тряпку и опускали в воду [Шортанов 1992: 17-18].

Почитание могил у адыгов выражалось также в том, что они использовались для выявления лиц, совершивших те или иные преступления. Для этого они приводили предполагаемого преступника к каменному склепу и заставляли его ударить рукой по двери святилища. Считалось, что «если он виновен, то сторит, делаясь постепенно черно-пречерным, как клятвopеступник» [Шортанов 1992: 21].

Похоронно-погребальные обряды адыгов, в целом, и конструкции курганов, в частности, претерпевали трансформацию на протяжении веков, начиная с древнейших времен и заканчивая поздним средневековьем (а у

причерноморских адыгов и вплоть до XIX в.), но цель и смысл оставались неизменны – это защита и оберегание покойного. Вероятно, кромлехи и ровики вокруг курганов выполняют функцию оберега. По представлениям адыгов, круг изгонял негативные силы с места, вокруг которого он был очерчен. Предположительно по этой причине существовал и «обычай кругового очерчивания постели больного коровьим пометом для предотвращения от вредного воздействия сглаза» [Шортанов 1992: 131]. Местность, в которой появилась чума, опахивали кругом. Также вокруг селения, в котором была обнаружена заразная болезнь, волочили надочажную цепь. Даже то место, где спотыкался конь, всадник обязательно очерчивал окружностью. О другом обычае, связанном с очерчиванием и кругом, рассказывал Карл Кох: «...четверо или шестеро ближайших родственников обходят трижды вокруг могилы, держа на поводу коня» [Кох 1974: 624].

Сакрализация намогильных памятников у адыгов выражалась также в том, что сны, увиденные на этом месте, считались вещими. В одном из нартских сказаний сообщается о человеке, который заснул на кургане и ему приснился сон, будто бы посещает пир нартов, где ему говорят, что им требуется для потустороннего мира; под влиянием увиденного сна он выполняет соответствующий обряд [Нарты... 2012: 382-383]. В рассказе о двух братьях Ешанокых (каб. – *ЕщIэнокъуэ зэшитI*), которые являются героями многих фольклорных преданий, старший из братьев, бродя в поисках тела убитого младшего брата-подростка, засыпает на могиле. Во сне к нему приходит старик, просит приготовить в честь него поминальную еду и указывает, где спрятано тело его брата [Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Кассета № 229. Инв. № 648-ф/8. «ЕщIэнокъуэ Атэбий и таурыхъ». Записано от Аунусова Хаждаута Хаджимурзовича 1933 г.р. в 1983 г. в с. Аргудан]. На известный большой лесистый курган «Iуащхьэцэжь», описанный еще Ш. Ногмовым [Ногмов 1994: 77] самые смелые (т.к. считалось, что там обитают нечистые духи) ходили ночевать наверху, взяв с собой только бурку, будучи убежденными, что сны, увиденные там, обязательно сбудутся.

Это поверье распространялось не только на древние курганы, но и на мусульманские могилы). Люди с теми или иными заболеваниями отправлялись на кладбище и ночевали там, положив голову на могилу умершего родственника. Считалось, что во сне человек увидит, вылечится он от этой болезни или нет [Из личного фоноархива автора. Год записи 2018. Место записи с. Аушигер Черекского района КБР. Информатор Черкесова Жануас Амировна 1933 г.р.].

Помимо всего прочего, курганы являлись местами для поединков. Это находит отражение во многих историко-героических песнях и преданиях народа. Выражение «Iуащхьэ пIальэ» (*Iуащхьэ* – курган, *пIальэ* – срок) означало вызов на поединок. В старинной песне поется: «Борэжьу бзаджэ!» – жеIэри зы кьоджэ, / Кьаджэ псоми сыдыщIокI, / Iуащхьэ пIальэ кьызет» («Бора старый злой» говоря, вызывает меня кто-то, / Кто бы ни вызывал – всегда выхожу / Встречу на кургане (он) мне назначает) [Марзей 2004: 157].

Некоторые из курганов, традиционно являвшиеся в прошлом местами встреч противников, сохранились и в наши дни: 1) Шужьей и Гуашхьэ (курган Шужея); 2) Ехьушчокьуэхэ я Гуашхьэ (курган Ехшоковых); 3) Уэзрэдж и Гуашхьэ (курган Уазреджа); 4) Абейхэрэ ХьэпцIэхэрэ щызэзэуа Гуашхьэ (курган, где сражались Абаевы и Хапцевы); 5) Мэрзей Хьэмэдэ иль щичIэжа Гуашхьэ (курган, на котором Мирзоев Хамеда совершил кровную месть); 6) Гьут Аслъэнбэчрэ Кьуэгьулькьуэ и кьуэмрэ я Гуашхьэ пIалъэ (курган, назначенный местом дуэли Гутова Асланбека и Коголкина).

В нартском эпосе есть предание о том, как Сосруко назначает Тотрешу встречу на «Хьэрэмэ Гуашхьэ» (Харама курган) [Нарты... 2012: 229]. Именно здесь разворачиваются почти все драматические события, связанные с главными героями эпоса. Считалось, что «только мужественные и богоподобные могут посещать ее священную высоту» [Шортанов 1992: 25].

По рассказу Кушби Харзинова, гора Аушигер (КБР) являлась местом поединков. «Аушыджэр зыхудипIалъэщ» («Встретимся на горе Аушигер») – говорили, вызывая на бой противника [Из личного видеоархива автора. Год записи 2008. Место записи с. Аушигер Черекского района КБР. Информатор Кушби Мисхудович Харзинов 1930 г.р. сел. Аушигер]. Самыми известными вершинами-святилищами у кабардинцев, наряду с Аушигером, были Татартуп, холм Еристау и Нартошха. В этом ряду гора Аушигер выделяется по той причине, что на ее вершине было древнее захоронение.

После принятия ислама адыгами самых достойных, по сложившемуся обычаю, продолжали хоронить именно на древних курганах. До наших дней сохранилось множество адыгских мусульманских памятников, расположенных на них. На кургане, расположенном на возвышенности возле сел. Аушигер (КБР) имеется вторичное мусульманское погребение XIX в. Перевод надписи на этом надгробном памятнике гласит: «Шахид, прощенный, погибший в войне с кяфирами Муса сын Маканы. Да простит его Аллах» (Перевод с арабского Пшихачева Фариза Джумгаевича). В Сирии и в наши дни шахидов хоронят именно на возвышенностях [Информатор Пшихачев Фарыз Джумгаевич 1977 г.р.].

Не исчезла также практика проведения народных собраний возле курганов; такие случаи имели место в некоторых кабардинских селениях даже в XX в. Например, после начала советско-финляндской войны (1939 г.) призывники из сел. Аушигер (КБР) собрались в районе кургана Андемиркана, приняли предварительную присягу и поклялись «служить верой и правдой трудовому народу» [Карданов 1993: 6]. Подобные случаи зафиксированы также в с. Н.-Черек КБР и ауле Ходзь в Адыгее.

Продолжают также существовать запреты, связанные с разрушением курганов. И в наше время многие старики о снесенном кургане с осуждением говорят не «Гуашхьэр ирахаш» («снесли курган»), а «Гуашхьэр якьутащ» («поломали курган»).

Таким образом, в традиционной культуре адыгов намогильные курганы – это не только и не столько холмы, указывающие на места захоронения тех или иных людей, а святилища, особые сооружения, обладающие магическими

свойствами и несущие определенную сакральную нагрузку. Особым почитанием у адыгов пользовались могилы героически погибших людей, убитых молнией, а позднее места захоронения известных хаджи, а также шахидов. Сакрализация подобных надгробных сооружений выражалась в том что: 1) щепки от намогильных памятников, а также камни и земля с могил наделялись целебными свойствами и использовались для лечения многих заболеваний; 2) обряды вызывания дождя, коллективные прошения Богу, собрания по случаю тех или иных событий и т.п. организовывались и проводились возле курганов; 3) сны, увиденные на надгробных холмах или неподалеку от них, считались вещими; 4) в большинстве случаев именно курганы становились местами для поединков и др.

Обычай почитания курганов возник в древности, но так глубоко внедрился в сознание народа, что некоторые его отголоски сохранились и по сей день. Несмотря на то что традиционные религиозные верования в своей основе со временем были замещены монотеистической религией и абсолютное большинство представителей народа сейчас исповедуют ислам, тем не менее суеверия, связанные со строжайшим запретом разрушения курганов, последствиями которого считают скорую смерть нарушившего запрет, его семьи, ниспослание с неба каменного дождя и т.п., продолжают существовать, а намогильные памятники и надгробные холмы остаются местом прошений и народных собраний.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.
- Алексеева 1992 – *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. – М.: Наука, 1992. – 216 с.
- Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
- Архив Радио – Архив Радио ВГТРК ГТРК «Кабардино-Балкария».
- Бгажноков, Фоменко 2016 – *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.* Курганы в окрестностях селения Урвань. // Вестник КБИГИ. – Вып. 4 (31). – 2016. – С. 15-32.
- Из личного видеоархива автора – *Личный видеоархив автора.*
- Из личного фоноархива автора – *Личный фоноархив автора.*
- Карданов 1993 – *Карданов Ч.Э.* Групповой портреты в Аушигере. Годы и судьбы. – Нальчик: Эль-фа, 1993. – 608 с.
- Кох 1974 – *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 585-628.
- Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. – М.: Наука, 1957. – 175 с.
- Левашова 1953 – *Левашова В.П.* Белореченские курганы / Труды Государственного исторического музея. – М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953. – Вып. 22. – С. 170-175.
- Марзей 2004 – *Марзей А.* Черкесское наездничество – «зеклуэ». – Нальчик: Эль-фа, 2004. – 302 с.
- Мыжей, Пацты 2012 – *Мыжей М., Пацты М.* Адыгэ мифологием и энциклопедие. – Майкоп: ИП Паштов З.В., 2012. – 460 с.
- Нарты... 2012 – *Нарты.* Адыгский эпос. Т. I. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – 423 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

Религиозные пережитки... 1940 – Религиозные пережитки у черкесов – шапсугов: Материалы научной экспедиции 1939 г. / Под ред. С.А. Токарева и Е.М. Шиллинга. – М.: Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М.В. Ломоносова., 1940. – 82 с.

СМОМПК 1892 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа – Вып. XIV. – Тифлис: Типография канцелярия Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1892. – С. 59-212.

Текуева и др. 2019 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Гугова М.Х.* Этнография кладбищ Центрального Кавказа // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 127-151. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-127-151>.

Текуева, Нальчикова 2018 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А.* Надмогильные памятные знаки у народов Северо-Западного и Центрального Кавказа // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 3. – С. 69-92. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92>.

Фоменко 2002 – *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII в. – Пятигорск: Технологический университет, 2002. – 76 с.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН– Фоноархив Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Шортанов 1992 – *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 164 с.

## REFERENCES

*Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nal'chik: El'brus, 1974. – 635 p. (in Russ.).

ALEKSEEVA E.P. *Arheologicheskie pamjatniki Karachaevo-Cherkessii* [Archaeological monuments of Karachay-Cherkessia]. – M.: Nauka, 1992. – 216 p. (in Russ.).

*Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij* [Archive of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research] (in Russ.).

*Arkhiv Radio* [Radio Archive]

BGAZHNOKOV B.Kh., FOMENKO V.A. *Kurgany v okrestnostyakh seleniya Urvan'* [Mounds in the vicinity of the village of Urvan]. IN: Vestnik KBIGI. – Vyp. 4 (31). – Nal'chik, 2016 g. – P. 15-32. (in Russ.).

*Lichnyj videoarhiv avtora* [Personal video archive of the author] (in Russ.).

*Lichnyj fonoarhiv avtora* [Personal phono archive of the author] (in Russ.).

KARDANOV Ch.E. *Gruppovoi portreti v Aushigere. Gody i sud'by* [Group portrait in Aushigere. Years and destinies]. – Nal'chik: El'-fa, 1993. – 608 p. (in Russ.).

КОН К. *Puteshestvie po Rossii i v Kavkazskie zemli* [Journey through Russia and the Caucasian lands]. IN: *Adygi, balkarcy i karachaevtsy v izvestijah evropejskikh avtorov XIII–XIX vv.* / Edited by V.K. Gardanova. – Nal'chik: Jel'brus, 1974. – P. 585-628. (in Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnjaja istorija i kul'tura Kabardy* [Ancient history and culture of Kabarda]. – M.: Nauka, 1957. – 175 p. (in Russ.).

LEVASHOVA V.P. *Belorechenskie kurgany* [Belorrechensky burial mounds] IN: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja.* – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noj literatury, 1953. – Vyp. 22. – P. 170-175. (in Russ.).

MARZEI A. *Cherkesskoe naezdnichestvo – «zeklue»* [Circassian horsemanship]. – Nal'chik: El'-fa, 2004. – 302 p. (in Russ.).

MYZHEI M., PASHTY M. *Adyge mifologiem i entsiklopedie* [Encyclopedia of Adyghe mythology]. – Maikop: IP Pashtov Z.V., 2012. – 460 p. (in Russ.).

*Narty. Adygskii epos* [Sled. Adyghe epic]. – T. I. – Nal'chik: ООО «Tetragraf», 2012. – 423 p. (in Russ.).

NOGMOV Sh. *Istorija adyhejskogo naroda* [History of the Adykhean people]. – Nal'chik: Jel'brus, 1994. – 232 p. (in Russ.).

*Religioznye perezhitki u cherkesov – shapsugov: Materialy nauchnoi ekspeditsii 1939 g.* [Religious survivals among the Circassians – Shapsugs: Materials of the scientific expedition of 1939.] / Edited by S.A. Tokareva i E.M. Shillinga. – M.: Mosk. ordena Lenina gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 1940. – 82 p. (in Russ.).

*Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza.* [Collection of materials for describing the areas and tribes of the Caucasus]. – № XIV. – Tiflis: Tipografija kanceljarija Glavnonachal'stvujushhego grazhdanskoju chast'ju na Kavkaze, 1892. – P. 52 – 212. (in Russ.).

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A., GUGOVA M.H. *Jetnografija kladbishh Central'nogo Kavkaza* [Ethnography of the cemeteries of the Central Caucasus]. IN: Jelektronnyj zhurnal «Kavkazologija». – 2019. – № 2. – P. 127-151. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-127-151> (in Russ.).

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A. *Nadmogil'nye pamjatnye znaki u narodov Severo-Zapadnogo i Central'nogo Kavkaza* [Tombstone memorial signs among the peoples of the North-Western and Central Caucasus]. IN: Jelektronnyj zhurnal «Kavkazologija». – 2018. – № 3. – P. 69-92. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92>. (in Russ.).

FOMENKO V.A. *Pjatigor'e v XV – seredine XVIII v.* [Pyatigorye in the XV - the middle of the XVIII century]. – Pjatigorsk: Tekhnologicheskii universitet, 2002. – 76 p. (in Russ.)

*Fonoarhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij* [Phonoarchive of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research]. (in Russ.).

SHORTANOV A.T. *Adygskie kul'ty* [Adyghe cults]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 164 p. (in Russ.).

***Информация об авторе:***

Т.Р. Загазев – младший научный сотрудник.

***Information about the author:***

T.R. Zagazhev – a junior researcher.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

# **Историография, источниковедение, методы исторического исследования**

Научная статья  
УДК 930.2+94(470)  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-160-183  
EDN: MБУFZH

## **РОМАНОВЫ НА КАВКАЗЕ В ОТРАЖЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

**Петр Абрамович Кузьминов<sup>1</sup>, Алина Мусовна Шериева<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, [petrakis\\_hist@bk.ru](mailto:petrakis_hist@bk.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5767-1484>

<sup>1,2</sup> Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

<sup>2</sup> [sher.alinna77@mail.ru](mailto:she.alinna77@mail.ru)

**Аннотация.** В статье освещены визиты на Кавказ представителей династии Романовых и их влияние на жизнь и быт горских народов региона. Для реализации этой задачи привлечены законодательные, делопроизводственные, личные исторические источники, а также материалы периодической печати. Каждый вид привлеченных источников позволил осветить особый характер этих отношений, показать их значимость как для Романовых, так и народов региона. Законодательные источники позволили детализировать аграрные преобразования, показать, что, несмотря на утверждение Александром II проектов наделения горцев землей, а значит ставших законом для всех подданных Российской империи, под влиянием горцев, выявивших массу минусов в этих проектах, правительство вынуждено было пересмотреть результаты реформы и внести существенные поправки в конечный вариант землевладения и землепользования на Северном Кавказе. Воспоминания С. Сиюхова позволили реконструировать одно из важных событий Кавказской войны: встречу императора Александра II с представителями адыгского народа, закончившуюся новым витком конфронтации. Возможная альтернатива – переселение на плоскость или уход в Турцию – большинство адыгского социума решило в пользу Турции. Делопроизводственные источники дали возможность осветить встречу Александра III с представителями кабардинского и балкарского народов в 1888 г., итогом которой стало закрепление за ними альпийских пастбищ.

**Ключевые слова:** Романовы, Кавказ, отношения, исторические источники, горцы Кавказа, война, мир, реформы.

**Для цитирования:** Кузьминов П.А., Шериева А.М. Романовы на Кавказе в отражении письменных источников XIX – начала XX вв. // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 160-183. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-160-183. EDN: MБУFZH.

---

© Кузьминов П.А., Шериева А.М., 2024

Original article

**THE ROMANOVS IN THE CAUCASUS THROUGH THE LENS OF  
WRITTEN SOURCES OF THE 19th TO THE EARLY 20th CENTURIES**

**Petr A. Kuzminov<sup>1</sup>, Alina M. Sherieva<sup>2</sup>**



<sup>1</sup> Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, [petrakis\\_hist@bk.ru](mailto:petrakis_hist@bk.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5767-1484>

<sup>1,2</sup> Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

<sup>2</sup> [sher.alinna77@mail.ru](mailto:sheer.alinna77@mail.ru)

**Abstract.** The article discusses the visits of representatives of the Romanov dynasty to the Caucasus and their influence on the life and customs of the mountain peoples of the Northern Caucasus. To attain this goal, a combination of legislative, administrative, personal history sources, and information from periodicals were used. Each type of historical source helped shed light on the unique nature of these relationships, highlighting their significance for both the Romanovs and the mountain peoples. Legislative sources allowed for the detailed examination of agrarian reforms, showing that despite Alexander II's assertion of projects to grant land to the mountaineers, and thus becoming law for all subjects of the Russian Empire, under pressure from the mountaineers who identified many flaws in these projects, the government was forced to reconsider the results of the reform and make significant amendments to the final version of landownership and land use in the Northern Caucasus. The memoirs of S. Siukhov depict one of the most tragic episodes of the Caucasian War: the meeting of Emperor Alexander II with representatives of the Adyghe peoples, which ended in a new confrontation. The majority of Adyghe society chose departure to Turkey over relocation to the plains. Administrative sources described Alexander III's meeting with representatives of the Kabardian and Balkar peoples, which resulted in the granting of alpine meadows to mountaineers.

**Keywords:** The Romanovs, Caucasus, relationship, historical sources, mountaineers of the Caucasus, war, peace, reforms.

**For citation:** Kuzminov P.A., Sherieva A.M. The Romanovs in the Caucasus through the lens of written sources of the 19th to the early 20th centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 160-183. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-160-183. EDN: MБУFZH.

---

© Kuzminov P.A., Sherieva A.M., 2024

Романовы и Кавказ – это небольшая, хотя и существенная часть глобальной проблемы российско-кавказских отношений на протяжении трех столетий – с начала XVII до начала XX в., а, с другой стороны, – это огромное количество факторов, определяющих качество этих связей. По данной теме опубликованы тысячи статей и монографий, сборников документов, очерков, эссе, записок путешественников, наблюдений дипломатов и военных. Некоторую часть этих работ проанализировали молодые ученые – А.А. Журтова и А.Н. Максимчик в совместном монографическом исследовании [Журтова, Максимчик 2017]. В целом же тема российско-кавказских отношений поистине необъятная, требующая коллективного исследования.

Цель статьи – вслед за З.Ж. Глашевой [Глашева 2023б] привлечь внимание исследователей-кавказоведов к теме исторических источников, отражающих взаимоотношения правящей российской династии и народов Северного Кавказа; высказать свое видение этих контактов; в контексте анализа выявленных документальных материалов проанализировать доступные письменные источники, отражающие ряд сюжетов влияния рода Романовых на жизнедеятельность народов региона.

Есть и еще одна проблема, требующая внимания. Дело в том, что в 90-х XX в. – начале XXI в. внимание историков к проблемам регионального источниковедения заметно снизилось. Был опубликован небольшой цикл работ, посвященных этой стороне исторических исследований: одна кандидатская диссертация [Мудрова 2015], упомянутая статья З.Ж. Глашевой и еще несколько статей [Почешхов 2011; Шхачемуков 2011; Мудрова 2013; Федосеева 2013; Гапуров, Бугаев 2020; Бобровников 2023] и др. Но в последние годы сформировался новый центр источниковедческих исследований в Кабардино-Балкарии. В высокорейтинговой научной периодике опубликованы статьи доктора исторических наук А.Х. Абазова [Абазов 2021; Абазов 2022а; Абазов 2022б; Абазов 2023] и его коллег из НОЦ КБНЦ и КБГУ [Алхасова 2023; Журтова 2023 и др.], которые получили признание в кавказоведении. Предлагаем кавказоведам обратить серьезное внимание на источниковедческие и историографические проблемы познания прошлого.

Династия Романовых оставила глубокий след в истории Российской империи. Сегодня в стране идет возрождение общественного внимания к позитивным/негативным деяниям династии Романовых, оказавших серьезное влияние на ее движение к прогрессу/регрессу. Ее влияние не ограничилось центральными районами и областями, где проживало русское население, она сыграла определяющую роль в жизни и судьбе коренных народов Северного Кавказа. Поэтому анализ источников влияния Романовых на народы Кавказа дает возможность понять характер отношений между имперским центром и кавказской периферией, эволюцию многогранных отношений.

Поднятая проблема стала предметом особого интереса в научной литературе, но вопросы источниковедения затронула только З.Ж. Глашева, которая привела выдержки из работ дореволюционных авторов В.А. Потто и Г.И. Филиппсона, а также опубликовала выявленные в РГВИА списки депутатов горских народов, принявших участие во встрече с Николаем I, тем самым внося определенный вклад в изучение темы [Глашева 2023б].

Содержательны статьи Д.Н. Прасолова, в которых детализируются возможные сценарии взаимоотношений горцев с кавказской администрацией, в том числе и с домом Романовых [Прасолов 2014; Прасолов 2022]. Особо выделим недавно опубликованную работу Д.Н. Прасолова [Прасолов 2022], в которой дана общая характеристика особенностей маршрутов и сценариев путешествий по Кавказу членов императорской фамилии (Александром II в 1871 г., Александром III в 1888 г. и Николаем II в 1914 гг.), показана устойчивость основных форм коммуникаций с местным населением.

В работах Н.Д. Судаваца [Судавац 2013], З.Х. Ибрагимовой [Ибрагимова 2014], В.В. Трепавлова [Трепавлов 2015] освещены некоторые сюжеты посещения Кавказа представителями царской семьи в XIX в. Содержательна статья Бекуловых [Бекулов, Бекулова 2020], где приведен документальный материал о встрече депутатов Кабарды и Пяти горских обществ с Александром III в станице Прохладной и в г. Владикавказ. Интересна монография О.В. Матвеева [Матвеев 2023], но в ней рассмотрены только фольклорные источники, отражающие от-

ношение простого народа различных регионов России к венценосным монархам, в том числе и казаков Кубанской области к Августейшим особам.

Существенное значение имеют публикации архивных документов, в которых отражена роль России/Романовых при решении жизненно важных вопросов горцев [Демидова и др. 1957; Букалова 1957; Блиев 1976; Гаджиев и др. 1988; Черкесы и др. 1996; Черкесы и др. 1998; Черкесы и др. 2000; Черкесы и др. 2004; Кавказ и Российская империя 2005; Кузьминов 2005; Кузьминов 2013; Хамицаева 2008; Якубова 2011; Кешева 2011; Сивер 2012; Якубова 2013; Кобахидзе 2014] и др.

История рода Романовых, Руси, России занимала одно из первых мест в воспитании детей царствующего дома. О необходимости глубокого знания наследниками российского престола памятных мест Отечества свидетельствует наставление императора Николая I цесаревичу Александру Николаевичу в 1837 г. Перед семимесячной поездкой по стране царь подготовил инструкцию сыну о посещении различных регионов страны, в том числе и Кавказа.

В первом письме сыну, Николай I подчеркивает: «Предпринимаемое тобой путешествие составляет важную эпоху в твоей жизни» [Трепавлов 2015: 87.] и дает четкие указания о посещении объектов, достойных внимания в городах, губерниях, областях страны. «Осмотру подлежат все казенные учебные заведения, госпитали, учреждения Приказов общественного призрения, тюрьмы» [Захарова, Тютюнник 1999: 26], т.е. наследник должен был увидеть роль государства в развитии провинции, отсюда внимание к объектам, построенным на бюджетные деньги. «Первая твоя обязанность, – подчеркивал Николай I, – подробно ознакомиться с государством, над которым тебе определено царствовать.... На все ты должен смотреть глазом будущности, как на приобретаемое себе в запас, на твои соображения» [Захарова, Тютюнник 1999: 24].

Эти наставления были услышаны и выполнены наследником. В 58 письмах к отцу детально отражены впечатления Александра об увиденном и услышанном, в том числе и встреча с декабристами, сосланными в Сибирь. Отметим, что после этого письма положение участников восстания заметно улучшилось. Увидел он и нищету народа, и низкий уровень бытовой культуры, и отсутствие школ в селах и деревнях.

Кавказ всегда интересовал членов императорской семьи Романовых своей уникальностью, самобытностью традиций и обычаев, многоликостью культурных и языковых особенностей, природными ресурсами, географической и геополитической значимостью. С другой стороны, он постоянно требовал внимания, огромного количества средств, сложностью возникающих и трудно решаемых проблем, особенно, главной – «замирения Кавказа».

Историк, изучая различные по типам и видам, по форме и содержанию документы, познает исторические факты и в процессе их анализа раскрывает сущность исследуемого процесса, явления и события. Однако прошлое не лежит на поверхности фактов и не может быть раскрыто без их генерализации, позволяющей установить закономерности возникновения как самого источника, так и содержащейся в нем информации.

Корпус источников по изучаемой теме значителен. Первый ряд источников образуют законодательные акты, размещенные в Полном собрании законов Рос-

сийской Империи (ПСЗРИ) в виде указов, рескриптов, манифестов и др. Основу законодательных источников XIX – начала XX вв. составляет блок нормативных документов, санкционированных императорами России и имеющие высшую юридическую силу в государстве. Они составляют стеновой хребет, ядро системы права, регулирующей общественные отношения, поскольку разработка и принятие законов являлось прерогативой самодержавной власти.

Среди них были, например, постановления, законодательно регламентировавшие процессы колонизации. Местные власти, нуждаясь в рабочих руках, вынуждены были закрывать глаза на бегство или стихийное переселение крестьян на Северный Кавказ [ПСЗ-П. XXXVII, 38256: 406-425].

Определенную роль во включении Кавказа в состав Российской империи на заключительном этапе Кавказской войны сыграл великий князь Михаил Николаевич Романов. Его роль в истории народов Кавказа была значительной, поскольку он стремился проводить взвешенную политику, учитывал многонациональность Кавказа и обычаи народов данного региона. Великий князь активно участвовал в великих реформах России, стремясь распространить их на Кавказ.

В одном из отделов Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ) в г. Санкт-Петербурге выявлен П.А. Кузьминовым ценный доклад наместника Кавказа, который подвел первые итоги проведения преобразований в регионе. Доклад подписал брат Александра II великий князь Михаил Николаевич в 1869 г. В нем отражалась работа административного аппарата по изменению характера социальных отношений. Лейтмотив всего документа – подчеркнуть роль венценосного императора Александра II, который дал свободу зависимым крестьянам и «...новую жизнь всему сельскому сословию Кавказа, освобожденному от тяготевшей над ним крепостной зависимости» [ОР ГПБ. Ф. 379. Д. 261. Л. 2]. Эта идея, широко пропагандируемая в центральных СМИ, таким образом, была озвучена и на южной окраине страны, свидетельствует о том, что весь сложный механизм управления Российской империи, независимо от должности и статуса, работал в одном направлении, прославлял «царя-освободителя» и эпоху великих преобразований.

Одним из ключевых вопросов, вокруг которого «кипели» страсти позднейших исследователей реформ, был вопрос о причинах перемен в крае. Откровенное заявление об их необходимости мы обнаружили в той же «Записке» наместника: «...одни победы оружия, одно участие русского войска и русских чиновников не в состоянии в близком будущем довершить задачу обрусения Кавказа, оно может совершиться лишь посредством участия русской цивилизации, русских капиталов и русской промышленности» [ОР ГПБ. Ф. 379. Д. 261. Л. 2]. Безусловно, это был верный подход, добавим только, что эффективность готовившихся реформ зависела, в первую очередь, от учета местных особенностей.

Аграрная реформа, проведенная кавказской администрацией у жителей предгорий, серьезно изменила характер землепользования и землевладения в регионе, создав из местной элиты, офицеров и чиновников-горцев, служивших в органах власти и армии, собственников земли, на основе российского потомственного права. Одной из принципиальных черт земельных отношений в России было то, что характер частного землевладения определялся сословным по-

ложением человека. Право быть собственником земли и владельцем зависимых крестьян имели только дворяне. Любые изменения прав землевладения утверждались верховной властью, то есть императором. Поэтому и все проекты земельных преобразований у горцев подписывались лично Александром II. Эти документы аккумулированы в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и частично опубликованы [Кузьминов 2013: 43–333]. Независимо от величины надела, получаемого князьями, дворянами, офицерами, чиновниками из горцев, или крестьянским джамаатом/аулом, утверждал право владения российский самодержец.

Реализация аграрной реформы выявила много погрешностей, допущенных при размежевании земель. Начальникам Терской и Кубанской областей были направлены ходатайства от аульных обществ и отдельных дворян о пересмотре утвержденных Александром II проектов. После детального обсуждения допущенных неточностей, начальники округов и областей поддержали эти ходатайства, одобрил их и наместник Кавказа. В Кавказском комитете они были утверждены и удостоились в 1879 г. резолюции Александра II – «Исполнить». В силу этого итоги земельных преобразований были пересмотрены, что свидетельствует о внимании монарха к проблемам горских народов. В свою очередь, это дает нам право выделить в истории аграрных преобразований два этапа: I – 1863–1869 гг. и II – 1869–1879 гг.

Административное устройство Кавказа, представленное наместничеством, как особой формой управления (1844–1882) краем, после прихода к власти Александра III было признано правительством неэффективным. В окружении Александра III победу одержала идея жесткой централизации управления в государстве, включая и Кавказ. В независимости кавказской администрации «министры видели преграду на пути полной интеграции Кавказа в общегосударственную систему управления» [Блиева 2005: 358]. Указом Александра III «от 29 января 1882 года «должность Кавказского Наместника и высшее учреждение страны по подготовке законов для Кавказского региона – Кавказский Комитет – были упразднены» [Об упразднении Кавказского комитета 1882: 28]. Консервативное крыло бюрократии победило.

Навести чиновничий «порядок» на Кавказе было приказано генералу от кавалерии князю А.М. Дондукову-Корсакову, получившему известность в российских и европейских политических кругах после завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Под его патронажем, как главы российской администрации в освобожденной от турецкого ига северной части Болгарии, в апреле 1879 г. Великое Народное собрание Болгарии приняло Тырновскую конституцию, установившую в стране конституционную наследственную монархию. Этот проект был для того времени достаточно демократичным.

Александр III назначил Дондукова-Корсакова Главным начальствующим на Кавказе с тем, чтобы он ликвидировал Кавказское наместничество, как особый административно-территориальный институт власти, военно-народную систему управления горцами, сложившуюся на завершающем этапе Кавказской войны и сформировал новый порядок управления, основанный на гражданских законах России.

Согласно Указу «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского Края», подписанному императором Александром III 26 апреля 1883 г., власть в регионе была возложена на «главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, его помощника и Совет при главноначальствующем» [ПСЗРИ 1886: № 1521]. Данный указ был детализирован в «Учреждении управления Кавказского края» [Лисицына 2001: 287–319]. Одновременно с гражданской сферой управления, Дондукова-Корсакова назначили командующим войсками Кавказского военного округа.

Анализ схем управления в княжестве Болгарском и на Кавказе свидетельствует, что несмотря на то, что обе системы были созданы под руководством одного руководителя – Дондукова-Корсакова, они резко отличались друг от друга. Накопленный опыт в Болгарском княжестве оказался не востребован на Кавказе. Под давлением К.П. Победоносцева в правительстве стал преобладать принцип: «для россиян плохо все, что хорошо для Европы». В результате «ликвидации наместничества качество управления Кавказским регионом не улучшилось, а, наоборот, ухудшилось» [Кузьминов 2015: 169–171].

Следующий шаг милитаризации управления горскими народами был узаконен положением 21 марта 1888 г. «Об учреждении управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом». На его основании на Северном Кавказе произошли значительные изменения, касающиеся административных и территориальных аспектов. Управление народами Северного Кавказа было передано командующему войсками Кавказского военного округа, а в Кубанской и Терской областях – атаманам казачьих войск, которые в военном плане получали статус начальников дивизий, а в гражданском – генерал-губернаторов [ПСЗРИ 1885: № 5076].

Однако, при всей значимости законодательных источников, они страдали рядом недостатков, во-первых, этот вид источников не отражал подготовительный этап формулировки акта, когда шла борьба мнений и дискуссий, отражающих концептуальные приоритеты конкретных политиков. Во-вторых, совокупность нормативно-правовых документов, посвященных включению Кавказа в состав России, отражала интересы государства и дома Романовых, но не представителей коренного населения.

Второй из выделенных нами блоков источников – делопроизводственная документация – один из самых массовых видов исторических источников который отразил многогранную работу военно-чиновничьего аппарата на Кавказе по управлению регионом, организацию поездок представителей династии Романовых по Кавказу, реализацию здесь проектов правящего дома. Интересные сведения о посещении Кавказа императором в 1888 г. представлены в местном архиве УЦГА АС КБР<sub>0</sub> (Управление Центрального Государственного Архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики).

Особое место в массиве делопроизводственной документации занимают прошения, как частные, так и коллективные, подаваемые горцами местной администрации, в которых отражены наиболее значимые проблемы горцев. «Совместные обращения, – считает Д.М. Алхасова, – в то же время дают представления о мерах поощрения лояльных представительней имперской власти в среде

горских народов» [Алхасова 2023: 273–274]. Еще одной разновидностью коллективных прошений, являлись докладные записки, которые могли быть оформлены в форме прошений, как, например, обращение жителей аула Джемары о землепользовании от 27 февраля 1852 г. [Народы... 2005: 128].

Особый интерес вызывает переписка М.Н. Романова с А.И. Барятинским, представленная в монографическом исследовании В.М. Муханова [Муханов: 2007]. В своем письме великий князь Михаил Николаевич сообщает, что очень рад новому назначению в 1862 г. в качестве кавказского наместника и просит А.И. Барятинского «не отказывать в советах и позволить в затруднительные моменты обращаться» [Муханов 2007: 337]. В ответном письме А.И. Барятинский подчеркнул, что необходимо уважать местные обычаи народов Кавказа. Этот совет, по словам Михаила Николаевича, помнил все годы управления горцами, другое дело, насколько полно он его выполнял.

Согласно плану бывшего наместника, необходимо следовать некоторым правилам: вести военные действия против «непокорных» и для закрепления результатов побед усилить казачью колонизацию. Таким образом, Александр Барятинский в своем письме обозначил основные векторы дальнейшего «замирения» Кавказа. Но после завершения Кавказской войны, великий князь, в соответствии с рекомендациями Александра II, развернул на Кавказе бурную реформаторскую деятельность, способствующую слиянию региона с Россией.

Поездка Александра III с семьей на Кавказ в 1888 г. планировалась давно, так как здесь усиливались этнополитические противоречия. Политика русификации, обострение земельного вопроса, значительный приток переселенцев ухудшили ситуацию в крае, ослабили административный контроль за населением и после упразднения наместничества, требовали решений. Но из Петербурга «Эльбрус» не виден, отсюда решение императора на месте прояснить обстановку на Кавказе.

Император Александр III, как и его отец, и дед, считал важным и нужным познакомить детей с Родиной, особенно с Кавказом, как средоточием этнополитических проблем на Юге страны, разобраться в реальной ситуации, понять причины общественного недовольства, своим авторитетом успокоить массы. То есть, с одной стороны, это была «форма репрезентации власти и освоения символического пространства многонационального государства» [Прасолов 2022: 69], а, с другой, поездка носила инспекционный характер и была направлена на усиление контроля за беспокойным регионом. В поездке приняли участие его супруга императрица Мария Фёдоровна и дети – наследник престола Николай Александрович, будущий император Николай II и великий князь Георгий Александрович [Киреев 2011: 131].

Организацией поездки занимались министерства: внутренних дел, военное, двора, а также Главноначальствующий на Кавказе А.М. Дондуков-Корсаков, начальники областей, округов, участков и наибств. Начальник Терской области генерал-лейтенант А.М. Смекалов в июне 1888 г. обязал всех начальников округов «усилить наблюдение за всеми неблагонадежными, которые находились под надзором полиции» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 134. Л. 79, 79 об., 80]. Полицейский контроль был усилен по всему пути следования императора. В усло-

виях повышенной революционной активности в стране, эти меры безопасности были не лишними.

Не раскрывая точной даты прибытия императора, А.М. Дондуков-Корсаков сообщил начальникам областей и губерний о скором приезде Государя Императора и поставил важнейшую задачу для всех административных органов края – не допустить «эксцессов» на пути следования кортежа. «С целью установления порядка, тишины, спокойствия и благочиния во время поездки высших особ» он отправил специальные инструкции на места [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 130. Л. 79-80]. Новость о возможном посещении Кавказа императором Александром III в сентябре 1888 г. быстро распространилась по всем аулам и горским обществам.

Ко времени прибытия монарха во Владикавказ в горских округах были сформированы кавалерийские сотни, которые должны были принять участие в общем параде всех родов войск, расположенных в области. По традиции, зародившейся еще при Николае I, начальник Центра Кавказской линии представлял списки почетных депутатов для аудиенции с императором командующему Кавказской линии. Так и в конце 80-х гг. XIX в. все начальники округов Терской области также подготовили представили списочный состав депутатов от известных фамилий для встречи с семьей императора. Интересно, что все финансовые расходы по содержанию делегаций во Владикавказе легли не на бюджет страны, а на горцев. В Нальчикском округе было собрано с «каждого дыма» по 70 копеек на изготовление и подношение подарков «Их Величествам». В 51 ауле «всего было собрано 8815 руб. 80 коп.» [Бекулов, Бекулова 2020: 159–162], что покрывало расходы на проезд, проживание сотни всадников и почетных делегатов во Владикавказе, а также расходы на незначительные подарки, предназначенные для Свиты Его императорского Величества. Более значимые подарки делались от княжеских и уоркских родов.

Маршрут движения царского поезда был, конечно, «засекречен», но было известно, что в Ростове-на-Дону он простоят полчаса, в Минводах – полчаса, станции Прохладная – четверть часа, а во Владикавказе пробудет с 18 по 20 сентября. В соответствии с этим разрабатывались сценарии общения населения с монархом, став императивом деятельности всей местной администрации по пути его следования.

Представительство почетных делегаций от округов было не большим. Наиболее многочисленной была группа из Чечни – 30 человек. Это связано было с большей численностью здесь населения и размещением их в трех округах. В Кабарде и Балкарии выбрали 15 почетных людей: по 4 депутата от каждого из трех участков и трех от жителей Малой Кабарды несмотря на то, что она входила в соседний Сунженский отдел. От Осетии – 12 человек, ингушей, проживающих в Сунженском отделе – 8, от «кумык с аухавцами и салатовцами» – 9 депутатов [Бекулов, Бекулова 2020: 161].

С целью познакомить супругу Александра III императрицу Марию Федоровну с женским миром горцев, по приказанию А.М. Дондукова-Корсакова начальники округов Терской области пригласили в г. Владикавказ горянок из «кабардинских и кумыкских княжеских родов, а также из наиболее почетных



осетинских и ингушских фамилий, пользующихся влиянием и почетом в местном туземном населении для поднесения Ее Величеству изготавливаемых туземным населением женских изделий» [Потто 1889: 11–13].

Из Кабарды императрице были представлены княгиня Айшет Атажукина, Гуашахуж Анзорова, княгиня Жан Атажукина, Жилегуаша Анзорова. Из Балкарии – Даумхан Урусбиева [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 130. Л. 58].

Как позднее вспоминали жители Владикавказа, они никогда не видели свой город таким чистым, красивым, радостным. Перрон, куда подошел литерный царский поезд, был весь убран цветами. Государя встречали представители всех народов Терской области громогласным «Ура!». Лучший экипаж города повез монарха в дом начальника области, где ему были представлены высшие офицеры и генералы, служившие в крае.

На просторной площади, вблизи администрации начальника Терской области, царь с детьми встретился с казаками и горцами, которые предложили высоким гостям свои подарки. Особое впечатление произвел один экспонат – клинок шашки с древней надписью – его подарили цесаревичу Николаю Александровичу. Этот клинок имел свою уникальную историю. Согласно легенде, он принадлежал сподвижнику Петра I князю Александру Бековичу-Черкасскому, погибшему во время Хивинского похода в 1717 г. [Бекулов, Бекулова 2020: 12].

Ровно в 10 часов 19 сентября по приказу начальника Терской области генерала А.М. Смекалова начался парад. Колонну Терского сводного полка возглавил почетный караул с знаменем Кабардинского генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского полка. За ними шла сотня из Кабарды и Балкарии. По мнению В.А. Потто, «всадники может быть не выглядели роскошно, но опытный наблюдатель отмечал изящество и мастерство в седловке и обработке оружия. Эти наездники были настоящими аристократами Кавказа» [Потто 2012: 17].

Для сближения и общения с женщинами супруга монарха Мария Федоровна организовала праздник «дружбы» в честь почетных дам горской знати. Горянки пришли в «лучших национальных костюмах, одетых в бархатные спенсеры с золотыми крючками, талии подчеркивали золотые пояса, широкие рукава с золотой вышивкой, опускавшиеся почти до пола, произвели особое впечатление на императрицу» [Бекулов, Бекулова 2020: 13].

На аудиенции с императором 20 сентября от делегатов Кабарды и Балкарии выступил генерал Т.А. Шипшев, который поблагодарил царя за возможность общения с ним и предложил хлеб-соль на особом кабардинском столике, известном как «Гэнэ льякьюиц», весь покрытый серебром и золотом с надписью: «Государю Императору от верных кабардинских племен», на нем были перечислены все аулы Большой и Малой Кабарды [Бекулов, Бекулова 2020: 13]. Не оставил равнодушным Александра III еще один подарок из Нальчикского округа: два чистокровных коня кабардинской породы, оседланных великолепными черкесскими седлами с утонченной золотой отделкой и слоновой костью.

Богаты и оригинальны были и другие дары для царственных особ. Для императрицы кабардинская делегация преподнесла прекрасный костюм черкешенки из парчи, расшитой золотом, с короной. Цесаревичу Николаю Александровичу «подарена шашка с клинком, пояс с прибором и кинжальный клинок, кото-

рый, по преданию, был выкован в честь Искандера (Александра Македонского), и кремневый пистолет из фамильных реликвий князей Атажукиных. Семья урков Анзоровых поднесла наследнику русского престола старинный пистолет, изготовленный в XVIII в. По словам очевидцев, все оружие было украшено «серебром с золотыми узорами». От рода Куденетовых ему была вручена древняя булатная шашка, изготовленная специально для сражений с панцирниками. Балкарцы принесли царевичу Эльбрусский сыр, произведенный на заводе в Баксанском ущелье полковником Александром Урусбиевым» [Потто 1889: 47].

По устоявшейся в семье Романовых традиции, они посетили Тенгинскую церковь, где «состоялся молебен за здоровье царственных особ, затем пошли в военный госпиталь, где подробно расспрашивали больных и раненых о службе, причинах попадания в больницу, о жизни. По рекомендации командира дивизии, некоторым раненым император вручил боевые кресты и медали, а императрица – небольшие подарки» [Киреев 2011: 131].

Поздним вечером 20 сентября весь город провожал императора с семьей, который направился в Екатеринодар – столицу Кубанской области, но торжества во Владикавказе продолжались. 21 сентября представители Терского казачьего войска «устроили ужин в честь братьев-горцев и своих ветеранов, на котором присутствовало около 1400 человек» [Потто 1889: 51].

Делегаты от Кабарды и Балкарии также показали прекрасный образец гостеприимства, устроив торжественный обед в саду коммерческого клуба, посвященный генерал-лейтенанту А.М. Смекалову – начальнику Терской области. Выступающие с фужерами в руках, как от администрации области, так и от горцев особо подчеркивали, что все устали от столетнего противостояния, от конфликтов, набегов и войн, поднимали бокалы за мирную жизнь в крае. Эту идею прекрасно выразил В.А. Потто, который подчеркнул, что «посещение Кавказа Государем Императором выдвинуло наружу те затаённые стремления, которым, быть может, долго бы было суждено еще таиться под спудом» [Потто 1889: 63].

К третьей группе источников можно отнести материалы периодической печати, отражающие прямо или косвенно политику Романовых на Кавказе. Одной из старейших в крае была газета «Кавказ», первым редактором которой был О.И. Константинов, тепло и уважительно относившийся ко всем народам Кавказа. Его работа «Дорожник по пути следования Его Императорского Величества Государя Наследника по Закавказскому краю в 1850 г.» [Константинов 1850] вызвала интерес не только на Кавказе, но и в столичной прессе. По мнению редакции журнала «Современник», труд Константинова был составлен хорошо и мог принести большую пользу всем, кто собирался путешествовать по этому малоизвестному краю Российской империи [Чернышевский 1851: 45]. Для нас ценность «Дорожника» определяется тем, что автор детально расписал весь путь следования цесаревича и попутно привел исторические, статистические, этнографические сведения того времени о памятных местах Кавказа. Несмотря на смену редакторов, эта газета постоянно публиковала историко-этнографический материал о горских народах.

Одной из наиболее значимых публикаций в 1849 г. газеты Кавказ, по нашему мнению, стала объемная статья первого кабардинца-историка XIX в. Ш.Б.

Ногмова «О быте, нравах и обычаях древних атыхейских или черкесских племён» [Кавказ 1849, № 36–39]. Это были отрывки/презентации его будущей книги «История атыхейского народа», составленной на основе древних источников адыгского фольклора.

В газете «Кавказ» периодически выходили в свет материалы о военных конфликтах горцев и российских войск. В 1849 г. были опубликованы материалы: «Отчаянная защита» [Кавказ 1849: № 8], о нападении в 1843 г. на полковника И.И. Вильде черкесов [Кавказ 1849: № 26], Г. Держека «Разные известия с Кавказской линии» [Кавказ 1849: № 42] и другие. Трансляция материала в газете о жертвах войны взывала к гуманизму и поиску мирного решения конфликта. С другой стороны, эти и другие публикации в печати позволяли накапливать репрезентативные источники о народах Северного Кавказа.

Роль столичной печати в публикации материала о горских народах Кавказа детально осветила И.С. Тахушева. На десятках примеров она доказала значимость этих публикаций как прекрасных источников о жизни и быте горцев [Тахушева, Кузьминов 2018, 2020].

Среди источников личного происхождения выделим книгу воспоминаний политического деятеля конца XIX – начала XX в. С.Ю. Витте [Витте 2017], поскольку события, описываемые в мемуарах, охватывают время пребывания на Кавказе императоров Александра II и Александра III. Интересную характеристику он дает Александру III: «это был простой, скромный и тихий человек, с очень мягкими манерами» [Витте 2017: 375]. При этом, С.Ю. Витте добавляет, что «если бы императору Александру III суждено было продолжать царствовать еще столько лет, сколько он процарствовал, то царствование его было бы одно из самых великих царствований Российской империи» [Витте 2017: 375].

О роли кавказских наместников в жизни горцев Сергей Витте сообщает следующее: «Барятинский был, так сказать, кавказский человек, а Муравьев пришлый. Вообще «пришлые» наместники никогда не пользовались особой любовью на Кавказе» [Витте 2017: 23]. Однако назначение на этот пост М.Н. Романова, по мнению С.Ю. Витте, было воспринято горцами восторженно, так как, во-первых, он являлся «братом Государя», а значит появлялась возможность, в случае необходимости, обратиться к царю «на прямую», во-вторых, Михаил Николаевич всегда опирался на кавказских деятелей, т.е. на тех, кто сроднился с Кавказом [Витте 2017: 23].

В заключительной фазе Кавказской войны, когда исход военных действий был уже понятен обеим сторонам, в середине сентября 1861 г. Александр II приехал в Екатеринодар для осмотра военных укреплений и, возможно, мирного завершения военных действий в регионе. 15 сентября он прибыл в укрепление Хамкеты, конечной точке своего путешествия, где были сосредоточены войска Верхнеабдзехского отряда.

Здесь 18 сентября он встретился с представителями адыгского общества во главе с князем Хаджи Берзеком, предводителем убыхов. Признавая над собой верховную власть Российской империи, убыхи, абдзехи и другие народы просили царя сохранить суверенитет Западной Черкесии. Требовали положить конец

военным «экспедициям» вглубь Кавказа, остановить строительство на их землях дорог, станиц и крепостей [Бгажноков 1990: 150].

В своей речеи Александр II сказал, что он приехал сюда, в горы, не как враг, а как друг:

«Я хочу, чтобы ваши народы сохранились, чтобы они не бросали родных мест, чтобы они согласились жить с нами в мире и дружбе... Предлагаю дать ваше согласие на прокладку через ваши земли трех дорог к Черному морю: к Анапе, Новороссийску и Туапсе. Казна моя выплатит за это вознаграждение тем аулам, которым придется переселиться с территории, отведенной под эти дороги.

Вы должны признать подданство царя, это не лишит вас национальной самобытности: будете жить и управляться по своим адатам, сохраните неприкосновенность своей религии, никто не будет вмешиваться в ваши внутренние дела. Администрация и суд будут из ваших выборных людей... Я прошу вас понять неизбежность покорения русскими Кавказа и принять мои условия, при которых ваш народ сохранится и будет иметь возможность жить и развиваться. Если мои условия будут отвергнуты, я буду принужден приказать своим генералам закончить войну в ближайшие годы, несмотря ни на какие жертвы» [Бгажноков 1990: 147].

В ответном слове Хаджемуро-Хадже сказал, что «...пришло время, когда мы должны войти в одно из соседних государств... Нам ближе по религии Турция, но она не хочет оказать нам военной помощи... Русских много, нас – мало, силы неравные и нам не устоять... Мое мнение – принять предложение русско-го<sup>39</sup>царя, покориться судьбе, за это бог не осудит нас» [Бгажноков 1990: 151]. Молчание присутствующих было ответом на эту речь.<sup>2</sup>

После него выступил Глише Шуцезуко Цейко, который сказал: «...Русский царь нам обещает неприкосновенность наших адатов и нашей религии. Но разве это возможно? С окончанием нашей свободы окончится и наша самобытность. Мы должны продолжать борьбу. Бог не в силе, а в правде. Будем биться до конца» [Бгажноков 1990: 152]. Эти слова были поддержаны горцами.

Ответ Александра II в интерпретации С. Эсадзе был более категоричным: «Если абадзехи в месячный срок не переселятся за Кубань, где получают в вечное пользование хорошие земли, то пусть выселяются в Турцию, иначе они будут уничтожены» [Эсадзе 1914: 98].

Детали этой встречи в урочище МамрыкьуэкIэй – знаменитой священной роще, где происходили наиболее значимые народные собрания адыгов – Адыгэ Хасэ описал С. Сиюхов, а его рукопись под названием «Перед национальной катастрофой (Приезд царя Александра II к абадзехам)» опубликовал Б.Х. Бгажноков [Бгажноков 1990: 148].

Интересна история появления рукописи. Известный адыгский просветитель в 1914 г. записал рассказ одного из очевидцев встречи монарха с горцами – воспоминания его дяди по матери Магомчерия Магометовича Азаматова-Бгуашева, дополненный информацией других участников. Документ представляет собой красочное описание, в котором С. Сиюхов творчески осветил памятное событие, но которое, к сожалению, не привело к миру. В основе документа устные рассказы очевидцев, которые дополнены материалами дореволюционных исследователей В. Потто [Потто 1894] и С. Эсадзе.

Этот документ имеет особую важность, поскольку детализировал последнее ключевое событие Кавказской войны – диалог Александра II с представителями горских народов, которое могло привести к миру на Кавказе. Но надежды не оправдались.

Определенный интерес представляет книга воспоминаний младшего сына великого князя М.Н. Романова Александра Михайловича [Великий князь Александр Михайлович 1991], в которой освещена деятельность местных чиновников, природа, люди, жившие здесь веками. «Мы любили Кавказ и мечтали остаться навсегда в Тифлисе. Европейская Россия нас не интересовала... мы не могли насмотреться на высоких, загорелых горцев в серых, коричневых или же красных черкесках, верхом на чистокровных скакунах, с рукой на рукояти серебряных или золотых кинжалов, покрытых драгоценными камнями» [Великий князь Александр Михайлович 1991: 271]. Отрывок ярко освещает идеализированное отношение одного из членов императорской семьи к Кавказскому региону и ее жителям к горцам.

Проблема землевладения и землепользования остро стала в эпоху реформ на Северном Кавказе. Знаменитые альпийские пастбища, составлявшие значительную часть территории Кабарды и Балкарии, издревле принадлежавшие народу, не были юридически закреплены за ним. В ходе включения Кабарды в состав России, они были объявлены «запасными». Узнав о том, что министерство Государственных имуществ в начале 80-х гг. XIX в. «обнаружило стремление обратить в казну все земли на Кавказе, которые не получили определенного назначения» [Кудашев 1991: 147], представители кабардинского народа поставили вопрос о возвращении им альпийских лугов, игравших огромную роль в их хозяйстве.

История этого вопроса уходит в 30-е гг. XIX в., когда во время путешествия Николая I по Кавказу, в 1837 г. «кабардинская депутация обратилась с просьбой о закреплении за ними предгорных и горных пастбищных земель» [Глашева 2023а: 55]. Длительное разбирательство прошения о «землях между Этокой и Золкой» оказалось безрезультатным [Территория 1992: 53–56].

По совету А.М. Дондукова-Корсакова, переданного через начальника Терской области, доверенные сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ подали прошение через начальников округа и области на Высочайшее имя, воспользовавшись редким посещением Кавказа императором Александром III осенью 1888 г. Они просили об окончательном закреплении за кабардинцами, на праве собственности, запасных пастбищных земель и лесов [Кудашев 1991: 148].

Не смотря на возражения ряда чиновников, Александр III его утвердил 21 мая 1889 г., но с оговоркой «до тех пор, пока население будет вести себя, как приличествует верноподданым его императорского величества, состоящие ныне в общем пользовании этого населения запасные пастбищные земли и леса, всего в количестве 315 383 десятины, остаются в постоянном и неотъемлемом его пользовании» [Кудашев 1991: 149].

Народы округа восприняли решение царя как долгожданное возвращение альпийских пастбищ. Эта дата стала праздничным днем в Кабарде и Балкарии и

в память об этом событии ежегодно вблизи слободы Нальчик устраивались «Народные скачки». Аналогичные «Народные скачки» проводились также по случаю коронации в 1883 г. Александра III и в 1896 г. – Николая II. Тем самым у кабардинцев укоренялись элементы имперской праздничной культуры [Прасолов 2016: 52–61], соединявшиеся, в данном случае, со скачками.

В 1889 г. в Нальчике народные депутаты от Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ разработали порядок распределения Зольских и Нагорных пастбищ, по которому земельные участки определенной площади отводили на каждый двор по поголовью овец и лошадей, а численность скота, выгоняемого в горы на выпас, была значительна. По данным Д.Н. Прасолова, в 1888 г. только «на Зольских пастбищах находились 51 тысяча голов лошадей, 172 500 голов рогатого скота и более 557 тысяч баранов» [Прасолов 2021: 83–90]. Крестьяне, не имевшие скота, лишались права получения пастбищ. Сложившийся порядок отвечал интересам крупных скотоводов, что и привело в 1913 г. к массовым выступлениям крестьян.

В памяти народа осталось теплое воспоминание о посещении Александра III Кавказского края. Чтобы придать этому мероприятию политическую значимость, было решено построенное на общественные средства первое среднее учебное заведение посвятить императору Александру III – «Кабардино-Горское императора Александра III реальное училище» [Кузьминов и др. 2022: 846–847].

Таким образом, изучение различных видов источников о влиянии династии Романовых на народы Кавказа свидетельствует о многогранности этого воздействия. Изучение законодательных актов того времени позволяет нам понять официальный курс правительства по отношению к народам Кавказа. Анализ делопроизводственных документов, включая доклады, записки, отчеты, прошения, дал детальное представление о действиях семьи Романовых на Кавказе. Документы личного происхождения современников Александра III раскрывают эмоциональные аспекты визитов, а также личные взгляды на происходящие события в регионе. Эти источники позволили выявить человеческий контекст их встреч с местным населением.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2021 – *Абазов А.Х.* Отчеты губернаторов Закавказского края как источники по изучению специфики регионального управления (40-е – 50-е гг. XIX в.) // Новое прошлое. – 2021. – № 1. – С. 22–33. – DOI: 10.18522/2500-3224-2021-1-22–33.

Абазов 2022а – *Абазов А.Х.* Делопроизводственная практика Моздокского верхнего пограничного суда во взаимодействии с Главнокомандующим войсками на Кавказской линии (1793–1822) // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 2. – С. 41–47. – DOI: 10.18522/2072-0181-2022-110-41-47.

Абазов 2022б – *Абазов А.Х.* Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда (1871–1918): делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 239–255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-239-255. – EDN: AJLPQY.

Абазов 2023 – *Абазов А.Х.* Учреждения локального судебно-административного контроля на Северном Кавказе в последней трети XVIII – начале XIX веков: нормативно-правовое и документальное обеспечение деятельности // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 9. – С. 321 – 338. – DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-321-338.

Алхасова 2023 – *Алхасова Д.М.* Делопроизводственная документация управлений частями Кавказской линии в 30-50-х гг. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 265-281. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-265-281. – EDN: MSSRLY.

Бгажноков 1990 – *Бгажноков Б.Х., Суюхов С.* о встрече Александра II с абадзехами // Мир культуры. – Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1990. – С. 150.

Бекулов, Бекулова 2020 – *Бекулов Х.М., Бекулова И.Б.* Поездка Александра III на Кавказ как новая веха интеграции горских народов в составе Российской Империи // Российский электронный научный журнал. – 2020. – № 4. – С. 159–185. – DOI: 10.31563/2308-9644-2020-38-4-159-185.

Блиев 1976 – *Блиев М.М.* Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов. – Т. 1. – 1742–1762 гг. – Орджоникидзе: Ир, 1976. – 512 с.

Блиев 1984 – *Блиев М.М.* Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов. – Т. 2. – 1764-1784 гг. – Орджоникидзе: Ир, 1984. – 456 с.

Блиева 2005 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. – Владикавказ: СОГУ, 2005. – 358 с.

Бобровников 2023 – *Бобровников В.О.* Кавказский адат в российской науке и политике XVIII-XXI вв.: источники, практики, подходы // Народы Кавказа в XVIII-XXI вв.: история, политика, культура: материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12-13 октября 2023 г.) / Отв. Ред. академик Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2023. С. 29–37.

Букалова 1957 – *Букалова В.М.* Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР. – Т. 2: XVIII в. 1957. – 424 с.

Великий князь Александр Михайлович 1991 – *Великий князь Александр Михайлович.* Книга воспоминаний. – Москва: Современник, 1991. – 271 с.

Витте 2017 – *Витте С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – Москва: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. – 1247 с.

Гаджиев 1988 – *Гаджиев В.Г.* Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. док-ов. – Москва: Наука, 1988. – 357 с.

Гапуров, Бугаев 2020 – *Гапуров Ш.А., Бугаев А.М.* Основные этапы становления национальной государственности народов Северного Кавказа: проблемы источниковедения и историографии (поиски, решения, задачи) // Национально-государственные преобразования на Кавказе: опыт прошлого и современные тенденции. Материалы VII Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12-13 ноября 2020 г.) / Отв. Ред. академик Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. – С. 8–17.

Глашева 2023а – *Глашева З.Ж.* Документы к истории Высочайшего пожалования земель по Золке и Этоке (1839 г.) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2023. – № 3 (113). – С. 55-67. – DOI: 10.35330/1991-6639-2023-3-113-55-67. – EDN: ENAUFQ.

Глашева 2023б – *Глашева З.Ж.* О встрече Николая I с местными жителями во время поездки на Кавказ (1837) в документах и трудах дореволюционных авторов // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 156-173. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-156-173. – EDN: JUDAAD.

Демидова и др. 1957 – *Демидова Н.Ф., Кушева Е.Н., Персов А.М.* – Москва: Изд-во Акад. наук СССР. – Т. 1: XVI-XVII вв. – 1957. – 478 с.

Журтова, Максимчик 2017 – *Журтова А.А., Максимчик А.Н.* Историография российско-кавказских отношений в XVI–XIX вв.: два подхода к осмыслению проблемы. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – 440 с.

Журтова 2023 – *Журтова А.А.* Теоретико-методологические основы исследования делопроизводственных материалов по проблемам кавказоведения // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 237-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-237-260. – EDN: IZHQPUI.

Захарова, Тютюнник 1999 – *Захарова Л.Г., Тютюнник Л.И.* Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1999. – 184 с.

Ибрагимова 2014 – *Ибрагимова З.* Российские императоры и кавказские горцы – диалоги и сотрудничество // Научное Общество Кавказоведов. – Режим доступа: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/03/31/rossijskie-imperatory-i-kavkazskie-gorcy-dialogi-i-sotrudnichestvo.html> (дата обращения: 30.08.2023).

Кавказ 1849 – *Кавказ.* Газета политическая и литературная. – Тифлис, 1849. – № 8.

Кавказ 1849 – *Кавказ.* Газета политическая и литературная. – Тифлис, 1849. – № 36-39.

Кавказ 1849 – *Кавказ.* Газета политическая и литературная. – Тифлис, 1849. – № 42.

Кавказ и Российская империя 2005 – *Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность.* Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – 720 с.

Кешева 2011 – *Кешева З.М.* Документы по истории адыгов 20–50-х годов XIX в. (по материалам УЦГА АС КБР). – Нальчик: Изд-кий отдел КБИГИ, 2011. – 201 с.

Киреев 2011 – *Киреев Ф.* Самодержцы во Владикавказе // Родина. – 2011. – № 8. – С. 130-131.

Кобахидзе 2012 – *Кобахидзе Е.И.* Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии). Сб. док-ов. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

Кобахидзе 2014 – *Кобахидзе Е.И.* Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. – 225 с.

Константинов 1850 – *Константинов О.И.* Дорожник по пути следования Его Императорского высочества, Государя Наследника, по Закавказскому краю, в 1850 году, с краткими описаниями этнографическими, статистическими и историческими. – Тифлис: Тип. Канцелярии наместника Кавказа, 1850. – 72 с.

Кудашев 1991 – *Кудашев В. Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 188 с.

Кузьминов 2013 – *Кузьминов П.А.* Юридическое регулирование земельных отношений в Кабарде и на Северо-Западном Кавказе // Памятники права черкесов (адыгов). – Ростов-на Дону: Альтаир, 2013. – Т. 5. – С. 43–333.

Кузьминов 2015 – *Кузьминов П.А.* Роль А.М. Дондукова-Корсакова в организации гражданского управления в княжестве Болгария и Кавказском наместничестве в конце 70 – начале 80-х гг. XIX в. // Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII–XX вв.: материалы международной конференции (Ставрополь 26–29 июня 2014 г.) / Отв. ред. И.В. Крючков, К.В. Никифоров, Ф. Савои. – Ставрополь: СКФУ, 2015. – С. 169–171.

Кузьминов и др. 2022 – *Кузьминов П.А., Апажева С.С., Журтова А.А.* «Воздвигнут храм наук»: к истории создания реального училища в Нальчикском округе. // Былые годы. – 2022. – № 17 (2). – С. 846 844–852 847. – DOI 10.13187/bg.2022.2.844. – EDN VLOPFC.

Кузьминов и др. 2022 – *Кузьминов П.А., Журтова А.А., Почешихов Н.А., Шхачемуков Р.М.* Концептуальные построения Э.А. Шеуджен и их презентация в научной периодике (памяти ученого-кавказоведа) // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 4 (112). – С. 187–195. – DOI 10.18522/2072-0181-2022-112-187-195. – EDN EFXQGG.

Лисицына 2001 – *Лисицына Г.Г.* К истории высшего гражданского управления Кавказского края // Россия и Кавказ сквозь два столетия: Исторические чтения. – СПб., 2001. – С. 287–319.

Матвеев 2023 – *Матвеев О.В.* Романовы и российская государственность XVII – XIX вв. в народных исторических представлениях. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. – 135 с.

Мудрова 2013 – *Мудрова Н.П.* Фольклорные источники адыгов о человеке и природе // Вопросы теории и методологии истории. Сб. ст. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2013. – Вып. 9. – С. 70–73.



Мудрова 2015 – *Мудрова Н.П.* Деятельность Кавказского отдела русского географического общества по созданию корпуса устных источников (1851 – 1917 гг.): Автореферат на соиск. уч. ст. кин. – Майкоп, 2015. – 34 с.

Муханов 2007 – *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. – Москва: Центрполиграф, 2007. – 429 с.

Об упразднении Кавказского комитета 1882 – *Об упразднении Кавказского комитета от ноября 29-го 1882 г.* // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – СПб., 1882. Собр. III. Т. II. № 637.

ОР ГПБ. Ф. 379. Д. 261. Л. 1. – *Отдел рукописей государственной публичной библиотеки им М.Е. Салтыкова-Щедрина.*

ОР ГПБ. Ф. 379. Д. 261. Л. 2. – *Отдел рукописей государственной публичной библиотеки им М.Е. Салтыкова-Щедрина.*

Потто 1894 – *Потто В.* История 44-го драгунского его императорского высочества государя наследника цесаревича полка. В 11 Т. СПб., 1894. – Т. 8. – 212 с.

Потто 2012 – *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе: 18 сентября – 14 октября 1888 года. Репринтное издание 1889 г. – СПб.: Альфарет, 2012. – 238 с.

Почешхов 2011 – *Почешхов Н.А.* Гражданская война на юге России: источники личного происхождения // Вопросы теории и методологии истории. Сб. науч. тр. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2011. – Вып. 8. – С. 100–109. – EDN: STPXNV.

Почешхов, Хотко 2022 – *Почешхов Н.А., Хотко С.Х.* Эмилия Аюбовна Шеуджен (1937–2021) – основатель исторической школы в Республике Адыгея // Наследие веков. – 2022. – № 3. – С. 147–152. DOI: 10.36343. В.2022.31.3.011.

Прасолов 2014 – *Прасолов Д.Н.* Романовы и проблемы интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство Российской империи // Вопросы истории. – 2014. – № 9. – С. 123–127.

Прасолов 2016 – *Прасолов Д.Н.* Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 3 (52). – С. 52–61. – EDN: WIDAQP.

Прасолов 2021 – *Прасолов Д.Н.* «Высочайшее пожалование» Александра III от 21 мая 1889 г. в общественной жизни кабардинцев и балкарцев // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2021. – № 1 (48). – С. 83–90. – DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-83-90. – EDN: SENQZJ.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.И.* Закавказский край в царских путешествиях: от Александра II до Николая II // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 69–86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-69-86. – EDN: CQXOPD.

ПСЗРИ 1862 – *Полное собрание законов Российской империи.* СПб., Собр. II. Т. XXXVII. № 38256.

ПСЗРИ 1885 – *Полное собрание законов Российской Империи.* СПб., 1885. Собр. III. Т. VIII. № 5076. – Режим доступа: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/show\\_page.php?page=97&root=3/8/](https://nlr.ru/e-res/law_r/show_page.php?page=97&root=3/8/). (дата обращения: 18.01.24).

ПСЗРИ 1886 – *Полное собрание законов Российской Империи.* СПб., 1886. Собр. III. Т. III. № 1521. – Режим доступа: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/show\\_page.php?page=187&root=3/3/](https://nlr.ru/e-res/law_r/show_page.php?page=187&root=3/3/). (дата обращения: 10.12.2023).

Сивер 2012 – *Сивер А.В.* Материалы по истории западных черкесов (архивные документы 1793–1914 гг.). – Нальчик: Изд-кий отдел КБИГИ, 2012. – 158 с.

Судаевцов 2013 – *Судаевцов Н.Д.* Романовы на Кавказе: к 400-летию дома Романовых // Культура и общество: история и современность: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. – Ставрополь, 2013. – С. 14–22.

Территория 1992 – *Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков.* / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик: Изд-во «Нарт», 1992. – 271 с.

Трепавлов 2015 – *Трепавлов В.В.* Царские путешествия по этническим регионам России // Вопросы истории. – 2015. – № 2. С. 85–97.

Федосеева 2013 – *Федосеева Л.Д.* Военно-топографические описания как вид историографических источников // Вопросы теории и методологии истории. Сб. ст. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2013. – Вып. 9. – С. 82–86.

Хамицаева 2008 – *Хамицаева А.А.* Осетия в кавказской политике Российской империи. Сб. док-ов. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 334 с.

УЦГА АС КБР – *Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.*

Черкесы и др. 1996 – *Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II.* В 4 т. – Нальчик: Изд-кий центр «Эль-Фа», 1996. – Т. 1. – 1763–1774 гг. – 460 с.

Черкесы и др. 1998 – *Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II.* В 4 т. – Нальчик: Изд-кий центр «Эль-Фа», 1998. – Т. 2. – 1775–1780 гг. – 506 с.

Черкесы и др. 2000 – *Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II.* В 4 т. – Нальчик: Изд-кий центр «Эль-Фа», 2000. – Т. 3. – 1781–1786 гг. – 330 с.

Черкесы и др. 2004 – *Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II.* В 4 т. – Нальчик: Изд-кий центр «Эль-Фа», 2004. – Т. 4. – 1787–1791 гг. – 447 с.

Чернышевский 1851 – *Чернышевский Н.Г.* Дорожник Закавказского края О.И. Константинова // Современник. – 1851. – Т. 25. – № 1. – С. 45.

Шеуджен 2009 – *Шеуджен Э.А.* Студенческие исследовательские проекты по проблемам истории. Научно-методическое обеспечение. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – 26 с.

Шхачемуков 2011 – *Шхачемуков Р.М.* Тематические сборники исторических документов: место в формировании источниковой базы // Вопросы теории и методологии истории. Сб. науч. тр. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2011. – Вып. 8. – С. 114–119.

Эсадзе 1914 – *Эсадзе С.С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. – Тифлис, 1914. – 182 с.

Якубова 2011 – *Якубова И.И.* Российско-северокавказские отношения в XVIII веке. Сб. док-ов. В 2 т. – Нальчик: Изд-кий отдел КБИГИ, 2011. – Т. 1. – 195 с.

Якубова 2013 – *Якубова И.И.* Российско-северокавказские отношения в XVIII веке. Сб. док-ов. В 2 т. – Нальчик: Изд-кий отдел КБИГИ, 2013. – Т. 2. – 192 с.

## REFERENCES

ABAZOV A.Kh. *Deloproizvodstvennaya praktika Mozdokskogo verhnego pogranichnogo suda vo vzaimodejstvii s Glavnokomanduyushchim vojskami na Kavkazskoj linii (1793–1822)* [Clerical practice of the Mozdok Upper Border Court in cooperation with the Commander-in-Chief of the troops on the Caucasian Line (1793-1822)]. IN: Scientific thought of Caucasus. – 2022. – № 2. – P. 41–47. – DOI: 10.18522/2072-0181-2022-110-41-47. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Dokumentirovanie deyatel'nosti Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo suda (1871-1918): deloproizvodstvo i obespechenie vneshnej kommunikacii* [The records creation of the Nalchik mountain court: paperwork and provision of external communication]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 239-255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-239-255. – EDN: AJLPQY. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Otchety gubernatorov Zakavkazskogo kraja kak istochniki po izucheniyu specifiki regional'nogo upravleniya (40-e – 50-e gg. XIX v.)* [Reports of the governors of the Transcaucasian Territory as sources for studying the specifics of regional governance (40s – 50s of the XIX century)]. IN: The New Past. – 2021. – № 1. – P. 22–33. – DOI 10.18522/2500-3224-2021-1-22–33. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Uchrezhdeniya lokal'nogo sudebno-administrativnogo kontrolya na Severnom Kavkaze v poslednej treti XVIII – nachale XIX vekov: normativno-pravovoe i dokumental'noe obespechenie deyatel'nosti* [Institutions of Local Judicial-Administrative Control in North Caucasus in Late 18th - Early 19th Century: Regulatory and Documentary Support for Ac-

tivities]. IN: Nauchnyi dialog. – 2023. – vol. 12. – № 9. – P. 321–338. – DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-321-338. (In Russ.).

ALHASOVA D.M. *Deloproizvodstvennaya dokumentaciya upravlenij chastyami Kavkazskoj linii v 30-50-h gg. XIX v* [Clerical documentation of the departments of parts of the Caucasian line in the 30-50s of the XIX century]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 265-281. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-265-281. – EDN: MSSRLY. (In Russ.).

BGAZHNOKOV B.H., SIYUHOV S. *O vstreche Aleksandra II s abadzekhami* [About Alexander II's meeting with the Abadzehs]. IN: Mir kultury. – Nal'chik: Izd-vo «El'brus», 1990. – P. 150. (In Russ.).

BEKULOV H.M., BEKULOVA I.B. *Poezdka Aleksandra III na Kavkaz kak novaya vekha integracii gorskih narodov v sostave Rossijskoj Imperii* [Alexander III's trip to the Caucasus as a new milestone in the integration of the mountain peoples within the Russian Empire]. IN: Rossijskij elektronnyj nauchnyj zhurnal. – 2020. – № 4. – P. 159–185. – DOI: 10.31563/2308-9644-2020-38-4-159-185. (In Russ.).

BLIEV M.M. *Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov* [Russian-Ossetian relations in XVIII v. Collection of documents]. – Vol. 1. – 1742–1762 gg. – Ordzhonikidze: Ir, 1976. – 512 p. (In Russ.).

BLIEV M.M. *Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov*. [Russian-Ossetian relations in XVIII v. Collection of documents]. – Vol. 2. – 1764-1784 gg. – Ordzhonikidze: Ir, 1984. – 456 p. (In Russ.).

BLIEVA Z.M. *Rossijskij byurokraticeskij apparat i narody Central'nogo Kavkaza v konce XVIII – 80-e gg. XIX v* [The Russian bureaucracy and the peoples of the Central Caucasus at the end of the XVIII – 80s of the XIX century]. – Vladikavkaz: SOGU, 2005. – 358 p. (In Russ.).

BOBROVNIKOV V.O. *Kavkazskij adat v rossijskoj nauke i politike XVIII–XXI vv.: istochniki, praktiki, podhody* [Caucasian Adat in Russian Science and Politics of the XXII–XX centuries: sources, practices, approaches]. IN: Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kul'tura: materialy X Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YUNC RAN, 2023. – P. 29–37. (In Russ.).

BUKALOVA V.M. *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy*. [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries]. – Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR. – Vol. 2: XVIII v. –1957. – 424 p. (In Russ.).

VELIKIJ KNJAZ' ALEKSANDR MIHAJLOVICH. *Kniga vospominanij* [A book of memories]. – Moskva: Sovremennik, 1991. – 271 p. (In Russ.).

VITTE S.JU. *Vospominanija* [Memories]. – Moskva: «Izdatel'stvo AL"FA-KNIGA», 2017. – 1247 p. (In Russ.).

GADZHIEV V.G. *Russko-dagestanskie otnosheniya v XVIII – nachale XIX v. Sb. dok-ov* [Russian-Dagestan relations in the XVIII – early XIX centuries]. – Moskva: Nauka, 1988. – 357 p. (In Russ.).

GAPUROV SH.A., BUGAEV A.M. *Osnovnye etapy stanovleniya nacional'noj gosudarstvennosti narodov Severnogo Kavkaza: problemy istochnikovedeniya i istoriografii (poiski, resheniya, zadachi)* [The main stages of the formation of the national statehood of the peoples of the North Caucasus: problems of source studies and historiography (searches, solutions, tasks)]. IN: Nacional'no-gosudarstvennye preobrazovaniya na Kavkaze: opyt proshlogo i sovremennye tendencii. Materialy VII Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov (g. Rostov-na-Donu, 12-13 noyabrya 2020 g.) / Edited by G.G. Matishov. Rostov-na-Donu: Izd-vo YUNC RAN, 2020. – P. 8–17. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Dokumenty k istorii Vysochajshego pozhalovaniya zemel' po Zolke i Etoke (1839 g.)* [Documents on the history of the Highest Land Grant for Gold and Silver (1839)]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2023. – № 3. – P. 55-67. – DOI: 10.35330/1991-6639-2023-3-113-55-67. – EDN: ENAUFQ. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *O vstrechi Nikolaya I s mestnymi zhitelyami vo vremya poezdki na Kavkaz (1837) v dokumentah i trudah dorevolucionnyh avtorov* [About the meeting of Nicholas I with local residents during a trip to the Caucasus (1837) in documents and writings of pre-

revolutionary authors]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 156-173. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-156-173. – EDN: JUDAAD. (In Russ.).

DEMIDOVA N.F., KUSHEVA E.N., PERSOV A.M. *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy* [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries. Documents and materials]. – Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR. – Vol. 1: XVI–XVII vv. –1957. – 478 p. (In Russ.).

ZHURTOVA A.A., MAKSIMCHIK A.N. *Istoriografiya rossijsko-kavkazskih otnoshenij v XVI–XIX vv.: dva podhoda k osmysleniyu problemy* [Historiography of Russian-Caucasian relations in the XVI–XIX centuries: two approaches to understanding the problem]. – Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN, 2017. – 440 p. (In Russ.).

ZHURTOVA A.A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya deloproizvodstvennykh materialov po problemam kavkazovedeniya [Theoretical and methodological foundations of the study of clerical materials on the problems of Caucasian studies]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 237-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-237-260. EDN: IZHQPU. (In Russ.).

ZAHAROVA L.G., TYUTYUNNIK L.I. *Venchanie s Rossiej. Perepiska velikogo knyazya Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I. 1837 god* [The glans with Russia. Correspondence of Grand Duke Alexander Nikolaevich with Emperor Nicholas I. 1837 year]. – Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1999. – 184 p. (In Russ.).

IBRAGIMOVA Z. *Rossijskie imperatory i kavkazskie gorcy – dialogi i sotrudnichestvo* [Russian Emperors and Caucasian Mountaineers – dialogues and cooperation]. IN: Nauchnoe Obshchestvo Kavkazovedov. URL: [http:// www. kavkazoved.info/news/2014/03/31/rossijskie-imperatory-i-kavkazskie-gorcy-dialogi-i-sotrudnichestvo.html](http://www.kavkazoved.info/news/2014/03/31/rossijskie-imperatory-i-kavkazskie-gorcy-dialogi-i-sotrudnichestvo.html). (access date: 30.08.2023). (In Russ.).

*Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya* [Kavkaz. A political and literary newspaper] – Tiflis, 1849. – № 8. – P. 29. (In Russ.).

*Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya* [Kavkaz. A political and literary newspaper] – Tiflis, 1849. – № 36-39. (In Russ.).

*Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya* [Kavkaz. A political and literary newspaper] – Tiflis, 1849. – № 42. – P. 165. (In Russ.).

*Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – Nachalo XX vv.* [The Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. Early XIX – early XX centuries]. – SPb.: Izd-vo zhurnala «Zvezda», 2005. – 720 p. (In Russ.).

KESHEVA Z.M. *Dokumenty po istorii adygov 20–50-h godov XIX v. (po materialam CGA KBR)*. – [Documents on the history of the Adygs of the 20-50s of the XIX century]. – Nal'chik: Izd-kij otdel KBIGI, 2011. – 201 p. (In Russ.).

KIREEV F. *Samoderzhcy vo Vladikavkaze* [The autocrats in Vladikavkaz]. IN: Rodina. – 2011. – № 8. – P. 130-131. (In Russ.).

KOBAHIDZE E.I. *Administrativnaya praktika Rossijskoj imperii na Central'nom Kavkaze s konca XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii). Sbornik dokumentov* [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the end of the XVIII century to 1870]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 399 p. (In Russ.).

KOBAHIDZE E.I. *Mezhdru centralizmom i regionalizmom: administrativnye preobrazovaniya na Central'nom Kavkaze v 70-h gg. XIX – nachale XX v* [Between centralism and regionalism: administrative transformations in the Central Caucasus in the 70s of the XIX - early XX century]. – Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNC RAN i RSO-A, 2014. – 225 p. (In Russ.).

KONSTANTINOV O.I. *Dorozhnik po puti sledovaniya Ego Imperatorskogo vysochestva, Gosudarya Naslednika, po Zakavkazskomu krayu, v 1850 godu, s kratkimi opisaniyami etnograficheskimi, statisticheskimi i istoricheskimi* [A road worker on the route of His Imperial Highness, the Sovereign Heir, through the Transcaucasian region, in 1850, with brief ethnographic, statistical and historical descriptions]. –Tiflis: Tip. Kancelyarii namestnika Kavkaz, 1850. – 72 p. (In Russ.).

KUDASHEV V. N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 188 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Yuridicheskoe regulirovanie zemel'nyh otnoshenij v Kabarde i na Severo-Zapadnom Kavkaze* [Legal regulation of land relations in Kabarda and the North-West Caucasus]. IN: Pamyatniki prava cherkesov (adygov) – Rostov-na Donu: Al'tair, 2013. – Vol. 5. – P. 43–333. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Rol' A.M. Dondukova-Korsakova v organizacii grazhdanskogo upravleniya v knyazhestve Bolgariya i Kavkazskom namestnichestve v konce 70 – nachale 80-h gg. XIX v.* [The role of A.M. Dondukov-Korsakov in the organization of civil administration in the Principality of Bulgaria and the Caucasian Viceroyalty in the late 70s and early 80s of the XIX century]. IN: Kavkaz-Karpaty-Balkany: geopoliticheskie, etnokonfessional'nye, regional'nye i lokal'nye komponenty nacional'nogo mentaliteta v XVIII–XX vv.: materialy mezhdunarodnoj konferencii (Stavropol' 26–29 iyunya 2014 g.) / Edited by I.V. Kryuchkov, K.V. Nikiforov, F. Savoi. – Stavropol': SKFU, 2015. – P. 169–171. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A., APAZHEVA S.S., ZHURTOVA A.A. «*Vozdvignut hram nauk*»: k istorii sozdaniya real'nogo uchilishcha v Nal'chikskom okruge [The Temple of Sciences has been erected": on the history of the creation of a real school in the Nalchik district]. IN: Bylye gody. – 2022. – № 17 (2). – P. 844–852. – DOI 10.13187/bg.2022.2.844. – EDN VLOPFC. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A., ZHURTOVA A.A., POCHESHKHOV N.A., SHKHACHEMUKOV R.M. *Konceptual'nye postroeniya E.A. Sheudzhen i ih prezentaciya v nauchnoj periodike (pamyati uchenogo-kavkazoveda)* [E.A. Sheudzhen's conceptual constructions and their presentation in scientific periodicals (in memory of the Kavkaz scientist)]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2022. – № 4. – P. 187–195. – DOI 10.18522/2072-0181-2022-112-187-195. – EDN EFFXQG. (In Russ.).

LISICYNA G.G. *K istorii vysshego grazhdanskogo upravleniya Kavkazskogo kraja* [On the History of the Supreme Civil Administration of the Caucasus Region]. IN: Rossiya i Kavkaz skvoz' dva stoletiya: Istoricheskie chteniya. – SPb., 2001. – P. 287–319. (In Russ.).

MATVEEV O.V. *Romanovy i rossijskaya gosudarstvennost' XVII – XIX vv. v narodnyh istoricheskikh predstavleniyah* [The Romanovs and Russian statehood of the XVII – XIX centuries in folk historical representations]. – Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, – 2023. – 135 p. (In Russ.).

MUDROVA N.P. *Fol'klornye istochniki adygov o cheloveke i prirode* [Folklore sources of the Adygs about man and nature]. IN: Voprosy teorii i metodologii istorii. Sb. st. – Majkop: Izd-vo AGU, 2013. – Iss. 9. – P. 70–73. (In Russ.).

MUDROVA N.P. *Deyatel'nost' Kavkazskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva po sozdaniyu korpusa ustnyh istochnikov (1851 – 1917 gg.): Avtoreferat na soisk. uch. st. kin* [The activities of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society on the creation of a corpus of oral sources (1851-1917)]. – Majkop, 2015. – 34 p. (In Russ.).

MUHANOV V.M. *Pokoritel' Kavkaza knyaz' A. I. Baryatinskij* [Conqueror of the Caucasus A.I. Baryatinsky]. – Moskva: Centrpoligraf, 2007. – 429 p. (In Russ.).

*Ob uprazhnenii Kavkazskogo komiteta ot Noyabrya 29-go 1882 g* [On the abolition of the Caucasian Committee on November 29, 1882]. IN: Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). – SPb., 1882. Sobr. III. Vol. II. № 637. (In Russ.).

OR GPB. F. 379. D. 261. L. 1. – *Otdel rukopisej gosudarstvennoj publichnoj biblioteki im M.E. Saltykova-SHCHedrina*. (In Russ.).

OR GPB. F. 379. D. 261. L. 2. – *Otdel rukopisej gosudarstvennoj publichnoj biblioteki im M.E. Saltykova-SHCHedrina*. (In Russ.).

POTTO V. A. *Istoriya 44-go dragunskogo ego imperatorskogo vysochestva gosudarya naslednika cesarevicha polka* [The history of the 44th Dragoons of His Imperial Highness the Sovereign, the heir to the Tsarevich, regiment]. V 11 Vol. SPb., 1894. Vol. 8. – 212 p. (In Russ.).

POTTO V.A. *Carskaya sem'ya na Kavkaze: 18 sentyabrya – 14 oktyabrya 1888 goda* [The royal family in the Caucasus: September 18 – October 14, 1888]. Reprintnoe izdanie 1889 g. – SPb.: Al'faret, 2012. – 238 p. (In Russ.).

POCHESHKHOV N.A. *Grazhdanskaya vojna na yuge Rossii: istochniki lichnogo proiskhozhdeniya* [Civil war in southern Russia: sources of personal origin]. IN: *Voprosy teorii i metodologii istorii*. Sb. nauch. tr. – Majkop: Izd-vo AGU, 2011. Iss. 8. – P. 100–109. (In Russ.). – EDN: STPXNV.

POCHESHKHOV N.A., HOTKO S.H. *Emiliya Ayubovna SHEudzhen (1937-2021) – osnovatel' istoricheskoy shkoly v Respublike Adygeya* [Emilia Ayubovna Sheudzhen (1937-2021) – founder of the historical school in the Republic of Adygea]. IN: *Nasledie vekov*. – 2022. – № 3. – P. 147–152. DOI: 10.36343. V.2022.31.3.011. (In Russ.).

*Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire] – SPb., 1886. Sobr. II. Vol. XXXVII. № 38256. URL: [https://nlr.ru/eres/law\\_r/show\\_page.php?page=406&root=2/37/1/](https://nlr.ru/eres/law_r/show_page.php?page=406&root=2/37/1/). (access date: 10.12.2023). (In Russ.).

*Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire] – SPb., 1886. Sobr. III. Vol.III. № 1521. URL: [https://nlr.ru/eres/law\\_r/show\\_page.php?page=187&root=3/3/](https://nlr.ru/eres/law_r/show_page.php?page=187&root=3/3/). (access date: 10.12.2023). (In Russ.).

*Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire] – SPb., 1885. Sobr. III. Vol.VIII. № 5076. URL: [https://nlr.ru/eres/law\\_r/show\\_page.php?page=97&root=3/8/](https://nlr.ru/eres/law_r/show_page.php?page=97&root=3/8/). (access date: 18.01.24). (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Romanovy i problemy integratsii kabardinskogo obshchestva v sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossijskoj imperii* [Romanovs and the problems of integration of Kabardian society into the socio-cultural space of the Russian Empire]. IN: *Voprosy istorii*. – 2014. – № 9. – P. 123-127. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. «*Vysochajshee pozhalovanie*» Aleksandra III ot 21 maya 1889 g. v obshchestvennoj zhizni kabardincev i balkarcev [«The highest award» of Alexander III of May 21, 1889 in the public life of Kabardians and Balkars]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij*. – 2021. – № 1 (48). – P. 83-90. – DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-83-90. – EDN: CENQZJ. (In Russ.).

PRASOLOV D.I. *Zakavkazskij kraj v carskih puteshestviyah: ot Aleksandra II do Nikolaya II* [Transcaucasian region in royal travels: from Alexander II to Nicholas II]. IN: *Electronic journal «Caucasology»*. – 2022. – № 2. – P. 69-86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-69-86. – EDN: CQXOPD. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Nal'chik i kabardinskoe obshchestvo v XIX – nachale XX v* [Nalchik and Kabardian society in the 19th - early 20th centuries]. IN: *Ural'skij istoricheskij vestnik*. – 2016. – № 3 (52). – P. 52-61. – EDN: WIDAQP. (In Russ.).

SIVER A.V. *Materialy po istorii zapadnyh cherkesov (arhivnye dokumenty 1793– 1914 gg.)* [Materials on the history of Western Circassians (archival documents 1793-1914)]. – Nalchik: Izd-kij otdel KBIGI, 2012. – 158 p. (In Russ.).

SUDAFCOV N.D. *Romanovy na Kavkaze: k 400-letiyu doma Romanovyh* [Romanovs in the Caucasus for the 400th anniversary of the House of Romanov]. IN: *Kul'tura i obshchestvo: istoriya i sovremennost': materialy II Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf. – Stavropol'*, 2013. – P. 14–22. (In Russ.).

*Territoriya i rasselenie kabardintsev i balkartsev v XVIII – nachale XX vv.* [Territory and settlement of Kabardians and Balkars in the 18th – early of the 20th centuries]. Comp. by Kh.M. Dumanov. – Nalchik, Izd-vo «Nart», 1992. – 271 p. (In Russ.).

TREPAVLOV V.V. *Carskie puteshestviya po etnicheskim regionam Rossii* [Royal travels through the ethnic regions of Russia]. IN: *Voprosy istorii*. – 2015. – № 2. – P. 85-97. (In Russ.).

FEDOSEEVA L.D. *Voenno-topograficheskie opisaniya kak vid istoriograficheskikh istochnikov* [Military topographical descriptions as a type of historiographical sources]. IN: *Voprosy teorii i metodologii istorii*. Sb. st.– Majkop: Izd-vo AGU, 2013. – Iss. 9. – P. 82–86. (In Russ.).

HAMICAEVA A.A. *Osetiya v kavkazskoj politike Rossijskoj imperii* [Ossetia in the Caucasian politics of the Russian Empire]. Sb. dok-ov. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2008. – 334 p. (In Russ.).

CGA KBR. F. I-6. Op. 1. D. 134. L. 79, 79ob, 80 – *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

CGA KBR. F. I-6. Op. 1. D. 130. L. 58 – *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

CGA KBR. F. I-6. Op. 1. D. 130. L. 79-80 – *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

*CHerkesy i drugie narody Severo-Zapadnogo Kavkaza v period pravleniya imperatricy Ekateriny II* [Circassians and other peoples of the Northwestern Caucasus during the reign of Empress Catherine II]. – Vol. 1. – 1763–1774 gg. – Nal'chik: Izd-kij centr «El'-Fa», 1996. – 460 p. (In Russ.).

*CHerkesy i drugie narody Severo-Zapadnogo Kavkaza v period pravleniya imperatricy Ekateriny II*. [Circassians and other peoples of the Northwestern Caucasus during the reign of Empress Catherine II]. – Vol. 2. – 1775–1780 gg. – Nal'chik: Izd-kij centr «El'-Fa», 1998. – 506 p. (In Russ.).

*CHerkesy i drugie narody Severo-Zapadnogo Kavkaza v period pravleniya imperatricy Ekateriny II* [Circassians and other peoples of the Northwestern Caucasus during the reign of Empress Catherine II]. – Vol 3. – 1781–1786 gg. – Nal'chik: Izd-kij centr «El'-Fa», 2000. – 330 p. (In Russ.).

*CHerkesy i drugie narody Severo-Zapadnogo Kavkaza v period pravleniya imperatricy Ekateriny II* [Circassians and other peoples of the Northwestern Caucasus during the reign of Empress Catherine II]. – Vol 4. – 1787–1791 gg. – Nal'chik: Izd-kij centr «El'-Fa», 2004. – 447 p. (In Russ.).

CHERNYSHEVSKIJ N.G. *Dorozhnik Zakavkazskogo kraja O.I. Konstantinova* [Dorozhnik of the transcaucasian region O.I. Konstantinov]. IN: *Sovremennik*. – 1851. – Vol. 25. – № 1. – P. 45. (In Russ.).

SHEUDZHEN E.A. *Studencheskie issledovatel'skie proekty po problemam istorii* [Student research projects on problems of history]. Nauchno-metodicheskoe obespechenie. – Majkop: Izd-vo AGU, 2009. – 26 p. (In Russ.).

SHKHACHEMUKOV R.M. *Tematicheskie sborniki istoricheskikh dokumentov: mesto v formirovanii istochnikovoj bazy* [Thematic collections of historical documents: place in the formation of the source base]. IN: *Voprosy teorii i metodologii istorii*. Sb. nauch. tr. – Majkop: Izd-vo AGU, 2011. – Iss. 8. – P. 114–119. (In Russ.).

ESADZE S. *Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoj vojny* [Conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian War]. – Tiflis, 1914. – P. 98. (In Russ.).

YAKUBOVA I.I. *Rossijsko-severokavkazskie otnosheniya v XVIII veke* [Documents on the history of the Circassians of the 20s–50s of the 19th century]. – Nal'chik: Izd-kij otdel KBIGI, 2011. – Vol. 1. – 195 p. (In Russ.).

YAKUBOVA I.I. *Rossijsko-severokavkazskie otnosheniya v XVIII veke* [Documents on the history of the Circassians of the 20s–50s of the 19th century]. – Nal'chik: Izd-kij otdel KBIGI, 2013. – Vol. 2. – 192 p. (In Russ.).

### **Информация об авторах**

П.А. Кузьминов – доктор исторических наук, профессор.

А.М. Шериева – студент.

### **Information about the author**

P.A. Kuzminov – Doctor of Science (History), Professor.

A.M. Sherieva – student.

**Вклад авторов:** все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

## ФИЛОЛОГИЯ

### Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Илму статья

УДК 821.512

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-184-194

EDN: MPSTYM

#### **БУДАЙЛАНЫ ХУСЕЙНИ ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫГЪЫ МАЛКЪАР АДАБИЯТНЫ XX-чы ЁМЮРНЮ БИРИНЧИ ОТУЗ ЖЫЛЫНДА АЙНЫУ ЖОЛУНДА ЖЕРИ**

**Биттирланы Шамшудинни кызы Тамара**

Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны  
Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россия, tbitiro-  
va@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0375-1056>

**Къысха магъанасы.** Илму иште назмучу Будаиланы Асланны жашы Хусейни (1880-1973) чыгъармачылыкъ жолу тинтиледиди, аны къарачай-малкъар дин назмучулукъга салгъан къошумчулукъ, сюргюн поэзияда жери, жамауат келишимлик къалай бла къуралыргъа кереклисин кёргозтген назмулары ачыкъланадыла.

Назмучуну хат энчилиги дин назмуларында болгъан ниетлеге байланганларын, ол къарачай-малкъар фольклорну уста билгени бла къалмай, аны ёмюрледен келген терелерине таянып, тизгинлерин къурагъаны да белгиленеди. Будаиланы Хусейни поэзия дунисында фикир теренлик, жютю оюмла, саясат-философия ышанла кеслерине жер тапханлары чертиледиди.

Назмучуну ниет хазнасыны («Алтын тау», «Хакъ жолунда» деген китапларына кёре) суратлау хатыны айырмалы этген шартлары белгиленедиле. «Дин иелени кюю» дегенча назмуларында Будаиланы Хусей дин алимлени къоруулагъаны, аны бла бирча сталинчилени хыртха салгъаны да ачыкъланады.

Будаиланы Хусейни чыгъармачылыгыны суратлау энчилиги – къарачай-малкъар адабиятны инкъыйлапха дери айнытхан назмучула Семенланы Къалтур, Джанибекланы Аппа, Къочхарланы Къаспот ызлагъан жолла бла баргъаны – чертиледиди. Ангылашыныулу сёзле эм сыфатла бла халкъга жууукъ болумланы кёргозтюу бурунгу къарачай-малкъар поэзияны суратлау-ниет тересидиди. Будаиланы Хусейни назмулары да ол излемлеге келишгени илму жазмада толу баямланады.

**Тинтиу методла:** иште салынган борчланы тынгылы тамамлар ючюн, тенгleshдириу эмда магъана байламлыкъны ачыкълау дегенча амалла хайырлангандыла. Аны бла бирча тинтиу иш тарых эм суратлау кертичилик жорукълагъа кёре бардырылганды.

**Баш магъаналы сёзле:** Будаиланы Хусей, къарачай-малкъар адабият, дин назмучулукъ, жамауат бла назмучу.

**Цитата этерге:** Биттирланы Шамшудинни Къ.Т. Будаиланы Хусейни чыгъармачылыгы малкъар адабиятны XX-чы ёмюрню биринчи отуз жылында айныу жолунда жери // Кавказология. – 2024. – № 1. – С. 184-194. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-184-194. EDN: MPSTYM.



Original article

## THE WORK OF HUSEY BUDAEV IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF BALKAR LITERATURE IN THE FIRST THIRD OF THE TWENTIETH CENTURY

**Tamara Sh. Bittirova**

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, [tbittirova@mail.ru](mailto:tbittirova@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0375-1056>

**Abstract.** The scientific work examines the work of the poet Budaev Husey Aslanovich (1880-1973), his contribution to the development of spiritual poetry, his place in settlement poetry, and works aimed at harmony in family and social life are also analyzed. The article establishes the inseparable connection of the works of H. Budaev with the semantics and poetics of folklore, which is the specificity of the author's poetic world. The depth of philosophical thought and the acuteness of social analysis permeating the work of Budaev Husey are noted. The analysis of the author's creative heritage ("Altyn tau" - "Golden Mountain", "Khak Zholunda" - "Dear truth") allowed us to determine his creative individuality and uniqueness. Poems like "Din ieleny kuyu" ("Crying for the Lights of Faith, defending theologians, express protest against the violence committed during the era of Stalinism. The work establishes that the work of Husey Budaev was formed within the framework of the poetic traditions of the pre-Soviet period, laid down by the classics of Karachay-Balkarian literature Semenov Kultur, Dzhaniyev Appa, Kochkarov Kaspot. The presentation of their ideas in clear words and understandable images is a tradition of Karachay-Balkarian oral folk poetry. The work notes the direct realization of folklore artistic installations in the poetry of Husey Budaev. To complete the tasks, the author employed comparative and contextual methodologies, which are coupled in the paper with the concept of consistency and integrity of analysis. Historicism is the primary methodological and systematic premise guiding the inquiry.

**Keywords:** Budaev Husey, Karachay-Balkarian literature, spiritual poetry, poet and society.

**For citation:** Bittirova T.Sh. The work of Husey Budaev in the context of the development of balkar literature in the first third of the twentieth century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 184-194. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-184-194. EDN: MPSTYM.

---

© Bittirova T.Sh., 2024

Научная статья

## ТВОРЧЕСТВО ХУСЕЯ БУДАЕВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

**Тамара Шамсудиновна Биттирова**

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук», Нальчик, Россия, [tbittirova@mail.ru](mailto:tbittirova@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0375-1056>

**Аннотация.** В научной работе исследуется творчество поэта Будаева Хусея Аслановича (1880-1973), его вклад в развитие духовной поэзии и место в выселенческой поэзии, анализу подвергаются и произведения, направленные на гармонию в семейной и общественной

жизни. В статье устанавливается неразрывная связь произведений Х. Будаева с семантикой и поэтикой фольклора, что является спецификой авторского поэтического мира. Отмечается глубина философской мысли, острота социального анализа, пронизывающих творчество Будаева Хусея. Анализ творческого наследия автора (книги «Алтын тау» – «Золотая гора», «Хакъ жолунда» – «Дорогой истины») позволил определить его творческую индивидуальность и неповторимость. Стихи, подобные «Дин иелени куюю» («Плач по светочам веры»), защищая ученых-богословов, выражают протест против насилия, творимого в эпоху сталинизма. В работе устанавливается, что творчество Хусея Будаева складывалось в рамках поэтических традиций досоветского периода, заложенных классиками карачаево-балкарской литературы Семеновым Калтуром, Джанибековым Аппа, Кочкаровым Каспотом. Изложение своих идей ясными словами и понятными образами – традиция карачаево-балкарского устного народного поэтического творчества. В работе отмечается непосредственная реализация фольклорных художественных установок в поэзии Хусея Будаева. Для решения поставленных задач автор использовал сравнительно-сопоставительный и контекстуальный методы, которые сочетаются в статье с принципом системности и целостности анализа. Основным методологическим и методическим принципом исследования – принцип историзма.

**Ключевые слова:** Будаев Хусей, карачаево-балкарская литература, духовная поэзия, поэт и общество.

**Для цитирования:** Биттирова Т.Ш. Творчество Хусея Будаева в контексте развития балкарской литературы в первой трети XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 184-194. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-184-194. EDN: MPSTYM.

---

© Биттирова Т.Ш., 2024

Будайланы Хусейни назмуларыны асламын Басхан ауузуну жамауаты дефтерлеринде сакълагъанды, аууздан ауузгъа да ётдюргенди. Басхан ауузда назмучуну сыйы бек бийик болгъанды, битеу къарачай-малкъар миллет а, авторун да билмей, Хусейни кёп затын кёлден айтып тургъанды. Ол болум къырал идеология бла байламлы эди – дин ахлуланы чыгъармачылыкъларын бырнак этген кезиу бла. Хусей дин назмуладан сора да жамауатны къыйнагъан халлеге жоралап назмула къурагъанды. Аны назмулары, заман тюрленип, кеси ауушхандан сора, газетледе басмаланып, ызы бла уа китапла болуп да чыкъгъандыла [Будайланы Х. 1974; Будайланы Х. 2000]. Бюгюнлюкде Будайланы Хусейни чыгъармачылыгъы къарачай-малкъар адабиятта тийиншли жер тапмагъанды. Чыгъармачылыгъын кесаматчыла хазна тинтмегендиле, бир къауум жазмадан сора [Залийханланы Ж. 1974; Биттирланы Т.; 1997, Биттирланы Т. 2000] аны юсюнден не адабиятны тарихине жораланган китаплада, не поэзияны тинтген монографиялада да жазылмагъанды.

1974 жылда басмаланган китабыны ал сёзюнде Залийханланы Жанакъайыт (Зали) былай айтханды: «Таулу малчы Будайланы Хусей да, поэт айтханлай, кесини «жюрегини назму къылын» бошлап, иги назмула такъгъанды. Хусейни назмуларыны асламы эртде этилгендиле. Ол арталлы да не жаза, не окъуй билмегени себепли, назмуларын кёлюнден айтып болгъанды.<sup>1</sup> Болса да, токъсан жылгъа жууукълашхан къартха ол къадар назмуну кёлде тутхан къалай къыйын

---

<sup>1</sup> Былайда Залийханланы Жанакъайытны сёзюн ачыкъламай жарамаз – ол Хусейни жангы жазманы - кириллицаны, орус тилни билмегенини юсюнден айтады.

болгъаны кимге да белгилиди – ол кёп назмуларын унутханды. Жарсыугъа, ала заманында жазылып къалмагъандыла...» [Залийханланы Ж. 1974: 4].

Будайланы Асланны жашы Хусей (1880-1973) Басхан ауузунда Чылмас деген элчикде туугъанды. Гитчелигинден окъуна арабча окъуй-жаза да билген Хусей онючжыллыгъында Огъары Басханны эфендиси Бапыналаны Исмайылны сохтасы болады. Ызы бла, Ысхауатны медиресесин бошагъандан сора уа, Исламей Къабакъда (Экинчи Къызбурун) Идрис эфендиден окъуйду.

Хусейни сабийлери да дин илмугъа, окъуугъа-билимге берилген инсанла эдиле. Ол зат да себеплик этгенди назмучуну ниет хазнасын сакъларгъа. Къызы Нюржийхан-хажи, атасын эскере, аны сыфатын аллынга келтиргенча этеди: «Бизни атабыз Атта, – юйде тёрт сабий бар эдик да, тёртюбюз да атабызгъа Атта деучю эдик – Будайланы Асланны жашы Хусейин орта бойлудан аз алашаракъ, къатангы деп айтмазча, аз къалыныракъ, къызыл шинли, талгъыр кёзлю, аз-маз къочхарбурунуракъ, токъ бетли, тизгинли, тазалыкъгъа берилген, жаяу жюрюрге бек суйген, чомарт, чамгъа, лакъырдагъа да уста, кесине этилген чамны да жарашдыра билген, татлы тилли, абаданлагъа намыс этген, кичини эркелетген, хар заманда сёзюне ие болгъан, айтханына табылгъан, юйюне келгенге мангылай жарыгъын берген, киши хакъына узалмагъан, тютюнню, ичгини, магъанасы болмагъан оюнланы унамагъан, илмуну, тарыхны бийик магъанасын ангылагъан, кеси окъургъа, билирге суйген, окъугъанланы, окъутханланы да сыйлагъан, – быланы барын да санамай, къысха айтханда уа, Къуранны излемине кёре, ислам диннге тийиншли, тап-таза бир муслийман адам эди» [Будайланы Х. 2000: 138].

Хусей Къарачайда, Дагъыстанда да алимле бла терк-терк тюбей тургъанды. Къумукълу алим эм назмучу Акайланы Абусуфьян бла дин къарындашлыкъ жюрютгенди. Динни, адабиятны, тилни, маданиятны юсюнден да кёп китап жыйып китапхана жарашдыргъанды. Ол китапланы бир кесеги бюгюн да туудукъларында сакъланганлай турады, аланы санында бек сыйлы китапла (XVIII-XIX-чу ёмюрледен къалгъан) тюбейдиле. Ала андан кёп эдиле, сюргюн башланган кюн, сабийлери шагъатлыкъ этгенге кёре, аланы кюйдюрюрге тюшген эди: «Атта Кёнденленге кетип тургъанлай, кёчюрюрге машинала ёрге озгъан эдиле. Аланы кёрюп, жанын харам этип, чабыб' а келген эди. Алай, элталмазлыгъын биллип, китапларыны къолтугъу бла бирден къалгъанын кюйдюрген эди, – гяуур аякъ тюпде къалмасынла деп...» [Будайланы Х. 2000: 135]. Азиядан къайтхандан сора ол китапханасын жангыдан къурагъанды.

Кеси заманына кёре, Будайланы Хусей тынгылы дин окъууу болгъан адам эди. Билимин къызгъанмай, жамауатына юлюш этгени себепли, аны фатыуаларын бюгюн да кёпле эслеринде сакълайдыла.

Биринчи чам назмусун оналтыжыллыгъында Ысхауатда медиресе ишленгенде, аны къабыргъларын сюртген къызлагъа сохталаны ыразылыкъларын билдире, такъгъанды: «*Ысхауатны къызлары жыйын болуп жетдиле, // Медирсени сюртдюле, айбат этип кетдиле. // Медирсени сюртгенле, диннге къулдукъ этгенле, // Муратлагъа жетсинле, ийман бла кетсинле*» деп башлайды Хусей чам назмусун. Узун назмусуну ахырында уа ыспас бла бир ариу алгъышын да айтады: «*Жюрек тынчлыкъ тапсынла эрлерини къолунда, // Сыйлы*

*кьулла болсунла бир Аллахны жолунда. // Кьууат берсин бир Аллах динни жолун тутаргъа, // Жаннетлени кёгюнде кьушла кибик учаргъа».*

Будайланы Хусей назмучулукьну магьанасын, кесини сёзге фахмусун да сабийликден ангылагьан эсе да, билимин ёсдюрюрюрге медиреседен башха анга мадар табылмагьанды. Ол кезиуде Нальчикни таубийлени жашчыкьларына ачылгьан школда не да кьыралны башха шахарларында окьургъа жаланда бий, бай адамланы сабийлерине онг бар эди. Аладан да сайланып алына эдиле сабийле, хар тукьумдан биреулен-экеулен [Биттирова 1996: 5]. Ол болумгъа да кьарамай, Хусейча кьара халкьны ичинден чыкьгьан фахмулу жашла билимни, оюмну халкь эсинден алгьандыла, фахмуларыны элпек чагьында маданиятны андан ары да айнытхандыла. Бу эстетика жол аланы фахмуларын кючлерге бай тамырлы, келлик заманнга кьуллукь этерге онг берген жол эди.

Совет власть орналгьандан сора, Будайланы Хусей колхозда малчы болуп ишлегенди. 30-чу жыллада эфендилени ызларындан тюшгенлеринде, чакьырып, анга соруу да эте тургьандыла. Ол заманда Хусей тийреде болсун, тойда-оюнда да чам-лакьырда жырланы айтхан болмаса, жанын кьыйнагьан жашау чойреликлени юсюнден аллай жерледе хазна сагьынмагьанды. «Отузунчу жылла Малкьарда жангыртыуну жыллары эдиле. Аны эллеринде ары дери бир заманда болмагьанча жангы жашау кьурала эди. Халкьны турмушуна бла миллет эсине жангы затла киредиле. Жаш адабият да ол жангыртыуну ахшы атламларын суратлап тебрейди», – деп жазгьанды Тёппеланы Алим, ол кезиуде маданият болумну ачыкьлай [Теппеев 1974: 34-35]. Болса да ол жангыртылыуну жолунда кёп тюрлю ачы ишле да тюбегендиле, окьуулу адамланы асламы амалсыз болумлагъа тюшгенди.

Хусей Мёчюланы Кязимни иги таныгьанды, фахмусуна уллу сый бергенди. Кязимни инсанлыкь бийиклигине, закийлигине сейири бир да кьурумагьанды. *«Гюрбежиде темир кесди // Кязим хажси мубарек. // Ташла ичинде кьалай ёсдю // Кёкге жетген дин терек // Кязим хажси – сёз уста, // Темирчиди бек уста, // Бек бийикде жашагьан, // Халал кьыйын ашагьан... // Акьсакь болуп аягьы, // Таянчакь болуп таягьы, // «Аллах берсин тёзюм, – деп, – // Халкьда кьалсын сёзюм», – деп, // Темир тюйдю тохтамай, // Ауузу сёзден бошамай: // Тюзлюк кьайда болур? – деп, // Сёзюм файда болур», – деп жазгьанды закий Кязимни юсюнден Будайланы Хусей.*

Мёчюланы Кязим бла бирча, Хусей да жангы дуняны ышанларына тюрслеп кьарайды, совет властыны бек магьаналы иши – окьуугъа-билимге жолла ачыулыууна ыразы болуп, жарыкь, кьууанчдан толу назмула жазады. Ол да Кязимча окьууну магьанасын, аны жангы тёлюлеге жашаудан юлюш алыргъа амал бергенини юсюнден айтады, тюрлю-тюрлю тенглешдириуле табып: *«Окьуу деген – жюреклени нюрюдю, // Окьуу деген – ахшы ишлени бириди, // Окьуу деген – ахшы ишлени башлары, // Окьуу билир насыплыны жашлары. // Окьугьанла – нюр тенгизни чабагьы, // Динни тутмаз адамланы сабагы, // Келигиз да, сохталагъа барайыкь, // Кече-кюн да китаплагъа кьарайыкь».* Жангы жашауну бир гитче шартчыгьы да барды бу назмуда: орус тилден «собака» деген сёзню Хусей назмусуна кьошады, ол аны иш этип кийиреди назмугъа.

«Динни тутмагъан адамланы итиди» деген сёз тутушну магъанасын чам халда кючлер ючюн.

Будайланы Хусейни кеси ауушхандан сора 1974 жылда "Алтын тау" аты бла бир жукъа китапчыгы басмаланганды. 2000 жылда, бир къауум жангы назмулада къошулуп, назмучуну «Хакъ жолунда» деген китабы басмаланганды. Алай китапла не чыгъармачылыгыны энчилигин, не да назму хатын толу ачыкълаялмагъандыла, нек дегенде, Хусейни жазгъанларыны кёбюсю жыйышдырылмагъандыла, бир къауумун а (ол санда "кёчгюнчюлюк" назмулары) басмаларгъа онг жокъ эди. Ол болумну юсюнден Залийханланы Жанакъайыт «башын жабып» айтхан эди: «Кертиди, аны алгъын этилген назмулары барысы да бизни халкъыбызны бюгюнню жашауу бла бирге келишмейдиле» [Залийханланы Ж. 1974: 4].

Поэт саясатдан кенг болургъа кюрешсе да, жюрегини тюзлюкге ачыкълыгы (чынтты назмучуну ол баш ышаныды), анга тарыхны хаух шагъатыча къарап туругъа къоймай эди. 20-чы жылланы ахырында – 30-чу жылланы аллында власть онглу адамланы ырысхыларын сыйырып, кеслерин а Сибирьге ийип тебирегенде, Хусей ол затха чамланыу сёзюн къоркъмай айтыргъа жетишгенди: *«Къыйналгъанны чыгъарып // Къыйынындан ташлагъан. // Властынглай шау болгъун, // Бу властны башлагъан».*

Хар не жаны бла къолайлы адамланы ачитхан властхача чамланмай къалай тёзюп турлукъ эди керти адам, фахмалу назмучу. Хусей терс оноуланы сылтаулары ачыкъларгъа итинеди: *«Мюлк жюрютген малчыла // Сибирлеге кетдиле. // Малгъа-мюлкге оноучу // Жарлыланы этдиле. // Къалай болур оноучу // Кеси башын тутмагъан? // Таш къотарып, жер сюрюп, // Жерге урлукъ сукъмагъан?».*

"Мюлкюгюзню сыйырып, Кимди сизни жойгъан?" деген сорууна назмучу ачы жууап табады – *"Тепси тюнге юйренип, къайда болса тойгъанла..."*. Аллайланы не адамлыклары, не бетлери жокъ эди. Совет власть келтирген эркинликни бир-бир эл аллында айланып тебирегенле кеслери ючюн жаратылгъан сунуп, къолайлы адамланы байлыкларына, намысларына, билимлерине зар кёзден къарай келгенле, къолларына оноу жетгенде, бир аманлыкдан да артха турмай аланы жойдура эдиле. Бу халле малкъар адабиятны романларында, повестьлеринде да терен ачыкълангандыла, ол болум адабиятыбызны саясат теренлигин кёргюзтеди. Будайланы Хусейни суратлау шагъатлыгы уа назмучу кёзю бла кёрген затланы юсюнден жазгъаныны себебинден багъалыды.

Белгилисича, къарачай-малкъар миллетде дин окъуу, илму, назмучулукъ эм ислам динни башха маданият ышанлары XIX ёмюрню ахырына – XX-чы ёмюрню аллына айныуну жолунда уллу бийиклеге жетген эдиле. Революциядан сора, битеу Россейде да динге къажау кюреш башланады. 30-чу жыллада малкъар элде дин ахлуланы къалмай тутуп кетгенлеринде, поэт, жюреги тёзалмай, «Дин иелени кюйюн» тагъады. Алай къагъытха тюшюрмейди, юйдегисине, сабийлерине юйретеди, алагъа юйден тышында айтыргъа уа къоймагъанды. Хусейни бек жарсыгъаны – эл элде айнып баргъан дин илмуну, адабиятны чирчиги ёчюлгени эди. Дуния жумушаса, «дин чырагъын ким жандырыр?» деген къайгы-соруу аны бийлегенлей турады: *«Дин чирагъы алилле //*

*Жер тюбюнде жатдыла, // Динни жолун жарытхан // Жулдузлары батдыла...».*

Алагъа жалгъан дау айтып, халкъгъа къажау сюеп, азап чекдиргенлерин теренинден ангылагъан жырчы зикиринде "пайхамбаргъа сёз тапхан табалмаз-мы алимге", – дейди.

Будайланы Хусейни жаш заманында къурагъан назмулары хазна сакъланмагъандыла, чыгъармачылыгъы да сау кезиуонде толу жыйышдырылмагъанды. Алай аны чам-лакъырда жырларын Басхан ауузуну жамауаты эсинде тутханды. Хусейни атын миллетибизге бек алгъа белгили этген а аны малкъар халкъны кёчгюнчюлюгюне жораланнган жыры болгъанды.

*«Биз барабыз, вагонлада олтуруп, // Этеклени жилимукъдан толтуруп»* деген сёзлени халкъ, ким къурагъанын да билмей, кёп кере къайтарып айтханды. Бу жыргъа бурулуп къалгъан назму къарачай-малкъар халкъны кёчгюнчюлюкге жораланнган поэзиясыны бек фахмулу, эсден кетмез, ёмюрлюк тизгинлериндендиле. Аллай бушуу жырла бек кёп эдиле, башха-башха кезиуледе къуралгъан, талай халкъ назмучу къурагъан, ала бири бирине къошулуп, халкъ эпосха айланып, къыйынлыкъны сур сыфатын къурай эдиле [Берберов 2011: 19; Биттирова 2015].

Бу назму 200 тизгинден жыйылгъан уллу назмуду. Хусей жолда этген къысха назмусуна жангы тизгинлени халкъыбыз Ата журтубузгъа къайтхынчы къошуп тургъанды: мында сюргюнню ачы сагъатларын, кюнлерин, айларын, жылларын – къыйынлыкъны азап кезиулерине болгъан ишлени санайды. Назму халкъны уллу сыйытыча эшитиледи

Назмуда айтымланы къуралыулары да айырмалыды, этимледен къуралгъан хапарчыла бир бирине къошула, сюргюн азабыны къара кёгюню суратларын ишлейдиле: *«Тау элlege къара къанла жаугъанды, // Эки къая бир бирине аугъанды...».* Сора бири бирин къуууп баргъан жууапсыз соруула – *«Тау элlege бу сыныкълыкъ нек жетди? // Къалмай, бизден насыбыбыз нек кетди? // Биз къыйналып жыйгъан мюлкню ким ашар? // Журтубузда – ыспасламай! – ким жашар? // Юсюбюзден къыйынлыкъны ким алыр?»*

Назмуну алпында салыннган соруулагъа ол 13 жылны ичинде жууап излегенлей тургъанды, аны бла бирча къыйынлыкъны сыфатларын къурап: *«Мен санайым хар бирисин кезиулеп, // Сиз жилигъыз сёзлериме эжиулеп... // Ач ананы ёшюн сютю къуруйду, // Сабийчиги – къарны тоймай – улуйду... // Къарыусузлукъ бизге татып башлады, // Уллу-гитче ачдан къатып башлады... // Сакълаялмай сабийлени жанларын, // Тергеялмай ёлгенлени санларын...»*

Амалсыз болгъан сагъатында назмучугъа ёкюл болгъан, кёл этдирген да Аллахды. Ол окъуучулары да Аллахны оноууна сыйыныргъа, аны тюзлюкню къайтарырына ийнандырады: *«Ишибизни бир Аллахха бошласакъ, // Жюрекледен кюймекликни ташласакъ. // Терсни-тюзню Аллах кеси айырыр, // Жилигъанны бир да жокъду хайыры. // Аллах кибик терсни-тюзню сюзмебиз, // Ёлгюнчюннге умутланы юзмебиз...»*

Тизгин саны бла поэмагъа тенг назмусуну ахырында Будайланы Хусей уллу жюрек къууанчыны юсюнден айтады: *«Онюч жылны кёп насыпдан тыйылдыкъ, // Шукур болсун, журтубузгъа жыйылдыкъ, // Къайтып келдик хуна-*

*лагъа, баулагъа, // Хорлатмайын жалгъан, жала даулагъа. // Ойнагъаным, жырлагъаным – жубанчым, // Жюрегиме сыйынмайды къууанчым».*

Будайланы Хусейни поэзиясыны энчилиги – жашауда тюбеген адетге, намысха, дин низамгъа келишмеген халлени айгъакълауду. Насийхат этиу, акъыл юйретиу жол бла да, чамны юсю бла да. Аны тенглерине, ахлуларына, танышларына такъгъан самаркъаулары да эсде къалгъандыла. Кеси динни къаты тутханды, башха динни жюрютгенлеге да сый бергенди. Ол затны юсюнден Хусейни быллай фатыуасы сакъланганды: «Гяурду деп, бир кишини сындырыргъа, къыйнаргъа, жугъун урларгъа, сыйырыргъа арталлы бла да жа-рамайды. Санга хатасы тиймей эсе, дининги сыйырыргъа кюрешмей эсе, аны гяурлугъу бла сени ишинг жокъду. Не иги затынг бла да гяургъа юлгю болургъа керексе: ол, муслийманны ёрге болгъанын кёрюп, сукъланыргъа керекди. Аныча гяур жаратмай, сени муслийман жаратханы ючюн, - Аллахынга шукур эт да, тынч тур!» [Будайланы Х. 2000: 137].

Назмучулуку Хусей бир заманда атмагъанды, не къыйын кезиуде да къыйынлыкъны поэзияны кючу бла хорларгъа излегенди. Бирде аны фахмусу жарыкълыкъ да келтиргенди жамауатха. Жазычулукъ иши къалай баргъаныны юсюнден Хусей кеси былай хапар айтханды: "Уллу Октябрь революциядан со-ра, битеу къыралыбызны хар къалайындача, тау элдеде да колхозла къурап, жангы жашауну башлагъан эдик. Биз ол жашауну биринчи болуп башлагъаны-быз кимге да туурады. Аны себепли жангылычыбыз, жетишимсиз, болумсуз жерибиз да бола болур эди. Башындан келген оноугъа кёре элибизде ишлей билген, уллу эсеби, оюму болгъан, жаш адамланы ызындан тизген къартлагъа да тынгыларгъа керек эди. Ишни эбине тюшюналмагъанлагъа къолларындан келе тургъанлай, эринип белкъауланганлагъа уа, олсагъат чыбыкъ уруп башламай, айтып ангылатыу бла, масхарагъа тартып, тюз жолгъа салыргъа керек эди. Масхарагъа алынып, халкъны аузуна тюшерге ким сюеди?! Хар тюрлю болумну кесине тийиншли назму тагъаргъа кюрешгеним да аны ючюн эди" [Будайланы Х. 2000: 10].

Чыгъармаларыны кёбюсюн Хусей жашауда бир болгъан иш бла байламлы жазгъанды. Ол ишле бизден узайгъаны себепли, назмуланы хар бирине энчи ангылатыу керек болады. Бу жорукъ XIX-чу ёмюрден къалгъан чыгъармаланы шартыды. "Къазанчда", "Чам назму", "Къалауур Дударукъ" деген назмуланы поэт Уллу Ата журт уруш къыстау бара тургъан кезиуде жазгъанды. Юлгюге, "Чам назмуну" къалай бла жаратылгъанын алсакъ, биз ол кезиудеги къыйын жашау болумгъа тюбейбиз. Хусейча къартла бла бирге Эльбрус элде, ара мюлкде онюч келинчик ишлей эди. Аланы къыйын жубанчларын бир кесек женгилирек этер муратда чам айтып кюлдюрюрге, кёллерин кётюрюрге кюрешген поэт артда былай жазгъанды: "Аталарындан, къарындашларындан, жашларындан, баш иелеринден ючгюл бюкленген къагъыт журунчукъланы сакълап тургъан тиширыула, кюнню узуну эр кишилени ишин ишлеп, арып-талып, ингирде къошха келселе, ала мудахла болуп, бирери бирер жерде мугу-райып, кеси сагъышларына кёмюлюп турмаз ючюн, аланы той бла, оюн бла, лакъырда-чам бла кечиндирирге керек эди да, бу назмула аны ючюн ай-тылгъандыла" [Будайланы Х. 2000: 10-11].

Къарачай-малкъар халкъны къайсы назмучусун, жазыучусун алсанг да, Ата журтха суймеклик, аны айбат суратларын салыу, анга кертчилик чыгъармаланы тутуругъуду. Туугъан ташына суймеклиги жаздыргъанды Будаиланы Хусейге назмуланы, жырланы да. Бегирек да бу тема халкъ жырчыны кѣчгюнчюлюк азабына жораланган жырларында, назмуларында иги ачыкъланганды. Хар баланы анасына суймеклиги энчи болгъанча, хар назмучуну да туугъан жерине суймеклиги энчиди.

"Учхан жерни татыуун // Къонган жерде билгенем!" – дейди Хусей, Ата журтуну сыйын бийикге кѣтюре. Ата журтну сыйын-ѣлчемин аны уланлары биледиле. Башхала "туугъан жерим" деген эселе, Хусей а журтуна "учхан жерим" дерге жетишеди.

Жашаууну ахыр кюнлерине дери да Хусей назму, зикир айтханын кем этмей турады. 70-чи жыллада ол юйюр жашаугъа жоралап талай назму къурайды. Токъсанжыллыкъ къарт жашау юлгюсюнден, терен фикирлеринден жамауатына кѣп насийхатын назмуда айтханды: "Бир-бирлени жашау жоллары", "Юйдеги", "Хоншула", "Ичкичиле", "Жашла", "Къызла", "Адепсиз келинле", "Кюйсюз къатынла" – бу назмулада адамны искилтин этерик кѣп тюрлю къылыкъланы юсюнден окъуйбуз. Былай къарагъанда, назмучу дунияны къара тюрсюнлю суратларын салады деригинг келеди. Болсада, Хусей суратлау тюзлюк жашау тюзлюк бла бирге келиширге тийиншлисин ангылатады: "Биз ариу къызны зыккыл быстырлагъа кийиндирген кибик, жашаугъа бир талай аман адетни тагъып турсакъ, бизге иги жашау ким берликди?" Назмучуну бу сѣзюне кертчилиги баямды.

1972 жылда Будаиланы Хусей "Сый" деген аты бла поэма жазады, андан юзюкню май айда "Коммунизмге жол" газет басмалайды. Кюз артына дери газетте поэманы юсюнден окъуучуланы къагъытлары келгенлей тургъандыла – ол кезиуде алай уллу эди поэмада кѣтюрюлген проблеманы магъанасы. Поэманы юсюнден студентле, журналистле, ишчиле, юй бийчеле, къартла, жашла да оюмларын жазгъандыла, сагъынылгъан болум жамауат жашаугъа ауурлукъ этгенин бир аууздан айтхандыла. Сыйны юсю бла чыкыгъан къаугъаны назмучу ѣлет бла тенг этеди. "Эмина" деген халкъ жырда быллай тизгинле бардыла: "Эмина туююлдо, ѣлетди, // Акъыллы башланы тели этди." Жырны ызындан Хусей да къатлайды: «Сый туююлдо – ѣлетди, // Адамланы башларын // Къайгъы бла тели этди. Ахырында, сыйгъа быллай багъа береди: "Сый туююлдо – сыйытды."

Бюгюнню жашау бла тенглешдирип айтханда, отуз жыл мындан алгъа жюрюген адетле тюрленнгенин кѣребиз. Бусагъатдагъы окъуучулагъа, бютюнда келлик тѣлюлеге поэманы этнография магъанасы уллуду – юйюр жашауда тюбеген чурумланы, къысыулукъну, гурушхалыкъны хар жиги поэмада энчи тинтиледи. Алай бир талай керексиз адет сакъланганлай тургъаны уа поэманы жангыдан окъугъандан сора кѣплени сагъыш этдирлик болур.

Будаиланы Хусейни чыгъармачылыгъы Семенланы Къалтур, Джанибекланы Аппа, Къочхарланы Къаспот ызлагъан жол бла баргъаны эсленеди. Ангылашыныулу сѣзле эм сыфатла бла халкъгъа жууукъ болумланы кѣргюзтюу бу-



рунгу къарачай-малкъар поэзияны суратлау-ниет төресиди. Будаиланы Хусейни назмулары да ол излемлеге толу келишедиле.

Башда сагъынылгъан сылтауланы себебинден назмучу айтыр сёзюн эркин эм толу айталмай жашагъанды, аны чыгъармачылыгъыны жашнар чагъы зулму жыллагъа тюшюп, фахмусу толу ачыкъланмай къалгъанды. Алай Будаиланы Хусейни назмуларында баямланган усталыкъ, сёзге чемерлик, халкъгъа жууукъ темаланы ачыкълау аны чыгъармачылыгъын къарачай-малкъар халкъны ниет хазнасына къошаргъа онг береди. Назмучуну кёп сёзю нарт сёзге тийиншли эшитиледи, аланы суратлау шартлары халкъ поэзияны бийик юлгюлерине тенгдиле. Тил байлыкъ, халкъ жюрютген сыфатла, сёз айбатлыкъ, энчи хатыны тазалыгъы дегенча затла Будаиланы Хусейни назмуларыны ышанларыдыла.

Будаиланы Хусей кесин не назмучугъа, не жазычугъа санамагъанды. Къурагъан назмуларын къагъытха, китапха тюшюрюрге да артыкъ бек итинменди. Алай аны китапларында болгъан ниет хазна Хусей халкъбызны таза жюрекли, ачыкъ ниетли, керти адамы эди, деп айтыргъа эркинлик береди. Поэтни чыгъармалары – ёлюмсюз назмулары бла жырлары ол затха толу шагъатдыла.

### ХАЙЫРЛАНЫЛГЪАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ)

Берберов 2011 – *Берберов Б.А.* Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии (на материале устной и письменной словесности 1943-2000 гг.). – Нальчик: Издательство: Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, 2011. – 215 с.

Биттирова 2015 – *Биттирова Т.Ш.* Тема депортации в публицистике карачаево-балкарской диаспоры в Турции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8-2 (50). – С. 21-24.

Биттирова 1996 – *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарские деятели культуры начала XX века // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное в двух томах. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – С. 3-10.

Биттирланы Т. 2000 – *Биттирланы Тамара.* Басханна жарыкъ жырчысы. // Будаиланы Хусей. Хакъ жолунда. (Дорогой истины). – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 3-15 б.

Биттирланы Т. 1997 – *Биттирланы Тамара.* Будаиланы Хусей // Заман. – 1997. – 12 июня.

Будаиланы Х. 1974 – *Будаиланы Хусей.* Алтын тау. (Золотая гора). – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 64 с.

Будаиланы Х. 2000 – *Будаиланы Хусей.* Хакъ жолунда. (Дорогой истины). – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 144 с.

Залийханланы Ж. 1974 – *Залийханланы Жанакъайыт (Зали).* Жырчы къарт // Алтын тау. (Золотая гора). – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 3-6 б.

Теппеев 1974 – *Теппеев А.М.* Балкарская проза. – Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1974. – 177 с.

### REFERENCES

BERBEROV B.A. *Tema narodnoi tragedii i vrozozhdeniya v karachaevo-balkarskoi poezii (na materiale ustnoi i pis'mennoi slovesnosti 1943-2000 gg.)* [The theme of folk tragedy and rebirth in Karachay-Balkar poetry (based on the material of oral and written literature 1943-2000)]. – Nal'chik: Izdatel'stvo: Kabardino-Balkarskii institut gumanitarnykh issledovani, 2011. – 215 p. (In Russ.).

BITTIROVA T.SH. *Tema deportatsii v publitsistike karachaevo-balkarskoi diaspory v Turtsii* [The topic of deportation in the journalism of the Karachay-Balkar diaspora in Turkey]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* – 2015. – № 8-2 (50). – P. 21-24. (In Russ.).

BITTIROVA T.SH. *Karachaevo-balkarskie deyateli kul'tury nachala XX veka* [Karachay-Balkarian cultural figures of the early XX century]. In: *Karachaevo-balkarskie deyateli kul'tury kontsa XIX – nachala XX v. Izbrannoe v dvukh tomakh.* – Nal'chik: El'brus, 1996. – P. 3-10. (In Russ.).

BITTIRLANY TAMARA. *Baskhanny zharyk" zhyrchysy* [Is a cheerful singer of Baksan]. In: *Budailany Khusei. Khak" zholunda. (Dorogoi istiny).* – Nal'chik: El'brus, 2000. – 3-15 b. (In Karachay-Balkarian).

BITTIRLANY TAMARA. *Budailany Khusei* [Budaev Husey]. In: *Zaman.* – 1997. – 12 iyunya. (In Karachay-Balkarian).

BUDAILANY KHUSEI. *Altyn tau. (Zolotaya gora)* [The Golden Mountain]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – 64 s. (In Karachay-Balkarian).

BUDAILANY KHUSEI. *Khak" zholunda. (Dorogoi istiny)* [Dear truth]. – Nal'chik El'brus, 2000. – 144 s. (In Karachay-Balkarian).

ZALIKHANLANY ZHANYK"AIT (ZALI). *Zhyrchy k"art* [The old singer]. In: *Altyn tau. (Zolotaya gora).* – Nal'chik: El'brus, 1974. – 3-6 b. (In Karachay-Balkarian).

ТЕРПЕЕВ А.М. *Balkarskaya Proza* [Balkarian Prose]. – Nal'chik: Knizhnoe izdatel'stvo «El'brus», 1974. – 177 p. (In Russ.).

***Авторну юсюнден билдириу:***

Биттирланы Шамшудинни кызы Тамара – филология илмуланы доктору.

***Information about the author:***

T.Sh. Bittirova – Doctor of Science (Philology).

***Информация об авторе:***

Т.Ш. Биттирова – доктор филологических наук.

Статья редакциягъа 09.01.2024 келгенди; кесамат этилгенден сора 15.03.2024 къабыл кёрюлгенди; басмагъа 27.03.2024 алыннганды.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024; принята к публикации 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 821.352.3  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-195-214  
EDN: NRLAXF

## ЗАБЫТОЕ ИМЯ: ЛОСТАНБИ ГУРУЖЕВИЧ АФАШАГОВ

**Инна Анатольевна Кажарова**

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия  
[barsello@rambler.ru](mailto:barsello@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

**Аннотация.** В статье представлен творческий и биографический портрет одного из забытых представителей кабардинской литературы раннесоветского периода – поэта и публициста Л.Г. Афашагова. С опорой на архивные источники реконструируется история его общественной деятельности. По материалам художественных и периодических изданий прослеживаются основные направления его творчества, выявляются ценностные акценты его произведений, главным образом стихотворений, среди которых есть как оригинальные, так и дошедшие до нас только в переводе. Дополняется подробностями отрезков его биографии, приходящийся на военные годы. На материале необнародованных до настоящего времени архивных сведений уточняются причины его ареста. Наряду с этим обзорно представлена биография одного из деятелей образования КБАССР, супруги Л.Г. Афашагова – Ф.Н. Афашаговой (Кейсерман). Введены в научный оборот новые сведения о жизни и творчестве Л.Г. Афашагова.

**Ключевые слова:** Лостанби Афашагов, раннесоветская поэзия, система ценностей, биография, воспоминания.

**Для цитирования:** Кажарова И.А. Забытое имя: Лостанби Гуружевич Афашагов // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 195-214. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-195-214. EDN: NRLAXF.

---

© Кажарова И.А., 2024

Original article

## FORGOTTEN NAME: LOSTANBI GURUZHEVICH AFASHAGOV

**Inna A. Kazharova**

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia,  
[barsello@rambler.ru](mailto:barsello@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

**Abstract.** The article presents a creative and biographical portrait of one of the forgotten representatives of Kabardian literature of the early Soviet period – poet and publicist L.G. Afashagov. Based on archival sources, the history of his public activities has been reconstructed. The main directions of his work are tracked using art materials and journals, and the value accents of his works, mostly poems, which exist both original and in translation, are disclosed. The segment of the biography that covers the war years has been expanded. The reasons for his arrest have been clarified using archived information that has not before been made public. An outline of the biography of

one of the KBASSR's educational figures, L.G. Afashagov's wife, F.N. Afashagova (Keyserman). New information on L.G. Afashagov's life and work has been published in scientific journals.

**Keywords:** Lostanbi Afashagov, early Soviet poetry, value system, biography, memories.

**For citation:** Kazharova I.A. Forgotten name: Lostanbi Guruzhevich Afashagov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 195-214. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-195-214. EDN: NRLAXF.

---

© Kazharova I.A., 2024

Всякое произведение рождается с прицелом на взаимодействие с некоей системой ценностей, будь то соответствие ей или противостояние. На раннем этапе развития советской литературы, а именно с 1928–1929 гг., когда началась «метаморфоза отечественной культуры в культуру государственно-тоталитарного толка» (А.И. Мазеев), вариации взаимодействия оказались упразднены, ведь отклонение от провозглашаемой сверху системы ценностей могло закончиться для художника трагически. Все, что с этого времени представляло официальную ветвь литературы, пусть и с разной степенью художественного мастерства, но должно было попадать в общий смысловой лад. Однако старательное вхождение художника в общий лад не всегда говорит о том, что его личность этому ладу созвучна. И здесь открывается богатое поле для размышлений о подтексте, иной раз зашифрованном в официозном орнаменте, о малоизвестных фактах и личностях.

Представители раннесоветской культуры национальных областей вызывают особый интерес, поскольку им выпало развиваться на непривычной почве, ускоренно воспринимая политическую, языковую, этическую и эстетическую новь. В этом смысле каждый был первопроходцем. В северокавказской среде творческая интеллигенция была немногочисленной, и уже это не позволяет пройти мимо кого-либо, кто может казаться второстепенным, малоизвестным или одиозным. Последнее, имея фоном жесткую идеологическую нормативность того времени, только усиливает интерес к подобным личностям. На сегодняшний день набралось немало свидетельств того, что одним из них в определенный момент оказался кабардинский поэт и публицист Лостанби Гуружевич Афашагов (1909 – дата смерти не известна).

Для нас важно, осмысливая доступную информацию, взглянуть на Л.Г. Афашагова с позиции его времени, оценить в контексте этого времени аксиологическую структуру его произведений. Иными словами, попытаться прочесть в его творчестве то, что думала о себе его современность, и то, что мы думаем о том времени с позиции нашего настоящего.

Сразу скажем, что ценностное измерение творческого и биографического портрета Л.Г. Афашагова с точки зрения нынешнего момента окрашено тем, что мы имеем дело с возвращенным именем, ведь долгое время оно не фигурировало ни в одном из академических трудов – ни в очерках, ни в историях кабардинской литературы. Зародившееся лишь в советский период, и по инерции оберегающее многие его устои, повествование о развитии кабардинской лите-

ратуры в основном сосредоточено на феноменах непротиворечивых. Все это побуждает пристальнее отнестись к истории Л.Г. Афашагова.

Не может не удивлять отсутствие имени Афашагова в научных обзорах кабардинской литературы, освещающих 1930–1940-е гг. Во-первых, потому что, как сказано, национальная творческая интеллигенция была не столь многочисленна, во-вторых, «Л.Г. Афашагов не должен был затеряться, пропасть из виду еще и потому, что его имя запечатлено в первом сборнике кабардинских советских поэтов. Ведь выход в 1933 г., накануне первого Съезда советских писателей, сборника «Первый шаг» сам по себе был событием заметным, и, казалось бы, обойти стороной состав лиц, участвовавших в нем, невозможно» [Кажарова 2018: 142].

Отдельные сведения о деятельности Л. Афашагова восстанавливаются по материалам архивных фондов КБР и печатным изданиям 1930–40-х гг. Если систематизировать разрозненные материалы, то первым окажется упомянутый сборник 1933 г. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 1а]. В том же году и в связи с тем же сборником его имя прозвучало в статье Джансоха Налоева «От мертвого к живому», критик назвал его в ряду «молодых, подающих надежду авторов»: Пшеноков, Карданов, Канукаев и Афашагов – поэты «довольно даровитые, но не достигшие еще той степени мастерства, на которой довольно прочно стоят Шекихачев и Шогенцуков» [Налоев 2004: 121]. В 1934 г. в Москве выходит антология «Поэзия горцев Кавказа», и в кабардинской подборке значится произведение Л. Афашагова [Поэзия... 1934: 247]. В 1940 г. он вместе с Н.Х. Хабировым работает над составлением трехтомной хрестоматии по литературе для 6 класса [УЦГА АС КБР. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 281. Л. 282, 283]. В том же 1940, при подготовке к печати эпического произведения Мухажана Канукоева «Андемиркан» (в итоге так и не изданного), не раз фигурирует имя Афашагова: в январе месяце он участвует в обсуждении романа [Социалистическая Кабардино-Балкария 1940], в октябре ему поручают редактирование «Андемиркана», к той поре переработанного Канукоевым в повесть [УЦГА АС КБР. Ф. Р-276. Оп. 1, 2. Д. 342. Л. 312], и уже в первых числах ноября Афашагов оповещает читателей «Социалистической Кабардино-Балкарии» о готовности «Андемиркана» к печати. «Он сообщает, среди прочего, о скором выходе в свет повести М. Канукоева, анонсирует публикацию нескольких ее фрагментов на страницах газеты и призывает читателей присылать в редакцию свои пожелания и замечания» [Кажарова 2018: 144]. О публицистической ипостаси писателя дают представление его статьи в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» за 1940–41 гг. Бесценную возможность взглянуть на «неофициальный портрет» Лостанби Афашагова и понять причины, по которым его имя исчезло из плеяды кабардинских писателей раннесоветской поры, подарил изданный в 2012 г. автобиографический роман пасынка поэта – Михаила Семеновича Серебро (1931–2020), актера, режиссера и драматурга.

В настоящее время об Афашагове сказано немного: в 2018 г., опираясь на доступные материалы, мы постарались дать представление о писателе в статье «Обретение письменности как сюжет духовной культуры адыгов и личность Л.Г. Афашагова» [Кажарова 2018: 142] (материал лег в основу статьи для

биобиблиографического словаря «Адыгские писатели XIX–XXI вв.» [Кажарова 2021а: 100-105]. В 2019 г. вышел сборник А.Х. Хакуашева «Этюды об адыгской истории и литературе», куда вошла интересная статья о Л. Афашагове – «Одно стихотворение неизвестного нам автора» [Хакуашев 2019: 124-131]. Из новейшего – размещенные на интернет-платформе «Живой журнал» размышления А.С. Дзагалова о стихотворении «Баксан» и судьбе его автора. Добавим к перечисленному архивную справку о Л.Г. Афашагове из УФСБ России по КБР, полученную нами в 2018 г., уже после того, как была опубликована статья о нем. Составляя сейчас этот обзор, мы нисколько не сомневаемся, что в скором времени он пополнится новыми источниками.

Начиная с наиболее ранних свидетельств присутствия Л.Г. Афашагова в культурной жизни края, можно говорить о его востребованности, способности откликаться на бурные изменения, происходящие в масштабах страны и малой родины. Не удивительно: годы установления новой власти приходятся на его отрочество, и, вероятно, ломка прежнего уклада не стала для него потрясением, каким она была для представителей более старшего поколения. Скорее даже, нарастающая новь была привычной реальностью, оформлявшей его мировосприятие.

Документальные сведения о Лостанби Афашагове берут начало с 31 января 1938 г. «Тогда шла речь о восстановлении его в рядах партии. Он был ее кандидатом [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 53]. Уже в феврале Л. Афашагов принимает заведование отделом народного образования в родном ему Баксанском районе, и осенью того же года становится членом ВКП(б). В 1939 г. его назначают лектором отдела партпропаганды и агитации обкома ВКП(б). Лектором, однако, он проработал недолго, всего два месяца, так как вскоре был освобожден от этой должности в связи с выездом на учебу [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 16]. Произошло это в августе 1939 года» [Кажарова 2018: 146]. Но вся эта активность будет в конце 1930-х, а до того он заявил о себе как поэт.

В 1933 г. его произведения публикуются в первом сборнике кабардинских советских поэтов, а в 1934 г. – в Москве, однако можно предположить, что печататься он стал гораздо раньше.

Судя по содержанию стихотворения «Партизанская», подшитом в материалах, которые в свое время собрала Е. Машитлова для научного издания «Япэу лъэбакъуэ зычахэр» («Первые писатели Кабарды», 1968), он пробует свое перо в 1920-х, будучи еще совсем юным. Выявить источник, из которого Е. Машитлова извлекла это произведение, нам пока не удалось, но если отталкиваться от того, с какой стремительностью менялась раннесоветская действительность, а поэзия обязана была откликаться на нее «здесь и сейчас», то будет резонно отнести «Партизанскую» Л. Афашагова к пореволюционным годам:

Карахалк, горишь ты бедный,  
Как дубняк горит в костре,  
Не горюй, придут обратно  
Братья к нам – большевикам.

Коль врага мы одолеем  
Будет доля всех светлей  
Храбрецы, смелей боритесь,  
Ведь под бурей мы живем [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 87. Л. 7].

Произведение представлено на русском, и судя по характерным семантическим и синтаксическим неровностям, перед нами не перевод, а оригинал:

Не сегодня – завтра, скоро  
Город Нальчик будет взят:  
То не плечи золотеют  
То алеет звездный лоб.

Скоро мы врагов нагоним  
И покажем прыть коней,  
С боем опрокинем белых,  
Завоюем власть себе!

Карахалк! Держись, мужества!  
Партизаны идут в лесу.  
Их клинки отбиты остро  
Быстры в скачке кони их [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 87. Л. 7].

Не будем касаться отсутствия рифмы и упорядоченного ритма – одолеть эти вещи на начальных этапах освоения адыгской поэзией силлабо-тонической системы стихосложения было дано не каждому. Главное, что бросается в глаза – наивные и, прямо скажем, неуклюжие образы, выдающие автора, не вполне владеющего русским языком, зато стоящего «на верных идеологических позициях».

В упомянутой выше статье А.Х. Хакуашева исследователь замечает, что в различных печатных изданиях тех лет почему-то не встречаются стихотворения Л. Афашагова на родном языке. Между тем, как можно убедиться, два таких попали в «Первый шаг» (1933) – это «Майский день» и «Буквы нового языка».

Оба стихотворения отвечают времени тематикой, образностью и настроением. На первый взгляд заметны лишь характерные для адыгской поэзии тех лет (в чем убеждают и другие стихотворения «Первого шага») топоры: многообещающее настоящее как решительный противовес мрачному прошлому, восхваление творцов настоящего и будущего, политическая агитация и все это – от лица коллективного субъекта сознания. Но, безусловно, есть моменты, которые задерживают внимание. Прежде мы этого касались [Кажарова 2021b: 138–150], и сейчас лишь вернемся к сказанному.

Казалось бы, название «Майский день» должно предопределить развертывание популярного сюжета эпохи – празднование Первомая, тем более что в этом ключе представлено не одно произведение сборника («Мая первый день!» Т. Шакова, «1 мая» А. Шогенцукова, «1 мая» Х. Карданова). Подобные вещи обычно пишутся как отклик на уже прошедшее или ожидаемое событие. Однако майский день Афашагова большей частью ассоциирован с избавлением от жестокой зимней стужи. Поэт наблюдает неспешное, но неуклонное возвраще-

ние радости жизни. Л. Афашагов воспринимает май так, словно тот приходится не на конец весны, а граничит непосредственно с зимними месяцами:

Уей! Май мазэ, мазэ лъапIэ,  
 ЛъапIэныгъэр къызыхэкI.  
 КIэ имыIэу дигугъати,  
 ЩIымахуэжыыр кIуэдыжаш.

КъакIуэ, къакIуэ мазэ лъапIэ,  
 Дэ пIэ хуабэм дигъэфаш,  
 Фэншэ бзаджэу щIымахуэжыыр  
 Дэ цIыху цIыкIум дужэгъуаш. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 47].  
 (Здесь и далее орфография оригинальных текстов сохранена. – И.К.)

Эй! Май месяц, месяц ценный,  
 Ценностей источник (ты),  
 Мы ведь думали, она бесконечна,  
 (А все ж) сгинула проклятая зима.

Иди к нам, иди, любимый месяц,  
 Обленились мы (уже) в теплых койках.  
 Бледна и свирепа негожая зима  
 Нам, всем людям, надоела (она).  
 (Пер. подстр. – И.К.)

В центре сюжета вовсе не праздник труда, а животворящее чудо весны:

ЩIымахуэжыым игъэщтауэ  
 Къуалэ бзухэр къэкIуэжаш,  
 Жэщ кIэщI тIэкIум емызэгъуэ  
 Пщэддыджыжыым пэушаш.

ПцIашхъуэ цIыкIухэу  
 Уэрэд усхэм я гуфIэгъуэу ежъэжаш,  
 Щабэ щхъуантIэм май удзыщIэм  
 Ди Iэщ цIыкIухэр игъэнщIаш.

Ар, уэсыжыыр шытекIыжым  
 Жыгуэ шыIэр къэтIэпIаш,  
 Ди бжэ цIыкIухэм хъугъуэфIыгъуэр  
 Къызэпахуэ къэгъэгъаш.

Щынэ цIыкIухэу щIэжъей цIыкIухэр  
 Май хъун Iувым егъэльей,  
 Ар лъэ-пкIэхэу пщэдджыжыпэм  
 Дыгъэ нурхэм пофэрэз.  
 [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 47].

Изгнанные негожей зимой  
 Перелетные птицы вернулись,  
 С ночью короткой не ладя,  
 Утро встречая, проснулись.



Ласточки,  
Щебеча, оживленно взметнулись,  
Мягкой зеленью майской  
Живность насытилась наша.

Вслед за сошедшим снегом  
Почки деревьев раскрылись,  
Пчелки сокровища  
Делят среди их цветенья.

Мальши-ягнята  
Подскакивают на лугу,  
Их прыжки ранним утром  
В солнца лучах мелькают.  
(Пер. подстр. – И.К.)

Почти пасторальный пейзаж. Лишь в самом конце Афашагов словно спохватывается и решает восполнить упущенное. И снабжает финал необходимыми штампами: прошлое, ассоциированное с беспросветным мраком, призывы к классовой борьбе и полуфольклорные образы недюжинной мощи, которой надлежит в этой борьбе пробудиться:

Пащтыхьыжьым и зэманым  
Жэщ мазэгъуэр кыфI тцыхъуащ,  
Абы властыр иыгъыхукIи  
Щцэныгъэншэу дыщIэтащ.

ЩтыIэ штаблэу фыщымыту  
Благъуэ хабзэу фыпэув,  
Вий я гуащIэу ди къарухэр  
Щцэныгъэншэм пэдвигъэгъув.

В проклятое царское время  
Лунная ночь казалась нам темной,  
Пока держалась эта власть  
Мы были безграмотны.

Не робея  
Восстаньте, дракону подобно,  
Будто мощь восьмерых волов сила (каждого из) нас  
Пусть против безграмотности встанет.

Второе произведение – «БзэщIэ хьэрфхэр» («Буквы нового языка») привлекает уже тем, что в тематике кабардинской поэзии того периода сложно встретить нечто подобное. Видимо, оно должно было художественно обосновать «восприятие нового алфавита как символа нового бытия и отказа от предшествующих традиций. Закономерно, что и этнос, обретший новый алфавит, уже не тот, что прежде, отсюда и характерное обращение – новые адыги» [Кажарова 2018: 144]. Правда, не очень понятно, почему сам язык определен как новый – *бзэщIэ*:

Уей, адыгэ-адыгэщIэ!  
ЩIыпIэ Iэджэм и хьэрф лыхьу,  
Къэфлыхьуауэ дэ хьэрфыщIэр  
АдыгэщIэм дывохьуэхьу.

АдыгэщIэ ди хьэрфыщIэр  
ЩIыпIэ Iэджэм дыщыIуащ,  
Iэщэ-фащэу къэрал куэдым  
Я бзэ къуэпсыр дэ дгъэуващ.  
[Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 47].

Эй, адыги, адыги новые!  
Искатели своих букв в разных частях света,  
Вас, отыскавших новые буквы,  
Вас, новых адыгов, чествуем мы.

Новые адыги, мы, обладающие новым алфавитом  
Зазвучали во многих краях,  
В качестве боевого снаряжения много стран (объединившее)  
Языковое ответвление мы избрали.  
(Пер. подстр. – И.К.)

«Чтобы прояснить подтекст «боевого снаряжения», которым стало для адыгов «языковое ответвление, объединившее много стран», необходимо помнить, что в период написания стихотворения адыгская письменность базировалась на латинской графической основе. Такое положение сохранялось с 1924 по 1936 гг. Причины, по которым была избрана именно латинская графика, подчеркивает в своем исследовании В.Г. Шнайдер:

«Чрезвычайно важным представляется мотив, руководствуясь которым было принято решение использовать именно латинскую основу, а не какую-либо другую. В качестве показательного примера приведем решение, утвержденное на заседании адыгейско-кабардинской комиссии по принятию нового алфавита для адыгских народов (адыгейцы, кабардинцы, черкесы). Участники заседания пришли к выводу, что, принимая во внимание колониальное прошлое, жесткую политику самодержавия, приведшую к национальной трагедии адыгов, будет правильным перейти на использование латинских букв для национального алфавита. Как отмечалось в решении комиссии “использование русских букв нежелательно по мотивам политического порядка”» [Шнайдер 2015: 88].

Совершенно в духе времени негативный образ самодержавной политики оказывается в одной связке со всеми предшествующими образами письма, в том числе арабским, графическая основа которого ассоциировалась с религиозностью. Здесь же проступают аллюзии к персидскому и турецкому языкам, которыми владели образованные адыги» [Кажарова 2018: 145]:

Хамэ хэкум  
Я бзэ куэдым  
Ди бзэгупэр яукьуэншащ  
Пащтыхьыжьуэ залым зехьэм дэубыдауэ диIыгъащ.

Ди бзэ псалъэм делэжьыну  
Дэубыдауэ дыщытащ,  
Благъуэ хабзэу зыкъытхуищІурэ  
Дэ хамэбзэм дырипхащ.  
[Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 48].

Чужих стран  
Языки многие  
Покривили нам кончик языка  
Царь негодный, зло творящий, в притеснении нас держал.

Служить слову родного языка  
Нас права лишал,  
Драконьи повадки свои демонстрируя  
Он к чужому языку нас привязал.  
(Пер. подстр. – *И.К.*)

Л. Афашагов отразил период, в котором кабардинская письменность перестает быть делом энтузиастов-одиночек, к ее разработке стягивается вся интеллигенция, независимо от социальных и иных различий. С позиции сегодняшнего дня ценно, что, восторженно поэтизируя их, он не забывает о подвижниках из числа черкесских иммигрантов (Н. Цагов, Х. Тлецерук, С. Нагуч, И. Хидзетль, Х. Бесленей). Политические преследования в их отношении начнутся спустя недолгое время, а пока, пусть через собирательный образ, Афашагов успевает воспеть их участие в благородном и прогрессивном деле – разработке письменности и организации печатного дела на своей исторической родине:

Адыгэбзэм елэжьбахэр  
Хы фІыщІэжьым къельэжащ,  
Дунеижьым къыщигъазэм  
Кавказ щІыгум кыхьэжащ.

Ди бзэ лъапІэр къырагъэкІыуэ  
ГэзэтыщІэр традзащ,  
ЛэжьэкІуэфІыуэ насыпыфІэр  
НафІэгугІэу къеджэжащ.  
[Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 48].

Разрабатывавшие адыгскую письменность  
Через Черное море (к нам) перемахнули обратно,  
Когда мир стал меняться,  
На кавказскую землю вернулись (они).

На нашем дорогом языке зазвучавшие  
Новые газеты основали,  
Трудящиеся счастливые  
С радостью их читали.  
(Пер. подстр. – *И.К.*)

Однако, «к 1936 году графические предпочтения изменятся, будет принята за основу кириллица, но стихотворение Л.Г. Афашагова уникально тем, что выхватывает и запечатлевает настроение именно «латинского» отрезка в истории адыгской письменности. Оно освещает непростые аспекты, определявшие в 1930-х годах духовный статус национальной письменности» [Кажарова 2018: 145].

Почему-то исследователи кабардинской литературы раннесоветских лет нигде не упоминают изданную в Москве антологию переводных произведений «Поэзия горцев Кавказа» (1934). Составил ее и снабдил комментариями Дзахо Гатуев (1892–1938), осетинский писатель, революционер и общественный деятель, а предисловие написал дагестанский ученый, революционер и политик Алибек Тахо-Годи (1892–1937).

В кабардинской подборке есть стихотворение Л. Афашагова «Кабарда». Надо сказать, поэт оказался в очень представительном окружении: Абдул Пшеноков, Пшикан Шекихачев, Тута Борукаев, Али Шогенцуков, Пшимахо Кешоков. Символично, что открывают подборку самые молодые – Абдул Пшеноков и Афашагов.

В предисловии к сборнику А.А. Тахо-Годи не раз обращается к строкам из произведения Л. Афашагова, отмечая его среди молодых горских авторов, что высоко ценят звание поэта и «для своего «возраста» неплохо применяют поэтическое оружие, довольно искусно его оттачивая» [Поэзия... 1934: 12].

«Кабарда» Л. Афашагова представлена в литературной обработке поэта и переводчика А.И. Шпирта (1903 (1904?)–1983). Довольно трудно судить о том, что недоступно нам в оригинале, но несомненно, что в «первые ряды» кабардинской подборки это стихотворение привело соответствие темой и пафосом злобе дня. Несмотря на многообещающее название – «Кабарда» – сюжет стихотворения сводится лишь к реалиям коллективизации, в которой есть место как трудовым достижениям, так и вражьи́м проискам.

От строфы к строфе труд крестьян-бедняков становится все стройнее и стройнее, вливаются в эту гармонию и середняки:

Вместе с верными волами  
Мы дошли к середине дня...  
Поглядите – с бедняками  
Вышел также середняк.

Всех волов объединили,  
Лошадей пригнали все  
И с такою новой силой  
Новый начали посев.  
[Поэзия... 1934: 247].

Злоба дня изливается в злобных же обещаниях сокрушить в ближайшее время вражескую силу в лице кулака:

Но... винтовку поднимая,  
Стал наш верный часовой,  
Наша армия родная,  
Наш помощник боевой.

Жизнь иную мы построим  
Под защитою его,  
Мы нору кулачью взроем,  
Не бояся никого!  
[Поэзия... 1934: 248].

Одно из переводных стихотворений Л. Афашагова извлечено историком А.С. Дзагаловым из газеты «Молодой сталинец» за июнь 1941 г. Стихотворение называется «Баксан», перевел его поэт Николай Столяров. Достаточно взглянуть на стихотворения «Баксанстрой» (1931), «Баксанская ГЭС» (1936) Али Шогенцукова, «Песнь Кавказа» (1934) Алима Кешокова, «Баксан» Абдула Пшенокова, «Баксан» М. Бзаджева, и тема реки Баксан начинает восприниматься как общее место кабардинской поэзии тех лет.

На 1930-е гг. приходится строительство и введение в эксплуатацию Баксанской гидроэлектростанции. Художественных проекций этого события у кабардинцев, действительно, сохранилось немало: бурная река Баксан – в прошлом дикий, а ныне оседланный скакун; тысячами электрических «звезд» он озаряет новую действительность; это аксакал, который должен отбросить свой независимый нрав и стать поговорчивей; это плененный свободолюбец и т.д. Грандиозное событие не могло не поражать воображение, поэты охотно и восторженно откликались на него, но, похоже, Лостанби Афашагов воздержался.

Его восторги иного рода. Его Баксан – Баксан неприрученный, неистовый, прекрасный. Ни о каких ГЭС и пользе служения отечеству нет и намека:

Берега круты – простора  
В беге злобном ищет он,  
У подножья Харо-Коро  
Слышен шум и дикий стон.

То он спорит с берегами  
То волной о скалы бьёт,  
То подхватит амбра-камень  
И как щепку понесёт.

Песня старого Баксана  
Между скал века живёт,  
Он, подобно великану,  
Рушит скалы, камни бьёт<sup>1</sup>.

Кратковременная умиротворенность Баксана, очутившегося на равнине, возникает не как мотив его обуздания, а всего лишь как передышка, гармоничная настроению лирического героя, перенесшегося мыслями в детство, о чем говорят последние строфы стихотворения:

А когда шуметь устанет  
В берега свои войдёт –

---

<sup>1</sup> Дзагалов А.С. Предвоенная Кабардино-Балкария: Лостанби Гуружевич Афашагов // Живой Журнал. URL: <https://aslan-be-k07.livejournal.com/86200.html> (дата обращения: 21.09.2023).

Продолжая путь свой дальний,  
Тихо песню запоёт.

Я у скал его отвесных  
Годы детства проводил,  
И его седые песни  
Все, что слышал, сохранил<sup>1</sup>.

Как пишет А.Х. Хакуашев, перу Л. Афашагова, возможно, принадлежит и сохранившееся в русском переводе стихотворение «Соловей». Исследователь случайно обнаружил его в личном архиве Хачима Теунова. Его тоже перевел Николай Столяров. По словам А. Хакуашева, ни этот перевод, ни, тем более, оригинал в изданиях тех лет не встречаются. Что же касается авторства, то оно пока под вопросом, поскольку фамилия «Афашагов» указана от руки в правом верхнем углу листа, на котором записан перевод, причем почерк того, кто указал фамилию, определенно не совпадает ни с почерком самого Н. Столярова, ни с почерком Х. Теунова [Хакуашев 2019: 124].

Стихотворение «Соловей» датировано 1939 г. Трудно не согласиться с предположением А. Хакуашева о том, что вероятной причиной непопадания «Соловья» в печать послужила его полная свобода от идеологических рамок. Как видится нам, в этом есть хоть и слабый, но все же аргумент в пользу того, что стихотворение принадлежит Л. Афашагову. Ведь насколько безудержным могло становиться его упоение образами природы, убеждает и «Майский день», и вышеприведенный «Баксан».

А. Хакуашев улавливает в этом стихотворении интересную аллюзию на «Соловья» А.А. Алябьева. Нас же поразила удивительная переключка (чуть ли не диалог) тополя, показанного в начале произведения, с тополем из стихотворения И.Б. Клишбиева (1896–1974) «Луэдыщэ» («Золотая Гряда», 1917). Если принять такое предположение, то и прилетающий к тополю соловей Афашагова явно «отвечает» ангелам, спускавшимся к тополю Клишбиева, а гнушийся под вьюгой обнаженный тополь, грезящий о весне и возвращении соловья, – это упорная вера в судьбу этноса, более радостную, чем та, что воплотилась в переломленном молнией, ослепшем и утратившем волю к жизни тополе И. Клишбиева.

Сложно догадаться о художественном уровне оригинала, но хочется думать, что перевод, подобный этому, едва ли мог быть навеян неодухотворенным источником:

*Соловей*  
Саклю нашу украшая,  
Серебристый тополь рос,  
Головой своей касаясь  
В синем небе ясных звезд.  
Листья тихо трепетали

---

<sup>1</sup> Дзагалов А.С. Предвоенная Кабардино-Балкария: Лостанби Гуружевич Афашагов // Живой Журнал. URL: <https://aslan-be-k07.livejournal.com/86200.html> (дата обращения: 21.09.2023).

На густых его ветвях, –  
Словно золото, сверкали  
В ярких солнечных лучах.  
Каждый день весной и летом,  
В тень серебряных ветвей,  
Прилетал на тополь этот  
С песней звонкой соловей.  
И на дереве любимом  
Распевал на все лады,  
И никто ни разу мимо  
Песни той не проходил...  
Так, невидимый, известный  
Пел для нас певец садов,  
И будили звуки песни  
В сердце светлую любовь.  
И несла та песня часто  
Наши юные сердца  
В бестревожный мир, где счастью  
И веселью нет конца!..  
Но не вечно так бывает:  
Совершая жизни круг,  
Лепестки с цветов спадают,  
Соловьи летят на юг.  
И на крыльях ветра осень  
Прилетает, вьюги вой  
Раздается всюду, – носит  
Хлопья снега над землей...  
Обнаженный тополь гнется  
И качает тень ветвей, –  
Ждет, когда весна вернется,  
Возвратится соловей!  
1939 [Цит. по: Хакуашев 2019: 130–131].

Начало 1940-х гг. оставило нам свидетельства публицистической и переводческой работы Л. Афашагова. Судя по адыгоязычной подшивке «Социалистической Кабардино-Балкарии» за 1940 г., «периодически он «курирует» круглые даты, связанные с особо значимыми в идеологическом контексте времени именами русской литературы. Так появляются статьи, посвященные тридцатилетию со дня смерти Л. Толстого, десятилетию со дня смерти В. Маяковского. Важно сказать, что он всячески избегает сухого констатирующего стиля и авторской дистанцированности, казалось бы, вполне допустимых для газетного материала о личностях, заслуги которых не нуждаются в излишних представлениях.

Заметно, что статья о В. Маяковском явно переходит пределы газетного очерка, обнаруживая глубокую заинтересованность автора в передаче оттенков неординарности творческого портрета «лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи». Высвечивая отдельные факты биографии и идейного становления, он заостряет внимание на вопросах языка Маяковского, цитирует ряд его произведений в интересных переводах на кабардинский язык. Надо сказать, что и языковая манера самого Л. Г. Афашагова заметно отдалена от суконого стиля

газетных публикаций, перенасыщавшихся в тот период калькированными с русского языка терминами и речевыми оборотами» [Кажарова 2018: 144]. Те же переведенные Афашаговым стихотворения Маяковского, что помещены в этой статье, войдут и в упомянутую выше хрестоматию по родной литературе.

Об одном из публицистических материалов Афашагова пишет А.Х. Хакуашев. Это статья о Шоре Ногмове в номере 15 за январь 1941 г. Как подчеркивает исследователь, сам факт обращения к Ногмову необычен – он вопреки традициям времени, которое умалчивало имена первых адыгских просветителей, причислив их к враждебному классу. О Шоре Ногмове, продолжает Хакуашев, заговорят лишь в 1944 г. Тем не менее, Афашагов обнаруживает здесь осведомленность о ранних шагах адыгской письменной культуры [Хакуашев 2019: 127].

Таким образом, можно видеть, что в начале 1940-х гг. – времени, за которым жизнь Л. Афашагова разделится на до и после, – он творчески активен: статьи, поэзия, переводы, составление учебной литературы... Все переменится с началом войны, когда обнажится противоречивость его политических убеждений. И платой за эти убеждения окажутся его свобода, страдания близких, долгие годы забвения его имени в истории адыгской культуры.

Согласно архивной справке УФСБ по КБР его социальное положение в 1943 г. характеризовалось так: «Афашагов Лостанби Гуружевич, 1909 г.р., уроженец с. Кызбурун-1 Баксанского района КБАССР (в период, на который попадает год рождения, селение именовалось Атажукино II Нальчикского округа Терской области Российской империи, а ныне – селение Атажукино Баксанского района КБР – *И.К.*), кабардинец, гражданин СССР, член ВКП(б), образование высшее, по специальности учитель, из крестьян-батраков, заведующий сектором школ Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, ранее не судим, женат» [Личный архив И.А. Кажаровой]. Далее указан состав его семьи: жена и две дочери. Здесь надо уточнить, что обе дочери от первого брака Л. Афашагова. Также в сведениях о семье упущено одно лицо – это пасынок поэта, Михаил Афашагов (по отцу Серебро), будущий автор воспоминаний, в которых прозвучит история Лостанби.

Хоть и был Михаил очень юн, когда разворачивалась драма судьбы его отца и матери (в дни оккупации Нальчика ему одиннадцати лет), суть произошедшего запомнил верно. «Один из образованнейших людей своей республики, он был в оппозиции к обоим режимам – оккупационному фашистскому и, как бы – освободительному советскому. Те не остались в долгу и поочередно сажали его в тюрьмы»<sup>1</sup>, – это кратко о произошедшем с Лостанби Афашаговым, «мечтателем и романтиком», каким помнил его пасынок.

Вышеупомянутая справка проливает свет лишь на то, что происходило в 1943–1944 гг.: «Афашагов Лостанби Гуружевич 12 июля 1943 года арестован НКВД КБАССР по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 58-1б, 58-11 УК РСФСР.

---

<sup>1</sup> Баумгартен Л. Михаил Серебро: «следовать своей дорогой»: актер режиссер, драматург, писатель рассказывает о своей судьбе [Электронный ресурс] / Л. Баумгартен. — 2017. — 23 октября. — URL: <http://www.rewizor.ru/literature/interviews/mihail-serebro-sledovat-svoey-dorogoy/> (дата обращения: 11.12.2017).



Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 15 июля 1944 г. за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-1б, 58-11 УК РСФСР Афашагов Лостанби Гуружевич приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет. Срок исполнения наказания с 14 июля 1943 года» [Личный архив И.А. Кажаровой]. О более ранних событиях узнаем из воспоминаний М. Серебро, приведем некоторые выдержки:

«Но лейтенант запаса Лостанби Афашагов уклонился от службы в Красной армии, потому что, как оказалось, принадлежал к сторонникам отделения Кабарды от России. Он попросту стал дезертиром. Гулял он недолго. Его поймали и посадили в тюрьму. <...>

...Когда фашисты вплотную подошли к Нальчику, все партийные и государственные учреждения эвакуировались в Грузию. Немцы без сопротивления вошли в столицу Кабардино-Балкарской АССР. Первое, что они сделали – освободили всех политических заключённых, в том числе и моего дезертира-отчима. А он, от греха подальше, увёз нас с мамой в своё родовое селение Кызбурун. <...>

...Через три дня он ушёл. До нас доносились слухи: «Лостанби служит немцам», «Лостанби назначен министром образования Кабарды»... Последняя новость ошеломила: «Лостанби арестован». Теперь это сделали немцы. Ранее расположенные к молодому, образованному горцу, и возлагавшие на него большие надежды в пропагандистском плане, посадили его в тюрьму за стихотворение, опубликованное в руководимой им газете «Родина». Стихотворение называлось «Свободу народу моему», в нем он призывал кабардинцев восставать против любого оккупанта. А потом он со своими сторонниками вышел на площадь и читал свои патриотические стихи, пока его не арестовали» [Серебро 2012: 36–38].

Исходя из вышеизложенного сложно подойти к герою повествования с однозначной оценкой, но хотя бы становится ясно, что им руководила не трусость, а собственные убеждения, и только их он ставил во главу угла: уклонившись от гражданского долга перед своей страной, он, тем не менее, не соглашается принять и сторону врага.

А. Дзагалов, рассуждая о фактах, изложенных М. Серебро, ставит под сомнение правдивость его воспоминаний, и причин, по его словам, несколько. Во-первых, сложно поверить в то, что человек партийный, достигший хорошего положения в обществе, мог что-то иметь против коммунистов и советской власти, которой он был многим обязан. Далее вызывает сомнение его арест. Процитируем:

«Дезертиров в то время, как правило, отправляли в Орджоникидзе, подальше от линии фронта, где их судил Военный трибунал. Множество такого рода документов хранится на сайте ОБД Мемориал. Документального подтверждения его ареста здесь не обнаружено. Кроме того, автор не пишет, где он «советами» был арестован и содержался. На сайте имеются лишь сведения о том, что Афашагов Л.Г. после освобождения Кабардино-Балкарии от фашистов, вместе с группой бойцов и командиров Красной армии направлен 21 февраля 1943 года из Нальчика в 212-й Армейский запасной стрелковый полк в г. Георгиевск. Речь о судебном преследовании также не идёт»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Дзагалов А.С. Предвоенная Кабардино-Балкария: Лостанби Гуружевич Афашагов // Живой Журнал. URL: <https://aslan-be-k07.livejournal.com/86200.html> (дата обращения: 21.09.2023).

Между тем, как уже ясно из архивной справки УФСБ, арест Афашагова советскими органами все-таки был, обвинили его в измене Родине и организационной контрреволюционной деятельности. Скорее всего, и арест немцами имел место быть. Во всяком случае, можно найти косвенное подтверждение тому, что во время оккупации Афашагов находился на территории республики. Согласно протоколу заседания Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП (б) за февраль 1944 г., его супруга, советский служащий, будет исключена из КПСС за недостойное поведение на занятой врагом территории. Выходит, была и причина, по которой она на этой территории оставалась, отказавшись от эвакуации в Грузию. Что касается сведений о службе Л. Афашагова в 212-м Армейском запасном стрелковом полку, то по времени она как раз «укладывается» между уходом немцев из Нальчика (январь 1943), благодаря чему Л. Афашагов оказался на свободе, и его арестом советскими органами (июль 1943).

На самом деле, неточности есть в других деталях воспоминаний М. Серебро, и это неудивительно, ведь автор описывает события давно минувших дней. К слову, он рассказывает о драматических событиях его семьи в период оккупации так, будто это имело место в 1943 г., хотя известно, что уже в первых числах этого года оккупация была снята; представляя читателю Али Шогенцукова, он говорит, что поэт одним из первых был награжден орденом Ленина, хотя мы знаем, что на самом деле он – один из первых заслуженных деятелей искусств КБАССР. Но еще раз повторим, подобные неточности объяснимы.

А. Дзагалова настораживает также эпизод, в котором мама Михаила говорит, что Али Шогенцуков обещал добиться скорого освобождения Афашагова, обещал помочь. Понятно, что здесь всего лишь путаница в воспоминаниях. Несомненно, что мать Михаила возлагала на Али Шогенцукова большие надежды: его нахождение в тот момент на фронте не отменяло того, что он был самый авторитетный, самый влиятельный из друзей ее супруга. И несомненно, что в ее разговорах с сыном это имя, как надежда на спасение, звучало постоянно. А то, что оставшиеся в оккупации партийцы собирались в квартире Шогенцукова, чтобы обсудить положение на фронте – по сути лишь предположение мальчика одиннадцати лет.

Возвращаясь к документам, скажем также, что во многом проливает свет на место и положение, в котором находился Л.Г. Афашагов в 1943 г., справка за подписью замминистра госбезопасности КАССР Хапова на Шогенцукова Али Асхадовича. Документ опубликован М.А. и В.Н. Котляровыми в книге «Ты создал мир. И он велик» [Котлярова, Котляров 2003: 80-82].

Отступая на мгновение от истории Афашагова, обратим сначала внимание на то, насколько тенденциозно в этой справке выстроены сведения об Али Шогенцукове. Факты интерпретированы именно так, «как нужно», чтобы наверняка уничтожить характеризуемого. На это работают и сведения о том, что его брат «служил по мобилизации в белой армии», и религиозное образование Шогенцукова, в истории которого выискиваются нежелательные идеологические акценты, в частности, что школа в Махачкале, куда Шогенцукова направили как преуспевающего ученика, готовила «кадры для туркизации народностей

Кавказа». Так, последовательно наслаиваются краски, создающие образ крайне ненадежного гражданина.

Что касается героя нашего повествования, он появляется там, где речь идет об «антисоветских настроениях» Али Шогенцукова:

«Будучи в 1932 г. инспектором Баксанского района, Шогенцуков высказывал антиколхозные настроения.

Шогенцуков имел связи с участником ликвидированной в 1937 г. контрреволюционной буржуазно-националистической организации – Налоевым Д.

Арест врагов народа в 1937–38 гг. он рассматривал как уничтожение передовых слоев общества – молодежи.

Выражая взгляды буржуазной интеллигенции, Шогенцуков в близком кругу высказывал в 1938 г. антисоветские настроения, он заявлял: «Я уверен в том, что стал бы поэтом с мировым именем, если бы у нас существовала действительная свобода, если бы можно было писать то, что хочется сердцу.

...Думают ли руководители Советской власти методом запугивания и беспощадного подавления всякой живой мысли сделать что-либо полезное для России».

В 1943 г. органами МГБ вскрыта и ликвидирована существовавшая с 1938 г. в г. Нальчике буржуазно-националистическая группировка Бацежева А.Б., Афашагова Л.Г. и др., ставившая своей задачей организованный переход на сторону немцев и образование самостоятельного Кабардино-Балкарского государства под протекторатом Германии.

Из показаний арестованных Бацежева и других видно, что одним из активнейших организаторов и руководителей этой группы являлся Али Шогенцуков. Арестованный по делу руководитель этой группы Лостанби Гуружевич Афашагов на допросе 21 июля 1943 г. показал, что он установил связь с Шогенцуковым в 1938 г., так как точка зрения у них в области националистических взглядов совпадала.

Шогенцуков открыто говорил: «сейчас, после Октябрьской революции, несмотря на законы и Конституцию, еще продолжают притеснения нашего народа...».

Далее Афашагов показал, что вместе с ним Шогенцуков являлся вдохновителем этой группы. В сентябре 1939 г. я ушел на учебу в институт. Перед уходом Шогенцуков дал мне установку создать националистическую группу из числа новых кадров литературных работников, находящихся в институте, среди которых вести работу в духе буржуазного национализма...» (Из показаний арестованного Л.Г. Афашагова от 21 июля 1943 г.)» [Котлярова, Котляров 2003: 81–82].

Установить достоверно, о чем именно говорилось, и говорилось ли вообще, нам уже не удастся, но полагать, что перегибы коллективизации, уничтожение передовых представителей интеллигенции, отсутствие свободы слова и прочие «издержки» нового строя могли вызывать сплошной восторг лучших умов того времени, было бы наивно. Были ли взгляды Лостанби Афашагова на самом деле националистическими, мы тоже вряд ли узнаем: ярлыки навешивались за любое, даже справедливое высказывание против существующего строя, и обвинения в групповщине были традиционны – упомянутая в связи с Д. Налоевым «контрреволюционная буржуазно-националистическая организация» – тому яркое доказательство.

Несколько слов надо сказать о жене Лостанби, Фаине Наумовне Афашаговой (Кейсерман). Как мы уже упомянули, это был второй брак Афашагова. Вот как пишет об этом М. Серебро: «...Лостанби, учился на рабфаке, где преподавала моя мама. Там они и познакомились. Он влюбился в мою мать, а она по-

любила его. Он разошёлся со своей женой-кабардинкой, которую оставил с двумя детьми в горном ауле, и они с мамой поженились» [Серебро: 2012: 34].

Среди документов Кабардинского педагогического рабфака сохранился личный листок Фаины Афашаговой. Уроженка г. Николаева, еврейка по национальности, из семьи рабочих, партийная (причем, согласно протоколам заседаний Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП (б), ряды КПСС она пополнила в 1938, уже будучи работником образования КБАССР). Получила высшее педагогическое образование – выпускница Академии Коммунистического Востока (г. Ленинград). В 1931–1932 гг. работала учительницей в родном городе. На Кавказ ее направили в 1936 г. Год она проработала инспектором крайОНО в г. Пятигорске, в 1937–1939 гг. – учителем языка и литературы в 8–10-х классах с. Баксан КБАССР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 236. Л. 3].

Дальнейшие события восстанавливаются по протоколам заседаний Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП (б). В 1941 г. она становится директором школы № 8 г. Нальчика, в апреле 1942 г. ее утверждают заведующим Нальчикским горОНО, в сентябре 1943 г. освобождают от этой работы, а в 1944 г. исключают из партии.

«Похожая на кабардинских женщин как две капли воды» Фаина Афашагова, убежденный коммунист, в роковые дни принимает решение быть рядом с мужем: «Перед мамой встала дилемма – либо выполнить указания партии, либо быть верной слову, которое она дала Лостанби, – вместе и в горе, и в радости. Она выбирает последнее. <...> её любили, чттили, и не нашлось никого, кто бы выдал, донёс в гестапо, что по улицам, совершенно открыто, ходит известный советской служащий» [Серебро 2012: 41]. В 1944 г., лишившись всех должностей и исключенная из партии, она возвращается вместе с сыном в Николаев. О дальнейшей судьбе отчима М. Серебро пишет так: «Что касается Лостанби Гуружевича Афашагова, поэта и патриота своей родины, то из тюрьмы он так и не вышел. Его расстреляли. Мы не узнали, кто это сделал: отступающие немцы или наступающие наши» [Серебро 2012: 59]. Могла ли Фаина Афашагова не знать о суде над мужем, о заключении? Сомнительно. Возможно, что расстрел – это лишь догадка самого М. Серебро, либо «версия», которой настойчиво придерживалась Фаина, чтобы избежать лишних расспросов после возвращения в Николаев.

«Мы вернулись в Николаев. Она долго добивалась реабилитации. Его и своей. Надорвалась в борьбе за справедливость и умерла в городе, где родилась»<sup>1</sup>. Вряд ли Фаина Афашагова стала бы добиваться справедливости, не имея для этого весомых аргументов. И судя по всему, таковые на самом деле были: согласно справке УФСБ, «18 октября 1991 года на основании заключения Прокурора КБАССР в соответствии с п. «а» ст. 3 и п. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. Афашагов Лостанби Гуружевич реабилитирован. Справка о реабилитации от 07 мая 2004

---

<sup>1</sup> Баумгартен Л. Михаил Серебро: «следовать своей дорогой»: актер режиссер, драматург, писатель рассказывает о своей судьбе [Электронный ресурс] / Л. Баумгартен. — 2017. — 23 октября. — URL: <http://www.rewizor.ru/literature/interviews/mihail-serebro-sledovat-svoey-dorogoy/> (дата обращения: 11.12.2017).

года № 13-1093-2004» [Личный архив И.А. Кажаровой]. Подписано начальником подразделения Р.С. Варзиевым.

Нет сомнений в том, что со временем картина жизни и творчества Лостанби Афашагова обнаружит новые штрихи, станет еще отчетливой. Мы, как и прежде, считаем, что «восстановление фактов биографии Л.Г. Афашагова проливает свет на причины отсутствия его имени в истории адыгской культуры, однако не умаляет роли его активного участия в деле культурного строительства первых десятилетий советского строя» [Кажарова 2018: 147]. Не говоря уже о тех уровнях, на которые нас выводит восстановление литературных феноменов и размышление о зачастую драматических судьбах, с ними связанных, немаловажно открывающееся за всем этим понимание, что всякий разговор о ценностном измерении культуры становится ущербным, если упускать из виду актуальную в любую эпоху способность человека к пересмотру ценностных парадигм.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Кажарова 2018 – Кажарова И.А. Обретение письменности как сюжет духовной культуры адыгов и личность Л. Г. Афашагова // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 138–150. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-7-138-150>

Кажарова 2021а – Кажарова И.А. Афашагов Лостанби Гуружевич // Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв. Биобиблиографический словарь. В 3-х т. Т. I: А–И. – Нальчик: «Принт Центр», 2021. – 380 с.

Кажарова 2021б – Кажарова И.А. Литература как «форма работы на идеологическом фронте» и ценностные основания интерпретации идеологизированного творчества // Кавказология. – 2021. – №4. – С. 260–280. DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-260-280

Котлярова, Котляров 2003 – Котлярова М.А., Котляров В.Н. Ты создал мир. И он велик. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. – 216 с.

Личный архив И.А. Кажаровой.

Налоев 2014 – Налоев Д.М. Литературное наследие. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 225 с.

Поэзия...1934 – Поэзия горцев Кавказа. – М.: Гослитиздат, 1934. – 276 с.

Серебро 2012 – Серебро М.С. Осколки: роман в 7-ми фрагментах. – Nechingen: Stella-Verlag, 2012. – 268 с.

Социалистическая Кабардино-Балкария 1940 – Социалистическая Кабардино-Балкария: газета. – 1940. – № 259 (5032). – С. 2.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Хакуашев 2019 – Хакуашев А.Х. Этюды об адыгской литературе и истории. исследования, аналитические статьи, воспоминания. – Нальчик: Эльбрус, 2019. – 280 с. (на каб.-черк. яз.).

Шнайдер 2015 – Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. – Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 417 с.

### REFERENCES

Arkhir Instituta gumanitarnykh issledovaniy KabardinoBalkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russ. and Kabardian).

KAZHAROVA I.A. Afashagov Lostanbi Guruzhevich // Adygskie (adygeiskie, kabardinskie, cherkesskie, cherkesskogo zarubezh'ya) pisateli XIX–XXI vv. V 3-kh t. T. I: A–I. Biobibliograficheskii slovar' [Afashagov Lostanbi Guruzhevich. IN: Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Cir-

cassian abroad) writers of the XIX–XXI centuries. A bio-bibliographic dictionary. In 3 Vol., Vol. I.: A–I.]. Nalchik: Print Tsentr, 2021. – 380 p. (In Russ. end Kabardian).

KAZHAROVA I.A. *Literatura kak «forma raboty na ideologicheskom fronte» i tsennostnye osnovaniya interpretatsii ideologizirovannogo tvorchestva* [Literature as a "form of work on the ideological front" and value bases for the interpretation of ideologized creativity]. IN: *Kavkazologiya*. – 2021. – No 4. – P. 260–280. DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-260-280 (In Russ.).

KAZHAROVA I.A. *Obretenie pis'mennosti kak syuzhet dukhovnoi kul'tury adygov i lichnost' L. G. Afashagova* [The acquisition of writing as a subject of the spiritual culture of the Circassians and the personality of L. G. Afashagov]. IN: *Nauchnyi dialog*. – 2018. – No. 7. – P. 138–150. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-7-138-150> (In Russ.).

KHAKUASHEV A.KH. *Etyudy ob adygskei literature i istorii. issledovaniya, analiticheskie stat'i, vospominaniya* [Sketches about the Adyghe literature and history. research, analytical articles, memoirs]. – Nalchik: Elbrus, 2019. – 280 p. (In Russ. end Kabardian).

KOTLYAROVA M.A., KOTLYAROV V.N. *Ty sozdal mir. I on velik* [You created the world. And he's great]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2003. – 216 p. (In Russ.)

Lichnyi arkhiv I.A. Kazharovoi [Personal archive of I.A. Kazharova]. (In Russ.).

NALOEV D.M. *Literaturnoe nasledie* [Literary heritage]. – Nal'chik: El'-Fa. 2005. – 225 p. (In Russ. and Kabardian).

SEREBRO M.S. *Oskolki: roman v 7-mi fragmentakh* [Shards: A Novel in 7 Fragments.]. Hechingen: Stella-Verlag. (In Russ.).

SHNAIDER V.G. *Sovetskoe natsiostroitel'stvo na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950kh gg.): zakonmernosti i protivorechiya* [Soviet nation-building in the North Caucasus (1917 – late 1950s): patterns and contradictions]. – Armavir: RITs AGPU, 2007. – 416 p. (In Russ.).

*Sotsialisticheskaya Kabardino-Balkariya: gazeta. 1940. No 259 (5032). – P. 2.* (In Russ.).

*Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Office of the Center for documentation of modern history of Kabardin-Balkar Republic's archival service]. (In Russ.).

*Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Office of the Central state archive of Kabardin-Balkar Republic's archival service]. (In Russ, In Kabardian).

### **Информация об авторе**

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.

### **Information about the author**

I.A. Kazharova – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 20.12.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 20.12.2023; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 821.35  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-215-226  
EDN: NSCFUK

## ОБРАЗ ДЕТСТВА В СОЗНАНИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ И. КАПАЕВА «КУРЖЫН» («Куржун, в котором спрятано детство»)

Насипхан Хусиновна Суюнова<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, [soyunen@yandex.ru](mailto:soyunen@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5242-9261>

<sup>2</sup> Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

**Аннотация.** В статье рассматривается опыт разработки образа детства в повести Исы Капаева «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство»). Отмечается, что первая повесть писателя имеет целью углубление начатого им в рассказах конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. анализа характера, сознания молодого соплеменника-сверстника, героя – alter ego. Поскольку это есть история героя с развитой индивидуальностью и творческим мироощущением, то процесс становления его личности осмыслен И. Капаевым в социально-психологическом ракурсе, в логике его взросления, начиная с «истоков дней».

Образ детства в повести символизирует куржын, содержащий эмоциональные вещи, которые перебирает ностальгирующий герой – приехавший на каникулы студент. Эти предметы, имеющие значение исключительно для их владельца, структурируют его воспоминания, образ детства в его сознании: семья (мать, отец, бабушка), начальный опыт социализации (сверстники), чувственный опыт (дружба, боль, преодоление страха, горечь потерь). Память о детстве выступает в повести в качестве метафоры исторической памяти.

В статье отмечается, что «Куржун, в котором спрятано детство» – это первое произведение И. Капаева в ряду его последующих повестей и романов, в которых осмыслена эволюция сознания их сквозного героя – alter ego по фамилии Карамов. Отмечается также, что такой творческий процесс отражает накопленный в многонациональной и мировой литературе опыт разработки проблемы.

В качестве материала для анализа в статье использованы тексты исследуемой повести на языке оригинала. Для цитирования привлечен переводной текст на русском языке

**Ключевые слова:** образ детства, вещи-символы, структура воспоминаний, чувственный опыт, историческая память.

**Для цитирования:** Суюнова Н.Х. Образ детства в сознании автобиографического героя повести И. Капаева «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство») // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 215-226. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-215-226. EDN: NSCFUK.

---

© Суюнова Н.Х., 2024

Original article

**THE IMAGE OF CHILDHOOD IN THE CONSCIOUSNESS  
OF THE AUTOBIOGRAPHICAL HERO OF THE STORY "KURZHYN"  
("Kurzhun, where childhood is hidden") BY I. KAPAEV**

**Nasipkhan Kh. Suyunova**<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> Karachay-Cherkessian "Badge of Honour" Order Institute for Humanitarian Research named after Kh. Kh. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, soyunen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5242-9261>

<sup>2</sup> Karachay-Cherkessian State University named after U.D. Aliev, Karachaevsk, Russia

**Abstract.** The article is devoted to the study of some issues of the development of Soviet historiography. The article considers the experience of developing the image of childhood in Isa Kapaev's novella "Kurzhyn" ("Kurzhun, where childhood is hidden"). The writer's debut novella strives to enhance the examination of the character and awareness of a young compatriot-peer, hero-alter ego – concepts the author started to develop in his prose pieces of the late 60s – early 70s of the twentieth century. Since this is the story of a hero endowed with a well-developed personality and a creative worldview, the process of formation of his personality is comprehended by I. Kapaev in a socio-psychological perspective, in the logic of his maturation starting from the "origins of days."

The kurzhyn, which contains emotional objects that the nostalgic hero – a student who returned home on vacation – sorts through, symbolizes the novella's childhood image. These objects have significance only for their owner, they structure his memories, call up the image of childhood in his mind: family (mother, father, grandmother), initial experience of socialization (peers), sensual experience (friendship, pain, fear overcoming, bitterness of loss). The memories of childhood appear in the novella as a metaphor for historical memory.

According to the article, "Kurzhun, where childhood is hidden" is I. Kapaev's first work in a series of subsequent stories and novels that explore the evolution of consciousness in their cross-cutting hero, an alter ego named Karamov. It is also stated that such a creative process reflects the experience gained in multinational and global literature during the development of the problem. The article uses the texts of the novella in the original language as material for analysis. The text translated into Russian is used for quoting.

**Keywords:** image of childhood, symbolic things, structure of memories, sensual experience, historical memory.

**For citation:** Suyunova N.H. The image of childhood of the consciousness of the autobiographical hero of the story "Kurzhyn" ("Kurzhyn, where the childhood is hidden") by I. Kapaev. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 215-226. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-215-226. EDN: NSCFUK.

---

© Suyunova N.Kh., 2024

С середины 70-х гг. XX в. в творчестве ногайского писателя Исы Капаева продолжился, теперь уже в жанрах повести и романа, начатый в рассказах о молодом соплеменнике-сверстнике анализ характера и, в целом, внутреннего мира героя, по сути, своего alter ego. Поскольку это был тип героя с развитой индивидуальностью и творческим мироощущением, то и процесс духовного становления его личности не мог быть осмыслен И. Капаевым вне социально-культурного, психологического контекста, вне логики его взросления, начиная с «истоков дней».



Первое произведение в последовательном ряду повестей и романов писателя 70-80-х – «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство»). Сборник молодого тогда писателя с одноименным названием увидел свет на родном языке в 1975 г. в Карачаево-Черкесском книжном издательстве [Капаев 1975]. Кроме «Куржуна» в издание вошла еще повесть «Сынтаслы» и ряд ранних (конца 60-х) рассказов И. Капаева. Примечательно то, что эта первая книга выпускника Литинститута им. Горького увидела свет на его родине в год окончания им вуза, к тому же – на фоне грандиозного для молодого автора успеха – дебюта в журнале «Юность» [Капаев 1974: 66-70], получения премии этого журнала за рассказ «Верность очагу» и последовавших за этим других успешных публикаций И. Капаева в «толстых» журналах всесоюзной литературной периодики [Капаев 1975а; Капаев 1976]. Принимая во внимание строгость критериев отбора произведений для публикации в московских журналах, едва ли приходится сомневаться в новизне и уровне художественного мастерства уже первых произведений И. Капаева. Эти дебюты придали уверенности, вдохновили, настроили молодого автора на поиск своего незаемного места в литературном процессе 70–80-х гг. XX в.

Первая публикация исследуемой повести на русском языке состоялась в переводе Э. Бутина в сборнике И. Капаева «Вокзал» [Капаев 1982], в который также включены его одноименный роман и рассказы.

Результатом его, тогда еще студента ростовского, затем и столичного вуза, отстраненного взгляда на привычные реалии своего национального мира, явились содержательные произведения его малой прозы (философские миниатюры, рассказы), в которых представлена беспрецедентная галерея образов героев-старцев, а также героев-сверстников молодого писателя [Суюнова 1999]. В ранней прозе «Иса Капаев идет уже в глубь перемен, заостря внимание не на внешнем рисунке, а на внутренней сути национального характера в новой действительности. Здесь целью художника становится показать взаимодействие характера и времени во всем его разнообразии, и он успешно достигает ее» [Алиева 1983].

Необходимость включения своего героя-сверстника в духовный поиск в социокультурном контексте, затрагивающий проблемы исторической памяти, взаимоотношения поколений, соотношения традиции и новых реалий в его сознании, ощущалась писателем все более явственно, как и то, что этот процесс должен протекать для героя во взаимосвязи с самопознанием. То есть, начатый еще в ранних рассказах анализ внутреннего мира героя-сверстника (Темир («Выдержал»), Алибек («Айка»), Махмуд и Сафар («Разбитая тарелка»), Курман и Арслан («Кому достанутся цветы»), Каирбек («Память о любви») продолжился в более зрелых образах Вениамина («Рекламное приложение»), Алимбека («Разорванный круг»), Сатия (Говоруны или Неделя больших раздумий). Затем он перерос в системный, последовательный процесс творческого осмысления И. Капаевым становления личности, эволюции сознания автобиографического героя alter ego, своего сверстника-соплеменника. На этом пути писатель создает ряд повестей: «Куржын» (Куржун, в котором спрятано детство), «Бар сондай яслар» (Есть такие парни), «Сынтаслы акында толгав» (Ска-

зание о Сынтаслы), «Салам, Михаил Андреевич!», «Коьк карлар» (Синие снега) и романы «Вокзал», «Суьлдер» (Книга отражений). Диалектичность процесса «самоосуществления» alter ego И. Капаева (сквозного героя по фамилии Карамов отражена в коллизиях этих произведений, в драматизме эволюции самосознания героя, и это наполняет глубоким философским и психологическим смыслом прозу И. Капаева 70–90-х гг. XX в.

Итак, последовательный ряд ключевых произведений прозаика последних десятилетий XX в., в котором представлен процесс духовного становления личности авторского alter ego, начиная «с истоков дней», открывает его повесть «Куржын» (Куржун, в котором спрятано детство).

Надо сказать, что, приступая к реализации своего творческого замысла, И. Капаев, начитанный в родной, отечественной и мировой литературе писатель, не мог не опираться на накопленный в многонациональной и мировой литературе опыт разработки проблемы. Мемуарная литература, ценностной основой которой является образ детства, имеет свою историю в мировой (А. Стендаль, Ж. Руссо, И. Гете), русской классической (Н. Гарин-Михайловский («Детство Темы»), И. Бунин («Жизнь Арсеньева»), Л. Толстой («Детство. Отрочество. Юность»), советской многонациональной (М. Горький («Детство», «В людях», «Мои университеты»), К. Паустовский («Далекие годы»), С. Маршак («В начале жизни») и современной литературе (Б. Окуджава («Упраздненный театр»), П. Санаев («Похороните меня за плинтусом»), Б. Минаев («Детство Левы») и др.

Литература традиционно и последовательно осмысливала взросление своих героев под влиянием множества факторов. Но почти всегда – это литература о великих ростках важных качеств, прорастающих впоследствии соответствующими всходами в характере человека.

Ногайская литература также имеет собственную традицию развития жанра воспоминания о детстве, истории взросления и социализации героя. Тому в немалой степени способствует национальное мифосознание, фольклорная традиция, актуализированные в литературе через архетипические модели инициации героя (обряд посвящения в воины и охотники) [Пропп 1986], а также выделенной К. Юнгом индивидуации (обособления индивидуального бессознательного от коллективного) [Юнг 2007: 66-84]. В ногайском сказочном и героическом эпосе – это мужание батыра с момента его рождения до времени его ратных подвигов («Эдиге», «Ахмед, сын Айсула», «Шора-батыр») [Сикалиев 1994: 85-102]. Собственно литературная традиция формирования мемуарного нарратива о детстве в национальной словесности восходит к началу XX в., времени зарождения и становления ногайской советской литературы. Жанр оказался востребован в связи с актуализацией просвещенческого дискурса, для обеспечения практических нужд педагогики, дидактики. Нужны были тексты о детях и для детей, как оригинальные, так и переводные, являющие собой примеры «правильной» биографии героя и правильного воспитания нового поколения (М. Курманалиев. «Балалар ушин замана йырлар» (Современные стихи для детей), «Стихи для детей» И. Мирзаева, а также короткие дидактические рассказы, пьесы (М. Курманалиев, З. Кайбалиев «Мектеб пайдасы» (Польза школы) [Курмангулова 2019: 666-670]. «За дореволюционным детством в такого рода

произведениях закрепляется сугубо негативный опыт, в то время как именно советское послереволюционное детство было призвано служить в качестве «нового рая» [Балина 2012: 43-66]. Два полярных полюса такого противопоставления олицетворяли «Детство» Л. Толстого («счастливой невозвратной поры») и «Детство» М. Горького («свинцовые мерзости» жизни). Позже в ногайской литературе появилось произведение о детской поре с собственно автобиографической основой «Асантай» Ф. Абдулжалилова (1957 г.). Документальная основа этой повести ногайского классика – его архивная дневниковая проза под названием «Автобиографическая повесть» увидела свет только в 2014 г. (ввиду цензурных ограничений) [Курмангулова 2014: 150-222]. Это произошло десятки лет спустя, после появления произведений других ногайских авторов, в творчестве которых разрабатывался в той или иной форме образ детства: И. Капаев «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство», В. Казаков «Соньы яз» («Звезда Бабай»), С. Капаев «Уьлкер» («Созвездие Плеяды»), Б. Кулунчакова «Улица моего детства»).

Тема «истоков дней» каждым из авторов разрабатывалась по-своему. Но, поскольку в советское время произведения писателей о детстве, как правило, причисляли к разряду детской литературы, ввиду чего им априори предписывалось педагогическое целевое назначение, авторы-создатели таких произведений прежде всего решали воспитательные задачи.

Но несколько по-иному сложилось у И. Капаева: ему удалось избежать влияния этой доминирующей модели. История детства его автобиографического героя оказалась не связана с дидактикой. Целью настоящей статьи и является осмысление того, что в таком случае она представляет собой, каким образом «истоки дней» стали в творческой интерпретации И. Капаева предтечей собственно этапов становления самосознания, духовного взросления («самоосуществления» (К. Юнг) героя, осознания им своего места в наглядном бытии народа. Как структурируется в сознании героя образ детства, что в этой структуре наиболее ценно для него? Биографический, психологический, герменевтический методы избраны как наиболее соответствующие целям и задачам принятого анализа.

Определяющая роль в «Куржуне» отведена образу детства, феномену этой прекрасной и чрезвычайно значимой поры человеческой жизни, который возможно постичь только через чувственный опыт. Безусловно, понятие «детство» специфически трактуется самыми разными областями научного знания: философией, культурологией, психологией, педагогикой. Однако особую интерпретацию оно получает в исследованиях словесного творчества, обнажающих смысловую выразительность, силу эстетического воздействия этого феномена на исследователя и просто читателя. Образ детства, созданный И. Капаевым в «Куржуне», – удачный пример такого выразительного воздействия на читателя, чему в немалой степени способствует и жанр повести – лирическая проза. Мастерство писателя проявляется и в подборе, как бы выхваченных из памяти, но необыкновенно ярких, емких деталей, рисующих детское, чувственное, а не рациональное, знакомство героя с миром.

Представляя образ детства как философскую и эстетическую категорию, писатель соответствующим образом структурирует его, высвечивает важные грани, выделяет его (образа) важнейшие составляющие. А это: герои-персонажи (семья: мать, отец, бабушка, а также сверстники, соседи), яркие эпизоды детских воспоминаний, незабываемых событий: крепкая дружба, первые потрясения: боль, разочарование, потеря; детский опыт осознания границ мира (впервые открывшийся взору героя-ребенка вид родного аула с высоты холма). Элементы образа не есть самоцельно явленный перечень его составляющих, не есть описательное, информативное, объективированное их представление с акцентом на экзотическую суть. Значимость этих граней образа детства подчеркнута отношением к ним автора, переданным через чувственное восприятие мира героем *alter ego*. Существенную роль в характеристике образа играют и смыслонесущие интертекстуальные вставки (сказки о кукле Тайтериш, о маленьком мальчике, поющем на дереве).

Обратимся к сюжету. Автобиографический герой-повествователь – студент столичного вуза, «вырвавшись из большого шумного города»<sup>1</sup>, «подгоняемый нетерпением увидеть маленький, тихий городок, двор, где делал первые шаги, ...ощутить дом и атмосферу радостного узнавания всего», что связано с детством, едет на каникулы. Динамика нарастающего в нем желания поскорее оказаться дома ощущается в последовательном и стремительном сужении масштабных кругов родного для него пространства: вот он – город, двор, дом, комната. И чем уже круг – тем острее пронизывает сознание ностальгия. В его комнате теперь живет младшая сестра. Стало быть, уже ничто здесь не принадлежит ему: в шкафу – ее платья, на полке и на столе – ее книги, даже окно, к которому герой «часто прижимался лбом.., у которого мечтал, ...грустил», окно, «столько знавшее» о нем, уже – не его. Однако все же осталось здесь то, что принадлежит только герою – куржун. Этот «мешочек темно-синего бархата, затянутый яркой красной тесемкой, украшенный золотыми нитями орнамента», хранилище его памяти, «друг и свидетель детства», овеянная память о былом.

С момента, когда автобиографический герой оказался в своей детской комнате и уже развязал куржун с его сакральным для него содержимым, с этой точки сужения пространство в сознании героя разворачивается и начинает реверсивное движение в сторону расширения: куржун, далее опять – дом, двор, город, аул, со всеми населяющими его (пространство) людьми, заполняющими предметами, происходящими событиями, переживаниями. Каждая из вещей, лежащих в куржуне: черная деревянная коробочка с «желтой от времени бумажкой, исписанной арабскими буквами» – дуа, «стянутый ниткой кекел», тряпичная кукла Тайтериш, пять круглых бес бала-тас, четыре асык, рыжая плоская кость – челюсть Долая, любимой собаки героя, – начинает излучать воспоминания, картины «самой дорогой и чистой, ясной и светлой части жизни – детства». Никому не может показаться интересным и таинственным хотя бы что-то из этих предметов, все наполнено смыслом и значением исключительно для их владельца.

---

<sup>1</sup> Здесь и далее цитирование по тексту: Капаев И.С. Куржун, в котором спрятано детство / Капаев И.С. Вокзал. – М.: Советский писатель, 1982. – С. 6-42.

Трепетное, почти культовое отношение к этим эмоциональным вещам, установленное в семье стараниями матери, ее «молитвенное отношение к вещам-символам выглядело чудачеством, странностью, но в той странности было столько чистоты и искренности, что поведение матери приобретало оттенок значительности и большой мудрости...». Спустя годы герой признателен матери за то, что она «сберегла вещественные напоминания давних лет, а вместе с ними – аромат времени, его неповторимое очарование».

Семья – лоно, колыбель младенчества, один из важных элементов образа детства в повести. Важнейшим смысловым центром ее для героя на всю жизнь остался образ матери. Лучшие страницы самой пронзительной повести И. Капаева посвящены ей. Избегая стереотипов, штампов, писатель создал живой образ матери, «трогательной, как ребенок, искренней в своей вере в память вещей», сформировавшей в нем, герое, чувство защищенности, насытившей лаской и безусловной любовью. Впоследствии это конвертировалось в силу, подпитывавшую его характер, поддерживавшую в нем личность. Редкий случай в творчестве писателя, когда он дает портретную характеристику своего героя, также связан с образом матери, сохранившей свою былую красоту: «высокая, стройная, с густыми черными волосами, ...она, по рассказам бабушки (сестры отца), была женщиной с характером, работающей, хозяйственной, почтительной со старшими. ... Тихая, незаметная, она делала все быстро и молча, никогда не жалуясь на жизнь». «Невестой невест» называл ее дед, которому она с первых дней пришлась по душе. В послевоенные голодные годы в полной мере проявилась ее доброта и сердобольность, когда она, мать семьи, живущей, как и все, впроголодь, находила возможность обогреть и подкормить соседских детей, которых у их одинокой матери было восемь. Автобиографический герой с теплотой вспоминает и делится с читателем аульскими историями, в которых отразилась наивность, детская непосредственность матери, но главными все же были истории, связанные с воспитанием матерью его самого.

Отец представлен в повести, напротив, как строгий блюститель порядка, предписанного обычаем. Он недолго иронизировал над тем, как мать, мечтавшая о первенце-дочке, одевала в платья и повязывала мальчику голову платком, пресек это требованием «воспитывать в сыне мужчину». Все положенные обряды: наречения именем, бритья головы, обрезания, ритуал выбора занятия в жизни – были проведены, несмотря на попытки матери уберечь сына от иных из этих испытаний. Более того, в Курман-байрам отец принес барана в жертву на глазах сына, «чтобы рос мужчиной». Все эти обрядовые действия, события не просто интересно рассказаны писателем, они концептированы, донесены до читателя посредством чувственного опыта героя, прожиты и осязаемо пережиты вместе с ним: боль (обрезание), дружба (девочки-соседки), кровь (жертвенный баран), тоска (по матери), страх (ночью – на помощь собаке), потрясение (смерть собаки Долая). Отец внушал герою уверенность, старался не оставлять в его сердце места страху, растерянности. Хотя и боялся герой требовательного голоса отца, но с теплом вспоминает и тоскливые для себя дни, когда «мама уехала покупать брата». Они в это время особенно сдружились с отцом: «Он

утешал, когда я тосковал по матери, любил меня, играл со мной, катал на себе, подбрасывал высоко над головой и спал, крепко обняв меня...».

Особое место в своих воспоминаниях о семье автобиографический герой отводит бабушке, которая «позволяла все», но самым главным было то, как долго и интересно она рассказывала «удивительные истории о шайтанах, драконах и джиннах, ...о поединках богатырей, о смелых джигитах и необыкновенных красавицах». «Это был наш мир, – вспоминает герой, – Мы называли себя именами героев сказок в наших играх, освобождали красавиц, сражались с драконами...». Это были моменты апофеоза детского счастья. Бабушкины сказки были со смыслом, который герой продолжал постигать даже во взрослой жизни. Сказку о капризной деревянной кукле Тайтериш, притчевую историю о мальчике, поющем на дереве, бабушка рассказывала к случаю, а они остались в памяти героя навсегда. Эти сказки развивали воображение героя, воспитывали чувства, эмоции, учили разгадывать смысл притчевых историй, закладывали основы творческого мышления.

Познание мира за пределами его семьи и дома началось для героя с первых опытов его социализации. И образ детства не был бы таким содержательным, если бы не было в нем детей-сверстников – героев и персонажей повести. «Когда я начал ходить, мать стала приводить ко мне соседских детей. Получилось так, что все они были девочки... Они прошли со мной через все мое детство». Поэтому и первая игрушка героя – кукла «из намотанных на палку тряпочек». «Целыми днями мы с девочками сидели на глиняном полу, и почти не умея говорить, хвастались друг перед другом куклами, рассматривали их, поправляли платишки, косынки, ласкали, нянчили...», позже играли в бес бала тас («пять каменных детей»). Камешки эти мать сама собирала для сына на речке, а девочки «клянчили» их постоянно у героя. А первые асык (альчики) достались герою ценой пережитого шока от сцены жертвоприношения. Это только сейчас лежащие в куржуне свидетельства тех светлых дней могут вызвать у него ностальгическую иронию. Кроме девчонок были и мальчишки-сверстники, дразнившие героя «бабником», с которыми он «никогда не дружил, а только осторожно наблюдал за ними, когда те шумной ватагой проходили мимо дома». Был Махмуд, всегда казавшийся герою грозным, сильным, пока он однажды не «уронил» себя перед ним, заплакав от бессилия на дереве, когда был пойман с полными пазухами яблок, и «бабник» натравил на воришку собаку. Так наблюдал герой первые примеры торжества добра над злом.

Главным другом детства героя, его гордостью был Долай, огромная бурая собака, и это еще потому, что она помогала ему самоутвердиться среди сверстников: он мог подходить, играть с собакой, то есть «делать то, что не могли сделать девочки». Это была первая сильная привязанность, настоящая дружба героя с собакой. «Я кормил Долая, дразнил его, прятался, а он разыскивал меня, я делал из него верховую лошадь и катался на нем, отталкиваясь от земли ногами... Долай в любое время готов был играть со мной, бороться, кататься по земле, и я, ласкаясь, прижимался к его мягкой теплой шерсти...». С Долаем был связан первый опыт героя настоять на своем, когда отец вынужден был перестать привязывать собаку, также первый опыт преодоления страха, ко-

гда ночью пришлось выйти во двор, «полный джиннов и шайтанов», чтобы спустить с цепи наказанного отцом Долая. С собакой герой учился любить, заботиться, научился переживать горе.

Среди персонажей мира его детства были и свои «демоны» – коварный сосед Бородатый, который, войдя в доверие к герою, причинил ему однажды страшную боль (обрезание). Однако потрясение, которое мальчик пережил по вине Султанбека, не сравнить было ни с чем: тот застрелил «взбесившегося» Долая. Смерть друга детства была первой трагедией, свершившейся на глазах у героя, первой невыносимой болью потери близкого существа. Уже будучи взрослым, он побывал на месте захоронения своего друга детства и, разрыв землю, забрал с собой рыжую плоскую кость челюсти Долая. Так она оказалась в куржуне.

Незабываемым впечатлением в детской памяти героя остался момент открытия им для себя масштабов мира за пределами аула, ощущения безбрежности его границ. Как-то по весне с девочками собирали они сладкие корешки первых подснежников, да только, оттесняемые мальчишками, которые не боялись даже Долая, стали подниматься по склону. «Я оглянулся. И замер. Далеко раскинулась передо мной моя земля, и я впервые увидел весь свой аул, и поля за ним, и речку... Меня поразило, что наша большая и широкая река казалась отсюда, сверху, извилистой светлой лентой, и аул удивил меня. Я никогда не думал, что он такой маленький. Я видел дома и сады, видел улицы, неширокие и короткие, искал свой дом и, найдя его камышовую крышу, захотел увидеть во дворе мать и захотел, чтобы и она увидела меня здесь, на горе... И еще я увидел горы, которые волнами уходили вдаль, ...словно растворялись в воздухе. А над ними, словно огромное седло, возвышался двуглавый Эльбрус... Что там, за этим небом, я не знал, но подумал, что побывать на небе – это здорово».

Отныне и на протяжении всего творчества И. Капаева архетип природной стихии будет все больше присутствовать в художественной ткани произведений, развиваться в сущностных чертах характеров героев его рассказов и повестей. Постигание многообразия мира, что за порогом дома, за забором двора, по мере взросления, будет все больше привлекать автобиографического героя И. Капаева, обретая символический смысл. Если в «Куржуне» – это неожиданный детский восторг и восхищение открывшейся вдруг панорамой родного мира, то в рассказах и повестях («Степняки», «Пожалейте старую клячу Актуюк», «Сказание о Сынтаслы», в романах) наблюдается более глубокое ее понимание. Часто звучавшее в детстве увлекающегося игрой мальчика тревожное бабушкино «Не уходи далеко от дома!» с годами будет наполняться для самого писателя иным, философским смыслом, приравнявшись к предостережению «Не отрывайся от почвы, от корней». Но точно так же, детское любопытство «Что там, за этим небом?», с годами переросшее в «Что таит в себе большой мир?» – постепенно будет размыкать сознание alter ego в этот простор, чтобы «совместить и уравновесить локальное национальное бытие с необъятностью мира и жизни в целом» [Караева 2019: 310]. Но с тем, чтобы потом, прервав пути судьбы, вернуться по зову бабушки к дому, остаться писателем, укорененным в почву.

Образ куржуна – памяти в рамках одной человеческой жизни, имеет глубинную ретроспективу. Об этом – в финале повести: «Оно не такое маленькое –

детство. Оно как родник, из которого берет начало река. Память об этом роднике помогает нам жить, помогает светло смотреть и в сегодня, и в завтра. Только не надо забывать, что память стирается годами. Мой родник спрятан в этом куржуне. И я каждый раз, развязывая его, открываю для себя что-то новое. Здесь у каждой вещи своя душа, своя жизнь. В этом куржуне – и люди, и события, и сказки моей бабушки; моя первая крепкая дружба. И первая смерть, и еще многое, многое... то, что является моим детством, моей жизнью».

Повесть «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство») явилась поворотной в истории ногайской прозы в силу реализации в ней целого ряда существенных новаций эстетической и художественной значимости. Выдвижение на первый план личности, смещение внимания к ее самооценности и шире – личностному началу в родной литературе с отрицанием определяющей важности ее социальной функциональности стало осуществляться начинающим прозаиком через обращение к «истокам дней» собственного «я», через заявку на героя alter ego. Само по себе это уже предтеча истории духовного становления личности, эволюции сознания героя, освобождения его от коллективного бессознательного, реализация (развитие) тем самым в ногайской прозе архетипа индивидуации («самоосуществления») героя, что позволило повысить уровень общезначимости осмысливаемых в повести явлений.

Так появляется модель, мера для осмысления истории жизни этноса, анализа содержимого национального «куржуна». В рамках бытия и духовного сознания народа – это метафора исторической памяти, прошлого этноса. Это позволяет наглядно увидеть, как у «И. Капаева мотив памяти обнаруживает свою функциональную – как принцип организации образа детства – и смысловую значимость» [Султанов 1985: 238-244].

Формируя неразрывное внутреннее единство творчества писателя, образ детства является источником множества важных тем, лейтмотивных образов, проблем отцов и детей, традиции и современности. Принцип накапливания впечатлений, собранных воедино моментов жизни для воплощения в творчестве продолжит работать для И. Капаева и дальше: позже появится сборник его дневниковой прозы «Мойынтымар» («Мониста») [Капаев 2007].

Таким образом, детство автобиографического героя в представлении автора – звено в цепи поколений, преемственной связи отцов и детей. Этапы жизни, которые пройдет герой alter ego – это не просто прожитые и оставшиеся в воспоминаниях периоды, это истоки и этапы духовной эволюции личности, его сознания, ценность памяти. Поскольку автобиографический герой «Куржуна» – это творческая личность, то, стало быть, детские впечатления создают основу личности писателя, формируют его мировоззрение, жизненную и творческую позицию, что явственно отразится в историях Тенгиза Сынтаслынского и Истэма Карамова – следующих ипостасях alter ego И. Капаева («Сынтаслы акында толгав» (Сказание о Сынтаслы и «Вокзал»)).

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Курмангулова 2014 – Курмангулова Ш.А. Ф.А. Абдулжалилов. Жизнь и судьба. Приложение: *Абдулжалилов Ф.А.* Автобиографическая повесть. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. – 287 с. – С. 150-222.



- Алиева 1983 – *Алиева С.У.* Характеры и время // Литературная Россия. – 16 дек. – 1983 г.
- Балина 2012 – *Балина М.* Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России // Детские чтения. – № 1. – 2012 (Вып. 1). – С. 46.
- Капаев 1975 – *Капаев И.С.* Куржын. Повестьлер эм хабарлар. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1975. – 192 с. (на ног. яз.).
- Капаев 1974 – *Капаев И.С.* Верность очагу. Рассказ // Юность. – № 1. – М., 1974. – С. 66-70.
- Капаев 1975а – *Капаев И.С.* Бердази. Рассказ // Знамя. – № 11. – Москва, 1979 г. – С. 125-133.
- Капаев 1976 – *Капаев И.С.* Выдержал. Рассказ. Авторизованный перевод Т. Смолянской // Юность. – Москва. – № 8. – 1976. – С. 8-15.
- Капаев 1982 – *Капаев И.С.* Вокзал. Роман и рассказы. – М.: Советский писатель, 1982. – 280 с.
- Капаев 2007 – *Капаев И.С.* Мойынтымар (Мониста). – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 2007. – 293 с. (на ног. яз.).
- Караева 2019 – *Караева З.Б.* Тексты и смыслы в творчестве Исы Капаева // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему (Сборник материалов III -й международной научно-практической конференции 2-6 октября 2019 г.). – Черкесск, КЧИГИ, КЧГУ, 2019. – 444 с.
- Курмангулова 2019 – *Курмангулова Ш.А.* Муса Курманалиев, Зеид Кайбалиев и ногайское просвещение начала XX века / Джанибеков А-Х.Ш. Союз казнасы. Сокровищница слов / Под ред. Н.Х. Суюновой. – М: Наука, 2019. – 709 с.
- Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1986. – 369 с.
- Сикалиев 1994 – *Сикалиев А.И.* Эпическая биография героя. Рождение и детство / Сикалиев А.И-М. Ногайский героический эпос. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1994. – 328 с.
- Султанов 1985 – *Султанов К.К.* Чтобы открывалась даль характера (о творчестве И. Капаева) // Дружба народов. – № 11. – М., 1985. – С. 238-244.
- Суюнова 1999 – *Суюнова Н.Х.* И жизнь продлится. Художественный мир Исы Капаева. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. – 152 с.
- Юнг 2007 – *Юнг К.-Г.* Индивидуация. Ч. 2. / Юнг К.-Г. Сознание и бессознательное. – М: Академический Проект, 2007. – 188 с.

## REFERENCES

- KURMANGULOVA Sh.A. F.A. Abdulzhalilov. Zhizn' i sud'ba. Prilozheniye: *Avtobiograficheskaya povest'* [Autobiographical story]. – Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2014. – 287 s. – P. 150-222. (In Russ.).
- ALIEVA S.U. *Kharaktery i vremya* [Characters and time]. In: *Literaturnaya Rossiya*. – 16 dek. – 1983 g. (In Russ.).
- BALINA M. *Literaturnaya reprezentatsiya detstva v sovetskoj i postsovetskoj Rossii* [Literary representation of childhood in Soviet and post-Soviet Russia]. In: *Detskie chteniya*. № 1. 2012 (Vyp.1). (In Russ.). – S. 46.
- KAPAEV I.S. *Kurzbyn. Povest'ler em khabarlar* [Kurzbyn. Novoller em khabarlar (on his feet. language)]. In: – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. – 192 s. (In nog.).
- KAPAEV I.S. *Vernost' ochagu. Rasskaz* [Loyalty to the hearth]. In: *Yunost'*. – № 1. – М., 1974. (In Russ.). – S. 66-70.
- KAPAEV I.S. *Berdazi. Rasskaz* [Berdazi]. In: *Znamya*, Moskva, №11, 1979. – С.125-133. (In Russ.).
- KAPAEV I.S. *Vyderzhal. Rasskaz* [Withstood]. Avtorizovannyi perevod T. Smolyanskoi. In: *Yunost'*. – Moskva. – № 8. – 1976. – С. 8-15. (In Russ.).

КАРАЕВ I.S. *Vokzal. Roman i rasskazy* [Station. Novel and short stories]. – M.: Sovetskii pisatel', 1982. – 280 s. (In Russ.).

КАРАЕВ I.S. *Moiyntymar (Monista)* [Moyyntymar (Monista) (on his feet. language)]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. – 293 s. (na nog. yaz.).

КАРАЕВА Z.B. *Teksty i smysly v tvorchestve Isy Kapaeva* [Texts and meanings in the work of Isa Kapaev]. In: Nogaitsey: XXI vek. Istoriya. Yazyk. Kul'tura. Ot istokov – k gryadushchemu (Sbornik materialov III -i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 2-6 oktyabrya 2019 g.). – Cherkessk, KChIGI, KChGU, 2019. – 444 s. (In Russ.).

KURMANGULOVA Sh.A. *Musa Kurmanaliev, Zeid Kaibaliev i nogaiskoe prosveshchenie nachala XX veka* [Musa Kurmanaliev, Zeid Kaybaliev and Nogai enlightenment of the early twentieth century]. / Dzhanibekov A-Kh.Sh. So'z kaznasy. Sokrovishchnitsa slov / Pod red. N.Kh. Suyunovoi. – M: Nauka, 2019. – 709 s. (In Russ.).

PROPP V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The Historical Roots of a Fairy Tale]. – L.: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1986. – 369 s. (In Russ.).

SIKALIEV A.I. *Epicheskaya biografiya geroya. Rozhdenie i detstvo* [Epic biography of the hero. Birth and childhood]. / Sikaliev A.I.-M. Nogaiskii geroicheskii epos: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo. – Cherkessk: 1994. – 328 s. (In Russ.).

SULTANOV K.K. *Chtoby otkryvalas' dal' kharaktera (o tvorchestve I. Kapaeva)* [To open the distance of character (about the work of I. Kapaev)]. In: Druzhba narodov. – № 11. – M., 1985. – S. 238-244. (In Russ.).

SUYUNOVA N.Kh. *I zhizn' prodlitsya. Khudozhestvennyi mir Isy Kapaeva* [And life will last. The artistic world of Isa Kapaev]. – Stavropol': Stavropol'servisshkola, 1999. – 152 s. (In Russ.).

YUNG K.-G. *Individuatsiya* [Individuation]. Ch. 2. / Yung K.-G. Soznanie i bessoznatel'noe. – M: Akademicheskii Proekt, 2007. – 188 s. (In Russ.).

#### **Информация об авторе**

Н.Х. Суюнова – доктор филологических наук, доцент.

#### **Information about the author**

N.Kh. Suyunova – Doctor of Science (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 20.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 821.352.3  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-227-243  
EDN: PGMEUT

## ИДЖЫРЕЙ ШАЛАГЪУАЛЭР ЗЫГЪЭШЕЙТЕЙ ІУЭХУГЪУЭХЭР ХУДОЖЕСТВЕННЭ ІЭМАЛХЭМКІЭ ТХАКІУЭ МЫЗ А. ЗЭРЫЗЭФИХЫР

Тымыжь Хьэмыщэ Тэркъан и къуэ<sup>1</sup>, Бозий Наимэ Борис ипхьу<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Бэрбэч Хь.М. и цэр зезыхьэ Къэбэрдей-Балъкъэр къэрал университет,  
Налшык, Урысей

<sup>1</sup> [timigev.ha@mail.ru](mailto:timigev.ha@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6776-8004>

<sup>2</sup> [naimabozieva@mail.ru](mailto:naimabozieva@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0767-2825>

**Аннотацэ.** Мы тхыгъэр хуэгъэпсащ къэбэрдей-шэрджэс литературэм и зыужьыкIэр, и лъапIэныгъэхэмрэ гъуазэу иIэхэмрэ, лъэпкъым лIэщIыгъуэжIэ къыдэгъуэгурыкIуэ художественнэ дуней еплъыкIэ телъыджэр, лъэхъэнэ зэхуэмыдэхэм абы игъуэта зэхуэжIыныгъэхэр къэгъэнэхуэным. А мурадым дызэрылгъэIэсын Іэмалу къэдгъэсэбэпаш «хыщI гъэхэм я тхакIуэхэм» я щIэблэ, «къуажэ прозэ» литературэ унэтIыныгъэм и лIыкIуэ Мыз Ахьмэд и художественнэ тхыгъэхэр. Статьям гулытэ лей щыхуэщIащ иджырей тхакIуэм и дуней лъагъукIэм, абы и тхыгъэхэр гъащIэм быдэу зэрыпыщIам, къыгъэсэбэп литературэ Іэмалхэм. Апхуэдэу къыхэдгъэщаш нобэрей щIалэгъуалэм я пащхъэ гъащIэм кърыгъуэвэ лъэпощхъэпохэм езы тхакIуэр зэрабгъэдыхьэр, ныбжьыщIэхэм зэрадэгуашэ хэжIыпIэхэр, чэнджэщхэр. Мы лэжьыгъэм и пщIэр къелэт темэр щIэуэ зэрыщытым, адыгэ литературэ щIэныгъэм Мыз Ахьмэд и творчествэр нобэр къыздэсым къыхутэну зэрыхунэмысам. Аращ тхакIуэм и художественнэ тхыгъэхэр анализ тщIыну дыщIеувэлIари. ИкIи къыхэгъэщын хуейщ ди къэхутэныгъэхэм кърыкIуахэр мы статьям къызэрыщыдгъэлъагъуэр: а) Мыз Ахьмэд рассказ жанрыр Іэзуу къэзыгъэIурыщIэщ; б) дыкъэзыгъуэреихь дунейм куууэ пхырыпльыф тхакIуэм образ гукьинэжхэр къыгъэщIащ; в) лъэпкъымрэ жылагъуэмрэ зыхэпсэукI дунейм къыщыхуэ Іуэхугъуэ куэд къыщелэт абы и повестхэм, рассказхэм, новеллэхэм. Ахэр псори лъэпкъым и шыфэлIыфэр, и хьэл-щэныр, зыгъэгугIэ-зыгъэпIейтей Іуэхугъуэхэр, и блэклэмрэ и нобэмрэ зэпызыщIэ, и къэжIуэну ущIэзыгъэхуэпсэ тхыгъэхэщ. Статьям дыщелэжьым, къэдгъэсэбэпаш зэпэлъытэныгъэ, тхыдэ-зэгъэпщэныгъэ щIэныгъэ Іэмалхэр, литературэ анализыр, бзэщIэныгъэ хабзэхэр. Абыхэм я фIыгъэкIэ къэхута хуащ тхакIуэм и тхыгъэхэм я къыщхъэщыкIыныгъэ нэхьыщхъэхэр, адыгэ литературэм Мыз Ахьмэд и творчествэм щуубыд увыщIэр. Ди къэхутэныгъэхэм кърыкIуахэр къыщыбгъэсэбэп хьунуш лъэпкъ литературэм и тхыдэр щатхыжкIэ, филологие ІэщIагъэм хуеджэхэм папщIэ программэхэр, лекцэхэр щызэхалхьэкIэ. Апхуэдэу статья сэбэп хуэхьунуш адыгэ тхакIуэхэм я тхыгъэхэр, зэрыщыту лъэпкъ литературэр урысейпсо щэнхабзэ утыкум ишэным.

**Зэрыгъуазэ псалъэхэр:** къэбэрдей-шэрджэс литературэ, литературэ хабзэхэр, «къуажэ прозэ», цыхугъэ, щIалэгъуалэ Іуэхухэр, тхакIуэм и Іуэху еплъыкIэ, Іэмал, хьэтI, хущIэкъуныгъэ.

**Цитатэ къызэрыхэпхыну:** Тымыжь Хь.Т., Бозий Н.Б. Иджырей щIалэгъуалэр зыгъэпIейтей Іуэхугъуэхэр художественнэ ІэмалхэмкIэ тхакIуэ Мыз А. зэрызэфIихыр // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 227-243. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-227-243. EDN: PGMEUT.

Original article

**AN ARTISTIC SOLUTION TO THE PROBLEM OF MODERN YOUTH  
IN THE PROSE OF A. MIZOV****Khamisha T. Timizhev<sup>1</sup>, Naima B. Bozieva<sup>2</sup>**<sup>1,2</sup> Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,  
Russia<sup>1</sup> [timigev.ha@mail.ru](mailto:timigev.ha@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6776-8004><sup>2</sup> [naimabozieva@mail.ru](mailto:naimabozieva@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0767-2825>

**Abstract.** This paper attempts to identify the aesthetic models of Kabardino-Circassian literature in its evolution, through the patterns of affirmation of ideals, stereotypes and clichés, appropriate for determining authors and specific time periods. The object of this study is the works of one of the brightest representatives of rural prose, a follower of the “writers of the sixties” Ahmed Mizov. The work focuses on identifying the peculiarities of the modern artist’s worldview, the connection of his works with life and a pronounced attitude to the reliability of the presentation. The relevance of the research topic is determined by its innovative nature associated with the analysis of unexplored works of Kabardino-Circassian literature. Researchers drew the following conclusions based on their scientific research of the prose writer’s work: a) A. Mizov is a master of the short story; b) a sensitive perception of the surrounding world allowed the author to create a whole gallery of artistic images, memorable for their immediacy; c) significant changes in social and political life, in everyday life, in the psychology of the ethnic group over the past decades, the artistic need to understand and show them underlie the novels, short stories, short stories by Ahmed Mizov. He fills his novels, short stories, and short stories with an artistic vision of the world. Their heroes are lively, original people, young people, mostly rural and their problems. In the course of the study of the writer’s work, a set of scientific methods was applied, including comparative, comparative-historical, description and literary analysis, which, from the point of view of usage, makes it possible to determine both structural models and the content-conceptual aspect of the artist’s work. The practical significance of the article is the results obtained, which can become a theoretical aid in further research of the work of modern authors and in the study of Kabardino-Circassian literature. They can also be used to prepare undergraduate and graduate students in philological faculties, as well as lecture courses on linked peoples’ literature and Russian literature. The article is intended to facilitate the entry of works of national literature into the all-Russian cultural context.

**Keywords:** Kabardino-Circassian literature, artistic tradition, rustic prose, moral issues, author’s position, method, style, trends.

**For citation:** Timizhev Kh.T., Bozieva N.B. An artistic solution to the problem of modern youth in the prose of A. Mizov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 227-243. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-227-243. EDN: PGMEUT.

---

© Timizhev Kh.T., Bozieva N.B., 2024

Научная статья

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ  
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОЗЕ А. МИЗОВА****Хамиша Тарканович Тимижев<sup>1</sup>, Наима Борисовна Бозиева<sup>2</sup>**

<sup>12</sup> Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия,

<sup>1</sup> [timigev.ha@mail.ru](mailto:timigev.ha@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6776-8004>

<sup>2</sup> [naimabozieva@mail.ru](mailto:naimabozieva@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0767-2825>

**Аннотация.** В статье делается попытка выявить эстетические модели кабардино-черкесской литературы в ее эволюции через закономерности утверждения идеалов, стереотипов и клише, базовых для определения авторов и конкретных временных периодов. Объектом исследования выступают произведения одного из ярких представителей деревенской прозы, последователя «писателей-шестидесятников» Ахмеда Мизова. В работе делается акцент на выявление особенности мировоззрения современного художника, связь его произведений с жизнью и выраженная установка на достоверность изложения. Актуальность темы исследования определяется ее новаторским характером, связанным с анализом неизученных произведений кабардино-черкесской литературы. По результатам научного исследования творчества прозаика сделаны выводы: а) А. Мизов является мастером короткого рассказа; б) чуткое восприятие окружающего мира позволило автору создать целую галерею художественных образов, запоминающихся своей непосредственностью; в) значительные перемены в социальной и политической жизни, в быту, в психологии этноса за последние десятилетия, художественная потребность понять и показать их лежат в основе повестей, рассказов, новелл Ахмеда Мизова. Они наполнены художественным видением мира. Их герои – живые, самобытные люди, молодежь, большей частью сельская, и ее проблемы. В ходе исследования творчества писателя применен комплекс научных методов, в том числе сопоставительный, сравнительно-исторический, описание и литературный анализ, которые с точки зрения употребительности дают возможность определить, как структурные модели, так и содержательный-концептуальный аспект творчества художника. Практическая значимость статьи заключается в том, что полученные результаты могут стать теоретическим подспорьем при дальнейшем исследовании творчества современных авторов и при изучении кабардино-черкесской литературы в целом. Они также могут быть использованы при подготовке студентов-бакалавров и магистрантов филологических факультетов, в лекционных курсах по литературе родственных народов и литературе народов России. Статья призвана способствовать вхождению произведений национальной литературы в общероссийский культурный контекст.

**Ключевые слова:** кабардино-черкесская литература, художественная традиция, деревенская проза, проблемы нравственности, авторская позиция, метод, стиль, тенденции.

**Для цитирования:** Тимижев Х.Т., Бозиева Н.Б. Художественное решение проблемы современной молодежи в прозе А. Мизова // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 227-243. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-227-243. EDN: PGMEUT.

---

© Тимижев Х.Т., Бозиева Н.Б., 2024

Жылагъуэм щызыкIуэ хабзэ-зэхэтыкIэхэм, схематизмэм, бинарностым кыбгъэдэкIуэтурэ адыгэ литературэр психологие зэпкърыхыныгъэм щыхуэкIуэ лъэхъэнэм хуозэ Мыз Ахъмэд литературэм кыщыхыхъа зэманыр. Демократие унэтIыныгъэм зрагъэужыну, гъащIэм кыщыхъу зэхъуэкIыныгъэхэр нэхъ убгъуауэ къагъэльэгъуэжыну зыхузэфIэкIа тхакIуэхэм – «хыщI гъэхэм я тхакIуэкIэ» зэджэхэм – я жъауэм кыщIэтэджыкIащ Мызыр. Абы хузэфIэкIащ зы образым кыпкърыкIыжу лъэпкъ псом и образыр и художественнэ тхыгъэхэм щызэфIигъэувэн. «ТхакIуэм художественнэу кыгъэльагъуащ цIыху щхъэ закъуэм и этическэ еплъыкIэмрэ гупым еймрэ я зэхуштыкIэр. Абы и

тхыгъэхэм дызэрыт зэманым щекIуэкI Iуэхугъуэхэм, кышыхъу ныкъусэ-ныгъэхэм щытепсэлыхъ къудейкъым, атIэ ахэр психологизм, лиризм куукIэ гъэнщIащ, иджырей цIыхум и псэм щыщIэхэр, и гурыгъу-гурыщIэхэр, и хъуэ-псапIэхэр нэгъэсауэ къыдгурыIуэн щхъэкIэ» [Тимижев 2006: 100].

Мыз Ахъмэд фэрыщIагъым зыдримыгъэхъэхуэ, псэкIэ игъэвыр псалъэ дахэкIэ, бзэ шэрыуэкIэ къеIуэтэжыф, ар зыхуиIуатэм и псэр игъэпIейтеуэ. Псом хуэмыдэу абы къохъулIэ иджырей щIалэгъуалэм и псэукIэр зыхуэдэр, абы и пащхъэм гъащIэм къригъэуэвэ лъэпощхъэпохэр кызынэкIыным хуэунэтIауэ иригъэкIуэкI Iуэхугъуэхэр. Мызырщ япэу адыгэ литературэм кыыхэзыхар политикэ залымыгъэм и лей зытехъа унагъуэм и щIэблэм я гъащIэр кърагъэлын папщIэ ирагъэкIуэкIа бэнэныгъэр. Аращ мы статьянкIэ тхакIуэм и творчествэу иджыри кыздэсым литературэ щIэныгъэм гулытэ хэха зыхуимыщIар зэпкърытхыну дыщIеувэлIар.

Мыз Ахъмэд къишта темэм фIыуэ йогупсыс, куууи зэпкърех. ГурыщIэ къабзэ хуиIэу, IэкIуэлъакIуэу ар тотыхъ къуажэдэс ныбжьыщIэхэм, мэкъумэшыщIэ кызыэрыгъуэкIхэм я гурыгъу-гурыщIэхэм. ТхакIуэр набдзэгуб-дзаплъэу гъащIэм пхыроплъ, абы нэгъуэщIхэм гу зылыамытэ Iуэхугъуэхэр къехутэ икIи зэпкърыхауэ ди пащхъэ кърелъхъэж. А псори гупсысэ къабзэкIэ псыхъащ. Аращ тхакIуэм и тхыгъэхэр гурыхъ зыщIри.

«70–80 гъэхэм экономикэм и зыужыкIэр щIэгъэхуэбжьэн хуейуэ екIуэкIа кърал политикэм лэжыгъэ тематикэр литературэми кышцигъэщIэлэжат. Адыгэ литературэми апхуэдэ тхыгъэ зыбжанэ кыыхэхъуащ (Къэрмокъуэ М., ХъэхъупащIэ Хъ., Мэзыхъэ Б., Журт Б., АбытIэ В., Шыбзыхъуэ М., ХъэIупщы М. сымэ я прозэ тхыгъэхэр)» [История адыгской... 2021: 158]. Лъэхъэнэ епсынщIэкIым къишэ гупсысэхэмрэ кыигъэуэв кълэнхэмрэ и рассказхэм, новеллэхэм, лирическэ повестхэм лъабжьэ зэрахуищIамкIэ Мызыр а тхакIуэхэм я сатырым хоувэ. Ахэр щызыхуэхъэсащ «Гъатхэ уэс» (1992), «Щожэх аддэ жыжьэу Урыху» (2002) тхыльхэм.

«Гъатхэ уэс» тхыльым ихуащ «Гурыль къабзэ», «Зауэм и джэртпэдэжэж», «Гузэрыдзэ», «Гур зылыхъуэр», «Щэбэт къакIуэ» рассказхэр.

«Щожэх аддэ жыжьэу Урыху» тхыльым а фIэщыгъэцIэ дызэр зиIэ повестым кышцынэмыщIа итщ «Ахын и гуIэ макъ», «Зэшыпхъуищым я гъыбзэ», «Щымахуэм кыигъэзэжащ» рассказхэмрэ «ТхъэрыкъуитI», «Удз гъэгъа» новеллэхэмрэ. Гу зылытапхъэу щытщ, тхакIуэм и тхыгъэхэм гъащIэм кышыхъу Iуэхугъуэ зэмылIэужыгъуэ куэд лъабжьэ зэрахуищIым. Ауэ псоми щынэхъыщхъэр щIалэгъуалэм я гъащIэрщ, ахэр зыхэпсэукI дунейрщ. Псалъэм папщIэ, апхуэдэщ «Гурыль къабзэ» рассказыр. ТхакIуэм абы кышцеIэт псэуэгъу зэхуэхъуа ныбжьыщIэхэм я лъагъуныгъэр зэрахуэмыхъумэр. Щхъэгъусэ зэхуэхъуахэр акъылэгъу зэрызэдэмыхъуам кыыхэкIкIэ, я сабийр анэншэу къэнащ. Мыр куэдрэ узрихъэлIэ Iуэхугъуэщ – щIалэщIэм щхъэгъусэ ищIа нэужь, унагъуэм псалъэмакъ кыихъуэр. Абы и щыхъэтщ Хъэзрэт и щхъэгъусэр. Къашэри куэд дэмыкIауэ кълэм щыпсэуну ныкъуакъуэу хуежьат ар. И мурадым зыри кышцимыкIым, и сабийр хыфIедзэри, езыр нэгъуэщIым докIуэж. ГъэщIэгъуэнщ, языныкъуэхэм деж хамэ цIыхур благъэм нэхърэ нэхъ гуапэу, нэхъыфIу кызыэрыпхущIэкIыр. «Гурыль къабзэ» рассказым ар

кышыгыэльэгъуащ Хьэзрэт етІуанэу щхьэгъусэ хуэхъужа Марие и образымкІэ. Ар анэ льягъуныгъэ зыхэзымышцІа Аслъэн цыкІу гуапэу бгъэдэтщ икІи фІуэ ельагъу. Марие и хьэлат хужьыр гурыль къабзэм, дахагъэм я символу кыщехь тхакІуэм и тхыгъэм.

«Гурыль къабзэ» рассказым дызыщрихьэлІэ цыхубз образым зыкІи ещхькыым «Гузэрыдзэм» хэтыр. Ар тхакІуэм дегъэльагъу Анзор цыкІум игу къеуэхэмкІэ. Ахэр иджыри зэ щыхьэт тохъуэ анэнэпІэсыр анэм нэхьрэ нэхьыфІ сабийм дежкІэ зэрымышьунур. «АнэнэпІэсыр уэсым нэхьрэ нэхь щыІэщ зэзым нэхьрэ нэхь дыджщ» щыжаІэр апхуэдэ гуэрщ. А псалъэжыым куэд къыбгургьаІуэ. И анэнэпІэсым бгъэдэсыну щІалэ цыкІум имыдэу щІопхъуэжри и анэшым мэкІуэж. Зи адэр фадэм дихьэха, зи анэр зимыІэж сабийм къыфІоцІ и закъуэу дунейм къытенауэ. Къэхъуам щІалэ цыкІум и адэ Беслъэни куэдым иригъэгупсысаш, къыгуригъэІуэжащ и шыуагъэхэр икІи ар къишэжыну кІуащ. Ауэ апхуэдизу гузэрыдзэ зыщІа сабийм кІуэжын идакыым. ТхакІуэм Іээу къыгъэльэгъуэн хузэфІэкІащ унагъуэм кыхъуа Іуэху мышхьэпэхэр: дэ долъагъу гу щыІэ-псэ щыІэу анэнэпІэсыр мыльхукъуэм зэрыхушытыр, зи къуаншагъэр зымыгъээкІуэжыф адэм и гум щыщІэр, зи щхьэ бадзэ тезыхужыф хъуа щІалэ цыкІум езым и гъуэгу гъащІэм къызэрыщигъуэтыжыфынури.

Рассказым кІэух иІэм къыбгургьаІуэ сабийхэм ягу ираубыдар куэдрэ зэрахъумэр икІи абы и шапхьэщ щІалэ цыкІумрэ анэшхуэмрэ я зэпсэльэныгъэр.

«– Хьэуэ, Быбэ, сыкІуэжынуІым!

– Егупсыс, си псэ, дауэ мыхъуми, уи адэщ. Хэт ищІэрэ, узыхуей нэхь ухуигъээнкІэ хьунщ.

Абдеж щІалэ цыкІум игу къэкІыжащ анэнэпІэсыр, абы ипхъу гъэфІар, унагъуэм иль псалъэмакыыр. И нэгу къыщІегъэхьэ игъээжмэ, иІэну псэукІэр. Куэдрэ мыгупсысэу, нетІэ ита жэуапым къытрегъазэ:

– Хьэуэ, Быбэ, сыкІуэжынуІым.

Беслъэн и къуэм хуеплъэкІащ. Абы щыблэм хуэдэу къытехуат Анзор и псалъэхэр. Абы иужькІэ адэм куэдрэ зиІэжъэжакыым. Хуэму къэтэджыжри, хьэльэу бакъуэрэ, бжэмкІэ иунэтІащ. И къуэм и жэуапыр апхуэдизкІэ жагъуащэ щыхъуати, фызыжыым зы псалыи къыжримыІэу дигъэзыкІыжащ пщІантІэм. Иджыт абы кышыгурыІуар и къуэр зэрыІэщІэкІар. Иджыт абы щызэхыщІар къишэжа цыхубзымрэ езымрэ и къуэм гузэрыдзэ зэрырагъэщІар. ИкІи абыкІэ къуаншэр псом япэу езыр зэрыарар хьэкъ щыхъуат» [Мизов 1992: 161].

«Гур зыльыхъуэр» рассказыр кІэщІщ, ауэ гу лытэн хуейщ абы кышыІэта Іуэхугъуэр дэтхэнэ зы цыхуми къызэрыльэІэсыр. Мыбдежми тхакІуэм кышыІэтыр ныбжьырщ, абы цыхум и гъащІэр зэрызэрхъуэкІырщ. Рассказыр зытеухуар персонаж нэхьыщхьэ Къэралбий зыхэт гупсысэхэрщ, абы и гукъеуэхэрщ, гукъэкІыжхэрщ, кІэщІу жыпІэмэ, и гъащІэ гъуэгуанэрщ. Ауэ тхыгъэм щынэхьыщхьэр цыхум и психологием игъуэт зэхъуэкІыныгъэхэрщ. Къэралбий зи ныбжь хэкІуэта лыщ, ар пенсэм кІуащ. Аракъэ езыр гукъеуэр?! Зауэм хэта, зы махуэ къэмынэу лажьэу еса цыхур пенсэм кІуа нэужь, абы и

дежкIэ ар лъэхъэнэ зэхэгъэкIыгъуэщ. Цыхумрэ ныбжымрэ щызэпэщIегъэуэ тхыгъэм тхакIуэм. Иджы абы и махуэхэр кIыхът, зэшыгъуэт. Пенсэм кIуэри и гугъу нэхъ къамыщIыжу хъуат. «Хъунщ уэ пщIар, зыгъэпсэху», – жаIэу лэжьапIэм къыIуашыжа щхъэкIэ унэм зэрыдэсыр абы къехъэльэкIырт» [Мизов 1992: 166]. ПщIантIэм щичIэнышхуи иIэтэкъым абы, зэзэмызэ Iэщым яхыхъэ мыхъумэ. И щIалэ нэхъыщIэм унагъуэм цыхухъу Iуэхуу ильыр зэфIигъэкIырт. Махуэ псом и щхъэр здихьыну ищIэртэкъым Къэралбий. Хъэблэм и ныбжь ит дэсыжтэкъым... Гуэщым щIэлы пхъэкIэбжьэкIэмрэ гъущIыкIэхэмрэ зыгуэрхэр къахиIущIыкIырт. Унагъуэм исхэми ялъагъурт пенсэ нэужьым ар гугъу зэрехьыр, ауэ хуэм-хуэмурэ есэжынщ жаIэрти, абы тету екIуэкIырт. АрщхъэкIэ есэжыртэкъым. Унэми щIэмызагъэу, пщIантIэми дэмызагъэу зэпымыуэ и гум зыгуэр къильыхъуэрт.

Ауэ куэдрэ хуэшэчакъым апхуэдэ псэукIэр: «Пщэдджыжьым кIыфI зэхэту къэтэджащ Къэралбий. Абы и Iэуэляуэ макъым къызэщигъэуа Шумсэт и лIым щыгъын хуабэ щитIагъэу щилъагъум къэпсэлыащ:

– Дэнэ нэхумыщым зыздэбгъэхъэзырыр?

Имыхабзэу абдежым Къэралбий и макъым зригъэIэтащ:

– Дэнэ, дэнэ?! СыкIуэнущ лэжьакуэ! Псори фызыыхъэри пенсэм сывгъэкIуаш, сывгъэунэн фи гугъэу. Иджы, мис, ЛутI ипхъу гъэфIэным ещхъу, Iуэхуншэу сьдэсщ бадзэ соцэри!

Къэралбий пщIантIэм дигъэзыкIа нэужь, Шумсэт куэбжэпэм деж куэдрэ щытащ, абы кIэлъыплъу. «Арати уэ жэщкIэ жейм ущIемызэгъыр, – игукIэ жиIэрт абы, – лэжьыгъэрати а уи гур зылыыхъуэр» [Мизов 1992: 168].

«Гур зылыыхъуэр» рассказым къыпызыщцэщ «Щэбэт къакуэ» рассказыри. Ари зытеухуар унагъуэмрэ абы ис цыхумрэ я зэхущытыкIэрщ. ТхакIуэм къыхегъэщ ди зэманым нэхъыбэрэ урихъэлIэ зэрыхъуар анэм хуищIэ псор, анэм и лъагъуныгъэр зыхэзымыщIыкI быныр. «Щэбэт къакуэ» рассказым къыхощ Хъэсэнрэ и щхъэгъусэ Зерэрэ. Хъэсэн и анэр сымаджэу къищIати, кIуэжыну зигъэхъэзырт. Ауэ Зерэ сытым дежи щхъэусыгъуэ къегупсыс: зэм фызышэ кIуэн хуейщ, зэми сабийр циркым ишэн хуейщ. Апхуэдэу зэманыр макIуэ, ауэ Хъэсэн и анэм деж нэскъым.

Мы пычыгъуэмкIэ тхакIуэм къыдгурегъаIуэ Хъэсэн и гур анэм зэрыхуэщIыIэр:

«– Ягъэ кIынкъым, дянэм дэнэ сихъыжын, пщэдей сыкIуэжынщ.

– Тхъэ пщэдей уи Iуэху хуэхъуну си фIэщ мыхъу. Борис Щыхъырбиевич уздригъэблэгъар-щэ?

– А-а, уэлэхьи, ари Iэмал имыIэ. Езы министрри кIуэнущ бдзэжьеящэ, емыкIукъэ абыхэм пщIы яхуэбупсыну? НтIэ, Ритэ фэрэ фымыкIуэжыфыну пIэрэ пщэдей?

– Тхъэ, дымкIуэжыфыну-тIэ? Мазэ мэхъу мо нэгъуэщI къэрал къикIа циркыр мыбы къызэрыкIуэрэ. Сабийм и нэ къокI. Сыт лъандэрэ къыткIэрыс ар. Пщэдейризэращ зэрагъэльэгъуэжынур...

– Сыт тщIэн-тIэ, дыкIуэжынщ щэбэт къакуэ.

ИкIи къыщылъэтри дзапэ уэрэд къришу балкономкIэ иунэтIащ» [Мизов 1992: 172].



Мыз Ахьмэд и сыт хуэдэ тхыгъэми гъащIэ теплъэгъуэ гуэр лъабжьэу иIэщ. А лъабжьэри тхакIуэм зэхиха хьыбархэрщ е езым и нэгү щIэкIа Iуэхугъуэхэрщ. Апхуэдэ тхыгъэщ «Щымахуэм кыигъээжащ» рассказри. Мыри зытеухуар ныбжьыщIэм и гъащIэрщ, абы и гугъуехьхэм пэщIэмытыфу езым и дунейр зэрикьутэжырщ. Ауэ, адрей и тхыгъэхэм къащхьэщыкIыу, иджы тхакIуэм ди пащхьэ кьрилхьэр зэдэлъхузэшыхьум я зэхушытыкIэрщ.

Гү лъытэн хуейщ мы рассказым хэт персонажхэм я гупсысэкIэхэм, ахэр шыпсалъэкIэ къагъэсэбэп псалъэжхэмрэ жыIэгъуэхэмрэ: «АрщхьэкIэ ущыджэлэнур пщIэтэмэ, упщIэ бгъэтIылынтэкъэ!» [Мизов 2002: 234], «Насыпыр алыхьым кыуимытамэ, дэнэ кыпхын?!» [Мизов 2002: 235], «Гур мывэ шыкыркыым» [Мизов 2002: 236], «ГъущIым я нэхь быдэри зэманым нэхь къэгъэшыгъуафIэ ещI» [Мизов 2002: 237]. Абыхэм занщIэу кыбжаIэ тхакIуэм и Iуэху еплъыкIэр, ар зи лъэныкъуэ хьунур.

Зи гъащIэр гугъу, гукъеуэ куэд зиIэ персонаж зыбжанэ кышыхощ мы рассказым. Иджы щыIэ щIалэгъуалэм я гупсысэкIэр, хьэл-щэным куэдкIэ пэгъунэгъуу иухуащ дэтхэнэ и образри тхакIуэм. Ди зэманым куэдрэ узыхузэ Iуэхугъуэ мыхьумыщIэхэри щыболъагъу тхыгъэм. Аслъэнбийрэ ХьэIишэтрэ я зэхушытыкIэм уегъэгүзавэ. Уеблэмэ, «дуней кьутэжыгъуэр къэсауэ пIэрэ?» – жыпIэу уегъэгупсысэ зэтIолъхуэныкъуэхэм я зэхушытыкIэм. Ауэ уегупсысмэ, Аслъэнбий и хьэл-щэнымкIэ кылэжъу кыщIэкIынущ а псори. Сытым дежи лъэхъуэщым ихуэрт ар. Абы мыхьумыщIэ гуп пэшэгъу кыхуэхъури ефэн кыиублащ. Аслъэнбий къемышхыдамрэ кыжрамьIамрэ укIуэдыж. Апхуэдэхэм деж абы и ефэныр пIалъэкIэ щигъэтырт, арщхьэкIэ куэд дэмыкIыу, аргуэру кыиублэжырт. Дауэ хьуами, сыт хуэдэ гуауэ иримыгъэлъэгъуами, бэлыхь тримыгъэлыаами, ХьэIишэт и дэлъхум кыхуигъэгъурт псори. ФIыуэ илъагъу щIалэр и дэлъхум зэрыIэщIэукIари, и насып зэрикьутари щогъупщэ абы, Аслъэнбий и хьэдагъэм дэту абы и сабийр кыщилъагъум. ЩIалэ цыкIур абы и псэм фIыуэ елъагъу икIи, зеиншэу кымыгъанэу, и деж ешэр. Анэкьильхухэм зэхуаIэн хуей лъагъуныгъэмрэ гумашIагъэмрэ я щапхьэщ ХьэIишэт и образыр.

Рассказым и кIэухымкIэ кыбгуролуэ тхакIуэм и тхыгъэм «Щымахуэм кыигъээжащ» щыфIищари: «Плъагъурэ а дунейм зыкызырэзыIищIар, – ХьэIишэт и гупсысэр кызэпиудащ и щыбагъым дэс цыхухьум, – щымахуэм кыигъээжащ!» ХьэIишэт щхьэгъубжэм дэплъащ. Зыр зым еIунщIу, плащIэу, дунейжыр яхуримыкыуу зэныкъуэкъу хуэдэ, уафэм кызырехьэхырт уэс цыкIу-цыкIу къомыр. «Щымахуэм кыигъээжащ», «щымахуэм кыигъээжащ», – а псалъитIыр вууэ итт абы и тхьэкIумэм. Уэсыр кIуэ пэтми нэхь Iув хьурт, жьапщэ етари абджым къефыщIауэрт. АпщIондэхуи, и IэплIэм ижеихьа сабийр пIыщIэ фIэщIырты, хьыджэбзым нэхьри зрикьузылIэрт...» [Мизов 2002: 238].

«Зэшыпхьуищым я гъыбзэ» рассказым лъабжьэ хуэхъуар Болэтей къуажэм пэжу кышыхьуа Iуэхугъуэщ. Зи адэр зауэм дэкIыу хьыбарыншэу кIуэдам абы и пхьуищым уэрэд хузыхалъхьауэ шытащ.

ГъэщIэгъуэнщ рассказым и композицэр. Ар тхакIуэм тIууэ игуэшащ, темитI кыщиIэтащ.

Япэ Iыхьэм Мыз А. щытопсалъыхь и лIыхъужь нэхьыщхьэ Жанджэрий. Абы и ныбжьыр хэмыкIуэтами, Iэрызехьэу пIэм кыхьэнащ. КъишагъащIэу

зауэм дашаш, уІэгъэ куэдрэ хьуаш, ауэ а псоми къелауэ къыщигъэзэжам и щхьэгъусэр дунейм ехыжауэ кърихьэлІэжащ. Абы уз Іей къеуалІэри ихьат. ТхакІуэм дегъэлыагъу апхуэдизу фІыуэ ильэгъуу щыта цІыхубзым и фэеплбу хьыджэбз цІыкІу къызэрыхуигъэнар. Абы и адэр зэрехьэр, сыт и лъэныкъуэкІи доІэпыкъур.

ЕтІуанэ Іыхьэм къыщыгъэлыэгъуэжащ Данэхухэ я унагъуэр: абы и шыпхьухэр, и дэльху Хьэсэнбий.

Хьэсэнбий щІалэ физкъэмышшэу зауэм дашри хьыбарыншэу щыкІуэдащ. Нобэр къыздэсым зэшыхьуищым я дэльху закъуэр ягъеижыр. Рассказым къызэрыхэщымкІэ, зэшыхьуищым гыбзэ хуаусаш я дэльхум. Мис, Данизэт радиокІэ къыщыпсалъэкІэ гурыІуэгъуэ мэхьу дызытепсэлъыхь Іуэхугъуэр: «...куэд щІакъым, тхьэ, ильэс зыплІытху хьуами арщ, гыбзи хуэдусыжам ди дэльху цІыкІу мыгъуэм. Иджы ар зэзэмызэ, мис мыпхуэдэу зэшыхьуищыр дыщызэрихьэлІэжым дей, жыдоІэри дыщысщ, ди нэпсыр къежэхьу. А цІыкІу мыгъуэр псэууэ диІэжами... Мо къурш плъагъу екІуэкІым хуэдиз дыщэ нэхьрэ нэхь къэсщтэнт, тхьэ, абы зэ сыІуплъэжыну...» [Мизов 2002: 236].

Адэм хуиІэн хуей пщІэр, нэмысыр, узэрыхуэхьуфкІэ удэІэпыкъун, гугъу зебгъэхьын зэрыхуейр Мыз Ахьмэд дегъэлыагъу Зэбинэт и образымкІэ.

Мыз Ахьмэд и новеллэхэр зытепсэлъыхь ІуэхугъуэкІэ, я къэІуэтэкІэкІэ, я купщІэкІэ щхьэж и шыфэлІыфэ яІэжщ.

«Удз гъэгъа» новеллэр тхакІуэм фэепль хуищІащ композитор цІэрыІуэ, щІалэу дунейм ехыжа Даур Аслъэн. Адэ-анэм, анэкьильхум, быным теухуа и тхыгъэхэм яужькІэ тхакІуэм чэзур лъыгъэсащ ныбжьэгъум. Лирическэ лІыхьужьым и ныбжьэгъур сымэдэжщым щІэлъу къыщІедзэ тхыгъэр. Ар мэгузавэ: «Зи хьым ихуа уз хьэлъэм и ныбжьэгъур къимыутІыпщынкІэ...» [Мизов 2002: 200]. Апхуэдэуи къэхьуаш. Дунейм ехыжа и ныбжьэгъум хуэгъэзауэ лІыхьужьым жеІэ: «Си гупсысэр зыІыгыр зеиншэу сыкъэзыгъэна, сигу щІэлъэныкъуэр здэзыхьа Бесльэнт. Ерыскъы ІэфІ куэд зыдэсшха, си фІымкІи, си ІеймкІи, си щэхумкІи сызидэгуашэу сиІа, ещхьыркъабзэу къыздэгуашэу щыта си ныбжьэгъу пэжырт. Дунейр нэхьри дахэ, ІэфІ, щІэщыгъуэ къысщызыщІу, си Іуэху щызэхуэмыхьум зыкъысщІэзыгъакъуэу сщІыгъуа Бесльэнт» [Мизов 2002: 202].

Новеллэр «сюжетыншэ тхыгъэкІэ» зэджэ литературэ жанрым иту тхаш. Абы Іуэхугъуэ егъэлея къыщыІуатэу е и лІыхьужьхэм бэлыхьлажьэ гуэр шригъэлэжьу щыткъым. Сюжетым и пІэ къиувэр композитор цІэрыІуэм зэчий бгъэдэлъарщ. ГъэщІэгъуэнщ абы зэхильхьа макъамэр зыхэзых ныбжьэгъум и гум зэрызиубгъур: «ЖыІэгъуейщ а дакъыкъэхэм сэ а макъамэм сызэрищІар – гъуэгуанэ жыжьэм сызэрыригъэзэшари сызэрымэжалІэри зэуэ сщыгъупщэжат. Фи нэгу къыщІэвгъыхьэт гъэмахуэ цІывыгъуэм псыхуэлІэм фи Іур иригъэгъушыкІауэ псынэпс щІыІэ фефэу. Апхуэдэу ІэфІт Бесльэн сызригъэдаІуэр. Хьэмэрэ уафэр зыуфэбгъуа пшэ фІыщІэжьхэр текІуэту дыгъэ бзий шабэхэр Іэпкълъэпкъым къедэхащІэу къызыфІэвгъэщІыт. Апхуэдэу шабэт, псэм и гуапэт зыбгъэдэс Іэмэпсымэм си ныбжьэгъум къригъэкІыр...» [Мизов 2002: 202].

Фырылажьэ, псэ дахэ, гу кьабзэ зыбгъэдэлъ дунейм ехыжами, и псэр дунейм кьытонэ, и гурыгъу-гурыщIэхэр кьэхьукъуащIэмкIэ тхакIуэм кьеIуатэ. Бесльэн щIалъхьа нэужь кьепсыжа дыгъэм, псэм и щIасэм, абы кьыпкьрыкI и Iэужь хэтщ. Зи ныбжьэгъур зыфIэкиIуэда щIалэм и гурыгъу-гурыщIэр зэхьидигъэщIэн папщIэ, тхакIуэм екIу дьдэу кьегъэсэбэп пейзажри: «Дыгъэ кьепсми, хуабэтэкъым» [Мизов 2002: 203]. ИужькIэ, кхъэм кьыдэкIыжа нэужь, «жыг кьэтIэпIари, кьуалэбзу макъ зэмышхьхэри – псори Бесльэн, гьащIэр фIыуэ зылыагъуу шыта щIалэм и Iэужь, абы кьыпкьрыкIыу кьыфIэщIырт» [Мизов 2002: 204].

Художественнэ очеркым и жыпхъэм иту тха «Удз гъэгъа» новеллэм и ухуэкIэм ещхьщ «ТхьэрыкьуйтI» тхыгъэри. Сыт зэманми тхакIуэхэм гулытэншэу кьагъанэркъым новеллэм кьыщыIэта темэр. Ар теухуащ цIыхур сыт шыгъуи зыгъэпIейтIей гурыщIэм – лыагъуныгъэм.

Мы новеллэм кьыщыгъэлъэгъуэжащ лыагъуныгъэ кьабзэр зи гущIэм кьыщыуша адыгэ пщашэ цIыкIум и гурыгъу-гурыщIэхэр, абы фIыуэ ильэгъуа щIалэм хуиIэ IэфIагъыр. Тхыгъэр хохъэ тхакIуэм фIыуэ ильагъу, нэхьыбэу зытетхыхь «унагъуэ Iуэху» литературэ унэтIыныгъэм.

ТхакIуэм и новеллэм «ТхьэрыкьуйтI» фIэщыгъэцIэ зэрыритамкIэ гурыIуэгъуэ мэхьу тхыгъэм зы нэщхьеягъуэ гуэр кьызэрыщыкIуэнур. А нэщхьеягъуэм ижъ зыщIихури абы дызыщрихьэлIэ персонажхэрщ – Заретэрэ Русланрэ. Ауэ иджы тхакIуэм имыгъэзахуэр зи IэкIэ зи насыпыр зыкьутэж ныбжьыщIэхэркъым, атIэ нэхьыжьхэрщ. ФIыуэ зэрыльэгъуа Русланрэ Заретэрэ яку кьыдохьэ щIалэм и анэр. Абы жэмышу лажьэр нысэ хуэхьуну хуейкъым. ЩIалэм мыхьужыну уз кьоуалIэри ныбжьыщIитIым ягу иралъхьар кьайхьулIэркъым. Я насып зэтемышуэу, зы махуэ зэхуэмызамэ, зэхуэзэшу шытахэр пасэу дунейм йохьжхэр. Ауэ а гурыль дахашэм и фэеплъу я псэр тхьэрыкьуйтIым хыхьауэ, Заретэ и кхьащхьэм теуфэрэзыхьу тхакIуэм дегъэлыагъу. Тхьэрыкьуэ хужьымрэ тхьэрыкьуэ гъуабжэ-фIыцIафэмрэ я кьэлъэтыхьыкIэм, зэхушытыкIэм кьегъэлыагъуэ, зы гьащIэм я насып шызэтемышуами, а тIум ахьрэтым насып кьазэрыщылысынур. НыбжьыщIитIым яку дэля лыагъуныгъэм и дамыгъэу (символу) тхакIуэм кьегъэлыагъуэ тхьэрыкьуйтIыр.

Мыз Ахьмэд и лыхьужьхэр гукьинэжщ. Лыхьужьхэм я гуфIэгъуэр ядэпIэтыну, гузэвэгъуэр ядэбгуэшыну, ящхьэщыпхыну ухуейщ. Я псалъэмакъым удимыхьэхынкIэ Iэмал иIэкъым, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ ахэр гьэнщIащ псалъэжьхэмкIэ, псалъэ шэрыуэхэмкIэ, жыIэгъуэ щхьэхуэхэмкIэ.

Мы тхыгъэм кьызэрыщыдгъэлъэгъуащи, щIалэгъуалэрщ Мызым и тхыгъэхэм нэхьыбэу хэтыр. Ар зэрымышIэкIэ апхуэдэу хьуауэ уегупсысыныр шыуагъэшхуэ хьунт. ЩIалэгъуалэр – гурыIуэгъуэщ, езы тхакIуэм тхэн шыщIидзам ныбжькIэ кьыгухьэу шытахэрщ. Ауэ тхакIуэр езыр кьыдэкIуэтеиху и лыхьужьхэри нэхьыжъ хьуащ. Ауэ абы шыгъуэми нэхьыжьхэмрэ ныбжьыщIэхэмрэ зэгъусэу тхыгъэм кьыхьэувэныр зэпыуакъым. Нэхь ныбжь зиIэхэм я образхэр гьэщIэрэщIауэ, хабзэм, захуагъэм, Iушыгъэм я кьежьапIэу кьэгъэлъэгъуэныр 60 гъэхэм литературэм кьыхыхьа тхакIуэ щIалэхэм зэхаубла Iуэхуш. Мыз Ахьмэд и тхыгъэхэм щIагъуэ яхэткъым нэхьыжьхэмрэ

ныбжьыщІэхэмрэ яку дэлын хуей зэхушытыкІэхэр лъабжьэ зыхуэмышху, адыгэ лыжь е фызыжь екІу, бзэ щабэ-Іу щабэ, псори зыщІэ, псомкІи щІэгъэкьюэн хьуф узыщыхуэмызэ. Абы и щапхъэщ «Гъатхэ уэс» повестыр.

XX лІэщІыгъуэм и 60–70 гъэхэм дунейм кытехьа художественнэ тхыгъэхэм «бжьыпэр щаубыд езы лэжьыгъэм, лэжьакІуэ гупым цІыхур зэриузэщІ, зэригъасэм ехьэлІа Іуэхугъуэхэм» [Тимижев, Тхагазитов 2009: 68]. ЩІэблэм гъэсэнэгъэ тэмэм егъэгъуэтыным, лэжьыгъэм щІэпІыкІыным, ныбжьэгъур гъэпэжныным ухуэзуций тхыгъэщ «Гъатхэ уэс» повестыр. Мыбы щызэхуэхъэсащ адыгэм игъащІэ лъандэрэ кыдекІуэкІ хабзэфІхэр: унагъуэм илтын хуей нэмысри, нэхъыжьхэмрэ нэхъыщІэхэмрэ яку дэлыпхъэ пщІэри, нэгъуэщІ лъэпкхъэм яхудиІэпхъэ зэхушытыкІэри, щІэблэр зыхуэунэтІыпхъэ лъапІэныгъэхэри, цІыхугъэм и щапхъэхэри. Ахэр тхакІуэм зэрыдигъэлыгъур Мэкъуш Барэсбий и образымкІэщ, ар и ІэщІагъэкІэ ухуакІуэщ. Повестым щызэфІэгъуэващ, я щхъэ Іуэхум темыщІыхъауэ, зыхэт гупым, зэрыщыту жылагъуэм и сэбэп зыхэлхэр пхыгъэкІыным жьджэру хэлэжьыхъ цІыхум и образ щІэщыгъуэр.

Повестыр кыщІедзэ Іуэху гугъу ухуакІуэхэм зыфІагъэкІауэ. «Къуажэм зэрыдэса мазэ зытІушым къриубыдэу бийм ар Исраф зэтрищІат, зэхидыгъуат, цІыхум Іэщ, джэдкъаз яІэми фІашхат. Псом хуэмыдэу жылэм дэсхэм ягу къеуэрт клубыр: фашистхэр щыдахужым, лагъым щІалъхъэри ар къагъуат» [Мизов 1992: 4] – мис, апхуэдэу къегъэлыгъуэ тхакІуэм зауэ нэужьым къуажэм и тепльэр.

Мыз Ахьмэд и прозэм зэрыщыту кыщыгъэлыгъуар къуажэмрэ къуажэдэсхэмрэ я псэукІэрщ, ІуэхушІафэрщ. Повестыр «къуажэ прозэкІэ» дызэджэ литературэ унэтІыныгъэм и щапхъэщ. Абы хэт персонаж нэхъыщхъэр – Барэсбий – кыщцалъхуари курыт еджапІэр кыщциухари къуажэрщ. Ар школым щыщІэсым дахэу сурэт ищІу щытащ икІи щІэхъуэпсырт художник хъуну. АрщхъэкІэ зи щхъэгъусэр Хэку зауэшхуэм хэкІуэда, бынитІ зыпІ фызабэм и щІалэр иригъэджену хузэфІэкІыркъым. Апхуэдэу щыхъум, ар Налшык макІуэри ухуакІуэхэм яхохъэ, икІи зи ІэщІагъэр фІуэ зылыгъуэ ІэщІагъэлІ Іэзэ мэхъу. Мыгувэуи гуп зыхэтым и бригадиру ягъэуэ, республикэ псом цІэрыІуэ щыхъауэ лэжьакІуэшхуэ кыхокІ.

Зэ еплъыгъуэкІэ Барэсбий и образым ямылейуэ зыри хэлъкъым: цІыху кызыэрыгуэкІщ, хьэлэлщ, псэ къабзэ иІэщ, цІыхухэр фІуэ елыгъу, ныбжьэгъухэр егъэпэж, пщІымрэ мыхъумыщІагъэхэмрэ хуэшэчыркъым. КІэщІу жыпІэмэ, Барэсбий сыт и лъэныкъуэкІи щапхъэ зытрах щІалэщ. Авторыр Барэсбий и образым апхуэдизкІэ хуэсакъащи, зэрыжаІуэ, «бадзэ тримыгъэтІысхъэу» повестыр и кІэм нигъэсащ.

Барэсбий фІуэ илыгъуэ и щхъэгъусэ Лалусэ дунейм йохыж, зы хьыджэбз цІыкІу кыхуегъанэри, абы иужькІэ зы ильэс нэхъ дэмыкІыу и анэри малІэ. ЩІалэм ахэр хуабжьу зыхешІэ, псэкІэ егъэв, ауэ и хьэл-щэнкІэ, дуней тетыкІэкІэ зихъуэжыркъым. Ар сыт хуэдэ гугъуехьми пэльэщ цІыхуу ди пашхъэ кьрегъэуэв тхакІуэм.

ИкбукІэ ІупщІу тха хъуащ ухуакІуэ бригадэм хэт щІалэхэу Виктор, Вася, Сэлихъ, Жэмалдин сымэ я образхэри. Дэтхэнэр къащти – лэжьакІуэжьыщ, псэ

хьэлэл зиІэщ. Ауэ щхьэж езым и Іуэху еплъыкІэ, хьэл-щэн иІэжщ, зыр адреим пхухэгъэгъуэщэнукъым. Ар тхакІуэм и Іэзагъым щыхьэт техъуэхэм ящыщ зы нэщэнэщ.

Повестым гушыІэ дахэхэми уащыхуозэ. А ІэмалымкІэ тхакІуэм и тхыгъэр нэхъ еджэгъуафІэ ещІ. Абы и шапхьэщ гупыр унэ ныкъуэщІым и щыбагъымкІэ иІэ удзыщІэм хэсу тутын ефэ Вася зэрыдэгъушыІэр:

«– ФынакІуэ, дыщІэвгъэхьэж, – къэтэджыжащ Вася, – мы дыгъэм дижьэпэнущ.

– Но, Вася, уи кІуэщІым ит тутын Іугъуэр къэкъуальэу хуежъауэ ара? – къыхудэплъеящ абы Сэлихь.

Гупыр зэщІэдыхьэшхашц...

– Уэ, щІалэ, уи дзэлыфэр тІауэ мыбдей ущысурэ уи Зухъра цыкІур ягъэкІуэсэнщи, итІанэ сыкъэпщІэнщ. Узэжъэр сыт, къэпшэнумэ къаши апхуэдиз щытхъупсыр къызэбгъэжэх балъкъэр хьыршыныр тІугъахуэ.

– Шузгъахуэр Іуэху! Іуэхур хьыршыныр щыпшхкІэ, умыщІэххэу уи Іэпэхэр дэбгъэкІуэнкІэ хьунуши аращ. Уи Іэпэхэр пыпшхыкІыжмэ, итІанэ сыт узэрылэжьэнур?» [Мизов 1992: 31].

Гуауэщ анэ зимыІэж сабийм и Іуэхур. Барэсбий и хьыджэбз цыкІур фІуэ елъагъу икІи мы дунейм зыхуигъэдэн щыІэкъым. Сабийм ар кІэлъоплъ, зыхуей хуегъазэ. Анэ зимыІэж цыкІур ин хьумэ, жриІэнухэм йогупсыс: «Хьыджэбз цыкІу жыпІэрти узыхуей дыдэм хуэдэуи хьуат. АрщхьэкІэ гу щыпхуакъым... Сэращ зэщхьыр жыпІэрти, укызыззауэрт, сэри ар здэтэкъым... Иджы сыт, Іэсят уэ дунейм утетауи утемытауи ищІэркъым... Зэ мыхьуми ар къызэупщІынущ, «дэ щхьэ димыІэрэ мамэ» жиІэу. СщІэркъым жэуап естыжынури... Хьэуэ, абы лей къытезгъэхьэнтэкъым сэ, езым хуэдэм езгъэхьуэпсэнтэкъым, ауэ... анэ зимыІэж сабийм сыт и дуней» [Мизов 1992: 43].

Нобэрей ди щІалэгъуалэм и сурэт ІупщІ ищІат тхакІуэм пасэу. Тхьэгурымагъуэу къыщІэкІат ар. Абы и шапхьэщ, Петрович Барэсбий хуиІуатэ и гупсысэр: «ПщІэрэ, Боря, сэ иджыпсту сызэгупсысыр, – ІэщІэль башыр и бгъумкІэ игъэтІылыри захуэу зэфІэтІысхьэжащ ар, – щІалэгъуалэращ... Зы махуэ гуэрым ветеран зытІущ дыхьуу ди гъунэгъу школым драгъэблэгъат. Зауэм дызэрыхэта сытхэр жыдагъэІэжащ... Езыхэр зэщыхуэпыкІащ, зыхуей ягъуэт, куэдым хашцыкІ, гъащІэм нэ жанкІэ кІуэщІропльыф, кІэщІу жыпІэмэ, губзыгъэхэщ, ауэ... ар зы лъэныкъуэкІэщ. НэгъуэщІ лъэныкъуэкІэ укьеплъмэ, дауэ Іуэхур зэрыщытыр? Гу лъыдмытэурэ, къытфІэмыІуэхуурэ е дымылъагъу зытщІурэ дэ щыуагъэшхуэ тІэщІокІ абыхэм я гъэсэныгъэм теухуауэ... СахэупщІыхьат, хэт школ нэужьым ухуакІуэу кІуэну е заводым рабочэу щылэжьэну жысІэри – зыми апхуэдэ мурад иІэу къыщІэкІакъым. Уеблэмэ абыхэм ящыщ зым жиІаращ, «рабочэр пщІэ зиІэ ІэщІагъэкъым, университетым сыщІэмытІысхьэфмэ, пщафІэу е тыкуэнтету седжэнущ»... Лэжьыгъэм пщІэ хуашцІу едгъасэркъым. Феджэ закъуэ жыдоІэри зыхуей псор яхудощІэ, догъафІэ. Гува-щІэхами апхуэдэ Іуэху бгъэдыхьэкІэм дыхущІегъуэжынущ дэ... Дэ ди зэманым щыгъуэ апхуэдэ гъэфІэни, апхуэдэ хьэулеи щыІакъым. Сыт хуэдэ Іуэхури тщІэуэ, лэжьыгъэм зыщыдмыдзейуэ дыкъэхьуащ» [Мизов 1992: 71–72]...

Хуабжыу уегъэпIейтей ФатIимэрэ Барэсбийрэ я зэхушытыкIэми, уигъэпIейтейм кышымынэу, языныкыуэхэм дежи Барэсбий шхьэкIэ укьегъэуIэбжь, «узэгуегъэп» ар егъэлеяуэ зэрыукIытэхым. Абы ФатIимэ фIыуэ ильэгъуаш, зыкьомри хуэзащ, ауэ екIи фIыкIи зы псалъэ жримиIэу повестыр еух. Барэсбий хьыджэбзым хуищIа лъагъуныгъэр псэкIэ егъэв, жэщкIэрэ игъэжеижыркыым: «Зыми ищIэртэкъым ар апхуэдэу щIыщытым и шхьэусыгъуэр. АбыкIэ кьуаншэр... ФатIимэт. НапIэзыпIэм кыкыуэуа жьапщэу имыщIэххэу, пэмыпIьауэ, зэуэзэпсэу а хьыджэбзыр абы и гъащIэм кыыхыхьат. Абы емыгупсысыну, игу иригъэхуну и гугъэ шхьэкIэ, Барэсбий кьехьулIэртэкъым, уеблэмэ кIуэтэху нэхь кьеныкыуэкъурей хьурт пщащэм хуэзэш и гур.

ГъэщIэгъуэныракъэ, и шхьэгъусэр дунейм зэрехыжрэ ФатIимэ нэхьрэ мынэхь Iейуэ абы хьыджэбз зыбжанэ цIыхугъэ хуэхьуат, ауэ игу зыкIэрыпщIа, гупсысэм хэзыдза яхэттэкъым – пщэдджыжь дыгъэпсым дэкIуэда уэсэпсу, ахэр псори IэщIэгъупщыкIыжат» [Мизов 1992: 108]. Барэсбийрэ ФатIимэрэ я Iуэхум и зэфIэхькIэ хьунур тхакIуэм тхыльеджэм кыыхуегъанэ.

Тхыгъэм куууэ кышыгыгъэлъэгъуаш цIыхур зыгъэгуфIэ, зыгъэпIейтей, зыгъэгузавэ Iуэхугъуэхэри. ЦIыхум и гурыгъу-гурыщIэхэр кызыэлухыным, я гущIэм тхыльеджэр игъэплъэным, абыхэм я гъусэу ар игъэгузэвэным, игъэгушхуэным и нэIэ нэхь тету Мызым повестыр иухуаш. Тхыльеджэм и псэр зыдэгугуфIэ персонаж гукъынэжщ Барэсбийрэ ФатIимэтрэ.

ТхакIуэм ищIа мурадым зэрылгъэIэс Iэмал нэхьшхьэщ абы и бзэр. Абы гулытэ лей хуэщIыпхьэщ. Бзэ дахэкIэ, кьулейкIэ тхаш повестыр. Тхыгъэм кьалэнышхуэ щагъэзащIэ эпитет, метафорэ зэмылIэужьыгъуэхэми. Ахэр апхуэдизкIэ и чэзууэ здекIупхьэм кьэгъэсэбэпа щыхьуащи, ягъэбелджылы хьэпшыпхэр, уи пащхьэ ильым хуэдэу, уагъэлыагъу. Псалъэм папщIэ, *эпитетхэу*: «гукъэкIыж IэфIхэр», «гурыщIэ шэху», «псэ кьабзэ», «гущIэ дурэ-шплIэрэшхэм», «гу пцIанэ тхьэмыщкIэр»; *метафорэхэу*: «и нитIыmkIэ епыджащ», «и гур мэгъу», «гупсысэхэр зэрызохьэр», «дыщэ дамэ», «гупсысэ щIыIэ», «и шхьэр кыфIэхуаш», «нэкIэ йодэхащIэ», «псэкIэ егъафIэ», «поху и гущIэр», нэгъуэщIэхэри. Хьэлэмэт дыдэщ тхакIуэм кыгъэсэбэп *зэгъэтицэныгъэхэри*: «Бжьэ кьэпщIам ещхьу, цIыхухэр псыхьуэм щызэрызехьэрт», «зыщIэль пэшым и блынхэм хуэдэу, и фэр хужьт», «и нитIыр дыгъэу лыду», нэгъуэщIэхэри.

Повестым и бзэр ягъэдахэу, куэду кышыгыгъэсэбэпащ *адыгэ псалъэжь* купщIафIэхэри: «Гур зэрыгъум дыгъур ирожэ» [Мизов 1992: 9], «Пщэдджыжь хьэщIэр гъэхьэщIэгъуафIэщ» [Мизов 1992: 22], «Зы хьэнэф зы хьэнэф и пщыжщ» [Мизов 1992: 32], «Псы икIыпIэм унэмысу уи кIэр умыIэт» [Мизов 1992: 37], «ЛIэныгъэр Iыхьэмыгуэщ» [Мизов 1992: 64], «Шыд пэтрэ ильэсым зэ мэфтрей» [Мизов 1992: 118].

Мыз Ахьмэд «*Щожэх аддэ жыжъэу Урыху*» и повестым зи гугъу кыитхуищIыжыр фашистхэм пIальэкIэ ди щIыпIэр щаубыда зэманырщ, абы щыгъуэ кьуажэдэсхэм зэрахьа лыгъэмрэ яхэлыа пэжагъымрэщ. Повестым образ нэхьшхьэу хэтщ ХьэсэлI Мэзан, абы и шхьэгъусэ Хьэнифэ, я бынхэу Алим, Iэнтисэ, Iэдииху. Тхыгъэм лъабжэ хуэхьуаш зауэ лъэхьэнэм лажьихьати имыIэу, «лъэпкыым и бий» цIэр фIащу, зи хэкур зрагъэбгына адыгэ

унагъуэм и къэкӀуэкӀыкӀар. Апхуэдэу абы къыщыӀэтащ Хэку зауэшхуэм къытхуихъа гупсысэхэм – тхъэмыщкӀагъэхэм ящыщ зы, иджыри къыздэсым ди литературэм гулгытэ зыхуимыщӀахэм, ди тхакӀуэхэм къалэтыну дзыхъ ямыщӀа Ӏуэху.

Хъэнифэ и къуэ Алим, къалэм унагъуэу щыпсэур, къыхуокӀуэж. Абы ирихьэлӀэу щхъэкӀуэри къыдохъэ – губгъуэм куэдрэ Хъэнифэ къыдита, я бригадиру щыта Мымей лӀыжбыр лӀат. Зэанэзэкъуэр абы макӀуэ, яхуогузавэ, дыуэщӀми ядыхотри къокӀуэж. Аращ повестым и сюжетыр и кӀыхъагъкӀэ зэрыхъур. Ауэ абы бгъуагъи иӀэщ, къызэрыгуэкӀыу щымыт Ӏуэхушхуэ куэдым хэӀэбэу.

Повестым блэкӀари къэкӀуэнури зэгъусэу къыщыгъэльэгъуэжащ, тӀуми чэзууэ щытепсэльыхъу. Зауэ нэужь зэманым гъэрыпӀэм ихуа ди лъэпкъэгъу куэдыр «нэмыщэхэм ядэлэжьащ» жаӀэри, мин бжыгъэкӀэ Сыбырымрэ Азие Курытымрэ ирашащ. Я Ӏуэху зэхагъэкӀыну гугъу зыдрамыгъэхьыщэу лажьэ зимыӀэ ди лъэпкъэгъу куэдым лей къатехъауэ щытащ. Апхуэдэхэм ящыщт ХъэсэлӀ Мэзан и унагъуэри. Аращ повестым и зы сюжет къудамэр зэпхари.

Хэку зауэшхуэр къыщыхъеям, Мэзан дзэм яшащ, арщхъэкӀэ и узыншагъэр щӀагъуэтэкъымы, мызауэу къагъэкӀуэжащ, хъужмэ, игъэзэжын хуейуэ. Куэд дэмыкӀыу нэмыщэхэр Псыхуабэ къэсати, Мэзан и гум тыхуакъым езым и ныбжьэгъухэр зауэм Ӏуту, «сысымаджэщ» жиӀэу къуажэм дэсыну.

ЗанщӀэу зигъэхъэзырри кӀуащ КъалэкӀыхъ щыӀа дзэ частым, ауэ абы зыри щыщымыгъуэтъжым, мурад ещӀ «партизанхэм яхыхъэну, абыхэм я гъусэу зэуэну». Езым и мурадым хуэдэ яӀэу щӀалищ гъусэу къыхуохъу. Мэзым макӀуэри къалыхъуэ партизан гупхэр, ауэ зыри ягъуэтыркъым. ИкӀэм-икӀэжым, къуажэ гъунэгъум къэкӀуауэ, сыт хуэдизкӀэ мысакъахэми, румынхэм яубыдри, Псыхуабэ дэт лъэхъуэщым ирадзэ. МазитӀ-щыкӀэ лъэхъуэщым щӀэсахэу, фашистхэм я дзэр ди щыпӀэм щрахужым, абы къокӀуэсыкӀыжхэри, ди къэралым и дзэхэм хыхъэжын я мураду, Псыхуабэ щыӀэ зауэлӀ зэхуэшэсыпӀэм макӀуэ, ауэ а щӀалиплӀым я Ӏуэхум тэмэму емыгупсысу, илъэсипщӀ къытральхъэри Сыбыр яшэ.

МыдэкӀэ, Мэзан и унагъуэр а псом щыгъуазэкъымы, я гугъэщ ар дзэм хыхъэжауэ зауэу. Къуажэм цагъэхъыбару хуожьэ Мэзан нэмыщэхэм я гъусэу щӀэпхъуэжауэ. Арати, нэмыщэхэр ди хэкум щыщыӀам абы ядӀэпыкъуахэм я унагъуэхэр Къэзахъстаным щашэм, Мэзан ейри даш.

Гулгытэ лей лъос Алим. И адэ зауэм кӀуэуэ къэзымыгъэзэжам и пӀэкӀэ балигъыпӀэ йоувэ. Уэхъутэ А. и «Хужьэ и къуэладжэ», «Геджэнокъуей къуажэ» тхыгъэхэм ещхъу, Алимхэ я унагъуэм псори ягъэву я къуажэжым къэкӀуэлӀэжу, уеблэмэ насыпи ягъуэтауэ, иужькӀэ я гукъэкӀыжхэмрэ зэкӀэлыхъауэ щытщ.

Темэ нэхъ хэӀэтыкӀауэ къэгъэльэгъуапхъэщ лъэпкъ зэныбжьэгъуныгъэр. Ар къэӀуэта мэхъу Къэзахъстаным яша нэужь Алим ныбжьэгъу къыхуэхъуа Айтпайрэ Олжасрэ я образхэмкӀэ, уеблэмэ Айтпайхэ я унагъуэр псори абы хэгъэрей хуохъу. Алим и унагъуэр ерыскъыкӀэ гугъу щехъым, Айтпай абыхэм щӀакхъуэ къахуихъти яригъэшхт. Я бзэхэр зэмыщхъми, щӀалитӀыр фӀыуэ зэгурыӀуэт икӀи зэрыщӀэт. Олжас Алим лэжьапӀэ хузэригъэпэщащ. Ар езыр

парткомитетым и секретарщ. Цыхугъэшхуэ зыхэльщ. Сытым дежи кьыдэЛэпыкьуу, нэ лейкЛэ кьеплэу шытащ ар адыгэ щалэм. Езы Алими, апхуэдэу кьысхушчыт щалэм игу зэзгъэбгъэнкьым жыхуиЛэу, езэш имыЛэу лажьэрт.

Повестым увышЛэ хэха щеубыд адыгэ лъахэм. ТхакЛуэм и персонажхэр а щыпЛэм куэдрэ трегъэпсэлъыхь. Абы и шапхъэщ зи щыпЛэ имысыж Алим и гум кьыгъэкЛыжхэр икИ тхакЛуэм ар мыпхуэдэу кьегъэлягъуэ: «Щалэ цыкЛум и нэхэр зэтрелЛэ. Асыхъэтуи Урыху псыжбыр и нэгу кьыщлохьэ. Сыт нэхъри Алим нэхь кьышчтэнт иджыпсту абдеж кьышыхутэну. Iугъуэльхъэнти, зигъэнщыкху ефэнт. ЩыЛэмыл хъужауэ, сыту псы IэфыЛэу ар...» [Мизов 2002: 34].

ТхакЛуэм Хьэнифэ и гупсысэхэмкЛэ шыгъуазэ дыхуещИ гъащЛэм и хьэлэмэтагъым: «Ей, гъащЛэ, гъащЛэ, сыту куу уэ уи лъащЛэр, сыту зэмыфэгъу куэду узэхэхуэна... Зым и Iутыжщ, адрейм и хьэдагъэщ. Зыр уанэгум исщ, адрейм и псэр питхъыу йокьу. Зыр тхэмэ, адрейр малЛэ. Апхуэдэу цыхур щхьэ зэхидзу пЛэрэ алыхьым? Пэжщ, пэжщ ди адэ мыгъуэм жиЛэу шытар – а псор гъэунэхуныгъэу аращ» [Мизов 2002: 135].

Хьэнифэ и образыр тхакЛуэм нэхьыфЛу кьехьуллэхэм ящыщ зыщ. Хьэнифэ сытым дежи гугъуехьыр зылыагъу, зыхэзыщЛэ цыхуш. Абы сыт хуэдэ гъащЛэ хьэлъэ, дыдж кьымыгъэщлами, фЛэкЛуэдакьым анэ быдзышэм щыгъуу зыщлапЛыкЛа цыхугъэр. Ихъумэфащ анэ гу шабагъри. ГъащЛэм сыт хуэдэу имыЛэуэнтлами, зэфИщЛыкЛыфакьым а цыхубз гуащлафЛэр.

Къэзахъстаным абы шигъэва бэлыхьыр псалъэкЛэ пхужыЛэнукьым, и пхьуйтЛым я кьупщхьэхэр хьэлуцыдзхэм кьыщлатЛыкЛыжауэ ар зэрызэхуихьэсыж закьуэр анэм гузавэгъуэу хурикьунут... ИлъэсипщкЛэ (абы и нэхьыбэр езым кьытЛыжа щыунэм щихьащ) Къэзахъстан сэтейм шыщылам мы цыхубз лажьэншэм и фэм дэкЛам укьыщеджэкЛэ, уи нэпсхэр пхуэубыдыркьым. Ауэ сыт хуэдэ гузэвэгъуэ, гугъуехь Хьэнифэ и псэм темылъами, абы кьару кьегъуэт кьыхуэнэжа и кьуэ закьуэм щхьэкЛэ псэуну, а щыпЛэ бзаджэми кьыкЛыжыну. Апхуэдизыр зыгъэва цыхубзыр гу щыЛэ хьуакьым, абы ихъумаш цыхугъэ лъагэр, кьыщальхуа щыпЛэм хуиЛэ лъагъуныгъэр. Хьэнифэ и щалэ закьуэр лъэ быдэкЛэ игъэуващ, унагъуэу игъэтЛысыжаш, кьуэрыльху цыкЛухэри игъуэтащ. Ауэ лейуэ кьылысар абы и гум дыркьуэшхуэу кьытенащ. «Цыхуфэр Iувщ», – жилащ адыгэм. Ар иджыри зэ ди фЛэщ ещИ Хьэнифэ и образым.

Зэманыр и пэкЛэ мэкЛуатэ. Мэзани илъэсипщИ телъар еухри кьегъэзэж, и лъакьуэ лъэныкьуэри пымытыжу. Къэралым и унафэкЛэ а ирашауэ шыта унагъуэхэми лажьэ ямыЛэу лей кьазэрытехьэхэмкЛэ тхыль ялыгъыу Хэкум къагъэзэж. Хьэнифэ кьуажэм зэрыдыхьэжу я унэм кЛуэжын и пэкЛэ, Урыху псыхъуэм дохъэри, псым йофэ и сабиитЛым я цЛэкЛэ, и напэр етхъэщИ урыхупс къабзэмкЛэ, апхуэдиз илъэс лъандэрэ и нэкЛум телъа нэпсыр третхьэщыкЛэ.

Гукьинэжщ ахэр хуит шащЛыжам кьызэрежъэжари. Гъыт къэзахъхэр, фЛыуэ яльэгъуа, апхуэдиз илъэскЛэ зыдэпсэуа я гьунэгъухэр ежъэжти, ахэр адыгэхэм кьельэлурт къэнэну. Гъыт адыгэхэри, гъыт Лыхьлы гьунэгъум хуэдэу фЛыуэ яльэгъуа къэзахъхэр ягу кьеуэрти. Уеблэмэ «дыкьэнэн-тЛэ» жаЛэу щыЛэ-щыЛэу зигу кьэкЛэхэри яхэтт, ауэ адэжь лъапсэм гури псэри кьелэрт.



Алимрэ Нэдахэрэ я зэхушытыкІэм уегъэлыагъу лыагъуныгъэм и дахагъыр, абы цІыхум зэфІэкІ куэд зэрыбгъэдилъхэр. Дауэ зэпэжыжъэу а тІур шымытами, ахэр гукІэ зэпэгъунэгъут. Тхыгъэм шыболъагъу а тІум псалъэ зыжрамыІэми, псэкІэ зэрызэрыщІэр. Алим и нэхэр зэтрипІэмэ, Нэдахэ и щхъэц кІыхьыр, и нэ фІыцІэ дахэхэр илыагъурт. Нэдахэ абы сытым дежи письмо хуитхт икІи кыуажэм хыбарыщІэ щыІэмэ, щыгъуазэ хуищІт. Алим и письмом кыышигъэлыагъуэрт хыджэбзым зэрыхушытыр, хамэ щІыпІэм зэрыщыІэ щыкІэхэр. Повестым ущеджэкІэ, занщІэу уигу кьокІ абы письмо зэрызыхуатхыр зыгуэрым ещхуэ зэрыщытыр. ИкІи уегупсысмэ, урыс тхакІуэ цІэрыІуэ Пушкин А.С. и «Евгений Онегин» романым апхуэдэу письмо Онегинымрэ Татьянэмрэ зэхуатхыу зэрыщытар кыбощІэж. Хьэлэмэтщ, зэпэгъунэгъуу зыфІэкІуэд дапщэ щыІэ? Ауэ Алимрэ Нэдахэрэ зэпэжыжъэми, яхузэфІэкІащ я лыагъуныгъэр яхъумэн.

ТхакІуэм и лІыхъужьхэм я нэхъыбэр цІыху кьабзэщ, лІыгъэ зыхэль, лэжыгъэм зи гумрэ зи псэмрэ ета, напэм кьемызэгъын Іуэху пхуэзымылэжыын, пэжыгъэр зи гум хэпща, цІыхугъэ дахэм нэхъри лыагъугъуафІэ ищІ, лыагъуныгъэ нэсым зи псэр уэгум ирихъэ цІыху хьэлэмэтхэщ. Ауэ мы жытІам кыкІыркыым Мызым и тхыгъэхэм кыыщыгъэлыгъуа лІыхъужьхэр псори «зэщІэщІыуэ» щытхэу. Хэтщ абы и ІэдакьэщІэкІхэм цІыху мыхъумыщІэхэри, зи напэ улыяхэм я образхэри. Мыбдежым жытІам и шапхъэу кьэбгъэлыагъуэ хъунуц «Щожэх аддэ жыжъэу Урыху» повестым хэт бригадирыр, Хьэбашэ, Къэнжалыкыуэ Мылий сымэ.

Художественнэ тхыгъэм хэт лІыхъужьым нэІуасэ ухуэху хабзэщ абы и теплъэмкІэ, и портретымкІэ. А Іэмалри Іэзэу и повестым кыыщегъэсэбэп тхакІуэм. Хьэнифэ и образыр апхуэдизу ІупщІу тхакІуэм уи нэгум кыыщІегъэхэри, езы дьдэр уи нэкІэ пльагъу хуэдэу кыыпщоху. «Дахагъэр зэкІужщи, зэкІужыр фащэщ» жыхуаІэраци, тхакІуэм зытепсэльыхъ цІыхум и теплъэр ІупщІу ди нэгу кыыщІегъэувэ.

АбыкІэ тхакІуэм сэбэп кыыхуоху описаниекІэ дызэджэ текст лІэужыгъуэм ар хуэІэзэу зэрыщытри. АбыкІэ тхакІуэм егъэбелджылы цІыхум и хьэл-щэнымрэ и зыужьыкІэмрэ, кьэзыухъуреихъ кьэхъукъащІэхэм литературэ лІыхъужьыр зэрыхушытыр. Ауэ мы Іэмалыр тхакІуэм имычэзууи кыигъэсэбэпыркыым, щыпІэ леи иригъэубыдыркыым.

Тхыгъэм и темэмрэ и гупсысэ нэхъыщхьэмрэ тхакІуэм кыызэригъэлыагъуэ хабзэр кыигъэщІ образхэмкІэщ, абыхэм я хьэл-щэн нэхъыщхьэхэмкІэщ, я ІуэхущІафэхэмкІэщ, гъащІэм хуаІэ щытыкІэхэмкІэщ, я гурыгъу-гурыщІэхэмкІэщ, бзэм и кыулеягъэмкІэщ. Мыз Ахьмэд и творчествэм набдзэгубдзапльэу упхырыплъмэ, гу лъумытэу кьанэркыым абы и тхыгъэхэм темэ зэмыщхъ куэд кыызэрыщІэтым. Щальхуа щІыналъэр, блэкІа зауэр, лъэпкьхэм я зэныбжъэгъуныгъэр, лэжыгъэр, дунейр кыызэрыхъурэ цІыхум кыыдэгъуэгурыкІуэ ныбжъэгъугъэ дахэр, лыагъуныгъэ кьабзэр, пэжыгъэр – мыхэрац Мызыр зытетхыхьыр. Къыхэгъэщын хуейщ сыт хуэдэ темэ и тхыгъэхэм кыыщымыІэтами, тхакІуэм фІэщхъуныгъэ хэльу ар зэпкьрихын зэрыхузэфІэкІар. Щэч лъэпкь кыытепхьэркыым абы и тхыгъэ псори гъащІэм кыызэрыхыхым.

ТхакIуэм дежкIэ льяпIэщ, кьалэнышхуэщ нобэрей ныбжьыщIэхэм я дунейр, я гурыгьу-гурыщIэхэр, я гуращэхэр, я хьэл-щэнхэр белджылы, IупщI шыныр. Художественнэ тхыгьэхэм я лыхьужь нэхьыщхьэхэм ядэтлъягьун хуейщ пщэдейр зыгьэбжьыфIэфын цыхум и шапхьэ. Апхуэдэ кьару бгьэдэлъмэщ тхакIуэм и кьалэмым кьыгьэщI образыр шапхьэрэ гьуазэрэ щыхьур. ЩIэблэр зыдэплъеин шапхьэрэ гьуазэрэ хьуа образ купщIафIэщ Мыз Ахьмэд кьыгьэщIахэри. Ахэр зэщхьэщокI мыхьэнэ нэхьыщхьэ зиIэрэ мыхьэнэ нэхь мащIэ зиIэхэу. А образхэр зэпыщIащ я лэжьыгьэкIэ, я щхьэ IуэхукIэ, мурадкIэ, зыщIэбэн, зыщIэхьуэпс IуэхугьуэхэмкIэ.

Дэ дызэреплтымкIэ, Мыз Ахьмэд адыгэ литературэм езым и льягьуэ щыпхызыш тхакIуэхэм ящыщ зыщ. Абы и творчествэм щынэхьыщхьэр иджырей щIалэгьуалэрщ – кьэкIуэнур зейхэрщ. Ар гупсысэ щIэщыгьуэрэ гурыщIэ кьабзэкIэ и тхыгьэхэм наIуэ щыщIыну хущIокьу. И нэгу щIэкIыр зэрызыхищIэм и кууагьымрэ ар кьызэриIуэтэжыфым и шэрыуагьымрэщ тхакIуэм и зэфIэкIхэм я зэхэгьэкIыпIэри, абы и пщIэр здынэсым и пщальэри. ЕхьулIэныгьэу кьэлытэн хуейщ узытет дунеймрэ узыхэт гьащIэмрэ я нальэ щхьэхуэхэр кьэбубыдыфрэ зы нальэр адрейм зэрыпыщIар Iэрыхуэу кьэпIуэтэныр, абы зи гупсысэ хунэмысхэм гу льебгьэтэныр. А псори гупсысэшхуэ гуэрым кьызэщIигьанэуи щытын хуейщ. Ар кьохьулIэ Мызым.

Ди лэжьыгьэм IупщI кьызэрищIащи, Мыз Ахьмэд литературэ жанр зэмылIэужьыгьуэхэр кьегьэIурыщIэ: повесть, рассказ, новеллэ, нэгьуэщIхэри. Кьышта темэр нэхь кьызэкIуэщIызыхыфыну кьилытэ жанрырщ абы кьыгьэсэбэпыр. Ауэ псоми ягьэзащIэр зы кьалэнщ: цыхум и гьащIэр сакьыу кьэхутэн, абы и гум щыщIэхэр, гурыгьу-гурыщIэхэр зэпкьрыхын, гьащIэм хэбакьуэ ныбжьыщIэр зыIуэу льяпощхьэпохэр кьызэрызэригьэкIыну щIыкIэр егьэлыагьун, бзэр узытепсэлыхь Iуэхугьуэм тэмэму хуэуэщIауэ, егьэлей хэмыту кьэгьэсэбэпын. Мис а кьалэн льяпIэхэрщ зыхуэлажьэри, зыхуэпэжри тхакIуэ, публицист Iэзэ Мыз Ахьмэд.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

История адыгской... 2021 – *История адыгской (кабардино-черкесской) литературы*. Т. 3 [На каб.-черк. яз: Адыгэ (кьэбэрдей-шэрджэс) литературэм и тхыдэ. Ещанэ тхыль]. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. – 508 с.

Мизов 1992 – *Мизов А.Л.* Весенний снег: Повесть, рассказы [На каб.-черк. яз: Гьатхэ узэ: Повесть, рассказхэр]. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 173 с.

Мизов 2002 – *Мизов А.Л.* Течет далеко река Урух: Повесть. Рассказы, новеллы [На каб.-черк. яз: Щожэх аддэ жыжьэу Урыху: Повесть. Рассказхэр, новеллэхэр]. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 222 с.

Тимижев 2006 – *Тимижев Х.Т.* Грани. Состояние современной кабардино-черкесской литературы и ее задачи [на каб.- черк. яз.: Гьунапкьэхэр. Иджырей адыгэ литературэмрэ абы кьыпэщыт кьалэнхэмрэ] // Iуащхьэмахуэ (Эльбрус) [Литературно-художественный и общественно-политический журнал. На каб.- черк. яз.]. – 2006. – № 6. – С. 90–108.

Тимижев, Тхагазитов 2009 – *Тимижев Х.Т., Тхагазитов Ю.М.* Адыгский роман: эволюция жанра и художественно-эстетические особенности [На каб.-черк. яз.: Адыгэ льяпкь роман: и тхыдэ гьуэгуанэмрэ художественнэ нэцэнэхэмрэ]. – Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. – 168 с.

### REFERENCES

*Istoriya adygskoi (kabardino-cherkesskoi) literatury* [History of Adyghe (Kabardino-Circassian) literature]. Т. 3 [Na kab.-cherk. yaz: Adyghe (k"eberdei-sherdzhes) literaturem i tkhyde. Eshchane tkhyl"]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2021. – 508 p. (In Kabardian-Circassian).

MIZOV A.L. *Vesennii sneg: Povest', rasskazy* [Spring Snow: A Tale, Stories] [Na kab.-cherk. yaz: G"atkhe ues: Povest', rasskazkher]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 173 p. (In Kabardian-Circassian).

MIZOV A.L. *Techet daleko reka Uruk: Povest'. Rasskazy, novelly* [The Uruk River flows far: The Tale. Short stories, short stories] [Na kab.-cherk. yaz: Shchozhekh adde zhyzh'eu Urykhu: Povest'. Rasskazkher, novellekher]. – Nal'chik: El'brus, 2002. – 222 p. (In Kabardian-Circassian).

TIMIZhEV Kh.T. *Grani. Sostoyanie sovremennoi kabardino-cherkesskoi literatury i ee zadachi* [Facets. The state of modern Kabardino-Circassian literature and its tasks] [na kab.-cherk. yaz.: G"unapk"ekher. Idzhyrei adyghe literaturesre aby k"ypeshchyt k"alengkhemre]. In: Iuashchkh'emakhue (El'brus) [Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal. Na kab.-cherk. yaz.]. – 2006. – № 6. – P. 90–108. (In Kabardian-Circassian).

TIMIZhEV Kh.T., TKhAGAZITOV Yu.M. *Adygskii roman: evolyutsiya zhanra i khudozhestvenno-esteticheskie osobennosti* [Adyghe novel: the evolution of the genre and artistic and aesthetic features] [Na kab.-cherk. yaz.: Adyghe l"epk" roman: i tkhyde g"ueguanemre khudozhestvenne neshchenekhemre]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 2009. – 168 p. (In Kabardian-Circassian).

#### **Авторхэм теухуауэ**

Хь.Т. ТЫМЫЖЬ – филологие щІэныгъэхэмкІэ доктор, профессор.

Н.Б. Бозий – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, доцент.

#### **Information about the authors**

H.T. Timizhev – Doctor of science (Philology), professor.

N.B. Bozieva – Candidate of Science (Philology), docent.

#### **Информация об авторах**

Х.Т. Тимижев – доктор филологических наук, профессор.

Н.Б. Бозиева – кандидат филологических наук, доцент.

**Авторхэм я хэльхэныгъэхэр:** Статъяр гъэхэзырыным дэтхэнэ авторми зэхуэдэ хэльхэныгъэ хуищІащ. Авторхэм жаІэ зэгурымыІуэныгъэ лъэпкъ яку зэрыдэмыльыр.

**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

**Вклад авторов:** все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 05.02.2024 гъ.; рецензэ нэужьым къаштащ 15.03.2024 гъ.; къытрадзэнущ 27.03.2024 гъ.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

**Языки народов Российской Федерации**  
**(языки народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК 811.35

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-244-252

EDN: QIАСЕН

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ В РЕЧИ ЧЕРКЕССКИХ  
РЕПАТРИАНТОВ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Марита Мухамедовна Абазова<sup>1</sup>, Заудин Галиевич Хутежев<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, [mari-ta.abazova@yandex.ru](mailto:mari-ta.abazova@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

<sup>2</sup> Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, [zaudin-777@mail.ru](mailto:zaudin-777@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5975-1085>

*Аннотация.* В статье исследуются фонетические изоглоссы в речи черкесских репатриантов, проживающих в Кабардино-Балкарской Республике в сравнении с литературным кабардино-черкесским языком. Изучение речи черкесских репатриантов из Сирии, Турции представляют научный интерес не только для лингвистов, но и для историков и этнографов. Утверждается, что в речи представителей черкесских репатриантов наблюдаются архаичные формы некоторых согласных, сохранившихся на исторической Родине в диалектах и говорах литературного кабардино-черкесского языка. Отмечается, что отрицания выражается с помощью отрицательных аффиксов *-Ым / -кьым* как синонимы, а утверждение – морфемой *-с*; процесс аффрикатизации палатализованных заднеязычных согласных еще не завершен, в речи часто встречаются мягкие шипящие спиранты *ж'* и *ш'* и т.д. В речи репатриантов отмечены некоторые особенности в системе вокализма. Делается вывод, что речь черкесских репатриантов в Кабардино-Балкарской Республике богата фонетическими особенностями.

*Ключевые слова:* диаспора, репатриант, кабардино-черкесский язык, фонетика, консонант, вокал.

*Для цитирования:* Абазова М.М., Хутежев З.Г. Фонетические изоглоссы в речи черкесских репатриантов в Кабардино-Балкарской Республике // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 244-252. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-244-252. EDN: QIАСЕН.

---

© Абазова М.М., Хутежев З.Г., 2024

Original article

**PHONETIC ISOGLOSSES IN THE SPEECH OF CIRCASSIAN  
REPATRIATES IN THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC**

Marita M. Abazova<sup>1</sup>, Zaudin G. Khutezhev<sup>2</sup>

<sup>1</sup> The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino–Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, [mari-ta.abazova@yandex.ru](mailto:mari-ta.abazova@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

<sup>2</sup> Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, [zaudin-777@mail.ru](mailto:zaudin-777@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5975-1085>

**Abstract.** The article examines phonetic isoglosses in the speech of Circassian repatriates living in the Kabardino-Balkarian Republic in comparison with the literary Kabardino-Circassian language. The study of the speech of Circassian repatriates from Syria and Turkey is of scientific interest not only for linguists but also for historians and ethnographers. It appears that archaic forms of some consonants maintained in the dialects and dialects of the literary Kabardino-Circassian language are seen in the speech of representatives of Circassian repatriates. It is noted that negations are expressed using negative affixes –l/ –k as synonyms, and the statement is a morpheme–c; the process of affrication of palatalized posterior consonants is not yet complete, soft hissing spirants f and w are frequently heard in speech, etc. Some vocalism system anomalies are observed in repatriates' speech. It is concluded that Circassian repatriates in the Kabardino-Balkarian Republic speak with a variety of phonetic traits.

**Keywords:** diaspora, repatriate, Kabardino-Circassian language, phonetics, consonant, vocal.

**For citation:** Abazova M.M., Khutezhev Z.G. Phonetic isoglosses in the speech of Circassian repatriates in the Kabardino-Balkarian Republic. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 244-252. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-244-252. EDN: QIACEN.

---

© Abazova M.M., Khutezhev Z.G., 2024

В фонетической системе речи черкесских репатриантов в Кабардино-Балкарской республике диалектов и говоров кабардино-черкесского языка отмечаются общие отклонения от литературной нормы, сохраняя различные ступени развития литературного языка. Фонетическая изоглосса выражается в консервации в речи черкесских репатриантов общих фонетических явлений предыдущих этапов языкового развития, свидетельствующая об особых исторических связях с диалектами и говорами кабардино-черкесского языка. Исследование фонетических особенностей речи черкесских репатриантов в этом регионе дает возможность определить их современное состояние, выявить степень и глубину лексических и фонетических изменений, а также формы взаимодействия различных языковых систем под влиянием экстралингвистических факторов.

В речи черкесских репатриантов из Сирии и Турции сохранились следы исторически сложившихся фонетических изменений, которые на Родине встречаются только в некоторых диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. «Звуковой строй кабардино-черкесского языка характеризуется сложной системой консонантизма и сравнительно простой системой вокализма» [КЧЯ, 2005: 49]. В литературном языке отмечается устоявшаяся фонологическая система согласных звуков, а в речи репатриантов сохранились архаичные формы в системе консонантизма, вызванные отсутствием письменности, проживанием долгое время в иноязычной среде.

Данная работа посвящена исследованию фонетических особенностей речи черкесских репатриантов, так как она еще не получила должного осмысления в

научных трудах исследователей адыгского языкознания. При этом следует отметить, что некоторые аспекты поставленной проблемы затрагивались в трудах ученых-адыговедов.

Теоретическую базу исследования составляют научные работы по исследуемой теме Ж. Дюмезиля [Dumézil 1965], К. Пари [Paris 1974], Н.Ф. Яковлева [Яковлев 1948], К.Т. Мамрешева [Мамрешев 1959], Б.Х. Балкарова [Балкаров 1970], А.К. Шагилова [Шагилов 1969, Шагилов 2004], Е.А. Борукаева [Борукаев 1981], М.А. Кумахова [Кумахов 1958, Кумахов 1959, Кумахов 1981], Х.Ш. Урусова [Урус 2000], Н.Г. Гишева [Гишев 2003], Х.Т. Таова [Таов 2005], Б.Ч. Бижоева [Бижоев 2000], Р.Х. Дзугановой [Дзуганова, Бижоев 2015], а также обобщающие работы по истории и этнографии адыгов [Адыги 2022] и др. В работах этих авторов затрагивались общие вопросы по теории фонетики и фонологии адыгских языков, охарактеризована звуковые системы адыгского языкознания. Источником исследования послужили полевые материалы М.М. Абазовой, собранные с 2009 по 2023 г. (далее ПМА). Сбор данных проводился путем бесед с репатриантами из Сирии и Турции, проживающих в Кабардино-Балкарской республике более трех лет. Разговоры с респондентами велись на кабардино-черкесском языке на различные темы для выявления фонетических, лексических, стилистических особенностей, специфики речи черкесской представителей черкесской диаспоры, проживших длительное время за рубежом. В статье также использовались репрезентативные для нашего исследования материалы, извлеченные из опубликованных репатриантами из Турции Ибрагимом Абазэ и Хуаж Фахри в г. Нальчик книг [Абазэ И., Абазэ А. 2014; Хъуажь 2019].

Методологию исследования составляют:

– сопоставительный метод, который использован в ходе сравнительного анализа материалов полевых исследований и литературного кабардино-черкесского языка;

– к контекстуальному методу обращались для определения степени трансформации речи черкесских репатриантов под влиянием иноязычного окружения;

– этнолингвистический метод применялся для общей характеристики речи представителей черкесских репатриантов, проживавших длительное время за рубежом. Применение этих методик позволило подробно и всесторонне исследовать звуковой состав речи черкесских репатриантов, определить особенности в системе консонантизма под влиянием эндогенных и экзогенных факторов. В ходе исследования анализу подвергались те звуки, которые часто встречались в речи респондентов.

Фонетические особенности речи черкесских репатриантов описываются впервые, что и подтверждает новизну исследования.

Сравнительный анализ кабардино-черкесского литературного языка и речи черкесских репатриантов показал наличие значительных изменений в звуковом строе, вызванных различными факторами. Основным является контактирование, по мнению У. Вайнрайха, — «это процесс, протекающий в рамках времени, хотя не только его результаты, но уже само сосуществование и взаимодействие двух языковых систем у билингва принадлежат плану синхронии»

[Вайнрайх 1979: 8]. Фонетические особенности в речи черкесских репатриантов, в большей степени, выявлены в системе консонантизма. Палатализованные заднеязычные смычные *ɟ*, *к*, *ч* до сих пор сохранились в их речи, а в литературном языке они закрепились как трехчленные шипящие аффрикаты *дж*, *ч*, *к*.

Например: *г*:*дж*: *иг*'ы вместо литературного кабардино-черкесского языка *иджы* «сейчас» (здесь и далее примеры взяты из ПМА М.М. Абазовой, перевод А.М. и Х.З.), *мэжг*'ыт вместо *мэжджыт* «мечеть», *г*'анэ вместо *джанэ* «рубашка», *гегу*нэм вместо *джэгухэм* «танцы»; *к*:*ч*: *к*'эзууэ вместо *чэзууэ* «поочередно», *ч*':*к*': *атч*лэ-*мытч*лэ вместо *адэк*лэ-*мыдэк*лэ «туда-сюда» происходит замена *к*л на *ч*л, а также между двумя согласными выпадает краткая гласная э.

Следует отметить, что представители молодого поколения черкесских репатриантов одновременно употребляют заднеязычные согласные и шипящие аффрикаты. К примеру, в речи одного из информаторов, который более пяти лет проживает в Нальчике, зафиксировали одновременное употребление *ɟ*' и *дж*: *иг*'ытсту вместо *иджытсу* «сейчас». Другой информатор, (15 лет как вернулся на Родину), также произносит *к*л и *ч*л как синонимы, но отмечает, что «кл» звучит грубее, чем «чл», тем самым [чл] слышится нежнее: *абыч*лэ *дызэцы*лэм вместо *абык*лэ *дыздэцы*лэм «там, где жили»; *Мыбыч*лэ *дыкъэлэхуэ*жа, *дыкъаклуэри*, *мябык*лэ, *атк*лэ, *мытк*лэ, *джэдык*лэ, *дэ зэрыжыт*лэр *гэдыч*лэ, *атч*лэ, *мотч*лэ. «Здесь говорят *мябык*лэ, *атк*лэ, *мытк*лэ, *джэдык*лэ, а мы произносим *гэдыч*лэ, *атч*лэ, *мотч*лэ» (С.У., 31 г.).

Результат исследования различных диалектов и говоров кабардино-черкесского языка свидетельствуют о том, что и на исторической родине в разговорной речи представителей разных возрастов и гендерной принадлежности встречаются палатализованные заднеязычные *ɟ*, *к*, *ч* вместо *дж*, *ч*, *к*. По мнению М. Кумахова, «общеадыгская мягкая шипящая аффриката *дж* имеет большой ареал распространения в современных адыгских диалектах..., прочно удерживается в бжедугском, шапсугском, темиргоевском и бесленеевском диалектах» [Кумахов 1981: 178]. А также он отмечал, что звонкая аффриката *дж* восходит к различным источникам, что и нашло отражение в её развитии после распада языка-основы. Старая аффриката *дж* реконструируется на основании звукосоответствия бжедуг., темирг., шапсуг., бесл. *баджэ*, абадз. *бажьэ*, каб. *бажэ* «лиса» [Кумахов 1981: 178]. Об аффрикатизации палатализованных заднеязычных смычных *ɟ*, *к*, *ч* во всех кабардинских диалектах и говорах кабардино-черкесского языка писал А. Шагиров. Он отмечал, что «литературный язык узаконил аффрикатное произношение (*дж*, *ч*, *ч*л вместо *ɟ*, *к*, *к*л)', но в некоторых диалектах и говорах (напр., терском лескенском и др.) в принципе допустимо их параллельное употребление: *джэд-г*'эд – «курица», *чыцэ* – *к*'ыцэ – «подлесок, кустарник, кустарниковая чаща», *ч*л*ансэ-к*л*ансэ* – «веревка» [Шагиров 2004: 48]. Согласно данным К.Т. Мамрешева, «первичные звуки во всех диалектах адыгских языков, за исключением бабыгойского говора, кубанского диалекта, исчезли, то есть соответственно перешли в аффрикаты [Мамрешев 1959: 10-11]. С таким утверждением можно не согласиться, так как сейчас в современной речи людей пожилого возраста, в диалектах и говорах кабардино-

черкесского языка встречается использование заднеязычных смычных г', к', чI', вместо аффрикат. Процесс полного перехода по сей день не завершён.

Одно из самых распространённых фонетических явлений как в речи адыгской диаспоры за рубежом, так и в речи черкесских репатриантов – это обозначение множественного числа ларингальным спирантом **h** в окончании имен и глаголов [Абазова, Бижоев 2016]. В литературном кабардино-черкесском языке множественное число принято обозначать глухим средненебным спирантом *x(xэ)*. Например: *кьуажэhэр* вместо *кьуажэхэр* «села», *нэхьыцIэхэм* вместо *нэхьыцIэхэм* «младшие», *си нэхэр* вместо *си нэхэр* «мои глаза», *ныбжьээгьухэ* вместо *ныбжьээгьухэм* «друзья», *адыгэбзэкIэ зэрсалгэхэти* вместо *адыгэбзэкIэ зэрсалгэхэт* «разговаривали на кабардино-черкесском», *тхыль сиIэхэр* вместо *тхыль хиIэхэр* «книги, которые есть у меня», *епсэльаhэIым* вместо *епсэльэхэкьым* «не разговаривают», *дызыгьэсаhэр* вместо *дызыгьэсахэр* «которые воспитали», *шыпхьу быnhэм* вместо *шыпхьу бынхэм* «племянники» и др. Данное фонетическое явление сохранилось также в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. «В баксанском диалекте суффикс множественного числа *x* имени и глагола заменяется ларингальным *h* в речи старшего поколения, а в речи молодого поколения школьного возраста наблюдается параллельное употребление *x/h*» [Мамрешев 1969: 251]. Звукозамещение суффикса множественного числа также отмечается и в бесленеевском диалекте [Балкаров 1952], в терских говорах [Куашева 1954].

В речи черкесских репатриантов в суффиксе отрицания *фарингальный абруптив кь* часто переходит в *ларингальный абруптив I*. Литературному варианту отрицательной морфемы *-кьым* соответствует *-Iым*. Например: (информатор П.С., 22 года, 4 года живет в Нальчике, одновременно использует отрицательную морфему *-Iым / -кьым* как синонимы) *цIыху IейhэIым* вместо *цIыху Iейхэкьым* «неплохой человек», *зыхэсахкьым* «не слышал» (П.С.), *псори сцIыхуIым, сцIэрIым* вместо *псори сцIыхукьым, сцIэркьым* «со всеми не знаком, все не знаю», *дэ зыри дыхуэныкьуэIым* вместо *дэ зыри дыхуэныкьуэкьым* «мы ни в чем не нуждаемся», *зыми ськьыгьэувыIаIым* вместо *зыми ськьыгьэувыIакьым* «никто не останавливал», и др.

В речи черкесских репатриантов часто глухой свистяще-шипящий спирант *ц* заменяется на глухой свистящий спирант *с* в суффиксе утверждения. Например: *кIыхьс* вместо *кIыхьц* «длинный», *ныпсхуэстхынс сьыцхьэхуитым* вместо *ныпсхуэстхынц сьыцхьэхуитым* (деж) «напишу, как выдастся свободное время», *сэ сьыцIаc* вместо *сэ сьыцIац* «я был», *ськьыгьэпцIаc* вместо *ськьыгьэпцIац* «обманул», *зэзгьэцIаc* вместо *зэзгьэцIац* «выучил».

Употребление в суффиксе утверждения глухого свистящего спиранта *с* вместо принятого в литературном кабардино-черкесском языке глухого свистяще-шипящего спиранта *ц* наблюдается и на исторической родине в современной разговорной речи. По употреблению данной копулы в суффиксе утверждения можно определить принадлежность к определенному району. Наиболее часто встречается в речи всех возрастов жителей баксанского района (в основном Баксанёнок, Кишпек, Дугулубгей, Исламей).



Часто в речи черкесских репатриантов встречаются переход глухого свистяще шипящего спиранта *ц* в мягкий глухой шипящий спирант *ш* и в инлауте, и в ауслауте. Например: *си'огъунш'э*, вместо *сцогъунцэ* «забываю», *пш'ык'лух* вместо *пщык'лух* «шестнадцать», *жэш'ым* вместо *жэщым* «ночью», *къаш-эжаш'* вместо *къашэжащ* «привезли» и др.

Наиболее частым фонетическим явлением в речи черкесских репатриантов является субституция, как результат взаимовлияния языков. Примером взаимозамещения являются такие консонанты, как *д:т – ат'клэ* вместо *адэклэ* «далее», *таурэ* вместо *даурэ* «как» и др.

Речь черкесских репатриантов имеет особенности и в области вокализма. Наиболее распространенная фонетическая особенность – это чередование гласных. Например: долгий гласный *и* соответствует иррациональному гласному *ы* и наоборот: *сэры* вместо *сэри* «я тоже», *ад'игэбзэ* вместо *адыгэбзэ* «язык адыгов»; иррациональный гласный *ы* соответствует краткой гласной среднего подъема *э*: *зыхыбох* вместо *зэхыбох* «слышно», *клахыбзэр* вместо *клахэбзэр* «язык адыгейцев (клахэ - кабардинское название западно-адыгских племён)», *къывжес'ынс* вместо *къывжес'эниц* «расскажу вам»; *Нэхъыжь здыщы'ым нэхъыц'ли щы'ыс*. Вместо *Нэхъыжь здэщы'эм нэхъыц'ли щы'эц*. «там, где есть старший, есть и младший». Замена краткого гласного *э* иррациональным гласным *ы* в положении между согласными характерна для терских говоров кабардинского языка. Например, *ныгъуэц'л* вм. *нэгъуэц'л* «другой», *щы'ыц* вм. *щы'эц* «находятся» [Куашева 1954].

В единичных случаях иррациональной гласной *ы* соответствует долгий гласный нижнего подъема *а*: *ф'ыуэ сыкъы'льагъу'ым* вместо *ф'ыуэ сыкъы'альагъу'ым* «недолюбливают».

В речи репатриантов часто встречается чередование долгого гласного звука нижнего подъема *а* с кратким гласным среднего подъема *э*: *зэуэ лъэхъэнэм* вместо *зауэ лъэхъэнэм* «во время войны», *дэуик'л* вместо *дауик'л* «несомненно», *тхъак'лэмэ* вместо *тхэк'лэмэ* «ухо», *марем* вместо *мэрэм* «пятница», *махуэку* вместо *мэхуэку* «четверг» и др. Фонетическое явление замена краткого гласного *э* долгим гласным *а* отмечено во многих диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. «В кубанском диалекте замена литературного кабардинского краткого гласного *э* долгим гласным *а* – распространенное явление. Например: *хъарам- хъэрэм* «запретное», *лъэхъан – лъэхъэнэ* «время», *хъалэл – хъэлэл* «дозволенное»; *мышъанэ – мышъэнэ* «значение» и др. [Кумахов 1969: 203]. А также в терских говорах *э:а* в ряде случаев. Например: *бакхъ* вм. *бэкхъ* «хлев», *шархъ* вм. *шэрхъ* «колесо» [Куашева 1954].

Вокалистическое начало слова в общеадыгском языке фонетически невозможно, «общеадыгские гласные *а*, *э*, *ы* различаются в дистрибутивном плане. В начальной позиции возможна лишь гласная фонема *а*. Однако фонема *а* в начальной позиции фонетически реализуется с ларингальной протезой *h*. *hэнэ* вместо *анэ* «мать», *hэдэ* вместо *адэ* «отец», *hэнэ* вместо *япэ* «впереди»» [Кумахов 1981: 44]. При этом в анлауте в речи репатриантов перед гласной *а* употребляется ларингальный смычный абруптив *l*. Например: *lанэ lадэр* вместо [-]анэ [-]адэр «мать и отец».

Таким образом, сравнительный анализ языкового материала речи черкесских репатриантов из Сирии и Турции в Кабардино-Балкарской республике дает надежный материал для реконструкции фонетической системы общеадыгского языка, выявлению особенностей современной фонологической системы. Одновременное употребление архаических звуков, восходящих к общеадыгскому языкознанию, и инновационных, сформировавшихся после становления литературного кабардино-черкесского языка, свидетельствуют о влиянии экстралингвистических факторов. Процесс перехода заднеязычных *ɟ', k', ɟI'* вместо шипящих аффрикат *дж, ч, кI* еще не завершен. Но стоит отметить параллельное употребление репатриантами, наряду с общеадыгскими формами, и литературные варианты. Выявлено, что некоторые фонетические процессы до сих пор сохранились и в некоторых диалектах и говорах, которые свидетельствуют о сохранении в речи репатриантов праадыгской звуковой структуры.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Dumézil 1965 – *Dumézil G. Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III. PARIS INSTUT D'ETHNOLOGIE muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, PLACE DU TROCADE'RO. – Paris, 1965. – 269 p.*

Paris 1974 – *Paris Catherin. Systeme phonologique et phénomènes phonétiques dans le parler Besney de Zennun köyu (Tcherkesse oriental). Collection linguistique publiée par la société de Linguistique de Paris LXIX. – Paris, 1974. – 248 p.*

Адыги 2022 – *Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги. – Москва: «Наука», 2022. – 870 с. – (Серия «Народы и культуры»).*

Абазэ И., Абазэ А. 2014 – *Абазэ И., Абазэ А.Ч. Шы лъэпкъэхэм и тхыдэ напэкIуэцIхэр (Абазов Ибрагим, Абазов А.Ч Страницы истории о породе лошадей). – Нальчик: «Тетраграф», 2014. – 256 с.*

Абазова, Бижоев 2016 – *Абазова М.М., Бижоев Б.Ч. Звуковые изменения согласных в речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9-3 (63). – С. 58-60.*

Балкаров 1970 – *Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков (синхронно-диахронное исследование). – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 333 с.*

Бижоев 2000 – *Бижоев Б.Ч. Язык кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик: изд-во «Эль-фа», 2000. – С. 272.*

Борукаев 1981 – *Борукаев Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточнославянских языков. – М.: Наука, 1981. – 140 с.*

Вайнрайх 1979 – *Вайнрайх У. Языковые контакты состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1979. – 260 с.*

Гишев 2003 – *Гишев Н.Г. Сравнительный анализ адыгских языков. – Майкоп: «Качество», 2003. – 284 с.*

Дзуганова, Бижоев 2015 – *Дзуганова Р.Х., Бижоев Б.Ч. Синонимия превербов в кабардино-черкесском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 4 (66). – С. 201-205.*

Кабардино-черкесский язык 2006 – *Кабардино-черкесский язык. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Т. I. – Нальчик: изд-во «Эль-фа», 2006. – 547 с.*

Куашева 1954 – *Куашева Т.Х. Особенности Терских говоров кабардинского языка. Автореф. дисс... канд. филол. н-к. – Нальчик, 1954. – 24 с.*

Кумахов 1958 – *Кумахов М.А. К вопросу об аффрикатизации заднеязычных согласных в адыгских языках // Ученые записки КБГУ. – Вып. IX. – Нальчик, 1958. – С. 35-55.*

- Кумахов 1959 – *Кумахов М.А.* Кубанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 190-249.
- Кумахов 1981 – *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М.: изд-во «Наука», 1981. – 288 с.
- Мамрешев 1959 – *Мамрешев К.Т.* Баксанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 249-290.
- Таов 2005 – *Таов Х.Т.* Кабардино-черкесская диалектология. Учеб. пособие. – Нальчик: КБГУ, 2005. – 185 с.
- Урыс 2000 – *Урыс Хь.Ш.* Адыгэбзэм и тхыдэ. – Налшык: Эльбрус, 2000. – 360 с.
- Хъуажь 2019 – *Хъуажь Ф.М.* Уэрамэ сыт ебгъэщIэнт? Гуэтэж ущиэхэр? (Хуаж Фахри Мухарем Если бы ты был автором, как бы поступили твои герои?). – Нальчик: «Принт Центр», 2019. – 336 с.
- Шагиров 1969 – Шагиров А.К.* Малкинский говор // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 290-329.
- Шагиров 2004 – Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 220 с.
- Яковлев 1948 – Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 371 с.
- ПМА – Полевой материал М.М. Абазовой.

#### REFERENCES

- DUMEZIL G. *Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III* [Anatolian documents on the languages of the Caucasus III]. PARIS INSTUT D'ETHNOLOGIE muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, PLACE DU TROCADE'RO. – Paris, 1965. – 269 p. (in French).
- PARIS CATHERIN. *Systeme phonologique et phénomènes phonétiques dans le parler Besney de Zennun köyu (Tcherkesse orientale)* [Phonological system and phonetic phenomena in the Besney language of Zennun köyu (Eastern Cherkessia)]. Collection linguistique publiée par la société de Linguistique de Paris LXIX. – Paris, 1974. – 248 p. (in French).
- Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi* [Adygs: The Adygeans. Kabardians. Circassians. Shapsugi]. – Moskva: «Nauka», 2022. – 870 p. – (Seriya «Narody i kul'tury»). (in Russ.).
- ABAZE I., ABAZE A.CH. *Shy l'epk'khem i tkhyde napekluetsIkher* [Pages of the history of the horse breed]. – Nal'chik: «Tetragraf», 2014. – 256 p. (in Kabardino-Circassian).
- ABAZOVA M.M., BIZHOEV B.CH. *Zvukovye izmeneniya soglasnykh v rechi kabardino-cherkesskoi diaspori za rubezhom* [Sound changes of consonants in the speech of the Kabardino-Circassian diaspora abroad]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2016. – № 9-3 (63). – P. 58-60. (in Russ.).
- BALKAROV B.Kh. *Fonetika adygskich yazykov (sinkhronno-diakhronnoe issledovanie)* [Phonetics of the Adyghe languages (synchronous-diachronic study)]. – Nal'chik: El'brus, 1970. – 333 p. (in Russ.).
- BIZHOEV B.Ch. *Yazyk kabardino-cherkesskoi diaspori v Sirii, Iordanii, Turtsii* [The language of the Kabardino-Circassian Diaspora in Syria, Jordan, and Turkey]. In: *Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura*. – Nal'chik: izd-vo «El'-fa», 2000. – p. 272. (in Russ.).
- BORUKAEV E.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika vostochnoslavjanskikh yazykov* [Comparative historical phonetics of the East Slavic languages]. – M.: Nauka, 1981. – 140 p. (in Russ.).
- VAINRAIKh U. *Yazykovye kontakty sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts the state and problems of the study]. – Kiev: Vishcha shkola. Izd-vo pri Kiev. un-te, 1979. – 260 p. (in Russ.).
- GISHEV N.G. *Sravnitel'nyi analiz adygskich yazykov* [Comparative analysis of the Adyghe languages]. – Maikop: «Kachestvo», 2003. – 284 p. (in Russ.).

DZUGANOVA R.Kh., BIZhOEV B.Ch. *Sinonimiya preverbov v kabardino-cherkesskom yazyke* [Synonymy of preverbs in the Kabardino-Circassian language]. In: *Izvesti Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2015. – № 4 (66). – p. 201-205. (in Russ.).

*Kabardino-cherkesskii yazyk. Sozdanie pis'mennosti, fonetika i fonologiya, morfologiya, sintaksis* [Kabardino-Circassian language. Creation of writing, phonetics and phonology, morphology, syntax]. T. I. – Nal'chik: izd-vo «El'-fa», 2006. – 547 p. (in Russ.).

KUAShEVA T.Kh. *Osobennosti Terskikh govorov kabardinskogo yazyka* [Features of the Terek dialects of the Kabardian language]. Avtoref. diss... kand. filol. n-k. – Nal'chik, 1954. – 24 p. (in Russ.).

KUMAKhOV M.A. *K voprosu ob affrikatizatsii zadneyazychnykh soglasnykh v adygskiykh yazykakh* [On the issue of affrication of posterior consonants in the Adyghe languages]. In: *Uchenye zapiski KBGU*. – Vyp. IKh. – Nal'chik, 1958. – P. 35-55. (in Russ.).

KUMAKhOV M.A. Kubanskij dialect [the kuban dialect]. In: *Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii*. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 190-249. (in Russ.).

KUMAKhOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskiykh (cherkesskiykh) yazykov* [Comparative historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages]. – M.: izd-vo «Nauka», 1981. – 288 p. (in Russ.).

MAMREShev K.T. *Baksanskii dialect* [the Baksan dialect]. In: *Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii*. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 249-290. (in Russ.).

TAOV Kh.T. *Kabardino-cherkesskaya dialektologiya* [Kabardino-Circassian dialectology]. Ucheb. posobie. – Nal'chik: KBGU, 2005. – 185 p. (in Russ.).

URYS Kh".Sh. *Adygebzem i tkhyde* [The history of the Adyghe language]. – Nalshyk: El'brus, 2000. – 360 p. (in Kabardino-Circassian).

KH"UAZH' F.M. *Uerame syt ebg"eshchIent? Iuetezh ushchiekher?* [If you were an author, what would your characters do]. – Nal'chik: «Print Tsentr», 2019. – 336 p. (in Kabardino-Circassian).

ShAGIROV A.K. *Malkinskii govor* [Malkin dialect]. In: *Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii*. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 290-329. (in Russ.).

ShAGIROV A.K. *Fonetika i morfologiya kabardinskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Kabardian language]. – Nal'chik: El'-Fa, 2004. – 220 p. (in Russ.).

YaKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – 371 p. (in Russ.).

*Polevoi material Abazovoi M.M.* [Field material by Abazova M.M.]. (in Russ.).

#### **Сведения об авторах**

М.М. Абазова – кандидат филологических наук.

З.Г. Хутежев – кандидат филологических наук, доцент.

#### **Information about the authors**

M.M. Abazova – candidate of sciences (Philology).

Z.G. Khutezhev – candidate of sciences (Philology), associate professor.

**Вклад авторов:** все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 811.352.3  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-253-266  
EDN: SJQBNC

## СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ОБРАЗОВАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕЖДОМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ

**Анджела Анатольевна Афаунова**

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, [martazei@mail.ru](mailto:martazei@mail.ru), [orcid.org/0000-0002-7560-6985](https://orcid.org/0000-0002-7560-6985)

**Аннотация.** В статье представлены итоги анализа междометных фразеологизмов русского и кабардино-черкесского языков в сравнительном аспекте. Цель статьи – изучение, типологизация междометных фразеологических единиц кабардино-черкесского языка и сравнение их с русским языком (определение общего и различного в семантике, в способах образования и использования). В работе произведен обзор трудов ведущих языковедов, занимавшихся разбором фразеологизмов как в адыгских языках, так и в отечественной лингвистике, подобран и изучен обширный иллюстративный материал по рассматриваемым языкам. При подготовке статьи применены такие методы лингвистических исследований, как описание, сравнение, сопоставление, метод научного и грамматического анализа, классифицирование и типологизация.

В работе доказано, что в функциональной сфере междометных фразеологических единиц находят свое место такие же особенности, которыми характеризуются другие виды фразеологизмов и междометных слов, т.е. определяют национальную, культурную специфику, отражают известные исторические события; проявляют эмоциональность; по смысловому значению полностью соответствуют выражениям; не выступают членами предложения. Установлено, что большинство междометных фразеологизмов образуют синонимические ряды в соответствии с предъявляемым к ним требованием, подобно самостоятельным словам.

В исследовании предлагается авторская классификация анализируемых единиц по способу образования, по активности использования, по составу.

**Ключевые слова:** междометие, фразеологизм, междометные фразеологические единицы, русский язык, кабардино-черкесский язык, классификация.

**Для цитирования:** Афаунова А.А. Сходства и различия в образовании и использовании междометных фразеологических единиц русского и кабардино-черкесского языков // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 253-266. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-253-266. EDN: SJQBNC.

---

© Афаунова А.А., 2024

Original article

## SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN THE FORMATION AND USE OF INTERJECTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS RUSSIAN AND KABARDIAN-CHERKASSIAN LANGUAGES

**Angela A. Afaunova**

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, [martazei@mail.ru](mailto:martazei@mail.ru), [orcid.org/0000-0002-7560-6985](https://orcid.org/0000-0002-7560-6985)

**Abstract:** The article presents the results of the analysis of interjectional phraseological units of the Russian and Kabardino-Circassian languages in a comparative aspect. The purpose of the article is to study, typologize interjectional phraseological units of the Kabardian-Circassian language and compare them with the Russian language (determining what is common and what is different in semantics, in methods of formation and use). This work provides a review of the works of leading linguists who analyzed phraseological units both in the Adyghe languages and in domestic linguistics, and selected and studied extensive illustrative material on the languages under study. When preparing the article, such methods of linguistic research as description, comparison, juxtaposition, method of scientific and grammatical analysis, classification and typologization were used.

The work proves that in the functional sphere of interjection phraseological units, the same features that characterize other types of phraseological units and interjection words find their place, i.e., determine national and cultural specifics, reflect well-known historical events; show emotionality; in terms of semantic meaning, they fully correspond to the expressions; do not act as members of the proposal. It has been established that most interjection phraseological units form synonymous series under the requirements placed on them, like independent words.

The study proposes the author's classification of the analyzed units according to the method of formation, according to the activity of use, and according to composition.

**Keywords:** interjection, phraseological unit, interjection phraseological units, Russian language, Kabardian-Circassian language, classification.

**For citation:** Afaunova A.A. Similarities and differences in the formation and use of interjectional phraseological units Russian and Kabardian-Cherkassian languages. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 253-266. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-253-266. EDN: SJQBNC.

---

© Afaunova A.A., 2024

### *Введение*

В каждом языке в большом количестве присутствуют устойчивые выражения, увеличивающие богатство, экспрессивность и красоту речи. В их образовании и использовании встречаются много общих и универсальных особенностей. Привлечение данных единиц в разговорную речь всегда оправдано. Своеобразие и индивидуальность фразеологизмов результат этнического, национального колорита, которая складывается веками в речевой деятельности человечества. Они отличаются от самостоятельных и служебных слов семантическими, грамматическими, лексическими, синтаксическими свойствами.

В языке обнаруживаются как архаизмы, так и неологизмы, это подводит к мысли, что в современной лингвистике развитие фразеологизмов представляет собой динамический процесс.

Структура фразеологической единицы (далее ФЕ) в первую очередь зависит от строения и лексического состава языка. Широко проявляется и этнокультурная специфика. Как утверждает В.Н. Телия, самым «культуроносным элементом» речи является фразеологизм [Телия 2004: 19]. Такого же мнения придерживаются Р.Х. Дзуганова и К.В. Ошроева относительно кабардино-

черкесской речи, заявляя, что в подобных единицах больше всего проявляются «своеобразие языка, быта, культуры, истории народа». Их умелое использование «позволяет глубже понять психологию и менталитет самой нации» [Дзуганова, Ошроева 2015: 224].

Много лингвистов интересовалось изучением фразеологизмов. Но, если в русском языкознании существуют работы, где в разной степени они охарактеризованы, в адыговедении подобных трудов мало. От всех видов ФЕ отличаются междометные фразеологические единицы (далее МФЕ), т.к. наряду с традиционными функциями обычных фразеологизмов, они выполняют роль междометий в предложениях, т.е. выражают эмоциональное отношение говорящего к происходящему. **Актуальность** данной статьи заключается в том, что назрела необходимость обстоятельно исследовать и проанализировать фразеологические единицы, образованные от междометных слов или единиц, выполняющих в предложении функции междометий с различных аспектов.

**Цель** работы – изучение междометных фразеологизмов: определение их особенностей в русском и кабардино-черкесском языках; выявление схожих и отличных черт в способах образования, использования единиц.

Для достижения цели были намечены следующие **задачи**: установить главные свойства междометных фразеологических единиц исследуемых языков; определить грамматические, лексические характеристики строения междометных единиц обоих языков; привести в систему МФЕ кабардино-черкесского языка в сравнении с русским языком.

Научная **новизна** заключается в том, что *впервые в адыгских языках* обстоятельно исследуются фразеологические единицы, образованные с использованием междометий, или единиц перешедших в разряд междометий, и проводится параллель с русским языком в сравнительно-сопоставительном аспекте. В итоге исследования выработана авторская система классифицирования МФЕ кабардино-черкесского языка по разным параметрам. Также в статье поднимается вопрос о трудностях перевода МФЕ как с русского на кабардино-черкесский язык, так и с кабардино-черкесского на русский язык.

**Объектом** изучения стали междометные фразеологизмы как кабардино-черкесского, так и русского языков, т.к. обнаруживаются некоторые вопросы, нуждающиеся в более детальном изучении.

В ходе исследования использовалась следующая **научная методология**: метод научного исследования для систематизации, корректировки существующих знаний по теме; описательный метод, с помощью которого определяли, из каких частей речи составлены данные МФЕ; метод грамматического анализа для определения синтаксических и морфологических свойств МФЕ; сравнительно-сопоставительный метод для выделения точек соприкосновений или различий изучаемых языков; метод классификации для организации и типологизации имеющихся данных.

В подготовке исследования были использованы материалы из словарей В.П. Жукова и др. [Жуков и др. 1987]; А.И. Фёдорова [Федоров 2008]; Л.А. Субботиной [Субботина 2015]; Б.М. Карданова [Карданов 1968]; Х.Т. Табухова [Табухов 1997]; Б.Ч. Бербекова и др. [Бербеков и др. 2001].

### *Результаты исследования*

Фразеологические единицы как в отечественной лингвистике в целом, так и в кабардино-черкесском языке, в частности, фиксируются и изучаются довольно давно, что доказывает особый интерес языковедов к данным выражениям. Как единицы вторичной номинации фразеологизмы отражают стереотипы, оценки, представления кабардино-черкесского и русского языков. Они характеризуют лингвокультурологические особенности языковых реалий.

Основоположником теории фразеологии считается В.В. Виноградов, так как с появлением его трудов разработка ФЕ приобрела основательный характер. Задатки в вопросах изучения фразеологизмов русского языка прослеживались в работах А.А. Потебни [Потебня 1998], Ф.Ф. Фортунатова [Фортунатов 2010]. Есть множество работ, посвященных исследованию ФЕ русского языка с разных сторон. К примеру: В.Н. Телия, Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович рассматривают их с точки зрения лингвокультурологии [Телия 1996; Караулов, Филиппович 2009]; А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский – с типологической позиции [Баранов, Добровольский 2008]; Е.Ф. Арсентьева исследует национально-культурную специфику, проводит сравнительный и этимологический анализ [Арсентьева 1989].

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью и адыгских языков. Ярким представителем национального языкознания, поработавшим над их исследованием, является Б.М. Карданов [Карданов 1968; Карданов 1973]. В его трудах определяются семасиологические, грамматические характеристики устойчивых единиц. В последующие годы издавались и другие работы ведущих адыгovedов, которые развивали и совершенствовали исследуемый раздел. К примеру, А.Г. Емузов [Емузов 1986]; М.Л. Апажев [Апажев 2000]; Б.Ч. Бижоев [Бижоев 2005], коллективное издание «Кабардино-черкесский язык» (Том 2, автор раздела Б.Ч. Бижоев) [КЧЯ 2006] и т.д. В данных исследованиях теория фразеологии получила немалое развитие, но анализируемый пласт не нашел в них своего места.

Как показывают наблюдения известных лингвистов, простые словосочетания могут приобрести устойчивость только с помощью многократных повторений носителей языка. Человек, услышав определенную фразу, запоминает и начинает использовать в своей речи, тем самым, вводит в речевой обиход контактировавших с ним людей, и так по цепочке пока фраза не станет достоянием всего народа. В какой-то момент времени устойчивое выражение приобретает неизменяемый словарный состав и значение. Конечно же, формирование фразеологизмов требует длительного времени и зависит от частотности использования данной фразы.

Являясь короткими, эмоциональными оборотами речи, ФЕ отражают этническое своеобразие, историческое наследие о событиях и личностях, являются проявлением мудрости, обычаев, традиций, нравственных, этических черт народа, образа жизни и отношения к окружающим. В исследуемых языках находятся огромное количество МФЕ. Их правильное, умелое применение подтверждает высокий уровень владения языком. Помимо того, что они идентичны с другими категориями фразеологизмов по выполняемым функциям и имеющимся свойствам (экспрессивность, переносное значение, образность), как и



междометия, могут усиливать эмоциональное составляющее высказывания, выражая отношение автора речи к окружающей действительности.

Таким образом, **междометными фразеологическими единицами** являются устойчивые словосочетания, лишившиеся исходного значения и выполняющие роль междометий, и фразеологические единицы, созданные с использованием самих междометий [Афаунова 2021]. Подобные фразы являются производными (вторичными) междометиями. Междометные фразеологизмы и междометия и по значению, и по функциям, и синтаксически абсолютно идентичны: они полисемантичны, причем значение определяется в контексте; являются индикатором эмоций и чувств автора речи; синтаксически не связаны с другими членами предложения, тем не менее, полностью семантически соответствуют высказыванию; обладают теми же характеристиками, что и другие виды ФЕ (образностью, неизменным словарным составом и устойчивым значением). Подобно фразеологизмам, междометные фразеологизмы не формируются в речи в момент диалога. Они, являясь неизменяемой формой с определенным лексическим составом и смысловым содержанием, воспроизводятся из памяти человека как готовые выражения.

Как показывает исследование, МФЕ обладают способностью вступать в синонимические связи. Для этого они в обязательном порядке должны быть взаимозаменяемы без потери семантического составляющего, выражать одинаковое эмоциональное состояние, но каждая из них может иметь определенные коннотационные оттенки. К примеру (ФЕ русского языка взяты из словаря В.П. Жукова [Жуков и др. 1987]):

– сильное удивление: рус.: *вот оно что!, вот поди ж ты, вон оно что!, вон оно как!, скажи на милость!, надо же, ну и ну!*; каб.-черк.: *а лЭун, алей мыгьуэ, анна мыгьуэ, тхьэр зыгьэпэжын, уанэ махуэ хьун, анна гуцэ, алей гуцэ, Iэу зиунагьуэрэ* и др.;

– клятвенные слова: рус.: *будь я трижды проклят, чтоб провалиться сквозь землю, не сойти с места!, разрази меня гром*; каб.-черк.: *тхьэшхуэр согьэпцI, алыхь дыцэ, алыхь дыдэ, тхьэ дыдэ, тхьэ згьэпцIац, тхьэр нахуэу согьэпцI* и т.д.;

– чувство недоумения, разочарования: рус.: *вот так раз!, вот тебе и на!, вот те и на!, вот так штука!*; каб.-черк.: *уэуэу мыгьуэ, дыдыд мыгьуэ, уэдыдыд мыгьуэ, а сьлIэ мыгьуэрэт, дыдыд Iей мыгьуэ, а сьмыгьуэрэ* и др.;

– чувства опасения, переживания, беспокойства, раздражения, порицания: рус.: *боже упаси, не дай боже, упаси бог, сохрани господь, избави боже, избави господи*; каб.-черк.: *а емынэ унэ хьун, ай анэсын, а емынэ унэрэ, а къэсэхыжын, а цIапIэцIэкIуадэ зыхуэкIуэн (зыхуэмыкIуэн), пу алаурсын, ель ар!, е гьуэгу махуэм ежьэн* и др. Подобных синонимических групп в обоих языках находятся довольно много.

### **Типологизация междометных фразеологизмов**

В русском языке существуют различные виды систематизации ФЕ по семантическим, морфологическим, синтаксическим и другим особенностям: глагольные, именные, модальные, адъективные, наречные (адвербиальные) и т.д. В

трудах отечественных лингвистов мы наблюдаем несколько разновидностей классификации фразеологизмов: у В.В. Виноградова семантическая [Виноградов 1977], у Н.М. Шанского структурная [Шанский 1987], у В.Н. Телии стилистическая [Телия 1996] и т.д.

В кабардино-черкесском языке Б.Ч. Бижоев выделяет ФЕ с глагольным значением, именные, наречно-обстоятельственные, компаративные ФЕ с различным количеством подгрупп [Бижоев 2005: 254–273]. Одним из пунктов этой классификации являются и междометные фразеологизмы, используемые для выражения эмоций, чувств и волеизъявлений.

В современной фразеологии русского языка междометным единицам уделяется намного больше внимания. В научной литературе кабардино-черкесского языка о подобных выражениях мало информации. О них или совсем не упоминаются или в малом количестве встречаются в перечне примеров к другим категориям. Данная проблема привела нас к мысли составить свой вариант классификации.

Известно, что в зависимости от того, насколько часто в речи используются те или иные слова, словарный запас делится на **активный** и **пассивный**. Междометные фразеологизмы разграничиваются таким же способом. В первую группу входят регулярно воспроизводимые устойчивые выражения такие как: каб.-черк.: *уэху алыхь, алыхьым шыкуруц* (удовлетворение, облегчение); *а зи унагъуэрэ* (возмущение, упрек); *анна мыгъуэ, анна Iей, а бетэмал, еуеуей мыгъуэ* (разочарование, сочувствие); *пу мэшэлыхь* («тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить») и т.д.; рус.: *господи спаси-помоги, ах ты, ах ты господи, будь здоров, к чёртовой бабушке, к чертовой матери, это ты брось, бог мой, бог ты мой, бог с тобой, с богом, ей-богу* и т.п.

Ко второй группе относятся устаревшие или новообразованные единицы, которые редко встречаются в процессе общения. Например, устаревшие слова: каб.-черк.: *алыхьри теурэтри согъэпцI, джэлэсым и цIэкIэ щысIуэниц* (клятвенные выражения); некоторые приветственные выражения: *щакIуэ махуэ апций* (охотникам), *бэлауд апций* (поздравление с обновкой), *бохъусыж апций* (вернувшемуся путнику), *мэш махуэ уцIэ апций* (убирающим просо), *бэвыщэ апций* (стригалиям), *мафIэжэ апций* (сидящим у костра) и т.п.; рус.: *мать пречистая!, вот те бог, борони господи, боже праведный, боже правый, вот тебе порука, ай да ну!, поди от глаз!*; неологизмы: *без базара, базара нет, полный абзац, полный капец* и т.д. (данная группа в большей степени используется в речи молодежи).

МФЕ обоих языков по способу образования делятся на две группы. В первую группу входят единицы, сформированные с участием самих междометных слов. Во вторую группу включены выражения, созданные без привлечения междометий, но в высказываниях выполняющие их функции. Для их создания используются практически все части речи. В зависимости от структуры, их можно разграничить следующим образом:

1. Междометные фразеологизмы, в состав которых входит междометие:
  - а) междометие + междометие:  
рус.: *ах-ох!, ахи увы!, ей-ей, ну-ну;*

каб.-черк.: *анэсынэ еI, тобэ ярэби, ну алаурсын, айдэ маржэ, ну мэшэлыхь, Iэу зиунагьуэрэ;*

б) междометие + остальные части речи:

рус.: *фу ты!, ну ты!, ахти мне (межд. + мест.); увы и ах, ну и ну (межд. + союз + межд.); на ура (предл. + межд.); ай да ну!, ой да ну! (межд. + част. + межд.); ни тпру ни ну (част. + межд. + част. + межд.); фу ты пропасть (межд. + мест. + сущ.)* и др.;

каб.-черк.: *аIей мыгьуэ, уэхухухуей гуцэ, уэуэу мыгьуэ (межд. + част.); хьет жрагьэIэу, уей-уей жрагьэIэу (межд. + деепр.); анна Iей, сымыгьуэ Iей, дыдыд Iей (межд. + прил.); уэуитI кьышын, хьет жригьэIэн, тобэ кьехьыж, уэху жегьэIэжын (межд. + гл.); уэху алыхь жригьэIэн, уэху алыхь жиIэн (межд. + сущ. + гл.)* и др. [Афаунова 2021].

2. Выражения, созданные без участия самих междометий, но используемые в предложениях в роли междометий:

рус.: *счастливо оставаться!, пропади пропадом! (гл. + нар.); дьявол тебя побери! (сущ. + мест. + гл.); чёрт возьми!, укороти язык! (гл. + сущ.); хоть в гроб ложись, хоть в петлю лезь (союз + предл. + сущ. + гл.); до чего дожили! (предл. + мест. + гл.); что и говорить (мест. + союз + гл.); беда, да и только! (сущ. + част. + союз + нар.); к чертовой матери, к чёртовой бабушке (предл. + прил. + сущ.); батюшки, сватушки! (сущ. + сущ.); да отсохнет у меня рука (част. + гл. + предл. + мест. + сущ.); провалиться сквозь землю (гл. + предл. + сущ.); провалиться мне на месте! (гл. + мест. + предл. + сущ.); будь я трижды проклят (гл. + мест. + числ. + гл.)* и т.д.

каб.-черк.: *азэлыхьталэр согьэпцI, алыхьыр зыгьэпэжын (сущ. + гл.); зи унагьуэр бэгьуэн, зи лъансэр бэгьуэн (мест. + сущ. + гл.); тхьэр нахуэу сопцI (сущ. + нар. + гл.); алыхь мыгьуэ, алыхь гуцэ (сущ. + част.); зинэуэ цIыху (нар. + сущ.); тхьэр Iуэн, тхьэ соIуэ, алыхьыр согьэпцI, тхьэ дыгьыIэ, тхьэ сыгьыIэ, тхьэр згьэпцIац, тхьэр согьэпцI (сущ. + гл.); тхьэр нахуэу согьэпцI, алыхьыр нахуэу согьэпцI (сущ. + нар. + гл.); алыхьым (тхьэм, алыхьталэм) и цIэкIэ соIуэ (сущ. + мест. + сущ. + гл.)* и др. [Афаунова 2021].

3. В большом количестве в языке кабардинцев присутствуют образованные с помощью слова *апци / апций* приветственные слова. Значение данного элемента невозможно восстановить: *гуп махуэ апций* (приветствие для группы людей), *фIэхьус апций* («добро пожаловать»), *уэршэр фIохьу апций* (беседующим), или *фи / уи махуэ фIыуэ* (добрый день), *фи / уи жэц фIыуэ* («доброй ночи») (мест. + сущ. + нар.) и т.п. [Афаунова 2021].

В соответствии с количеством элементов, участвующих в образовании МФЕ, они делятся на **двучленные** и **многочленные**.

1. Двучленные состоят из двух слов:

рус.: *елки-палки, ёлки зелёные, помогай боже, ну вот, батюшки святы!, боже мой, просто беда, бог мой, будь неладен, вот ещё, ничего себе!*

каб.-черк.: *шыкур Iэльхьэмдурилэхь (успокоение), уэдыдыд мыгьуэ (испуг), зегьэхь адэ («иди от сюда»), хьейдэ маржэ (призыв), хьет жегьэIэ (будь молодцом), ыы мыгьуэ (отчаяние)* и др.

2. Многочленные составлены из трех и более слов:

рус.: *как бы не так, мать моя родная!, вот это да! мать моя женищина!, господь с тобой;*

каб.-черк.: *тхъэшхуэм и цIэкIэ Iуэн* («клясться»), *е гъуэгу магъуэм ежъэ-ныжъ* (осуждение), *а зи унагъуэр бэгъуэн* (удивление, осуждение, негодование), *уйй жытIэмэ, уитI жиIэу* (легкий на подъем) и т.д.

По испытываемым человеком в момент речи положительным или отрицательным эмоциям МФЕ можно разделить на **негативные** и **позитивные**. Анализ ФЕ с точки зрения позитива и негатива был произведен Н.Г. Шериевой. Автор в своей работе подробно описала семантические оттенки, посредством вкладываемых в произносимые фразеологизмы эмоции и чувства [Шериева 2020: 101–105].

В позитивную группу входят выражения, определяющие чувства:

– умиротворения, покоя (рус.: *слава богу, слава всевышнему, ну и слава богу, слава тебе господи;* каб.-черк.: *алыгъэ шыкур, аминь я алыхъ, алыхъым и шыкуриц, алыхъым и шыкуркIэ*);

– воодушевления, радости (рус.: *бог ты мой!, господи боже мой, боже ты мой!, ух ты!, вот те и на!, ну и ну!;* каб.-черк.: *алыхъ-алыхъ, тхъэр зыгъэпэжын, анна гуцэ, Iагъу зиунагъуэрэ, Iей гуцэ*);

– удовлетворения, одобрения, гордости (рус.: *давно бы так!;* каб.-черк.: *уей-уей жегъэIэ, хъет жригъэIэу!*).

В негативную группу можно включить выражения с чувством:

– неприязни, презрения (рус.: *тьфу ты!, ну ты!;* каб.-черк.: *Iух адэ, ель ар!, ну анэсынэ*);

– осуждения, упрека (рус.: *ничего себе, ничего подобного!, черта с два!, как бы не так;* каб.-черк.: *уанэ мыгъуэ (махуэ) хъун, анэсынэ еI, а зи нэкIэ къальхуа, ну анэсынэ, а емынэ узым имыхъын, аIей мыгъуэ*);

– опасения, беспокойства (рус.: *господи милостивый!, господи упаси, боже праведный, бог ты мой!;* каб.-черк.: *гуIэгъуэжъ мыгъуэ, дыдыд мыгъуэ, уэуэу мыгъуэ, уай мыгъуэ*).

– обиды, досады, сожаления (рус.: *избави боженька, вот так номер!, боже упаси, упаси бог, упаси господь;* каб.-черк.: *эй мыгъуэ!, уэху мыгъуэ, а гуIэгъуэжъитI мыгъуэти, тхъэгъуэIэ мыгъуэ, асс мыгъуэ*).

– ехидства, укора (рус.: *будь ты не ладен, вот я тебя!, вот поди ж ты!;* каб.-черк.: *уэхухуху мыгъуэ, уэху алыхъ*) и т.д.

Существует и третья группа, куда можно отнести единицы с нейтральным значением. Например, обозначающие:

– призыв (рус.: *ближе к делу, ни шагу назад, шутки в сторону, ни шагу прочь;* каб.-черк.: *маржэ хъужыххэн, хъейдэ маржэ, хъэхъей маржэ хъужыххэн, маржэ хъун*).

– обещание, клятву (рус.: *да провалиться мне на этом месте, разрази меня гром;* каб.-черк.: *тхъэр (алыхъыр) нахуэу гъэпцIын, къурIэнкIэ соIуэ, алыхъталэр согъэпцI*).

– вожделение (рус.: *хоть на стенку лезь, хоть в петлю лезь, хоть ложись да помирай;* каб.-черк.: *аджыдэ мыгъуэрэ, аджыдэ гуцэ*) и др.

Многие междометные фразеологизмы в связи с полисемантической являются универсальными, т.е. могут относиться как к позитивным, так и к негативным, тем самым их семантику необходимо определять только в контексте.

### ***Проблема перевода междометных фразеологических единиц***

Перевод междометных фразеологизмов является наиболее проблематичной, чем перевод простого междометия. Для подбора адекватного аналога, нужно знать все языковые нюансы, ориентироваться в оттеночных проявлениях, используемых в исходном материале. Так как не все междометия представлены в словарях, не указаны все значения, перевод МФЕ намного усугубляется. При их переводе, как и при переводе междометий, необходимо учитывать этнолингвистические, гендерные, возрастные, транскрипционные, грамматические особенности языка [Афаунова 2020: 27].

МФЕ, образуемые от самостоятельных слов, в какой-то степени сохраняют первоначальное значение, что дает возможность подыскать им аналогичные варианты. Например, этимологический разбор междометного фразеологизма *алыхьыр согъэцI*, выражающий клятву, не требует особых усилий: *алыхь* (бог) + *согъэцI* (*гъэцIын* – предать), таким образом – «предать бога», т.е. «я предаю бога, если...», или же *зи унагъуэр бэгъуэн* – *зи* (чья, чей и т.д.) + *унагъуэ* (семья) + *бэгъуэн* (преумножится), т.е. «чья семья станет больше, размножится».

При подборе аналога важно в точности определять интонацию, тон речи и манеру произношения. Ошибочное трактование междометных фразеологических единиц приводит к переводческим неточностям. Без достаточного владения языком устойчивое словосочетание можно расшифровать как отдельные самостоятельные слова, что приведет к искажению материала.

В текстах встречается немало фразеологизмов, для которых можно найти эквиваленты в обоих языках: *о божже! о господи!* – *тобэ Iэстоффрилэхь; будь молодцом!* – *уей-уей жегъэIэ; черт возьми!* – *е гъуэгу махуэрэ, е зи унэр бэгъуэн; вот тебе крест!, вот те крест* – *тхьэр согъэцI! алыхьыр согъэцI; божже мой!* – *я дэ ди тхьэ!*; *ах, божже мой* – *алыхьыриц-тIэ!*; *будь ты проклят* – *гъуэгу мыгъуэ ежъэн; бог ты мой* – *анна гуцэ; слава богу, божьей милостью* – *алыхьым и шыкуркIэ; пропади пропадом* – *емынэр зыхуэкIуэн!* и др. Или же попадают МФЕ, которые переводятся одним междометным словом: *ах ты! ах-ти мне!* – *еуей; батюшки, сватушки! батюшки светы!* – *Iау // Iэгъу; чёрт возьми! тьфу ты пропасть!* – *емынэрэ // емынэунэрэ!* и т.д.

Но чаще к подобным единицам подобрать соответствие невозможно. В таких случаях они переводятся с помощью самостоятельных слов или словосочетаний: *будь что будет* – *зэрыхьуIамэ (зэрыхьуу) хьунц;* *была не была!* – *дауэ мыхьуами, сыт къэмышьуами = зэрыхьуIамэ хьунц;* *велика беда!* – *Iуэхукьым, бэлыхькьым, ар нэхь Iуэхути!*; *вот так клюква!* – *хьунти ар!*, и т.п. Так же из кабардино-черкесского языка: «*уэху алыхь*» *жегъэIэжын* (дать отдохнуть); *уэуитI гъэшын* (плакать навзрыд); *алыхь-билыхькIэ гъэльэIуэн* (заставить кого-л. сильно что-л. выпрашивать, клянчить); *уэуэр и махуэн* (орать); *пу нэлат ехын* (придать анафеме), и т.д.

Междометные фразеологизмы, как и междометия, проявляют свою уникальность при переводе с одного языка на другой, т.к. обладают большими речевыми возможностями. При переводе художественных произведений авторы часто опускают подобные единицы. Конечно, дефицит МФЕ не будет мешать передаче сути текста и в построении диалога. Скорее это приведет к утере национального колорита и красочности языка, затруднит передачу эмоциональных проявлений субъекта речи. Не владение всеми языковыми средствами пагубно влияет на трансляцию эмоционального посыла текста, на описание ситуации или характерных качеств персонажа. Тем самым на первый план выходит необходимость тонко чувствовать материал, в достаточной степени разбираться в грамматическом, лексическом и этнокультурном строе языка.

Таким образом, приходим к выводу, что без знания самих МФЕ, без понимания многообразия всех смысловых оттенков и без осмысления всех грамматических и лексических особенностей невозможен грамотный и адекватный перевод материала. Переводимый текст обязательно должен быть эквивалентом исходного текста с семантической, структурной, коммуникативной точек зрения, с учетом лингвокультурных, экспрессивных особенностей языка.

### *Заключение*

В ходе исследования установлено, что междометные фразеологизмы являются устойчивыми единицами, в которых проявляются уникальные черты в разных сферах построения языка. Их становление представляет живой процесс. В языке мы наблюдаем непрерывную динамику в их развитии и использовании, т.к. периодически в речи появляются новые и исчезают устарелые выражения. В процессе выстраивания диалога человек не осознавая воспроизводит определенный фразеологизм, идеально вписывающийся в созданную вербальную ситуацию. Данный выбор происходит на интуитивном уровне.

Междометные фразеологизмы обладают повышенной экспрессивностью и являются отображением культурного, исторического своеобразия этноса, вербализацией уникальных, специфических особенностей языка. Они используются для выражения эмоций и чувств, испытываемых человеком, и отношение его к происходящим событиям.

Данный пласт языка имеет возможность выстраивать синонимическую цепочку, т.к. отвечает всем предъявляемым требованиям (быть взаимозаменяемыми, выражать одно и то же понятие, соответствовать эмоциональному содержанию, и т.д.).

В предложенном исследовании представлена авторская классификация междометных фразеологизмов кабардино-черкесского языка: по частоте использования; по выражаемым эмоциям; по способу образования; по количеству элементов в единице.

Своеобразие данных выражений проявляется и в алгоритме их перевода. От переводчика требуется исключительное знание и исходного языка и языка, на который переводят текст. Неправильное трактование МФЕ может привести к искажению оригинального текста и в смысловом содержании и в эмоциональном составляющем.

**Список сокращений**

гл. – глагол  
деепр. – деепричастие  
каб.-черк. – кабардино-черкесский язык  
межд. – междометие  
мест. – местоимение  
МФЕ – междометные фразеологические единицы  
нар. – наречие  
предл. – предлог  
рус. – русский язык  
сущ. – существительное  
ФЕ – фразеологические единицы  
част. – частица  
числ. – числительное

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**

Апажев 2000 – *Апажев М.Л.* Современный кабардино-черкесский язык: Лексикология Лексикография. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 405 с.

Арсентьева 1989 – *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированный на человека, в английском и русском языках). – Казань: Издательство Казанского университета, 1989. – 128 с.

Афаунова 2020 – *Афаунова А.А.* Вариативность и трудности в переводе междометий (на материале русского и кабардино-черкесского языков) // Научный диалог, 2020. – № 3. – С. 24-37. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-24-37.

Афаунова 2021 – *Афаунова А.А.* О лингвистическом статусе междометных фразеологических единиц в кабардино-черкесском языке // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2021. – № 3 (50). – С. 49-56. DOI: [10.31007/2306-5826-2021-3-50-49-56](https://doi.org/10.31007/2306-5826-2021-3-50-49-56)

Баранов, Добровольский 2008 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

Бижоев 2005 – *Бижоев Б.Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 351 с.

Бербеков и др. 2001 – *Бэрбэч Б.Ч., Биццло Б.Ч., Тутыж Б.К.* Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалъалгэ. ЕджапIэхэм папцIэ (Бербеков Б.Ч., Бижоев Б.Ч., Утижев Б.К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка). – Налшык: Эльбрус. 2001. – 240 с.

Виноградов 1977 – *Виноградов В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.

Дзуганова, Ошроева 2015 – *Дзуганова Р.Н., Ошроева К.В.* Компаративные фразеологизмы в произведениях З.М. Налоева. В сборнике: Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. 2015. – С. 224-229. DOI: [10.30853/phil210144](https://doi.org/10.30853/phil210144)

Емузов 1986 – *Емузов А.Г.* Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 222 с.

Жуков и др. 1987 – *Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. Около 730 синоним. рядов. Под ред. В. П. Жукова. – М.: Рус. яз, 1987. – 440 с.

КЧЯ 2006 – Кабардино-черкесский язык. Лексика, Фразеология, Устно-поэтический язык, Ономастика. В двух томах. II том. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. – 926 с.

Караулов, Филиппович 2009 – *Караулов У.Н., Филиппович У.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. – 336 с.

- Карданов 1968 – *Карданов Б.М.* Кабардино-русский фразеологический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 344 с.
- Карданов 1973 – *Карданов Б.М.* Фразеология кабардинского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1973. – 246 с.
- Потебня 1998 – *Потебня А.А.* Язык и речь. К современной фразеологии языка. – М.: Высшая школа, 1998. – С. 81-90.
- Субботина 2015 – *Субботина Л.А.* Фразеологический словарь русского языка. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 320 с.
- Табухов 1997 – *Табухов Н.Т.* Школьный русско-кабардино-черкесский фразеологический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 456 с.
- Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Телия 2004 – *Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19-30.
- Федоров 2008 – *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. Около 13 000 фразеологических единиц. – М.: Издательство АСТ, 2008. – 878 с.
- Фортунатов 2010 – *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение: общий курс. – М.: Краснодар., 2010. – 184 с.
- Шанский 1987 – *Шанский Н.М.* Современный русский язык. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. – М.: Просвещение, 1987. – 192 с.
- Шериева 2020 – *Шериева Н.Г.* Оценка как важнейший компонент фразеологического значения (на материале кабардино-черкесских фразеологизмов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. – Т. 13. – № 12. – С. 101-105. DOI: 10.30853/филнауки.2020.12.21.

## REFERENCES

- APAZHEV M.L. *Sovremennyy kabardino-cherkesskiy yazyk: Leksikologiya Leksikografiya* [Modern Kabardino-Circassian language: Lexicology. Lexicography]. – Nal'chik: El'brus, 2000. – 405 p. (In Russian and Kabardino-Circassian).
- ARSENTEVA E.F. *Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinits (na materiale frazeologicheskikh edinits, semanticheski orientirovannykh na cheloveka, v anglijskom i russkom yazykah)* [Comparative analysis of phraseological units (based on phraseological units, semantically oriented to a person, in English and Russian)]. – Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1989. – 128 p. (In Russ.).
- AFAUNOVA A.A. *Variativnost' i trudnosti v perevode mezhdometij (na materiale russkogo i kabardino-cherkesskogo yazykov)* [Variability and Difficulties in Translation of Interjections (Based on the Material of the Russian and Kabardino-Circassian Languages)]. IN: *Nauchnyj dialog*. – 2020. – № 3. – P. 24-37. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-24-37. (In Russian and Kabardino-Circassian).
- AFAUNOVA A.A. *O lingvisticheskom statuse mezhdometnykh frazeologicheskikh edinits v kabardino-cherkesskom yazyke* [linguistic status of interjectional phraseological units in the Kabardian-Circassian language]. In: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2021. – № 3 (50). – P. 49-56. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-49-56. (In Russian and Kabardino-Circassian).
- BARANOV A.N., DOBROVOL'SKIY D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. – Moscow: Znak, 2008. – 656 p. (In Russ.).
- BIZHOEV B.Ch. *Grammaticheskie i leksiko-frazeologicheskie problemy kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammatical and lexico-phraseological problems of the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: El'-Fa, 2005. – 351 p. (In Russian and Kabardino-Circassian).
- BERBECH B.CH., BISHCHIO B.CH., IUTIYZH B.K. *Adygebze frazeologizmekhem ya psal'al'e. Edzhaplekhem papshchle* [Berkbekov B.CH., Bizhiov B.CH., Utizhev B.K. SHkol'nyj



frazeologicheskij slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka] [School phraseological dictionary of the Kabardino-Circassian language]. – Nalshyk: El'brus, 2001. – 240 p. (In Kabardino-Circassian).

VINOGRADOV V. *Ob osnovnyh tipah frazeologicheskikh edinic v russkom yazyke* [On the main types of phraseological units in Russian]. In: *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. – Moscow: Nauka, 1977. – P. 140-161. (In Russ.).

DZUGANOVA R.H., OSHROEVA K.V. *Komparativnye frazeologizmy v proizvedeniyah Z.M. Naloeva* [Comparative phraseological units in the works of Z.M. Naloeva]. In: *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretacii*, 2015. – P. 224-229. (In Russ.).

EMUZOV A.G. *Leksiko-semanticheskij i grammaticheskij analiz frazeologii kabardino-cherkesskogo yazyka* [Lexical-semantic and grammatical analysis of the phraseology of the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: El'brus, 1986. – 222 p. (In Russian and Kabardino-Circassian).

ZHUKOV V.P., SIDORENKO M.I., SHKLYAROV V.T. *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language]. Okolo 730 sinonim. ryadov. Pod red. V. P. Zhukova. – Moscow: Rus. yaz, 1987. – 440 p. (In Russ.).

*Kabardino-cherkesskij yazyk. Leksika, Frazeologiya, Ustno-poeticheskij yazyk, Onomastika* [Kabardino-Circassian language. Vocabulary, Phraseology, Oral-poetic language, Onomastics]. V dvuh tomah. II tom. – Nal'chik: Respublikanskij poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g., El'-Fa, 2006. – 926 p. (In Russ.).

KARAULOV U.N., FILIPPOVICH U.N. *Lingvokul'turnoe soznanie russkoj yazykovoj lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funkcionirovaniya* [Linguocultural consciousness of the Russian language personality. Modeling state and functioning]. – Moscow: Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2009. – 336 p. (In Russ.).

KARDANOV B.M. *Kabardino-russkij frazeologicheskij slovar'* [Kabardino-Russian phraseological dictionary]. – Nal'chik: El'brus, 1968. – 344 p. (In Russian and Kabardino-Circassian).

KARDANOV B.M. *Frazeologiya kabardinskogo yazyka* [Phraseology of the Kabardian language]. – Nal'chik: El'brus, 1973. – 246 p. (In Russian and Kabardino-Circassian).

POTEBNYA A.A. *Yazyk i rech'. K sovremennoj frazeologii yazyka* [Language and speech. Towards modern phraseology of language]. – Moscow: Vysshaya shkola, 1998. – P. 81-90. (In Russ.).

SUBBOTINA L.A. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. – Moscow: Izdatel'stvo AST, 2015. – 320 p. (In Russ.).

TABUHOV H.T. *Shkol'nyj russko-kabardino-cherkesskij frazeologicheskij slovar'*. [School Russian-Kabardino-Circassian phraseological dictionary]. – Nal'chik: El'brus, 1997. – 456 p. (In Russian and Kabardino-Circassian)

TELIYA V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turnyj aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. – Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. – 288 p. (In Russ.).

TELIYA V.N. *Kul'turno-yazykovaya kompetenciya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinichah frazeologicheskogo sostava yazyka* [Cultural and linguistic competence: its high probability and deep depth in the phraseological composition of the language]. IN: *Kul'turnye sloi vo frazeologizmah i v diskursivnyh praktikah* / otv. red. V. N. Teliya. – Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – P. 19-30. (In Russ.).

FYODOROV A.I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Okolo 13 000 frazeologicheskikh edinic. – Moscow: Izdatel'stvo AST, 2008. – 878 p. (In Russ.).

FORTUNATOV F.F. *Sravnitel'noe yazykovedenie: obshchij kurs* [Comparative linguistics: general course]. – Moscow: Krasnod, 2010. – 184 p. (In Russ.).

SHANSKIY N.M. *Sovremennij russkij yazyk*. [Modern Russian language] CH. 1. Vvedenie. Leksika. Frazeologiya. Fonetika. Grafika i orfografiya. – Moscow: Prosveshchenie, 1987. – 192 p. (In Russ.).

SHERIEVA N.G. *Ocenka kak vazhnejshij komponent frazeologicheskogo znacheniya (na materiale kabardino-cherkesskikh frazeologizmov)* [Assessment as the most important component of

phraseological meaning (based on Kabardino-Circassian phraseological units)]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Questions of theory and practice.* – 2020. – Т. 13. № 12. – Р. 101-105. (In Russian and Kabardino-Circassian) DOI: [10.30853/filnauki.2020.12.21](https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.21).

***Информация об авторе***

А.А. Афаунова – кандидат филологических наук.

***Information about the author***

A.A. Afaunova – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 20.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 20.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 811.512.142  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-267-282  
EDN: XCHBZA

## ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕСНИ «КАНШАУБИЙ», ИЛИ «ПЛАЧ КНЯГИНИ ГОШАЯХ»

Мариям Ахматовна Ахматова<sup>1</sup>, Махти Зейтунович Улаков<sup>2</sup>,  
Сахадин Магаметович Хуболов<sup>3</sup>

<sup>1,3</sup> Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

<sup>1</sup> [mari.ahmatova@yandex.ru](mailto:mari.ahmatova@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

<sup>2</sup> Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия, [maxtti@mail.ru](mailto:maxtti@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5972-8472>

<sup>3</sup> [khubol@yandex.ru](mailto:khubol@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1016-5023>

**Аннотация.** В данной статье рассматриваются языковые особенности песни «Каншаубий», или «Плач княгини Гошayah». Фольклор является бесценным материалом для исследований в области языкознания, этнографии и лингвофольклористики. В тексте данной песни применялись лексические и изобразительно-выразительные средства для репрезентации образности и красочности языка произведения. В результате проведенного исследования установлено, что лингвокультурологический аспект данной песни выражается через сравнительные конструкции, эпитеты, метафору, фразеологические обороты, паремии, благопожелания и зложелания. Далее выявлен и описан ономастический лексикон песни, выделены различные тематические группы, подтверждающие богатство лексического состава языка данного произведения. Следует отметить, что в песне «Каншаубий», или «Плач княгини Гошayah» прослеживаются горские обычаи, традиции и нравы карачаево-балкарского этноса, его ментальные устои и бытовой устрой, а также различные стороны жизни народа.

**Ключевые слова:** карачаево-балкарский язык; лексика; интертекстуальность; паремии; фразеологизмы; топонимы; антропонимы.

**Для цитирования:** Ахматова М.А., Улаков М.З., Хуболов С.М. Языковые особенности песни «Каншаубий», или «Плач княгини Гошayah» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 267-282. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-267-282. EDN: XCHBZA.

---

© Ахматова М.А., Улаков М.З., Хуболов С.М., 2024

Original article

## LANGUAGE FEATURES OF THE SONG "KANSHAUBIY," OR "CRYING OF PRINCESS GOSHAYAH"

Mariam A. Akhmatova<sup>1</sup>, Mahti Z. Ulakov<sup>2</sup>, Sahadin M. Khubolov<sup>3</sup>

<sup>1,3</sup> Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

<sup>1</sup> [mari.ahmatova@yandex.ru](mailto:mari.ahmatova@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

<sup>2</sup> Institute for Humanitarian Studies – Branch of the Kabardin-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, [maxtti@mail.ru](mailto:maxtti@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5972-8472>

<sup>3</sup> [khubol@yandex.ru](mailto:khubol@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1016-5023>

**Abstract.** This article examines the linguistic features of the song “Kanshaubiy,” or “Crying Princess Goshayah.” Folklore is known to be invaluable material for research in linguistics, ethnography, and linguopholkloristics. In the text of this song, lexical and pictorial expressive means are used to represent the imagery and colorfulness of the language of the work. The study discovered that the linguocultural aspect of this song is expressed through comparative constructs, epithets, metaphor, phraseological turns, paroemias, benevolence, and potion. The onomastic lexicon of the song was then identified and described, as were various thematic groups, confirming the richness of the lexical composition of this work’s language. It should be noted that the song “Kanshaubiy,” or “Crying of Princess Goshayah,” traces various customs, traditions, and morals of the Karachay-Balkarian ethnic group, its mental foundations and everyday life, as well as some aspects of people’s lives.

**Keywords:** Karachay-Balkarian language; vocabulary; intertextuality; paremia; phraseologisms; toponyms; anthroponyms.

**For citation:** Akhmatova M.A., Ulakov M.Z., Khubolov S.M. Language features of the song "Kanshaubiy," or "Crying of princess Goshayah". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 267-282. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-267-282. EDN: XCHBZA.

---

© Akhmatova M.A., Ulakov M.Z., Khubolov S.M., 2024

## Введение

Многовековая мудрость народа отражается именно в народном творчестве, которое представляет собой глубоко духовный пласт культуры. Именно через фольклорные произведения происходит непрерывный процесс передачи национальной культуры от поколения к поколению. Изучение специфики фольклорных произведений, путей их исторического развития является одной из важнейших задач лингвистики, лингвокультурологии и фольклористики. На протяжении своей многовековой истории карачаево-балкарский народ создал самобытный с точки зрения формы и содержания фольклор, который в некотором роде представляет собой некий источник информации о быте, нравах, мировоззрении народа, а также исторических событиях, происходивших в его жизни. Фольклорные тексты отражают, хотя и в некотором измененном виде, исторические события, имевшие место в жизни этноса. Благодаря этому с разной долей достоверности можно восполнить некоторые пробелы в истории народа. Значимым является изучение карачаево-балкарского песенного фольклора с лингвокультурологической точки зрения, так как изучение языка во взаимосвязи с культурой народа «делает актуальной проблему отбора языкового материала, несущего культурологическую информацию» [Шайхисламова 2015: 42].

Песни являются важной составляющей национальной культуры народа, поэтому всестороннее их изучение необходимо как для литературоведческой, так и для языковедческой наук. Необходимо отметить, что карачаево-балкарские песни (историко-героические, лирические и др.) с лингвокультуроло-

логической точки зрения мало изучены. Изучение песенного искусства любого народа требует обращения к национальной певческой практике, состоящей в неразрывном единстве со структурно-типологическими свойствами языка и особенностями реализации языковых единиц в актах коммуникации. Малоизученными остаются вопросы языковой репрезентации реалий национальной культуры в песенном фольклоре, а также особенности функционирования языковых и речевых единиц.

Карачаево-балкарский песенный фольклор стал предметом изучения во второй половине прошлого века. Такие ученые-исследователи как А.И. Кареева, М.А. Хубиев, Р. А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.И. Рахаев, Х.Х. Малкондуев и др. обратили внимание на богатое духовное наследие карачаево-балкарского народа. Что же касается историко-героических песен, представляющих собой один из жанров устной народной поэзии карачаевцев и балкарцев, то следует отметить работы Х.З. Аппаева, Х.Х. Малкондуева, М.Ч. Джуртубаева, Р.А. Ортабаевой, Н.М. Кагиевой и др., в которых рассматриваются вопросы, связанные с их генезисом, историзмом, жанром и поэтикой. Между тем, вопросы, связанные с изучением языковых, стилистических особенностей песен, до сих пор остаются без должного внимания. Имеются лишь отдельные статьи, посвященные некоторым историко-героическим песням [Кетенчиев 2021].

В историко-героических песнях, в основном, запечатлены реальные события, произошедшие в жизни народа, и «этой действительностью, обусловлена их конкретно-историческая основа и в целом их художественно-эстетическая природа и специфика» [Ахлаков 1981: 67-68], «они воссоздают, хотя и в трансформированном виде, самые значимые события в жизни народа, что особенно важно для карачаево-балкарцев, чья история в силу отсутствия письменности недостаточно полно отразилась в исторических источниках [Джанкезова 2011: 4].

### Основная часть

Язык, как одна из форм существования культуры, представляет собой средство создания, развития и хранения произведений материальной и духовной культуры народа. Более того, национальный язык не только отражает, но и формирует менталитет и национальный характер, это средство передачи мировоззрения и миропонимания народа, к тому же, язык и культура являются визитной карточкой любого этноса или определенной ее части. Приведем отрывок из песни, в котором точно описывается основная отличительная черта менталитета жителей Балкарии, проживающих в Черекском ущелье. (Бекмырза:) – *Малкъарлыла пеляхдыла, чамдан бир да тоймайдыла, / Къонакъларыш иш этип, бир сынамай къоймайла. / Жигит да, чамчы болсанг, кесинги бек сюдюрюрсе, / Болалмасанг, кесинге сау элни да кюдюрюрсе* [Аланский... 2015: 393] // «Малкарцы – бедовые, они не устают шутить, / Своих гостей, хотя бы раз, обязательно испытывают. / Если будешь смелым и веселым, то они полюбят тебя, / А если ты не таков, то насмешишь все селение».

Выразительность поэтического языка, своеобразный стиль изложения, различные исторические и этнические сведения о народе, содержащиеся в текстах, делают исторические песни неисчерпаемым источником информации как для

филологов, так и для историков и этнографов. «Язык и поэтический строй текстов говорит об их относительной архаичности, т.к. они в основном строятся в присущей ранней форме поэзии тирадной форме, а в лексике содержатся вышедшие из употребления слова...» [Малкондуев 2015: 8]. Как известно, изучение языковых особенностей фольклорных текстов способствует выявлению особенностей основных этапов развития языка. В этом плане большой интерес представляют собой историко-героические песни, в которых нашли отражение реальные исторические события, произошедшие в жизни народа, в том числе песни-плачи (кюй/кюу), которым характерна эмоционально-экспрессивная окрашенность. Как пишет Р.А. Ортабаева, «Глубине содержания кюу – песен-плачей – соответствует их поэтический язык, отличающийся эмоциональностью, разнообразием художественно-образительных средств» [Ортабаева 1977: 86]. К таковым можно отнести песню «Каншаубий», или «Плач княгини Гошаях», которая впервые была опубликована в 1959 г. в «Антологии балкарской поэзии» [Антология... 1959]. Она повествует о суровых испытаниях, выпавших на долю главной героини, о потерянном счастье в личной жизни. Это произведение в различных интерпретациях бытует у некоторых народов Кавказа, где каждый пытался выделить наиболее значимое для себя. Ф.А. Урусбиева пишет: «После Нартов, пожалуй, это самый известный сюжет для северокавказского мира <...> Песня отвечала устремлениям людей» [Урусбиева 2003: 194]. В карачаево-балкарском варианте в лирическую канву произведения была вплетена история военных и дипломатических отношений князей Крымшамхаловых (баксанских карачаевцев).

Основные события в произведении происходят в Баксанском ущелье, Карачае и Дагестане. Как пишет Х. Малкондуев, «...песни 16 века дают ясную картину о географическом пространстве проживания карачаево-балкарцев» [Малкондуев 2015: 8]. Данный памятник устного народного творчества 17 века с исторической точки зрения впервые был исследован в 1996 г. Ю.Н. Асановым, который убедительно описал время бытования и особенности историзма песни «Каншаубий», или «Плач княгини Гошаях» [Асанов 1996]. Это «историческое исследование, где на сей раз бессмертная история любви извлечена на свет этнографом из архива. В воздухе снова запахло средневековьем... Время феодализма с его противоречиями, время наивысших вибраций как исторического хода вещей, так и проявления, и самопознания личности» [Урусбиева 2003: 193].

Данное произведение вобрало в себя целый ряд элементов, присущих пословицам и поговоркам, благопожеланиям и зложеланиям, что говорит об интертекстуальности произведения. Рассматриваемый феномен интерпретируется как дискурсивная категория, отражающая «процесс «разгерметизации» текстового целого через особую стратегию соотношения одного текста с другими текстовыми, смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения» [Чернявская 2004: 106]. Интертекстуальность представляет собой полиаспектную категорию, «она понимается как способность текста накапливать информацию не только за счет непосредственного опыта, но и опосредованно, извлекая ее из других текстов» [Ахматова, Кетенчиев 2013: 68]. С

одной стороны, она универсальна для текста в целом, с другой – можно говорить о специфике различных типов текстов. Фольклорный текст динамичен в силу подверженности различным изменениям, в результате чего в него включаются различные микротексты, специфичные для многих жанров устного народного творчества. К таким жанрам относятся пословицы, поговорки, благопожелания (алгыши), проклятия (каргыши). Отметим, что в данном тексте благопожелания встречаются намного реже, нежели зложелания (проклятия). И алгыш, и каргыш представляют собой просьбу, но с кардинально противоположной функцией. Для алгышей характерно пожелание благополучия, а для каргышей – пожелание смерти, ухудшения жизненного благополучия и т.д.

Слова с аффиксом *-сын/-син* выступают основным маркером пожелания в благопожеланиях: *Жашасынла Гошых бла Къаншаубий, юйюр болуп, / Насып берсин Уллу Тейри, арбаз сабийден толуп!* [Аланский... 2015: 400] // «Пусть Гошых и Къаншаубий заживут семьей, / Пусть Великий Тейри дарует им счастье, чтобы двор их был полон детей».

В проклятиях основным маркером пожелания чего-либо негативного, в основном, также выступают слова с аффиксом *-сын/-син*: *Тар Ауузда къая бар ичине оюлсун, / Наным ёлген ёзен къара къандан толсун!* [Аланский... 2015: 418] // «Пусть все скалы в Тар Ауузу провалятся вглубь, / Пусть долина, где погиб мой милый, наполнится кровью»; *Бу аякъны сыйлы аты итлик аякъ болсун, / Хадаужукъну тукъуму уа аныча бузулсун* [Аланский... 2015: 404] // «Пусть священное название этой чаши будет «чаша подлости», / А род Хадаужука (Атажукиных) пусть разобьется как она».

Однако ряд проклятий образуется при помощи следующих аффиксов:

а) *-лыкъ/-лик/-лукъ*: *Бир тул къатын бла уруш этгенди Эльбуздукъ, / Ичи, башы саулай бирден бир бузулдукъ* [Аланский... 2015: 421] // «С вдовой начал войну Эльбуздук, / Пусть бы разом сгнили его голова и внутренности!»;

б) *-рыкъ/-рик/-рукъ*: *Ой, Къарачач, къайда энг, жанынг терк къурурукъ, / Турмен таида, тохтамай, жети кюн бурулдукъ!* [Аланский... 2015: 421] // «Ой, Карачач, где ты была, да сгинет вмиг твоя душа, / Крутиться бы тебе между жерновами семь дней без остановки».

Встречаются и такие конструкции, в которых репрезентантами как благопожеланий, так и зложеланий выступают вспомогательный глагол и аффикс *-гъа/-ге* в составе основного глагол: *Басхан башы къаяла бир бирге аугъа элле, / Мен жашагъан ёзеннге къара къанла жаугъа элле!* [Аланский... 2015: 402] // «Пусть горы Баксана упадут друг на друга, / Пусть залется черной кровью ущелье, где (мы) живем». *Межамыгда тегерек къала юйюнг болгъа эди, / Аны ичинде Гошыхча, бир ариуунг болгъа эди!* [Аланский... 2015: 400] // «Чтобы была в твоём дворе круглая башня, / В ней была бы у тебя красавица, подобная Гошых».

В тексте встречаются проклятия, насылаемые на самого себя, которые актуализируют сожаление о чем-либо: *Бийге къол узатсам, ой, къолум къурурукъ, / Манга бир сёз да айтмай, кетеди бурулуп* [Аланский... 2015: 410] // «Когда князю протянула руки, ой, чтобы они отсохли, / Ни слова не сказав мне, он повернулся и ушел»; *Ой, Къарачач, жарлыма, къара жер къабайым, / Къан-*

*шаубийни, къайтып, къууанч бла табайым!* [Аланский... 2015: 409] // «Ой, Карачач, несчастна я, вкусить мне черной земли, / Вернувшись, найти бы (мне) Каншаубия!»; *Бёрю болуп, таугъа кетсемед элимден, / Жилйай-жилйай къапса-мед ачы къара жерден!* [Аланский... 2015: 405] // «Превратившись в волчицу, уйти бы (мне) из селения (моего) в горы, / Плача, вкусить (мне) бы горькой черной земли!». Следует отметить, что все проклятия и благопожелания ориентированы на репрезентацию будущего времени.

Лирико-эпическая песня «Каншаубий» или «Плач Княгини Гошayah» богата различными изобразительно-выразительными средствами, которые характеризуются различной функциональной нагруженностью. Это такие тропы как метафора, метонимия, эпитет, сравнение и др.

В данном тексте значительное место занимает сравнение, которое является одной из распространенных форм художественного описания в тексте и отмечено широким спектром значений. Как известно, сравнительные конструкции служат для усиления описания образа героя, его поступков, действий, «употребление компаративных форм способствует эмоционально-экспрессивной окрашенности эпического текста и делает его язык богатым и сочным» [Ахматова 2011: 20] и т.д.

Основными средствами репрезентации сравнения в описании образа в основном выступают:

а) послелог *кибик* «как бы», «словно», «подобно»: *Элбуздукъ а ётгюр эди, къызып учхан от кибик, / Жортууулгъа баргъанда, андан жигит жокъ эди* [Аланский... 2015: 393] // «Элбуздукъ был отважен, подобно летящей огненной пуле, / В набегах не было никого храбрее его». *Барды насыплары уа, тюшню игиси кибик, / Келлик палах ауур эд, къабыр ийис кибик* [Аланский... 2015: 413] // «Длилось их счастье, как самый лучший сон, / Но тяжела была грядущая беда, как могильный запах».

б) аффиксы *-ча, -лай/-лей*: *Жел ургъанча, дуркъугъа ол (эмилик ат) учуп чыкъгъан эди, / Кесин, къара элияча, ары-бери атхан эди* [Аланский... 2015: 394] // «В загон он (необъезженный конь) ворвался, словно ветер, / Подобно черной молнии, бросал себя в разные стороны»; *Томуроуча бир жилиян, чыгъалмай кюреше эди, / Чунгурдан чыгъа кетип, энишге тюше эди* [Аланский... 2015: 395] // «Как бревно (огромная) змея пыталась выбраться, / Почти выползала она из ямы и снова падала вниз»; *Къутургъан ажир, чочуп, жортуп теби-реген эди, / Бийик сехле башындан къушлай учуп кетген эди* [Аланский... 2015: 394] // «Бешеный жеребец, взбрыкнув, пустился вскачь, / И через высокие заборы перелетел, как птица».

в) конструкции, в которых маркером сравнения выступает глагольная лексема со значением уподобления «уша»- «быть похожим»: *Мен ушайма жыйындан ажашихан акъ къанкъазгъа, / Мен ушайма уясыз къалып къалгъан агъазгъа* [Аланский... 2015: 399] // «Я похожа на лебедь, отставший от своей стаи, / Я похожа на ласку, оставшуюся без норы».

В тексте встречаются дескрипции, выраженные без маркеров сравнения, что связано с предикативным употреблением одного из элементов сравнения: *Айтама да, ат угъай, тюзден келген арсланды, / Аны жерге юйреталлыкъ таза*



*батыр уланды* [Аланский... 2015: 394] // «Я же говорю, это не конь, а лев, пришедший из степи, / Кто сумеет объездить его, тот истинно отважный молодец».

В формулах проклятий встречается метафора – перенос названия одного понятия на другое по сходству признаков этих понятий, который обусловлен свойством человеческого мышления сравнивать имеющиеся понятия о чем-либо с новыми. Так, имя *Элжорукъа* заменяется названием животного – *къабан* «кабан»: *Андан эсе жерге жаным сау кирейим, / Къабан къан къусханын кёзюм бла кёрейим! / Ай, атанга да голия, гуду, сокъур Къабан, / Тonoуладан бошамагъан сен, Къаражау Къабан!* [Аланский... 2015: 415] // «Лучше мне живой лечь в черную землю, / Да увижу я, как этот Кабан изрыгает кровью! / Шиш твоему отцу, вороватый, слепой Кабан, / Вечно грабежами занятый, ты, Каражауов Кабан!».

В тексте довольно редко встречаются и метонимические переносы, которые представлены следующими типами метонимии:

а) перенос названия с вместилища на содержимое или объем содержимого: *аякъ* «чаша»: – *Айран берсе эдинг, деп, толу аякъны токъгъан эди, / Сылагъанлай, мыйыкълары юй тубюне акъгъан эди* [Аланский...2015: 404] // «– Дай мне айран, – сказал он и опрокинул целую чашу, / Как только вытер усы, они осыпались на пол»;

б) перенос наименования территориального образования на его жителей: *эл* «жители села»: *Жигит да, чамчы болсанг, кесинги суйдюрюрсе, / Болалмасанг, кесинге сау элни да кюлдюрюрсе* [Аланский... 2015: 393] // «Если будешь смелым и юморным, то тебя полюбят, / Если не сможешь, то насмешишь все село (жителей села)».

К средствам образной выразительности относится и эпитет – определение при слове, влияющее на его выразительность, красоту произношения [Никитина 1996: 3], основной задачей которого является разнообразить речь по смыслу, стилистике. Эпитет характеризуется как «стилистический приём, представляющий собой такое определение, которое передаёт информацию о каком-либо свойстве описываемого предмета или явления, дополнительную к его предметно-логической характеристике, т.е. стилистическую информацию» [Куксина 2008: 8], т.е. эпитет, участвуя в создании художественного образа, характеризует предмет или явление, переносит на него свое значение. Следовательно, эпитет выступает одним из значимых элементов стилистики поэтического текста.

В тексте песни в роли эпитета выступают определительные существительные: *Ныгъыш толуп, шургу тартхан деу батырла, / Наным келген болса, Анга былай айтырла* [Аланский... 2015: 409] // «На переполненной завалинке опечаленные богатыри, / Когда вернется мой милый, скажут ему так».

Некоторые эпитеты выражаются прилагательными, стоящими в атрибутивной позиции впереди существительного, при помощи которых раскрывается образ героя, например, *ала кёзлю* «светлоглазый»: *Субай санлы, ала кёзлю, тал чыбыкъ, / Тау артына аууп кетди, танг чыгъып* [Аланский... 2015: 424] // «Стройный, светлоглазый, как ветка ивы, гибкий, / С рассветом перевалил за гору».

В песне также широко представлена и цветовая символика. Довольно часто встречаются сложные слова и словосочетания, которые приобрели устойчивый

характер, и, которые в частеречном отношении являются именами существительными и прилагательными: *сарыкъулакъ* (кбылыч) «желтоухий (меч)», *къара ушкок* «двустволка», *къара ёлет* «чума», *акъ къанкъаз* «белый лебедь», *акъбёрк* «с белой шапкой», *къаракъаиш* «чернобровый (-ая)», *къарамыйыкъ* «черноусый», *къарасакъал* «чернобородый», *къара жер* «чернозем», *Къара таиш* «Черный камень» (священный камень) и др. Как видно из приведенных примеров, в текстах песни превалируют слова с колоративом *къара* «черный».

Небезынтересен и фразеологический фонд данного произведения, так как в фразеологических единицах закодирована информация о национально-специфических особенностях восприятия действительности, они наиболее ярко и точно передают специфику национального характера. В фразеологических единицах концентрируются многовековой опыт и знания народа и отражаются условия его жизни, особенности быта, истории, культуры, обычаев, традиций, что «является подтверждением антропоцентрического характера фразеологизмов» [Улаков, Хуболов 2014: 115]. Текст данной песни изобилует множеством фразеологизмов со следующими значениями:

а) состояния: *жан аурут* «сочувствовать кому-либо, пережевать за кого-либо», *жюреги кыйналды* «расстроиться», *эси кетди* «испугаться», *къара мукъут болду* «расстроиться», *къаны кёзюне чанды* «разозлиться», *жер юлюшю болургъа* «умереть», *жаны чыкъды* «испугаться», *кёлю тюшдю* «огорчиться», *жюреги толду* «расстроился», *эси тайды* «потерять сознание», *бетин жойду* «опозорить, опозориться», *жюреги эриди* «сжалиться над кем-чем», *шау болду* «умереть», *къан жауду* «испытать горе», *баиш къагъаргъа* «засыпать»: *Къамгъут, анга жаны ауруп, къамичисин узатды, / Ол анга чырмалгъанлай, жилинны ёрге тартды* [Аланский... 2015: 395] // «Камгут, сжалившись над ней, протянул ей свою плеть, / Как только змея обвилась вокруг (плети), он вытянул ее наверх». *Жыл да турмай, бийчеси ауушуп къалгъан эди, / Жаш батырны жюреги анга бек кыйналгъан эди* [Аланский... 2015: 396] // «Не прошло и года, как умерла его жена, / Сердце молодого батыра сильно страдало по ней». *Къаным, аны излей, чапханды кёзюме, / Нек ийнандынг къахме бийчени сёзюне?* [Аланский... 2015: 405] // «В тоске по нему кровь моя прилила к глазам, / Зачем ты поверил речам развратной княгини?». *Муну алсам, – деди – Гошаяхдан къалдым, / Угъай десем, мында жер юлюшю болдум. / Алсам да, бу къатын мени этерми сау, / Артда уа, ким билед, кеси болурму шау?»* [Аланский... 2015: 406] // «Женюсь на ней, – подумал он, – и лишусь Гошаях, / Если же нет, превращусь в прах. / Но если и женюсь, то сможет ли она вылечить меня. / А потом, кто знает, не помрет ли сама?»;

б) образ действия: *аякъ тюбюнде чёп сынмай* «быстро»: *Элде уллу къууанч болду ол кюнледе, / Бийче жюрюйд, чёп сынмайын аякъ тюплеринде* [Аланский... 2015: 412] // «В те дни в селении было большое торжество, / Княгиня ходила так, что под ее ногами не ломались и травинки»;

в) мышления: *башы къазан къайнайды* «размышляет о чем-либо», *кёлюне келди* «ему пришло на ум», *эсине келди* «ему пришло на ум»: (Къаншаубий) *Къара кёкге къарап, жулдузланы санайды, / Къалай болайым деп, башы къазан къайнайды* [Аланский... 2015: 406] // «(Каншаубий) Глядя на черное небо, счи-

тает звезды, / В поисках выхода голова (его) кипит, как котел». *Хата этмеге эд деп, келди жашны кёлюне, / Экиси да жетген элле бийик къяя тубюне* [Аланский... 2015: 395] // «Как бы она не навредила мне», – подумалось ему, / Так они оба пришли к подножью высокой скалы». *Сабийни урлап кетди, бир киши да кёрмеди, / Басхан тарда излерге киши эсине келмеди* [Аланский... 2015: 397] // «Похитив ребенка, (он) уехал, никто этого не увидел, / Никому и в голову не пришло искать ее в Баксанской тестине»;

г) действия: *жан аямай* «не щадя себя», *ишге кюл жанды* «покрыть что-либо пеплом»: *Жан аямай, кюрешип, жау аскерни къяуа элле, / Душманланы ууатыргъа ол болушхан суна элле* [Аланский... 2015: 399] // «Не щадя жизни, сражаясь, (они) прогоняли вражеское войско, / Думали, что разбить неприятеля помогает он»;

д) восприятия: *кёзюн алмай* «не отрывая глаз (взор)»: *Ариу эди Къаншаубий да, адам айтып айтмазча, / Хар тиширыу аралып, андан кёзюн алмазча* [Аланский... 2015: 400] // «Красив был Каншаубий, словами это не передать, / Так (красив), что женщинам было от него глаз не оторвать»;

е) отношения [Хуболов 2016]: *жюреги къязды* «влюбился», *кёзю къарады* «симпатизировать», *къанындан тояргъа* «мучать»: *Бийкъанланы Бийбердни ол кичи къязы эди, / Аны кёрген Къамгъутну жюреги къязып эди* [Аланский... 2015: 397] // «Она была младшей дочерью Бийканова Бийберда, / У увидевшего ее Камгута сердце загорелось (от любви)»;

ж) сожаления: *эринин къанды* «сожалеть»: *Къаншаубий анга деди: «– Умутунг бир да толмаз, / Сени жалгъан сёзюнге Гюргёк бир да ийнанмаз». / Алай айтып, Къаншаубий Эл-Журтуна къайытды, Бийче, болмазын билип, эринин къаты къанды* [Аланский... 2015: 402] // «Каншаубий сказал ей: «– Твое желание не исполнится, / Князь Гюргок не поверит в твою ложь». / Сказав так, Каншаубий вернулся в Эл-Журт, / Госпожа, поняв, что у нее ничего не получится, сожалела».

з) воздействия: *исси къандырыргъа* «проучить»: *Аны сайлап, сен манга, Къаншау, бир да кюлме, / Санга исси къандырмазам, мен да мен туююлме* [Аланский... 2015: 402] // «Выбрав ее, Каншау, ты не смейся надо мной, / Я буду не я, если не проучу тебя».

Пословицы и поговорки, как и фразеологизмы, являются средством хранения и передачи жизненного опыта человека. В данном произведении выявлены всего три паремии поучительного характера: *Къоркъакъ болгъандан эсе, эрге ёлюп кетген игиди, / Ол сёз нартладан бери келгенледен бириди* [Аланский... 2015: 403] // «Чем быть трусом, лучше умереть, / Это одно из речений, бытующих со времен нартов»; *Эй, адам умутлары тюзде болур, тау баида, / Къайгъы уа марап турур, кёз къакъмай, имбаида* [Аланский... 2015: 401] // «Эй, надежда человека находятся в степях, на вершинах гор, / А беда подстерегает, не смыкая глаз, на плече». *Ой-ой, туюшле деген жукъуланы похуду, / Анга ийнанып тургъан адамланы жогъуду* [Аланский... 2015: 410] // «Ой-ой, ведь сновидения – это испражнение сна, / Верящий снам самый ничтожный из людей».

Лексику данного произведения, которая весьма богата и разнообразна, можно разделить на следующие тематические группы:

лексика, связанная с фауной: *агъаз* «ласка», *ажир* «жеребец», *ала чабакъ* «форель», *арслан* «лев», *ат* «конь», *бугъа* «бык», *жилян* «змея», *жур* (*жур эчки*) «косуля, серна», *илячин* «сокол», *кийик* «все раздельно-копытные дикие животные (кроме свиньи)», *кийик улакъ* «дикий козленок», *къазакъ бёрю* ««волк-одиночка» (постаревший волк в возрасте 12-15 лет, которого вытеснили из стаи более молодые волки)», *къалакъ парий (ит)* «волкодав», *къанкъаз* «лебедь», *къаплан* «тигр», *къоян* «заяц», *марал* «марал; олень», *сюлесин* «рысь», *тай* «жеребенок», *тюлкую* «лиса», *эшек* «осел»;

лексика, связанная с флорой: *агъач* «лес», *къырдык* «трава», *гюл* «цветок», *нарат* «сосна», *наз (назы)* «ель», *лапиян* «опиум», *телче ханс* «растение с широкой корневой системой»;

лексика, связанная с коневодством: *эмилик ат* «необъезженный жеребец», *хора ат* «породистая лошадь», *жюйрюк ат* «конь, быстрый в ходьбе», *генжестай* «фольк. жеребенок от кобылицы третьего года», *къаратор* «темно-гнедая»; *жер (ат жер)* «седло», *ат иер* «седло», *жюген* «упряжка», *жылкы* «табун», *ёзенги* «стремя», *айыл* «подпруга», *терлик* «потник», *къамичи* «кнут, плеть»;

лексика, связанная с военным делом: *къылыч* «сабля», *окъ* «пуля», *хомпар* «мортира», *хомпар таш* «пушечное ядро», *садакъ* «лук»; *душман* «враг», *аскер* «войско», *аскер баишы* «полководец», *уруш* «война», *сермеш* «битва», *берем* «кольчуга»;

лексика, связанная с одеждой: *гён чарыкъ* «обувь из обработанной кожи крупного рогатого скота», *ышым бау* «подвязка ноговицы», *къауракъ* «сатин», *тон* «шуба», *бёрк* «шапка», *бел бау* «ремень», *жаулукъ* «платок», *чабыр* «рабочая мужская обувь из бычьей или воловьей кожи, в которую кладут солому для утепления»;

религиозная лексика: *оба* «могила», *гюнах* «грех», *ёлю* «усопший», *кёр* «могила», *къабыр* «могила», *сал басхыч* «носилки, на которых несут тело покойника на кладбище», *сын таш* «памятник», *Уллу Тейри* «Верховный бог»;

названия музыкальных инструментов: *сыбызгы* «свирель, дудка», *къобуз* «гармонь», *сырыйна* «зурна»;

названия металлов: *алтын* «золото», *кюмюш* «серебро», *шемшер* «самшит»;

название игры: *сатраш оюн* «игра в шахматы»;

сословие: *бий* «бей», *къарауаш* «прислуга», *хан* «хан», *бийче* «госпожа», *ёзден* «уздень», *къумукъ гошала* «кумыкские княжны», *падчах* «царь»;

название болезни: *къара ёлет* «чума»;

названия напитков: *айран* «кисло-молочный напиток», *боза* «буза», *зынтхы боза* «буза из овса», *эшекмыя боза* «буза, в которую добавляли ослиные мозги (отрава)», *сыра* «пиво»;

лексика, отражающая пространственные объекты и рельеф местности: *агъач* «лес», *аулакъ* «поле», *аууз* «ущелье», *ёзен* «долина», *жер* «земля», *къая* «скала», *къодан белли* «разделенное пастбище», *къол* «ущелье», *сабан* «пашня», *суу* «вода», *тар* «теснина», *тау* «гора», *таш* «камень», *тюз* «равнина», *хуру* «камни, собранные в кучу (обычно при обработке поля)», *чауул* «морена, завал; груды камней», *шорха* «ручей», *эгур* «мелкий песок»;

лексика, отражающая различные рукотворные объекты (постройки): *ат орун* «конюшня», *юй* «дом», *арбаз* «двор», *жербаи юй* «землянка», *кешене* «гробница, мавзолей», *сатрач юй* «изразцовый дом», *къала* «крепость, замок», *мекам* «дом, жилище», *тохана* «престол, трон»;

лексика, отражающая различные территориальные образования: *эл* «государство; село», *ханлыкъ* «ханство»;

лексика, отражающая родственные отношения: *ата* «отец», *ана* «мать», *акка* «дядя», *ахлу* «родня», *бала* «ребенок», *бийче* «жена», *келин* «невестка», *киеу* «зять», *къайын* «родственники по мужу (жене)», *къатын* «жена», *туудукъ* «внук/внучка», *улан* «сын», *эмчек ана* «молочная мать», *эмчек къарындаи* «молочный брат», *эгеч* «сестра», *эр* «муж»;

лексика, отражающая астрономические объекты: *Чолпан* «Венера», *Темиркъазыкъ* «Полярная звезда», *Жетегейле* «Созвездие Большой медведицы», *Илкер* «Плеяды», *Мырытла* «Плеяды, семь светил небесных тел», *Гида* «Созвездие Ориона», *Къойчу жулдуз* «Пастушья звезда» или «Венера».

При анализе текста песни выявлено большое количество ономастической лексики, среди которой встречаются антропонимы, топонимы и гидронимы. Топонимы составляют значительную часть данного пласта лексики, посредством которых можно установить территорию расселения карачаевцев и балкарцев. Это такие топонимы, как: *Басхан* «Баксан», *Бызынги* «Безенги», *Къан кечу* «Кровавый брод», *Къарачай* «Карачай», *Къобан* «Кубань», *Малкъар* (село Верхняя Балкария), *Мухур тюз* «Равнина Мухур», *Тар аууз* «Тырныаууз», *Уллу Тюз* «Большая Равнина», *Элтаркъач* «Элтаркач», *Непе-базар*, *Хурзук*, *Эл-Журт*, а также названия близлежащих территорий: *Дагъыстан* «Дагестан», *Иймерет* «Имеретия», *Къабарты* «Кабарда», *Тау арты* «Загорье», *Терк Башы* «Верховье Терека» – название местности, в которой ныне расположен город Владикавказ» и *Стампул* «Стамбул».

В тексте песни встречаются три гидронима: *Басхан суу* (р. Баксан) – «гидроним *Басхан/Баксан* имеет значение «затопляющая, разливающаяся» (причастная форма на -хан от карачаево-балкарского глагола бас- «затопить») [Хаджилаев 1970: 22]. Б.Х. Мусукаев пишет, что слово *Басхан* «восходит к *бас* (*баи*) + *хан* «главная река»» [Мусукаев 2007: 126-127]. По М.А. Хабичеву название *Бахсан* состоит из *бакъ* – *балыкъ* «речка» и *сан* – *асан*, чув. *васан* «ручей» [Хабичев 1982]. *Терк суу* (р. Терек) – «быстрая», «стремительная» [Хапаев 2013: 346]. М.А. Хабичев отмечает, что соотнесение карач.-балк. *терк* «быстрый», «буйный» с названием Терека произошло, возможно, еще в древности, однако оно вторично по сравнению с первоначальным значением р. Терек. Терек восходит к древнетюркскому *тернъек*, *терньюк* «ручей», «родник», «источник» [Хабичев 1982: 45]. *Хазар тенгиз* «Каспийское море» образован от этнонима *хазар* «хазар» + *тенгиз* «море», где слова хиз, хыз, хаз восходят к этнонимам Хазар или Куман [Байрамуков и др. 2012].

Ороним *Минги тау* (г. Эльбрус). Этимология оронима восходит к др.-тюрк. *мёнги* «вечный», «радость», «счастье» [ДТС 1969: 342]. Х.-М. И. Хаджилаев отмечает, что в современном киргизском языке слово *моьнгуь* «горный ледник, вечный снег», в ойратском языке *моьнкуь* «горный ледник, вечный снег», в тувин-

ском же языке слово *менги* «ледник», да и во многих других тюркских языках в различных фонетических вариациях присутствует слово *минги* [Хаджилаев 1970: 23-25]. Слово *Минги* является вариантом древнетюркского *мёнгю* «вечный ледник; вечный снег; горный ледник», т.е. ороним *Минги тау* означает «вечная гора; ледяная гора» [Байрамуков и др. 2012].

**Антропонимы:** *Бекмырза* «Бекмурза», *Къамгъут* «Камгут», *Элбуздукъ* «Элбуздук», *Къаншаубий* «Каншаубий», *Гилястан*, *Бийберт*, *Бахсанукъ* «Бахсанук», *Къарча* «Карча», *Гошаях*, *Къарачач* «Карачач», *Хадаужукъ* «Хадаужук», *Гюрgekъа* «Гюргека», *Кантин*, *Къаз* «Каз»; *Абайлары* «Абаевы», *Бийкъанлары* «Байкановы», *Боташлары* «Боташевы», *Къазийлары* «Казиевы», *Къырымшаухаллары* «Крымшамхаловы».

**Этнонимы:** *алан* «алан», *малкъарлы* «малкарец (в данном тексте это представитель Черекского ущелья), *къарачайлы* «карачаевец», *къабартылы* «кабардинец», *эбизе* «сван», *къумукъ* «кумык», *къазий-къумукъ* «букв. казий-кумыки», *тамлы* «абазинское племя, букв. тамовец».

В этнокультурном аспекте в тексте песни представлены некоторые обряды карачаевцев и балкарцев:

а) праздник *ыстым той* «праздник пожеланий». Через несколько дней после рождения ребенка (точнее, на 7-ой день, иногда через 10-15 дней и даже позже) проводится первый обряд – это укладывание ребенка в колыбель (бешикге салыу «укладывание в люльку»). Нередко обряд укладывания в люльку проводили совместно с охранительным обрядом *ыстым-той* [Карачаевцы и балкарцы 2014: 475]: *Келинлени барын бирден сынарма, / Ыстым тойда къонакъланы сыйларма* [Аланский... 2015: 424] // «Невесток своих испытаю всех, / На празднике Ыстым гостей угощу».

б) поклонение священным камням с различными просьбами было распространено со времен язычества и до окончательного укоренения Ислама в обществе. В аспекте антропоцентрического рассмотрения картины мира этноса Камень являлся символом, тесно связанным с миропониманием, мироощущением карачаево-балкарского народа, со складом его мышления. В тексте песни таким выступает *Къара Таиш* «Черный Камень»: *Бийче къарауашы Къарачачха айтды: / – Къара Таиха, кел энди, бирге бир барайыкъ, / Андан тебен таргъа бирге бир къарайыкъ... / Къаншау-бийим, сау эсе, ол Таиш бизге айтыр / <...> Насып келип, жашай, артада бек абындыкъ, / Амалсыздан Таиха, келгенбиз, табынып* [Аланский... 2015: 407-408] // «Госпожа говорит своей служанке Карачач: / – Пойдем вместе к Черному камню, / Оттуда посмотрим на нижнюю часть ущелья... / Если (мой) Каншаубий жив, то Камень даст знать / <...> Живя счастливо, потом (мы) споткнулись, / От безысходности мы пришли поклониться Камню»;

в) обычай левирата был широко распространен у многих народов на стадии патриархально-родового строя. У карачаевцев и балкарцев обычай левирата бытовал в пережиточной форме. Как отмечал И.М. Шаманов, «к числу пережиточных форм брака, зародившихся еще в период матриархата и теряющих свою обязательную силу в быту карачаевцев, следует отнести так называемый левиратный брак «*тул той*»» (Шаманов 1979: 15). *Бийче талай заманын аман*

*бла ашыргъан эди, / Жууукъ жетген къатынладан бири анга айтхан эди: / – Сен кесинг жангыз къалып, бушууу эте, ёлесе, / Адет бла къайынынга барлыгъынгы билесе. / Къайындарынг, санга жарсый, таза да эрикгендиле, / Кимге барлыгъын кеси бизге айтсын, дегендиле [Аланский... 2015: 407-408] // «Госпожа долгое время провела одна, / Одна из родственниц ей сказала: / – Ты, оставшись одинокой, страдаешь в печали, / По обычаю ты должна выйти замуж за деверя своего, ты знаешь. / Родственники (мужа) беспокоятся о тебе, / За кого из нас она хочет замуж, пусть (сама) скажет».*

Таким образом, исследованный нами материал позволяет сделать вывод о том, что в тексте песни «Каншаубий», или «Плач княгини Гошаях» содержится большое количество лексем, образующих различные тематические группы. Также следует сказать, что данное произведение отмечено интертекстуальностью и содержит большое количество языковых единиц различного уровня.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аланский... 2015 – *Аланский историко-героический эпос*. В 3 томах. Т. I / Сост. М.Ч. Джуртубаев. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. – 656 с.

Антология... 1959 – *Антология балкарской поэзии* / сост. А.Ю. Бозиев, С.А. Отаров, А.Х. Соттаев. – Нальчик: Кабард.-Балк. кн-во, 1959.

Асанов 1996 – *Асанов Ю.Н.* Песня-поэма «Каншаубий», или «Плач княгини Гошаях»: Историко-сравнительный анализ карачаево-балкарских вариантов: аргументы и факты. – Нальчик: Эль-фа, 1996. – 125 с.

Ахлаков 1981 – *Ахлаков А.А.* Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. – Москва: Наука, 1981. – 280 с.

Ахматова 2011 – *Ахматова М.А.* Вербализация сравнения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 28 (243). – С. 20-23.

Ахматова, Кетенчиев 2013 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Интертекстуальность как облигаторный признак карачаево-балкарского нартского эпоса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 2 (293). – С. 68-70.

Байрамуков и др. 2012 – *Байрамуков У.З., Байрамуков М.У.* Нартиада. Опыт сравнительного анализа. – Черкесск, 2012. – 516 с.

Джанкезова 2011 – *Джанкезова М.А.-А.* Карачаево-балкарские историко-героические песни: генезис, жанровое своеобразие, поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Черкесск, 2011. – 23 с.

ДТС 1969 – *Древнетюркский словарь* / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Ленинград: Наука, 1969. – 676 с.

Карачаевцы и Балкарцы 2014 – *Карачаевцы и Балкарцы* / ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. – Москва: Наука, 2014. – 815 с.

Кетенчиев 2021 – *Кетенчиев М.Б.* О языке историко-героической песни «Сын Темиркана Ачемез» // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. – Нальчик, 2021. – С. 132-137.

Куксина 2008 – *Куксина А.Е.* Структурно-семантические типы сложных эпитетов в языковой картине мира писателя (на материале художественной прозы Ю. Нагибина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2008. – 23 с.

Малкондуев 2015 – *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 312 с.

Мусукаев 2007 – *Мусукаев Б.Х.* Очерки балкарской ономастики. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. – 171 с.

Никитина 1996 – *Никитина С.Е.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. – Москва, 1996. – 172 с.

Ортабаева 1977 – *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарские народные песни. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1977. – 150 с.

Улаков, Хуболов 2014 – Улаков М.З., Хуболов С.М. Семантически двукомпонентные предложения с предикатами, выраженными именными фразеологизмами в карачаево-балкарском языке // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2014. – № 52. – С. 113-116.

Урусбиева 2003 – *Урусбиева Ф.А.* Метафизика колеса: вопросы тюркского культурогенеза. – Сергиев Пасад, 2003. – 207 с.

Хабичев 1982 – *Хабичев М.А.* К гидронимике Карачая и Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 136 с.

Хаджилаев 1970 – *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. – Черкесск, 1970. – 159 с.

Хапаев 2013 – *Хапаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии. – Москва, 2013. – 576 с.

Хуболов 2016 – Хуболов С.М. Структурно-семантические особенности предложений с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами со значением отношения в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №1-2 (55). – С. 190-193.

Чернявская 2004 – *Чернявская В.Е.* Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. – № 1. – С. 106-111.

Шайхисламова 2015 – *Шайхисламова З.Ф.* Язык – дом бытия духа (опыт этнолингвокультурологического изучения национального мировосприятия, мировидения в этноонтологическом аспекте). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 200 с.

Шаманов 1979 – *Шаманов И.М.* Брак и свадебные обряды карачаевцев в XIX – начале XX в. // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1979. – С. 15.

## REFERENCES

*Alanskii istoriko-geroicheskii epos.* [Alan historical-heroic epic]. V 3 tomakh. T. I / Edited by M.Ch. Dzhurtubaev. – Nalchik: ООО «Tetragraf», 2015. – 656 p. (In Kar.-balk.)

*Antologiya balkarskoi poezii.* [Anthology of Balkar poetry] / Edited by A.Yu. Boziev, S.A. Otarov, A.Kh. Sottaev. – Nal'chik: Kabard.-Balk. kn-vo, 1959. (In Kar.-balk.)

ASANOV Yu.N. *Pesnya-poema «Kanshaubij», ili «Plach knyagini Goshayah»: Istoriko-sravnitel'nyj analiz karachaevo-balkarskih variantov: argumenty i fakty* [Song-poem "Kanshaubiy," or "Crying Princess Goshayakh": Historical and comparative analysis of Karachay-Balkarian options: arguments and facts]. – Nalchik: El fa, 1996. – 125 p. (In Russ.)

AKHLAKOV A.A. *Istoricheskie pesni narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza.* [Historical songs of the peoples of Dagestan and the North Caucasus]. – Moscow: Nauka, 1981. – 280 p. (In Russ.)

AKHMATOVA M.A. *Verbalizatsiya sravneniya v karachaevo-balkarskom nartskom epose.* [Verbalization of comparison in the Karachay-Balkarian Nart epic]. IN: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2011. – № 28 (243). – P. 20-23. (In Russ.)

AKHMATOVA M.A., KETENCHIEV M.B. *Intertekstual'nost' kak obligatornyi priznak karachaevo-balkarskogo nartskogo eposa.* [Intertextuality as an obligatory feature of the Karachay-Balkarian Nart epic]. IN: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2013. – № 2 (293). – P. 68-70. (In Russ.)

BAIRAMUKOV U.Z., BAIRAMUKOV M.U. *Nartiada. Opyt sravnitel'nogo analiza.* [Nartiada. Benchmarking experience]. – Cherkessk, 2012. – 516 p. (In Russ.)

DZHANKEZEVA M. A.-A. *Karachaevo-balkarskie istoriko-geroicheskie pesni: genesis, zhanrovoe svoebrazie, poetika* [Karachay-Balkar historical and heroic songs: genesis, genre originality, poetics]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Cherkessk, 2011. – 23 p. (In Russ.)

*Drevnyeturkskii slovar'.* [Ancient Turkic dictionary] / red. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. – Leningrad: Nauka, 1969. – 676 p. (In Russ.)



*Karachaevtsy i Balkartsy* [Karachais and Balkars] / red. M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev. – Moscow: Nauka, 2014. – 815 p. (In Russ.)

KETENCHIEV M.B. *O yazyke istoriko-geroicheskoi pesni «Syn Temirkana Achemez»*. [About the language of the historical-heroic song “Son of Temirkan Achemez”]. IN: *Fol'klornyi tekst: rubezh tysyacheletii*. – Nal'chik, 2021. – P. 132-137. (In Russ.)

KUKSINA A.E. *Strukturno-semanticheskie tipy slozhnykh epitetov v yazykovoii kartine mira pisatelya (na materiale khudozhestvennoi prozy Yu. Nagibina)* [Structural-semantic types of complex epithets in the writer's linguistic picture of the world (based on the material of Y. Nagibin's literary prose)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Moscow, 2008. – 23 p. (In Russ.)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda*. [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkar people]. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – 312 p. (In Russ.)

MUSUKAEV B.Kh. *Ocherki balkarskoi onomastiki*. [Essays on Balkar onomastics]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN. – 2007. – 171 p. (In Russ.)

NIKITINA S.E. *Ekspertimetal'nyi sistemnyi tolkovyi slovar' stilisticheskikh terminov*. [Experimental system explanatory dictionary of stylistic terms]. – Moscow, 1996. – 172 p. (In Russ.)

ORTABAEVA R.A.-K. *Karachaevo-balkarskie narodnye pesni*. [Karachay-Balkar folk songs]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1977. – 150 p. (In Russ.)

ULAKOV M.Z., KHUBOLOV S.M. *Semanticheski dvukomponentnye predlozheniya s predikatami, vyrazhennymi imennymi frazeologizmami v karachaevo-balkarskom yazyke*. [Semantically, two-component sentences with predicates expressed by nominal phraseologisms in the Karachay-Balkarian language]. IN: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2014. – № 52. – P. 113-116. (In Russ.)

URUSBIEVA F.A. *Metafizika koleasa: voprosy tyurkskogo kul'turogeneza*. [Metaphysics of the wheel: issues of Turkic cultural genesis]. – Sergiev Pasad, 2003. – 207 p. (In Russ.)

KHABICHEV M.A. *K gidronimike Karachaya i Balkarii*. [On the hydronymy of Karachay and Balkaria]. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 136 p. (In Russ.)

KHADZHILAEV Kh.-M. I. *Ocherki karachaevo-balkarskoi leksikologii*. [Essays on Karachay-Balkar lexicology]. – Cherkessk, 1970. – 159 p. (In Russ.)

KHAPAEV S.A. *Geograficheskie nazvaniya Karachaya i Balkarii*. [Geographical names of Karachay and Balkaria]. – Moscow, 2013. – 576 p. (In Russ.)

KHUBOLOV S.M. *Strukturno-semanticheskie osobennosti predlozhenii s predikatami, vyrazhennymi trekhvalentnymi frazeologizmami so znacheniem otnosheniya v karachaevo-balkarskom yazyke*. [Structural and semantic features of sentences with predicates expressed by trivalent phraseologisms with relation value in Karachay-Balkarian language]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2016. – №1-2 (55). – P. 190-193. (In Russ.)

CHERNYAVSKAYA V.E. *Intertekst i interdiskurs kak realizatsiya tekstovoi otkrytosti*. [Intertext and interdiscourse as a realization of textual openness]. IN: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2004. – № 1. – P. 106-111. (In Russ.)

SHAIKHISLAMOVA Z.F. *Yazyk – dom bytiya dukha (opyt etnolingvokul'turologicheskogo izucheniya natsional'nogo mirovospriyatiya, mirovideniya v etnoontologicheskome aspekte)*. [Language is the home of the spirit (the experience of ethnolinguocultural study of the national worldview, worldview in the ethnoontological aspect)]. – Ufa: RITs BashGU, 2015. – 200 p. (In Russ.)

SHAMANOV I.M. *Brak i svadebnye obryady karachaevtsev v XIX – nachale XX v.* [Marriage and wedding ceremonies of the Karachais in the 19th – early 20th centuries.]. IN: *Arkheologiya i etnografiya Karachaevo-Cherkessii*. – Cherkessk, 1979. – P. 15. (In Russ.)

#### **Информация об авторах**

М.А. Ахматова – доктор филологических наук, доцент.

М.З. Улаков – доктор филологических наук, профессор.

С.М. Хуболов – кандидат филологических наук, доцент.

***Information about the authors***

M.A. Akhmatova – Doctor of Science (Philology), docent.

M.Z. Ulakov – Doctor of Science (Philology), professor.

S.M. Khubolov – Candidate of Science (Philology), docent.

**Вклад авторов:** все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

ЩІэныгъэ тхыгъэ  
УДК 811.352.3  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-283-293  
EDN: XVINGQ

## АДЫГЭБЗЭМ ЖЫЛАГЪУЭ-ПОЛИТИКЭ ЛЕКСИКЭР КЪЫХЭГЪЭКЪЫНЫМ ЕХЪЭЛА ІУЭХУГЪУЭ ЗЭХЭМЫБЗХЭР

**Жылэтеж Хъэжысмел Чыляний и къуэ**

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щІэныгъэ ІуэхущІапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центр» Федеральнэ щІэныгъэ центрым и филиал, Налшык, Урысей, [hazismel@mail.ru](mailto:hazismel@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

**Аннотацэ.** Лэжыгъэр теухуащ адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэр къыхэгъэкъыным ехъэла Іуэхугъуэ зэхэмыбзхэмрэ ахэр зэфІэха зэрыхъуну Іэмалхэмрэ. Мы темэр иджыри къэс джа мыхъуахэм ящыщІ. Ди къалэнхэм хохъэ «жылагъуэ-политикэ лексикэ» гурыІэгъуэм хыхъэ псалъэхэр наІуэ къэщІыныр, абы и купщІэр убзыхуныр, зэрыгуэша гупхэмрэ гупкъуэжхэмрэ къэгъэлыгъуэныр. Статьям лъабжъэ хуэхъуащ мы Іуэхугъуэм теухуауэ хэку бзэщІэныгъэм шыІэ къэхутэныгъэхэмрэ еплъыкІэ зэхуэмыдэхэмрэ. Къыхыдогъэщ адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэм япэ дыдэу Апажэ Мухъэмэд зэрытетхыхар, ауэ абы и къэхутэныгъэхэр урысыбзэм щекІуэкІхэм ещхьыркъабзэуш зэрыщытыр.

ЩІэуэ мы лэжыгъэм хэлъыр – темэ къэтщІам ехъэлауэ зэІубз мыхъуа, щІызэдауэ Іуэхугъуэ зыбжанэм жэуап зэрагъуэтар: жылагъуэ-политикэ лексикэкІэ зэджэр, абы хыхъэ гупхэр, гупкъуэжхэр иджырей бзэщІэныгъэр и лъабжъэу наІуэ щыщІащ. Статьям къыщыдгъэсэбэпащ бзэщІэныгъэ къэхутэныгъэ методхэу кІэлыплъыныгъэ, тетхыкыныгъэ, зэхэхуныгъэ, зэзыгъапщэ-зэпэзыгъэуэв зэпкърыхыныгъэхэр. Къэхутэныгъэм кърикІуахэр щыхъэт тохъуэ адыгэбзэм жылагъуэ-политикэ лексикэм увыпІэшхуэ зэрыщиубыдым, абы къыхэкІыу адэкІи а лэжыгъэр пыщэн хуейуэ къыдолъытэ.

**Зэрыгуауэ псалъэхэр:** къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, жылагъуэ-политикэ лексикэ, къэрал, власть, жылагъуэ.

**Цитатэ къызэрыхэпхыну:** Жылэтеж Хъ.Ч. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм жылагъуэ-политикэ лексикэр къыхэгъэкъыным ехъэла Іуэхугъуэ зэхэмыбзхэр // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 283-293. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-283-293. EDN: XVINGQ.

---

© Жылэтеж Хъ.Ч., 2024

Original article

### THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT OF "SOCIO-POLITICAL VOCABULARY OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE"

**Khazhismel Ch. Zhiletezhiev**

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific

Center of the Russian Academy of Sciences», Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, [hazismel@mail.ru](mailto:hazismel@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

**Abstract.** The article delves into one of the most understudied aspects of Kabardino-Circassian vocabulary: sociopolitical vocabulary. According to an analysis of the existing literature, there is no linguistic consensus on the name for this group of words. The most commonly used terms in linguistics are “socio-political vocabulary” and “socio-political terminology”. Both domestic and foreign linguistics use a variety of names to refer to the group of words under consideration, including political vocabulary, ideologically related vocabulary, social and socio-political terminology, political lexicon, social science terminology, and sociopolitical dictionary. It should be noted that the difference in terminology relates to the aspect of the research object being analyzed. The author emphasizes that the most appropriate of them is the name “socio-political vocabulary” since it reflects the life of society and the state accurately, and is the most specific term, as well as has a wide range of distribution and use. The analysis of the material reveals that the main components of sociopolitical vocabulary are “power,” “state,” and “society.” Based on the analysis of the existing literature, it was found that large discrepancies are also observed in the number of thematic classes included in the socio-political vocabulary. The author comes to the conclusion that in the modern Kabardino-Circassian language there is no thematic classification of socio-political vocabulary that meets the current state of the language and modern requirements of linguistics. The article draws attention to the fact that the thematic classification is quite conditional, since many components of this group of words often overlap. The author offers his own version of the classification of the socio-political vocabulary of the Kabardino-Circassian language, according to which 6 lexical and thematic groups are distinguished: political vocabulary; vocabulary characterizing political parties, organizations, social movements; legal vocabulary; military-political vocabulary; vocabulary expressing the spiritual and moral sphere of public life; legal vocabulary. The research is important because many theoretical and practical issues concerning the study, generalization, and analysis of the Kabardino-Circassian language’s sociopolitical vocabulary must be addressed. The paper employs a descriptive analytical method, contextual analysis, and statistical calculations.

**Keywords:** Kabardino-Circassian language, socio-political vocabulary, state, government, society.

**For citation:** Zhiletezhev Kh.Ch. The problem of defining the concept of "socio-political vocabulary of the Kabardino-Circassian language". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 283-293. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-283-293. EDN: XVINGQ.

© Zhiletezhev Kh.Ch., 2024

Научная статья

## ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА»

**Хажисмель Чиляниевич Жилетежев**

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, [hazismel@mail.ru](mailto:hazismel@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

**Аннотация.** В статье рассматривается один из самых малоизученных пластов лексики кабардино-черкесского языка – общественно-политическая лексика. Анализ существующей

литературы показывает, что в языкознании нет единого мнения по наименованию данной группы слов. Наиболее распространенными в лингвистике являются названия «общественно-политическая лексика» и «общественно-политическая терминология». Как в отечественном, так и в зарубежном языкознании рассматриваемая группа слов имеет еще несколько наименований: политическая лексика, идеологически связанная лексика, социальная и общественно-политическая терминология, политический лексикон, терминология общественных наук, общественно-политический словарь. Отмечается, что такой разнородностью в терминологии связан с выбором аспекта исследования. Автор акцентирует внимание на наиболее подходящее название – «общественно-политическая лексика», потому что именно в ней наиболее полно отражается жизнь общества и государства, она наиболее специфична, имеет обширную сферу распространения и употребления. Анализ материала позволяет установить, что основными составляющими общественно-политической лексики являются «власть», «государство», «общество». На основе анализа существующей литературы установлено, что большие расхождения наблюдаются и в количестве тематических классов, входящих в общественно-политическую лексику. Автор приходит к выводу, что в современном кабардино-черкесском языке отсутствует тематическая классификация общественно-политической лексики, отвечающая нынешнему состоянию языка и современным требованиям языкознания. В статье обращается внимание на то, что тематическая классификация является достаточно условной, так как многие компоненты данной группы слов часто пересекаются. Автором предложена своя версия классификации общественно-политической лексики кабардино-черкесского языка, согласно которой выделяются 6 лексико-тематических групп: политическая лексика; лексика, характеризующая политические партии, организации, общественные движения; правовая лексика; военно-политическая лексика; лексика, выражающая духовно-нравственную сферу общественной жизни; правовая лексика. Актуальность исследования обусловлена тем, что многие теоретические и практические вопросы, связанные с изучением, обобщением и анализом общественно-политической лексики кабардино-черкесского языка, требуют своего решения. В работе использован дескриптивно-аналитический метод, контекстуальный анализ, статистический подсчет.

**Ключевые слова:** кабардино-черкесский язык, общественно-политическая лексика, государство, власть, общество.

**Для цитирования:** Жилетежев Х.Ч. Проблема определения понятия «общественно-политическая лексика кабардино-черкесского языка» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 283-293. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-283-293. EDN: XVINQQ.

---

© Жилетежев Х.Ч., 2024

Жылагъуэ-политикэ лексикэм теухуа лэжьыгъэхэр къэщытэмэ, нэрылагъу мэхуэ зэтемыхуэныгъэу абыхэм ягэр мы псалгэ гупым зэреджэ фIэщыгъэцIэхэм зэрымизакъуэр, атIэ ахэр зэрыгуэшыжа гупкъуэжхэмкIи зэрызэщхьэщыкIыр. БзэщIэныгъэм нэхьыбэрэ узыщрихьэлIэ «Жылагъуэ-политикэ лексикэ», «Жылагъуэ-политикэ терминологие» цIэхэм нэмыщI мы гупым нэгъуэщI цIэ зыбжани фIащ: политикэ лексикэ, идеологиекIэ зэпха (зэгъэкIуа) лексикэ, псэуныгъэмрэ жылагъуэ-политикэмрэ епха фIэщыгъэцIэхэр, политикэ лексикон, концепт (идеологие) лексикэ, жылагъуэ-политикэ псалгальэ (нэгъуэщI къэрал бзэщIэныгъэхэм). БзэщIэныгъэ литературэм хэту мы цIэ къедбжэкIахэм я зэтемыхуэныгъэр къызыхэкIыр ядж объектум зэрыбгъэдыхьэ лъэныкъуэр аращ.

Дэ дызэрэплъымкIэ, мыбыхэм ящыщу нэхь къезэгъыр «жылагъуэ-политикэ лексикэ» фIэщыгъэцIэрщ, абы нэхьыфIу къегъэлягъуэ жылагъуэмрэ

къэралымрэ я гъащIэр, абы и нэщэнэхэр нэхъ щхьэхуэщ, ар нэхъ убгъуауэ къагъэсэбэп, псоми яIурылъщ. Нэхъыбэм я еплъыкIэм тепщIыхьмэ, жылагъуэ-политикэ лексикэм хохъэ политикэм, псэукIэм, политикэ экономиием щыщ псалъэхэмрэ жыIэгъуэхэмрэ. А Iыхьэхэм нэхъ гупсэхуу дакытеувыIэнщ.

«Философиие щIэнгъуазэ псалъальэм» «политикэ» фIэщыгъэцIэм и мыхьэнэр мышхуэдэу щыгъэнэхуащ: «Классхэм, лъэпкъхэм, социальнэ гупхэм я зэхушчытыкIэхэм, IуэхущIафэхэм епха, зи купщIэр къэрал властыр къэубыдын, Iыгъын, къэгъэсэбэпын Iуэхугъуэу щыт» [Философский энциклопедический словарь 1989: 490]. Политикэм дежкIэ нэхъыщхьэ дьдэу щытщ къэрал властым и ухуэкIэр, къэрал Iуэхухэм хэтыныр. Политикэр щIыбрэ кIуэцIу зэщхьэщокI. Къэралым IуэхущIафэу щекIуэкIыр куэд зэрыхьум кыыхэкIкIэ, кыыхагъэкI лъэпкъ, псэукIэ, экономикэ, щэнхабзэ политикэ. Абы кыыхэкIыу жылагъуэ-политикэ лексикэм къедбжэкIа гупхэм щыщ псалъэхэр хыхьэн хуейщ. Ахэр политикэм ехьэлIауэ щыт хуэдэкъым, ауэ абыхэм къэрал властыр гъэзэщIа зэрыхьур ягъэбелджылы.

А Философиие псалъальэ дьдэм зэритымкIэ, «социологиер – ар жылагъуэм теухуа щIэныгъэщ, абы едж жылагъуэм и зэхэтыкIэмрэ и зыужыкIэмрэ» [Философский энциклопедический словарь 1989: 614]. Мыбы кышчыкIуэ «жылагъуэ», «жылагъуэ-экономикэ формацэ», «класс», «лъэпкъ», н.к. псалъэхэр жылагъуэ-политикэ лексикэм епхащ.

Ожегов С.И. и псалъальэм кызырэщыкIамкIэ, «политикэ экономииер мылькухэкIхэр кыдэгъэкIынымрэ гуэшынымрэ ехьэлIа жылагъуэ зэхушчытыкIэхэр зыдж щIэныгъэщ» [Ожегов 1986: 478]. Жылагъуэ зэхушчытыкIэхэр мылькухэкIыу е еплъыкIэу (идеологие) щытщ. Иужьрейм хохъэ *политикэ, хуитыныгъэ, кIухьэн, дин* псалъэхэр. Аращи, политикэ зэхушчытыкIэхэр жылагъуэ зэхушчытыкIэхэм я Iыхьэу къокIуэ.

Дызытепсэлъыхьа псалъэхэм къагъэлягъуэ ахэр псори жылагъуэм щекIуэкI политикэ гъащIэм, политикэ зэхушчытыкIэхэм зэрэпхар. Абы кыыхэкIыу жылагъуэ-политикэ лексикэр (адэкIэ гъэкIэщIауэ ЖПЛ) жылагъуэм и политикэ ухуэкIэр, и политикэ гъащIэр къэзыгъэлягъуэ лексикэ системэу щытщ. Iыхьэ нэхъыщхьэу мыбдежым къэувыр властым ехьэлIа упщIэхэращ. Абы ипкъ иткIэ нэрылягъуэщ ЖПЛ-м хыхьэ псалъэхэм властыр зэрагъэбелджылыр. «Властыр – ар узыхуейхэр (фIэфIыныгъэхэр) зыIэрыбгъэхьэн папщIэ лъэкIыныгъэрэ Iэмалрэ уиIэнырщ, цIыхухэм я IуэхущIафэхэмрэ дуней тетыкIэхэмрэ Iэмал гуэрхэмкIэ хэIэбэныгъэ – IулыджкIэ, хуитыныгъэкIэ, текъузэныгъэкIэ» [Философский энциклопедический словарь 1989: 92]. Властым и лIэужыгъуэхэм ящыщу мыхьэнэшхуэ дьдэ зиIэу щытщ политикэ властыр – зы класс, гуп, цIыху гуэрым зыхуейхэр политикэм хабзэкIэ щыпхигъэкIыну лъэкIыныгъэхэр иIэу; абы нэщэнэу иIэщ социальнэ тепщэныгъэмрэ класс гуэрхэм унафэр яIэщIэлынымрэ.

Псори кызыэщIэпкъуэжмэ, нэрылягъуэщ жылагъуэ-политикэ лексикэм и купщIэу «власть», «къэрал», «жылагъуэ» псалъэхэр зэрышчытыр. ЖПЛ-м гъунапкъэ щхьэхуэ иIэу щытми, ар быдэу пыщIащ экономикэм, хуитыныгъэм, диным, философием, гъуазджэм, дзэ Iуэхум. Абы кыкIыркъым гуманитар щIэныгъэхэм я лексикэр псори ЖПЛ-м хыхьэу. И инагъымкIэ, кызыэщIиубыдэмкIэ, къалэн игъэзащIэмкIэ, зэрызиубгъуамкIэ, адрей лексикэ-тематикэ гупхэм

къашхъэщыкIу, къалэн нэхъыщхъэ (пэрыт) зэригъэзащIэмкIэ ЖПЛ-м увыпIэ хэха иIэщ. Ар хэх имыIэу епхащ тепщэныгъэр зыIэщIэлъ политикэ системэм, унафэщI партхэм, къэрал-жылагъуэ институтхэм. ЖПЛ-р быдэу пыщIащ хыбарегъащIэ IэнатIэхэм, кыыхуеджэныгъэмрэ къэгъэдэIуэныгъэмрэкIэ Iэмал лъэщхэм. НэгъуэщI зы лексикэ-тематикэ гупи апхуэдэ зэфIэкI яIэкъым, апхуэдэу занщIэу цIыхубэм япыщIакъым. Абы кыыхэкIу мы лексикэр цIыхубэм дежкIэ къэгъуэтыгъуафIэу икIи гурыIуэгъуэу шытын хуейщ. Мы лексикэ категориер жылагъуэ псэукIэм зэрыпыщIам щхъэкIэ, абы зэхъуэкIыныгъэ куэд щокIуэкI. Псалъэм папщIэ, спортым е техникэм ехъэлIа фIэщыгъэцIэхэм хуэдэу, ЖПЛ-р зы шытыкIэм иткъым. ЖПЛ-м зыхъуэжыныгъэ инхэр кыыщохъу тхыдэм и зэхъуэкIыныгъэ лъэхъэнэхэм, социальнэ-экономикэ зыужыныгъэ инхэм деж. ЖПЛ сыт шыгъуи дэщIыгъу нэщэнэхэм ящыщ зы псалъэр, жыIэгъуэр нэгъуэщIкIэ хъуэжыныр, щхъэусыгъуэ зэхуэмыдэхэмкIэ псынщIэу псалъэр яIэпыхужыныр, жы хъуныр. Пэжщ, а Iуэхугъуэхэр сытым дежи зэщхъу екIуэкIыркъым. Протченко И.Ф. кыызэрилтытэмкIэ, «жылагъуэ-политикэ фIэщыгъэцIэр зэман кIыхъкIэ IэщIыб ящIыжауэ шытынкIэ хъунуш, гуемыкIу мыхъэнэ зэриIам кыыхэкIу, ауэ и гуемыкIу мыхъэнэр фIэкIуэдмэ, иужькIэ ар бзэм кыыхыхъэжыфынуш» [Протченко 1984: 59]. Щапхъэхэр: *министр, офицер, генерал, парламент, плюрализм, собственность, бэджэнд* – аренда, *бэджэндрылажъэ* – арендатор, *хъэрычэтыщI* – предприниматель, *конкуренцэ* – конкуренция, *самоуправленэ* – самоуправления, н.къ. Мы псалъэхэр бзэм кыыхыхъэныр къашащ къэралым щекIуэкI зэхъуэкIыныгъэхэм, ефIакIуэныгъэхэм, зыужыныгъэхэм.

Араци, адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэм хохъэ политикэ ухуэкIэм, жылагъуэ-политикэ гъащIэм, къэралым (къэралхэм) и политикэ кIуэцIымрэ экономикэ IуэхущIафэмрэ, къэрал зэхущытыкIэхэм ехъэлIа псалъэхэмрэ жыIэгъуэхэмрэ. ЖПЛ-м нэщэнэ щхъэхуэхэр иIэщ: 1) кыызэрыхъуам елытауэ езы бзэм ейрэ нэгъуэщIыбзэм кыыхэкIарэу ягуэш; 2) кыызэрагъэсэбэп елытауэ – псоми къагъэсэбэп, кыызэрыгуэкI, жаргон; 3) я зэхэтыкIэкIэ – кыызэрыкIуэ, зэхэль, гъэкIэщIа зэхэль; 4) политикэм и бзэм и къалэн нэхъыщхъэхэр ягъэзащIэ – зэрызэпсалъэ (хыбарегъащIэ), кыызэрагъэдаIуэ; 5) гурыщIэ-уасэгъуэу нэщэнэ яIэщ.

«Жылагъуэ-политикэ лексикэ» гурыIуэгъуэм нэмыщIкIэ, упщIэ нэхъыщхъэу шытщ абы хыхъэ гупхэр убзыхуныр. ЗэрынаIуэщи, ЖПЛ-р бзэм кыызэрыщагъэсэбэпыр куэдкIэ бзэщIыб Iуэхугъуэхэм епхащ. Жылагъуэ-политикэ гъащIэр къэзыгъэлыагъуэ псалъэхэр я закъуэу бзэм кыыщыкIуэркъым, ахэр нэщэнэ гуэрхэмкIэ зэгъусэ мэхъу. Загребальный А.В. кыызэрилтытэмкIэ, «жылагъуэ-политикэ лексикэр зэтегъэпсыхъа, къэгъэльэгъуа зэрыхъу Iэмалщ, ар тематикэ гуп зэпыщIауэ къэхъамэ» [Загребальный 2013: 18].

Хэку бзэщIэныгъэм ЖПЛ-м хыхъэн хуейуэ кыыщалытытэ лексикэ-тематикэ гупхэр я бжыгъэкIи ахэр зэрызэхэткIи зэтехуэркъым. ЖПЛ-м и тематикэ гуэшыныгъэр псори нэхъ кыызэщIиубыдэу кыыщыхъащ Протченкэ И.Ф., Бурячок А.А. сымэ я лэжыгъэхэм.

Протченкэ И.Ф. ЖПЛ-м тематикэ гупу 9 кыыхегъэкI: 1. Коммунист партым и лэжыгъэм, бэнэныгъэм, дунейпсо коммунист, рабочэ зэщIэхъееныгъэм, н.къ.

ехьэлIа псалъэхэр; 2. Совет цIыхухэм я дунейеплтыкIэр, хьэлщэнхэр, зэхушытыкIэщIэхэр кьэзыгьэлыагьуэ псалъэхэр; 3. Комсомол гьащIэм, пионер (сабий, ныбжьыщIэ) зэхухьэныгьэхэм, дунейпсо щIалэгьуалэ зэщIэхьееныгьэм епха псалъэхэр; 4. Совет ухуэкIэр, кьэрал IуэхущIапIэхэр, кьулыкьухэр, н.кь. кьэзыгьэлыагьуэхэр; 5. Профсоюз лэжьыгьэм, гуп зэхуэмыдэхэм, цIыхубз зэхухьэныгьэхэм ехьэлIахэр; 6. Льэщэпкыгьэпс, мэкьумэш кьыщIэгьэкIыныгьэм кьыщыхьуа зэхуэкIыныгьэ нэхьыщхьэхэр, совет цIыхухэм гуащIэдэкIым хуаIэ хушытыкIэщIэхэр кьэзыгьэлыагьуэ псалъэхэр; 7. Совет цIыхубэм я гьащIэм, щIэныгьэм, щэнхабзэм кьыщыхьу зэхуэкIыныгьэщIэхэм епхахэр; 8. Жылагьуэ-политикэ, экономикэ, щэнхабзэ псэукIэм щыIэ мыхьумыщIагьэ Iуэхугьуэхэм ехьэлIа псалъэхэр; 9. Класс бэнэныгьэр, хамэ идеологиер, бийгьэ зыхэль политикэ еплтыкIэхэр, абыхэм я тельхьэхэр кьэзыгьэлыагьуэхэр [Протченко 1984: 59].

Зэрынэрылыагьуши, мы кьэтхьа гуэшыныгьэм социалист гупсысэкIэр (идеологиер), совет псэукIэр и лыабжьэщ. Абы кьыдэкIуэуи гу лыботэ нэгьуэщI жылагьуэ системэхэм мыбы увьпIэ зэрыщамыIэм, кьэралзэхуаку зэхушытыкIэхэм ехьэлIа фIэщыгьэцIэхэр зэрыхэмытым. ДызэреплтымкIэ, апхуэдэ псалъэ гупхэр Iэмал имыIэу гуэшыныгьэм хыхьэн хуейщ. А ныкьусаныгьэхэр кьыщылыгытащ Бурячок А.А. и лэжьыгьэм. Абы социальнэ-политикэ лексикэм гупи 8 кьыхегьэкI: 1. КПСС и лэжьыгьэм, дунейпсо коммунист, рабочэ зэщIэхьееныгьэм ехьэлIа псалъэхэр; 2. СССР-мрэ социалист кьэралхэм я зэкьуэтыныгьэм, я жылагьуэ-кьэрал ухуэкIэм, я тхьдэм епха псалъэхэр; 3. Феодальнэ, капиталист кьэралхэм я жылагьуэ-кьэрал ухуэкIэр, тхьдэр кьэзыгьэлыагьуэхэр; 4. Кьэралзэхуаку зэхушытыкIэхэм епха псалъэхэр; 5. Политикэ-экономикэ фIэщыгьэцIэхэр; 6. Политикэ-философии фIэщыгьэцIэхэр; 7. Политикэ-юридическэ фIэщыгьэцIэхэр; 8. Дзэ Iуэхум ехьэлIа псалъэхэр [Бурячок: 1983: 436]. Зэрынэрылыагьуши, Протченкэ И.Ф., Бурячок А.А. сымэ я гуэшыкIэм зэтэхуэ гуэрхэр хэтщ, ауэ Бурячок А.А. ейм хигьэхьа 5-8 IыхьэхэмкIэ арэзы ухьуфынукьым – жылагьуэ-политикэ лексикэмрэ терминологиерэ ехьэлIауэ кьыхэмыгьэщхьэхукIа бгьэдыхьэкIэ зэриIэр нэрылыагьуш.

Голованевскэм А.Л. ЖПЛ-м мыпхуэдэ гупхэр кьыхегьэкI: 1) власть ищхьэ; 2) кьулыкьушIэхэр; 3) щIэпхьаджагьэ лIэужьыгьуэхэр; 4) тепщэ гупым ехьэлIахэр; 5) класс бэнэныгьэ лIэужьыгьуэхэр [Голованевский 1989: 11]. Зэрынэрылыагьуши, мы тематикэ гуэшыкIэм кьызэщIиубыдэр мащIэ дьдэщ, «щIэпхьаджагьэ лIэужьыгьуэхэр» гупыр мыбы щIыхыхьар гурыIуэгьуэкьым икIи лыабжьэншэщ.

ЖПЛ-м ильэс куэдкIэ елэжьа Л.А. Ждановэм абы тематикэ гупу 7 кьыхегьуатэ: экономикэм, хуитыныгьэм, кьэралщIыб политикэм, диним, философиер, дзэм, администрацэм ехьэлIахэр [Жданова 1996: 121].

БзэщIэныгьэм ЖПЛ-м гуэшыныгьэу щIэхэр кьыпхуебжэкIынукуьым, ахэр апхуэдизкIэ куэдщи. ЖПЛ-м теухуауэ щыIэ кьэхутэныгьэхэм я нэхьыбэр теухуащ урыс ЖПЛ-м. Абы кьыдэкIуэуи кьэгьэлэгьуапхьэщ иужьрей ильэсхэм ди кьэралым щызекIуэ адреи лэпкыбзэхэми ЖПЛ-м гулытэ лей хуащIу зэрыщIадзам. Апхуэдэу, Солтаханов И.Э. мышкышыбзэмрэ шэшэныбзэмрэ я ЖПЛ-м тематикэ гупу 5 кьыхегьэкI: политикэм, экономикэм, хуитыныгьэм,



дзэм, диным ехьэллэхэр [Солтаханов 2009: 5-6]. Абы ещхь гуэшыкIэ кыыхуехь Бачаевэ С.Е. кьалмыкыбзэм [Бачаева 2012: 41]. Осетиныбзэм и ЖПЛ К.Г. Джусоевэм гупихуу еугуэш: тепщэныгъэ зиIэхэм, ягъэпщылIхэм, гъэпщылIыныгъэм ехьэллэ псалъэхэр; революцэ зэщIэхъееныгъэмрэ абы кыихьа зэхуэкIыныгъэмрэ епхахэр; дунейеплъыкIэ, цIыхугъэ, дунейтетыкIэ гурыIуэгъуэхэм ехьэллэхэр [Джусоева 2017: 10-66].

Адыгэбзэм и ЖПЛ-м япэ дыдэу тематикэ гуэшыныгъэ 1992 гъэм хуищIаш Апажэ Мухьэмэд. Абы адыгэбзэм кыыхегъэкI Протченкэ И.Ф. урысыбзэм кыыхигъэкIа гуп дыдэхэр [Апажев 1992: 73]. Абыхэм дэ ищхьэкIэ дакытеувыIауэ щытащ. Гу зылытапхьэщ Апажэм иригъэкIуэкIа тематикэ гуэшыныгъэр совет гъащIэмрэ псэукIэмрэ езэгъуу зэрыщытар. Ауэ мыбдежым нэгъуэщI зы Iуэхугъуэми кытеувыIэн хуейщ: а зэманым ирихьэлIэу Совет кьэралыр кьутэжат икIи абы ди кьэралми дуней псоми зэхуэкIыныгъэхэр кыщрикIуат. Совет кьэрал, жылагъуэ щымыIэжым теухуа гупхэр Апажэм щIыхигъэхьар, дэ дызэреплъымкIэ, ди кьэралыр адэкIэ зэрыкIуэну политикэ, экономикэ гъуэгур иджыри зэхэмыбзу зэрыщытаращ. 2000 гъэм абы адыгэбзэм и ЖПЛ тематикэ гуэшыныгъэщIэ ирегъэкIуэкI икIи гупу 7 кыыхегъэкI: жылагъуэ, политикэ зэгухьэныгъэхэм я лэжыгъэм ехьэллэхэр; дунейеплъыкIэр, хьэлщэныр кьэзыгъэлыагъуэ псалъэхэр; кьэрал ухуэкIэм, IуэхушIапIэхэм, административнэ гуэшыкIэхэм, тхыдэм и лъэхьэнэхэм, кьулыкьухэм, н.кь. ехьэллэ псалъэхэр; профсоюзхэм, езыр-езыру зэгухьа гупхэм, жылагъуэхэм, зэгухьэныгъэхэм епха псалъэхэр; гуащIэдэкIым, лъэщэпкыгъэпсым, мэкьумэш кыщIэгъэкIыныгъэм ехьэллэхэр; щIэныгъэм, щэнхабзэм кыщыхуу, щекIуэкI Iуэхугъуэхэм епха псалъэхэмрэ жыIэгъуэхэмрэ; жылагъуэмрэ щэнхабзэмрэ щыIэ мыхьумыщIагъэхэр, дуней псом кыщекIуэкI цIыхугъэншагъэхэр кьэзыгъэлыагъуэхэр [Апажев 2000: 110-111]. Зэрынэрылыагъуши, Апажэм ищIа гуэшыныгъэщIэр япэрейм куэдкIэ кыщхьэщыкIырккым: зэрыщымыIэжым кыыхэкIыу «совет» фIэщыгъэщIэр хэкIыжащ, абы и щхьэусыгъуэкIэ 3-нэ Iыхьэри лей хьуащ, языныкьуэ гупхэр (8-9) зэгуигъэхьэжащ.

Зэрынэрылыагъуши, иджырей адыгэбзэм и щытыкIэр кыгъэлыагъуэу, нобэрей бзэщIэныгъэм кыгъэувахэм пэхьуу тематикэ гуэшыныгъэ ЖПЛ-м иIэккым. Абы кыдэкIуэуи кьэгъэлыгъуэн хуейщ ЖПЛ-м и тематикэ гуэшыныгъэм хэль гугъуагъхэр. Адыгэбзэм и ЖПЛ-м тематикэ гуп кыыхэгъэкIыныр зыкьомкIэ елытауэ щытщ. Апхуэдэу щIыщытыр ЖПЛ-м хыхьэ Iыхьэ нэхьыщхьэхэр «кьэралымрэ жылагъуэмрэ», «кьэралымрэ политикэмрэ», «кьэралымрэ хуитыныгъэмрэ», «кьэралымрэ властымрэ», «политикэмрэ экономикэмрэ», «жылагъуэмрэ властымрэ» зэхыхьэу зэрыщытыр аращ. Абы кьегъэлыагъуэ жылагъуэ-политикэ ухуэкIэр гугъуу зэрыщытыр икIи абы хыхьэ тематикэ гупхэр зэрыгуэшыгъуейр.

Тематикэ гупхэр кыщыхагъэкIкIэ мыхьэнэшхуэ егъэзащIэ компонент зэхэхуныгъэм, абыкIэ кьэхута мэхьу мыхьэнэ зиIэ бзэм и Iыхьэ нэхь цIыкIу дыдэр. Апхуэдэ бгъэдыхьэкIэкIэ зэпкьрыпхыфынуш псалъэ щхьэхуэхэр, мыхьэнэбэ псалъэхэм я мыхьэнэ зэхуэмыдэхэр, мыхьэнэ зэщхь зиIэ псалъэ гупхэмрэ гупкьуэжхэмрэ.

ЖПЛ гуэшыныгъэм теухуа къэхутэныгъэхэм я нэхъыбэм тематикэ гупхэм хыхьэ Ыхьэхэр зэкІэлъыгъэкІуа зэращІ Іэмал нэхъыщхьэу щытщ къебжэкІыр. Апхуэдэ ІэмалкІэ кыыхэбгъэкІыфыр тематикэ гупхэм я закъуэкъым, атІэ гуп къэс иІэ гупкъуэжхэри кыыхэгъэкІа мэхьу. А щыкІэмкІэ адыгэбзэм и ЖПЛ-м лексикэ-тематикэ гупу б кыыхыдогъэкІ:

1. Политикэ лексикэр нэхъ гуп ин дыдэщ. Мыбы хохьэ цІыху псоми е нэхъыбэм къагурыІуэ, псоми къагъэсэбэп псалъэхэмрэ жыІэгъуэхэмрэ: а) къэрал власть ІэнагІэхэм я фІэщыгъэцІэхэр; б) къулыкьухэм, къулыкьуцІэхэм зэреджэхэр; в) власть ІэнагІэхэм я унафэм ехьэлІахэр; г) къэралщІыб, къэралкІуэцІ политикэм епхэхэр; д) къэрал, къэрал власть дамыгъэхэр, нэщэнэхэр.

2. Политикэ партхэм, зэгухьэныгъэхэм, жылагъуэ зэщІэхьееныгъэхэм епха псалъэхэр: а) парт, зэгухьэныгъэ, жылагъуэ зэщІэхьееныгъэ зэхуэмыдэхэм я фІэщыгъэцІэхэмрэ абыхэм хэтхэм зэреджэхэмрэ; б) политикэ Іуэхугъуэхэм, акцэхэм ехьэлІахэр; в) хэхыныгъэм епха псалъэхэр.

3. Хуитыныгъэ лексикэм хыхьэхэм къагъэлыагъуэ: а) хуитыныгъэ, къалэн, мардэ; б) хеящІэ власть ІэнагІэхэр.

4. Дзэ-политикэ лексикэм хохьэ: а) зауэлІхэм, дзэ къулыкьуцІэхэмрэ дзэ гупхэмрэ ехьэлІахэр; б) зауэ Іуэхугъуэхэм епхэхэр; в) дзэ-политикэ зэгухьэныгъэ, зэгурыІуэныгъэ зэхуэмыдэхэр къэзыгъэлыагъуэхэр.

5. Жылагъуэ гъащІэм и псэкупсэ-хьэл ІуэхушІафэхэр къагъэлыагъуэ: а) щэнхабзэм, щІэныгъэм, егъэджэныгъэм, гъэсэнныгъэм, идеологием епха псалъэхэм; б) дунейеплбыкІэ-хьэл гурыІуэгъуэм ехьэлІа псалъэхэр; в) лъэпкъ зэмылІэужыгъуэхэм, социальнэ гупхэм я фІэщыгъэцІэхэм; г) диным епха псалъэхэм.

6. Экономикэм ехьэлІа псалъэхэр гуп зыбжанэ мэхьу: а) тхылымпІэ лъапІэхэм, ахьшэ Іуэхухэм епхэхэр; б) ахьшэ, мыльку зэгухьэныгъэхэм, ІуэхушІапІэ зэхуэмыдэхэм ехьэлІахэр; в) щэн-къэщэхуным, мыльку, ахьшэ зыщІыпІэ хэльхьэным епхэхэр.

Жылагъуэ-политикэ лексикэр кыыщахутэкІэ, адреЙ тематикэ псалъэ гупхэми хуэдэу, нэхъыщхьэу щытщ «мыхьэнэ губгъуэ» (семантическое поле) гурыІуэгъуэр. Абы къегъэлыагъуэ зы мыхьэнэ нэщэнэ зиІэ бзэм и занэхэр. Апхуэдэ «губгъуэм» нэрылыагъу ещІ дуней бзэтеплъэм и Ыхьэ пыухыкІа гуэр.

«Мыхьэнэ губгъуэм» ехьэлІа упщІэхэр хэку, нэгъуэщІ къэрал лексикэджхэм иджыри къэс щызэхэгъэкІауэ щыткъым. БзэщІэныгъэ псалъальэ-жэуапылъэм «мыхьэнэ губгъуэр» мыхьэнитІ иІэу кыыщыхьаш: 1. Іуэхугъуэ, щытыкІэ гуэрхэр къагъэлыагъуэу лексикэ занэхэр бзэм тематикэ гупу щызэгухьауэ: *зэман мыхьэнэ губгъуэ, щІыпІэ мыхьэнэ губгъуэ*, н.къ. 2. Мыхьэнэ пыухыкІа яІэу тематикэ сатыр къэзыгъэхьу псалъэхэмрэ жыІэгъуэхэмрэ. Зэман мыхьэнэ губгъуэ: *ильэс, мазэ, тхьэмахуэ, махуэ, жэщ, сыхьэт*, н.къ. [Розенталь, Теленкова 1985: 274]. Гу лытэн хуейщ мыхьэнэ губгъуэр бзэщІэныгъэм куэдрэ лексикэ-тематикэ гупым зэрыщыхуагъадэм.

БзэщІэныгъэм «мыхьэнэ губгъуэм» теухуауэ нэгъуэщІ еплбыкІэхэри щыІэщ, абыхэм я нэхъыбэр «губгъуэ бгъэдыхьэкІэм» епхаш. Литературэ щыІэр къэппщытэмэ, нэрылыагъу мэхьу псалъэ гупхэр кызырэыхагъэкІ щыкІэмрэ зэрагуэшымырэ мы зэманым зэщхьу, зыгуэрым теубыдауэ зэрыщымытыр. Гуэ-

шыныгъэм лъабжъэ хуэхъуа нэщэнэм елытауэ, бзэщIэныгъэлIхэм губгъуэ зэмылIэужьыгъуэхэр кыыхагъэкI: лексикэ-мыхъэнэ губгъуэ, лексикэ-мыхъэнэ гуп, тематикэ сатыр, синтагматикэ, зэгует, ассоциатив губгъуэхэр. Кыыхэгъэщыпхъэщ лексикэм и тематикэ гупхэр къэлъытэнымкIэ лексикэ-мыхъэнэ губгъуэр нэхъ тыншу зэрыщытыр.

Аращи, адыгэбзэм и ЖПЛ-р къэлъытэн хуейщ зы темэкIэ зэгухъэ, псалъэ лъэпкыгъуэ зэмылIэужьыгъуэхэр зыхыхъэ лексикэ-тематикэ псалъэ гупу. Мыбдежым зэпхыкIэ зэмылIэужьыгъуэхэр щыIэщ – парадигматикэ, ситагматикэ.

XX лIэщIыгъуэм ди къэралым и жылагъуэ-политикэ гъащIэм кыщыхъуа егъэлея зэхъуэкIыныгъэхэм къашащ жылагъуэ зэхэщIыкIымрэ адыгэбзэм хэт псалъэхэмрэ зэхъуэкIыныгъэшхуэ зэрагъуэтар. Ноби екIуэкI а зэхъуэкIыныгъэхэр зэхъэлIар политикэм и закъуэкIым, атIэ экономикэм, щэнхабзэм, нэгъуэщIхэми епхаш. ГъащIэм кыщыхъуэ зэхъуэкIыныгъэхэр нэрылъагъу щыхъур ЖПЛ-р аращ. Абы кыыхэкIыу иужьрей илъэсхэм бзэм елэжхэм ЖПЛ-м нэхъыбэ гулъытэ хуащIу зэрыщIадзар тэмэмщ. Иджырей ЖПЛ-р къэппщытэмэ, нэрылъагъу мэхъу ар зэрыхэхъуэр, зэрыбагъуэр, абы зэрызиужьыр, сыт хуэдэ социальнэ, экономикэ, политикэ, щэнхабзэ зэхъуэкIыныгъэ жылагъуэ гъащIэм щекIуэкIхэри щхъэусыгъуэ хуохъу псалъэщIэхэр къэхъуным.

Адыгэбзэм и ЖПЛ и хэкIыпIэ-хэхъуапIэу иджыри щытыр нэхъыщхъэу урысыбзэр аращ. Апхуэдэу урысыбзэр яхуытытщ ди къэралым щызекIуэ лъэпкыбзэ псоми я ЖПЛ-м, ар сэбэп мэхъу а фIэщыгъэщIэхэр зэщхъ, зэкIэлъыкIуэ, зэгъунэгъу хъуным. Абы кыкIыркыым жылагъуэ-политикэ псалъэщIэхэр къэгъэщIыным ехъэлIауэ езы бзэм и лексикэ Iэмалхэм кIэрыхуну. Уеблэмэ, лъэпкыым и зэхэщIыкIым, щэнхабзэм, псэукIэм зиужьыхукIэ, анэдэльхубзэми езым и Iэмалхэри нэхъыбэ хъунуш.

### ТЕГЪЭЩIАЩIЭХЭР

Апажев 1992 – *Апажев М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 336 с.

Апажев 2000 – *Апажев М.Л.* Современный кабардино-черкесский язык. Лексикология, лексикография. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 408 с.

Бачаева 2012 – *Бачаева С.Е.* Общественно-политическая лексика современного калмыцкого языка. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джанар», 2012. – 253 с.

Бурячок 1983 – *Бурячок А.А.* Формирование общего фонда социально-политической лексики восточнославянских языков: дис. ... докт. филол. наук: – Киев, 1983. – 436 с.

Голованевский 1989 – *Голованевский А.Л.* Роль социальной и идеологической оценочности в развитии общественно-политической лексики и фразеологии русского литературного языка // *Язык и общество.* – Вып. 8. – Саратов, 1989. – С. 9-22.

Джусоева 2017 – *Джусоева К.Г.* Возникновение и становление общественно-политической лексики осетинского языка (1900-1990 гг.). – Владикавказ: СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2017. – 150 с.

Жданова 1996 – *Жданова Л.А.* ОПЛ: структура и динамика: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 224 с.

Загребальный 2013 – *Загребальный А.В.* Лексика общественно-политической сферы русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном аспектах. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 248 с.

Ожегов 1986 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.

Протченко 1984 – *Протченко И.Ф.* Русский язык: проблемы изучения и развития. – М.: Педагогика, 1984. – 224 с.

Розенталь, Теленкова 1985 – *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

Солтаханов 2009 – *Солтаханов И.Э.* Становление и развитие общественно-политической лексики в нахских литературных языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 17 с.

Философский энциклопедический словарь 1989 – Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 816 с.

## REFERENCES

APAZHEV M.L. *Problemy kabardinskoi leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 336 s. (In Russ.).

APAZHEV M.L. *Sovremennyi kabardino-cherkesskii yazyk. Leksikologiya, leksikografiya* [Modern Kabardino-Circassian language. Lexicology, lexicography]. – Nal'chik: El'brus, 2000. – 408 s. (In Russ.).

BACHAEVA S.E. *Obshchestvenno-politicheskaya leksika sovremennogo kalmytskogo yazyka* [Socio-political vocabulary of the modern Kalmyk language]. – Elista: ZAO «NPP «Dzhanar», 2012. – 253 s. (In Russ.).

BURYACHOK A.A. *Formirovanie obshchego fonda sotsial'no-politicheskoi leksiki vostochnoslavyanskikh yazykov* [Formation of a common fund of socio-political vocabulary of the East Slavic languages]: dis. ... dokt. filol. nauk. – Kiev, 1983. – 436 s. (In Russ.).

GOLOVANEVSKII A.L. *Rol' sotsial'noi i ideologicheskoi otsenochnosti v razvitii obshchestvenno-politicheskoi leksiki i frazeologii russkogo literaturnogo yazyka* [The role of social and ideological evaluation in the development of socio-political vocabulary and phraseology of the Russian literary language]. In: *Yazyk i obshchestvo*. – Vyp. 8. – Saratov, 1989. – S. 9-22. (In Russ.).

DZHUSOEVA K.G. *Vozniknovenie i stanovlenie obshchestvenno-politicheskoi leksiki osetinskogo yazyka (1900-1990 gg.)* [The emergence and formation of the socio-political vocabulary of the Ossetian language (1900-1990)]. – Vladikavkaz: SOGU im. K. L. Hetagurova, 2017. – 150 s. (In Russ.).

ZHDANOVA L.A. *OPL: struktura i dinamika* [OPL: structure and dynamics]: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1996. – 224 s. (In Russ.).

ZAGREBAL'NYI A.V. *Leksika obshchestvenno-politicheskoi sfery russkogo yazyka nachala KhKh veka v semasiologicheskom i funktsional'nom aspektakh* [The vocabulary of the socio-political sphere of the Russian language of the early twentieth century in semasiological and functional aspects]. – Vologda: ISERT RAN, 2013. – 248 s. (In Russ.).

OZHEGOV S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. – M.: Russkii yazyk, 1986. – 797 s. (In Russ.).

PROTCHENKO I.F. *Russkii yazyk: problemy izucheniya i razvitiya* [Russian language: problems of learning and development]. – M.: Pedagogika, 1984. – 224 s. (In Russ.).

ROZENTAL' D. Je., TELENKOVA M.A. *Slovar' spravochnik lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary reference of linguistic terms]. – M.: Prosveshhenie, 1985. – 399 s. (In Russ.).

SOLTAKHANOV I.E. *Stanovlenie i razvitie obshchestvenno-politicheskoi leksiki v nakhskikh literaturnykh yazykakh* [Formation and development of socio-political vocabulary in the Nakh literary languages]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2009. – 17 s. (In Russ.).

*Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. – 816 s. (In Russ.).

**Авторым теухуауэ**

Хь.Ч. Жылэтеж – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат.

**Информация об авторе**

Х.Ч. Жилетежев – кандидат филологических наук.

**Information about the author**

Kh. Ch. Zhiletezhev – candidate of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 09.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 81.373.21  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-294-306  
EDN: XWPZHL

## СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПАРЕМИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ЗООКОМПОНЕНТОМ ИТ ‘СОБАКА’

Мусса Бахаутдинович Кетенчиев<sup>1</sup>, Алим Каншауович Аппоев<sup>2</sup>,  
Ахмат Магомедович Мизиев<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, [ketchiev@mail.ru](mailto:ketchiev@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

<sup>2</sup> Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, [appoev74@mail.ru](mailto:appoev74@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2654-8555>

<sup>3</sup> Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, [miz1967@mail.ru](mailto:miz1967@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6138-9379>

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию карачаево-балкарских паремических высказываний с зоонимическим компонентом *ит* ‘собака’, их структурно-семантических и этнокультурных особенностей. В работе отмечается, что такого рода синтаксические конструкции характеризуются многообразием в силу значимости собаки в традиционном укладе жизни социума. По этой же причине они вариативны, в них структурное варьирование определяется взаимозаменяемостью различных конstituентов предложения, выраженных именами, глаголами и оборотами. Указанное влияет в первую очередь на их парадигматику, в которой в большей степени представлены утвердительные и отрицательные конструкции. В карачаево-балкарском паремическом фонде преобладают пословичные структуры, построенные по образцам простых предложений. Свою нишу нашли пословицы, схожие со сложными предложениями, а также многочленные паремические высказывания. Все они маркируются в этно- и лингвокультурном отношении, выражая релевантный сегмент национальной картины мира. Разные культуры имеют семантические точки соприкосновения в вербализации отношения социума к собаке. Однако обнаруживают себя и специфичные в этнокультурном плане стереотипные в семантическом и лингвокультурном отношении высказывания, которые в определенной степени архаизировались. В реестре пословиц и поговорок карачаевцев и балкарцев обнаружены когнитивные характеристики, присущие не только собаке, но и человеку, что детерминируется особенностью ментальности этноса.

**Ключевые слова:** карачаево-балкарский язык, зоонимы, собака, паремические высказывания, структура, семантика, этнокультурное значение

**Для цитирования:** Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М. Структурно-семантические и этнокультурные особенности карачаево-балкарских паремических высказываний с зоокомпонентом *ит* ‘собака’ // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 294-306. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-294-306. EDN: XWPZHL.

---

© Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М. 2024

Original article

## STRUCTURAL-SEMANTIC AND ETHNOCULTURAL FEATURES OF KARACHAY-BALKARIAN PAREMIC STATEMENTS WITH THE ZOO COMPONENT IT “DOG”

Mussa B. Ketenchiev<sup>1</sup>, Alim K. Appoev<sup>2</sup>, Akhmat M. Miziev<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, [ketenchiev@mail.ru](mailto:ketenchiev@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

<sup>2</sup> Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, [appoev74@mail.ru](mailto:appoev74@mail.ru), <http://orcid.org/0000-0002-2654-8555>

<sup>3</sup> Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, [miz1967@mail.ru](mailto:miz1967@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6138-9379>

**Abstract.** The article examines Karachay-Balkarian paremic utterances with a zoonymic component “dog”, as well as their structural, semantic, and ethnocultural characteristics. According to the paper, such syntactic constructions are diverse because dogs are important in traditional society. For the same reason, they are variable, with structural variation determined by the interchangeability of the sentence’s constituents, represented by names, verbs, and phrases. This has a significant impact on their paradigmatics, as affirmative and negative constructions are more commonly represented. The Karachay-Balkarian paremic fund is dominated by proverbial structures modeled after simple sentences. Proverbs that resemble complex sentences, as well as polynomial paremic statements, have found their niche. All of them are ethno- and linguoculturally marked, representing a relevant segment of the global national picture.

**Keywords:** Karachay-Balkar language, zonyms, dog, paremic statements, structure, semantics, ethno-cultural significance

**For citation:** Ketenchiev M.B., Appoev A.K., Miziev A.M. Structural-semantic and ethnocultural features of karachay-balkarian paremic statements with the zoo component it “dog”. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 294-306. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-294-306. EDN: XWPZHL.

---

© Ketenchiev M.B., Appoev A.K., Miziev A.M. 2024

Значимой составляющей карачаево-балкарского языка является зоонимический пласт лексики, представляющий собой такую лингвистическую микро-систему, в которой находит отражение специфика мировосприятия этноса, показывающая как объективное, так и субъективное отношение носителей языка к окружающей действительности. Благодаря этому формируется так называемая языковая картина мира, интерпретируемая как «своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, влияющая на членение опыта и видение ситуаций и событий и т.п. через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка и включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но и в известной мере и правила их образования и функционирования» [Кубрякова 1997: 4]. Указанное имеет непосредственное отношение и к паремиям с зоонимическими компонентами.

Пословицы и поговорки с зоонимической лексикой нашли свою нишу в различных жанрах карачаево-балкарского устного народного творчества, о чем сви-

детельствуют различные хрестоматийные сборники текстов фольклора [Нарты 1994; КъМФ 1996 и др.]. В этом отношении небезынтересны и научные исследования в рамках фольклористики. Так, например, номинации представителей фауны, а также пословицы и поговорки, включающие в себя их названия, рассматриваются в связи с обращением к проблемам истории записи и публикации малых жанров фольклора карачаевцев и балкарцев [Гулиева (Занукоева) 2020]. Кроме того, они актуализируются и при решении вопросов, связанных с разграничением волшебных и анималистических сказок [Гулиева (Занукоева) 2019]. Релевантны и работы, в которых выявляются и описываются различные характеристики фольклорных зооморфных образов [Берберов 2013]. В литературоведческих же работах, исходя из анализа художественных произведений, животные, в том числе и собака, представлены как тотемные [Volatova et al. 2019].

На материале карачаево-балкарского языка написаны монографии, в которых в рамках семасиологии выявлены и описаны названия животных с точки зрения лексической семантики [Шаваева 2011; Эбзеева 2011]. В них приводится и паремиологический материал. В последние годы значительное внимание уделяется лингвокультурологическому, этнокультурному и другим аспектам зоонимической лексики, что отражено в целом ряде научных статей [Кетенчиев, Аппоев 2011; Кетенчиев 2015; Мусуков 2008; Текуев и др. 2018].

Актуальность статьи детерминирована релевантностью поливекторного исследования паремических высказываний с анималистическими компонентами, их важностью для раскрытия специфики карачаево-балкарской лингвокультуры.

Научная новизна статьи предопределяется тем, что в ней впервые в карачаево-балкарском языкознании исследуются особенности синтаксиса паремий с облигаторным конститuentом *ит* «собака», а также их этнокультурная маркированность.

Цель данной статьи заключается в многоаспектном анализе пословиц и поговорок, в которых закодирована этнокультурная информация, связанная с репрезентацией мировосприятия карачаево-балкарского этноса относительно фауны, в частности такого значимого для традиционного образа жизни социума одомашненного животного, как собака.

Декларируемая в статье цель достигается решением следующих задач: 1) выявление реестра паремий с компонентом *ит* «собака»; 2) рассмотрение их грамматических характеристик; 3) определение этнокультурной значимости подобных пословиц и поговорок.

Материалом для исследования послужили 210 паремий, которые выбраны из наиболее авторитетных сборников карачаево-балкарских пословиц и поговорок, составленных С.Ч. Алиевым [КъНС 1963] и А.З. Холаевым [МНС 1982].

Наряду с карачаево-балкарским языком лексема *ит* «собака» в данной форме употребительна в таких родственных тюркских языках, как азербайджанский, башкирский, караимский, киргизский, кумыкский, татарский, туркменский, турецкий и др. Эта форма зафиксирована как в кыпчакских, так и в древнеуйгурских памятниках письма [Севортян 1974: 385].

Рассматриваемой лексеме присуще еще значение «собачий (в позиции определения)» и функционирование в просторечии в качестве бранного слова.



Она выступает как производящая основа для образования слова *итлик* «подлость, подлый поступок», посредством которого образуются дескрипции-этнографизмы *итлик кёлек* «первая рубашка младенца (*ее надевают на новорожденного сроком на сорок дней*)», *итлик чач* «волосы первой стрижки младенца», что отражено в специальной лингвистической литературе [Аппоев 2004]. Лексема *ит* является составляющей некоторых сложных слов, которые являются зоонимами, фитонимами, терминами и т.п.: *ит ауруу* «горячка, всякая тяжелая заразная болезнь», *итбурун* «шиповник» (в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка), *ит дугъум* «паслен», *ит-тил-чапыракъ* «подорожник», *ит чибин* «оса».

В карачаево-балкарском языке имеются и фразеологические единицы с указанным выше словом: *ит биченге жатханлай* «(как) собака на сене», *ит бла кишитикча (жашайдыла)* «(живут) как кошка с собакой», *итден туугъан* «сукин сын», *итлени суугъа сюр* «гонять собак (на водопой)», *ит ылыгъын сына* «мучиться, страдать». Подобные фразеологизмы отражают поведение людей, отношения между ними и их состояние, на что указывается в соответствующей литературе [Хуболов 2018].

Конечно же, наибольшими функционально-семантическими возможностями зоолексема *ит* отмечена в составе пословиц и поговорок, которые, как и паремии в целом, характеризуются структурной вариативностью, чему в основном способствуют следующие факторы:

а) употребление в составе паремий морфем и послелогов со значением уподобления, к которым относятся *-лай/-лей, -ча, кибик, ушаиш*: *Итге атылгъан суюклей (суюкча, суюк кибик, суюкге ушаиш)* «Словно кость, брошенная собаке»;

б) взаимозаменяемость имен действия и причастий: *Аман бла сёлешу (сёлешген) – итге суюк атханлай* «Говорить с плохим (человеком), что бросать кость собаке»;

в) функционирование в качестве сказуемого как причастий будущего времени, так и личных форм глагола в форме настоящего времени: *Бёрюню баласы ит болмаз (болмайды)* «Детеныш волка собакой не станет»;

г) употребление в паремиях сказуемых различной структуры: *Ит телиси суудан бёрек умут этер* «Дурная собака надеялась от воды пирожок получить» – *Ит телиси суудан бёрек излей эди* «Дурная собака рассчитывала от воды пирожок получить»;

д) взаимозаменяемость дескрипций, имеющих структуру второго и третьего типов изафета: *Челек башы (челекни башы) ачыкъ болса, итге уят керекди* «Если крышка ведра открыта, собаке совесть нужна»;

е) употребление в значении множественности имен в единственном и множественном числе: *Ит (итле) жыйыны бирикмес* «Свора собак не объединится»;

ж) употребление синонимичных адъективных лексем: *Аман (осал) ит жашыртын къабар* «Плохая собака исподтишка кусает»;

з) взаимозаменяемость в составе сложной паремической конструкции имен в основном (в функции подлежащего) и винительном (в функции дополнения) падежах: *Жарлы туюге минсе да, ит къабар* «Несчастный если даже на вер-

блюда сядет, собака укусит» – *Жарлыны, туюге минсе да, ит къабар* «Несчастливого, если даже на верблюда сядет, собака укусит»;

и) взаимозаменяемость придаточных предложений, деепричастных и причастных оборотов: *Ит бла жатсанг, бюрче кирир* «Если лечь вместе с собакой, блохи заведутся (у тебя)» – *Ит бла жатханда бюрче кирир* «Когда ложишься вместе с собакой, блохи заведутся (у тебя)» – *Ит бла жатханнга бюрче кирир* «У того, кто ложится вместе с собакой, блохи заведутся».

Рассматриваемые паремические высказывания имеют формально-семантическую структуру, схожую с простыми и сложными предложениями. Большим функционально-семантическим потенциалом обладают пословицы и поговорки, построенные по образцам простых предложений. Их насчитывается 124 единиц, т.е. они составляют 59 %.

Являясь значимым компонентом конструкции, в таких предложениях субстантив *ит* «собака» выполняет ряд синтаксических функций:

1) подлежащего, выраженного формой основного падежа: *Ит жашыртын къабар* «Собака исподтишка кусает»; *Ит хантдан юлюш излей эди* «Собака от еды долю искала»; *Ит къулагын шагъат этер* «Собака свои уши свидетелем делает»;

2) прямого дополнения, выраженного формой винительного падежа: *Жюйрюк итни тюлкю суймез* «Гончую собаку лиса не полюбит»; *Къонакъ суймеген итин юскюрюр* «Не любящий гостя собаку натравит»; *Элинден чыкъгъан итни бёрю ашайды* «Собаку, покидающую территорию села, волк съедает»;

3) косвенного дополнения, выраженного формами дательного и исходного падежей: *Итге махтау жарашмаз* «Собаке похвала не подходит»; *Итден ит тууар* «От собаки собака рождается»;

4) определения, выраженного формой родительного падежа: *Итни къаргъышы бёрюге жетмез* «Проклятия собаки волку нипочем»; *Итни къарты – бёрюге аш* «Старая собака – добыча для волка»;

5) сказуемого в сочетании с именами или вспомогательными глаголами: *Адам дегенинг итни терисиди* «Человек – шкура собаки»; *Бёрюню баласы ит болмаз* «Детеныш волка собакой не станет».

Представленные выше паремии имеют расширенные структурные схемы и являются распространенными, т.е. в их состав входят не только главные конститuentы предложений, но и второстепенные. Наряду с ними распространению таких синтаксических конструкций способствуют:

1) определения, выраженные причастными оборотами: *Ит болмагъан жерде тюлкю юрюр* «Где нет собаки, там лиса будет лаять»;

2) прямые дополнения, выраженные причастными оборотами: *Башын сылагъанны ит да биледи* «И собака понимает глядящего ее по голове»;

3) косвенные дополнения, выраженные причастными оборотами: *Аман ит къуйругъун кесгенге жалыныр* «Плохая собака заискивает перед тем, кто его хвост отрезал»;

4) обстоятельства со значением уступки, выраженные вторичными деепричастиями: *Бёрю бала, асырагъанлыкъгъа, ит болмаз* «Детеныш волка, хоть будешь ее кормить, собакой не станет»;

5) обстоятельства со значением уступки, выраженные деепричастными оборотами: *Ит юргенликге, туман чачылмаз* «Хоть собака и будет лаять, туман не рассеется»;

6) обстоятельства образа действия, выраженные первичными деепричастиями: *Ит кючюк, ойнай-ойнай, къозу кесер* «Щенок, играясь-играясь, ягненка задерет»;

7) обстоятельства со значением условия, выраженные деепричастными оборотами: *Эл жатмай, ит тынмаз* «Пока село не уляжется, собака не успокоится»;

8) обстоятельства причины, выраженные инфинитивными оборотами: *Итге арыкълыгъын билдирмезге, бёрю сыртын кёндюрюр* «Чтобы не показать худобу собаке, волк спину выгнет»;

9) обстоятельства времени, выраженные деепричастными оборотами: *Итле къайыр болгъандыла, таякъла багъа болгъанлы* «Собаки злыми стали, как палки подорожали».

Вышеперечисленные типы конструкций являются полными, но для некоторых высказываний присуща и неполнота. В них обычно отсутствуют сказуемые элементы: *Къарт итге – къакъсы къуйрукъ* «Старой собаке – прогорклый курдюк»; *Къызгъанганынг – къызыл итге* «Что пожадничал – красной собаке».

В зависимости от того, какие части речи выполняют функцию сказуемого, простые паремические высказывания делятся на глагольные и именные. Ядерными конституентами первых выступают глаголы в личной и неличной формах: *Ач ит къаядан къоркъмайды* «Голодная собака скалы не боится»; *Бир сюекни юсюнде он ит талашыр* «Из-за одной кости десять собак передерутся»; *Ит жыйыны бирикмез* «Собачья свора не объединится».

К именным предложениям относятся конструкции со сказуемыми, выраженными различными именами, в том числе с глагольно-именными дескрипциями: *Бийни ачындан итни тогъу ашхы* «Чем голодный князь, лучше сытая собака»; *Ит арбазында къайыр* «Собака в своем дворе злая»; *Кеси арбазында ит да къайыр болады* «В своем дворе и собака злой бывает».

Паремии небезынтересны с точки зрения парадигматики. Для рассматриваемого реестра пословиц и поговорок наиболее актуальна парадигма по временам. В силу жанровой специфики среди них отсутствуют паремии, ориентированные на прошедшее время.

Репрезентации настоящего времени способствуют пословичные выражения со стержневыми компонентами, выраженными личными формами глагола в изъявительном наклонении: *Ашы жокъ юйню ит да суймейди* «Дом, где еды нет, и собака не любит»; *Ит да жатар жеринде тегерек айланады* «Собака тоже кружится вокруг места, где будет ложиться».

Вербализация будущего времени сопряжена с паремическими высказываниями, сказуемыми которых выступают причастия будущего времени на *-р* и *-з*: *Айланган ит сюек табар* «Бродячая собака кость найдет»; *Къызылы юйню ити чапмаз* «Собака дома, в котором девушки живут, не нападет».

Рассмотренные выше две группы паремий актуализируют оппозитивную парадигму по утверждению/отрицанию. Утвердительность выражается благодаря причастиям будущего времени на *-р*. В них маркер утверждения формально не представлен, т.е. является нулевым: *Къоркъакъ ит юйге жууукъ юрюр* «Трусливая собака ближе к дому залает»; *Итсиз сюрюуге бёрю чабар* «На стадо без собаки волк нападет». Отрицание же репрезентируется в силу употребления в роли сказуемого причастий будущего времени на *-з*, в составе которых употребителен маркер негации *-ма*: *Тагъылгъан ит уугъа жарамаз* «Собака на привязи для охоты не годится»; *Тойгъан ит иесин танымаз* «Насытившаяся собака хозяина не узнает». Такие конструкции без привязки к паремическому фонду рассмотрены в специальной научно-теоретической литературе [Кетенчиев 2013].

Поскольку в составе пословиц употребительны фразеологические единицы, такие конструкции являются фразеологизированными: *Ит адам итлик этер* «Плохой человек подлость проявит»; *Иш къылыгъын билмеген ит ыйлыгъын кёрюр* «Не знающий суть дела сильно мучиться будет»; *Иши болмагъан итлени суугъа сюрюр* «У кого нет дел, тот собак на водопой гоняет». Для таких конструкций присущи значения отношения, состояния, действия и т.д. Структурно-семантические характеристики подобных выражений подробно расписаны С.М. Хуболовым [Хуболов 2002].

23 паремических высказываний (11%) построены по моделям сложносочиненных предложений. Они в большей степени являются бессоюзными, к которым относятся конструкции типа *Атны къуйругъундан тутхан суудан ётер, итни къуйругъундан тутхан суугъа кетер* «Ухватившийся за хвост лошади через реку переплывет, ухватившийся за хвост собаки в воде утонет»; *Ат чаришде сыналыр, ит ыстауатда сагъынылыр* «Конь на скачках испытывается, собака в стойбище упоминается»; *Ит юрюр, жел элтир* «Собака лает, ветер уносит». Для таких конструкций в целом присущи отношения перечисления, хотя имплицитно имеет место и репрезентация сопоставительных отношений: *Ит иесин унутмаз, кишитик юйюн унутмаз* «Собака хозяина не забудет, а кошка свой дом не забудет».

Меньше представлены союзные паремические высказывания. В них обычно встречается сочинительный союз *да* «и, да»: *Ит сайлады да, суюкни алды* «Собака выбрала и кость взяла»; *Ит межгитге жийиргене эди, межгит да итге жийиргене эди* «Собака мечтью брезговала, мечеть тоже собакой брезговала».

В рассмотренных выше высказываниях в целом обнаруживается структурная полнота. Однако весьма часто обе составляющие сложносочиненных конструкций являются эллиптическими, неполными, в которых элиминируются сказуемостные элементы, полностью или частично: *Адам – туугъан жерине, ит – тойгъан жерине* «Человек – на родину, собака – в место, где наелась»; *Кеченг – бёрю, кюнюнг – ит* «Твоя ночь – волк, твой день – собака»; *Ахшы бла сёлешу – балгъа шекер атханлай, аман бла сёлешу – итге суюк атханлай* «Говорить с хорошим – словно кидать в мед сахар, говорить с плохим – словно кидать кость собаке».

Значительным функционально-семантическим потенциалом отмечены и паремии, имеющие структуру сложноподчиненного предложения. Их насчитыв-

вается 54 единиц, что составляет 25.7% от общего количества пословиц и поговорок с компонентом *ит* «собака». Зависимые компоненты таких паремических высказываний в основном являются придаточными условия, ядерными конституентами которых выступают:

а) простые сказуемые, выраженные глаголами условного наклонения во втором лице: *Иесин суйсенг, итине сюек бер* «Если любишь хозяина, дай кость его собаке»; *Итге ариу айтсанг, кьуйругьун булгьар* «Если скажешь собаке красивые слова, хвостом будет вилять»; *Итни кьуйругьун бассанг, аягьындан кьабар* «Если наступишь на хвост собаке, за твою ногу укусит»;

б) простые сказуемые, выраженные глаголами условного наклонения в третьем лице: *Ит семирсе, иесин кьабар* «Если собака наберет жир, хозяина укусит»; *Ит тойса, иесин таньмаз* «Если собака наестся, хозяина не признает»; *Ит улуса, эшекни кьарны бурур* «Если собака завоюет, у ишака в животе будет крутить»;

в) сказуемые, состоящие из имен и вспомогательных глаголов: *Ит, ач болса, ыстауатха кьарамаз* «Если собака будет голодной, за стойбищем следить не будет»; *Кьазанны башы ачыкъ болса, итге уят керекди* «Если крышка казана будет открыта, собаке совесть нужна»; *Итге чабыр этсенг, тишлери бла жыртыр* «Если для собаки чабуры изобразишь, зубами разорвет».

В некоторых же сложных конструкциях зависимые части представлены придаточными уступительными, в которых наличествуют сказуемые, выраженные глаголами условного наклонения в сочетании с частицей *да* «даже»: *Кьыйынлыны, туюге минсе да, ит кьабар* «Бедолагу, если даже на верблюда сядет, собака укусит»; *Итни кьуйругьун кенге салсанг да, тюзелмез* «Хвост собаки, если даже в колодку положить, он не выпрямится»; *Кьоянны аягьы итге ушаса да, эти уа халалды* «Хоть лапа зайца похожа на собаку, мясо его есть дозволено».

Свою нишу в паремическом фонде карачаево-балкарского языка нашли и так называемые многочленные синтаксические конструкции. Они представлены меньше чем все остальные типы пословичных выражений. Среди рассматриваемых паремий их обнаружено 9 единиц, которые составляют 4.3% из них. Некоторые из подобных высказываний представляют собой синтаксические конструкции, объединенные бессоюзной связью, в каждую часть которых входят сложноподчиненные предложения с придаточными условия: *Ахшы адам кьарт болса, жазылып кьалгьан накьыш кибик, аман адам кьарт болса, итге атылгьан чабыр кибик* «Если хороший человек постареет, он словно начертанный узор, если плохой человек постареет, он словно чабур, брошенный собаке»; *Жашны кьозутсанг, чабар, итни кьозутсанг, кьабар* «Если молодого подразнишь – нападет, если собаку подразнишь – укусит»; *Челекни башы ачыкъ болса, итге уят керекди, уялмаса уа, таякъ керекди* «Если крышка ведра будет открыта, собаке совесть нужна, если же совести нет, то палка нужна».

В ряде случаев употребительны четырехчленные конструкции, в которых наличествуют сложноподчиненные предложения с придаточными времени: *Ит, кьыш жайгьа чыкъсам, сюекден орун этер эдим дей эди да, жаз болса, унутуп*

къоя эди «Собака говорила, что когда перезимую, сооружу будку из костей, а когда наступала весна, забывала об этом».

Имеют место и трехчленные конструкции сложносочиненного характера, объединенные между собой как союзной, так и бессоюзной связью: *Ит биченнге жата эди да, кеси да ашамай эди, атха (ийнекге) да ашатмай эди* «Собака на сено ложилась, да сама тоже не ела и лошади (корове) есть не давала».

Трехчленные конструкции образуются и по модели «простое предложение + сложноподчиненное предложение с придаточным уступки»: *Насыплы кюнюн табар, къыйынлы туюге минсе да, ит къабар* «Счастливым удачу свою найдет, а бедолага, если даже на верблюда сядет, собака укусит». Иногда в эту модель входит сложноподчиненное предложение с придаточным причины: *Сюекни ашама, этни аша, сюекни ит ашайды* «Кость не ешь, мясо ешь, так как кость собака ест».

Паремии рассматриваемого типа охватывают все многообразие жизнедеятельности собаки, ее отношений с людьми и окружающим миром. Имеющийся фактологический материал дает возможность выявить целый ряд признаков когнитивного характера, связанных с этим животным. Отметим наиболее значимые из них, которые отражают определенный сегмент зоонимической картины мира, базирующейся на перцепциях носителей языка и их жизненном опыте.

1. **Собака предана своему хозяину:** *Иесин ит да сыйлайды* «Своего хозяина и собака почитает»; *Ит да иесине тартады* «Собака тоже к своему хозяину тянется»; *Ит иесин унутмаз* «Собака своего хозяина не забудет».

2. **Природа собаки не меняется:** *Ит итлигин этер* «Собака свое собачье дело сделает»; *Итден ит тууар* «От собаки собака рождается»; *Налат налатлыгыын, ит итлигин этмей къоймаз* «Подлец свою подлость, собака свое собачье дело обязательно сделают».

3. **Основой питания собаки являются кости (мясо):** *Итни тилеги къабыл болса, кёкден сюекле жауар эдиле* «Если бы желания собаки сбывались, с неба кости бы падали»; *Ит сюекден къачмаз* «Собака кости не сторонится»; *Итни сюек бла урсанг – сынсымаз* «Если ударить собаку костью, она скулить не будет»; *Иесин суйсенг, итине сюек бер* «Если хозяина любишь, отдай его собаке кость».

4. **Основная функция собаки сторожевая** (она обитает в местах, нуждающихся в охране): *Ат чаришде, ит ыстауатда сагъынылыр* «Коня на скачке, собаку в стойбище вспомнят»; *Ит арбазында къайыр* «Собака в своем дворе зла»; *Ит къорууланган жерге ёч* «Собака охраняемое место любит»; *Эл жатмай, ит тынмаз* «Пока село не уляжется, собака не успокоится».

5. **Собака приемлет сытость:** *Адам – туугъан жерине, ит – тойгъан жерине* «Человек – на родную землю, собака туда, где насытилась»; *Тойгъан жерде ит къалыр* «Там, где насытилась, собака остается».

6. **Собака любит ласку:** *Ариу айтсанг, ит да илешир* «Если говоришь ласковые слова, и собака чувствует»; *Башын сылагъанны ит да биледи* «Поглаживание по голове и собака понимает»; *Итни башын сыласанг, къуйругъун къымылдатыр* «Если погладишь собаку по голове, она хвостом будет вилять».

7. **Собаке присущ стайный инстинкт** (в основном при опасности): *Танымагъан эки ит, бёрюню кёрселе, танышырла* «Не знакомые друг с другом две собаки, увидев волка, объединятся»; *Элге бёрю кирсе, итле бары да бир болурла* «Если в село волки зайдут, все собаки объединятся».

Согласно мировосприятию карачаевцев и балкарцев, представленные выше характеристики являются универсальными для всех собак, однако в паремиях актуализируются и те признаки, которые присущи определенной их группе, например, некоторые пословицы и поговорки отражают поведение трусливой собаки: *Къоркъакъ ит жашыртын къабар* «Трусливая собака исподтишка укусит»; *Итни къоркъагъы юрюучю болур* «Трусливая собака лающей бывает»; *Къоркъакъ ит арбазында батыр болур* «Трусливая собака в своем дворе храброй бывает»; *Къоркъакъ ит тутханын бек тутар* «Трусливую собаку крепкая хватка отличает».

Многие характеристики собаки переносятся на человека, что способствует формированию стереотипных для социума этноспецифических зооморфных образов, причем в карачаево-балкарской лингвокультуре такие образы сигнализируют в целом о негативном отношении этноса к тем людям, которым приписываются признаки собаки: *Аман тиширыугъа аууз жетдирсенг, итча къабар* «Если плохой женщине что-то скажешь, она как собака укусит»; *Къатынынг огъурсуз болса, арбазынга ит такъма* «Если твоя жена будет злой, во дворе собаку не привязывай». Наиболее ярко данный факт обнаруживается в поговорочном фонде, т.е. в поговорках, имеющих структуру сравнительных дескрипций, которые вне контекста обычно не употребляются: *аман тишли ит кибик* «словно собака с ядовитыми зубами», *жашыртын къапхан итча* «словно собака, кусающая исподтишка», *итден къалгъан сюекча* «словно кость, оставшаяся от собаки», *ит туманнга юргенча* «лаять как собака на туман», *хуппегиден тойгъан итча* «словно собака, насытившаяся сывороткой» и т.п.

Таким образом, рассмотренный выше фактологический материал свидетельствует о том, что паремические высказывания с конституентом *ит* «собака», как и другие пословичные конструкции, характеризуются многообразием. В пользу этого говорит, с одной стороны, факт их варьирования в структурном отношении, связанный с взаимозаменяемостью различных компонентов. С другой стороны, в силу многочисленности и структурного разнообразия они подразделяются на три основные группы: а) паремии, формально представленные простыми предложениями; б) пословицы, которые строятся по образцам сложных предложений; в) многочленные паремические высказывания. Несмотря на некоторую универсальность восприятия собаки в различных лингвокультурах, данные устойчивые в употреблении высказывания имеют специфическую этнокультурную значимость. Они отражают не только отношение представителей карачаево-балкарского этноса к собаке, но и являются отчасти архаизированными стереотипными формально-семантическими структурами, репрезентирующими метафорические по своей природе значения, ориентированные на выражение мира человека. Работа имеет перспективу для дальнейшего скрупулезного научного анализа и других типов паремий, значимыми составляющими которых являются зоонимы, релевантные для жизнедеятельности карачаевцев и балкарцев.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Аппоев 2004 – *Аппоев А.К.* Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка. Нальчик. 2004. – 118 с. EDN: TZCVHZ.
- Берберов 2013 – *Берберов Б.А.* Зооморфные образы в карачаево-балкарской народной поэзии выселения // Вопросы Кавказской филологии. – 2013. – № 9. – С. 127-134. EDN: QGNQXL.
- Гулиева (Занукоева) 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* О разграничении карачаево-балкарских волшебных и анималистических сказок // Вопросы Кавказской филологии. – 2019. – № 12. – С. 158-164. EDN: IAZLLO.
- Гулиева (Занукоева) 2020 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* К истории записи и публикации малых жанров карачаево-балкарского фольклора // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2020. – № 4-1 (47). – С. 129-135. EDN: YAKENV.
- Кетенчиев 2013 – *Кетенчиев М.Б.* Парадигма утвердительного/отрицательного простого предложения в карачаево-балкарском языке // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 4 (66). – С. 123-127. EDN: QZJRQV.
- Кетенчиев 2015 – *Кетенчиев М.Б.* Зоолексемы как репрезентанты карачаево-балкарской языковой картины мира // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. – 2015. – № 16. – С. 623-635. EDN: RSMNRR.
- Кетенчиев, Аппоев 2011 – *Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К.* Этнокультурная составляющая зоолексемы «лошадь» в карачаево-балкарском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2 (162). – С. 106-109. EDN: NUPFNX.
- Кубрякова 1997 – *Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997. – 331 с.
- КъНС 1963 – Къарачай нарт сёзле (Карачаевские пословицы и поговорки) / сост. С.Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. – 484 с.
- КъМФ 1996 – Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор) / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 б.
- МНС 1982 – Малкъар нарт сёзле (Балкарские пословицы и поговорки) / сост. А.З. Холаев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 188 с.
- Мусуков 2008 – *Мусуков Б.А.* Лексико-семантическое поле слова ит ‘собака’ в тюркских языках // Имя. Социум. Культура: Материалы II Байкальской международной ономастической конференции. 2008. С. 35-37. EDN: RZIEGJ
- Нарты 1994 – *Нарты.* Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А.И. Алиева. – М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. – 656 с.
- Севортян 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с.
- Текуев и др. 2018 – *Текуев М.М., Хуболов С.М., Мизиев А.М.* Структурно-семантические особенности карачаево-балкарских топонимов с зоонимической основой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 10-1 (88). – С. 174-178. DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-1.36. EDN: YAKLHN.
- Хуболов 2002 – *Хуболов С.М.* Предложения с моновалентными предикатами-фразеологическими единицами в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Книга, 2002. – 147 с. EDN: USYCQO.
- Хуболов 2018 – *Хуболов С.М.* Карачаево-балкарская фразеология. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2018. – 120 с. EDN: YMEQLZ.
- Шаваева 2011 – *Шаваева Ш.А.* Зоонимическая лексика карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. 2011. – 114 с. EDN: QWUXFX.
- Эбзеева 2011 – *Эбзеева Ф.П.* Названия животных и птиц в карачаево-балкарском языке (сравнительно-историческое исследование). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 171 с. EDN: QKUIGJ.



Bolatova et al. 2019 – Bolatova A., Uzdenova F., Kerimova R. Totem beliefs in Karachay-Balkar folklore and literature // Journal of History Culture and Art Research. – 2019. – Vol. 8. – №1. – P. 223-227. DOI: 10.7596/taksad.v8i1.2057. EDN: ABHQJ.

## REFERENCES

APPOEV A.K. *Jetnograficheskaja leksika karachaevo-balkarskogo jazyka*. [Ethnographic vocabulary of the Karachay-Balkar language]. Nal'chik. 2004. – 118 p. (In Russ.)

BERBEROV B.A. *Zoomorfnye obrazy v karachaevo-balkarskoj narodnoj poezii vyseleniya* [Zoomorphic images in the Karachay-Balkar folk poetry of eviction]. IN: *Voprosy Kavkazskoi filologii*. – 2013. – № 9. – P. 127-134. (In Russ.)

BOLATOVA A., UZDENOVA F., KERIMOVA R. Totem beliefs in Karachay-Balkar folklore and literature // Journal of History Culture and Art Research. – 2019. – Vol. 8. – №1. – P. 223-227. DOI: 10.7596/taksad.v8i1.2057. (In Engl.)

EBZEEVA F.P. *Nazvaniya zhivotnykh i ptits v karachaevo-balkarskom yazyke (sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie)* [Names of animals and birds in the Karachay-Balkar language (comparative historical research)]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 171 p. (In Russ.)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.KH. *O razgranichenii karachaevo-balkarskikh volshebnykh i animalisticheskikh skazok* [On the differentiation of Karachay-Balkarian magical and animalistic fairy tales]. IN: *Voprosy Kavkazskoi filologii*. – 2019. – № 12. – P. 158-164. (In Russ.)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.KH. *K istorii zapisi i publikatsii malykh zhanrov karachaevo-balkarskogo fol'klora* [On the history of recording and publishing small genres of Karachay-Balkar folklore]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanii*. – 2020. – № 4-1 (47). – P. 129-135. (In Russ.)

KETENCHIEV M.B. *Paradigma utverditel'nogo/otritsatel'nogo prostogo predlozheniya v karachaevo-balkarskom yazyke* [The paradigm of the affirmative/negative simple sentence in the Karachay-Balkar language]. IN: *Vestnik VEGU*. – 2013. – № 4 (66). – P. 123-127. (In Russ.)

KETENCHIEV M.B. *Zooleksemy kak reprezentanty karachaevo-balkarskoj yazykovo-kartiny mira* [Zoolexemes as representatives of the Karachay-Balkar linguistic worldview]. IN: *Motif Akademi Halkbilimi Dergisi*. – 2015. – № 16. – P. 623-635. (In Russ.)

KETENCHIEV M.B., APPOEV A.K. *Etnokul'turnaya sostavlyayushchaya zooleksemy "loshad'" v karachaevo-balkarskom yazyke* [The ethnocultural component of the zoolexeme "horse" in the Karachay-Balkar language]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. – 2011. – № 2 (162). – P. 106-109. (In Russ.)

KHUBOLOV S.M. *Predlozheniya s monovalentnymi predikatami-frazeologicheskimi edinit'sami v karachaevo-balkarskom yazyke* [Sentences with monovalent predicates are phraseological units in the Karachay-Balkar language]. – Nal'chik: Kniga, 2002. – 147 p. (In Russ.)

KHUBOLOV S.M. [Karachay-Balkar phraseology]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii gosudarstvennyi universitet, 2018. – 120 p. (In Russ.)

KUBRYAKOVA E.S. *Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya* [Parts of speech from a cognitive point of view]. – Moscow, 1997. – 331 p. (In Russ.)

*K"arachai nart sezle* [Karachai proverbs and sayings] / Compiled by S.C. Aliyev. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 484 p. (In Karach.-Balk.)

*K"arachai-malk"ar fol'klor* [Karachay-Balkar folklore] / Compiled by T.M. Khadzheva. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 592 p. (In Karach.-Balk.)

*Malk"ar nart sezle* [Balkarian proverbs and sayings] / Compiled by A.Z. Kholaev. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 188 p. (In Karach.-Balk.)

MUSUKOV B.A. *Leksiko-semanticheskoe pole slova it 'sobaka' v tyurkskikh yazykakh*. [Lexico-semantic field of the word it 'dog' in Turkic languages]. Imya. Sotsium. Kul'tura: Materialy II Baikal'skoi mezhdunarodnoi onomasticheskoi konferentsii. 2008. P. 35-37. (In Russ.)

*Narty. Geroicheskij epos balkarcev i karachaevev* [Narts. The heroic epos of balkarians and karachais] / Executive editor A.I. Alieva. – Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1994. – 656 p. (In Karach.-Balk. and in Russ.)

SEVORTYAN E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological Dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic vowel bases)]. – Moscow: Nauka, 1974. – 767 p. (In Russ.)

SHAVAEVA SH.A. *Zoonimicheskaya leksika karachaevo-balkarskogo yazyka* [Zoonymic vocabulary of the Karachay-Balkar language]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 114 p. (In Russ.)

TEKUEV M.M., KHUBOLOV S.M., MIZIEV A.M. *Strukturno-semanticheskie osobennosti karachaevo-balkarskikh toponimov s zoonimicheskoi osnovoi* [Structural and semantic features of Karachay-Balkarian toponyms with a zoonymic basis]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2018. – № 10-1 (88). – P. 174-178. DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-1.36. (In Russ.)

#### **Информация об авторах**

М.Б. Кетенчиев – доктор филологических наук.

А.К. Аппоев – кандидат филологических наук.

А.М. Мизиев – доктор филологических наук.

#### **Information about the authors**

M.B. Ketenchiev – Doctor of Science (Philology).

A.K. Appoev – Candidate of Science (Philology).

A.M. Miziev – Doctor of Science (Philology).

**Вклад авторов:** все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 10.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 811.512.142  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-307-316  
EDN: YCWAPC

## ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СЛОВА БАШ/БОШ 'ГОЛОВА', 'НАЧАЛО' В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Борис Абдулкеримович Мусуков<sup>1</sup>, Фатимат Пахаратовна Эркенова<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, [bmusukov@bk.ru](mailto:bmusukov@bk.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1765-0176>

<sup>2</sup> Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, [rustam.semenov.1990@mail.ru](mailto:rustam.semenov.1990@mail.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена полиаспектному исследованию функционально-семантических особенностей фондовых единиц морфологии различной сложности, образованных с помощью многозначного имени существительного *баш/бош* в различных фонетических вариантах, известного в тюркских языках своей употребительностью с древнейших времен, со времени памятников древнетюркской письменности.

В работе анализируются идиомы фразеологического типа, образованные в результате потери свободными словосочетаниями компонентного значения. В ней рассматриваются эллиптированные формы, образованные в процессе потери словом *баш/бош* формы 3 л. ед. ч. Фонетической особенностью слова *баш/бош* в тюркских языках является то, что в них во всех сохраняется единая форма, кроме узбекского.

В статье обращается внимание на особенности выборочного сочетания синтаксических конструкций со словом *баш/бош* с инвентарными единицами морфологии.

**Ключевые слова:** общетюркская лексема, заднерядный вокализм, гармония гласных, морфологическая особенность, эллиптированная форма, контекстуальное окружение.

**Для цитирования:** Мусуков Б.А., Эркенова Ф.П. Формально-семантическая парадигма слова баш/бош 'голова', 'начало' в тюркских языках // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 307-316. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-307-316. EDN: YCWAPC.

© Мусуков Б.А., Эркенова Ф.П., 2024

Original article

## FORMAL-SEMANTIC PARADIGM OF THE WORD BASH/BOSH 'HEAD', 'BEGINNING' IN TURKIC LANGUAGES

Boris A. Musukov<sup>1</sup>, Fatimat P. Erkenova<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Institute for Humanitarian Research – branch of the Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, [bmusukov@bk.ru](mailto:bmusukov@bk.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1765-0176>

<sup>2</sup> Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies named after. H.H. Napsirokova, Cherkessk, Russia, [rustam.semenov.1990@mail.ru](mailto:rustam.semenov.1990@mail.ru)

**Abstract.** The article is devoted to a multi-aspect study of the functional-semantic features of stock units of morphology of varying complexity, formed with the help of the polysemantic noun *bash/bosh* in various phonetic variants, known in Turkic languages for its usage since ancient times, since the monuments of ancient Turkic writing.

The work analyzes idioms of phraseological type, formed as a result of the loss of component meaning by free phrases. It examines elliptical shapes formed in the process of losing the word *bash/bosh* form 3 l. units h. The phonetic feature of the word *bash/bosh* in the Turkic languages is that they all retain a single form, except for Uzbek.

The article draws attention to the features of selective combination of syntactic constructions with the word *bash/bosh* with inventory units of morphology.

**Keywords:** common Turkic lexeme, back-row vocalism, vowel harmony, morphological feature, elliptical form, contextual environment.

**For citation:** Musukov B.A., Erkenova F.P. Formal-semantic paradigm of the word *bash/bosh* ‘head’, ‘beginning’ in turkic languages. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 307-316. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-307-316. EDN: YCWAPC.

---

© Musukov B.A., Erkenova F.P., 2024

### *Введение*

Многозначная общетюркская лексема *баш* ‘голова’; ‘начало’, употребляемая в основном в вариантах с заднерядным вокализмом (*баш-бош* (узб.), в тюркских языках встречается в двух основных формах: 1) в карачаево-балкарском, башкирском, татарском, караимском, киргизском, каракалпакском, ногайском и других в варианте с заднерядным вокализмом *баш* ‘голова’, ‘начало’; 2) в узбекском языке с заднерядным вокализмом *бош* ‘голова’; 3) во всех отмеченных языках варианты *баш* и *бош* с заднерядным вокализмом употребляются в позиции определения.

Сохранение гармонии гласных в общетюркских вариантах *баш* и *бош* свидетельствует о том, что эти немотивированные фондовые единицы морфологии не являются производными.

Слово *баш/бош* в тюркских языках, начиная со времени памятников древнетюркской письменности активно участвует в образовании не только нарицательной лексики, но и широкоупотребительных ономастических терминов, имеющих тесную связь с этнографическими, историко-культурными, географическими особенностями тюркских народов.

Слово *баш/бош* в тюркских языках выступает как физико-географический апеллатив в топонимии. Оно участвует в образовании свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, парно-повторных конструкций по модели полной редупликации. Данная лексема участвует в образовании сложных неделимых единиц способом словосложения. В образовании новых лексем с помощью слова *баш/бош* участвуют и инвентарные единицы морфологии – *-ла/-ле, -лан/-лен*.

В словаре В.В. Радлова приводятся многочисленные аффиксальные и словосложительные модели, образованные с помощью слова *баш* в тюркских языках. В этой работе слово *баш* употребляется в нескольких значениях. Первым и основным в ней является значение ‘голова’: *баш аурта* (кас.) [Радлов 1911:

1546] (ср. подобную конструкцию и в современном башкирском языке, например, *баш ауырта* ‘голова болит’ [Башкирско-русский словарь 1996: 78]); *баш агрысы* (*osm.*) ‘головная боль’ [Радлов 1911: 1546] (в современном состоянии татарского языка встречается изафетное словосочетание *баш авырыуы а)* ‘головная боль’; б) перен. ‘хлопоты’; ‘суета’ [Татарско-русский словарь 1966: 61]; такое же словосочетание можно найти и в современном башкирском языке, например, *баш ауырыуы* ‘головная боль’ [Башкирско-русский словарь 1996: 78]); *баш сөжөгй* (*kas.*) ‘череп’ [Радлов 1911: 1546] (ср. в современном татарском языке словосочетание изафетного типа *баш сөяге анат. а)* ‘череп’; б) ‘черепной’ [Татарско-русский словарь 1966: 61]; такая же общетюркская конструкция встречается и в современном башкирском языке, например, *баш һөйәге* ‘череп’ [Башкирско-русский словарь 1996: 78]; в современном узбекском языке тоже употребляется словосочетание *бош косаси* ‘черепная коробка’ [Узбекско-русский словарь 1959: 83]); *баш арты* (*kas.*) ‘затылок’ [Радлов 1911: 1546]; (в современном узбекском языке тоже встречается изафетное словосочетание, употребляемое в значении ‘затылок’ например, *бош орқаси* [Узбекско-русский словарь 1959: 83]); *баш ашагы* (*osm.*) ‘головой вниз’; *баш түбәсі* (*kas.*) ‘темя’; *баш баша олмак* (*osm.*) ‘стоять друг против друга’, ‘иметь свидание’; *баш баша вәрмәк* (*osm.*) 1) ‘советоваться’, 2) ‘менять’; *баша баш гәлмәк* ‘сойтись как раз без убытка и без выигрыша’; *баш баша вәрмәјинцә иш битмәс* (*osm.*) ‘только посоветуясь, можно окончить дело’, *баш бауламак* ‘покрываться, убрать голову, решиться’, *ачык баш* (*osm.*) ‘упрямый’; *башы катты* (*trkm.*) ‘крепкоуздый’; *башы коушок* (*trkm.*) ‘слабоуздый’; *бір гәнді башың алып; гйдацәксін* (*krt.*) ‘ты теперь один хочешь уйти’ [Радлов 1911: 1546–1547].

В тюркских языках сложные слова с помощью лексем *баш/бош* образуются способами примыкания и сочинительного согласования.

### Основная часть

Соматизм *баш* ‘голова’ в некоторых тюркских языках, к примеру в башкирском, в сочетании с другим словом-соматизмом *аяк* ‘нога’ участвует в образовании редуцированной конструкции с собирательно-обобщенным значением: *баш-аяк* 1) собир. ‘голова и конечности’ (мясной туши); ‘голье’; 2) в притяжательной форме ‘всего; в целом’; *баш-аягы бер станок бар* ‘имеется всего один станок’; *бәләһән баш-аяк* ‘от греха подальше’.

Соматизм *баш* ‘голова’, сочетаясь со словом *баштак* также образует усиленную конструкцию: *баш-баштак* с атрибутивным значением ‘своевольный, самовольный, самоуправный’; *баш-баштак кеше* ‘самовольный человек’ [Башкирско-русский словарь 1996: 78–79].

Необходимость употребления редуцирующего компонента в парноповторных конструкциях мотивируется тем обстоятельством, что он вносит в общую структуру компонентно-собирательные семантические оттенки, тяготеющие к оттенкам идиом фразеологического типа.

Синтагматической особенностью слова *баш* ‘голова’ в тюркских языках является то, что с его участием образованы усиленные конструкции, употребляемые в обобщенно-собирательном значении. Такие конструкции имеют

место и в карачаево-балкарском языке. К их числу относятся следующие: *баш-аякъ (-гъы)* ‘голова и ноги (забитого животного)’, *башдан-аякъ* ‘[всё] подряд, с головой до ног’ [Карачаево-балкарско-русский словарь 1989: 124]; *башлы-тюблю: абыныб башлы-тюблю болуб кетди* ‘он споткнулся и полетел кувырко-ком’; *башлы-тюблю болургъа* а) ‘кувыркнуться, упасть’; б) перен. ‘расстроиться, разругаться; подражаться’ [Карачаево-балкарско-русский словарь 1989: 125]. В балкарском варианте карачаево-балкарского языка встречается другое словосочетание, в котором первый компонент отмеченной конструкции выступает постпозиционно, например, *тюплю-башлы* ‘двухэтажный’ [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005: 660].

Словосочетание *тюплю-башлы*, употребляемое в обоих компонентах, сочетаясь с аффиксом наличия в фонетическом варианте *-лы/-ли*, участвует в образовании идиом фразеологического типа, например, *тюплю-башлы бол* ‘перевернуться вверх дном, перекувырнуться’ [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005: 660]. В таком же значении выступает и другая конструкция, функционирующая без аффиксов, например, *тюп-баш бол* ‘перевернуться вверх дном, перекувырнуться’ [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005: 659].

Кроме того, в карачаево-балкарском языке образуются усилительные конструкции с компонентами *тюп-баш* в изафетной форме, которые являются составной частью лексикализованных предложений, например, *тюбю башына буурлду (айланды, болду)* [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005: 659].

Можно обратить внимание и на другие лексикализованные конструкции, в которых слово *баш* употребляется препозиционно, например, сочетаясь со словом *тюп* ‘низ, дно, основание, подножие’, *башын тюбюне айландыр* 1) ‘переворачивать вверх дном’; 2) ‘разрушить до основания’. В таком же лексикализованном значении выступает и другая конструкция: *башын тюбюне эт* [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996: 370].

Усилительные конструкции *баш-тюп, тюп-баш* могут быть морфологизированы аффиксом отсутствия *-сыз*, например, *башсыз-тюпсюз* ‘неконкретный, неопределенный, бессистемный’ (имя прилагательное); *башсыз-тюпсюз* ‘неконкретно, неопределенно, бессистемно’ (наречие) [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996: 374]. В этом же значении употребляется и удвоенная параллельная конструкция *башсыз-аякъсыз* ‘неконкретный, неопределенный, бессистемный’ [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996: 374].

Собирательные имена существительные-повторы со словом *баш* в карачаево-балкарском языке образуются не только способом фонеморфологических изменений с помощью слова - эхо (например, *баш-маш* ‘голова и другие’, но и способом прямого сочетания соединяющихся компонентов. В большинстве случаев в конструктивных связях функцию опорного слова выполняет лексема *баш*. Двучленная структура усилительных конструкций, распространенных в тюркских языках, основана на параллелизме двух понятий, обозначаемых двумя именами существительными. Семантико-синтаксический параллелизм сочетающихся частей усилительных конструкций имеет и грамматическое (морфо-

логическое) оформление. Словообразовательный параллелизм, то есть наличие деривационного аффикса *-лы/-ли*, имеющий основополагающее значение, является наличием полного или частичного звукового тождества, отличительной особенностью трансформированного повтора.

В киргизском языке также встречаются усилительные конструкции со словом *баши*, употребляемые в составе предложений в переносном значении, например, *баши-көз бол* ‘присматривать за кем-чем-л., стеречь кого-что-л.’ [Киргизско-русский словарь 1965: 119]; *баши-оту менен* ‘целиком, полностью’; *баши-оту менен бердим* ‘я отдал в полную собственность’; *эгер эмдиги жылы да тааныбасаң-балаң баши-оту менен меники* (из сказки) ‘если ты и на будущий год не узнаешь (его), то сын твой будет моим собственным’; *сага баши-отум менен кул болоюн* (из сказки) ‘я стану полностью твоим рабом’; *башы-көтү кылып таштаптыр* груб. ‘он перевернул все вверх дном’ [Киргизско-русский словарь 1965: 119]; (ср. в карачаево-балкарском языке конструкцию *көтү-башы да* в изафетной форме со значением ‘всего лишь, всего-то’ в определении количества чего-либо; данный термин употребляется в народном языке как грубое слово, выражение, в словарях не зафиксирован); *баш-аягына карабай* ‘очертя голову’; *баш-аягына карабастан качкан* ‘бежал без оглядки’; *баш-аягы* или груб. *башы-көтү* ‘шиворот-навыворот’; *сен баарын баш-аягы* (или *башы-көтү*) *кылдың* ‘ты все сделал шиворот-навыворот’; *башы-көзүнө карабай сабады* ‘он бил нещадно; он бил, не разбирая где голова и где глаза’ [Киргизско-русский словарь 1965: 119]; *үстү-баш* или *үст* ‘одежда’; *үстү-башы дурус* ‘он прилично одет’; *үстү-баш* или *жупуну* ‘он очень просто одет’ [Киргизско-русский словарь 1965: 825]; (ср. в карачаево-балкарском языке две конструкции: *юс-баш* ‘одежда’; в изафетной форме *юсю-башы игиди* ‘он одет хорошо’ [Карачаево-балкарско-русский словарь 1989: 786].

В киргизском языке употребляется поговорка *башына тартса – аягына, аягына тартса, башына жетпейт* ‘натянет на голову – на ноги не хватает, натянет на ноги, на голову не хватает; нос вытянет, хвост увяз, хвост вытянет, нос увяз’ [Киргизско-русский словарь 1965: 708].

Морфологической особенностью соматизма *баш* ‘голова’ в тюркских языках, сочетающегося с цветообозначающим прилагательным *акъ* ‘белый’, является то, что он употребляется в форме принадлежности 3 л. ед. числа в значении ‘его голова’, называемой изафетной.

Синтаксической особенностью соматизма *баш* ‘голова’ в тюркских языках, сочетающегося с атрибутивной основой *акъ* ‘белый’, является то, что в потоке речи теряется форма 3 л. ед.ч. и образуется своеобразная эллиптированная форма *башакъ* ‘голова белая’.

Интегрирующей фонетической особенностью самого употребительного соматизма в тюркских языках *баш* является то, что в них во всех сохраняется единая форма, кроме узбекского, в котором эта единица имеет несколько измененную форму под влиянием таджикского языка.

Интегрирующей лексико-семантической особенностью сочетания соматизма *баш* ‘голова’ и цветообозначающего прилагательного *акъ/ак* ‘белый’ в тюркских языках является то, что теряется компонентное значение, в результа-

те чего появляется новое единое значение, тяготеющее к значению идиом фразеологического типа.

Слово *баиш* употребляется и в составе атрибутивных словосочетаний как компонент географических названий, растений.

Слово *баиша*, образованное от сочетания соматизма *баиш* и аффикса дательного-направительного падежа *-ха* и изолированное от основного своего значения, отмечается среди лексических единиц и в словаре В.В.Радлова, однако нет указания на то, что оно употребляется в послеложном значении [Радлов 1911: 1546–1661].

Формально-семантическая парадигма соматизма *баиш* ‘голова’ в тюркских языках употребляется в значении послелога.

Одной из универсальных особенностей употребления соматизма *баиш* ‘голова’ в тюркских языках является то, что он выступает в функции послелога. Другой его отличительной особенностью, скорее словообразовательной, является то, что к нему присоединяется словообразовательный аффикс. Образовавшаяся производная основа также выполняет функцию послелога. В этой функции он встречается в следующих языках:

В башкирском языке по своей структуре послелоги делятся на две группы: 1) собственно послелоги; 2) послелоги, образованные от различных частей речи: а) послелоги – изолированные формы имен. В числе этих служебных частей речи встречается факультативная основа *башка* – послелог, употребляемый в исходном падеже со значениями ‘*кроме, помимо, исключая, за исключением*’: *унан башка бөтәһе лә килде* ‘*кроме него все пришли*’; *һинән башка* ‘*кроме тебя, помимо тебя*’ [Башкирско-русский словарь 1996: 79]. Послелог *башка*, образованный от соматизма *баиш* ‘голова’, по отношению к форме исходного слова, употребляется в самостоятельном значении.

В зависимости от падежной формы управляемых слов послелога делятся на несколько групп. Послелог *башка* находится в составе служебных единиц, управляющих исходным падежом.

Послелог *башка* со значением ‘*кроме*’ выражает:

1) ограничение, конкретизацию: *Минән башка бер кемгә лә күренмәй* ‘*кроме меня он никому не показывается*’;

2) выделение, акцентирование: *һуғыштан башка хәбәрҙәр артык колакка салынманы* «*Не воспринимались никакие события, кроме войны*» [Грамматика современного башкирского литературного языка 1981: 327].

По своему происхождению послелог *башка* является формой дательного падежа, образованной от существительного *баиш* ‘голова’; ‘*начало*’, причем эта форма изолировалась от первоначального существительного, приняв свое отдельное значение.

В башкирском языке, как и в других тюркских языках, отмечаются четыре фазы морфологического развития слова, одновременно характеризуемые семантическими и фонетическими особенностями.

Слово *баиш* прежде всего является отдельным словом, входящим в состав и знаменательных и незнаменательных частей речи. Отдельно слово характеризуется тремя основными признаками:



1) Полнозначной семантикой, т.е. реальное смысловое содержание, связано с определенным предметом или его признаками. В том отношении отдельное слово *баш* может употребляться самостоятельно, т.е. находиться в определенном контексте или вне его.

2) Отдельное слово *баш* обладает стабильным звуковым составом, т.е. в его составе не может быть звуковых вариаций, как это отмечается в аффиксах, связанных с законом сингармонизма.

К особенностям морфологического развития слова *баш* 'голова' в тюркских языках относится то, что к нему присоединяются как словообразовательные, так и словоизменительные аффиксы. С его помощью образуются новые слова и формы слов, однако его денотативное значение сохраняется в семантической структуре дериватов.

Употребляясь в дательном падеже, соматизм *баш* выполняет функции двух различных частей речи: 1) имени прилагательного со значением 'другой, иной' и 2) послелого. В первом случае появление нового значения является результатом семантизации этимологического значения. Употребление в функции послелога является результатом десемантизации первоначального значения и контекстуальной детерминации слова *баш* как линейной единицы немотивированных знаков языка.

3) Слово *баш* 'голова' как в самостоятельном употреблении, так и факультативном в значении послелога, или же в качестве производящей основы для другого послелога, имеет свое самостоятельное ударение.

4) Слово *баш* 'голова' как в качестве знаменательной части речи, так и служебной, с морфологической стороны участвует в словоизменительных процессах, т.е. выявляет особенности полного морфологического изменения по всем тем категориям, которые свойственны как имени существительному, так и послелогу. Так, например, самостоятельное слово *баш* 'голова', принадлежащее к группе существительных и послелог *баш* могут изменяться по схеме категории склонения, принадлежности. Переход имени существительного *баш* 'голова' в результате различных лексико-семантических трансформаций в категорию служебных частей речи следует считать определенной частью морфологического развития этого слова. Служебно-послеложное слово *баш* и самостоятельное слово *баш* 'голова' имеют и свое сходство, и свое отличие. Как и знаменательное слово *баш* 'голова', послелог *баш* обладает способностью полного морфологического изменения, стабильным фонетическим составом и постоянным ударением. Другими словами, служебное слово *баш* ничем не отличается от самостоятельного слова *баш* 'голова' с точки зрения формы. Их отличительная особенность заключается в том, что если самостоятельное слово *баш* 'голова' участвует в словообразовательных процессах, к примеру, *баш+лы* 'головастый', *баш+сыз* 'безголовый', *баш+лыкь* 'головной убор в виде накидки', *баш+ла* 'начинать', *баш+ла+н* 'начинаться', то послелог *баш* не выявляет словообразовательных особенностей [Карачаево-балкарско-русский словарь 1989: 124–125].

Существенная разница между самостоятельным словом *баш* 'голова' и послелогом *баш* заключается в том, что первое слово с точки зрения смыслового

содержания имеет чисто предметную семантику, в то время как послелог, выступающий в категории служебных слов, выражает только грамматическое значение и грамматические отношения между словами.

К примеру, если взять выражение *жер башында* со значением 'на земле' второе слово *башында* формально выступает таким же существительным как *баш* 'голова', которое употребляется в местном падеже: *башында 'на верху его'*. Форма *башында* тем не менее не выступает в значении 'на верху его', а употребляется исключительно как грамматический элемент, выражающий грамматические отношения. Характерно, что служебное имя *баш*, выступающее в значении послелога, указывает на пространственные отношения и поэтому стоит в одном из трех «пространственных» падежей (дательный, местный, исходный). Употребляясь же в каком-либо из других падежей, слово *баш* выступает как самостоятельное слово, а не как служебное. Пример: *жерни башы кьардан толгъанды 'поверхность земли покрыта снегом'*.

Таким образом, слово *баш* употребляется в двух параллельных функциях: 1) функции самостоятельного слова и 2) функции служебного слова. Причем во втором случае изменение по падежам имеет ограничения, связанные с тремя признаками, характеризующими самостоятельное слово.

Слово *баш* в карачаево-балкарском языке употребляется препозиционно в изафетной форме, сочетаясь с другим именем существительным, например: *башы-аягъы, башын-аягъын, башсыз-аякъсыз 'несобранный человек' башы-тюбюне* 1) 'вниз головой; вверх тормашками', 2) 'вверх дном' [Карачаево-балкарско-русский словарь 1989: 127]. Усилительные конструкции встречаются и в башкирском языке: *баш-аяк* 1) *собир. 'голова и конечности (мясной туши)'; 'гольё'*; 2) в притяжательной форме 'всего', 'в целом' [Башкирско-русский словарь 1996: 78–79]. Кроме того, в этом языке встречаются и другие конструкции полного повтора: *баш-баштак 'своевольный, самовольный, самоуправный'; баш баштак кеше 'самовольный человек'; баш-баштак булыу 'быть самовольным'; баш-баштаклык [-гы] 'произвол, самоуправство; своеволие'; баш-баштаклык күрһәтеү 'решить головоломку'* [Башкирско-русский словарь 1996: 79].

Удвоенные словосочетания встречаются и в узбекском языке: *бошма-бош* 1) 'голова к голове, голова в голову'; 2) *баш на баш; бошма-бош қилмоқ 'меняться баш на баш, менять одно на другое без доплаты'; бош-оёк кийим 'полный комплект одежды и обуви'* [Узбекско-русский словарь 1959: 84]

### Заключение

Анализ толковых словарей тюркских языков свидетельствует о том, что слово *баш/бош* 'голова'; 'начало', как компонент свободных и лексикализованных словосочетаний, фразеологических единиц, ономастических терминов подвергается морфологизации с помощью аффиксальных морфем, употребляется как препозиционно, так и постпозиционно в современных тюркских языках и памятниках древне-тюркской письменности, выступает как показатель многочисленных лексико-семантических и лексико-грамматических значений, обра-

зую схемы формально-семантических соотношений между разновидностями однокоренных лексем.

В работе рассматриваются лексико-семантические особенности номинативных основ аналитического типа, парно-повторных конструкций, образованных по модели полного повтора.

В контекстуальном окружении в зависимости от занимаемой позиции слово *баш/бош* выступает в функции определительных словосочетаний описательного типа, образованных по модели двучленных синтагматических структур неизафетного типа (имя прилагательное + имя существительное). Другими словами, функциональной особенностью данной единицы является то, что при необходимости она употребляется в роли определения.

Исследуя лексико-семантическую, деривационную и словоизменительную структуры морфологизированных основ и аналитических конструкций, образованных с помощью общетюркского слова *баш/бош* 'голова'; 'начало', следует уделить внимание на особенности словообразовательной морфологии, на двойственную природу деривационных основ, свидетельствующих о глубокой внутренней связи морфологии и словообразования.

#### УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

анат. – анатомический  
ед. – единственное  
кас. – казанское наречие  
крт. – крымское наречие  
л. – лицо  
осм. – османский язык  
перен. – переносное  
собир. – собирательное  
ср. – сравните  
ткм. – туркменское наречие  
узб. – узбекское  
ч. – число

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Башкирско-русский словарь 1996 – *Башкирско-русский словарь*: 32000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан; под ред. З.Г. Ураксина. – М.: Дигора, Рус.яз.; 1996. – 884 с.

Грамматика современного башкирского литературного языка 1981 – *Грамматика современного башкирского литературного языка*. – М.: Наука, 1981. – 495 с.

Карачаево-балкарско-русский словарь 1989 – *Карачаево-балкарско-русский словарь*: около 30000 слов / Карачаево-Черкесский науч.-иссл. ин-т ист., филол. и экономики; С.А. Гочияева, Х.И. Суюнчев / Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. – М.: Русский язык, 1989. – 832 с.

Киргизско-русский словарь 1965 – *Киргизско-русский словарь*. И.: Советская Энциклопедия, 1965. – 973 с.

Радлов 1911 – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1911. – Т. IV. – Ч. 2. – 2230 с.

Татарско-русский словарь 1966 – *Татарско-русский словарь*. Около 38000 слов. – М.: Советская Энциклопедия. – 863 с.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3 т. Т. I. А–Ж. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1016 с.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3 т. Т. 3. С–Я. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 1157с.

Узбекско-русский словарь 1959 – *Узбекско-русский словарь*. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. – 839 с.

#### REFERENES

*Bashkirsko-russkii slovar'* [Bashkir-Russian dictionary]: 32000 slov / Rossiiskaya akademiya nauk. Ufimskii nauchnyi tsentr. Akademiya nauk Respubliki Bashkortostan; pod red. Z.G. Urakshina. – М.: Digora, Rus.yaz.; 1996. – 884 s. (In Russ.).

*Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Bashkir literary language]. – М.: Nauka, 1981. – 495 s. (In Russ.).

*Karachaevo-balkarsko-russkii slovar'* [Karachay-Balkar-Russian dictionary]: okolo 30000 slov / Karachaevo-Cherkesskii nauch.-issl. in-t ist., filol. i ekonomiki; S.A. Gochiyaeva, Kh.I. Suyunchev / Pod red. E.R. Tenisheva i Kh.I. Suyuncheva. – М.: Russkii yazyk, 1989. – 832 s. (In Russ.).

*Kirgizsko-russkii slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. – I.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. – 973 s. (In Russ.).

RADLOV V.V. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii* [Experience of a dictionary of Turkic dialects]. – SPb., 1911. – Т. IV. – Ch. 2. – 2230 s. (In Russ.).

*Tatarsko-russkii slovar'* [Tatar-Russian dictionary]. Okolo 38000 slov. – М.: Sovetskaya Entsiklopediya. – 863 s. (In Russ.).

Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language 1996 – Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language. In 3 volumes T.I. A – J. Nalchik: El-Fa, 1996. – 1016 p.

Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language 2005 – Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language. In 3 volumes. T.3. S – Y. Nalchik: El-Fa, 2005. – 1157 p.

*Uzbeksko-russkii slovar'* [Uzbek-Russian dictionary]. – М.: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1959. – 839 s. (In Russ.).

#### **Информация об авторах**

Б.А. Мусуков – доктор филологических наук

Ф.П. Эркенова – доктор филологических наук

#### **Information about the authors**

B.A. Musukov – Doctor of Philology

F.P. Erkenova – Doctor of Philology

**Вклад авторов:** все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 14.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья  
УДК 81(470.64)  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-317-333  
EDN: YKIPUV

## ИРОНИЯ В ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Мадина Хасанбиевна Токмакова<sup>1</sup>, Борис Чамалович Бижоев<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия.

<sup>1</sup> [tokmak\\_madina\\_h@mail.ru](mailto:tokmak_madina_h@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

<sup>2</sup> [bizhoviev1952@mail.ru](mailto:bizhoviev1952@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

**Аннотация.** В данной статье исследуется ирония в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка. Замечена связь выражения и восприятия иронии с культурными предпосылками общества. Отмечена двоякая функция, выполняемая иронией в эмотивной лексике. На примерах из кабардинской художественной литературы рассматриваются основные способы и средства выражения иронии (метафора, гиперболическое сравнение, олицетворение, различные стилистические фигуры, графические обозначения), ее виды (ирония, самоирония, ирония автора). Упоминается о нередком соседстве иронии с ложью и использовании их при манипуляции. Показано, как в эмотивных текстах происходит реализация словарной эмотивной семантики, но чаще всего как не маркированные эмотивностью словарные единицы «приобретают» эмотивно-коннотативные значения. Выявлено влияние иронии на развитие метафорических значений полисемантических слов, энантиосемии.

**Ключевые слова:** ирония, эмоции, культура адыгов, энантиосемия, стилистическая фигура, самоирония.

**Для цитирования:** Токмакова М.Х., Бижоев Б.Ч. Ирония в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 317-333. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-317-333. EDN: YKIPUV.

---

© Токмакова М.Х., Бижоев Б.Ч., 2024

Original article

## IRONY IN EMOTIONAL VOCABULARY KABARDINO-CHERKASSIAN LANGUAGE

Madina H. Tokmakova<sup>1</sup>, Boris Ch. Bizhoviev<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia.

<sup>1</sup> [tokmak\\_madina\\_h@mail.ru](mailto:tokmak_madina_h@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

<sup>2</sup> [bizhoviev1952@mail.ru](mailto:bizhoviev1952@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

**Abstract.** This article explores irony in the emotive vocabulary of the Kabardian-Circassian language. The connection between the expression and perception of irony and the cultural prerequisites of society has been noted. The dual function performed by irony in emotive vocabulary is not-

ed. Using examples from Kabardian fiction, the main ways and means of expressing irony (metaphor, hyperbolic comparison, personification, various stylistic figures, graphic symbols), its types (irony, self-irony, author's irony) are considered. Mention is made of the frequent proximity of irony to lies and their use in manipulation. It is shown how in emotive texts the implementation of dictionary emotive semantics occurs, but most often how vocabulary units not marked with emotivity "acquire" emotive-connotative meanings. The influence of irony on the development of metaphorical meanings of polysemantic words and enantiosemy has been revealed.

**Key words:** irony, emotions, Circassian culture, enantiosemy, stylistic figure, self-irony.

**For citation:** Tokmakova M.H., Bizhiov B.Ch. Irony in the emotive vocabulary of the Kabardian-Circassian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 317-333. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-317-333. EDN: YKIPUV.

---

© Tokmakova M.H., Bizhiov B.Ch., 2024

Ирония не относится психологами к базовым эмоциям и практически не описывается в специальной литературе [Додонов 1978; Изард 1980]. Однако тот очевидный факт, что ирония включает в себя определенный эмоциональный компонент, активно используемый в речи (как устной, так и письменной), связан с эмоциями, позволяет нам рассматривать ее в рамках эмотивной лексики. «Ирония как эмоция, – пишет Т.А. Желватых, – формируется в процессе мыслительной творческой деятельности, психофизиологическое исследование которой только зарождается» [Желватых 2006: 8]. В отличие от остальных эмоций, в иронии «эмоциональная рефлексия дополняется логической, сравнением ценностных потенциалов субъекта иронии и объекта» [Пивоев 1982: 55].

По определению И.В. Арнольда, иронией называется «выражение насмешки путем употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению, и с прямо противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым в действительности стоит порицание» [Арнольд 2002: 128]. Здесь возникающий эмоциональный компонент вытесняет предметно-логическое значение или значительно его модифицирует [Арнольд 2002: 152]. Ирония используется не только в повседневной жизни, в разговорной речи, также это часто применяемый стилистический прием в художественных произведениях, литературной критике, журналистике и т.д. В языкознании иронии посвящены работы С.И. Походни [Походня 1989], О.П. Ермаковой [Ермакова 2011], Е.А. Иванцовой [Иванцова 2016], Г.В. Барышниковой, И.И. Дубининой [Барышникова, Дубинина 2016], Ю.Н. Эбзеевой, Г.Н. Ленько [Эбзеева, Ленько 2016] и др., раскрывающие виды, средства выражения данного явления.

Актуальность работы обусловливается важностью полиаспектного анализа эмотивной лексики, к которому относится и исследование иронии как эмоциональной составляющей, отражающей специфику адыгской этнической культуры. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассматриваются способы выражения и восприятия иронии в кабардино-черкесском языке через призму испытываемых эмоций. Цель данной статьи – исследовать явление иронии в кабардино-черкесском языке, а именно проанализировать эмоциональные ситуации, обозначив основные языковые средства реализации иронии. В работе были использованы методы обобщения, конкретизации и следу-

ющие виды анализа: словарных дефиниций, компонентный, описательный и контекстуальный.

Одной из основных проблем эмотивной лексики является определение иронии как положительной или отрицательной эмоции. По мнению Э.А. Нушикяна, ирония, как и удивление «могут быть использованы как для выражения положительных, так и отрицательных эмоций...» [Нушикян 1986: 29]. В сущности, как он отмечает, в реальной жизни встречаются больше смешанные формы проявления эмоциональных реакций, нежели только положительные или отрицательные [Нушикян 1986: 30]. Двойственная оценка иронии, по наблюдениям Т.А. Желватых, объясняется отчасти структурой эмоции иронии, объединяющей «элементы как отрицательных переживаний, вызванных несоответствием объекта оценки заданным критериям, так и положительных, обусловленных осознанием собственного превосходства над ним и чувством эстетического наслаждения продуктом своего речетворчества» [Желватых 2006: 8]. При этом она отмечает, что, как правило, ирония используется как отрицательная эмоция, нежели как положительная – «возможно, это связано с тем, что носители русского языка при дружеском расположении к собеседнику редко допускают применение насмешки в непосредственном общении» [Желватых 2006: 8]. Вследствие с данным суждением встает вопрос о взаимосвязи иронии и культуры – может ли национальная культура влиять на выражение и восприятие иронии?

Как отмечает В.М. Пивоев, ошибочно было бы рассматривать иронию в рамках узкого функционального контекста, «ирония — сложное явление культуры» [Пивоев 1982: 60], «в своих истоках она не столь отчетливо выражена как индивидуально-интеллектуальные типы, ибо спонтанна, эмоциональна и характеризует массовое самосознание» [Пигулевский 2002: 4]. Несомненно, что ирония отражает самобытность той или иной культуры и для понимания ее необходимо, как пишет З.А. Заврумов, «так называемый «вертикальный контекст», подключающий к толкованию текста социокультурные и историколитературные глубинные смыслы» [Заврумов 2016: 54]. «В определенном смысле каждый народ существует в своем собственном измерении, в собственной системе координат...» [Бгажноков 2010: 80], что отражается, в свою очередь, на его языке, который является средой «культурного обитания» его носителей [Фесенко 2004]. «Способы категоризации мира, а также то, какие моменты действительности служат семантическими ключами в конкретных лексических и грамматических формах, обусловлены общей культурной ориентацией общества/социума», – пишет С.Л. Фесенко [Фесенко 2004: 51].

Несомненно, сам механизм выражения и восприятия иронии представителями разных культур имеет сходства. Однако также как одно и то же блюдо по-разному готовится у разных народов (с добавлением отличных специй, или различающимся способом, порядком приготовления и т.д.), ирония в каждой национальной культуре, по нашему мнению, явление специфическое. Так, вместе с юмором и сатирой, как видами смеха, ирония, также как и иносказательность, является неотъемлемой частью традиционной народной культуры адыгов, свидетельством чему являются созданные веками пословицы, поговорки: про иро-

нию и шутку – *гушыIэр тхэм и щIасэц* букв. «шутка (юмор) – любимица бога», *ауаныр сьт шыгъуи гушыIэм и щIыбым къыдэтиц* букв. «ирония (насмешка) всегда за шуткой стоит», *гушыIэкIэ зымыщIэр IэштIымкIэ мауэ* букв. «кто не умеет шутить, тот бьет кулаком» и т.д.; иронические высказывания – *гуащэ мыхъу жьантIакIуэц* «плохая хозяйка старается занять почетное место», *жылэм емыщхьым бабыщыщхьэ къыфIокIэ* «у непохожего на других утиная голова отрастает», *напэниэм уеубжъытхмэ, уэсэпс къыфIоуцI* «если плюнешь на бессовестного, ему росой это кажется», *кхъуэл сыхыници жылэр физгъэунэхъуниц* «я съем свинину и вас, сельчан, погублю» и т.д.; а также шуточные, ироничные пожелания, как правило, адресованные детям, молодежи [Нало 2008: 165-166, 176-177]. Здесь уместно привести слова известного кабардинского поэта, писателя, драматурга и публициста Б. Утижева: «*ГушыIэр – щIыхугум и гъуэгу гъуэмылапхъэц. Ауаныр – ар гъащIэм и пщIантIэ жыхапхъэц. ГушыIэм къыредз ди гъуэгуанэм пкIэлъей. Ауаным епхъэнкI, егъэкъабзэ дунейр*» [ПутIыж 2003: 6], которые можно перевести как «Шутка (юмор) – пища путника. Ирония (насмешка) – дворовый веник жизни. Шутка сбрасывает на нашу дорогу лестницу (т.е. облегчает путь). Ирония подметает, делает мир чище» [здесь и далее переводы с кабардино-черкесского языка авторов статьи – М.Х. Токмаковой, Б.Ч. Бижоева].

Сатирические и юмористические жанры в произведениях адыгских литератур занимают значительное место [БакIуу 2013], при этом большинство этих произведений демонстрирует в большей или меньшей степени прочную связь с фольклорной традицией [Чуякова 2008; Паштова 2007]. Представителями и носителями смеховой культуры адыгов испокон веков были *джегуако* «у адыгских народов: скоморох, общее название артистов и певцов-импровизаторов» [СКЧЯ 1999: 134], *ажагафы* «шут, скоморох, ряженный» [СКЧЯ 1999: 23] и т.д. [Налоев 2011], сферой, или объектом их народной смеховой поэзии являлся весь мир: «социальные и бытовые отношения, политика, моральные и физические недостатки и даже достоинства человека и т.д.» [Налоев 2011: 326]. Никто не мог обижаться, злиться на них – их юмор, ирония были частью обрядовых игр. Более того, в рамках обрядовых празднеств адыги практиковали смеховые состязания, где молодые люди состязались своим острословием между собой или даже с *джегуако*. Как отмечает З.М. Налоев, *джегуако* являлись порождением «народной культуры и составляли ту благодатную почву, на которой возрастали нетрадиционная литература, музыка, театр и цирк» [Налоев 2011: 15].

В эмотивной лексике ирония выполняет двоякую функцию: с одной стороны, обозначая эмоциональное отношение (например, презрение, осуждение, недовольство, сочувствие и т.д.) и эмоциональное воздействие, с другой стороны, представляя реакцию на сказанное – эмоциональное состояние, становление эмоционального состояния, внешнее выражение эмоций (здесь может быть не только смех, или, к примеру, бранная лексика, но и изменение цвета лица, поджатие губ и т.д.) [Токмакова 2017: 22-37]. Как правило, ирония, произнесенная прилюдно, вызывает смех у окружающих, но часто совсем противоположные чувства у того, на кого она направлена. При этом адресат вынужден скрывать свое недовольство, чтобы не стать посмешищем еще больше, как че-



ловек, непонимающий шуток (*гушылэкIэ зымыцIэр IэштIымкIэ мауэ* букв. «кто не умеет шутить, тот бьет кулаком» – народная пословица). Приведем пример иронии и как реакцию на нее – стыд и злость: (*БлутI:*) *Си Iуэхур зыIутыр Гъумар къыгурыIуауэ къыцIокIри, мэдыхъэшх: – Ау-уей, жи, – МуIэед, ягъэ кIакъым: БлутIэ шы къыхуэмыцIыхужу арац, ахъумэ фи шитIыр къидыгъуакъым... Си Iупэхэр санэмылъэцу гъырIупэ сфIохъу, си нэпсхэр къысфIыцIожри пцIантIэри пцIантIэм дэтри цIелъафэ... Нобэр къыздэсым цIыхум ящызгъэцIкIуа си хъуэныр къацIац... сызэрымыхъэнэншэр, лIы хъэлу зыри зэрысхэмылъыр къыцIэца мыгъуэц. Асыхъэтым, сэ слъэкIамэ, Гъумар псэуэ цIэзгъэлъэдэнут! Мы зи жьэ уцIауэ дыхъэшх цIыкIу къомыр кIуэцIрызгъэхунут! А дакъыкъэм дуней псор си бийуэ къысфIэцIырт... [Нало 1981: 226] «Блут: Гумар понял причину моего поведения и смеется: – Да нет же, – говорит, – Муаед, ничего плохого не случилось: Блут просто не узнал лошадей, а так он не крал ваших лошадей... Мои губы неконтролируемо искривляются для плача, мои слезы наворачиваются, заволакивая двор и всех, кто был во дворе... До сих пор недостаток, который мне удавалось скрывать, открылся... то, что я никчемный, что во мне нет никакого мужского характера обнаружилось. В тот час, если бы мне было подвластно, Гумара живьем загнал бы под землю! Всех смеющихся детей провалил бы сквозь землю! В ту минуту весь мир мне казался враждебным...».*

Какие эмоции вызовет ирония зависит не только от содержания сказанного но и, во-первых, от того в каких взаимоотношениях состоят адресат и адресант (насколько допустимо подобное в их общении), во-вторых, насколько адресат готов к восприятию шуток – близко принять иронию в виде критики и испытать отрицательные эмоции, либо, обладая достаточной степенью самоиронии, испытать положительные эмоции, например, смех. Приведем пример: – *Мы мыхъэнэншэр, – жи Хъэмуд Хъэрун цхъэкIэ – сэрац къэзыгъэувар, игъацIэкIэ дохутыри нэгъуэцIи хъунутэкъым, сэрмырамэ. – ЖиIэнц иджы, уэлэхы, сыхъунуи сыхуэмейт, сьт мы дызыхэт къомыр? Сыбгъэуна уи гугъэж! - Уэлэхы, уунамэ, узыгъэунари сэрамэ, а Iийм жиIэм еплъ. Убыд уи жьэр, джаур!.. ЗэдогушыIэ. Зым жиIэр адреим и жагъуэ ицIыркъым, зэныбжъэгъуц. Хъэрун фIыуэ ецIэ Хъэмуд и фIагъ къызэрекIар. ЗдыжиIэм, зыхыбоцIэ пцIэ зэрыхушцIыр, гъуэгу къэзытар зэрыарар зэрыцымыгъуццэр [Хъэх 2008: 172]. «– Этого никчемного, – говорит Хамуд про Харуна, – я сюда устроил, никогда доктором или кем-нибудь еще он не стал бы, если бы не я. – Скажет теперь, ей-богу, я и стать не хотел, с чем мы только не возимся? Думаешь, осчастливил меня! – Ей-богу, ты счастлив, и это благодаря мне, смотри, что этот дурной говорит. Закрой свой рот, негодник!... Шутят, один другого не обижает, они друзья. Харун прекрасно знает о благотворном влиянии на его судьбу Хамуда. По разговору видно, как Харун уважает того, кто дал ему дорогу, что он не забывает об этом».*

Следует отметить, что смех тоже не однозначно маркированное выражение эмоций. В случаях с иронией смех может быть ложным, притворным, деланным, чтобы скрыть вызванные сказанным отрицательные эмоции.

Исследующие иронию лингвисты выделяют различные ее типы, классифицируя по лексическим, синтаксическим, стилистическим признакам (С.И. По-

ходня [Походня 1989], Е.А. Иванцова [Иванцова 2016], Г.В. Барышникова, И.И. Дубинина [Барышникова, Дубинина 2016], Ю.Н. Эбзеева, Г.Н. Ленько [Эбзеева, Ленько 2016] и др.). О.П. Ермакова отмечает, что ни одна классификация иронии не может охватить весь языковой материал [Ермакова 2011], в связи с чем делит иронию «по признаку занимаемого словесного пространства: на вербализованную – иначе – локализованную в слове – и текстовую – не ограниченную словом или словосочетанием» [Ермакова 2011: 9].

Как правило, слова и словосочетания, используемые для иронии, предстают в необычных для них смыслах, приобретают дополнительные оттенки, выражающие эмоциональные состояния адресантов. Так, в рассказе С. Хахова «Сызэрыщытауэ сыкъэнэжынуц» («Каким я был, таким и останусь») к работающему герою приходит ничем незанятый пенсионер, бывший милиционер, любитель поболтать: *Езым (мылицэм) еуэ щлэкьутыкI, еуэ щлэкьутыкI. Дауи хагъэта мыбы фIэкIа номыр зимыIэр мылицэм... абы къыкIуэцIыкIыр, абы псалъэу къыкIуэцIыкI жыхуэпIэр! Пенсым зэрытIысыжрэ кIуауэ жыхуиIэ илъэситIрэ ныкъуэм кIуэцIуубыда псор иджыпIсту къыкIуэцIымыкIыжмэ, сиIэртэкъым. А къомым уедэIуэфрэт?* [Хьэх 2008: 40] «Сам он (милиционер) давай **наваливает**, давай **наваливает** (букв. «подламывает» [СКЧЯ 1999: 477]. Как только его, такое ничтожество, взяли в милицию... сколько из него **пёрло**, сколько слов **пёрло** (букв. «оказаться, обнаружиться в ком-чем-л.» [СКЧЯ 1999: 435])! За прошедшие после выхода на пенсию, по его словам, два с половиной года, все, что он **накопил в себе** (букв. «поймать, схватить кого-л. внутри чего-л. свернутого» [СКЧЯ 1999: 354] как будто сейчас все **выперет** (букв. «оказаться, обнаружиться в ком-чем-л.» [СКЧЯ 1999: 435]). Разве возможно было все это слушать?». В результате, в высшей степени раздраженный надоедливый пустословом, герой (это видно по словам, которые он выбирает, описывая ситуацию) получает непроходящую головную боль, последствием которой стали неприятности на работе и дома. Используемые автором слова, как мы можем видеть, как нельзя лучше отражают становление эмоционального состояния героя.

Ирония может содержаться в уточнениях, дополнительных замечаниях в виде скобок, а также в кавычках и других графических обозначениях: *ГъуцIыр, пхъэр, хъыданыр, ятIэр (ари яцIэрт, хуцIхъуэу жаIэу), абджыр, къэкIыгъэр, лыр, цыр, пшахъуэр, псыр... мывэр! ЗицIысми къызыхэцIыкIами – зыми зыкIи емылъытауэ зэхэтиц, зэхэлъц яцIэр, лъэувынIэ илэкъым.* [Хьэх 2008: 149]. «Железо, дрова, тряпки, **грязь (и её продают, говоря, что это лекарство)**, стекло, растения, мясо, шерсть, песок, вода... камни! Что собой представляет и из чего сделано – независимо ни от чего все, что продают, располагается друг с другом, все лежит вперемешку, негде шагу ступить». *Щхъэгъусэр къилъыну хъэзыриц, ауэ дадэрэ нанэрэ цоукIытэри и Iунэм къэса псалъэ «гъэцIэрэцIахэр» ирекъухыж* [ШэдджыхъэцIэ 1980: 189]. «Супруга была готова вспылить, но, постеснявшись дедушки с бабушкой, проглотила готовые сорваться с языка «**цветистые**» слова».

Примеры из публицистических статей: *АтIэми мы «ди зэманым и лIыхъунь» гуэрхэр нэсауэ си гугъэц къыкIуэти укIыти хэмылгу апхуэдэ псалъэ гурууэхэр* («ТхъэмышкIэфI щыIэкъым», «ТхъэмышкIэр льягъугъуейщ»)

*тхъэмыщкIэ ящIахэм щыхужаIэфыну щытыкIэм* [ПутIыж 2007: 343]. «К тому же некоторые из этих «героев нашего времени», мне думается, дошли до того состояния, что, не зная ни стыда ни совести, такие жестокие слова («нет хороших бедных», «бедные неприглядны») могут сказать о тех, кого они превратили в бедняков». *ПрозэмкIэ зыкъэбгъазэм, нэм заныцIэу къыщIоуэ цIэрыIуэ хъуным хуэнэхъуейуэ мазэ-мазитIым къриубыдэу тхыль пIацэ къыщIезыгъэдз «романистхэр»* [Гъут 2021: 40]. «Если обратишься к прозе, сразу бросаются в глаза жаждующие стать известными «романисты», которые в течение одного-двух месяцев варганят толстую книгу».

Для передачи иронии может использоваться удлинение согласных, когда персонаж или автор намеренно растягивает звуки. Например: *Щауэжъыр – тхъэмыщкIэ!* – *къыпэщыль псор имыщIэрэ мыпхуэдэу ефэ-еихэ зэпыту екIуэкIын и гугъэжу, щауэфэм гъэкъауэ яхэст.* [ПутIыж 2003: 51]. «Женишокто – **бедолаггга!** – не знает, что его ждет, думает, что этот пир будет продолжаться вечно, сидит важный среди друзей». Растягивание переднеязычного свистяще-шипящего *щ* в слове *тхъэмыщкIэ* «бедолага» выражает крайнее презрение иронизирующего.

В кабардино-черкесском языке часто для придания речи иронии используются заимствованные слова из русского языка. Например: *«Лъагъуныгъэр хэт дежкIи кълэнышхуэу щытщ, ауэ и пIалъэр къэмысу абыкIэ планыр щагъэзащIэр зэзэмызэххэщ. А планыр гъэзэщIэным псэемыблэжу хэтахэм отчет щатыж хабзэри бжъыхъэрщ* [ПутIыж 2003: 18]. «Любовь для всех является большим заданием, только редко кто **выполняет** такой **план** раньше срока. Те, кто самоотверженно занимался **выполнением плана**, **отчет** обычно **сдают** осенью». Здесь комичность достигается применением в разговорной речи, в частности в лирической теме, словосочетаний, характерных для официально-делового стиля.

Другой пример: *Радикулитыр пIастхъэрт, зэрытынIэхэр кIыргът, Гастритри, Панкреатитри, Холециститри, нэгъуэщI «...тит» зыбжани кIуэцIыкIыщIэм щызэхуэсауэ зэIуцIэххуэ щрагъэкIуэкIт, Мухъэжид и дуней тетыкIэ зэхуэмыхъум теухуауэ. Псоми жаIэр зыт: «Мухъэжид, ефэн щумыгъэтынумэ!..»* [ПутIыж 2003: 49]. «Радикулит царапался, суставы скрипели, и гастрит, и панкреатит, и холецистит, и некоторые другие «...циты», собравшись во внутренностях, проводили большое собрание, посвященное неверному образу жизни Мухажиды. Все они говорили одно: «Мухажид, если ты не перестанешь пить!..». Как мы можем видеть, автор, иронизируя над состоянием героя, использует также прием олицетворения.

В тех случаях, когда ирония заключена в одном слове, может развиваться внутрисловная антонимия, другими словами, энантиосемия [Ермакова 2011: 173; Токмакова 2008]. Например, слово с положительной оценочной семантикой в иронических высказываниях может использоваться с отрицательным значением. Так в рассказе Х. Шекихачева *«Минрэ щибгъурэ...»* («В тысяча девятьсот...») студент, сдающий экзамен по истории, не отвечает по существу, а несет околесицу, на что преподаватель ему говорит: *... а унцIэм теухуауэ жьыпIар ирикъуни. Адрей унцIэми апхуэдэу дэгъуэу зэхуэбгъэхъэзыра?* [ШэджихъэщIэ

1980: 207]. «... по этому вопросу хватит, что ты сказал. На следующий вопрос ты также **великолепно** подготовился?». Здесь следует упомянуть о многозначном суффиксе –*жь*, который может нейтральным словам придавать положительный или отрицательный оттенок, а также поддерживать, усугублять уже имеющуюся в слове эмотивную семантику, либо противоречить ей [Токмакова 2017: 45-49].

Особое место в средствах выражения иронии в кабардино-черкесском языке занимает гиперболическое сравнение. Его часто используют не только с целью показать сходство, но и для передачи испытываемой эмоции, например презрения: ... *Чэрим къишар сытым ещхь! ... тыкуэным пIамыхыж кIэпIейкIитI унIэщIа фIэкIа умыщIэн ар (хьыджэбзыр), зэкIуэцIыгьуэжауэ... Мыр!.. Модэ. Модэ мыгьуэ!.. Сытым ещхь а зышэри! Дагъэ мащIэкIэ ягъэжьа лэкъум хуэдэ, фагъуэжь цIыкIу гуэрцI* [ПутIыж 2003: 37]. «...На кого похожа невеста Черима! ... она как настолько истончившиеся две копейки, что в магазине не примут, иссохшая... А этот! Вон! Смотри, боже мой!.. Сам на кого похож! **Как лакум, пожаренный на малом количестве масла, бледненький какой-то**».

Одной из средств выражения иронии является зевгма - «стилистическая фигура, состоящая в соединении двух слов (или двух предложений), которые по содержанию не подходят друг к другу; употребляется для создания комического эффекта» [см. Липустина 2023: 246]. Например: *Ди дохутырыр ди дохутырыжтэкъым. ЗэрахъуэкIауэ срихъэлIат сыщыкIуам. НэгъуэщIт иджы дянэкIэ си узхэм я унафэщIу цытынур.* [Хьэх 2008: 42]. «Наш доктор уже не был нашим. Его поменяли до моего прихода. Теперь другой будет **начальником моих болезней**».

Другой пример: «*А пцыхъэщхьэм Джырандыкъуи и ныбжьэгъу лIыжьхэр и гъусэу куэбжьэпэм щызэхэтт, хэт баиш цупсу, хэти пцIы цупсу...*» [Нало 1981: 112]. «В тот вечер и Джырандоко и его друзья-старики сидели перед воротами, кто **палку строгал**, кто **рассказывал небылицы...**». Здесь ирония передается с помощью того, что автор совмещает прямое значение слова *упсын* «строгать» и фразеологическое с его участием - *пцIы упсын* «лгать, врать». Ирония строится автором на основе семантической неоднородности.

Синтаксическая конвергенция как средство создания иронического эффекта было введено И.В. Арнольдом: «Синтаксической конвергенцией называется группа из нескольких совпадающих по функции элементов, объединённых одинаковым синтаксическим отношением к подчиняющему их слову или предложению» [Арнольд 1981: 192]. По наблюдениям О.М. Липустиной, «синтаксическая конвергенция очень часто основана на использовании эффекта обманутого ожидания» [Липустина 2023: 247], например, когда вместо ожидаемого осуждения мы получаем восхищение: *Пцэдджыжьым зы дакъикъэ сыкъыкIэрыхуу мыхъуу, сыхъэтибгъу дьдэм сыкъокIуэри, хы хъуху солажьэ. Уэ (начальникыр) аракъым. Уэ зэи лэжьыгъэм тебгъэкIуадэркъым апхуэдиз зэман. Пцэдджыжьыпэ-пцыхъэщхьэпэхэм укъыкъуокI, сыхъэтитI-щы уолажьэри, абыкIи псори зэфIокI. Ар уи акъыл нэхумрэ зэфIэкIышхуэ, егъэлеуэ акъылышхуэ убгъэдэлъыр я фIыщIэщ.* [Хьэх 2008: 118]. «Утром, не смея опоздать ни на

одну минуту, ровно в девять прихожу и работаю до шести. Ты же нет. Ты никогда столько времени на работу не тратишь. В начале утра-вечера появляешься, два-три часа работаешь и этим все заканчивается. **Это все благодаря большим возможностям твоего светлого ума, твоего исключительно большого ума».**

Парадокс, создаваемый противоречащими по семантике словами, также может применяться для иронизирования, к примеру: *Тхыль къызатахэм зэри-тымкIэ, зыкIэ фIыт мы узыщIэ къыхуеблэгъар – лIэкIэ тынш уиIэнкIэ хъунут. КIокъумокъу куэд хэмыту, занщIэу пхуIуудынут уи псэ тIэкIур.* [Хьэх 2008: 42] «Согласно данным мне книгам, пожаловавшая ко мне болезнь хороша тем, что я могу, не мучаясь, умереть. Без особого шума мигом отлетит моя душа». *Хъаний апхуэдизкIэ Iэзэу бгэрти ар гыбзэм нэхърэ хъуэхъум нэхъ ещхът...* [Нало 1981: 196]. «Ханий до того искусно проклинала, что ее проклятия больше были похожи на здравицу...».

Часто авторы, иронизируя над своими героями, над ситуациями, в которые они попадают, используют абсурдные, утрированные высказывания. Так, в новелле З. Налоева «ГъукIэжытIым я хъыбар» («История двух старых кузнецов») милиционер, пришедший арестовать Алия и Хажи, не смея отказать уважаемым старикам, садится с ними за накрытый стол и, опьянев, переполняемый «чувствами», произносит тост: *Илгъэс мини сыпсэуну сухуейкъым фэ физимыгъусэу! Фэ физикъуэщ, сэ сывикъуэщ! Бын сиIэмэ, фи бынщ, бын фиIэмэ си бынщ! Фи физхэр си физщ, си физыр фи физщ! Фи унэр си унэщ, си унэр фи унэщ! Фи цIэкIэ софэ!* [Нало 1981: 132] «Я не хочу и тысячу лет жить без вас! Вы мои братья – я ваш брат! Мои дети – ваши дети! Ваши дети – мои дети! Ваши жены – мои жены, моя жена – ваша жена! Ваш дом – мой дом, мой дом – ваш дом! Пью за вас!».

Зачастую для выражения иронии используется повтор. Например, «Абы цIэмьльыр укIуэдэжт: **мыстри, мыстри, Мыст** цыгъым цыщы, а **Мыст** имыгъуэтым хуэди, а **Мыст** зытраукIэ нэтам ещхъыркъабзи гъунэжт» [ИутIыж 2003: 13]. «Чего там только не было: и это самое, и это самое, и что Этот самый носит, и что Этот самый не может найти, и точно такого же, из-за чего чуть было не убили Этого самого, было вдоволь». Здесь Б. Утижев, иронизируя над происходящим, использует действительно многофункциональное и часто используемое в кабардинской речи слово *мыст* «это самое», обозначающее одновременно и нарицательные имена (различные вещи) и собственные имена.

Как пишет С.И. Походня, «вся умственная деятельность человека непременно сопровождается эмоциями» [Походня 1989: 8]. И ирония не является исключением, многие лингвисты называют ее «интеллектуальной» эмоцией [Богословский и др. 1981; Походня 1989: 4; Желватых 2006: 9], а некоторые – одним из видов языковой манипуляции [Ермакова 2011: 5]. В подобных случаях адресант, преследуя какие-то свои цели, использует иронию. Приведем пример: – *Уэлэхы, си къуэщ, – жери кърегъажэ (Далым), – уэлэхы, гува-цIэхами Хъэмзэт и мэз бжэныр дымышхыу... (БлутI:) – Уэлей, фIэкIам а зи гугъу пщIыр, Далым! – жызоIэри Iэпызоуд. – Нейэман Хъэмзэт и мэз бжэныр зэрытххрэ! – ПцIы соусп, ауэ, хъэлэмэтыракъэ, плъыжъ сыхъужыркъым, атIэ ауан хэлъу лыжъым и нэ гъуабжитIым сыщIоплгъэ. Далым занщIэу и нэщхъыр*

*къызэхуэри Иэнкун хъуауэ ЛуокЫж.* [Нало 1981: 81]. «– Ей-богу, мой брат, – начинает Далим, – ей-богу, рано или поздно косулю Хамзата не съев... (Блут:) – Право, прошло уже, о чем ты говоришь, Далим! – говорю, перебивая. – Уже сколько прошло, как мы съели косулю Хамзата! – обманываю я, и вот что интересно, совсем не краснею, а с иронией смотрю в серые глаза старика. Далим сразу мрачнеет и огорченный отходит». В данном примере, Далим вместе с Хамзатом так надоели Блуту с разговорами об обещанной ему косуле, что он, пытаясь пресечь дальнейшие разговоры по поводу этого, используя ложь, с иронией говорит, что косуля уже съедена. На что Далим, поверив Блуту, обидившись (на то, что это сделали без него), наконец-то уходит.

Приведенный пример демонстрирует частое соседство иронии с ложью, которых объединяет, по словам О.П. Ермаковой, неистинность [Ермакова 2011: 14]. Иронизируя над собеседником, адресант может прибегать к заведомой лжи, облакаемой в шутку, чтобы достичь определенного результата, а в некоторых случаях, чтобы показать свое превосходство, продемонстрировать глупость адресата и т.д.

Другой пример – встретив односельчанку, автор, иронизируя над готовностью адресата к сплетням, над ее глупостью, и глупостью тех, кто действительно способен на подобное безрассудство (например, вставить золотые зубы своей собачке и т.д.), откровенно лжет, придумывая историю о местонахождении пропавшей собачки известного обоим владельца: – *Хъэщыр унэ лъэгум и щлагъым къыщІэтщ.* – *Ар дауэ, на-а-а!.. – ИгъащІэкІэ гу лъумытэну мо паркет унэ лъэгум бжэ щэху цІыкІу къэпІэт хъууэ хэлъщ. А бжэ щэху цІыкІум току къокІуалІэ, абы къекІуалІэ токур къызыбгъэдэкІ кІнопкІэр нэхъ щэхужу гъэщІкІуащи, ар къыпхуэгуэтрэ тепкъузэмэ, бжэ щэхум зыкъеІэтри, и дыщэдзэхэр къыпхулуигъэпсу, Шурикыу сыкъэпльагъур и гъуэм къокІ.* [ПутЫж 2003: 47]. «– Собачья конура находится под полом комнаты. – Это как, боже!.. – В том паркетном полу есть тайно открывающаяся дверца, которую вовеки не заметишь. К этой потайной дверце ток подведен, а кнопка, от которой подведенный ток идет, еще больше захоронена, если ее найдешь и нажмешь, потайная дверь поднимается и, сверкая золотыми зубами, Шурик собственной персоне вылезает из норы».

Следует отметить, что использование иронии в целях манипуляции получает крайне негативное ее восприятие у адресата в случаях ее обнаружения. Так, у гордых кабардинцев считается оскорбительным, когда его дурачат, водят за нос, обманом пытаются использовать. Существует даже пословица *делафэ епльын* «принимать кого-л. за дурака, за глупого», применяемая и в подобных случаях тоже, отражающая состояние, в котором ощущает себя адресат при манипуляции.

В современной лингвистике иронию квалифицируют как одну из форм импликации (З.А. Заврумов [Заврумов 2016], Ю.А. Карпова [Карпова 2011]), так как она «обнаруживает асимметрию содержания и формы, когда план выражения не вполне отражает план содержания» [Заврумов 2016: 52]. При этом ирония может быть явной или скрытой. В первом случае адресат и окружающие понимают, о чем идет речь, что именно высмеивается, порицается, во втором –

только адресант понимает, что это ирония, и испытывает при этом также чувство интеллектуального превосходства (сюда можно отнести приведенные выше примеры манипуляции). К скрытой иронии возможно отнести и случаи, когда адресант и адресат понимают иронию, но она остается недоступной для окружающих. «Чем яснее и откровеннее намек, пишет В.М. Пивоев, – тем ирония грубее, и наоборот, чем туманнее и сложнее намек, тем ирония тоньше» [Пивоев 1982: 58].

Пример скрытой иронии: (БлутI: ) – Умыгузавэ, Мусэ, уэлэхьы, абы и адэм и уасэу пхуэзмьцIмэ! – жызоIэ. Мусэ ауанышхуэ сыкьищIу и дзэлыфэр етIри: – Уэлэхьы, абы хуэдэ дьд зыщIыфын иджы Къэбэрдейм имысыж! – жи, «мы щIалэжь цIыкIур зэрыщхьэщытхьу» – къызжыIэ нэхьей. [Нало 1981: 36]. «Блут: – Не беспокойся, Муса, ей-богу, сделаю его (шило) еще лучше! – говорю. Муса с улыбкой, иронизируя надо мной: – Ей-богу, в Кабарде никого не осталось, кто может такое шило сделать! – говорит, «какой же этот мальчишка хвастун» – как будто говорит мне». Здесь адресат за сказанными словами понимает иронию, направленную на него.

Примером явной иронии может быть отрывок из рассказа Х. Дударова «ХьэтIылэ» («Хатыля»), в котором к не единожды женатому герою некогда бывшие друзья обращаются с иронией и упреками: – Уа, ХьэтIылэ, дащIэщ иджы унэидзыхьэ дыщыбгьэкIуэнур? – Уа, ХьэтIылэ, дащIэщ иджы къащIэу дыщызэхэбгьэплэжынуур? – Шотыр дэнэ нэбгьэса, ХьэтIылэ? Хьа-хьа-хьахь! [Дудар 1992: 157]. «– Эй, Хатыля, когда теперь невесту поедем умыкать? – Эй, Хатыля, когда теперь, женившись, нас соберешь на застолье? – Какой теперь счет, Хатыля? Ха-ха-ха!».

При явной иронии адресант, обращаясь к адресату, может использовать как эмотивы, так и другие слова, дающие оценочную характеристику часто негативного характера. К примеру, в новелле З. Налоева «Хьэжым цIыхуэ къызэрыIах Iэмал» («Как взять займы у хаджи»), когда главный герой рассказывает знакомому о том, как просил займы у хаджи и получил отказ, тот (знакомый) ему говорит: – А делэ, хьэжым апхуэдэу-тIэ цIыхуэ къызэрыIахыр? – Ауан сыкьещI [Нало 1981: 55]. «Вот дурак, разве так у хаджи займы просят? – надсмешается он».

Ирония может быть смешена с любовью, такое потрунивание, когда она обращена к детям, близким, любимым людям. Например, Муртаз адыгэбзэкIэ жиIэжыфынут... Ауэ урысыбзэкIэ... Муртаз и нэхэр игьэупIэрапIэри, гумащIэ къэхьуауэ, къэгьащ. – Уэт, цихуэжь, къэбгьэуатаи ущIэгьын! – ину дыхьэшхащ Туш. – СIо-тIэ джаурыбзэ дьмыщIэмэ! [МафIэдз 2014: 55]. «Муртаз на кабардинском языке мог бы рассказать... Но по-русски... Муртаз заморгал, расчувствовавшись, заплакал. – Вот, слабак, нашел из-за чего плакать! – громко рассмеялся Туш. – Что из того, что ты язык гяуров не знаешь!».

В другом примере, когда молодой поэт пришел к именитому редактору и сказал, что хочет показать свои стихи о любви, тот рассмеялся: – Сьт, тIыкIуэ, уэ лъагьуныгьэм хэщIыкIыр?.. ПыIэжыны цIыкIу ухьужауэ. Сэ си бзэ бзэрэбзэну хьуапсэр абдежым «дымпI» жиIэу щуубыдащ. [Хьэх 2008: 35]. «– Что ты, милый мой, знаешь о любви?.. Экий мальчик-с-пальчик. Вот здесь

мой слог, готовый переливаться, моментально оборвался». Здесь используется слово *тЫкЛуэ* «милок, детка» – доброжелательное обращение старших к детям и фразеологизм *пылэжьынэ ухъужауэ* (букв. «с нахлобученной шапкой») – шутливо-ироническая реплика, обычно обращенная к приятелю, взрослых к мальчикам [СКЧЯ 1999: 595].

Говоря об иронии, нельзя обойти стороной самоиронию, которая по словам И. Паси, представляет собой «высшее проявление духовной независимости, при которой субъект поднимается не только над объектами, но и над самим собой, рассматривая себя как объект собственной иронической субъективности» [Паси 1980: 83]. Как пишет О.П. Ермакова, за самоиронией может скрываться ирония, направленная на собеседника, но чаще всего она «является средством самозащиты от возможной и предполагаемой (хотя не всегда с достаточным основанием) нелестной оценки со стороны партнеров коммуникации» [Ермакова 2011: 268]. Также самоирония, по мнению А.Б. Дземидока, может защищать от самого себя, от «уныния, пессимизма, депрессии» [Дземидок 1974: 164]. Приведем пример: *Е, сщлэркьым, – япэщлЫкЛэ нэр берычэтылуэу ящлу, абы кьыдэхуа мащлэмклэ итланэ сэ ськЛэращлЫхьыжа?* [ПутЫж 2003: 21]. «Ой, не знаю, – сначала мой нос в изобилии сделав, потом, из того малого, что от него осталось, меня самого к нему приделали?». Здесь герой иронизирует над своим большим носом. В следующем примере холостяк, иронизируя над своим немолодым возрастом, говорит: *Аращ, ахъумэ, уэлэхьы, сэ кьыщлэсиэн цхьэусыгъуэишхуи щымылэж, нобэ кьэсшауэ сощлри, кьэсшар иритезгъэуну си радикулитым нэхьыфл симылэ* [ПутЫж 2003: 8]. «Поэтому, иначе, ей-богу, не осталось большой причины, чтобы я женился, даже если я сегодня женюсь, лучшим, чем мой радикулит, нечем мне невесту развлечь».

По наблюдениям О.П. Ермаковой, с самоиронией можно спутать прием самоуничижения, когда ирония направлена не на себя, а на кого-то для выражения, как правило, негативных эмоций: возмущения, раздражения и т.д. [Ермакова 2011: 263]. К примеру, героя рассказа Х. Шекхачева, мечтающего отдохнуть в выходные, жена, готовясь к приходу гостей, с утра пораньше заставляет бегать по магазинам, не обращаясь при этом за помощью к детям: *Ущлож, Ущлэмыжи епл!.. Ужэ кьудей! Кьыпфлэлуэху щылэжкьым, ущлоладэри щлакхьутл кьыбонхьуатэ, ахьшэ ептыну уигу кьыщыкЛыжыр тыкуэнтетым уи блыпкьыр илЫгыу уигъэгъээжа нэужьщ* [Шэджыхьэщлэ 1980: 201]. «Выбегаешь, попробуй не выбежать!.. Разве бежишь только! Ни до чего другого нет тебе дела, забегаешь и хватаешь два хлеба, что надо деньги заплатить вспоминаешь лишь тогда, когда продавец, схватив за плечо, возвращает тебя».

На самоиронию также может быть похожа ирония автора, которая заставляет героя говорить о себе вполне серьезно то, что является на самом деле смешным, нелепым и т.д. Например, в рассказе Х. Шекхачева «Письмо» неоднократно разведенный Тута жалуется на одну из своих бывших жен: *«Уэ улажьэркьым, ущлантлэркьым, сэ кьээлэжьым уофэри ущысщ», – кьызжилаш. А зиунагъуэрэ, унагъуэм щыщ зыгуэр лэжьэн хуейкьэ? Умылажьэу хэт уигъэишхэн? Ар кьысхугурыгъэлуакьым а цхьэкЛуртлэм* [Шэджыхьэщлэ 1980: 178]. «Ты не работаешь, не потеешь, то, что я зарабатываю, пропиваешь», – сказала она мне. – Посуди



сама, кто-то из семьи должен же работать? Если не будешь работать, кто тебя будет кормить? Это не смог объяснить этой безмозглой».

Проведенное исследование показало, что ирония тесно связана с эмоциями, так как выражает эмоциональное состояние как адресанта, так и адресата. Спектр испытываемых обеими сторонами чувств при этом весьма разнообразен – они могут быть как отрицательными, так и положительными (например, злость, стыд, обида, любовь, веселье, самолюбование и т.д.). Проявление и восприятие иронии отражает особенности национальной культуры. Так, юмор, ирония являются важной, неотъемлемой частью адыгской языковой культуры, уходящие своими истоками в фольклорные традиции.

Ирония является одним из средств обогащения лексической семантики (преобразования, расширения значений) кабардино-черкесского языка. Способы выражения иронии различны – от слова, словосочетания до фрагментов текста. Чаще всего для этого используются слова с изначально нейтральной семантикой, которые в результате необычного семантического употребления выражают эмоциональное состояние адресанта. Сюда относятся также внутрисловная антонимия, заимствованные из русского языка слова, нередко отличающиеся стилистически от основного текста и т.д. Когда речь идет об эмоциональных ситуациях, на помощь приходят специальные средства – различные стилистические приемы, фигуры, помогающие выразить говорящему (адресанту) свои эмоции. Все это позволяет считать иронию одним из способов выражения эмоций (даже когда речь идет об ее скрытой форме) как у адресанта в виде стимула (за иронией обязательно стоит какое-то эмоциональное состояние), так и у адресата в виде реакции на иронию (часто в виде описания испытываемых эмоций).

Иронию можно рассматривать как один из видов манипуляции. В таких случаях она может соседствовать с ложью. Самоирония является «вершиной» выражения иронии, доступной, по мнению ряда ученых (О.П. Ермакова [Ермакова 2011] и др.) более интеллектуальным людям. Ее не следует путать с самоуничтожением (которое остается иронией, направленной на кого-либо) и иронией автора, герой которой не осознает своего смешного положения.

Если говорить об использовании самих эмотивов в иронических высказываниях и реакциях на них, то они могут присутствовать в тексте, но наличие их не является обязательным. Основным средством выражения иронии является эмотивный текст, содержащий вышерассмотренные стилистические приемы. Именно эмотивный текст передает тот объем значений, (гораздо больший, чем это можно выразить в прямых и переносных значениях лексических единиц), который необходим для понимания эмоционального состояния адресанта и адресата.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арнольд 1981 – *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. – Ленинград: Просвещение, 1981. – 295 с.

Арнольд 2002 – *Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык. – Москва: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

Баклуу 2013 – *Баклуу Хъ.И.* Адыгэ литературэ: гушыЭмрэ ауанымрэ. – Налшык: КБИ-ГИ, 2013. – 183 н. (на каб.-черк. яз.).

Барышникова, Дубинина 2016 – *Барышникова Г.В., Дубинина И.И.* Лексические средства декодирования имплицитно выраженных эмоций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12 (66): в 4-х ч. – Ч. 4. – С. 76-79.

Бгажноков 2010 – *Бгажноков Б.Х.* Антропология морали. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. – 128 с.

Богословский и др. 1981 – *Богословский В.В., Ковалёв А.Г., Стенанов А.А.* Общая психология. – Москва: Просвещение, 1981. – 383 с.

Гъут 2021 – *Гъут I.* СеукЫр сэ жыы зэпеуэм // Гуащхэмахуэ. – 2021. – № 4. – С. 40-45. (на каб.-черк. яз.).

Додонов 1978 – *Додонов Б.И.* Эмоция как ценность. – Москва: Издательство политической литературы, 1978. – 272 с.

Дземидок 1974 – *Дземидок Б.* О комическом. – Москва: Прогресс, 1974. – 224 с.

Дудар 1992 – *Дудар Хь.* ГуфIэгъуэ щащIэ. – Налшык: Эльбрус, 1992. – 320 н. (на каб.-черк. яз.)

Ермакова 2011 – *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка: [Электронный ресурс] учеб. пособие / О. П. Ермакова. – 2-е изд., стереотип.: Флинта; Москва; 2011 [URL: http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=3849575](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3849575) (дата обращения: 04.10.23)

Желватых 2006 – *Желватых Т.А.* Текстовое представление иронии как интеллектуальной эмоции (на материале драматургии и прозы М.А. Булгакова): автореф. дисс. ...к.ф.н. – Уфа, 2006. – 26 с.

Заврумов 2016 – *Заврумов З.А.* Имплицитность иронии в семантическом пространстве художественного текста // Вестник РУДН, серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2016. – №2. – С. 51-55.

Иванцова 2016 – *Иванцова Е.А.* Ирония как стилистический прием // Электронный журнал «APRIORI. Серия: Гуманитарные науки». – 2016. – №3. [URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-stilisticheskiy-priyom/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-stilisticheskiy-priyom/viewer) (дата обращения: 29.09.2023).

Изард 1980 – *Изард Е.* Эмоции человека. – Москва: Издательство Московского университета, 1980. – 440 с.

Карпова 2011 – *Карпова Ю.А.* Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения // Вестник Пермского университета. – 2011. – Вып. 4 (16). – С.73-79.

Липустина 2023 – *Липустина О.М.* Средства выражения иронии на уровне синтаксиса // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы VI Международной научно-практической конференции (23–24 марта 2023, Минск). – Минск, 2023. – С. 245-250.

МафIэдз 2014 – *МафIэдз С.* Уэрэд макъамэ. Повестхэр. Рассказхэр. – Налшык: Эльбрус, 2014. – 344 н. (на каб.-черк. яз.).

Нало 2008 – *Нало З.* Адыгэ псалъэгъэпсахэр. – Налшык: Эльбрус, 2008. – 240 н. (на каб.-черк. яз.).

Нало 1981 – *Нало З.* Къру закъуэ. – Налшык: Эльбрус, 1981. – 400 н. (на каб.-черк. яз.).

Налоев 2011 – *Налоев З.М.* Институт джегуако. – Налшык: Тетраграф, 2011. – 408 н.

Нушикян 1986 – *Нушикян Э.А.* Типология интонации эмоциональной речи. – Киев-Одесса: «Вища школа», 1986. – 160 с.

Паси 1980 – *Паси И.* Ирония как эстетическая категория // Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. – Москва, 1980. – С. 60-84.

Паштова 2007 – *Паштова М.М.* Адыгская смеховая культура: контекстуальная обусловленность // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 277-284.

Пивоев 1982 – *Пивоев В.М.* Ирония как эстетическая категория // Философские науки. – 1982. – № 4. – С. 54-61.

Пигулевский 2002 – *Пигулевский В.О.* Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. – Ростов-на-Дону: Фолиант, 2002. – 418 с.

- Походня 1989 – *Походня С.И.* Языковые виды и средства реализации иронии. – Киев: Наукова думка, 1989. – 128 с.
- СКЧЯ 1999 – *Словарь кабардино-черкесского языка.* – Москва: Дигора, 1999. – 860 с.
- Токмакова 2017 – *Токмакова М.Х.* Эмотивная лексика кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. – 274 с.
- Токмакова 2008 – *Токмакова М.Х.* Энантисемиа в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Материалы Международной научно-методической конференции «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации 21 века: когнитивно-концептуальные аспекты» (14-17 мая 2008, Пятигорск). – 2008. – С. 172-173.
- Фесенко 2004 – *Фесенко С.Л.* Лингвокогнитивные модели эмоций в контексте национальных культур: дис... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 199 с.
- Хьэх 2008 – *Хьэх С.* Курых. – Налшык: Эльбрус, 2008. – 604 н. (на каб.-черк. яз.).
- Чуякова 2008 – *Чуякова Н.М.* Сатира и юмор в устном народном творчестве адыгов. – Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2008. – 240 с.
- ШэджыхьэщIэ 1980 – *ШэджыхьэщIэ Хь.* ХьэмлатIиф, къэгъээж! – Налшык: Эльбрус, 1980. – 224 н. (на каб.-черк. яз.).
- Эбзеева, Ленько 2016 – *Эбзеева Ю.Н.* Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2016. - №1. – С.142-151.
- ИутIыж 2003 – *ИутIыж Б.* ГушыIальэ. – Налшык: Эльбрус, 2003. – 348 н. (на каб.-черк. яз.).
- ИутIыж 2007 – *ИутIыж Б.* Лъэужь. – Налшык: Эльбрус, 2007. – 628 н. (на каб.-черк. яз.).

#### REFERENCES

- ARNOL'D I.V. *Stilistika sovremennogo anglijskogoazyka* [Stylistics of modern English]. – Leningrad: Prosveshchenie, 1981. – 295 p. (In Russ.).
- ARNOL'D I.V. *Stilistika. Sovremennyj anglijskijazyk* [Stylistics. Modern English]. – Moscow: Flinta: Nauka, 2002. – 384 p. (In Russ.).
- BAKOV H.I. *Adygskaya literatura: satira i yumor* [Adyghe literature: satire and humor]. – Nalchik: KBIGI, 2013. – 183 p. (In Kabardin-Circassian).
- BARYSHNIKOVA G.V., DUBININA I.I. *Leksicheskie sredstva dekodirovaniya implicitno vyrazhennyh emocij* [Lexical means of decoding implicitly expressed emotions] IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. – 2016. – No 12(66): in 4 parts. Part 4. – P. 76-79. (In Russ.).
- BGAZHNOKOV B.H. *Antropologiya morali* [Anthropology of morality]. – Nalchik: Izdatel'skij otdel KBIGI [Publishing department of KBIGI], 2010. – 128 p. (In Russ.).
- BOGOSLOVSKIJ V.V., KOVALYOV A.G., STENANOV A.A. *Obshchaya psihologiya* [General psychology]. – Moscow: Prosveshchenie, 1981. – 383 p. (In Russ.).
- CHUYAKOVA N.M. *Satira i yumor v ustnom narodnom tvorcestve adygov* [Satire and humor in the oral folk art of the Circassians]. – Majkop: *Adygejskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'svo* [Adyghe Republican Book Publishing House], 2008. – 240 p. (In Russ.).
- DODONOV B.I. *Emociya kak cennost'* [Emotion as a value]. – Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1978. – 272 p. (In Russ.).
- DUDAROV H.M. *Trojnaya radost'* [Triple Joy]. – Nalchik: El'brus, 1992. – 320 p. (In Kabardin-Circassian).
- DZEMIDOK B. *O komicheskom* [About the comic]. – Moscow: Progress, 1974. – 224 p. (In Russ.).
- EBZEEVA YU.N. *Leksicheskie sredstva vyrazheniya emotivnosti (na materiale tekstov hudozhestvennyh proizvedenij sovremennyh anglijskih, francuzskih i nemeckih avtorov)* [Lexical means of expressing emotiveness (based on the texts of literary works by modern English, French and German authors)]. IN: *Vestnik RUDN, seriya «Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepoda-*

*davaniya*» [Bulletin of RUDN University, series “Russian and foreign languages and methods of teaching them”]. – 2016. – No 1. – P.142-151. (In Russ.).

ERMAKOVA O.P. *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and its role in the life of language]: [Elektronnyj resurs] ucheb. posobie / O. P. Ermakova. – 2-e izd., stereotip.: Flinta; Moscow; 2011 URL: [http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=3849575](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3849575) (data obrashcheniya: 04.10.23) (In Russ.).

FESENKO S.L. *Lingvokognitivnye modeli emocij v kontekste nacional'nyh kul'tur: dis... k. f. n.* [Linguistic and cognitive models of emotions in the context of national cultures] – Moscow, 2004. – 199 p. (In Russ.).

GUTOV A.M. *Stradayu ya ot skvoznyaka* [I suffer from a draft]. IN: Oshkhamaho. – 2021. – No 4. – P. 40-45. (In Kabardin-Circassian).

HAHOV S.H. *Serdcevena* [Core]. – Nalchik: El'brus, 2008. – 604 p. (In Kabardin-Circassian).

IVANCOVA E.A. *Ironiya kak stilisticheskij priem* [Irony as a stylistic device] IN: *Elektronnyj zhurnal «APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki»* [Electronic magazine “APRIORI. Series: Humanities”]. – 2016. – No 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-stilisticheskij-priyom/viewer> (data obrashcheniya: 29.09.2023) (In Russ.).

IZARD E. *Emocii cheloveka* [Human emotions]. – Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980. – 440 p. (In Russ.).

KARPOVA YU.A. *Sredstva vyrazheniya emotivno-empatijnogo vzaimodejstviya v usloviyah rechevogo obshcheniya* [Means of expressing emotive-empathic interaction in the conditions of verbal communication] IN: *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. – 2011. – Issue. 4(16). – P.73-79. (In Russ.).

LIPUSTINA O.M. *Sredstva vyrazheniya ironii na urovne sintaksisa sintaksisa* [Means of expressing irony at the syntax level] IN: *Inostrannye yazyki: innovacii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (23–24 marta 2023, Minsk)* [Foreign languages: innovations, prospects for research and teaching: materials of the VI International Scientific and Practical Conference (March 23–24, 2023, Minsk)]. – 2023. – P.245-250. (In Russ.).

MAFEDZEV S.H. *Melodiya pesni: Povesti i rasskazy* [Melody of the song: Tales and stories]. – Nalchik: El'brus, 2014. – 344 p. (In Kabardin-Circassian).

NALOEV 3.M. *Adygsкая paremiologiya* [Adyghe paremiology]. Nalchik: El'brus, 2008. – 240 p. (In Kabardin-Circassian).

NALOEV 3.M. *Institut dzheguako* [Jaguaco Institute]. – Nalchik: Tetragraf, 2011. – 408 p. (In Russ.).

NALOEV 3.M. *Odinokij zhuravl'* [Lonely crane]. – Nalchik: El'brus, 1981. – 400 p. (In Kabardin-Circassian).

NUSHIKYAN E.A. *Tipologiya intonacii emocional'noj rechi* [Typology of intonation of emotional speech]. – Kiev-Odessa: «Vishcha shkola», 1986. – 160 p. (In Russ.).

PASHTOVA M.M. *Adygsкая smekhovaya kul'tura: kontekstual'naya obuslovlennost'* [Adyghe laughter culture: contextual conditioning]. IN: *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adyghe State University]. – 2007. – No 2. – P. 277-284. (In Russ.).

PASI I. *Ironiya kak esteticheskaya kategoriya* [Irony as an aesthetic category]. IN: *Marksistsko-leninskaya estetika v bor'be za progressivnoe iskusstvo* [Marxist-Leninist aesthetics in the struggle for progressive art]. – Moscow, 1980. – P. 60-84. (In Russ.).

PIGULEVSKIY V.O. *Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu* [Irony and fiction: from romanticism to postmodernism]. – Rostov-na-Donu: Foliant, 2002. – 418 p. (In Russ.).

PIVOEV V.M. *Ironiya kak esteticheskaya kategoriya* [Irony as an aesthetic category]. IN: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. – 1982. – No 4. – P.54-61. (In Russ.).

POHODNYA S.I. *Yazykovye vidy i sredstva realizacii ironii* [Language types and means of realizing irony]. – Kiev: Naukova dumka, 1989. – 128 p. (In Russ.).

SHEKIHACHEV H.T. *Hamlativ, vozvrashchajsy!* [Hamlativ, come back!]. – Nalchik: El'brus, 1980. – 224 p. (In Kabardin-Circassian).

*Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka* [Dictionary of the Kabardian-Circassian language]. – Moscow: Digora, 1999. – 860 p. (In Russ., In Kabardin-Circassian).

ТОКМАКОВА М.Н. *Emotivnaya leksika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Emotive vocabulary of the Kabardian-Circassian language]. – Nalchik: *Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh* [: M. and V. Kotlyarov Publishing House], 2017. – 274 p. (In Russ.).

ТОКМАКОВА М.Н. *Enantiosemiya v emotivnoj leksike kabardino-cherkesskogo yazyka* [Enantiosemy in the emotive vocabulary of the Kabardian-Circassian language]. IN: *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii «Russkoyazychie i bi(poli)lingvizm v mezhkul'turnoj kommunikacii 21 veka: kognitivno-konceptual'nye aspekty» (14-17 maya 2008, Pyatigorsk)* [Materials of the International scientific and methodological conference “Russian language and bi(poly)lingualism in intercultural communication of the 21st century: cognitive and conceptual aspects” (May 14-17, 2008, Pyatigorsk)]. – 2008. – P. 172-173. (In Russ.).

UTIZHEV B.K. *Sled* [Track]. – Nalchik: El'brus, 2007. – 628 p. (In Kabardin-Circassian).

UTIZHEV B.K. *YUmor, satira* [Humor, satire]. – Nalchik: El'brus, 1981. – 400 p. (In Kabardin-Circassian).

ZAVRUMOV Z.A. *Implicitnost' ironii v semanticheskom prostranstve hudozhestvennogo teksta* [Implicitness of irony in the semantic space of a literary text]. IN: *Vestnik RUDN, seriya «Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika»* [RUDN University Bulletin, series “Theory of Language. Semiotics. Semantics”]. – 2016. – No 2 . – P.51-55. (In Russ.).

ZHELVATYH T.A. *Tekstovoe predstavlenie ironii kak intellektual'noj emocii (na materiale dramaturgii i prozy M.A. Bulgakova): avtoref. diss. ...k.f.n.* [Textual representation of irony as an intellectual emotion (based on the drama and prose of M.A. Bulgakov)]. – Ufa, 2006. – 26 p. (In Russ.).

#### **Информация об авторах**

Б.Ч. Бижоев – доктор филологических наук.

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук.

#### **Information about the authors**

B.Ch. Bizhоеv – Doctor of Science (Philology).

M.H. Tokmakova – Candidate of Science (Philology).

**Вклад авторов:** все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

# **Теоретическая, прикладная** **и сравнительно-сопоставительная лингвистика**

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-334-352

EDN: YNVSUO

## **ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В.И. АБАЕВА И ОСЕТИНО-КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЕ ИДЕОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

**Рашид Султанович Аликаев<sup>1</sup>, Вячеслав Хаугиевич Унатлоков<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

<sup>1</sup> [ralikaev@mail.ru](mailto:ralikaev@mail.ru), <http://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

<sup>2</sup> [yunatlokov@mail.ru](mailto:yunatlokov@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0756-9323>

**Аннотация.** Статья посвящена лингвофилософской концепции выдающегося отечественного теоретика, историка и философа языка, крупнейшего ираниста Василий Ивановича Абаева. Аспекты авторской лингвофилософской концепции излагаются на материале двух работ В.И. Абаева: «Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка» (1970) и «Языка как идеология и язык как техника» (1934). Особое внимание в этих работах он уделяет проблеме происхождения человеческого языка. Сама теория происхождения языка, по его мнению, должна опираться на оптимальную научную теорию, которая исходит из правильных теоретических предпосылок и согласуется с доступными эмпирическими данными. Для объяснения происхождения языка важным является не грамматика языка, а предметно – значимая лексика, ибо он полагает, что происхождение лексики является единой и цельной проблемой, а происхождение грамматики неизбежно дробится на ряд частных вопросов.

Язык, по мнению В.И. Абаева, возник не из биологических, а социальных потребностей человека, из потребности относить вещи к своему коллективу, накладывая на них свое «тавро».

Особое внимание уделяется понятию идеосемантики, введенного впервые В.И. Абаевым в научный оборот. Он выделяет два типа семантики: малая семантика (или сигнальная, техническая), включающая общеобязательный минимум смысловых функций, определяющий современное коммуникативное использование слова, и большая семантика, представляющая собой сумму тех сопутствующих познавательных и эмоциональных представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и настоящем. Это более широкое понимание семантики он обозначил термином «идеосемантика». Идеосемантика, по мнению В.И. Абаева, является важнейшим критерием для исторической характеристики языковых явлений. Ценность языка на раннем этапе его становления В.И. Абаев видит в его «этнодемаркационной функции»

В заключении статьи приведены идеосемантические параллели в трех генетически и структурно разнотипных языках: осетинском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском.

**Ключевые слова:** В.И. Абаев, лингвофилософия, идеосемантика, происхождение языка, осетинский язык, кабардино-черкесский язык, карачаево-балкарский язык.

**Для цитирования:** Аликаев Р.С., Унатлоков В.Х. Лингвофилософская концепция В.И. Абаева и осетино-кабардино-балкарские идеосемантические параллели // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 334-352. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-334-352. EDN: YNVSUO.

---

© Аликаев Р.С., Унатлоков В.Х., 2024

Original article

## V.I. ABAEV'S LINGUOPHILOSOPHICAL CONCEPT AND OSSETIAN-KABARDINO-BALKARIAN IDEOSEMANTIC PARALLELS

**Rashid S. Alikaev<sup>1</sup>, Vyacheslav Kh. Unatlokov<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

<sup>1</sup> [ralikaev@mail.ru](mailto:ralikaev@mail.ru), <http://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

<sup>2</sup> [yunatlokov@mail.ru](mailto:yunatlokov@mail.ru), <http://orcid.org/0000-0003-0756-9323>

**Abstract.** The article is devoted to the linguophilosophical concept of the outstanding Russian theorist, historian and philosopher of language, the largest Iranian scholar Vasily Ivanovich Abaev. The aspects of the author's linguophilosophical concept are presented based on two works by V.I. Abaev: "Reflection of the work of consciousness in the lexico-semantic system of language" (1970) and "Language as ideology and language as technique" (1934). In these works, he pays special attention to the problem of the origin of human language. The theory of the origin of language itself, in his opinion, should be based on an optimal scientific theory that proceeds from the correct theoretical premises and is consistent with the available empirical data. To explain the origin of a language, it is not the grammar of the language that is important, but the subject-significant vocabulary, as he believes that the origin of vocabulary is a single and integral problem, and the origin of grammar is inevitably divided into several particular issues.

Language, according to V.I. Abaev, arose not from biological, but from the social needs of a person, from the need to relate things to their collective, to impose their own "brand" on them.

Special attention is paid to the concept of ideosemantics, firstly introduced by V.I. Abaev into scientific circulation. He distinguishes two types of semantics: small semantics (or signal, technical), which includes a mandatory minimum of semantic functions that determine the modern communicative use of the word, and large semantics, which is the sum of those concomitant cognitive and emotional representations that reflect the complex inner life of the word in its past and present. He defined this broader understanding of semantics by the term "ideosemantics". Ideosemantics, according to V. Abaev, is the most important criterion for the historical characterization of linguistic phenomena. V. Abaev sees the value of language at an early stage of its formation in its "ethnodemarkation function".

In conclusion, the article presents ideosemantic parallels in three genetically and structurally diverse languages: Ossetian, Kabardino-Circassian and Karachay-Balkar.

**Key words:** V.I. Abaev, linguophilosophy, ideosemantics, origin of language, Ossetian language, Kabardian-Circassian language, Karachay-Balkar language.

**For citation:** Alikaev R.S., Unatlokov V.Kh. V.I. Abaev's linguophilosophical concept and ossetian-kabardino-balkarian ideosemantic parallels. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 334-352. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-334-352. EDN: YNVSUO.

---

© Alikaev R.S., Unatlokov V.Kh., 2024

Василий Иванович Абаев внес существенный вклад в отечественное языкознание, хотя его имя с завидной регулярностью появлялось только в связи с критикой теории Н.Я. Марра. Он обладал фундаментальной филологической подготовкой, его научные интересы были связаны не только с вопросами теории, истории и мифологии иранских языков, в частности осетинского языка, он, занимаясь этимологией иранских языков, привлекал материал большого языкового массива: от финно-угорских, кавказских, европейских языков до санскрита и древнеиндийского. Знакомство с его работами показывает великолепное владение французским и немецким языками.

Особое место в его научной деятельности занимает фундаментальный «Историко-этимологический словарь осетинского языка» в 5 томах (1958-1995), где в деталях прослеживается этимология и история осетинских слов и внешние связи осетинского языка с целым рядом разнородных языков мира [Абаев 1958-1995]. На основе препарирования языкового материала в данной работе еще многое можно обнаружить о его видении языка и его функций, формировании языка и его исторических связей, становлении лексики языка и влиянии на нее соседствующих языков, т.е. многое еще предстоит раскрыть и понять в этих этимологических статьях.

В лингвистическом наследии В.И. Абаева разработке основных теоретических проблем языкознания посвящены две работы: «Языка как идеология и язык как техника» (1934) [Абаев 1995: 45-83; Абаев 2006: 27-66] и «Еще о языке как идеологии и о языке как технике» (1936) [Абаев 2006: 45-58]. Некоторые теоретические мысли о языке сформулированы также в работе «Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка» [Абаев 1995: 7-44]. В них, на наш взгляд, наиболее системно изложена его лингвофилософская концепция. Эти же работы до известной степени позволяют судить об особенностях формирования отечественного языкознания на раннем этапе его становления.

Обратимся к работе «Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка» [Абаев 1995: 7-44], где В.И. Абаев, объясняя свой подход к описанию и анализу языковых фактов, пишет, что исследование эмпирических фактов сочеталось в науке всегда с гипотезами и обобщающими теориями, которые, как правило, основывались часто на не весьма неполной индукции. Он считает, что теория происхождения языка должна опираться на оптимальную научную гипотезу, которая: «1) исходит из правильных теоретических предпосылок; 2) лучше согласуется с доступными эмпирическими данными, дает им наиболее удовлетворительное объяснение» [Абаев 1995: 9].

Обращаясь к вопросу о генезисе языка, В.И. Абаев утверждает: «Язык родился не из потребности давать вещам названия, а из потребности относить вещи к своему коллективу, накладывая на них свое «тавро» [Абаев 1995: 10]. «Язык возник не из биологических, а социальных потребностей человека» [Абаев 1995: 12].

Говоря о происхождении языка, по мнению В.И. Абаева, следует иметь в виду происхождение предметно-значимой лексики, а не грамматику, ибо они различаются и генетически, и функционально. Лексика отличается от грамматики тем, что «целиком соотносима с объективной действительностью», грамматика



же соотносима лишь отдельными элементами. В лексике, которая хронологически предшествует грамматике, утверждает В.И. Абаев, важным является познавательный аспект языка, в грамматике – коммуникативно-технический. Если лексика представляет собой бытие, прошедшее через общественное сознание, то грамматика – социально отработанные приемы организации языкового материала для коммуникативных целей. Василий Иванович считает, что невозможна теория языка, которая объясняла бы одновременно происхождение лексики и грамматики, т.к. «происхождение лексики является единой и цельной проблемой», а «происхождение грамматики неизбежно дробится на ряд частных вопросов» [Абаев 1995: 11].

Интересно мнение о происхождении человеческой речи: основой для первых слов служили «звуковые сигналы, которыми уже обладали животные предки человека». Однако разгадку генезиса человеческой речи следует «искать, разумеется, не в количественном умножении этих сигнальных звуков, а в их качественном преобразовании, точнее – в новом характере связи между звучанием и значением, которая у человека изначально «отрабатывалась социально, в каждом осознавшем себя коллективом (стаде, орде, группе)» [Абаев 1995: 11]. Сигнальные звуки трансформировались в слова в процессе трения человеческих групп друг с другом [Абаев 1995: 13]. В.И. Абаев полагает, что приемлемой является только та теория возникновения языка, которая с самого начала отмечает условный характер связи между звучанием и значением языковой единицы. Эта условность и есть начало возникновения человеческой речи [Абаев 1995: 21].

В.И. Абаев отмечает, что «самые мелкие и мельчайшие языковые группы с поразительной цепкостью держатся за родную речь, хотя коммуникативные нужды повелительно толкают их на путь языковой ассимиляции и объединения с соседями» [Абаев 1995: 18]. Эта цепкость отражала социальную особенность этноса, отказ от которой означал потерю собственного лица и самобытности. Из этого он делает вывод о том, что ценность языка заключалась в его «этнодемаркационной функции» [Абаев 1995: 18].

Василий Иванович полагает, что любые трансформации в человеческих коллективах и их взаимоотношениях влекли за собой «обогащение и совершенствование речевых средств и способствовали быстрому прогрессу сознания и языка. Часть отработанных звуковых комплексов утрачивала свою слишком субъективную, односторонне окрашенную коллективным эгоизмом семантику. Язык все более становился орудием познания объективной действительности» [Абаев 1995: 41-42].

Перейдем теперь к работе «Язык как идеология и язык как техника» (1934), где впервые зафиксирован термин «идеосемантика» [Абаев 1995: 45-83].

Работа включает следующие разделы: «Когда семантика перерастает в идеологию» [Абаев 1995: 45-48], «Непрерывный процесс технизации» [Абаев 1995: 48-52], «Закон социализации и закон преемственности» [Абаев 1995: 52-55], «Технизация как фактор языкового развития» [Абаев 1995: 55-62], «О типологической классификации языков» [Абаев 1995: 62-66], «Понятие идеосемантики» [Абаев 1995: 66-83].

Свое рассуждение о языке В.И. Абаев начинает с семантики, которую он делит на техническую и идеологическую. Различия между этими двумя понятиями он иллюстрирует на пример латинского слова *rescupia* «деньги». В этом значении, утверждает Василий Иванович, мы ничего более не подразумеваем и остаемся в пределах коммуникативной, технической семантики. Однако, как только мы «устанавливаем связь этого слова с латинским же словом *rescus* в значении «скот», семантический анализ получает силу и значение идеологического» [Абаев 1995: 45]. Выражаясь терминами Василия Ивановича, «существуют две семантики: семантика изолированных, технических значений – техническая семантика, и семантика генезиса и взаимосвязи значений – идеологическая семантика» [Абаев 1995: 45].

Следует особо отметить, что термины «техническая и идеологическая семантика», противопоставленные друг другу, не означают противопоставление формы и содержания: форма относится к технике, а семантика и к технике, и к идеологии.

В следующем примере он еще транспарентно показывает соотношение этих двух понятий: «Осетинское слово *wazdan* имеет два значения: «человек высшего сословия» («уздень») и «вежливый». Взятые изолированно, каждое из этих значений несет чисто техническую функцию в коммуникации. Но сопоставление этих двух технических значений вводит нас уже в круг определенных идеологических представлений известной социальной среды, согласно которым вежливость есть свойство людей высшего класса» [Абаев 1995: 45].

Приводя примеры этноспецифической номинации вещей в разных языках, Василий Иванович объясняет это наличием особого мировоззрения и особых условий общественного существования в период формирования конкретной единицы языка.

Каждое слово в языке (он употребляет чаще термин «речь») у его носителя вызывает два вопроса: что означает конкретная единица языка и каким способом данная единица выражается. По мнению Василия Ивановича, техническая семантика отвечает на первый вопрос, а на второй вопрос – идеологическая семантика, исследуя пути становления языковых (речевых) категорий, устанавливая ассоциативные пути, по которым происходит номинация предметов окружающего мира. Её задачей является также показ особенностей смены одних значений другими, участия старых языковых единиц в процессе номинации новых понятий [Абаев 1995: 46].

В разделе под названием «ВОСПРИЯТИЕ – ОСОЗНАНИЕ – НАРЕЧЕНИЕ» отмечается, что для отражения нового явления в языке недостаточно, чтобы оно было языковым коллективом воспринято, а необходимо его осознание и приобщение «к системе хозяйственного и социального опыта данного коллектива», выражаясь другими словами, оно нуждается в вербализации средствами языка. На вопрос о том, как эта потребность удовлетворяется языком, путем изобретения совершенного нового слова, формы или оборота, Василий Иванович отвечает: «Ни в коем случае. Элементы изобретательства почти совершенно в языке отсутствуют» [Абаев 1995: 46]. Номинативные стратегии при обозначении нового явления в обществе базируются, по мнению В.И. Абаева,

на старом языковом (у Абаева речевом) материале на основе комбинации, изменения или приспособления существующего материала, обладающего известной вариативностью, при этом в конкретной среде (т.е. в языке или языковом коллективе) наречение происходит одним определенным способом. Оно при этом теснейшим образом связано с вырастающим на специфичной для данного этноса материальной основе мировоззрения и идеологии [Абаев 1995: 46-47].

В.И. Абаев отмечает, что одинаковые нормы языковых (речевых) новообразований детерминированы одинаковыми условиями бытия, в которых находится носитель языка. Причина того, что в различных языках «одно и то же, по своей объективной сущности, явление или отношение может выражаться... совершенно различными способами и обратно», кроется не в ощущении, а в осознании, которое включает или учитывает результаты всего предшествующего опыта. Процесс осознания и наречения нового явления или предмета протекает как включение его в существующие в языке семантические комплексы, занимая подобным образом свое место в «*системе всей нашей осознанной, идеологизированной практики*». Наречение в этом смысле представляет собой связь нового семантического комплекса со старыми, т.е. процесс использования старых, существующих в языке средств для номинации новообразования. В процессе осознания и наречения вещей, по мнению В.И. Абаева, независимо от желания носителя языка или языкового коллектива, проявляется его общественно детерминированное мышление, мировоззрение, идеология. При этом технический аспект речи информирует об объеме общественной практики, а идеологический – об идеологическом осознании этой практики [Абаев 1995: 47]. Идеология в данный период времени обладает широким смыслом и включает в себе и комплекс обыденных представлений людей о мире.

Элемент речи, являясь носителем конкретного технического значения, соответствует реально существующему в объективном мире факту или отношению и представляет техническую значимость, образуя «ядро», способное переходить из эпохи в эпоху, отражая эмпирический опыт человека и этноса. В процессе дальнейшего развития на указанное объективное «ядро» наслаивается комплекс сопутствующих семантических представлений, образуя «оболочку», которая, по образному выражению Василий Ивановича, «придает речевому элементу известный идеологический аромат». «Ядро» находит свое отражение непосредственно в предметной действительности, а «оболочка» – в общественной идеологии. Дополнительно отмечается, что «ядро» связано с научным познанием, а «оболочка» с широким рядом всевозможных мифологических, религиозных, метафизических и поэтических построений [Абаев 1995: 48].

В следующем разделе «НЕПРЕРЫВНЫЙ ПРОЦЕСС ТЕХНИЗАЦИИ» В.И. Абаев отмечает, что в коммуникативном процессе семантический центр новообразования, отражающего особенности мышления и мировоззрения ограниченной социальной группы, все ближе перемещается к «ядру», т.е. к технической значимости. Переходя за рамки данной социальной среды, в процессе коммуникативного акта, новообразование сохраняет только техническое значение, т.е. из всей семантики «ядра» с «оболочкой» изначально берется только «ядро», при этом сохраняется оформление вокруг него новой, собственной оболочки

[Абаев 1995: 49]. В.И. Абаев представляет технизацию как чисто семантический процесс сужения, редукции и специализации значения, которые не позволяют осознать идеологически «оболочечные» представления и ассоциации, связанные с возникновением конкретного речевого образования [Абаев 1995: 50].

Подчеркивая динамичный характер развития языка как исторической категории, В.И. Абаев отмечает, что в повседневном языке «множество таких слов, оборотов и целых речевых категорий, что если бы их смысл и значение осознавались нами так же живо и полно, как в момент их образования, употребление их было бы совершенно невозможно, либо по бессмысленности их теперь, либо по несоответствию их современным нашим представлениям о вещах и отношениях» [Абаев 1995: 50-51].

Отмечая наличие у лексических, морфологических и синтаксических элементов языка в момент их образования, кроме технического, еще и идеологического содержания, находящего свое выражение в способе их построения, в их взаимоотношениях с остальным языковым материалом, В.И. Абаев, утверждает, что последнее актуально для носителя языка «только в первый период его существования, пока остается в силе породившая и питающая его система общественной практики и мировоззрения» [Абаев 1995: 51]. Выражаясь другими словами, «идеология речевого образования отживает и забывается, само же образование, его материальная форма может еще неопределенно долго продолжать свое существование, но уже в выдохшемся, десемантизированном, технизированном виде» [Абаев 1995: 51]. Динамика языкового развития, по мнению В.И. Абаева, проявляется в перманентном процессе семантической дедукции, специализации и технизации, протекая как по линии затемнения сознания существующей между различными элементами речи идеологической связи, так и по линии ослабления семантической живости и напряженности отдельных звеньев речи, создавая предпосылки для фонетического ослабления и перерождения.

И грамматика как структура языка представляет собой прямой результат технизации. В.И. Абаев отмечает, что в дограмматическом состоянии в языке существуют формально и функционально диффузные слова-образы и слова – понятия. Становление грамматических категорий из этой диффузной массы объясняется следующим образом: «каждое слово-понятие, начиная употребляться в коммуникативной практике по преимуществу в одной какой-нибудь функции, семантически суживается и технизуется в этой специфической функции и, таким образом, становится либо именем, либо глаголом, либо местоимением, либо предлогом и т. д., приобретая постепенно все связанные с этим логические и формальные характеристики. Так рождается грамматика» [Абаев 1995: 51-52].

Процессу технизации имеет прямое отношение и к становлению морфологии, например, превращение самостоятельных слов в служебные, что обуславливает переход от аморфности к агглютинации и флексии. Василий Иванович отмечает, что перестройка морфологии необходимо влечет за собой перестройку синтаксиса, т.е. что изменения на одном уровне языке вызывают изменения на другом уровне языка, что свидетельствует о технизации как решающем фактора языкового развития.

Следующий раздел называется «ЗАКОН СОЦИАЛИЗАЦИИ И ЗАКОН ПРЕЕМСТВЕННОСТИ».

Закон социализации и закон преемственности как факторы истории развития языка Василием Ивановичем рассматриваются как последствия процесса технизации.

В рамках закона социализации Василий Иванович обращается к проблеме особенностей коммуникации в человеческом коллективе, представляющей собой единое целое, но внутри которого функционирует ряд различных языков и диалектов. Василий Иванович полагает, что коммуникация в таком коллективе протекает посредством смешения различных языков и образования на этой основе смешанного языка или путем экспансии одного из функционирующих в коллективе языков и вытеснением других языков, что, по его мнению, характерно для ранних периодов развития человеческого общества.

Здесь также сформулирована мысль о становлении национального языка. По его мнению, конкуренция языков в человеческом коллективе, в результате которой появляется доминантный язык, характерна для более поздних этапов развития человеческого общества, а именно, для классового общества. Этот доминантный язык, расширяя свою функциональную сферу, выходя за пределы собственного коллектива, приобретает статус национального языка. Однако при этом следы прежнего многоязычия остаются в виде диалектов и наречий. Отмечается также, что язык, получивший статус общенационального, обогащается до известной степени элементами поглощаемых в процессе экспансии языков [Абаев 1995: 52-53].

Интересна мысль о преемственности языка в истории развития человеческого общества. Василий Иванович отмечает, что в процессе развития общества язык коренным образом не изменяется, общество продолжает пользоваться в коммуникации прежним языком, выступающим теперь как техника общения, а сама идеология выражается не в элементах языка, а в связанной речи, во фразе и рассуждениях. Выражаясь словами Василия Ивановича, «на смену идеологии, выраженной в самом языке (как идеологической системе), приходит идеология, выраженная с помощью языка (как коммуникативной системы)» [Абаев 1995: 53-54]. Специфика развития языка в обществе как коммуникативной системы, по мнению В.И. Абаева, заключается в том, что в процессе становления язык представляет собой некую идеологию, то с течением времени он все более превращается в технику, в технику «для выражения других идеологий, ... для обслуживания общественной коммуникации» [Абаев 1995: 54].

Касаясь вопроса исторической изменчивости языка, В.И. Абаев пишет: «...языку позволено изменяться, но так, чтобы каждое новое поколение могло объясняться с предшествующим. Изменяясь в этих рамках, язык может в 200–300 лет стать неузнаваемым» [Абаев 1995: 54].

В.И. Абаев отмечает неравномерность трансформаций языковых уровней и пишет: «Оценивая современные языки с точки зрения отражения в их структуре современных же общественных идеологий, мы находим кое-что в семантике и лексике, почти ничего в синтаксисе и ровно ничего в морфологии. Если как техника язык обрабатывается и обновляется каждый день, то как идеология он

основными своими контурами уходит в прошлое и лишь некоторыми элементами – в современность» [Абаев 1995: 55].

Следующий раздел посвящен технизации как фактору языкового развития.

Называя существующие концепции причин изменения языка, которые все же не дали полного ответа на данный феномен, В.И. Абаев отмечает, что «вопросы фонетической эволюции вообще изменения языка ни в коем случае не могут быть рассматриваемы изолированно от семантики», ...«нет ни одного фонетического изменения в языке, большого или малого, общего или частного, «закономерного» или «случайного», которое не предполагало бы в качестве необходимой предпосылки, в качестве *conditio, sine qua non*» той или иной формы или степени семантического смещения, семантического сужения или семантической редукции» [Абаев 1995: 56].

Подчеркивая важность семантики для функционирования языковой единицы, В.И. Абаев пишет: «Внешняя деформация языка есть результат деформации внутренней, семантической. Чтобы расстроить «плоть» языка, достаточно поразить его «душу», его семантику. Пока речь семантически наполнена, насыщена во всех своих элементах, она требует адекватной полноты материального, звукового выражения, ибо всякое уклонение ощущалось бы как нарушение, как ущерб для отчетливо осознаваемого говорящим семантического содержания. Живая, действенная семантика держит как бы на цепи все элементы речи, предохраняя их от распада и перерождения. Она, как цемент, скрепляет многообразные части сложного языкового здания» [Абаев 1995: 56].

Затрагивая в связи с семантикой проблему системности языка, В.И. Абаев отмечает: «Когда мы говорим, что язык уподобляется некоей системе, не следует думать, что речь идет о какой-то последовательной и выдержанной логической системе. Всякие попытки логизировать неизменно кончаются крахом, безразлично, идет ли речь о примитивном или ультрацивилизованном языке» [Абаев 1995: 59].

Динамика развития языка видится в том, что классификации объектов становятся несравненно сложнее и многообразнее, что обусловлено сложностью и многообразием общественных отношений, когнитивного потенциала самого носителя языка [Абаев 1995: 60], что не дает возможность все это адекватно отразить в языковой структуре, «ибо язык, отягощенный столь большой и сложной идеологической нагрузкой, оказался бы несостоятельным в своей технической функции общенационального и преемственного орудия коммуникации» [Абаев 1995: 60].

Далее Василий Иванович отмечает: «Язык, как живая познавательная система, должен быть (в теории!) строго логичен. Для языка как традиционной коммуникативной системы это отнюдь не обязательно. Реально существующие языки представляют бесконечно пеструю картину разных форм и степеней компромисса между логически-познавательными и формально-техническими категориями» [Абаев 1995: 61].

Следы прошлого человеческого коллектива так или иначе сохраняются в грамматической и лексической структуре языка в десемантизированном виде как «обрывки и клочья мировоззрений прошлого, в сильнейшей степени иска-

женные, замаскированные и перепутанные процессами технизации» [Абаев 1995: 61].

Следующий раздел работы посвящен типологической классификации языков. В данном разделе он отмечает возможность двойного подхода к типологической классификации языков, обусловленный самой природой языка, с одной стороны, оперирование содержательным, идеологическим аспектом языка, с другой, учет его формальных и технических характеристик, т.е. подчеркивается важность как семантических, так формальных критериев [Абаев 1995: 62-63].

И наконец, работа завершается разделом «Идеосемантика».

Концепция идеосемантики является существенной частью размышлений о сути языка и важным вкладом В.И. Абаева в общую теорию языка. При обращении к содержанию его работы не следует забывать особенности эпохи написания работы.

В.И. Абаев отмечает, что слово в языке проходит огромный путь, путь «не в сорок веков, а по меньшей мере в сорок тысячелетий», прежде чем оформилось современное его значение. В истории слова кроется история всего человеческого языка и мышления. Любое слово нашей речи, прежде чем получить современное обиходное значение, прошло сложную семантическую историю, ведущую нас в конечном счете к начальным словотворческим усилиям человека. Историческую семасиологию нельзя построить на данных памятников языка, ибо «отрезок времени, охватываемый письменными памятниками, столь ничтожен по сравнению с «геологическими» масштабами глоттогонии» [Абаев 1995: 67].

Языковед-историк, по мнению В.И. Абаева, должен определить пути трансформаций значений слова в истории существования языка и каким образом в этих трансформациях отразились особенности познавательных связей человека как носителя языка с окружающим его миром.

Он выделяет два типа семантики: малая семантика (или сигнальная, техническая), включающая общеобязательный минимум смысловых функций, определяющий современное коммуникативное использование слова, и большая семантика, представляющая собой сумму тех сопутствующих познавательных и эмоциональных представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и настоящем. Это более широкое понимание семантики он обозначил термином «идеосемантика» [Абаев 1936: 12].

Данный термин в отечественном языкознании достаточно редко употребляется, вместо него функционирует термин «внутренняя форма» (В. фон Гумбольдт, переработанное А.А. Потебней), сам В.И. Абаев отмечает, что понятие идеосемантики близко подходит к понятию «внутренней формы» [Абаев 1995: 68], до некоторой степени с идеосемантикой пересекаются термины «культурная память языка», «историческая» или «скрытая память языка», а в последствии – т.н. «языковая картина мира» и «языковая модель мира». В исследованиях конца XX – начала XXI в., связанных с реконструкцией значения с помощью художественного текста, термин идеосемантика также не употреблялся. Термин и специальный раздел, посвященный идеосемантике, мы встречаем в диссертационном исследовании А.А. Сосниной [Соснина 2016].

Итак, по мнению В.И. Абаева, понятие идеосемантики теснейшим образом связано с исторической лексикологией, где ее сфера употребления весьма разнообразна. В работе отмечаются следующие функции идеосемантики: 1) этимология вскрывает идеосемантику, идеосемантика вводит в исторические реалии; 2) устанавливаемая сравнительно-лингвистическим путем идеосемантика наводит на правильную этимологию; 3) идеосемантика вводит нас в мировоззрение человека на различных, зачастую весьма отдаленных, стадиях развития общества [Абаев 1995: 70].

Василий Иванович убежден, что все, что характеризует лексику в ее познавательной функции, находит свое выражение в идеосемантике, которая, по его мнению, составляет «нерв и душу всякого исторического исследования в области лексики» [Абаев 1995: 71].

Не меньшее значение идеосемантика представляет не только для лингвиста, но и для литературоведа и писателя, о чем он пишет: «Предшествующие этапы развития данного семантического комплекса могут как-то сохраниться в семантической структуре слова, окружая его тончайшей идеосемантической оболочкой, почти неуловимой, да и несущественной в повседневной речи, но весьма важной, скажем, для поэта или переводчика художественного произведения» [Абаев 1995: 72]. Эти самым он подчеркивает большую значимость идеосемантики для художественной речи. Далее он аргументирует значимость идеосемантики следующим образом: «Можно даже сказать, что значение идеосемантики в художественной речи особенно велико. Если в научном языке естественно стремление употреблять слово в его максимально точном, ограниченном, технизованном значении, то для художника слова высшим мастерством и достижением является, напротив, – умение заставить играть слово всеми теми многообразными и тонкими идеосемантическими оттенками и ассоциациями, которые оно несет с собой из глубины своего прошлого. И при переводе художественного произведения с одного языка на другой часто приходится считаться в большей степени с этой идеосемантической оболочкой, чем технизованным «ядром» [Абаев 1995: 72].

Углубляя содержательную дефиницию термина идеосемантика, В.И. Абаев отмечает его особые функциональные черты: «Между тем, идеосемантика – это не неподвижная форма, а именно жизнь, т. е. нечто изменяющееся, подвижное, динамическое, как изменчива, подвижна и динамична сама мысль. Идеосемантика в нашем понимании не есть что-то данное раз и навсегда, предопределенное этимологией слова. Как все живое, она возникает, развивается, отмирает с тем, чтобы затем снова ожить на путях уже нового осмысления старой звуковой формы. Это – вечно живой и деятельный процесс, которому не видно предела, пока вообще существует человеческая речь» [Абаев 1995: 73].

Определяя функциональные особенности идеосемантики, В.И. Абаева замечает, что «идеосемантика может пребывать подолгу в полусознанном состоянии, лишь иногда и при особых обстоятельствах, подымаясь в сферу ясного сознания. Именно поэтому овладение всей гаммой идеосемантических оттенков слов какого-либо языка требует чрезвычайно интимного знакомства с этим языком. Идеосемантика начинается там, где начинаются тонкости и нюансы.



Истинное очарование всякого языка заключено в его идеосемантических тайнах. Кто не овладел этими тайнами, тот не должен говорить, что он знает язык» [Абаев 1995: 75-76].

Золотое свойство языка, раскрываемое идиосемантикой, заключается в том, что «от него ведут живые нити и вглубь – к бытию, вещам, материальному существованию, и ввысь – к сознанию, мышлению, идеологии» [Абаев 1995: 76].

На вопрос, поставленным им самим «Итак, что же такое идеосемантика?», он дает следующий ответ: «Идеосемантика определяется нами как совокупность тех симпатических и антагонистических смысловых связей, которые идут от данного слова-понятия к другим словам-понятиям. Иными словами, идеосемантика слова раскрывается, с одной стороны, в том, с какими другими словами-понятиями оно мыслится или мыслилось как родственное, близкое, взаимозаменяемое; с другой стороны, в том, каким другим словам-понятиям оно противопоставляется или противопоставлялось как антагонистическое, оппонирующее. Идеосемантика включает весь комплекс сопутствующих познавательных и эмоциональных «созначений», которыми окружено основное значение слова» [Абаев 1995: 76-77].

Далее он сравнивает идеосемантику с музыкальными обертонами, утверждая, что идеосемантика – это и есть смысловые обертоны, сопровождающие «основное простое значение и образующие вместе с ним одно сложное семантическое целое». Выражаясь другими словами, идеосемантические «обертоны» окрашивают каждое слово особым семантическим оттенком, благодаря чему даже близкие по содержанию слова различаются едва уловимыми смысловыми оттенками. Идеосемантика постоянный спутник слова, как обертоны в музыке [Абаев 1995: 77].

В.И. Абаеву презентирует идеосемантику в первую очередь как понятие исторического языкознания, которая представляет собой не историю отдельных языков или языковых групп, а историю языкомышления, т.е. идеосемантика может употребляться и как понятие общего языкознания [Абаев 1995: 78].

По мнению В.И. Абаева, идеосемантика, раскрывающая различными способами познавательно-идеологические функции языка, охватывает все стороны языка, т.е. «идеосемантика – это все то, что характеризует язык как идеологию» [Абаев 1995: 79].

Несмотря на существующее многообразие идеосемантических особенностей языков, все они также объединены некоторым набором общих черт. В.И. Абаев отмечает: «Поскольку идеосемантика есть не что иное, как объективация в языке общественной идеологии, естественно, что в самых различных языках мы можем и должны находить сходные идеосемантические явления и нормы, как закономерный результат сходных условий общественного существования, мышления, мировоззрения» [Абаев 1995: 79].

В отдельных случаях интерпретации идиосемантики В.И. Абаев использует и термины «языковые стадии» и «стадиальность» вслед за Н.Я. Марром, но эти термины в данном случае затрагивают только интерпретацию примеров и не влияют на общее содержательное определение основного термина. Так, например, он утверждает: «Целый комплекс таких взаимосвязанных идеосе-

мантических норм указывает на некое единство исторической стадии, к которой этот комплекс относится и которая с такой же необходимостью порождает именно такой, а не иной комплекс, с какой данные условия климата, почвы порождают именно данную, а не иную растительность. Таким образом, если учение о «внутренней форме» привело В. Гумбольдта к «народному духу», то учение об идеосемантике приводит нас к «языковым стадиям» [Абаев 1995: 79]. Или «...идеосемантика – важнейший критерий для исторической (стадиальной) характеристики языковых явлений. Каждый язык в своей лексике, семантике, морфологии, синтаксисе несет отложения разных эпох своей жизни, и вскрываемая историческим анализом идеосемантика различных элементов речи показывает, что в них отражена не одна, а несколько стадий развития мышления, мировоззрения. Следовательно, говорить об идеосемантике языка, как целого, совершенно не приходится. Речь может идти только об идеосемантике отдельных элементов речи» [Абаев 1995: 80-81].

В.И. Абаев, критически оценивая термин «внутренняя форма языка» В. фон Гумбольдта, полагает, что это понятие «делает каждый национальный язык неким замкнутым миром, своеобразным, неповторимым и непроницаемым», а идеосемантика, в его понимании, «является моментом, не только различающим, но и сближающим языки, часто отдаленные друг от друга необозримыми пространствами и не имеющие никакой генетической связи» [Абаев 1995: 80]. Важное дополнение заключается в том, что параллели в области идеосемантики, «в отличие от материальных схождения, независимы от генеалогического родства и возникают на основе общности условий общественного существования и мировоззрения» [Абаев 1995: 80].

В заключительной части своей работы В.И. Абаев формулирует вывод о том, что идеосемантический анализ единиц языка помогает вскрывать пути восприятия и осознания человеком конкретных понятий и отношений общественного опыта, отмечая при этом, что даже весьма отдаленное идеосемантическое содержание речевых элементов может быть донесено до наших дней в виде еле уловимой оболочки смутных ассоциаций, окутывающих «сухое» технизированное ядро значения. Незаметная в обыденной речи, эта оболочка может быть, однако, подхвачена и оживлена художником слова для целей поэтической выразительности и стилового колорита [Абаев 1995: 81-82].

А теперь перейдем к ряду идеосемантических параллелей, обнаруженных в осетинском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском, т.е. в трех структурно и генетически разнородных языках, которые можно объяснить общностью условий общественного существования и мировоззрения, культурного и хозяйственного ареала.

Идеосемантические параллели в исследуемых языках обнаруживаются в анатомической лексике, в номинациях животного и растительного мира, колоронимах, обозначениях календарных единиц и т.д.

#### *Анатомическая лексика:*

1. Каб.-черк. *дзэл* “десна”, кбалк. *тиш эт* “десна”, осет. *даендаджы фыд* “десна”. Данное понятие в трех неродственных языках выражено словами с

одинаковым сложением: каб.-черк. *дзэ*, кбалк. *тиш*, осет. *дæндаджы* “зуб” + каб.-черк. *л/ы*/, кбалк. *эт*, осет. *фыд* “мясо”, что при дословном переводе означает “зубное мясо”.

2. Каб.-черк. *Иупс*, кбалк. *аууз суу* “слюна”: каб. *Иу*, кбалк. *аууз* “рот” + каб. *пс/ы*/, кбалк. *суу* “вода”. Это же мы находим и в осетинском языке слове *комдон* “слюна” = *ком* “рот” + *дон* “вода”. В данных трех языках *псы*, *суу*, *дон* означают не только вода но и река, т.е. водная масса (ручьи, реки, озера, моря и т.п.)

3. Каб.-черк. *нэпс* “слеза”, кбалк. *кёз суу* “слеза”: осет. *цæстысыг* “слеза” *нэ / кёз* “глаз”, *псы / суу* “вода, ручей” – буквально “глаза-вода”. Осетинское *цæстысыг* “слеза”, по мнению В.И. Абаева, дословно означает “струя (сыг) глаза (цæст)” [Абаев 1958: 305]. Сравни также грузинское *kur-sxali* “слеза” из *kur* “глаз” + *sxal* “вода”.

4. Каб.-черк. *нэИу* “щека”, иногда “морда” из *нэ* “глаз” + *Иу* “рот”. Осет. *цæстком* “лицо”, также “совесть”. В.И. Абаев пишет: «Сложение из *цæст+ком*, буквально “глаз-рот”. Обозначение «лица» отдельными его частями (глазом, ртом, носом, щекой) широко распространено, в частности в кавказских языках; ср. аварское *бер-кал* “лицо” <“глаз-рот”, кабардинское *напэ* “глаз” <“глаз-нос” [Абаев 1958: 303-304]. Здесь можно увидеть кбалк. *бет-кьут* “облик”, *бет чырай* “физиономия”.

5. Осетинское *хæффындзтæ* “сопли” (*хæф* “гной” + *фындз* “нос”) по составу и значению совпадает с каб.-черк. *пэшын* “сопли” (*пэ* “нос” + *шын* “гной”), но отличается от карачаевского варианта *бурун бокь* “сопливый” (*бурун* “нос” + *бокь* “кал, дерьмо”, “навоз”, “отбросы”) и балкарского *бурун суу* “сопли” (*бурун* “нос” + *суу* “вода”). Последнее слово совпадает с другим кабардино-черкесским термином *нэпс* “сопли” (*пэ* “нос” + *пс (ы)* “вода”).

#### Колоронимы:

6. Каб.-черк. *тхэрыкьуафэ* “сизый, серо-голубой”, кар.-балк. *кёгюрчюн-бетли* “сизый, серо-голубой”. Состоит из каб.-черк. *тхэрыкьуэ*, кар.-балк. *кёгюрчюн* “голубь” + каб.-черк. *фэ*, кар.-балк. *бетли* “цвет”, дословно “голубь-цвет”. Сравни: русское голубь сизокрылый. Кабардино-черкесское слово *тхэрыкьуафэ* редко употребляется, в основном встречается описательное *гьуабжэщыхуфэ* – буквально “серо-голубой цвет”. Не очень отличается от кабардино-черкесского и карачаево-балкарского осетинское *бæлонхуыз* “голубой” из *бæлон* “голубь домашний” и *хуыз* “цвет”. Ср. русское *голубой*, украинское *голубий* от *голубь* – по синему отливу шейных перьев голубя.

7. Каб.-черк. *удзыфэ* “зеленый” (*удз* “трава” и *фэ* “цвет”), кбалк. *кырдык бетли* “зеленый” (*кырдык* “трава” и *бетли* “цвет”) – собственно “цвет травы”. Ср. осет. *кæрдæгхуыз* “зеленый”: *кæрдæг* “трава” + *хуыз* “цвет”. Интересен тот факт, что в современном кабардинском языке, даже и фольклорных текстах встречаются в основном *удз щхьуантIэ* “голубая трава” (а в балкарском *кёк кырдык*), т.е. считают, что трава бывает и голубого цвета.

8. Каб.-черк. *фоуфэ* “янтарный”, кбалк. *бал бетли* “каштановый”, осет. *мыдхуыз* “темно-русый”, кумык. *бал тюс* “коричневый”: каб.-черк. *фо*, кбалк. *бал*, осет. *мыд*, кумык. *бал* “мёд” + каб.-черк. *фэ*, кбалк. *бетли*, осет. *хуыз*, кумык.

*тjос* “цвет”. В буквальном переводе означают “медового цвета”. Однако в сопоставляемых языках данные слова (хотя имеют одинаковый состав) функционирует в разных значениях: “янтарный” – “каштановый” – “темно-русый” – “коричневый”, на наш взгляд, отражая многообразие цветовой гаммы мёда.

### Животный мир:

9. Каб.-черк. (диал.) *пхъацIэ* “клоп”: *пхъэ* “дерево (древесный)” + *цIэ* “вошь”, кбалк. *агъач бит* “клоп” (*агъач* “дерево (древесный)” + *бит* “вошь”). Ср. осет. *хъæдысыт* “клоп” (*хъæды* “древесный” + *сыт* “вошь”). Литературная кабардино-черкесская форма *гъуанэдэс* “клоп” (*гъуанэ* “дыра” + *дэс* “сидящий” от глагола *дэсын* “сидеть”).

10. Каб.-черк. *жыгыулу* “дятел” (из *жыг* “дерево” и *улу* от глагола *улун* “клевать”). В черкесском и кубанском диалектах ему соответствует *пхъэулу* – из *пхъэ* “дерево (как материал), древесина, деревянный” и *улу*. Из таких же элементов состоит осет. *хъæдохой* “дятел” (из *хъæд* “дерево (как материал), бревно, ствол, деревянный” и *хойын* “стучать, стучать”) [Абаев 1973: 284, 285]. Ср. балк. *агъач къакъгъыч* “дятел” (из *агъач* “дерево (как материал), бревно” *къакъгъыч* от *къакъгъан* «стучать» “стучать”).

### Календарные единицы:

11. Каб.-черк. *махуэку*, кбалк. *орта кюн* “четверг”. Полное совпадение идеосемантики: каб. *махуэ*, кбалк. *кюн* “день” и каб. *ку/ы/*, кбалк. *орта* “середина”, буквально: “день середины”. Сравни русское «среда» от средний – средний день недели. Если в сопоставляемых языках первый день понедельник, логичнее было бы каб.-черк. *тхъэмахуэку*, кбалк. *орта ыйыкъ* (ийыкъ) букв. “середина недели”. Интересно, что в некоторых тюркских языках словосочетание *орта кюн* обозначает “вторник”, например, в караимском. В осетинском подобного образования в значении *четверг* нет. Осет. *цыппæрæм* “четверг” от *цыппар* “четыре” <*цыппæрæм* “четвертый”. Можно сравнить с русск. *четверг* от четвертый.

12. Каб.-черк. *блыщхъэ*, кбалк. *баш кюн* “понедельник” из каб. *блы* “семь”, кбалк. *баш* “голова” и *каб. щхъэ* “голова”. Кабардинское *блыщхъэ* (*блы* “семь” + *щхъэ* “голова”) в дословном переводе означает “семи голова”, а карачаево-балкарское *баш кюн* (*баш* “голова” + *кюн* “день”) буквально означает “голова-день”, т.е. “головной день”. В обоих случаях название первого дня недели образовано с компонентом «голова». Ср. осет. *Къуырисæр* “понедельник” (из *къуыри* “неделя” и *сæр* “голова”), адыг. *Блыпэ* “понедельник” (из *блы* “семь” и *пэ* “начало” – “начало недели”).

Каб.-черк. *тхъэмахуэ* встречается в двух значениях: 1. “воскресенье (день недели)”; 2. “Неделя” и состоит из следующих компонентов: *тхъэ* “Бог” + *махуэ* “день”. Из таких же элементов состоит и осет. *хуыцаубон* “воскресенье (день недели)”: *хуыцау* “Бог” и *бон* “день”. Близкое по семантике и образованию в значении «воскресенье» находим в кбалк. языке слово *ыйых (ийых) кюн* “воскресенье” (из *ыйыкъ / ийыкъ* “неделя” + *кюн* “день”. Данное кбалк. слово совпада-

ет с другим вариантом (в основном разговорном) кабардино-черкесского языка тхьэмахуэ махуэ “воскресенье” (из тхьэмахуэ “неделя” + махуэ “день”).

Следует заметить, что в данных языках (кабардино-черкесском и карачаево-балкарском) часто встречается в разговорной и художественной речи бэзэр махуэ / базар кюн “воскресенье” из каб.-черк. бэзэр, кбалк. Базар “базар, рынок” + каб.-черк. махуэ, кбалк. кюн “день”. Скорее всего, это связано с тем, что воскресенье – нерабочий день и люди часто ходили на базар.

### Флоронимы:

13. Каб.-черк. *хьэбзэгутхьэмнэ* “подорожник большой” (*хьэ* “собака”, *бзэгу* “язык”, *тхьэмнэ* “лист”). В карачаево-балкарском для номинации понятия “подорожник большой” функционирует лексема *ит-тили-чапыракъ* (*ит* “собака”, *тил* “язык”, *чапрыкъ* “лист”). В терском говоре кабардинского языка встречается *шыгъажэтхьэмнэ* “подорожник большой” (*шыгъажэ* “скачка” + *тхьэмнэ* “лист”), ср. осет. *дугъысыф* “подорожник” (*дугъ* “скачка” + *сыф* “лист”). Каб.-черк. *джэдуукIэ* “тысячелистник обыкновенный; “хвощ полевой” состоит из двух компонентов: каб.-черк. *джэдуу* “кошка” + каб.-черк. *кIэ* “хвост”. Такая же идеосемантика встречается в карачаево-балкарском в слове *киштик кьуйрукъ* “timoфеевка” из *киштик* “кошка” + *кьуйрукъ* “хвост”. Ср. осет. (ирон.) *гæдидымæг* “timoфеевка обыкновенная” из *гæды* “кошка” + *дымæг* “хвост”.

14. Каб.-черк. *шыдбанэ*, кбалк. *эшек шинжи* “татарник обыкновенный”: каб.-черк. *шыд*, кбалк. *эшек* “осел”, каб.-черк. *банэ*, кбалк. *шинжи* “колючка”. По этой же модели образовано осет. (ирон.) *хæрæгсынндз*, (диг.) *хæрæгсинндзæ* “татарник” (*хæрæг* “осел, ишак” + *сынндз / синндзæ* “колючка,шип”), чеч. *вирба* “татарник” (*вир* “осел” + *ба* “колючка”). В кабардино-черкесском языке *шыдбанэ* редко употребляется и незафиксировано словарями, более распространенное *хывбанэ* “татарник обыкновенный” (*хыв* “буйвол” + *банэ* “колючка”). Ср. кбалк. *тjое чыгъана* “татарник” (*тjое* “верблюд” + *чыгъана* “колючка”).

15. К идеосемантическим параллелям можно причислить также осет. *сæрибар* 1. “свобода”; 2. “свободный, вольный”. По данному слову в историко-этимологическом словаре осетинского языка В.И. Абаев пишет так: «Сложение из *сæр* “голова” и *бар* “право, воля”, “власть” с соединительным гласным -и-. Такое же сложение, но без соединительного гласного имеем в дигорском *сæрбарæ* “свобода”, “свободный”. По образованию ср. кабардинское *щхьэхуит* “свободный” из *щхьэ* “голова” + *хуит* “вольный”. В этих сложениях «голова» выступает в функции возвратно-притяжательного местоимения “сам”, “свой”: “представленный своей воле”, “вольный над собой”. В грузинском это особенно наглядно, ср. груз. *tavisupali* “свободный” из *tavi* “голова”, *tavisu* “свой” + *upali* “хозяин» [Абаев 1958-1995: 1979, т. III, с. 84]. Такая же идеосемантическая параллель существует в карачаево-балкарском языке: *башына бош* “свободный” из *баш* “голова” и *бош* “вольный” [Унатлоков, Жилетежев 2020: 71-77].

16. Идеосемантическая стратегия номинации обнаруживает также в каб.-черк. *шащхьэ* “сливки” есть сложное слово из *шэ* “молоко” и *щхьэ* “голова”. Из

таких же элементов состоит и кбалк. *сют баиш* “сливки”: *сют* “молоко” + *баиш* “голова” – “молока голова (верх, верхушка)”. Некоторые адыгско-карачаево-балкарские идеосемантические универсалии с *щхъэ* / *баиш* находят близкие материальные и структурно-семантические параллели в других языках. Сравните осетинское *æхсырысæртæ* “сливки” букв. “*верхушки (голова) молока*”, ног. *сутьт басы* “сливки” (*сутьт* “молоко”, *бас* “голова”). В других тюркских языках *сют баиш* не встречается, понятия “сливки, сметана” в большинстве тюркских языков носит общетюркское название *къаймакъ* / *каймак* в разных фонетических вариантах.

При оформлении понятия «глупый» в осетинском, кабардинском и балкарском функционирует одна и та же идеосемантическая модель: сет. *æнахъæл* “безмозглый, глупый”, по мнению В.И. Абаева, представляет собой «сложение осетинской частицы *æнаæ* “без” с араб. *ахъл* “ум”, хотя последнее слово в осетинском отдельно почти не употребляется» [Абаев 1958: 148-149]. Такая идеосемантическая параллель встречается в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском, например: каб.-черк. *акъылынишэ*, кбалк. *Акъылсыз* “глупый, неумный”: из арабского *акъыл* / *акъыл* “ум, рассудок” + *-нишэ* / *-сыз* “без”.

Изложенные выше идеосемантические параллели из трех структурно и генетически неродственных языков Северного Кавказа показывают, что идеосемантика может выступать важнейшим критерием для исторической характеристики и определения статуса языковых явлений.

В целом следует отметить, что лингвофилософская концепция В.И. Абаева до известной степени характеризует особенности становления отечественной лингвофилософии на его начальном этапе. Однако особо следует подчеркнуть, что концептуальные положения В.И. Абаев оставались практически неизменным на протяжении всей его научной деятельности.

В.И. Абаев, обращаясь к проблеме возникновения человеческой речи, считает, что связь между звучанием и значением формирующейся языковой единицы носила условный характер, именно эта условность и определяет начало человеческой речи.

Возникновение языка, по мнению В.И. Абаева, связано с потребностью человека относить вещи к собственному коллективу, накладывая на него свое «тавро». В основе становления человеческого языка как коммуникативного средства лежит не биологическая потребность, а социальная потребность человека. Ценность языка на раннем этапе его становления В.И. Абаев видит в его «этнодемаркационной функции».

В сложные периоды отечественного языкознания В.И. Абаев, подвергнутый резкой критике как последователь Н.Я. Марра, уходит во «внутреннюю научную эмиграцию», работая над фундаментальным трудом, посвященным этимологии осетинского языка.

В статье в эскизном виде изложены аспекты лингвофилософии языка у В.И. Абаева, однако для системного и более масштабного охвата данной проблемы, на наш взгляд, надо проанализировать его высказывания, изложенные в историко-этимологическом словаре.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 1936 – *Абаев В.И.* Ещё о языке как идеологии и как технике // Язык и мышление. – Т. VII. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. – С. 5-18.

Абаев 1958-1995 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. 1 «А–К». – М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1958. – 659 с.; – Т. 2 «L–R». – М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1973. – 451 с.; – Т. 3 «S–T». – Л.: Издательство «Наука» Ленинградское отделение, 1979. – 362 с.; – Т. 4 «U–Z». – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1989. – 330 с.; – Т. 5 «Указатель». – М.: Московская типография № 2 РАН, 1995. – 449 с.

Абаев 1995 – *Абаев В.И.* Избранные труды. Том II. Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ: Ир, 1995. – 724 с.

Абаев 2006 – *Абаев В.И.* Статьи по теории и истории языкознания. М.: Наука, 2006. – 153 с.

Соснина 2016 – *Соснина А.А.* Этимологический анализ русск. пуст – и англ. *empt-* на фоне их идеосемантической актуализации в художественных текстах. Дис. канд. филол. н-к. – Новосибирск, 2016. – 244 с.

Унатлоков, Жилетежев 2020 – *Унатлоков В.Х., Жилетежев Х.Ч.* Этноспецифическое и универсальное в функциональной парадигме лексемы «голова» в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2020. – № 2. – С. 71-77.

## REFERENCES

ABAEV V.I. *Eshche o yazyke kak ideologii i kak tekhnike* [Also about language as an ideology and as a technique]. In: *Yazyk i myshlenie*. – Т. VII. – М.-Л.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936. – S. 5-18. (In Russ.).

ABAEV V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. – Т. 1 «А–К». – М.-Л.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1958. – 659 s.; – Т. 2 «L–R». – М.-Л.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1973. – 451 s.; – Т. 3 «S–T». – Л.: Izdatel'stvo «Nauka» Leningradskoe otdelenie, 1979. – 362 s.; – Т. 4 «U–Z». – Л.: «Nauka» Leningradskoe otdelenie, 1989. – 330 s.; – Т. 5 «Ukazatel'». – М.: Moskovskaya tipografiya № 2 RAN, 1995. – 449 s. (In Russ.).

ABAEV V.I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Tom II. Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie. – Vladikavkaz: Ir, 1995. – 724 s. (In Russ.).

ABAEV V.I. *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniiya* [Articles on the theory and history of linguistics]. – М.: Nauka, 2006. – 153 s. (In Russ.).

SOSNINA A.A. *Etimologicheskii analiz russk. pust – i angl. empt- na fone ikh ideosemanticheskoi aktualizatsii v khudozhestvennykh tekstakh* [Etymological analysis of Russian is empty - and English *empt-* against the background of their ideosemantic actualization in artistic texts]. Dis. kand. filol. n-k. – Novosibirsk, 2016. – 244 s. (In Russ.).

UNATLOKOV V.Kh., ZHILETEZHEV Kh.Ch. *Etnospetsificheskoe i universal'noe v funktsional'noi paradigme leksemy «golova» v kabardino-cherkesskom i karachaevo-balkarskom yazykakh* [Ethnospecific and universal in the functional paradigm of the lexeme "head" in the Kabardino-Circassian and Karachay-Balkarian languages]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. – 2020. – № 2. – S. 71-77. (In Russ.).

## Сведения об авторах

Р.С. Аликаев – доктор филологических наук, профессор.

В.Х. Унатлоков – кандидат филологических наук, доцент.

## Information about the authors

R.S. Alikaev – Doctor of Sciences (Philology), professor.

V.Kh. Unatlov – candidate of sciences (Philology), associate professor

**Вклад авторов:** все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 11.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.



Научная статья  
УДК 81  
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-353-363  
EDN: ZEDWTS

## ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ТАМАДЫ В ЗАСТОЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Светлана Конакбиевна Башиева<sup>1</sup>, Марина Чашифовна Шогенова<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

<sup>1</sup> [bfo-pdo@mail.ru](mailto:bfo-pdo@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6562-9879>

<sup>2</sup> [shog-marina@yandex.ru](mailto:shog-marina@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4873-7795>

**Аннотация.** Проблема неразрывной связи языка и культуры представляет собой одну из значимых проблем в современных филологических исследованиях, что актуализирует понимание языковой личности как обобщенного типажа носителя этнического языка и этнической культуры, характеристика которого складывается из специфики мышления, речевого поведения, предпочтений эталонных (прототипических) культурных ценностей и нравственных норм.

В данной статье рассматриваются этнокультурные характеристики языковой личности тамады, когнитивный потенциал которой отражает систему мировоззренческого, философского и нравственного опыта этноса. Материал исследования дает основание определить такие маркеры языковой личности *тамады*, как готовность к созданию динамичной речи в структурированной коммуникации, избирательность в обращении к этнокультурным ценностям, способность к соблюдению главных принципов традиций, умение проявлять ораторское мастерство и лингвокреативность, стремление к сохранению когнитивных, прагматических и этических основ коммуникативной толерантности.

**Ключевые слова:** языковая личность, тамада, этнокультурные характеристики, этническая культура, благопожелания, этнодифференцирующие маркеры.

**Для цитирования:** Башиева С.К., Шогенова М.Ч. Этнокультурные характеристики языковой личности тамады в застольной коммуникации // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 353-363. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-353-363. EDN: ZEDWTS.

---

© Башиева С.К., Шогенова М.Ч., 2024

Original article

## ETHNOCULTURAL CHARACTERISTICS OF THE TOASTMASTER'S LINGUISTIC PERSONALITY IN TABLE COMMUNICATION

Svetlana K. Bashieva<sup>1</sup>, Marina Ch. Shogenova<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

<sup>1</sup> [bfo-pdo@mail.ru](mailto:bfo-pdo@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6562-9879>

<sup>2</sup> [shog-marina@yandex.ru](mailto:shog-marina@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4873-7795>

**Abstract.** The problem of the inseparable connection of language and culture is one of the significant problems in modern philological research, which actualizes the understanding of a linguistic personality as a generalized type of native speaker of an ethnic language and ethnic culture, the characteristic of which consists of the specifics of thinking, speech behavior, preferences of reference (prototypical) cultural values and moral norms. This article examines the ethnocultural characteristics of the linguistic personality of the toastmaster, whose cognitive potential reflects the system of ideological, philosophical, and moral experience of the ethnos. The research material provides a basis to identify such markers of the toastmaster's linguistic personality as readiness to create dynamic speech in structured communication, selectivity in addressing ethnocultural values, the ability to observe the main principles of traditions, the ability to demonstrate oratory and linguistic creativity, the desire to preserve the cognitive, pragmatic and ethical foundations of communicative tolerance.

**Keywords:** linguistic personality, toastmaster, ethnocultural characteristics, ethnic culture, benevolence, ethnodifferentiating markers.

**For citation:** Bashieva S.K., Shogenova M.Ch. Ethnocultural characteristics of the toastmaster's linguistic personality in table communication. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 353-363. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-353-363. EDN: ZEDWTS.

---

© Bashieva S.K., Shogenova M.Ch., 2024

Вопросы детерминации языка, личности и культуры, будучи объектами исследования многих современных дисциплин, актуальны в контексте значимости и ценности языка в его отношении именно к национальной культуре, так как в сознании личности представления об мире отражаются через призму специфики этнического восприятия, характера, традиций, обычаев, ценностно-познавательной системы, менталитета народа. Национальный язык и культура не только воплощают особенности этнического миропонимания, но и способствуют созданию уникального духовного опыта как средоточия творений культуры, проецирующей этническую платформу – показателя результата освоения и постижения окружающего мира сообществом. Взаимосвязь конкретной культуры и конкретного языка – это основа создания портрета, имиджа личности, формирования пространства ее бытия, шкалы жизненных ценностей. Такую личность обоснованно можно позиционировать как инвариантную «в масштабе самой личности, часть в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [Караулов 2007: 42], как культурно-языковую личность, создающую «особое интерактивное пространство своей жизнедеятельности – культуру и язык» [Зыкова 2014: 76–77], которая, безусловно, маркируется признаком этничности (национальности) как неотъемлемым свойством каждого человека.

В подобном контексте интерес для изучения представляет этнокультурная языковая личность, которая обладает когнитивной способностью и потребностью вербально выразить и утверждать результаты исторически сформированного духовного наследия и собственного восприятия мира сквозь призму его осмысления при помощи типичных и уникальных моделей познавательной деятельности человека. Несомненно, такой является личность тамады, мастера слова, оратора, жизненный опыт которого самобытен,

уникален, содержит богатый лингвистический материал, воплощающий и отражающий систему взглядов, устойчивых мотивов, особенностей поведения.

**Цель статьи** – рассмотреть этнокультурные характеристики языковой личности тамады как хранителя и выразителя ценностного потенциала этнокультурной традиции.

Методологической основой исследования является базовая идея Г.И. Богина о том, что языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1984: 1].

Слово «тамада» в лексикографических источниках определяется как «старшинство во время пира; распорядитель пира, пирушки» (от груз. *tamadoba*) [ТСРЯ 1996: 649], «распорядитель пира, застолья» [Ожегов, Шведова 1998: 788]. Очевидно то, что в них происхождение лексемы «тамада» связано с праздником, застольем. Действительно, существуют предположения, что тамаду во время проведения мероприятия позиционируют как человека, от действий которого зависит не только ход мероприятия, но и дальнейшее благополучие «виновников» торжества и участников коммуникации.

По утверждению В.И. Абаева, слово «тамада» «через ряд промежуточных отношений» заимствовано из персидского языка, восходит к лексеме *dāmād* ‘зять’, ‘жених’, что обусловлено «развитием значения», так как «на Кавказе жениху охотно поручают организационные и распорядительные хлопоты на пирушках («хочешь получить девушку – покажи, на что способен») [Абаев 1979: 227]. Интересными являются и изыскания Х.Ч. Жилетежева, В.Х. Унатлокова, по мнению которых этимология слова тамада «до конца не ясна», однако «слово *тхьэмадэ* легко делится на два адыгских слова *тхьэ* «бог» и *адэ* «отец», что играет значительную роль в определении этимологии этого слова» [Жилетежев, Унатлоков 2020: 126–127]. В карачаево-балкарском языке лексема *тамада/тамата* имеет следующие значения: 1) тамада (старший на торжестве); 2) руководитель, начальник, глава, старший; главный [Гузеев 2003: 177]. Р.Т. Хатуев отмечает, что «у карачаево-балкарцев бытовала административная должность *эл тамада/эл баишчы* (аульный староста, или старшина), правой рукой которого был *къагъытчы* (писарь)» [Хатуев 2012: 55].

Как видно, притязаний много, однако важно то, что каждый исследователь в толковании слова находит тесную связь с этнической культурой, древними традициями, этикетными нормами, о чем свидетельствует и то, что слово *тамата* встречается в нартском эпосе: «– *Ай, эмина кирсин сизни юйюгюзге, – деп чамланды бек таматалары...*– Ай, чтоб вас чума настигла, – сказав, рассердился самый старший» [Ахматова, Башиева, Кимов 2022: 50], репрезентировано в таких пословицах, как *таматаны кёп сагъышы, юч алгъышы* «у тамады много раздумий, три тоста»; *тамата болган тынчды, таматалыкъ этген кыйынды* «легко быть тамадой, но исполнять обязанности тамады нелегко»; *сыйда низам болмаса – тамадан кёр* «если за столом нет порядка – вини тамаду» [Ёзден адет 2005: 473].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что **актуальность** исследования языковой личности тамады обусловлена не только интересом

ученых к различным аспектам современной лингвоперсонологии, но и особенностями национальных традиций, безусловно, занимающих важное место в нравственном кодексе любого народа и влияющих на характер самовыражения личности.

Следует отметить, что в кавказском социуме весьма распространенной является тенденция именованья человека тамадой, как правило, старшего в роду, пользующегося непререкаемым авторитетом, хорошо разбирающегося в народной мудрости, владеющего этикетными нормами поведения, умеющего регулировать процесс общения. К примеру, в кабардинской культуре, согласно национальному этикету, при обращении к старшему человеку вместо имени нередко используют слово *тхэмадэ* как свидетельство уважения и почтения. С таким же нравственным посылом им называют мужчину в семье, чаще свёкра.

Что касается торжественного мероприятия, определяющими факторами при выборе тамады являются не столько его профессиональные качества и социальный статус, хотя и это важно, сколько возраст, мудрость, житейский опыт. Как правило, эта роль отводится языковой личности, владеющей в полной мере лингвокогнитивным потенциалом этнического коллектива, знающей условия и нормы общения. На вербально-семантическом уровне тамада должен обладать такими готовностями, как готовность осуществлять выбор слов, готовность к устной речи, готовность к монологическому выступлению, владеть темпом спонтанной речи. К ним необходимо добавить и то, что в условиях полиэтнического пространства компетенции тамады могут быть расширены, если в коммуникативное поле вовлечены представители хотя бы двух этнических групп, что является одной из распространенных тенденций современного застолья. Следовательно, лингвистические и культурные компетенции тамады предполагают реализацию обозначенных готовностей и на русском языке.

Характер протекания коммуникативного процесса, возглавляемого тамадой, зависит в значительной степени от его умений актуализировать лингвокультурные ценности и традиции для конкретной группы людей, совершать упорядоченные действия, эффективно реализовывать замысел организаторов мероприятия. Так, М.Ч. Кремшокалова отмечает, что «роль старшего (тамады) в застольной коммуникации не только кабардинцев, но и всех кавказских народов велика. На нем лежит ответственность воспитания (особенно речевого) *адыгагъэ* (адыгства), благодарения бога за его благодеяния, особенно за пищу, соблюдение всех правил приличия, уважительного отношения к другим, почитания старших в доме и в роду, правильной оценки происходящих событий, почтительного отношения к женщине-матери и хозяйке дома и т.д.» [Кремшокалова 2012: 227].

Тамада как личность, следует социальным нормам и правилам, унаследованным от предков, в соответствии с которыми во многом определяются коммуникативные намерения, стиль и характер общения мероприятия. Он в силу своих возрастных и индивидуально-психологических особенностей придает мероприятию позитивную тональность, транслирует наиболее важные для социума установки, выстраивает иерархическую систему благопожеланий, актуализирующую тему торжества. Отметим в этом контексте

также и то, что в коммуникативной практике этнического коллектива тосты занимают важное место именно в застольном этикете как своеобразной школе сохранения традиционной речевой культуры, в которой носителем намыса – нравственности, уважительного отношения к окружающим – является именно тамада [Габуниа, Башиева 1993: 61]. В этих целях он использует специальные языковые средства как этнодифференцирующие маркеры, при помощи которых создается оптативный речевой акт, отражающий цель, содержание и речевую регламентацию ритуального общения. Например, интересен такой факт: в древнем карачаево-балкарском застольном этикете сохранились девять обязательных тостов на больших торжествах (свадьба, юбилей), от пяти до семи – на маленьких торжествах, в соответствии с которыми каждая чаша со слабо алкогольным напитком бозой имеет свою номинацию: 1) толу аякъ «полная чаша», 2) къонакъ аякъ (гостевая чаша), 3) улан (нёгер) аякъ «чаша друга», 4) жора аякъ «чаша посвящения»; 5) алтын аякъ «золотая чаша»; 6) эрлик аякъ «чаша мужества», 7) берекет аякъ «чаша изобилия», 8) эсен аякъ «чаша здоровья»; 9) атланган аякъ «дорожная (стременная) чаша» [Ёзден адет 2005: 408–409].

Согласно этнической культуре, застолье открывает тамада. Его вступительная речь конструируется в соответствии с общепринятыми канонами эпидейктического жанра риторики, включающими приветствие гостей, проявление внимания к делам в семье, роду, уважение к старшим, благодарность за то, что гости разделяют радостное событие и т.п. Для этого тамада использует клишированные благопожелания. Например, на кабардинских и балкарских торжествах он обращается к гостям со словами «Фыкъеблагъэ... фыкъызырыкIуам нэхъ гугъу Алыхьым къывимытIэ» (каб.) – «Добро пожаловать..., пусть самым трудным в вашей жизни будет сегодняшней приход...»; «Дауэ фыщытхэ? Дауэрэ фыкъэкъэкIуа? ФыкъыздикIахэри дауэ щытхэ? Фи нэхъыжьыфIхэри сыв хуэдэ?» (каб.) – «Как дела? Как поживаете? Как доехали? Как ваши старшие?»; «Сау келигиз, жуукъ болугъуз» (балк.) – «Добро пожаловать, будьте нашими близкими»; «Келгенлени жоллары мамукъдан, жашаулары болсун зауукъдан...» (балк.) – «Пусть дорога пришедших будет мягкой (из ваты), а жизнь – благоприятной». В данной части застолья тамада выступает как человек, радушно, уважительно принимающий гостей, создающий доброжелательную атмосферу для присутствующих, так как именно на него возлагается большая ответственность за организацию и проведение подобной встречи. Проявить гостеприимство на высоком уровне – имиджевая (статусная) характеристика мероприятия, нравственная оценка рода, семьи, фамилии, что для кавказских народов является делом чести и достоинства. Примечательно то, что ответы гостей воспринимаются весьма трепетно, с вниманием и сопровождаются типичными речевыми формулами тамады, который желает им здоровья и долгих лет жизни: «Алыхьым фыгъэузыншэ», «Алыхьым фыгъэпсэу», «Сыту фIыт», «Алыхьым и фIыщIэщ» (каб.); «Аллах саулукъ-эсенлик берсин», «Аллах узакъ ёмюр берсин» (балк.) – «Дай Аллах здоровья!», «Пусть Аллах дарует длинный век!» и т.п. Подобное общение не только продуцирует позитивную информацию, но и

конструирует некое ментальное пространство, в котором каждое благопожелание, содержащее обращенность к Аллаху, должно отличаться максимальной информативностью, конкретностью, искренностью, что и заложено в благопожеланиях. Неслучайно балкарцы говорят: «*Ыразы болмай, алгыши этме*» (балк.) – «Не произноси благопожелание неискренно».

Ритуал приветствия сменяется началом застолья, открытием мероприятия тостом тамады, в котором репрезентирована характеристика мероприятия, благодарность гостям торжества, пожелание гостям, их семьям, родным и близким здоровья, долгих лет жизни и т.п., однако ключевым в подобной речевой ситуации становится обращение к Богу (Аллаху) (*тхьэлъэлу* – каб., *тилек* – балк.) в зависимости от цели ситуации общения. По мнению этнографа Б.Х. Бгажнокова, «...адыгские пожелания... можно подразделить на следующие разряды: 1) приветственные благопожелания, 2) прощальные благопожелания..., 3) событийные благопожелания, приуроченные к тому или иному событию в жизни реципиента (свадьба, рождение сына, продажа, покупка и т.д.)..., 4) благодарственные благопожелания..., 5) извинительные благопожелания...» [Бгажноков 1978: 111]. Тамада в своей речи использует практически все виды пожеланий – от приветствия до прощания – умело подбирает такие стандартные лексические единицы, которые не только тематически отражают характер ситуации, но и отличаются ярко выраженной национально-культурной семантикой. Полнота представления особенностей коммуникации во многом зависит от семантического разнообразия языковых единиц, используемых тамадой, степенью соответствия условиям, ситуации общения, умению языковой личности привлекать адекватные теме торжества речевые тактики. Так, при праздновании рождения ребенка лексический инвентарь включает на кабардинском языке в себя такие единицы, как: *сабий* – «ребенок», *псэбыдэ* – «крепкая душа», *насытыфIэ* – «счастливый», *гьащIэ кIыхь* – «долгая жизнь», *гьащIэ дахэ* – «красивая жизнь», благопожелания «*Адэ – анэм здригьэпIыж*» – «Пусть его воспитывают оба родителя», «*Хьейр Алыхьым фихьэгьэлягьу*» – «Пусть будет от него прок», «*ЦIэрылуэ Алыхьым ищI*» – «Пусть станет великим, известным», «*Льыщхэ Алыхьым ищI*» – «Пусть будет главным, старшим», «*Льэпкьыр зыгьэдэхэн, зэрыгушхуэн Алыхьым ищI*» – «Дай Аллах, чтобы украшал род, чтобы им гордился весь род» и т.п.; на балкарском языке – *сабий* – «ребенок», *жан* – «душа», *къызчыкъ* – «девочка», *жаишчыкъ* – «мальчик», *адам улу* – «человек»; «*Сюеклери къаты болсунла*» – «Пусть кости будут крепкими», «*Биз ёхтемленирча болсун*» – «Пусть станет таким, чтобы мы им гордились». На свадьбе ключевыми словами на кабардинском языке будут слова *лъэпкъ* – «род», *нэхьыжхэр* – «старшие», *унагьуэ* – «семья», *адэ-анэ* – «родители», *благьэ* – «родственники», *щауэ* – «парень», «жених», *нысащIэ* – «невеста», *намыс*, *хабзэ*, *пщIэ* – «уважение», «почтение», «достоинство» и т.д.; на балкарском языке – *той* – «свадьба», *тукъум* – «род», *келин* – «невеста», *киеу* – «жених» и *жангы жуукъла*, *жуукъ юлюш* – «новые родственники», *намыс*, *адет* – «кодекс чести» и т.д. Семантическую ценность ключевых лексических единиц подчеркивают такие кабардинские благопожелания, как: «*Зэблагьэ зэхуэмахуэ физдищI*» – «Пусть ваше родство будет крепким и счастливым»; «*ГуфIэгьуэ кIыхь Алыхьым фхуищI*» –

«Пусть станет это событие долгой радостью»; «*НасыныфIэ Алыхьым ищI*» – «Пусть вместе будут счастливы»; «*Жьы Алыхьым здищI*» – «Пусть вместе состарятся»; «*Кьуэбын ицэбын АлыхьымищI*» – «Пусть будет сто сыновей» и др.; балкарские благопожелания: «*Арбаз сабийден толсун*» – «Пусть двор заполнится детьми», «*Тогъуз атагъа деру айланыгъыз*» – «Живите до девятого поколения», «*Аллах сизни аман кёзден сакъласын*» – «Пусть Аллах уберезит вас от плохого глаза» и т.д.

Как видно из приведенных этикетных формул, независимо от тематической направленности события, все пожелания тамады концептуально подчинены нравственно-этическому кодексу, в котором воплощено доминирующее в сознании этноса понимание норм поведения, фундаментальные послы, хранящиеся в коллективной памяти и передающиеся из поколения в поколение. В таком контексте весьма убедительным представляются понятия *адыгство* кабардинского народа и *тау адет* карачаево-балкарского этноса. Слово *адыгагъэ* не имеет эквивалента в русском языке, определяется как «атрибуты адыгского этикета (человечность, благородство, учтивость, толерантность, гостеприимство и т.п.); *адыгагъэ ехын* (*кIэлъызехэн*) – оказать кому-либо внимание, гостеприимство; *адыгагъэ хэлъын* быть человечным, благородным, учтивым [Апажеев, Коков 2008: 19–20]. Что касается этического кодекса «Тау адет», по заключению М.Ч. Джуртубаева, в нем отражены многовековой опыт этическая система балкарского народа, ключевая мысль которой может быть передана в следующем виде: «*Воспитывай в себе и в своих детях чувство собственного достоинства. Никогда его не роняй, ни при каких обстоятельствах, и никогда не унижай другого. Будь скромн и тверд*» [Ёзден Адет 2005]. Следовательно, не случайно, тамада в своей речи часто употребляет фразы «*хабзэм тету...*», «*хабзэм теухуауэ...*» (каб.), *адетге кёре* (балк.) – «согласно обычаю», то есть все свои действия, в том числе и речевые, он подкрепляет нормами, правилами, традициями, зафиксированными в этнической культуре.

В процессе речевой коммуникации тамада уточняет, меняет тактику общения с участниками мероприятия, но при этом сохраняет последовательность реализации основных сегментов торжества, то есть адекватно моделирует ситуацию речевого общения. В этой связи можно говорить о том, что он оценивает происходящее как субъективно, так и объективно, принимает по ходу различные ситуативные решения, придает торжеству некий динамизм, что в определенной степени характеризует его лингвокреативный потенциал. При этом участники торжества, которым предоставляется тамадой слово, развивая высказанные пожелания, дополняют их собственным содержанием, сохраняя общую тональность: «*Кьууанып жашагъыз*» (балк.) – «Живите в радости», «*Кюнлеригиз хар замандада быллайла болсунла*» (балк.) – «Пусть все ваши дни будут такими, как сегодняшний» и т.д. В комплексе все благопожелания направлены на эффективную коммуникацию сторон в рамках допустимых норм речевого поведения и канонов ритуального дискурса.

Стратегия общения тамады с участниками торжества опирается на коллективный и индивидуальный опыт, знание этнической картины мира,

владение информацией о ценностных ориентирах социума. Главная цель тамады – сконцентрировать внимание присутствующих на значимости торжества, поэтому он в свою речь делает вкрапления, которые обусловлены спецификой национальной концептуальной картины мира, например: «*Бу кьууанч миллетибизге уллу кьууанчды, нек десегиз, бюгюн энтда бир жангы юйюр кьуралады*» (балк.) – «Это торжество – большая радость для всего нашего народа, так как сегодня создается еще одна семья»; «*Аллах миллетибизге энтда кеп жан кьошсун*» (балк.) – «Пусть Аллах прибавит нашему этносу много душ (детей)» и т.д. А это предопределяет создание различных метафорических моделей, наиболее яркие из которых как оригинальные речевые продукты становятся достоянием не только отдельных личностей, но и публичной коммуникативной сферы этнического коллектива, передаются из поколения в поколение, эффективно используются при интерактивном взаимодействии адресанта и адресата, то есть входят в вербальную деятельность людей как обязательные компоненты. Среди них можно отметить такие пожелания, которые, казалось бы, устарели, но тем не менее не потеряли свою актуальность, например, «*Келин алгьа таякьчы тапсын, артда таракьчы тапсын*» (балк.) – «Пусть невестка сначала родит пастуха, потом чесальщицу шерсти», то есть сначала сына, потом – дочь.

Важной составляющей застольного этикета является завершение тамадой торжества, которое сопровождается такими благопожеланиями, как «*Аллах сизге жол жол берсин*» (балк.) – «Пусть Аллах откроет перед вами дорогу»; «*Кьонакьгьа келучюле болугьуз хар замандада*» (балк.) – «приезжайте всегда только в гости»; «*Фежьэжми, гьуэгу махуэ! Сыхьэтым я нэхьыфИым Алыхьым фыхуишэж, Узынишэу Алыхьым фынигьэсыж!*» (каб.) – «Счастливого пути!», «В добрый час!», «Дай Аллах, чтобы вы вернулись домой живыми и здоровыми!» и т.п., которые дополняют комплекс вербальных средств, реализуемых языковой личностью с помощью клишированных, ситуативно связанных между собой стратегий общения, направленных на реализацию соционормативного, этнокультурного, когнитивного, аксиологического компонентов коммуникативного процесса членов этнического коллектива. Следует отметить то, что ими индивид овладевает в процессе формирования лингвокогнитивного, прагматического уровней структуры языковой личности. Их выбор обусловлен ситуацией, традициями, ценностными установками собеседников, которым могут быть отведены роли говорящего и слушающего. Высшим критерием оценки достижения коммуникантами целевой установки являются такие признаки застолья, как речевая культура, модальность, толерантность, этичность, скромность, независимость от ранга участника мероприятия.

В целом, этнокультурные характеристики языковой личности тамады в застольном этикете включают в себя такие важные концептуальные признаки, как долголетие этноса, физическое и нравственное здоровье, уважение человека, благополучное будущее, счастье, радость и т.д. Они обусловлены относительной свободой выбора языковых средств, прагматической направленностью события, высокой этикетностью, объективируемой до



определенной степени речевыми клише. Облигаторными маркерами, обуславливающими ее полифункциональность, являются 1) динамичность, детерминированная временной ограниченностью ситуации, в которой актуализируется статус тамады; 2) избирательность при обращении к этнокультурным ценностям, репродуцировании и использовании доминантных, наиболее важных этнических символов (обрядов, фольклорных текстов, например, песен, фрагментов из легенд и т.д.), транслирующих гостям элементы мировосприятия и миропонимания кабардинцев и балкарцев, которые в определенной степени придают событию этнокультурную идентичность; 3) индивидуальность, выражающаяся в ценностном наполнении текста, адаптации обрядов к модернизированному современному сценарию свадьбы; 4) способность к языковой игре; 5) умение давать оценку событию; 6) выход за пределы межэтнического пространства при интернациональном характере состава гостей, чтобы избежать культурной изоляции участников торжества, объединенном временно темой встречи.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1979 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. S–T. – Ленинград: Наука, 1979. – 358 с.
- Апажев, Коков 2008 – *Апажев М.Л., Коков Дж.Н.* Кабардино-черкесский-русский словарь. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 704 с.
- Ахматова, Башиева, Кимов 2022 – *Ахматова М.А., Башиева С.К., Кимов Р.С.* Особенности репрезентации мира в разных лингвокультурах: монография. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2022. – 139 с.
- Бгажноков 1978 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 162 с.
- Богин 1984 – *Богин Г.И.* Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. докт. филол. наук. – Ленинград, 1984. – 33 с.
- Габуниа, Башиева 1993 – *Габуниа З.М., Башиева С.К.* Риторика как часть традиционной культуры. – Нальчик: «ЭЛЬ-ФА», 1993. – 88 с.
- Гузеев 2003 – *Гузеев Ж.М.* Балкарско-русский школьный словарь. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 238 с.
- Ёзден Адет 2005 – *Ёзден Адет:* Этический кодекс карачаево-балкарского народа/ Сост., предисловие и комментарий М.Ч. Джуртубаева. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 576 с.
- Жилетежев, Унатлоков 2020 – *Жилетежев Х.Ч., Унатлоков В.Х.* Семантические изменения общественно-политических лексем в кабардино-черкесском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. – С. 125–128.
- Зыкова 2014 – *Зыкова И.В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – 510 с.
- Караулов 2007 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.
- Кремшокалова 2012 – *Кремшокалова М.Ч.* Благопожелание (хох) как жанр речи в кабардино-черкесском языке// Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Т. 1. № 2. – 2012. – 223–232.
- Ожегов, Шведова 1998 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.
- ТСРЯ 1996 – *Толковый словарь русского языка:* В 4 т. Т.4 / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 752 с.
- Хатуев 2012 – *Хатуев Р.Т.* Карачаево-балкарская символика. Опыт этнической семиотики / Серия «Библиотека краеведа». – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2012. – 89 с.

## REFERENCES

- ABAEV V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. T. 3. S–T. – Leningrad: Nauka, 1979. – 358 p. (In Russ.).
- APAZHEV M.L., KOKOV DZh.N. *Kabardino-cherkesskii-russkii slovar'* [Kabardino-Circassian-Russian dictionary]. – Nal'chik: El'brus, 2008. – 704 p. (In Russ.).
- AKhMATOVA M.A., BASHIEVA S.K., KIMOV R.S. *Osobennosti reprezentatsii mira v raznykh lingvokul'turakh: monografiya* [Features of the representation of the world in different linguistic cultures]. – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2022. – 139 p. (In Russ.).
- BGAZHOKOV B.Kh. *Adygskaia etiketa* [Adyghe etiquette]. – Nal'chik: El'brus, 1978. – 162 p. (In Russ.).
- BOGIN G.I. *Model' yazykovoii lichnosti v ee otnoshenii k raznoobraziiy tekstv* [The model of the linguistic personality in its relation to the varieties of texts]: avtoref. dis. dokt. filol. nauk. – Leningrad, 1984. – 33 p. (In Russ.).
- GABUNIA Z.M., BASHIEVA S.K. *Ritorika kak chast' traditsionnoi kul'tury* [Rhetoric as a part of traditional culture]. – Nal'chik: «EL"-FA», 1993. – 88 p. (In Russ.).
- GUZEEV Zh.M. *Balkarsko-russkii shkol'nyi slovar'* [Balkar-Russian school dictionary]. – Nal'chik: El'brus, 2003. – 238 p. (In Russ.).
- Ezden Adet: Eticheskii kodeks karachaevo-balkarskogo naroda* [Ezden Adet: The Ethical Code of the Karachay-Balkar people] / Sost., predislavie i kommentarii M.Ch. Dzhurtubaeva. – Nal'chik: El'brus, 2005. – 576 p. (In Russ.).
- ZHILETEZHEV Kh.Ch., UNATLOKOV V.Kh. *Semanticheskie izmeneniya obshchestvenno-politicheskikh leksem v kabardino-cherkesskom yazyke* [Semantic changes of socio-political lexemes in the Kabardino-Circassian language]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – Tambov: Gramota, 2020. Tom 13. Vypusk 3. – P. 125–128. (In Russ.).
- ZYKOVA I.V. *Rol' kontseptsfer yazyka v formirovaniy frazeologizmov kak kul'turno-yazykovykh znakov* [The role of the conceptual sphere of culture in the formation of phraseological units as cultural and linguistic signs]: diss. ... dokt. filol. nauk. – M., 2014. – 510 p. (In Russ.).
- KARAULOV Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. – 264 p. (In Russ.).
- KREMSHOKALOVA M.Ch. *Blagopozhelanie (hoh) kak zhanr rechi v kabardino-cherkesskom yazyke* [Benevolence (hoh) as a genre of speech in the Kabardino-Circassian language]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. – T. 1. № 2. – 2012. – P. 223–232. (In Russ.).
- OZHEGOV S.I., SHVEDOVA N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. – M.: Azbukovnik, 1998. – 944 p. (In Russ.).
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]: V 4 t. T.4 / Pod red. prof. D. Ushakova. – M.: TERRA, 1996. – 752 p. (In Russ.).
- KhATUEV R.T. *Karachaevo-balkarskaya simbolika. Opyt etnicheskoi semiotiki* [Karachay-Balkar symbols. The experience of ethnic semiotics] / Seriya «Biblioteka kraevedy». – Cherkessk: IKO «Alanskii Ermitazh», 2012. – 89 p. (In Russ.).

**Сведения об авторах**

С.К. Башиева – доктор филологических наук, профессор.

М.Ч. Шогенова – кандидат филологических наук, доцент.

**Information about the authors**

S.K. Bashieva – Doctor of Sciences (Philology), professor.

M.Ch. Shogenova – candidate of sciences (Philology), associate professor

**Вклад авторов:** все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.

## **ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ**

Рецензия на книгу

УДК 94(47).07

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-364-370

EDN: ZGGHMF

### **РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ «ШЕЙХ МАНСУР В МАТЕРИАЛАХ КИЗЛЯРСКОГО И МОЗДОКСКОГО КОМЕНДАНТСКИХ АРХИВОВ: СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ / ВЫЯВЛЕНИЕ, АРХЕОГРАФИЧ. ОБРАБОТКА, ПРЕДИСЛ., ВСТУП. СТ., КОММЕНТ., УКАЗАТЕЛИ С.Б. МАНЫШЕВА. – М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО «КУЧКОВО ПОЛЕ»: ИКС-ХИСТОРИ, 2022. – 464 С.»**

**Дмитрий Владиславович Овсянников**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,  
Россия, [d.ovsiannikov@spbu.ru](mailto:d.ovsiannikov@spbu.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1626-0678>

**Аннотация.** Представлен анализ сборника документов и материалов, составленных С.Б. Манышевым «Шейх Мансур в материалах кизлярского и моздокского комендантских архивов», изданного в Москве в 2022 году. Рецензентом дается характеристика как самой подборке документов, так и концептуальным статьям, предваряющим документальную часть. Историографические очерк и обзор истории русско-чеченских отношений в контексте движения под руководством Мансура на Кавказе являются важными с точки зрения фиксации состояния современной исторической науки по данному вопросу. Археографическое предисловие также вводит читателя в курс истории формирования архивных фондов и проблемы их сохранности. Рецензентом отмечается высокое качество сборника и профессионализм автора-составителя.

**Ключевые слова:** Сборник документов, рецензия, чеченцы, Мансур, Российская империя, комендантский архив, Кавказская война

**Для цитирования:** Овсянников Д.В. Рецензия на сборник документов «Шейх Мансур в материалах кизлярского и моздокского комендантских архивов: сборник документов / выявление, археографич. обработка, предисл., вступ. ст., коммент., указатели С.Б. Манышева. – М.: Издательство «Кучково поле»: ИКС-ХИСТОРИ, 2022. – 464 с.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 364-370. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-364-370. EDN: ZGGHMF.

---

© Овсянников Д.В., 2024

Book Review

### **REVIEW OF THE COLLECTION OF DOCUMENTS «SHEIKH MANSOUR IN THE MATERIALS OF THE KIZLYAR AND MOZDOK COMMANDANT ARCHIVES: A COLLECTION OF DOCUMENTS / IDENTIFICATION, ARCHEOGRAPHIC. PROCESSING, PREFACE, INTRODUCTORY ARTICLE,**

**COMMENT., INDEXES BY S.B. MANYSHEV. – M.: PUBLISHING HOUSE "KUCHKOVO FIELD": X-HISTORY, 2022. – 464 P.»****Dmitry V. Ovsyannikov**St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, [d.ovsiannikov@spbu.ru](mailto:d.ovsiannikov@spbu.ru),  
<https://orcid.org/0000-0003-1626-0678>

**Abstract.** The study of the collection of papers and materials gathered by S.B. Manyshev "Sheikh Mansur in the materials of the Kizlyar and Mozdok commandant archives" published in Moscow in 2022 is provided. The reviewer describes both the document selection process and the conceptual pieces that come before the documentary component. A historiographical essay and examination of the history of Russian-Chechen relations in the framework of Mansur's Caucasus movement are critical for determining the current condition of modern historical research on this topic. The archaeographical prelude also informs the reader about the history of archive finances and the challenges of their maintenance. The reviewer praises the collection's high quality and the author-compiler's abilities.

**Keywords:** Collection of documents, review, Chechens, Mansur, Russian Empire, commandant's archive, Caucasian War

**For citation:** Ovsjannikov D.V. Review of the collection of documents «Sheikh Mansour in the materials of the Kizlyar and Mozdok commandant archives: a collection of documents / identification, archeographic. processing, preface, introductory article, comment., indexes by S.B. Manyshev. – M.: Publishing house "Kuchkovo field": X-HISTORY, 2022. – 464 p.». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 364-370. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-364-370. EDN: ZGGHMF.

---

© Ovsjannikov D.V., 2024

История русско-чеченских отношений полна драматических сюжетов. Poleмика вокруг комплекса проблем, связанных с «вхождением» («присоединением»/«покорением») чеченцев и других народов Северного Кавказа в состав Российской, нередко выходит за рамки строгой научности и приобретает эмоциональную окраску. Это лишний раз демонстрирует неизжитую актуальность исследований на данную тему. В то же время существует запрос на объективность и соблюдение академичности в новейших изысканиях по данной проблематике.

В отечественной исторической науке были сформулированы ряд концепций, которые подвели русско-чеченские отношения под тот или иной знаменатель. Идею о «цивилизаторской миссии» Российской империи по отношению к национальным окраинам (включая Кавказ и Чечню, в частности) сменило воспевание «народно-освободительной борьбы» горцев как предтечи Октября. С 1970-х гг. возобладала концепция «добровольного вхождения» чеченцев и других народов Кавказа в состав России, на смену которой пришла перелицованная в мрачные тона контридея о перманентности «400-летнего» чеченского сопротивления под знаменами ислама «барабанному просвещению», которое несла отважным горцам «крепостническая», «колониальная» «тюрьма народов».

При этом стоит отметить, что по сравнению с объемом работ о «Кавказской войне» или «войнах» XIX в., включая деятельность имама Шамиля, кратно меньше работ, посвященных XVIII в., в том числе движению под руководством

Мансура. Объективной сложностью, объясняющей подобную диспропорцию, является степень доступности и возможность прочтения имеющегося в российских архивах корпуса источников по данному периоду.

Новая фундаментальная работа, составленная опытным специалистом по публикации источников по истории Кавказа С.Б. Манышевым, продолжает отечественную историографию данной проблемы и восполняет существенный пробел в источниковой базе о движении Мансура [Шейх Мансур... 2022].

В качестве предисловия автор-составитель сборника предлагает вниманию читателей историографический опус «Шейх Мансур в зеркале свидетельств современников и исторических исследователей». Это концептуально важная статья, фиксирующая состояние изученности проблематики, связанной с Мансуром на сегодняшний день. Из последних обобщающих работ по этой теме следует упомянуть статью ныне покойного и наиболее авторитетного специалиста по истории движения Мансура Шарпуди Бачуевича Ахмадова [Ахмадов, 2008]. Однако если последний сосредоточил свое внимание на современной отечественной историографии вопроса, то С.Б. Манышев свел большой по объему и смысловым концепциям материал, который нашел продолжение в последующих публикациях автора [Манышев, 2023]. Хотелось бы обратить особое внимание на обзор трудов, авторами которых являются представители послереволюционной кавказской эмиграции. С академической точки зрения эти работы выходят за рамки научных критериев. Ряд деятелей эмиграции поддержали Третий Рейх и агрессию против СССР, а их опусы являют пример апологетики Мансура и изобилуют антироссийской и антисоветской риторикой. Однако, именно эта предвзятость и интересна для современного исследователя, поскольку многие мифологемы и идейно заданные клише были воспроизведены в региональной позднесоветской и постсоветской отечественной историографии без должной критики.

Следующая за предисловием статья «Империя, Чечня, Мансур» призвана, пусть и пунктирно, ввести читателя в курс русско-чеченских отношений, начало которых фиксируется исследователями в конце XVI в. и продемонстрировать то место, которое движение Мансура занимает в этом событийном ряду. Отметим, что количество сведений, фиксируемых в различных источниках, неуклонно возрастает по мере приближения к современности. Сведения о событиях XVI-XVII вв., собранные в свое время Е.Н. Кушевой, объективно несут на себе отпечаток отрывочности по причине хронологической удаленности [Кушева, 1997]. С 1730-х гг., когда устанавливаются стабильные торгово-экономические связи между русскими и горцами Чечни, сбор сведений приобретает систематическую основу. С момента постройки русской крепости Кизляр в 1735 г. через коменданта последней стал проходить основной объем информации по процессам в регионе, который фиксировался канцелярскими чинами. С.Б. Манышев выделяет наиболее важные из этих процессов: переселение чеченцев на плоскость и борьба их с владельцами равнин. Российская империя, принявшая большинство кавказских аристократов-владельцев под свою державную руку, неизбежно втягивалась в противостояния, которое кардинальным образом отличалось от европейского формата войн. В конце XVIII в. рус-

ская армия еще не изжила стратагеми «кордонных линий» и «решающего сражения», о чем в свое время доказательно писал современный историк В.В. Лапин [подробнее см.: Лапин, 2008].

Одним из важных вопросов в движении под руководством Мансура (как и в движении за газават и шариат под руководством трех имамов в XIX в.) является роль ислама. Делая тезисный обзор исламизации чеченских обществ С.Б. Манышев, акцентирует внимание на синкретичности ислама у чеченцев в конце XVIII в. Из этого логически следует, что попытки включать Мансура и противостояние горцев России в этот период в череду исламского сопротивления («The Revolt of Islam») «колониальным империям» выглядит несколько натянутым [подробнее см.: Keddie, 1994]. Рецензия не повод для самопрезентации, но все-таки обращусь к нашей статье, где мы в свое время постарались показать специфику мусульманского социума на Кавказе и то влияние на общественные процессы, которое оказывала корпорация исламских ученых (кадиев и мулл), которые условно разделились на сторонников Мансура и его оппонентов [подробнее см.: Овсянников, 2019].

Последней из предваряющих публикуемые документы частей является археографическое предисловие. Оно содержит весьма важную информацию, демонстрирующую высокий уровень профессионализма автора-составителя. Начинается предисловие с ретроспективного обзора истории публикации документов о Мансуре и его движении. Описываются инициативы, начиная с екатеринославских времен до современности. Далее автор освещает процесс формирования фондов кизлярского и моздокского комендантов, историю кодификации и утери части материалов, в связи с перевозом документации и надлежащими условиями хранения. В итоге моздокский фонд попал в Тифлис. Позднее из-за угрозы близости кавказского фронта Первой мировой войны архивные материалы были эвакуированы на Северный Кавказ и рассредоточены по хранилищам Ставрополя, Екатеринодара и ст. Лабинской. Только в 1923 г. документы вновь были водворены в Тифлис, в нынешний Центральный исторический архив Грузии. Завершается предисловие сведениями по истории разбора этих фондов, потребовавших огромных усилий и времени – полтора десятилетия (с начала 1880-х до 1896 гг.).

Основной объем книги занимают 290 документов, из которых лишь 33 в той или иной мере (частично или полностью) публиковались ранее. Этот солидный корпус первоисточников был извлечен С.Б. Манышевым из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД) Ф. 379 «Кизлярский окружной начальник Терской области» и Центрального исторического архива Грузии Ф. 1007 «Управление моздокского коменданта». Собранные автором сведения представляют служебную переписку кизлярского и моздокского комендантов с вышестоящими чинами (рапорты и отношения), корреспонденцию кизлярского коменданта и кавказских князей-владельцев, а также сведения лояльных русской военной администрации на Кавказе лазутчиков, сконцентрированные вокруг личности чеченского предводителя Мансура. Представленные документы написаны на русском языке, причем часть из них переведены с арабского и тюрки.

Документы составлены в хронологическом порядке и охватывают период с 9 марта 1785 по 5 июля 1791 гг.: с первых сведений о появлении в селении Алды «лжеца и обманщика» Мансура по момент пленения Мансура при взятии Анапы. Наблюдается неравномерность в объеме информации по разным годам указанного периода. Так на 1785 г. выпадает наибольшее число документов (189 из 290), что обусловлено объективной близостью Кизляра и Моздока к эпицентру движения под руководством Мансура в плоскостной Чечне. Позднее, когда Мансур ушел со своими сторонниками в черкесские земли, то его персоналия фактически исчезла из переписки комендантов, однако автор-составитель умело дополнил сборник документами, соотносящимися с деятельностью Мансура косвенно. Однако эти материалы важны для понимания политической обстановки в регионе в контексте русско-турецкой войны 1787-1791 гг. На 1791 же год выпадает лишь один (последний) документ о взятии в плен Мансура.

Документы сопровождаются комментариями, которые содержат важные справочные сведения по топонимике, этнонимике, биографиям исторических персоналий, терминологии и пр. Подобный опыт комментирования успешно был апробирован автором-составителем при публикации иных архивных материалов [Маньшев, 2015; Маньшев, 2017; Маньшев, 2018; Маньшев, 2020; Маньшев, 2021].

Объективность и взвешенность оценок, выверенный и современный понятийный аппарат автора для описания сложных общественных и военно-политических процессов в регионе (при этом свободный от излишних заимствований зарубежной социолого-антропологической мысли) является сильной стороной труда С.Б. Маньшева.

Сборник содержит ценные и важные материалы и сведения, львиная доля из которых впервые вводится в научный оборот. Опубликованная работа лишний раз показывает, что эпоха присоединения Кавказа к Российской империи и личности таких деятелей, как Ушурма-Мансур, требуют дальнейшего научного изыскания.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Keddie 1994 – *Keddie N.R. The revolt of Islam, 1700 to 1993: Comparative Considerations and Relations to Imperialism // Society of Comparative Study of Society and History. – 1994. – Vol. 36. – No. 3. – P. 463-487. (in English).*

Ахмадов 2008 – *Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур и народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе в 1785-1791 гг. в новейшей отечественной историографии // Вестник Академии Наук Чеченской Республики. – 2008. – № 2. – Т. 2. – С. 4-35.*

Кушева 1997 – *Русско-чеченские отношения: вторая половина XVI-XVII в.: сборник документов. Сост. Е.Н. Кушева. – М.: «Восточная литература», 1997. – 415 с.*

Лапин 2008 – *Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: «Европейский Дом», 2008. – 396 с.*

Маньшев 2015 – *Маньшев С.Б. «Шамиль в настоящее время неограниченный властелин и деспот покорных ему племен». (Записки Д.В. Пассека об имамате Шамиля, 1843 г.) // Кавказский сборник. – Т. 9 (41). – М.: «Русская панорама», 2015. – С. 194-206.*

Маньшев 2017 – *Маньшев С.Б. «Мы заставим их покориться и вполне признать владычество наше навеки». Проект генерала-майора К.К. Фези по покорению Левого фланга*



Кавказской линии, 1837 г. // Кавказский сборник. – Т. 10 (42). – М.: «Аспект-Пресс», 2017. – С. 288-292.

Манышев 2018 – Манышев С.Б. «Мы не должны с горцами бороться, но должны твердо подвигаться к цели...». (Из «Записки о Кавказе» А.И. Менде, 1841 г.) // Новое прошлое. – 2018. – № 3. – С. 224-248.

Манышев 2020 – Манышев С.Б. «Для обращения горца к вере Христовой умственного убеждения нельзя почти употреблять...». (Проект экзарха Грузии Евсевия по христианизации горцев Кавказа, 1859 г.) // Кавказский сборник. – Т. 12 (44). – М.: «Аспект-Пресс», 2020. – С. 104-132.

Манышев 2021 – Манышев С.Б. Чеченцы, набеги и аманаты: один сюжет из истории Северного Кавказа середины XVIII века // Кавказский сборник. – Т. 13 (45). – М.: «Аспект-Пресс», 2021. – С. 94-110.

Манышев 2023 – Манышев С.Б. От «лжепророка» до итальянского монаха - шейх Мансур в русской историографии XIX - н. XX вв. // Ориенталистика. – 2023. – Т. 6. – №1. – С. 9-23.

Овсянников 2019 – Овсянников Д.В. К вопросу о поддержке мусульманскими учеными Кавказа движения за газават под руководством шейха Мансура // Былые годы. – 2019. – Т. 51. – № 1. – С. 1092-1100.

Шейх Мансур... 2022 – Шейх Мансур Шейх Мансур в материалах кизлярского и моздокского комендантских архивов: сборник документов / выявление, археографич. обработка, предисл., вступ. ст., коммент., указатели С.Б. Манышева. – М.: Издательство «Кучково поле»: ИКС-ИСТОРИИ, 2022. – 464 с.

## REFERENCES

AKHMADOV SH.B. *Imam Mansur i narodno-osvoboditel'noe dvizhenie v Chechne i na Severnom Kavkaze v 1785-1791 gg. v novejshej otechestvennoj istoriografii*. [Imam Mansur and the people's liberation movement in Chechnya and the North Caucasus in 1785-1791 in the latest domestic historiography] In: Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. – 2008. – No. 2. – Vol. 2. – Pp. 4-35 (in Russ.).

KUSHEVA E.N. *Russko-chechenskie otnosheniya: vtoraya polovina XVI-XVII v.: sbornik dokumentov*. [Russian-Chechen relations: second half of the 16th-17th centuries: collection of documents]. Comp. E. N. Kusheva. – М.: «Vostochnaya literatura», 1997. – 415 p. (in Russ.).

LAPIN V.V. *Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII-XIX vv.* [The Russian Army in the Caucasian War of the XVIII-XIX centuries]. – SPb.: «Evropejskij Dom», 2008. – 396 p. (in Russ.).

MANYSHEV S.B. «*Shamil` v nastoyashhee vremya neogranichennyj vlastelin i despot pokornyx emu plemen*». (*Zapiski D.V. Passeka ob imamate Shamilya, 1843 g.*). [«Shamil is currently the unlimited ruler and despot of the tribes subject to him». (Notes of D.V. Passek about the Imamate of Shamil, 1843)]. In: Caucasian collection. – Vol. 9 (41). – М.: «Russkaya Panorama», 2015. – Pp. 194-206. (in Russ.).

MANYSHEV S.B. «*My` zastavim ix pokorit'sya i vpolne priznat` vladychestvo nashe naveki*». *Proekt generala-majora K.K. Fezi po pokoreniyu Levogo flanga Kavkazskoj linii, 1837 g.* [«We will force them to submit and fully recognize our dominion forever». Project of Major General K.K. Fezi on the conquest of the Left flank of the Caucasian line, 1837]. In: Caucasian collection. – Vol. 10 (42). – М.: «Aspect-Press», 2017. – Pp. 288-292 (in Russ.).

MANYSHEV S.B. «*My` ne dolzhny` s gorczami borot'sya, no dolzhny` tverdo podvigat'sya k celi...*». (*Iz «Zapiski o Kavkaze» A.I. Mende, 1841 g.*). [«We should not fight the mountaineers, but we should firmly move towards the goal...» (From «Notes on the Caucasus» by A.I. Mende, 1841)]. In: New past. – 2018. – No. 3. – Pp. 224-248 (in Russ.).

MANYSHEV S.B. «*Dlya obrashheniya gorcza k vere Xristovoj umstvennogo ubezhdeniya nel'zya pochti upotrebyat`...*». (*Proekt e'kzarxa Gruzii Evseviya po xristianizacii gorcev Kavkaza, 1859 g.*). [«To convert a mountaineer to the faith of Christ, one cannot almost use mental persuasion...». (Project of the Exarch of Georgia Eusebius on the Christianization of the Caucasian high-

landers, 1859)]. In: Caucasian collection. – Vol. 12 (44). – М.: «Aspect-Press», 2020. – Pp. 104-132. (in Russ.).

MANYSHEV S.B. *Chechency, nabegi i amanaty` : odin syuzhet iz istorii Severnogo Kavkaza serediny` XVIII veka.* [Chechens, raids and amanats: one story from the history of the North Caucasus of the mid-18th century]. In: Caucasian collection. – Vol. 13 (45). – М.: «Aspect-Press», 2021. – Pp. 94-110 (in Russ.).

MANYSHEV S.B. *Ot «Izheproroka» do ital`yanskogo monaha - shejh Mansur v russkoj istoriografii XIX - n. XX vv.* [From the «false prophet» to the Italian monk - Sheikh Mansur in Russian historiography of the XIX – early XX centuries]. In: Oriental studies. – 2023. – Vol. 6. – No. 1. – Pp. 9-23 (in Russ.).

OVSJANNIKOV D.V. *K voprosu o podderzhke musul`manskimi ucheny`mi Kavkaza dvizheniya za gazavat pod rukovodstvom shejxa Mansura.* [To the Issue of the support by Islamic divines of Caucasus movement for the Gazavat under leadership of Sheikh Mansur] In: Bylye Gody. – 2019. – Vol. 51. – No. 1. – Pp. 1092-1100 (in Russ.).

*Sheikh Mansur Sheikh Mansur v materialakh kizlyarskogo i mozdokskogo komendantskikh arkhivov: sbornik dokumentov / vyyavlenie, arkhografich. obrabotka, predisl., vstup. st., komment., ukazateli S.B. Manysheva* [Sheikh Mansour in the materials of the Kizlyar and Mozdok commandant archives: a collection of documents / identification, archeographic. processing, preface, introduction, commentary, indexes by S.B. Manyshev]. – М.: Izdatel'stvo «Kuchkovo pole»: IKS-KHISTORI, 2022. – 464 p. (in Russ.).

#### **Информация об авторах**

Д.В. Овсянников – кандидат исторических наук.

#### **Information about the author**

D.V. Ovsyannikov – Candidate of Science (History).

Рецензия поступила в редакцию 10.01.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The review was submitted 10.01.2024; accepted for publication 27.03.2024.

## Наши авторы

**Абазова Марита Мухамедовна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [marita.abazova@yandex.ru](mailto:marita.abazova@yandex.ru)

**Аликаев Рашид Султанович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой и романской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [ralikaev@mail.ru](mailto:ralikaev@mail.ru)

**Анищенко Елена Александровна** – старший преподаватель института менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия; соискатель ученой степени кандидата наук Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [elen\\_anischenko@mail.ru](mailto:elen_anischenko@mail.ru)

**Аппоев Алим Каншауович** – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [appoev74@mail.ru](mailto:appoev74@mail.ru)

**Афаунова Анджела Анатольевна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [martazei@mail.ru](mailto:martazei@mail.ru)

**Ахматова Мариям Ахматовна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [mari.ahmatova@yandex.ru](mailto:mari.ahmatova@yandex.ru)

**Байчекуева Азинат Жамаловна** – заместитель директора по воспитательной работе института менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [baychekueva88@mail.ru](mailto:baychekueva88@mail.ru)

**Башиева Светлана Конакбиевна** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [bfo-pdo@mail.ru](mailto:bfo-pdo@mail.ru)

**Бижоев Борис Чамалович** – доктор филологических наук, заведующий сектором кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [bizhoviev1952@mail.ru](mailto:bizhoviev1952@mail.ru)

**Биттирова Тамара Шамсудиновна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [tbittir@mail.ru](mailto:tbittir@mail.ru)

**Бозиева Наима Борисовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [naimabozieva@mail.ru](mailto:naimabozieva@mail.ru)

**Жилетежев Хажисмель Чиляниевич** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [hazismel@mail.ru](mailto:hazismel@mail.ru)

**Загазежев Тимур Русланович** – младший научный сотрудник лаборатории «Цифровая археология» научно-инновационного центра «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [zygezezh@mail.ru](mailto:zygezezh@mail.ru)

**Кажарова Инна Анатольевна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [barsello@rambler.ru](mailto:barsello@rambler.ru)

**Кетенчиев Мусса Бахаутдинович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [ketchiev@mail.ru](mailto:ketchiev@mail.ru)

**Кузьминов Петр Абрамович** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [petrakis\\_hist@bk.ru](mailto:petrakis_hist@bk.ru)

**Кушхабиев Анзор Викторович** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [anzor-vk@mail.ru](mailto:anzor-vk@mail.ru)

**Мизиев Ахмат Магомедович** – доктор филологических наук, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [miz1967@mail.ru](mailto:miz1967@mail.ru)

**Мусуков Борис Абдулкеримович** – доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [kbigi@mail.ru](mailto:kbigi@mail.ru)

**Овсянников Дмитрий Владиславович** – кандидат исторических наук, доцент, доцент Института Истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: [d.ovsiannikov@spbu.ru](mailto:d.ovsiannikov@spbu.ru)

**Сулаберидзе Юрий Семенович** – кандидат исторических наук, приглашенный профессор Института кавказоведения Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия.

E-mail: [iuri.sulaberidze@mail.ru](mailto:iuri.sulaberidze@mail.ru)

**Суюнова Насипхан Хусиновна** – доктор филологических наук, доцент, заведующая отделом литературы народов КЧР Республиканского государственного бюджетного учреждения «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова», Черкесск, Россия; профессор кафедры карачаево-балкарской и ногайской филологии ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева», Карачаевск, Россия.

E-mail: [soyunen@yandex.ru](mailto:soyunen@yandex.ru)

**Тетуев Алим Инзрелович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [alim-tetuev@mail.ru](mailto:alim-tetuev@mail.ru)

**Тимижев Хамиша Тарканович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [timigev.ha@mail.ru](mailto:timigev.ha@mail.ru)

**Токмакова Мадина Хасанбиевна** – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [tokmak\\_madina\\_h@mail.ru](mailto:tokmak_madina_h@mail.ru)

**Узнародов Дмитрий Игоревич** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, лаборатория социологии федерального исследовательского центра «Южный научный центр РАН», Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: [uzn-dmitrij@yandex.ru](mailto:uzn-dmitrij@yandex.ru)

**Улаков Махти Зейтунович** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: [maxtti@mail.ru](mailto:maxtti@mail.ru)

**Унатлоков Вячеслав Хаутиевич** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [vunatlokov@mail.ru](mailto:vunatlokov@mail.ru)

**Хагажеев Мирбек Асланович** – соискатель ученой степени кандидата наук по кафедре истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [ma\\_khagazheev@mail.ru](mailto:ma_khagazheev@mail.ru)

**Хуболов Сахадин Магаметович** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [khubol@yandex.ru](mailto:khubol@yandex.ru)

**Хутежев Заудин Галиевич** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [zaudin-777@mail.ru](mailto:zaudin-777@mail.ru)

**Чапанов Ахмед Курейшевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», Москва, Россия.

E-mail: [ahmed.targimov@mail.ru](mailto:ahmed.targimov@mail.ru)

**Чочиев Георгий Витальевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра Российской академии наук, Владикавказ, Россия.

E-mail: [georg-choch@yandex.ru](mailto:georg-choch@yandex.ru)

**Шериева Алина Мусовна** – студент социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [sheer.alinna77@mail.ru](mailto:sheer.alinna77@mail.ru)

**Шогенова Марина Чашифовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: [shog-marina@yandex.ru](mailto:shog-marina@yandex.ru)

**Эркенова Фатимат Пахаратовна** – доктор филологических наук, заведующая отделом карачаево-балкарского и ногайского языков Карачаево-Черкесской Республики Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия.

E-mail: [rustam.semenov.1990@mail.ru](mailto:rustam.semenov.1990@mail.ru)

Электронный журнал  
«Кавказология»

Caucasology

№ 1 / 2024

**DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1**

Подписано к изданию:  
29.03.2024 г.